BEK
6-42

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

К. Ф. БЕККЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО,

ИЗДАННЫЙ

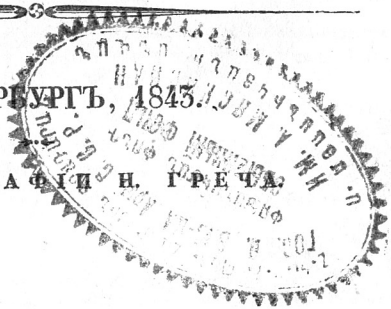
НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ.

БИБЛІОТЕКА ЭРИВАНСКОЙ ГИМНАЗІИ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ:

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ II.



С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1843.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюля 31-го дня, 1842.

Цензоръ, Исакіевскаго Собора Священникъ
Андрей Райковскій.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было доставлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10 Ноября 1843, года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Книга вторая: Греки до Александра Великаго.

(Продолженіе.)

	Стр.
38. Начало Пелопоннезской Войны и ходъ ея до смерти Перикла.	3
39. Продолженіе войны до смерти Клеона	11
40. Алкивіадъ	22
41. Аѳиняне въ Сициліи	30
42. Ходъ войны до возвращенія Алкивіада	36
43. Лисандръ	48
44. Битва при Эгосъ-Потамосѣ. Окончаніе войны	52
45. Ниспроверженіе господства Тридцати	58
46. Жизнь и нравы Аѳинянъ.	69
47. Отступленіе десяти тысячъ Грековъ	75
48. Борьба Агезилая съ Персіею	80
49. Событія до Анталкидова мира.	85
50. Порабощеніе Ѳивъ и освобожденіе ихъ Пелопидомъ	91
51. Пелопидъ и Эпаминондъ.	96
52. Битва при Левктрахъ	101
53. Политическая важность Ѳивъ.	104
54. Битва при Мантинеѣ	109
55. Филиппъ, Царь Македонскій	113
56. Демосѳенъ	121
57. Филиппъ и Аѳины до окончанія Священной Войны	129
58. Дальнѣйшая борьба Филиппа за господство въ Греціи	136
59. Битва при Херонеѣ. Смерть Филиппа	141
60. Сиракузы	146
61. Искусства и науки Грековъ	155

Книга третія: Владычество Македонянъ на Востокѣ.

	Стр.
1. Юность Александра Великаго	183
2. Александръ въ Малой Азіи	189
3. Александръ въ Финикіи и Египтѣ	196
4. Александръ во внутреннихъ областяхъ Персидской Монархіи.	200
5. Дальнѣйшіе походы Александра	206
6. Александръ въ Индіи	212
7. Предѣлъ завоеваній Александра	215
8. Возвращеніе и кончина Александра	221
9. Монархія Александра до смерти Пердикки	232
10. Борьба за господство надъ Монархіею Александра	238
11. Битвы и паденіе Антигона	247

	Стр.
12. Димитрій Поліоркетъ	251
13. Египетъ при Птоломеяхъ . .	255
14. Сирія при Селевкидахъ . . .	359
15. Азіятскія государства мелкія и отдаленныя	265
16. Македонія и Греція	271
17. Агисъ III и Клеоменъ III . .	277
18. Греческія искусства и науки	281

Книга четвертая: Римляне, отъ основанія города до единодержавія Августа.

	Стр.
1. Основаніе Рима	289
2. Похищеніе Сабинокъ. Первыя государственныя учрежденія Рима	294
3. Нума Помпилій	298
4. Туллъ Гостилій	301
5. Разореніе города Альбы . . .	303
6. Анкъ Марцій	305
7. Тарквиній Старшій	—
8. Сервій Туллій.	308
9. Тарквиній Гордый. Уничтоженіе царской власти	314
10. Борьба съ Тарквиніемъ . . .	316
11. Установленіе народныхъ трибуновъ	322
12. Кн. Марцій Коріоланъ. . . .	324
13. Событія до сверженія децемвировъ	326
14. Дальнѣйшая борьба плебеевъ. Завоеваніе города Веіи . . .	334
15. Галлы въ Римѣ	337
16. Пріобрѣтеніе плебеями права на высшія государственныя должности	341
17. Первая Самнитская Война. Покореніе Латиновъ	346
18. Дальнѣйшія войны съ Самнитянами и другими народами Италіи	349
91. Война съ Тарентомъ и Пирромъ. Покореніе Италіи	359
20. Первая Пуническая Война . .	369
21. Дальнѣйшія пріобрѣтенія . .	379
22. Причины Второй Пунической Войны	383
23. Переходъ Аннибала чрезъ Альпы, и первыя его побѣды . .	387
24. Кн. Фабій Максимъ.	393
25. Битва при Каннахъ	393
26. Война до сраженія при Сенѣ .	393
27. П. Корнелій Сципіонъ Африканскій	407
28. Битва при Замѣ. Конецъ войны	414

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГРЕКИ ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

(*Продолженіе.*)

38. Начало Пелопоннезской Войны и ходъ ея до смерти Перикла.

(431 — 429.)

Въ изложеніи событій Греціи со времени великой Персидской Войны, мы уже имѣли случай показать, что дѣйствительнѣйшей причины Войны Пелопоннезской надлежитъ искать въ постоянно возраставшей зависти и непріязненномъ расположеніи другъ къ другу двухъ главныхъ государствъ греческихъ, Аѳинъ и Спарты. Посему на происшествія, бывшія только проявленіемъ общаго напряженія умовъ, и возбудившія въ совмѣстникахъ рѣшимость къ войнѣ, надлежитъ смотрѣть только, какъ на ближайшій къ ней поводъ: они только стянули разсѣянныя облака въ одну грозную тучу, которая побила цвѣтъ Греціи, но не сами произвели сію бурю *).

Первый изъ сихъ ближайшихъ поводовъ къ открытію войны поданъ былъ въ Эпидамнѣ, колоніяльномъ горо-

*) Во всѣ времена бывали люди, которые, не умѣя постигнуть связи и внутренняго сцѣпленія отношеній между народами, выводили великія событія изъ причинъ ничтожныхъ. Точно такъ и въ настоящемъ случаѣ, нѣкоторые утверждали, что война произошла отъ похищенія у Аспазіи нѣсколькихъ рабынь Мегарянами, или же отъ опасенія Перикла, подвергнуться участи Фидія и Анаксагора, если миръ продлится еще нѣсколько лѣтъ.

дъ Корцирянъ, на берегу Иллиріи. Незадолго до сего времени чернь эпидамнская изгнала изъ города знатнѣйшихъ гражданъ, но вскорѣ изгнанники, соединившись съ живущими вблизи варварами, тѣсно обложили городъ. Жители, тщетно просивъ помощи у Корцирянъ, обратились къ Коринѳу, который, какъ метрополія Корциры, способствовалъ къ основанію Эпидамна, и Коринѳъ, изъ зависти и ненависти къ сильной на морѣ Корцирѣ, немедленно и съ радостію отправилъ войско въ Эпидамнъ. Корциряне сочли сей поступокъ нарушеніемъ своихъ правъ, напали на Эпидамнъ, несоглашавшійся на ихъ требованіе принять изгнанниковъ и выслать гарнизонъ коринѳскій, и покорили его, разбивъ напередъ значительный флотъ коринѳскій, подоспѣвшій на помощь. Въ слѣдствіе этого Коринѳяне начали сбирать значительныя силы для продолженія войны, и встревоженные Корциряне, не имѣя друзей въ Греціи, рѣшились обратиться къ Аѳинянамъ, и заключить съ ними союзъ. Аѳиняне, считая войну съ Пелопоннезцами неизбѣжною, и не желая допустить, чтобы морскія силы Корциры достались въ руки Коринѳянъ, вступили съ нею въ союзъ, и послали на помощь ей десять кораблей. Вскорѣ послѣ того между Корцирянами и Коринѳянами произошла большая морская битва. Аѳинскіе корабли сначала держались въ отдаленіи, но когда Корциряне были сильно стѣснены коринѳскими кораблями, они присоединились къ нимъ, и вступили въ бой съ Коринѳянами. Такимъ образомъ открылись первыя непріязненныя дѣйствія между Аѳинянами и Пелопоннезцами.

Вскорѣ новое обстоятельство еще болѣе запутало дѣла. Ища случая отмстить Аѳинянамъ, Коринѳяне старались, въ соединеніи съ Пердиккою, Царемъ Македонскимъ, находившимся тогда въ войнѣ съ Аѳинами, возмутить союзниковъ аѳинскихъ на Халкидскомъ Полуостровѣ. Сіи происки не укрылись отъ Аѳинянъ, и такъ какъ они въ особенности опасались за Потидею, которая платила имъ подать, но была колоніею коринѳскою, то потребовали, чтобы Потидеяне разрушили свои стѣны, дали аманатовъ въ залогъ своей вѣрности, и не принимали судей, которыхъ

Коринѳъ, какъ метрополія, присылалъ къ нимъ ежегодно. Такія несправедливыя требованія дали дѣлу рѣшительный оборотъ. Потидея явно отпала отъ Аѳинъ, и примѣру ея послѣдовали нѣкоторые другіе города, по наущеніямъ Пердикки. Аѳиняне самымъ поспѣшнымъ образомъ увеличили свои морскія и сухопутныя силы, и двинули на Потидею значительный отрядъ сухопутный и семьдесятъ кораблей. Отрядъ пелопоннезскій, посланный Коринѳомъ на помощъ колоніи, разбитъ былъ Аѳинянами, и Потидея была обложена ими (432).

Коринѳяне поспѣшили тогда превратить войну свою съ Аѳинами въ общее дѣло всѣхъ Пелопоннезцевъ, и въ особенности Спарты. Въ собраніи союза они старались доказать, что миръ нарушенъ Аѳинами. Наконецъ и сама Спарта согласилась съ симъ мнѣніемъ, и начала переговоры. Переговоры сіи имѣли еще видъ миролюбія, уже не существовавшаго между державами греческими; цѣлію ихъ было только обратить на противниковъ упрекъ въ нападеніи. Первое посольство Лакедемонянъ требовало, чтобы Аѳиняне изгнали изъ своего города людей, надъ которыми тяготѣло проклятіе боговъ, за оскверненіе святыни при покушеніи Килона на Акрополисъ (см. выше, часть I, кн. 2, стат. 12). При семъ требованіи Лакедемоняне имѣли въ виду удалить изъ Аѳинъ Перикла, происходившаго, по матери, отъ Алкмеонидовъ. Затѣмъ требовали они уничтоженія приговора относительно Мегарянъ, и наконецъ, при вторичномъ посольствѣ, освобожденія всѣхъ городовъ подвластныхъ Аѳинамъ. Но Аѳиняне, ободряемые Периклом, и, при обиліи собственныхъ пособій, полные довѣрія къ себѣ, противопоставили Лакедемонянамъ такія же требованія, и отвѣчали, что никогда не послушаются приказанія, но, согласно съ договорами, готовы разобрать взаимныя жалобы по всей справедливости.

Этимъ прекратились всѣ переговоры. Весною 431 года (ол. 87, 1) Ѳивяне внезапно вторгнулись въ союзный съ Аѳинами городъ Платею, но Платеяне, опомнившись отъ перваго ужаса, снова изгнали ихъ, и предали казни сто восемьдесятъ плѣнниковъ ѳивскихъ. Симъ событіемъ началась ро-

ковая Война Пелопоннезская, раздѣлившая Грецію на двѣ большія партіи, въ главѣ коихъ стояли Аѳины и Спарта, обладавшія силами не однородными, но полныя надежды на блистательную побѣду.

Спарта, не имѣя ни какихъ пособій кромѣ почвы земли своей, безъ флота и конницы, замѣняемыхъ только сомкнутыми рядами ея храброй пѣхоты, безъ общественной казны, которую, въ случаѣ войны, могли замѣнить только чрезвычайные вносы гражданъ, преимущественно надѣялась на многочисленныхъ союзниковъ, привлеченныхъ къ ней сильною ненавистію къ Аѳинамъ. Должно знать, что кромѣ Пелопоннеза, который, за исключеніемъ Аргоса и большей части городовъ Ахаіи, оставшихся нейтральными, весь былъ на сторонѣ Спартанцевъ, она имѣла значительныхъ союзниковъ и въ прочей Элладѣ. Віотія, Локрида и Фокида пополняли недостатокъ ея въ конницѣ; Мегара, Коринѳъ, Сикіонъ, Элида, Пеллена, Амвракіоты и Левкадяне снабжали кораблями. Такимъ образомъ надѣялась она уравновѣсить вооруженія, издавна начатыя въ Аѳинахъ, въ слѣдствіе убѣжденій Перикла, а эти вооруженія, по словамъ Ѳукидида, превосходили все, что выставлено было Греками во время самаго цвѣтущаго состоянія союза противъ Персіи; они оправдывали выраженіе Перикла, называвшаго Аѳины государствомъ, которое ни въ мирѣ, ни въ войнѣ не имѣло надобности въ чьемъ бы то ни было пособіи.

Аѳины имѣли мало союзниковъ: на ихъ сторонѣ были Ѳессалія, съ своею превосходною конницею, и Акарнанія, которая, съ двумя островами, Корцирою и Закинѳомъ, представляла выгодныя точки опоры для нападеній на Пелопоннезъ; наконецъ Хіосъ и Лесбосъ. Но оба послѣдніе острова, единственные на сихъ моряхъ, пользовавшіеся тѣнью самостоятельности, составляли только переходъ ко множеству подвластныхъ имъ и обложенныхъ податью городовъ и острововъ, отъ которыхъ Аѳины во всякое время могли получать новыя вспоможенія и деньгами и людьми, доколѣ удерживали за собою первенство на морѣ, а въ этомъ обнадеживали ихъ многочисленность флота и искусство матросовъ и кормчихъ (послѣдними могли быть только аѳин-

скіе граждане), въ чемъ не могло сравниться съ ними ни одно государство. Господствомъ на морѣ обезпечивалось вмѣстѣ съ тѣмъ и ненарушимое продолженіе торговли Аѳинянъ, которая составляла второй главный источникъ ихъ богатства. Сверхъ того, подъ управленіемъ Перикла, накоплена была казна, простиравшаяся до шести тысячъ талантовъ наличною монетою, не считая приношеній богамъ, находившихся въ Акрополисѣ, и простиравшихся, со включеніемъ персидской добычи и священныхъ сосудовъ, до пятисотъ талантовъ. Сіи суммы казались достаточными для содержанія морскихъ и сухопутныхъ силъ. Сухопутныя силы состояли изъ тринадцати тысячъ человѣкъ тяжело вооруженныхъ, не считая шестнадцати тысячъ воиновъ, охранявшихъ города (гарнизонныхъ), тысячи шестисотъ стрѣлковъ и тысячи двухъ сотъ человѣкъ конницы. Морскія силы состояли изъ трехъ сотъ триремъ (кораблей съ тремя гребецкими скамьями), съ экипажемъ изъ пятидесяти тысячъ моряковъ. На сихъ послѣднихъ силахъ основывалась безопасность Аѳинъ отъ враговъ, и возможность успѣха въ борьбѣ съ ними; ибо хотя Аѳины лежали и не на островѣ, но укрѣпленія ихъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ городъ и гавань соединены были длинными стѣнами, доставляли, особенно въ случаѣ войны съ Спартанцами, неискусными въ осадѣ городовъ, такія пособія, которыя очень близко подходили къ выгодамъ, доставляемымъ городу положеніемъ на острову. Периклу теперь не нужно было переселять своихъ гражданъ на флотъ, какъ сдѣлалъ нѣкогда Ѳемистоклъ: онъ предложилъ только Аѳинянамъ оставить открытую страну, поселиться за крѣпкими стѣнами города, и не вдаваться въ битву съ врагами, когда они станутъ опустошать окрестности.

Немедленно послѣ нападенія на Платею, Спарта пригласила союзниковъ собраться на Коринѳскомъ Перешейкѣ, и оттуда Спартанскій Царь Архидамъ вторгнулся въ Аттику, предводительствуя арміею въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ слѣдствіе упомянутыхъ нами предложеній Перикла, сельскіе обыватели перевезли въ Аѳины своихъ женъ, дѣтей, домашній скарбъ, а стада угнали на ближайшіе

острова. Только немногіе могли помѣститься у родственниковъ и друзей; большая часть должны были поселиться, какъ пришлось, на пустыхъ мѣстахъ, или пріютиться въ храмахъ и всенародныхъ зданіяхъ. Народъ переносилъ сіи стѣсненія неохотно, но оставался спокойнымъ, пока непріятель находился еще въ нѣкоторомъ отдаленіи. Когда же онъ усмотрѣлъ Архидама лишь въ шестидесяти стадіяхъ отъ города, (въ разстояніи десяти верстъ), и увидѣлъ опустошеніе рачительно обработанныхъ земель своихъ, то забылъ и намѣренія свои, и планы Перикла. Противъ Перикла, какъ виновника опустошенія полей, виновника бѣдствій осажденнаго города, поднялся громкій ропотъ. Храбрѣйшіе хотѣли выйти изъ города, и вступить въ битву, которой желалъ и самъ Архидамъ. Периклъ умѣлъ утишить сіи волненія властію, какую имѣлъ онъ надъ умами гражданъ, и Архидамъ, не видя возможности держаться долѣе въ опустошенной странѣ, съ досадою возвратился въ Пелопоннезъ. Между тѣмъ Аѳиняне выслали флотъ: онъ плавалъ вдоль береговъ Пелопоннеза, мстилъ за опустошеніе прекрасныхъ нивъ Аттики разореніемъ прибрежныхъ земель, и потомъ безъ боя овладѣлъ островомъ Кефалоніею. Въ то же время Царь Ситалкъ, сильнѣйшій и богатѣйшій владѣтель во Ѳракіи, убѣжденъ былъ къ вступленію въ союзъ съ Аѳинянами, и непостоянный Пердикка перешелъ равнымъ образомъ на ихъ сторону. Обитатели Эгины, постоянно враждебной Аѳинамъ, были изгнаны; островъ заселенъ аѳинскими колонистами. Посредствомъ этой мѣры правительство аѳинское уменьшило стѣсненіе жителей въ городѣ, и пріобрѣло безопасный и крѣпкій пунктъ близъ Пелопоннеза. Наконецъ, немедленно по отступленіи Спартанцевъ, Периклъ повелъ войско на Мегару, чтобы и въ этой странѣ воспользоваться правомъ возмездія за опустошеніе Аттики.

По прошествіи зимы, Архидамъ явился снова (въ 430 г.) съ Пелопоннезцами, и снова опустошены были поля Аттики. Но съ Пелопоннезцами вступилъ на сей разъ въ союзъ непріятель, опаснѣе всѣхъ другихъ враговъ: прилипчивая, ядовитая лихорадка, вѣроятно завезенная въ Аѳины кораблями изъ

Азіи или Африки, и похитившая чрезвычайное множество людей. Лѣтній зной, непомѣрное скопленіе въ городѣ сельскихъ обывателей, тѣснившихся большею частію въ малыхъ, сырыхъ хижинахъ, усугубляли свирѣпство страшной заразы. Яркими красками изобразилъ Ѳукидидъ болѣзнь и всѣ бѣдствія, причиненныя ею. Глаза, языкъ и горло у больныхъ краснѣли, воспалялись; невыразимо мучили ихъ и внутренній жаръ, и палящая жажда. Нарывы во внутренности и на кожѣ увеличивали боль, и убійственное уныніе усиливало страданія. Страшно было опустошеніе, производимое чумою, но еще страшнѣе вліяніе, которое она имѣла на умы людей. Несчастіе, равное для всѣхъ, постигавшее всѣхъ безъ различія, подрывало вѣру въ боговъ, возбуждало къ ней презрѣніе; быстрая перемѣна въ жизни побуждала тѣхъ, которые неожиданно видѣли себя обладателями чужаго достоянія, наслаждаться имъ съ преступною поспѣшностію; боязнь законовъ не удерживала отъ преступленій, потому что близкая смерть могла предупредить мщеніе ихъ; наконецъ, неувѣренность въ продолженіи жизни, казалось, дѣлала тщетнымъ и безполезнымъ всякое стремленіе къ благородному и прекрасному; словомъ, сія болѣзнь была источникомъ нравственной порчи, которая существовала несравненно долѣе зла тѣлеснаго.

Периклъ, какъ и прежде, былъ вѣренъ своей оборонительной системѣ; снова корабли аѳинскіе тревожили и грабили прибрежье Пелопоннеза. Спартанцы, въ Аттикѣ, въ другой разъ видѣли невозможность предпринять что либо противъ высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ аѳинскихъ; ихъ тревожило также опасеніе заразы. Простоявъ только сорокъ дней въ Аттикѣ, они, какъ и прежде, удалились въ Пелопоннезъ. Но въ Аѳинахъ сіе вторичное опустошеніе полей и бѣдствія, причиненныя заразою, снова возбудили сильнее неудовольствіе противъ Перикла: недоброжелатели провозглашали его виновникомъ всего несчастія. Доведенные до отчаянія, Аѳиняне отправили пословъ въ Спарту, чтобы начать мирные переговоры, которые, разумѣется, были отринуты. Периклъ старался успокоить народъ, и побудить его къ бо́льшему постоянству въ дѣйствіяхъ. Но ярость враговъ

его въ этотъ разъ превозмогла: онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ пятнадцати талантовъ пени, и устраненъ отъ управленія государствомъ. Много и другихъ несчастій постигли Перикла въ этомъ году. Жестокая болѣзнь похитила у него вѣрнѣйшихъ друзей его, свирѣпствовала въ собственномъ его домѣ. Но и въ такихъ бѣдствіяхъ показалъ онъ прекрасный примѣръ души великой, готовой на все. И лишь въ ту минуту, когда, по греческому обычаю, возлагалъ онъ вѣнокъ смерти на послѣдняго своего сына, Парала, чувство жестокой скорби одолѣло его, и изъ мужественныхъ очей его полились горячія слезы.

Вскорѣ узнали Аѳиняне, что удалили человѣка самаго способнаго руководить дѣлами республики; они снова обратились къ нему, и ввѣрили ему управленіе государствомъ. Между тѣмъ Спартанцы пытались распространить свои связи. Они отправили во Ѳракію посольство, поручивъ ему отвлечь Ситалка отъ Аѳинъ, и затѣмъ ѣхать въ Азію, къ Царю Персидскому, чтобы испросить у него денежное вспоможеніе. Но посланники были захвачены Аѳинянами, привезены въ Аѳины, и преданы казни. Этотъ поступокъ считали Аѳиняне возмездіемъ Лакедемонянамъ, безжалостно умертвившимъ, при началѣ войны, всѣхъ купцовъ аѳинскихъ и союзныхъ съ ними городовъ, которые впали въ ихъ руки. Зимою, во второй годъ войны, послѣдовала наконецъ и сдача Потидеи. Продолжительное облежаніе сего города произвело въ немъ такой недостатокъ жизненныхъ потребностей, что жители начали уже ѣсть мясо человѣчье, и должны были прекратить упорное свое сопротивленіе. Осада Потидеи стоила Аѳинянамъ двѣ тысячи талантовъ.

Это было однимъ изъ послѣднихъ военныхъ событій, совершившихся при жизни Перикла. И его наконецъ коснулась зараза (въ 429). Когда онъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи, и друзья, стоявшіе у смертнаго одра его, полагая, что онъ уже лишился памяти, съ умиленіемъ вспоминали о самыхъ блистательныхъ подвигахъ славной его жизни, онъ вдругъ приподнялся и сказалъ: «Друзья! вы забыли самое лучшее: ни одинъ гражданинъ не облекался въ оде-

жду печали по моей винѣ.» Смерть Перикла была для Аѳинъ великимъ бѣдствіемъ, — и это бѣдствіе Аѳиняне должны были оплакать еще болѣе въ послѣдствіи. По словамъ великаго историка того времени, Ѳукидида, Периклъ, своимъ благоразуміемъ и общимъ къ нему уваженіемъ, при безкорыстіи, признанномъ всѣми, держалъ толпу народную въ добровольномъ повиновеніи, и постоянно руководилъ ею, не смущаясь ея прихотьми. Не противозаконными средствами достигъ онъ власти, и потому не имѣлъ нужды льстить народу, но, зная уваженіе, которымъ пользовался, нерѣдко противорѣчилъ ему строгими словами; народъ властвовалъ по имени, но на дѣлѣ правилъ онъ, какъ первый человѣкъ въ государствѣ. Можно предполагать, что если бъ онъ прожилъ долѣе, война имѣла бы совершенно иной конецъ, не тотъ, къ которому привели ее преемники его; соперничествуя другъ съ другомъ о первенствѣ, они, большею частію, льстили народу, и подчиняли благо государственное своему честолюбію.

39. Продолженіе войны до смерти Клеона.

(Отъ 429 до 422)

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, когда Периклъ одинъ управлялъ государствомъ, демократисмъ, имъ покровительствуемый и усиленный, но въ то же время имъ же поставленный въ предѣлы и обузданный, господствовалъ такъ рѣшительно, что аристократическая партія робко уступила ему первенство. Теперь, по смерти могущественнаго правителя, богачи и знатные еще не осмѣливались выступать впередъ въ качествѣ партіи политической, но при всемъ томъ помогали одному изъ среды своей, Никію, въ стремленіи пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе на дѣла, и противодѣйствовать пагубнымъ происканъ льстецовъ народныхъ. По сей причинѣ присоединились къ Никію и всѣ граждане благомыслящіе. Никій, полководецъ, которому до тѣхъ поръ счастіе благопріятствовало, человѣкъ почтенный и благоразумный, но необладавшій сильнымъ краснорѣчіемъ и основательнымъ

образованіемъ Перикла, старался пріобрѣсть любовь народа великолѣпными и расточительными театральными зрѣлищами *), торжественными жертвоприношеніями и дарами, но тщетно: онъ былъ робокъ, нерѣшителенъ, и не могъ управлять по своей волѣ народнымъ собраніемъ, подобнымъ аѳинскому Гораздо болѣе успѣха имѣлъ въ томъ противникъ его, Клеонъ, хозяинъ кожевеннаго завода, котораго по этому комики, въ насмѣшку, назвали сыромятникомъ. Этотъ человѣкъ, недостойный уваженія, корыстолюбивый, наглый до безстыдства, умѣлъ только хвастать, клеветать, потакать прихотямъ толпы, льстить ея воинственной наклонности. Избалованная толпа была ослѣплена имъ, и позволила управлять собою вождю, въ которомъ, вѣроятно, находила большое сходство съ собственнымъ своимъ образомъ мыслей. Съ тѣхъ поръ гражданамъ благомыслящимъ трудно было исторгнуть управленіе Аѳинскою Республикою изъ рукъ подлѣйшихъ демагоговъ. Среди опасной войны, въ которой всѣ предпріятія требовали величайшей осмотрительности и благоразумія, гнусныя дѣйствія этой презрѣнной толпы были вдвое погубнѣе.

Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не могла или не умѣла дать быстрый и рѣшительный оборотъ войнѣ, посредствомъ нападенія на средоточіе вражеской силы: онѣ сражались большею частію въ отдаленныхъ округахъ колоній и союзныхъ городовъ. На третьемъ году Пелопоннезской Войны, перевѣсъ Аѳинянъ на морѣ выказался блистатель-

*) Въ Аѳинахъ былъ заведено, чтобы извѣстные граждане, избранные поколѣніями, брали на свой счетъ исполненіе хоровъ при празднествахъ и представленіяхъ театральныхъ, составлявшихъ главный предметъ забавы народной. Сіи граждане должны были заботиться, чтобъ лица, принадлежащія къ хору, обучались и упражнялись въ своемъ дѣлѣ, обязаны были давать имъ, равно какъ музыкантамъ, танцорамъ и т. д., содержаніе и великолѣпную одежду, и даже доставлять все нужное для представленія трагедіи или комедіи. Сія обязанность назывались *хорегіею*. Можно вообразить, что она обходилась очень дорого, тѣмъ болѣе, что притомъ господствовало сильное соревнованіе между разными поколѣніями.

нымъ образомъ. Полководецъ аѳинскій Форміонъ разбилъ, съ двадцатью кораблями, флотъ пелопоннезскій, состоявшій изъ сорока семи судовъ, и даже, когда Пелопоннезцы явились съ семидесятью семью кораблями, а Форміонъ не получалъ еще требованнаго имъ подкрѣпленія, онъ не побоялся принять битву, и съ небольшою потерею удержалъ за собою море, не смотря на значительное превосходство враговъ. Намѣреніе Лезбосцевъ вступить въ пелопоннезскій союзъ, и отпасть отъ Аѳинъ, угрожало, повидимому, войнѣ оборотомъ болѣе рѣшительнымъ и распространеніемъ ея на тѣ части Аѳинскаго Государства, которыя, казалось, наименѣе могли ожидать опасности. Въ самомъ дѣлѣ, отпаденіе Лезбоса, обладавшаго значительнымъ флотомъ, могло бы дать немаловажный перевѣсъ сторонѣ Пелопоннезцевъ, и приводило въ опасность обладаніе богатою Іоніею. Лезбосцы уже приступили къ исполненію своего замысла, и начали переговоры съ Спартанцами, но прежде окончанія всѣхъ приготовленій ихъ, Аѳиняне получили о томъ извѣстіе, и, вполнѣ постигнувъ всю опасность, напрягли въ сей крайности всѣ свои силы. Кромѣ ста кораблей, служившихъ для защиты Аттики, Эвбеи и Саламина, вооружены были еще сто кораблей, и посланы для опустошенія береговъ Пелопоннеза со всѣхъ сторонъ; сорокъ другихъ кораблей отправлены были къ Лезбосу, и Митилена осаждена была Аѳинянами со стороны моря. На слѣдующій годъ, Спартанцы, желая помочь Лезбосцамъ, произвели необыкновенно опустошительный поискъ въ Аттикѣ, и послали къ Лезбосу сорокъ кораблей. Но до прибытія сего флота *), Митилена, въ слѣдствіе открывшагося въ городѣ возстанія, уже сдалась аѳинскому полко-

*) Онъ плылъ очень медленно. Доказательствомъ полнаго господства Аѳинянъ на сихъ водахъ можетъ служить то, что спартанскій флотъ набралъ на пути множество плѣнныхъ, именно оттого, что всѣ, будучи въ твердой увѣренности, что ни какой пелопоннезскій флотъ не осмѣлится плавать по симъ водамъ въ Іонію, считали его за аѳинскій, и не только не старались отъ него скрываться, но прямо шли ему навстрѣчу.

водцу безъ всякихъ условій. Отправлено было посольство въ Аѳины, для узнанія, какія народъ предпишетъ условія. Въ гнѣвѣ на Митиленцевъ, въ особенности за то, что они призвали въ Іонію флотъ пелопоннезскій, народъ опредѣлилъ, чтобы всѣ мужчины въ покоренномъ городѣ были преданы смерти, а дѣти и женщины проданы въ рабство, и послалъ о томъ повелѣніе въ Митилену. Но уже на другой день народъ сталъ разсуждать объ этомъ гораздо спокойнѣе, и вмѣстѣ съ спокойствіемъ возвратилась естественная кротость аѳинскаго характера. Тщетно Клеонъ, постоянно увлекавшій толпу къ кровавымъ мѣрамъ, старался удержать первый приговоръ во всей силѣ; его превозмогли, и второй корабль, отправленный съ приговоромъ болѣе милостивымъ, къ счастію, успѣлъ прибыть во-время. Лишь главные зачинщики возмущенія, коихъ число однако жъ простиралось до тысячи, были преданы казни, стѣны города разрушены, корабли отобраны, и полевыя угодья розданы по жеребью аѳинскимъ гражданамъ, коимъ Лезбосцы, обработывавшіе ихъ, должны были платить ежегодную подать.

Въ то же самое время несчастный городъ Платея претерпѣлъ отъ Спартанцевъ участь гораздо жесточайшую. За твердую привязанность Платеи къ Аѳинамъ, Архидамъ, въ третьемъ году войны, предпринялъ осаду ея съ пелопоннезскимъ и віотійскимъ войскомъ. Рѣшившись на оборону упорную, Платеяне уже заранѣе выслали стариковъ, дѣтей и большую часть женъ въ Аѳины; гарнизонъ состоялъ изъ четырехъ сотъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, и осьмидесяти Аѳинянъ. Истощивъ всѣ средства нападенія, Архидамъ превратилъ осаду въ облежаніе, и отступилъ съ большею частію войска. Мало по малу, въ окруженномъ со всѣхъ сторонъ городѣ, оказался недостатокъ въ средствахъ пропитанія. Тогда двѣсти двадцать человѣкъ храбрѣйшихъ покусились пробиться сквозь окопы враговъ, перебрались черезъ двѣ большія стѣны, воздвигнутыя Лакедемонянами вокругъ города, и окольною дорогою счастливо достигли Аѳинъ. Оставшіеся въ Платеѣ держались до тѣхъ поръ, пока на третье лѣто съ начатія облежанія города, не открылся жестокій голодъ. Тогда Лакедемоняне предложили

имъ сдаться добровольно: имъ обѣщано было, что наказаны будутъ только виновные, да и тѣ подвергнуты будутъ напередъ суду. Платеяне согласились на сіе предложеніе, и сдали городъ (въ 427 г.), но Спартанцы, желая угодить Ѳивянамъ, непримиримымъ врагамъ Платеянъ, истолковали свои слова иначе, и предложили Платеянамъ только одинъ вопросъ: были ли Платеяне полезны Спартѣ чѣмъ нибудь въ продолженіе настоящей войны? Разумѣется, они должны были отвѣчать: нѣтъ, и затѣмъ всѣ Платеяне, числомъ двѣсти человѣкъ, и двадцать пять Аѳинянъ, были умерщвлены. Женщины проданы въ рабство, городъ и округъ его отданы Ѳивянамъ, которые сравняли съ землею всѣ зданія, за исключеніемъ храмовъ, и истребили городъ, который, къ стыду Ѳивянъ, въ славную войну съ Ксерксомъ, одинъ между всѣми городами віотійскими сражался за свободу Греціи.

Такъ воюющія стороны всѣми силами стремились уничтожить одна другую, и ненависть, которую взаимно питали двѣ могущественныя республики, бывшія главами двухъ партій, пылала и въ членахъ, къ нимъ присоединявшихся. Кому нравилась аристократическая форма правленія, тотъ склонялся на сторону Спартанцевъ; кто предпочиталъ демократію, тотъ присоединялся къ Аѳинянамъ. Это раздѣленіе наполняло греческіе города жестокою внутреннею враждою, и дѣлало ихъ позорищемъ неистовыхъ страстей, потому что, при желаніи обѣихъ главныхъ державъ вредить по возможности другъ другу и усиливаться пріобрѣтеніемъ новыхъ союзниковъ, каждой партіи всегда представлялась надежда на вспоможеніе. Такимъ образомъ, въ каждомъ городѣ получала перевѣсъ партія аристократическая или демократическая, и въ слѣдствіе того перевѣшивало то вліяніе Спарты, то вліяніе Аѳинъ. Когда та или другая партія одерживала побѣду, побѣжденные изгоняемы были изъ города большими толпами. Бѣдственная судьба, равно какъ желанія и страсти сихъ изгнанниковъ, сдѣлались, во всей послѣдующей исторіи Греціи, сильнымъ поводомъ къ важнымъ событіямъ и перемѣнамъ. Изгнаніе изъ роднаго города, для древнихъ всегда было

несчастіемъ самымъ жестокимъ, и въ то время къ стремленію возвратиться на родину, присоединялась еще жажда мести къ торжествующей партіи. Эта партія, хорошо знавшая, какъ легко изгнанникамъ при настоящихъ отношеніяхъ получить помощь иноземную, съ своей стороны волновалась постояннымъ опасеніемъ подобнаго событія. И если изгнанникамъ дѣйствительно удавалось возвратиться съ помощію чужеземцевъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ было жестокое стѣсненіе побѣжденныхъ. Часто случались и кровавыя отмщенія. Вообще побѣды одной политической партіи надъ другою, въ продолженіе сей войны, обыкновенно сопровождались большими жестокостями.

Первый ужасный примѣръ тому подалъ островъ Корцира въ седьмомъ году войны. Здѣсь дѣло дошло до открытой войны между партіею аристократическою и демократическою; первую подкрѣплялъ флотъ пелопоннезскій, вторую аѳинскій. Аристократы были побѣждены, и побѣдители семь дней казнили смертію тѣхъ, кто обвиняемъ былъ въ намѣреніи уничтожить демократію. Только пятьсотъ человѣкъ спаслись и укрѣпились на горѣ, и оттуда вели разбойническую войну съ городомъ; наконецъ они были побѣждены и сдались Аѳинянамъ. Аѳинскіе полководцы выдали несчастныхъ на жертву жестокой мести корцирскаго народа, за то, что они, по наущенію вѣроломныхъ своихъ согражданъ, вознамѣрились было бѣжать. Всѣ они отведены были въ одно большое зданіе, предъ дверями коего поставлены были въ два ряда тяжело вооруженные ратники. Затѣмъ вызывали по двадцати плѣнниковъ, проводили между рядами воиновъ, и убивали. Только шестьдесятъ человѣкъ были казнены такимъ образомъ; остальные, узнавъ, какая судьба ихъ ожидаетъ, рѣшительно отказались выходить, и угрожали смертію всякому, кто осмѣлится войти къ нимъ. Тогда народъ взобрался на кровлю дома, и началъ бросать въ несчастныхъ каменьями и стрѣлами. Многіе были убиты; остальные сами лишили себя жизни въ продолженіе ночи, пріостановившей убійство: одни удавились, другіе закололись брошенными въ зданіе стрѣлами. За симъ ужаснымъ событіемъ, вскорѣ послѣдовали по-

добныя неистовства и въ другихъ городахъ, при чемъ повторялся во всей Греціи неустройствъ. Сіи событія превосходно описаны, со всѣми ужасными послѣдствіями, своимъ Оукидидомъ, великимъ историкомъ Войны Пелопоннезской. Война, говоритъ онъ, похищающая у насъ привычныя наши потребности жизни, есть насильственный наставникъ, и направляетъ страсти толпы по влеченію обстоятельствъ. Сначала открылся раздоръ въ городахъ, а въ послѣдствіи коварство противъ непріятелей и жестокая месть усилились еще болѣе. Желая воздать хвалу характеру и подвигу или облечь ихъ презрѣніемъ, стали называть вещи другими именами. Безразсудную дерзостъ нарицали мужественнымъ усердіемъ въ пользу друзей, благоразумную медлительность притворною трусостью, разсудительность предлогомъ для скрытія робости. Въ особенности превозносимъ былъ тотъ, кто умѣлъ разставлять сѣти другимъ, и открывать разставленныя ему самому; дружбу заключали только съ тѣмъ, кто готовъ былъ покуситься на все, безъ размышленія. И такія связи были крѣпки не отъ святости присяги, а отъ сообщничества въ преступленіяхъ. Простая прямота, свойственная людямъ съ душею благородною, подвергалась насмѣшкамъ, и вскорѣ совершенно исчезла; враждебная недовѣрчивость пріобрѣла господство. И чтобы разсѣять ее, не достаточно было ни какого обѣщанія, ни какой клятвы, какъ бы она ни была страшна. Такъ ужасно было злое направленіе, произведенное въ умахъ сею пагубною борьбою!

Бѣдствія войны распространялись далѣе и далѣе. На пятомъ году они достигли Сициліи; тамъ Аѳиняне подали помощь Леонтинцамъ противъ Сиракузянъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ всѣхъ Дорянъ. Аѳиняне надѣялись сдѣлать тамъ прочныя завоеванія, и отрѣзать подвозъ хлѣба изъ Сициліи въ Пелопоннезъ. Гораздо важнѣе было взятіе и укрѣпленіе гавани Пилоса на мессенскомъ берегу, предпріимчивымъ полководцемъ аѳинскимъ Демосѳеномъ. Сначала Спартанцы, отправлявшіе въ то время какое-то празднество, мало были этимъ озабочены, но вскорѣ поняли, какъ опасно дозволить врагу утвердиться въ Пелопоннезѣ. Войско, которое за двѣ

недѣли отправилось для обычнаго вторженія въ Аттику, поспѣшно воротилось, и Спартанцы, всѣми силами своими, напали на Демосѳена, съ суши и съ моря. Но Демосѳенъ принялъ столь благоразумныя мѣры, что, не смотря на все мужество Спартанцевъ и въ особенности смѣлаго предводителя ихъ Брасида, отражалъ всѣ нападенія, пока не подоспѣли къ нему на помощь сорокъ кораблей. Сіи корабли вошли въ гавань, забрали въ плѣнъ или разогнали суда непріятельскія, и дѣйствовали такъ удачно, что отрѣзали мнюжество Спартанцевъ, большею частію знатнѣйшихъ гражданъ, овладѣвшихъ островомъ Сфактеріею, и обложили ихъ на семъ островѣ.

Ударъ сей былъ такъ чувствителенъ для Лакедемонянъ, что они немедленно заключили перемиріе съ Демосѳеномъ, и выдали ему въ залогъ шестьдесятъ кораблей, съ тѣмъ чтобы они были возвращены по окончаніи переговоровъ въ Аѳинахъ. Клеонъ, какъ и можно было ожидать, побудилъ народъ къ непомѣрнымъ требованіямъ, и переговоры прекратились въ самомъ началѣ. Удержавъ у себя, подъ ничтожнымъ предлогомъ, сказанные шестьдесятъ кораблей, Аѳиняне хотѣли голодомъ принудить къ сдачѣ осажденныхъ на Сфактеріи Спартанцевъ. Но смѣлые илоты, умѣвшіе преодолѣвать всѣ затрудненія, доставляли имъ средства пропитанія, и Аѳиняне начали съ своей стороны опасаться, чтобы облежаніе не продлилось до зимы: тогда они были бы принуждены совершенно прекратить его. Отъ этого непостоянная народная толпа, которой Клеонъ умѣлъ прежде того внушить самонадѣянность и высокомѣрныя надежды, теперь сдѣлалась малодушною. Клеонъ, начиная замѣчать неблагопріятное для себя расположеніе умовъ, далъ уразумѣть, что можетъ быть, дѣла идутъ такъ медленно единственно отъ малодушія полководцевъ. И полководцы и народъ поймали его на этомъ словѣ, и потребовали, чтобы онъ самъ принялъ главное надъ войскомъ начальство, которое Никій готовъ былъ сложить съ себя. Клеонъ долго отказывался, наконецъ былъ принужденъ согласиться, и чтобы не измѣнить роли, какую онъ до тѣхъ поръ разыгрывалъ, отправляясь въ походъ, увѣрялъ, что черезъ двадцать дней или

представитъ Лакедемонянъ живыхъ, или всѣхъ истребитъ. Аѳиняне не могли воздержаться отъ смѣха, говоритъ Ѳукидидъ, но умные люди довольны были симъ обстоятельствомъ: дѣйствительно, въ случаѣ неудачи они могли навсегда избавиться отъ Клеона, чего наиболѣе желали, а въ случаѣ успѣха, Лакедемоняне могли покориться ихъ власти.

Но на сей разъ Клеонъ оправдалъ свою дерзость. Онъ соединился съ Демосѳеномъ, и нападеніе на островъ произведено было съ такою быстротою, что изъ четырехъ сотъ двадцати спартанскихъ латниковъ, владѣвшихъ островомъ, двѣсти девяносто два человѣка (въ числѣ ихъ находились сто двадцать спартанскихъ гражданъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ семействамъ), живые достались во власть Аѳинянъ: событіе вовсе неожиданное для всей Греціи, ибо въ то время господствовало общее мнѣніе, что ни какая крайность не можетъ принудить Спартанцевъ къ выдачѣ своего оружія. Для Спарты къ стыду присоединилась еще опасность: Мессенцы изъ Навпакта переведены были Аѳинянами въ Пилосъ, и начали оттуда производить грабежи въ Лаконіи. По сему поводу снова отправилось посольство въ Аѳины, чтобы завязать переговоры, и снова принуждено было возвратиться безъ успѣха, потому что Аѳиняне, по мѣрѣ возвышенія ихъ успѣховъ, болѣе и болѣе возвышали и требованія. Островъ Цитера, чрезвычайно важный для Спарты, служа пристанью для кораблей, приходившихъ изъ Ливіи и Египта и обратно, и охраняя Спарту отъ нападеній, взятъ были Аѳинянами подъ предводительствомъ Никія. Тогда Аѳиняне съ большимъ успѣхомъ могли опустошать берега пелопоннезскіе, и немедленно покоренъ былъ пелопоннезскій городъ Ѳирея, куда, въ началѣ войны, Лакедемоняне перевели Эгинетовъ, изгнанныхъ изъ родины Аѳинянами; обитатели Ѳиреи перевезены были въ Аѳины, и тамъ осуждены на смерть.

Столько несчастій внезапныхъ, неожиданныхъ, лишая Спартанцевъ всей бодрости, заставляли ихъ желать мира. Съ другой стороны, эти успѣхи внушили такое высокомѣріе Аѳинянамъ, что они наказали полководцевъ, покинувшихъ Сицилію, (когда между тамошними Греками заключенъ былъ

миръ), какъ будто въ ихъ власти было подчинить весь островъ господству аѳинскому. Такъ возгордились тогда Аѳиняне, говоритъ Ѳукидидъ, что думали, будто уже ничто не въ состояніи имъ противиться, и всѣ предпріятія ихъ должны имъ удаваться.

Между тѣмъ судьба уже готовила имъ удары. Намѣреніе ихъ покорить Мегару, и еще важнѣйшій замыселъ, вовлечь въ союзъ съ собою віотійскіе города посредствомъ благопріятныхъ партій, не имѣли успѣха, и при Деліонѣ Аѳиняне потерпѣли значительное пораженіе. Гораздо важнѣйшими потерями угрожалъ имъ предпріимчивый Брасидъ. Пердикка и города халкидскіе, уже отпадшіе отъ Аѳинянъ, убѣдили Лакедемонянъ прислать въ станъ ихъ войско, чтобы принудить и прочіе города къ отпаденію. Предводителемъ назначенъ былъ Брасидъ, но войско, данное ему, состояло только изъ пелопоннезскихъ наемниковъ и семисотъ илотовъ, которыхъ охотно выслали изъ Лаконіи, опасаясь сосѣдства Мессенянъ въ Пилосѣ. Правительство Спартанское въ то время до того страшилось илотовъ, что прибѣгло къ малодушному и жестокому коварству. Объявлено было, что тѣ илоты, которые будутъ мужественно сражаться съ врагами, получатъ свободу. Около двухъ тысячъ смѣлыхъ илотовъ послѣдовали сему благородному призыву; съ вѣнками на головахъ, они торжественно обведены были вокругъ храмовъ, и потомъ внезапно всѣ исчезли. Никто не могъ знать, говоритъ Ѳукидидъ, какимъ образомъ они погибли.

Брасидъ имѣлъ всѣ необходимыя качества, чтобы успѣшно руководить предпріятіемъ во Ѳракіи. Онъ былъ не только храбръ *), но и благороденъ; внушалъ довѣріе и къ Спартанцамъ, и къ ихъ гласному намѣренію въ этой войнѣ: они хотѣли объявить себя охранителями равновѣсія эллинскихъ государствъ, и освободителями городовъ, под-

*) «Каковъ былъ Ахиллесъ, таковымъ можно было представлять Брасида, и каковъ былъ Несторъ, таковымъ можно представлять Перикла!» говоритъ Алкивіадъ въ одной бесѣдѣ Платона.

чиненныхъ Аѳинянамъ. Аканѳъ немедленно приступилъ къ спартанскому союзу, и богатая колонія Амфиполисъ была предана въ руки Брасида партіею, образовавшеюся между ея жителями. Кротость, которую обнаружилъ при семъ случаѣ Брасидъ, заставила еще нѣсколько другихъ городовъ послѣдовать тому же примѣру. Между тѣмъ непостоянный Пердикка снова перешелъ на сторону Аѳинъ, и не пропускалъ къ Брасиду новыхъ вспомогательныхъ войскъ изъ Спарты, гдѣ равномѣрно зависть къ Брасиду останавливала отправленіе къ нему надлежащаго подкрѣпленія. Тѣмъ дѣятельнѣе были Аѳиняне. Они отправили Клеона съ войскомъ во Ѳракію, чтобы изгнать Спартанцевъ, и наказать отпадшіе города. Клеонъ дѣйствовалъ сначала удачно: успѣлъ возвратить подъ власть Аѳинъ нѣсколько городовъ, но когда рѣшился напасть на Амфиполисъ, почти противъ своей воли, страшась негодованія своихъ подчиненныхъ, то долженъ былъ вступить въ сраженіе съ Брасидомъ, и былъ разбитъ (въ 422 г.). Оба полководца были убиты, Брасидъ одержавъ побѣду, Клеонъ обратившись въ бѣгство. Сія битва имѣла важныя слѣдствія. Смерть двухъ полководцевъ, которые, вѣроятно, по причинамъ совершенно различнымъ, ревностно желали продолженія войны, устранила два главныя препятствія къ миролюбивому расположенію обѣихъ республикъ; и въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ многія значительныя особы желали мира. Таковъ былъ, въ Спартѣ, Царь Плистонаксъ; онъ возвращенъ былъ изъ изгнанія, но все еще имѣлъ много недоброжелателей, часто тревожившихъ его своими нападеніями, и потому ожидалъ личнаго своего спокойствія отъ спокойствія общественнаго; таковъ былъ, въ Аѳинахъ, разсудительный и счастливый полководецъ Никій, который желалъ въ мирѣ наслаждаться своею славою. Начались переговоры, и вслѣдъ за тѣмъ, черезъ десять лѣтъ послѣ начатія войны, заключенъ былъ, въ 221 году, миръ на пятьдесятъ лѣтъ, по которому и та, и другая сторона согласились владѣть тѣмъ, что имъ принадлежало до войны, а за симъ миромъ немедленно послѣдовало заключеніе формальнаго союза между Спартою и Аѳинами. Но взаимныя отношенія обоихъ государствъ и ихъ союзниковъ въ сущно-

сти не измѣнились, и потому сей миръ былъ только перемиріемъ, да и перемиріе наблюдаемо было слабо: хотя въ теченіе шести лѣтъ и шести мѣсяцевъ Аѳины и Спарта, храня умѣренность, не нападали прямо другъ на друга, но за то враждовали въ другихъ мѣстахъ, особенно когда въ Аѳинахъ робкая умѣренность Никія, желаніе старцевъ сохранить спокойствіе, и стремленіе миролюбивыхъ людей къ безпрепятственному наслажденію благами жизни *), должны были уступить блистательному тщеславію Алкивіада, и усиліямъ его молодыхъ бранолюбивыхъ приверженцевъ.

40. Алкивіадъ.

Во времена Ѳемистокла Аѳины почувствовали свою силу; при Периклѣ развили ее вполнѣ. Со времени Алкивіада начинается упадокъ жизни аѳинской, смѣлой, бодрой, богатой, но необузданной, непостоянной и превратной.

Алкивіадъ велъ свой родъ отъ теламонскаго Аякса, былъ въ родствѣ съ домомъ Алкмеонидовъ и съ Перикломъ, и обладалъ состояніемъ, соотвѣтствовавшимъ его происхожденію. Съ сими преимуществами соединялъ онъ прекрасную мужественную наружность, полноту здоровья и жизненной силы, любезность и ловкость во всѣхъ движеніяхъ и увлекательный льстивый тонъ голоса, въ которомъ даже легкое пришепетываніе было очаровательно. Быстрота и сила его ума были не менѣе достойны удивленія. Въ характерѣ его рано выразились двѣ господствующія черты: смѣлость, приближавшаяся къ дерзости, и стремленіе блеснуть чѣмъ нибудь необычайнымъ. Плутархъ

*) Изъ Аристофана видно, что немало было такихъ, которые во время войны тосковали по скороспѣлымъ фигамъ Аттики и по жирнымъ гусямъ и угрямъ Віотіи. Въ республикѣ демократической голосъ и такихъ людей имѣлъ силу.

сохранилъ намъ нѣкоторыя черты, являющія присутствіе духа и смѣлость его уже въ дѣтскія лѣта. Такъ, одному мальчику, который былъ гораздо сильнѣе его, и въ борьбѣ съ нимъ сказалъ, что Алкивіадъ кусается какъ баба, онъ отвѣчалъ: «скажи, какъ левъ.» Такъ однажды, когда игралъ онъ на улицѣ въ кости, и проѣзжавшій въ то время извощикъ хотѣлъ помѣшать ему окончить игру, онъ кинулся на землю поперегъ дороги передъ лошадью, и тѣмъ принудилъ его остановиться. Учителямъ своимъ оказывалъ онъ послушаніе и любознательность. Только на флейтѣ не хотѣлъ онъ учиться, говоря, что она безобразитъ лице, и притомъ когда играешь на флейтѣ, нельзя ни говорить, ни пѣть. Пусть играютъ на флейтѣ дѣти Ѳивянъ, прибавлялъ онъ къ тому, которыя не могутъ говорить.

Изъ числа людей, старавшихся пріобрѣсть дружбу Алкивіада, никто не дѣйствовалъ на него такъ сильно, какъ знаменитый Сократъ, искавшій его сообщества, чтобы образовать его и предохранить отъ губительнаго вліянія тогдашняго времени. Въ этомъ человѣкѣ Алкивіадъ находилъ высокій образецъ характера, вполнѣ согласнаго съ самимъ собою. Только при немъ, какъ говоритъ Алкивіадъ у Платона, случалось съ нимъ то, чего не бывало ни при комъ другомъ: онъ стыдился самого себя. Наставленія Сократа нерѣдко до того трогали его, что онъ считалъ себя недостойнымъ жить на свѣтѣ, если не перемѣнится. «Но лишь только,» присовокупляетъ онъ къ тому, «я уходилъ отъ него, лесть народа снова меня преодолѣвала.» Дѣйствительно, кто стремился къ господству въ городѣ, уже зараженномъ внутреннею порчею, тотъ не могъ принять въ себя глубокой важности и нравственнаго одушевленія Сократа.

Въ походѣ противъ Потидеи, Алкивіадъ, тогда еще юноша, служилъ вмѣстѣ съ Сократомъ, жилъ съ нимъ въ одной палаткѣ, былъ его постояннымъ товарищемъ въ бояхъ. Въ сраженіи, гдѣ они оба бились очень храбро, мудрецъ, сохранявшій болѣе присутствія духа, спасъ его отъ смерти, и потомъ не мало содѣйствовалъ тому, что Алкивіадъ

получилъ отъ предводителей награду за храбрость. Во время отступленія, послѣ несчастной битвы при Дeліонѣ, Алкивіадъ, бывшій на конѣ, защищалъ въ свою очередь Сократа, служившаго въ рядахъ тяжелой пѣхоты, и сильно тѣснимаго непріятелемъ. Дерзость осталась главною чертою въ характерѣ Алкивіада. Однажды, разсказываетъ Плутархъ, побился онъ объ закладъ съ своими товарищами, что дастъ пощечину Иппонику, человѣку почтенному, пользовавшемуся уваженіемъ гражданъ, и дѣйствительно сдержалъ свое слово. Слухъ объ этомъ быстро распространился по городу, и всѣ Аѳиняне съ неудовольствіемъ говорили объ оскорбленіи, нанесенномъ гражданину. На другое утро Алкивіадъ явился къ Иппонику, обнажилъ предъ нимъ спину, и сказалъ, что готовъ вытерпѣть столько ударовъ бичемъ, сколько будетъ ему угодно. Иппоникъ тотчасъ же простилъ его, и такъ полюбилъ льстеца, которому невозможно было противиться, что вскорѣ послѣ того отдалъ за него въ супружество дочь свою, Иппарету. Распутство Алкивіада огорчало ее; она его покинула и ушла къ своему брату. Аѳинскіе законы требовали въ такомъ случаѣ отъ женщины, чтобы она лично предстала во всенародномъ судилищѣ предъ архонта, и подала ему просьбу о разводѣ. И лишь только Иппарета явилась въ судъ, вошелъ туда внезапно и Алкивіадъ, схватилъ просительницу на руки, и понесъ ее домой; никто не осмѣлился остановить его.

Алкивіадъ восхищался мыслію, что такія дерзкія выходки заставляютъ весь городъ говорить о немъ. Однажды отрубилъ онъ необыкновенно красивый хвостъ у собаки, которую купилъ за огромную сумму, семьдесятъ минъ. «Что ты сдѣлалъ!» говорили ему друзья: «всѣ бранятъ тебя за этотъ хвостъ.» — «Именно того-то мнѣ и хотѣлось,» отвѣчалъ Алкивіадъ улыбаясь: «я хотѣлъ, чтобы Аѳиняне толковали объ этомъ, и не говорили обо мнѣ чего нибудь хуже.» Народъ былъ въ восторгѣ, когда Алкивіадъ, чтобы польстить и угодить ему, отправилъ на Олимпійскія Игры семь колесницъ съ прекрасною упряжью, чего прежде не было видано, и три изъ нихъ получили награду.

Въ дѣлахъ государственныхъ онъ былъ страшенъ и

опасенъ для всѣхъ партій: онѣ видѣли въ немъ человѣка, который имѣлъ способность и рѣшимость стремиться къ верховному господству. По этому въ самомъ началѣ политическаго поприща Алкивіада, видимъ его уже въ борьбѣ съ виновникомъ пятидесятилѣтняго мира, Никіемъ, видимъ, что ему угрожалъ даже остракисмъ; но тогда Никій и Алкивіадъ соединили свои силы противъ Ипербола, продавца лампъ, игравшаго роль предводителя народа по смерти Клеона. Ипербол былъ изгнанъ остракисмомъ, который является здѣсь въ послѣдній разъ*) въ исторіи Аѳинъ; но вскорѣ потомъ и Никій долженъ былъ уступить войнолюбивому и хитрому Алкивіаду. Многократныя волненія и распри, которымъ и миръ не могъ положить предѣла, доставляли Алкивіаду достаточный случай сохранить свое вліяніе въ народѣ, и имъ пользоваться. Пятидесятилѣтній миръ не прекратилъ враждебнаго расположенія между Аѳинами и Спартою, и ни мало не удовлетворилъ ихъ союзниковъ. Коринѳяне отказались приступить къ миру; ѳракійскіе города не хотѣли снова возвратиться подъ власть Аѳинъ; Ѳиване заключили съ Аѳинянами только десятидневное перемиріе. При такомъ положеніи дѣлъ, большія надежды пробудились въ Аргосцахъ: они думали, что имъ теперь легко будетъ возобновить свои старинныя требованія на господство въ Пелопоннезѣ, и навсегда освободиться отъ грозной Спарты. Коринѳяне, въ то же время, предлагали имъ сдѣлать Аргосъ средоточіемъ союза противъ обѣихъ главныхъ державъ греческихъ; планъ этотъ не успѣлъ созрѣть, въ особенности потому что Віотяне, изъ недовѣрчивости къ Аргосу, имѣвшему правленіе демократи-

*) Плутархъ говоритъ: потому что въ этотъ разъ остракисмъ былъ обезчещенъ. Другіе полагаютъ основательнѣе, потому что дарованія воинское и ораторское, въ слѣдствіе большаго развитія искусствъ воинскаго и ораторскаго, въ послѣдствіи рѣже соединялись въ одномъ лицѣ. Можно къ этому присовокупить также умноженіе движимаго имущества подлѣ недвижимаго, и происшедшее оттого раздѣленіе власти.

ческое, не хотѣли къ нему присоединиться. Между тѣмъ и въ Спартѣ, въ слѣдствіе происшедшей тогда перемѣны эфоровъ, воинственное расположеніе умовъ равнымъ образомъ сдѣлалось господствующимъ. Спартанцы хотѣли сначала возвратить Пилосъ, котораго Аѳиняне не очищали, потому что ѳракійскіе города все еще упорно отказывались признать ихъ владычество.

Такъ образовались зародыши новой войны. Правда, Никій употреблялъ всѣ старанія, чтобы сохранить въ Аѳинахъ миролюбіе, но Алкивіадъ перехитрилъ его, досадуя на Спартанцевъ за то, что они, при переговорахъ, не выбрали его посредникомъ, хотя онъ и связанъ былъ съ ними правомъ гостепріимства. Чтобы отмстить имъ, онъ хотѣлъ склонить Аѳинянъ къ вступленію въ союзъ съ Аргосомъ. Когда Спартанцы, желая предупредить сей союзъ и устранить обоюдныя неудовольствія, прислали въ Аѳины пословъ, и сіи послы объявили въ аѳинскомъ совѣтѣ, что имъ дано неограниченное полномочіе, Алкивіадъ убѣдилъ ихъ, чтобы они въ народномъ собраніи не подавали и вида, будто имъ дана такая обширная власть, увѣряя, что въ противномъ случаѣ Аѳиняне непомѣрно возвысятъ свои требованія; впрочемъ, говорилъ онъ, должны они всего ожидать отъ его дѣятельности. Когда Спартанцы, въ собраніи народномъ, сообразно съ симъ совѣтомъ, сказали, что не имѣютъ полномочія, Алкивіадъ немедленно выступилъ, обвинилъ ихъ въ двуязычіи и лживости, и склонилъ народъ заключить союзъ съ Аргосомъ. Союзъ состоялся, и къ нему приступила Элида, равно какъ и Мантинея. Боязнь, внушаемая Спартанцами, до того ослабѣла въ Пелопоннезѣ, что Элидяне осмѣлились не допустить ихъ къ происходившему тогда торжеству Игръ Олимпійскихъ, за то, что они, во время священнаго мира, обыкновенно господствующаго въ продолженіе игръ, сдѣлали враждебное нападеніе на одинъ городъ, и отказывались заплатить положенную за то пеню.

Недолго спустя, Спартанцы, при помощи союзниковъ, вооружили новое войско, и двинулись на Аргосцевъ, получившихъ помощь отъ Аѳинянъ. При Мантинеѣ произошла

битва (въ 418 г.). Спартанцы одержали побѣду: она, по выраженію Ѳукидида, снова показала въ нихъ людей, которые не упали духомъ, хотя счастіе имъ и не всегда благопріятствовало. Впрочемъ плоды этой побѣды были незначительны и скоропреходящи. Только на короткое время пріобрѣла въ Аргосѣ перевѣсъ партія аристократическая, и успѣла заключить союзъ съ Спартою; вскорѣ власть снова перешла къ народу, и возстановились прежнія отношенія къ Аѳинамъ. Для большаго укрѣпленія сей связи, проведена была, съ величайшею поспѣшностью и при помощи аѳинскихъ плотниковъ и каменщиковъ, длинная стѣна *) отъ города къ морю, чтобъ Аргосъ не могъ быть отрѣзанъ отъ содѣйствія союзной державы, господствующей на морѣ. Островъ Мелосъ, котораго обитатели, Доряне, не хотѣли пристать въ войнѣ ни къ какой партіи, и оказали сопротивленіе, когда Аѳиняне рѣшились покорить ихъ, былъ завоеванъ, и подвергся жестокой участи. По предложенію Алкивіада, всѣ возмужалые Мелосцы были преданы смерти, и на островъ отправлена была колонія Аѳинянъ.

Такимъ образомъ счастіе, казалось, вновь благопріятствовало Аѳинянамъ. Истощенная казна ихъ наполнилась изъ источниковъ, большею частію оставшихся невредимыми; флотъ, не уменьшившійся числомъ, казалось, оправдывалъ самыя смѣлыя надежды. По этому нельзя удивляться, что Аѳиняне легко склонились къ предпріятію, которое вдали открывало самые лестные виды. Послы сицилійскаго города Эгесты просили помощи противъ Селиноса и союзныхъ съ нимъ Сиракузъ. Они представляли народу опасность, угрожающую Греціи, потому что Сиракузяне, овладѣвъ всѣмъ островомъ, какъ Доряне, могутъ прійти въ Элладу на помощь Доря-

*) И городъ Патры намѣревался посредствомъ такихъ же стѣнъ соединиться съ моремъ, а посредствомъ моря съ Аѳинами. «Тогда Аѳины васъ проглотятъ,» сказалъ кто-то жителямъ сего города. — «Быть можетъ,» возразилъ Алкивіадъ, «но проглотятъ мало по малу и начиная снизу, а Спарта проглотитъ васъ разомъ и начиная съ головы.»

намъ, и уничтожить могущество Аѳинъ. Такъ какъ большая часть Аѳинянъ вовсе не знали ни обширности, ни населенія Сициліи, и Эгестяне обманывали ихъ исчисленіемъ своихъ вспомогательныхъ средствъ, въ народѣ пробудилось пламенное желаніе покорить островъ. Тщетно, въ народномъ собраніи, говорилъ противъ этого Никій. Алкивіадъ, главный поборникъ предпріятія, вполнѣ соотвѣтствовавшаго его наклонностямъ и желаніямъ, превозмогъ его. Онъ отнюдь не смотрѣлъ на Сицилію, какъ на послѣднюю цѣль этого похода: въ умѣ своемъ онъ покорялъ уже изъ Сициліи Карѳагенъ и Ливію, переходилъ оттуда въ Италію, и затѣмъ, по мнѣнію его, полное господство надъ Греціею должно было увѣнчать все предпріятіе.

Такими сладостными мечтами упивался Алкивіадъ, и отуманивалъ народъ льстивыми надеждами. Но не дремали и хитрые, хладнокровные враги его: душею ихъ былъ Ѳессалъ, сынъ Кимона. Успѣшное окончаніе сего предпріятія, которое преимущественно ввѣрялось руководству Алкивіада, довершило бы его могущество. Необузданностію своею, безпрерывно возвраставшею, онъ болѣе и болѣе приближался къ произвольнымъ и насильственнымъ поступкамъ тиранна, и драгоцѣнные подарки, поднесенные ему могущественнѣйшими союзниками Аѳинъ, Лезбосомъ, Хіосомъ, Эфесомъ и другими, являли уже его какъ бы единовластителемъ государства. Чтобы устранить сію опасность, многочисленные его противники принялись за тайные происки. Въ то время, когда все уже готово было къ отъѣзду, внезапно, въ одну ночь, всѣ статуи Гермеса, которыхъ въ Аѳинахъ находилось множество *), были изуродованы, и это безчинство приписано было Алкивіаду и его друзьямъ. Другіе обвинители говорили, будто онъ, на буйныхъ пиршествахъ своихъ, ругался надъ Таинствами Элевзинскими, къ кото-

*) Аѳины назывались, по этому, городомъ Гермеса. Сіи статуи исписаны были притчами, и, подобно памятникамъ древнѣйшаго первоначальнаго искусства, состояли только изъ головъ, безъ рукъ и безъ ногъ.

рымъ всѣ Аѳиняне питали величайшее благоговѣніе, и съ дерзкимъ посмѣяніемъ подражалъ ихъ священнымъ обрядамъ*). За всѣмъ этимъ, утверждали враги его, кроются его замыслы противъ аѳинскаго государственнаго устройства, таится намѣреніе низвергнуть демократію. При сихъ стараніяхъ вооружить народъ противъ Алкивіада, особенную дѣятельность выказывалъ демагогъ Андроклъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ, и въ крайней степени ненавидѣвшій Алкивіада. Алкивіадъ требовалъ, чтобы ему позволено было явиться въ судъ, но враги его очень хорошо знали, что все войско, готовое къ походу, и преданное своему вождю, будетъ на его сторонѣ, и притомъ опасались сильнаго вліянія Алкивіадова въ народѣ. По этому они прибѣгли къ средству, которое народъ охотно принялъ, по причинѣ мнимой его справедливости: объявили, что не хотятъ теперь этимъ судомъ замедлять отъѣздъ войска, и откладываютъ обвиненіе до возвращенія его изъ похода. Алкивіадъ долженъ былъ на это согласиться, хотя и проникалъ враждебную цѣль сего замысла, которая вскорѣ дѣйствительно обнаружилась.

---

*) Знаменитыя празднества, отправлявшіяся въ честь богини Деметры (Цереры), раздѣлялись на малыя Таинства Элевзинскія и большія. И тѣ, и другія были отправляемы ежегодно, послѣднія въ Элевзисѣ. Только посвященные допускаемы были къ этому таинственному торжеству. Но вообще всѣ Аѳиняне были посвящены въ сіи таинства; всякій Грекъ могъ принимать въ нихъ участіе; варвары были исключены. Посвященный сначала могъ участвовать только въ малыхъ таинствахъ; по прошествіи времени испытанія, его допускали къ большимъ. Учрежденіе сихъ празднествъ теряется во временахъ баснословныхъ. Содержаніе и цѣль преподававшагося тамъ таинственнаго ученія темны и неизвѣстны: это явствуетъ изъ самой природы предмета. Основаніемъ его было воспоминаніе о Церерѣ, изобрѣтательницѣ земледѣлія; къ тому присоединялись высшее ученіе и религіозныя наставленія. Древніе писатели прославляютъ сіи таинства, и превозносятъ ихъ высокое достоинство для жизни.

41. Аѳиняне въ Сициліи.

(Отъ 415 до 413 г.)

Когда рѣшили въ Аѳинахъ воевать Сицилію, положено было отправить туда уже не такія силы, какія посыланы были прежде, при первомъ предпріятіи на сей островъ. Аѳины выслали самый дорогой и самый красивый флотъ, какой когда либо отправляемъ былъ въ море отдѣльнымъ эллинскимъ государствомъ. Союзники прислали тридцать четыре триремы и три тысячи оплитовъ въ Корциру, гдѣ они должны были соединиться съ Аѳинянами. Аѳины сами выставили сто триремъ: одну часть для военныхъ дѣйствій, другую для перевоза оплитовъ. По аѳинскому обычаю, вооруженіе военныхъ кораблей возлагалось на извѣстныхъ богатствомъ гражданъ *), и сіи граждане въ щедрости соревновали

*) Такой гражданинъ именовался тріерархомъ. Онъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ начальникомъ корабля, впрочемъ могъ командованіе имъ передать другому. Общественныя обязанности подобнаго рода, въ которыхъ не только государство требовало отъ гражданина пожертвованія достояніемъ, но и гражданинъ, жертвуя всѣми издержками для извѣстнаго предмета, въ то же время принималъ на себя и попеченіе о самомъ дѣлѣ и распоряженіе имъ, назывались литургіями (всенародными службами), и ими облагались богатые граждане по очереди. Къ числу литургій принадлежала и упомянутая выше хорегія. Тріерархія изъ всѣхъ литургій была самая разорительная. Литургіи показываютъ, чего въ демократическихъ государствахъ, въ силу предполагаемаго усердія къ общественному благу, требовали отъ гражданъ, тогда какъ въ другихъ странахъ гражданинъ, посвящающій свои силы отечеству, получаетъ за то плату, далеко превосходящую налогъ, взимаемый съ него казною. Гдѣ господствуетъ пламенная любовь къ отечеству, какъ было въ цвѣтущія времена сихъ республикъ, тамъ учрежденіе сіе, побуждая къ пожертвованіямъ, можетъ произвести великія и прекрасныя дѣла, но, если разсмотрѣть взаимныя права и обязанности гражданъ, то вредъ таковыхъ литургій сдѣлается очевиднымъ: ихъ нельзя раздѣлить между всѣми гражданами поравну, и многіе подвергаются оттого притѣсненіямъ и разоренію.

казнѣ. Корабли въ изобиліи снабжены были всѣми потребностями, и щеголяли одинъ передъ другимъ своими украшеніями. Тріерархи простерли щедрость свою до того, что сдѣлали съ своей стороны прибавку къ жалованью моряковъ, которое и безъ того уже было увеличено казною. Полторы тысячи оплитовъ и семьсотъ морскихъ солдатъ тщательно набраны были правительствомъ; тріерархи позаботились о блистательномъ убранствѣ и вооруженіи ихъ. Какъ на зрѣлище театральное или хвастливую выставку, рѣкою стекался народъ въ Пирей, когда войска садились на корабли, и съ необыкновенными чувствами взиралъ на отплытіе такого ополченія. Съ одной стороны огромность средствъ военныхъ, съ другой, трудности, ожидавшія ихъ, возбуждали въ сердцахъ отплывавшихъ и остававшихся попеременно опасенія и надежды, зловѣщія предчувствія и радостныя ожиданія.

Такое же различіе мнѣній и надеждъ было и въ вождяхъ: въ Никіи, не одобрявшемъ предпріятія, въ Алкивіадѣ, виновникѣ онаго, и наконецъ въ храбромъ Ламахѣ, долженствовавшемъ служить посредникомъ между ими. Въ Никіи возбуждены были опасенія, когда греческіе города въ Нижней Италіи, куда флотъ сначала направилъ путь свой, не только не хотѣли принять Аѳинянъ, но и не дозволяли имъ взять съѣстныхъ припасовъ; еще болѣе, когда Эгеста, обольстившая Аѳинянъ обѣщаніями большихъ денежныхъ пособій, по прибытіи войска явилась во всей своей бѣдности. Мнѣнія трехъ полководцевъ о образѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, раздѣлились, смотря по ихъ расположенію душевному. Никій хотѣлъ только окончить распрю между Селиносомъ и Эгестою, и затѣмъ возвратиться въ Аѳины. Алкивіадъ, не хотѣвшій отречься отъ своихъ смѣлыхъ замысловъ, и надѣявшійся на свою ловкость и искусство въ переговорахъ, совѣтовалъ возбудить Сикуловъ *) противъ Сиракузъ, завязать сношенія съ эллинскими городами, за

*) Часть сихъ древнихъ обитателей Сициліи была подвластна Сиракузянамъ; жившіе въ срединѣ острова были свободны.

исключеніемъ Селиноса и Сиракузъ, и начать съ Мессаны, какъ лучшаго сборнаго пункта и мѣста для высадки войскъ. Ламахъ совѣтовалъ немедленно итти на Сиракузы. Мнѣніе Алкивіада одержало верхъ, потому что оно было *его* мнѣніе; но лишь только началось исполненіе, изъ Аѳинъ прибылъ корабль съ приказаніемъ Алкивіаду немедленно воротиться. По отбытіи флота, враги Алкивіада возобновили постыдные свои происки. Представляя народу, будто величайшія опасности угрожаютъ государственному устройству отъ тайныхъ заговоровъ, они возбудили въ немъ безпокойство и ярость, почти безумную, въ которой онъ выслушивалъ, безъ всякаго изслѣдованія, противорѣчащія обвиненія. Ежедневно брали людей подъ стражу; многіе были преданы казни, и при всемъ томъ подозрѣніе, безпокойство, волненіе возрастали болѣе и болѣе. Сіи происки демагоговъ, легковѣріе черни и легкомысліе въ приговорахъ, раскрываютъ предъ нами буйное направленіе необузданной демократіи. Болѣе всего возбуждены были снова подозрѣніе и ненависть къ Алкивіаду: народъ требовалъ, чтобы онъ преданъ былъ суду и приговоренъ къ смерти. Въ слѣдствіе этого отправленъ былъ къ нему нарочный съ повелѣніемъ явиться немедленно на судъ народа, и дать отвѣтъ на взведенныя противъ него обвиненія. Но Алкивіадъ, хорошо зная всю силу враговъ своихъ, убѣжалъ съ дороги въ Ѳуріи. На вопросъ: ужели онъ не надѣется на свое отечество, онъ возразилъ: «Гдѣ идетъ дѣло о моей жизни, тамъ я не надѣюсь даже на мать мою: и она можетъ по ошибкѣ бросить въ урну черный камень вмѣсто бѣлаго.» Такимъ образомъ удалили изъ Сициліи единственнаго человѣка, который, по уму своему, былъ способенъ руководить предпріятіемъ.

За Никіемъ остался первый голосъ въ распоряженіи военными дѣйствіями. Прошло почти все лѣто; наконецъ, послѣ разныхъ незначительныхъ предпріятій, войска безпрепятственно сдѣлали высадку близъ Сиракузъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошла битва. Аѳиняне одержали побѣду, но недостатокъ конницы и денегъ воспрепятствовалъ имъ удержаться передъ Сиракузами. Только на слѣдующее лѣто этотъ не-

достатокъ устраненъ былъ новыми подкрѣпленіями, присланными изъ Аѳинъ, и вспоможеніемъ сицилійскихъ союзниковъ. Тогда Никій, не смотря на то, что страдалъ жестокою болѣзнію, началъ дѣйствовать съ необыкновенною ревностью. Онъ овладѣлъ высотами, господствующими надъ Сиракузами (Эпиполы), и заложилъ двойную стѣну, которая угрожала совершенно запереть городъ. Въ частыхъ битвахъ, (въ одной палъ Ламахъ со славою), постоянно торжествовали аѳинское искусство и ловкость, и Сиракузы, уже погибшія во мнѣніи всѣхъ сосѣдственныхъ владѣній, и сами отчаивавшіяся въ своемъ спасеніи, вступили въ переговоры съ Никіемъ.

Предпріятіе, безъ сомнѣнія, увѣнчалось бы славнымъ концемъ, если бъ быстрый, смѣлый и ревностный Алкивіадъ дѣйствовалъ заодно съ медлительнымъ Никіемъ, котораго дѣятельность, сверхъ того, стѣснена была болѣзнію. Уже почти совершенно были кончены стѣны, которыя сдѣлали бы безполезными подкрѣпленія, прибывшія въ эту рѣшительную минуту изъ Пелопоннеза, и внезапно измѣнившія положеніе дѣлъ. И самая эта помощь, произведшая быстрый и сильный переворотъ аѳинскаго счастія, была преимущественно дѣломъ Алкивіада, не остававшагося въ праздности. Получивъ извѣстіе, что въ Аѳинахъ осудили его на смерть, Алкивіадъ удалился сначала изъ Ѳурій въ Киллену, въ Элидѣ, а затѣмъ въ Спарту, куда приглашали его сами Лакедемоняне. Съ удивительною легкостью усвоилъ онъ себѣ строгій спартанскій образъ жизни; очаровательная любезность, которою пріобрѣлъ онъ въ особенности расположеніе женщинъ, имѣвшихъ большую силу въ Спартѣ, доставила ему вскорѣ вліяніе могущественное, и онъ оправдывалъ его совѣтами, весьма опасными для его родины. Онъ указывалъ Спартанцамъ самыя удобнѣйшія средства къ веденію войны съ Аттикою; особенно настойчиво поддерживалъ просьбы Сиракузянъ и желанія Коринѳянъ, чтобы Спарта приняла участіе въ войнѣ сицилійской. Его убѣжденія не могли остаться безъ дѣйствія: онъ представилъ Спартанцамъ, какой вредъ причиненъ будетъ Спартѣ успѣшными дѣйствіями Аѳинянъ въ Сициліи. До сихъ поръ

Спартанцы не хотѣли открыто нарушать мира; теперь они на это рѣшились: имъ казалось, легче будетъ восторжествовать надъ Аѳинами, запутанными въ двѣ войны; притомъ они теперь думали, что справедливость на ихъ сторонѣ, потому что Аѳиняне недавно снова произвели опустошенія въ Пелопоннезѣ, а прежнія свои несчастія Спартанцы съ чувствомъ религіознымъ приписывали нарушенію мира Ѳивянами (см. выше, стр. 5). По симъ причинамъ, они рѣшились послать къ Сиракузянамъ вспомогательныя войска, которыя хотя числомъ были незначительны, но, имѣя предводителемъ Гилиппа, могли принести стѣсненному городу величайшую пользу. Гилиппъ, искусный въ военномъ дѣлѣ, оборотливый и быстрый, далъ распоряженіямъ Сиракузянъ единство и силу, чего прежде не могло быть при демократической зависти въ Сиракузахъ. Никій, напротивъ, такъ твердо полагался на переговоры, что въ самую рѣшительную минуту, забывъ обычную свою осторожность, не воспрепятствовалъ высадкѣ Гилиппа, считая эту опасность слишкомъ ничтожною. Но вскорѣ узналъ онъ свою ошибку! Гилиппъ быстро собралъ войска изъ городовъ сосѣдственныхъ, отнялъ у Аѳинянъ Эпиполы, и воздвигнувъ стѣну со стороны города, воспрепятствовалъ дальнѣйшему намѣренію Никія обложить Сиракузы. Стѣсненный Никій извѣстилъ Аѳинянъ о своемъ затруднительномъ положеніи, и просилъ, или совсѣмъ вызвать войска изъ Сициліи, или прислать значительнѣйшее подкрѣпленіе людьми, кораблями и деньгами, и съ тѣмъ вмѣстѣ назначить другаго предводителя, потому что онъ боленъ. Объ этомъ онъ не только извѣщалъ изустно черезъ вѣстниковъ, но и писалъ въ грамотахъ. Ѳукидидъ замѣчаетъ это, какъ нѣчто особенное.

Въ то время Аѳиняне увидѣли опасность вблизи своего собственнаго города. По совѣту Алкивіада, Спартанцы овладѣли городомъ Декеліею, отстоящимъ отъ Аѳинъ только на тридцать верстъ, и укрѣпили его. Тогда ежегодныя вторженія превратились въ безпрерывные, опустошительные набѣги, причинявшіе гораздо болѣе вреда, нежели нашествія временныя. Подвозъ изъ Эвбеи, проходившій обыкновенно

чрезъ Декелію, былъ затрудненъ; невольники бѣжали толпами. Не смотря на то, народъ аѳинскій рѣшился, съ ревностію едва вѣроятною, продолжать войну съ Сиракузами, и отправить въ Сицилію значительное подкрѣпленіе, подъ начальствомъ двухъ испытанныхъ полководцевъ, Демосѳена и Эвримедона. Но прежде прибытія ихъ въ Сицилію, Гилиппъ взялъ приступомъ окопы Аѳинянъ на мысѣ Плиммеріонѣ, при входѣ въ большую гавань сиракузскую, и Сиракузяне два раза смѣло вступали въ морскую битву съ Аѳинянами. Въ первый разъ они были разбиты, во второй одержали побѣду. Демосѳенъ, явившись съ флотомъ, ясно увидѣлъ, что надлежитъ или рѣшить все однимъ быстрымъ и смѣлымъ натискомъ, или вовсе отказаться отъ предпріятія. Въ слѣдствіе этого, онъ немедленно попытался, въ одну свѣтлую лунную ночь, снова овладѣть высотами, но не имѣлъ въ томъ успѣха; послѣ этой неудачи, онъ думалъ только о томъ, какъ прекратить войну съ Сиракузами, и возвратиться домой, но, къ удивленію, теперь самъ Никій воспротивился этому предложенію. Между тѣмъ враги получили новыя подкрѣпленія изъ Пелопоннеза. Войско уже ясно увидѣло, какъ необходимо отступленіе, и Никій пересталъ противиться. Къ несчастію, вдругъ произошло лунное затмѣніе; суевѣрный страхъ объялъ войско аѳинское, и Никій, также испуганный симъ явленіемъ, настоялъ на томъ, чтобы подождать, пока пройдутъ трижды девять дней, какъ предписывали гадатели; между тѣмъ, каждый день увеличивалъ затруднительность въ положеніи войска. Сиракузяне, увѣдомленные о намѣреніи Аѳинянъ возвратиться домой, вступили съ ними въ новую морскую битву, и въ другой разъ одержали побѣду. Они продолжали теперь войну не потому уже, что имѣли въ виду собственное спасеніе, но въ горделивой надеждѣ истребить остальныя силы враговъ въ Сициліи, и у современниковъ и въ потомствѣ пріобрѣсть славу, что грозное могущество Аѳинъ было ими унижено. Съ этою цѣлію они заперли гавань, чтобы отрѣзать Аѳинянамъ путь къ отступленію. Аѳиняне рѣшились оставить укрѣпленія, возведенныя ими противъ города, и еще разъ отважиться въ морскую битву. Но, не

смотря на все ихъ мужество и рвеніе, они снова потерпѣли пораженіе. Остававшіеся на берегу, въ числѣ которыхъ находился и Никій, подобно хору въ трагедіи, сопровождали битву своими чувствами, коихъ переливы прекрасно описаны Ѳукидидомъ: отъ страха переходили они къ радости, отъ радости снова къ страху, и наконецъ все превратилось въ одинъ общій вопль горести, когда побѣжденный аѳинскій флотъ принужденъ былъ искать спасенія на берегу. Но все еще число аѳинскихъ кораблей превосходило число сиракузскихъ. Никій и Демосѳенъ хотѣли еще разъ испытать, нельзя ли пробиться силою, но моряки, совершенно упавшіе духомъ, отказывались снова ввѣрить свою судьбу непостоянной стихіи. Единственная надежда оставалась на отступленіе сухимъ путемъ къ какому нибудь изъ союзныхъ городовъ. Но на этомъ пути со всѣхъ сторонъ окружали ихъ враги и неутомимо тѣснили; не было возможности спастись. Первый принужденъ былъ положить оружіе Демосѳенъ, съ отрядомъ въ шесть тысячъ человѣкъ. Никій держался еще нѣсколько дней; наконецъ и онъ былъ аттакованъ, и потерявъ много ратниковъ, равнымъ образомъ сдался. Участь побѣжденныхъ была ужасна. Тщетно возвышалъ Гилиппъ голосъ человѣколюбія: по опредѣленію сиракузскаго народа, Никій и Демосѳенъ, вопреки данному слову, преданы были казни; остальные плѣнники заперты были въ каменоломни, гдѣ, въ самомъ жалостномъ положеніи, томились болѣе двухъ мѣсяцевъ; многіе изъ нихъ тамъ погибли. Пережившіе сей срокъ, кромѣ Аѳинянъ, сицилійскихъ и италійскихъ Грековъ, проданы были въ рабство. Такимъ образомъ кончилось предпріятіе, начатое горделиво и смѣло!

42. Ходъ войны до возвращенія Алкивіада.

(412—407 г. до Р. Х.)

Извѣстіе объ этомъ страшномъ ударѣ пришло въ Аѳины сначала въ видѣ неяснаго слуха *); никто не хотѣлъ

*) Путешественникъ, вышедшій на берегъ въ Пиреѣ, раз-

ему вѣрить; наконецъ было получено ужасное подтвержденіе. Страхъ и отчаяніе овладѣли всѣми. Лишенный лучшихъ своихъ кораблей и моряковъ, народъ въ воображеніи своемъ видѣлъ уже возстаніе союзниковъ, видѣлъ побѣдоноснаго врага предъ вратами Аѳинъ; досадовалъ на жрецовъ, возвѣстившихъ о благопріятныхъ знаменіяхъ небесъ, возставалъ на ораторовъ, склонявшихъ его къ опасному предпріятію. И въ это время, когда разоренное государство нуждалось болѣе, чѣмъ когда либо, въ помощи людей богатыхъ, когда бѣдственное положеніе его требовало совѣта людей благоразумнѣйшихъ, возникли противники демократіи, никогда совершенно не исчезавшіе въ Аѳинахъ. Въ главѣ республики стали преимущественно приверженцы аристократіи, Антифонъ, Фринихъ, Писандръ, Аристархъ и другіе; они безъ сомнѣнія заботились о спасеніи государства болѣе для выгодъ своей партіи, чѣмъ для пользы народа. Многія принятыя теперь мѣры, въ особенности назначеніе совѣта старѣйшихъ людей, для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ, хотя были слѣдствіемъ крайней необходимости, но втайнѣ направлялись и противъ демократіи.

Съ величайшею поспѣшностью построены и вооружены были корабли, для обезпеченія господства на морѣ и надъ союзниками, потому что послѣдніе надѣялись теперь гораздо легче возвратить свою независимость. Радость о начинающемся паденіи аѳинскаго могущества распространилась даже до Персіи, которая нынѣ должна была искать своей безопасности гораздо болѣе въ слабости сосѣдей, чѣмъ въ собственной силѣ. Въ продолжительное царствованіе Артаксеркса Долгорукаго многократно и въ сильной степени обнаруживались внутренніе недуги, которыми страдала

сказалъ о томъ сначала въ одной цирюльнѣ, обыкновенномъ сборномъ мѣстѣ любопытныхъ праздношюбцевъ въ Греціи. Брадобрѣй сообщилъ эту новость въ народномъ собраніи, но такъ какъ онъ не могъ назвать по имени и найти того, кто передалъ ему это извѣстіе, раздраженный народъ предалъ его пыткѣ, какъ легкомысленнаго распространителя зловредныхъ слуховъ.

истощенная монархія. По смерти Артаксеркса (въ 425 году), Ксеркс II, единственный законнорожденный сынъ его сидѣлъ на престолѣ только сорокъ пять дней; его умертвилъ единокровный братъ его, Согдіанъ, и послѣ шестимѣсячнаго царствованія самъ испыталъ подобную участь отъ другаго единокровнаго брата, Дарія II, прозваннаго Ноѳомъ (незаконнорожденнымъ) (въ 424). Внутренній упадокъ обнаруживался болѣе и болѣе; царская фамилія была большею частію истреблена; одно возстаніе слѣдовало за другимъ. Самъ Дарій вовсе не имѣлъ силы нравственной; супруга его, Парисатида, и евнухи управляли имъ по произволу.

Два малоазіятскіе сатрапа, Тиссафернъ и Фарнабазъ, желали воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Аѳинъ, чтобы возвратить подъ власть Персидскаго Царя греческіе города въ Азіи, бывшіе союзниками Аѳинъ, и плативше имъ дань. Для этого они искали содѣйствія Спартанцевъ и союза съ ними. Въ то же самое врѣмя къ Спартанцамъ, вокругъ которыхъ болѣе прежняго сосредоточивалась вся Эллада, обратились съ просьбою о помощи многіе союзники Аѳинъ, наклонные къ отпаденію, Эвбея, Лезбосъ, даже Хіосъ. Въ Спартѣ возникъ споръ, послать ли флотъ въ Іонію и Хіосъ, и помочь Тиссаферну, или, согласно съ предложеніями Фарнабаза, отправить войска въ Геллеспонтъ. Первое мнѣніе, въ пользу котораго объявилъ себя Алкивіадъ, одержало верхъ. Такимъ образомъ и Лакедемоняне начали стремиться къ пріобрѣтенію господства на морѣ. Позднѣйшій ораторъ Исократъ видитъ въ этомъ стремленіи причину, почему Спарта въ послѣдствіи лишилась своего первенства: она пожертвовала силами сухопутными, въ которыхъ заключалось дѣйствительное ея могущество. Но Алкивіадъ, убѣждая Спартанцевъ снарядить флотъ, имѣлъ въ виду преимущественно цѣль личную. Онъ не трепеталъ, какъ говоритъ тотъ же Исократъ, передъ могуществомъ Аѳинъ, какъ трепетали люди, прежде его подвергавшіеся равной съ нимъ участи изгнанія: онъ хотѣлъ итти на Аѳины войною съ войсками враговъ ихъ, и силою вынудить свое возвращеніе. Для этой цѣли онъ ничего не желалъ такъ сильно, какъ оставить берега Пелопоннеза, отправиться на море, стихію,

сходную съ его характеромъ, въ страны и къ людямъ, гдѣ у него были связи старинныя и обширныя, гдѣ онъ надѣялся пріобрѣсти отдѣльный кругъ дѣятельности. И когда Аѳиняне напали на пелопоннезскій флотъ, вышедшій въ море, заперли его въ одной пустынной гавани въ Области Коринѳской (въ 412 г.), и Спартанцы, испуганные и приведенные этимъ въ уныніе, повидимому, готовы были отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій сего рода, Алкивіадъ внушилъ въ нихъ новую смѣлость, и убѣдилъ ихъ остаться вѣрными первому своему намѣренію.

Онъ самъ, въ сопровожденіи Спартанца Халкидея, явился съ небольшою эскадрою у Хіоса, и склонилъ островъ къ явному отпаденію отъ Аѳинъ. Этотъ ударъ такъ поразилъ Аѳинянъ, что они, при первомъ о томъ извѣстіи, рѣшились коснуться тысячи талантовъ, отложенныхъ Перикломъ на тотъ случай, если непріятель явится передъ гаванью: примѣръ, поданный важнѣйшимъ государствомъ въ аѳинскомъ союзѣ, могъ имѣть самое вредное вліяніе. Дѣйствительно сему примѣру вскорѣ послѣдовали Клазомены, Теосъ, Леведосъ и даже важный городъ Милетъ. Сверхъ того Халкидей и Алкивіадъ заключили съ Тиссаферномъ оборонительный и наступательный договоръ противъ Аѳинъ: симъ договоромъ Халкидей признавалъ права персидскихъ царей на всѣ земли, которыми они нѣкогда владѣли, и это признаніе, можетъ быть, надлежитъ приписать злому умыслу Алкивіада. Сатрапъ обѣщалъ, съ своей стороны, что скоро подойдетъ значительный флотъ финикійскій.

Между тѣмъ и Аѳиняне показали, что могли они совершить сами, даже послѣ такихъ жестокихъ ударовъ, если только не теряли надежды на самихъ себя. Они воспрепятствовали отпаденію Самоса и Лезбоса, покорили Хіосъ и опустошили его, взяли Клазомены, высадили войско у Милета, и разбили войска милетскія, подкрѣпленныя Пелопоннезцами и Іонійцами. Доброе согласіе между Тиссаферномъ и Спартанцами также скоро рушилось. Спартанцы отправили одиннадцать уполномоченныхъ, для изслѣдованія дѣйствій военачальниковъ. Этимъ уполномоченнымъ всего болѣе было непріятно содержаніе заключеннаго съ Тисса-

ферномъ договора, по причинѣ помѣщеннаго въ немъ признанія всѣхъ притязаній персидскихъ царей на земли, которыми они нѣкогда владѣли. Къ числу сихъ земель можно было бы отнести половину Греціи до Віотіи, покоренную Персами во время похода Ксерксова, и Спартанцы возбудили бы противъ себя всѣхъ Эллиновъ, если бъ возвратили сіи острова и города подъ иго Персіи. По этому Спартанецъ Лихасъ, одинъ изъ уполномоченныхъ, объявилъ сатрапу, что при такихъ условіяхъ лучше отказаться отъ помощи персидской. Онъ говорилъ это тѣмъ смѣлѣе, что флотъ финикійскій все еще не являлся, и Персы платили жалованье войскамъ гораздо скуднѣе, чѣмъ прежде. Раздраженный Тиссафернъ прекратилъ переговоры.

Такимъ расположеніемъ сатрапа къ Спартанцамъ вскорѣ воспользовался Алкивіадъ, для достиженія своихъ цѣлей, внезапно совершенно измѣнившихся. Уже давно знатные Спартанцы съ завистію смотрѣли на ловкаго Аѳинянина, пріобрѣтшаго у нихъ славу и вліяніе, а Царь Агисъ лично его ненавидѣлъ за обиду, нанесенную Алкивіадомъ въ его домѣ. Послѣ сраженія при Милетѣ, онъ показался правительству спартанскому до такой степени подозрительнымъ, что оно послало повелѣніе Астіоху, начальнику флота, умертвить его. Но Алкивіадъ, вóвремя увѣдомленный о грозившей ему опасности, спасся бѣгствомъ къ Тиссаферну. Хитростію и услугами, которыя онъ оказалъ уже сатрапу при переговорахъ его съ Спартанцами, онъ пріобрѣлъ полную его довѣренность. Онъ доказывалъ ему, что благоразуміе требуетъ стараться какъ можно долѣе протянуть войну между обоими государствами греческими, доколѣ то и другое не ослабѣютъ, и не ускорять развязки ея призваніемъ финикійскаго флота. И такъ какъ его желанія уже совершенно направлены были къ возвращенію въ Аѳины, то онъ присовокуплялъ къ этому, что Персія должна скорѣе соединиться съ Аѳинами, державою исключительно морскою, чѣмъ съ Спартою, которая, имѣя флотъ, есть также держава сухопутная, и конечно захочетъ, достигнувъ своей цѣли, освобожденія Грековъ отъ Аѳинянъ, увѣнчать ее освобожденіемъ ихъ и отъ Персовъ.

Убѣжденный такими доводами, Тиссаферн началъ дѣйствовать согласно съ внушенными ему правилами, и благоразуміе изгнаннаго согражданина начало оказываться въ высшей степени спасительнымъ для Аѳинянъ. Въ такихъ обстоятельствахъ вскорѣ начались переговоры между Алкивіадомъ и аѳинскимъ флотомъ, стоявшимъ у Самоса. Аѳинскіе тріерархи и другія значительныя лица на флотѣ ревностно желали уничтожить демократію, какъ уже упомянуто было выше. Соображаясь съ симъ расположеніемъ умовъ, Алкивіадъ объявилъ, что онъ желаетъ возвратиться въ Аѳины, и можетъ доставить Аѳинянамъ вспоможеніе отъ Персіи, но не прежде, какъ по уничтоженіи въ Аѳинахъ господства народнаго. Разумѣется, такое объявленіе надлежитъ считать не столько выраженіемъ дѣйствительныхъ мыслей Алкивіада, сколько хитростью: Алкивіадъ самъ понималъ ясно, что при аристократическомъ перевѣсѣ въ государствѣ, ему менѣе всего можно надѣяться на возвращеніе. Но изъ всей аристократической партіи на флотѣ, только одинъ Фриних, бывшій въ числѣ стратеговъ (полководцевъ), догадывался о сокровенномъ намѣреніи Алкивіада, и сомнѣвался въ его обѣщаніяхъ; прочіе считали желанія свои исполненными; толпа соглашалась, хотя и очень неохотно, обольщенная надеждами на персидское богатство. И въ самыхъ Аѳинахъ возникла наконецъ мысль, что въ этихъ средствахъ заключается единственное спасеніе государства: отправлены были десять человѣкъ, чтобы завязать переговоры съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ, но они встрѣтили гораздо больше затрудненій, нежели ожидали. Алкивіадъ, именемъ сатрапа, предложилъ Аѳинянамъ требованія самыя высокомѣрныя, ибо, кажется, сатрапъ болѣе соглашался на тѣ совѣты Алкивіада, которые относились къ пагубѣ Грековъ, и не думалъ о покровительствѣ Аѳинамъ. Переговоры прекратились, и Тиссаферн заключилъ новый договоръ съ Спартанцами, не столько вредившій ихъ чести. Не смотря на эту неудачу, совершилась задуманная перемѣна государственнаго устройства въ Аѳинахъ: сначала, посредствомъ тайныхъ убійствъ, устранены были многіе приверженцы народа, въ особенности могущественный демагогъ Андроклъ,

о которомъ мы уже упоминали. Затѣмъ, подъ тайнымъ руководствомъ краснорѣчиваго оратора Антифона, явными усиліями Писандра, Ѳерамена и Фрииха, было преобразовано правленіе.

Въ пользу аристократической перемѣны правленія, въ сіе время расположены были многіе люди безпристрастные, не принадлежавшіе ни къ какой партіи, и увлеченные къ аристократіи философическими изслѣдованіями о свойствѣ правленія государственнаго. Результать сихъ изслѣдованій, занимавшихъ тогда людей самыхъ глубокомысленныхъ, показалъ неудобства образа правленія, на который не имѣло уже ни какого вліянія убѣжденіе, подкрѣпляемое разсудкомъ и опытомъ: онъ склонялся, напротивъ, въ пользу учрежденій, которыя наиболѣе приближались къ аристократической формѣ государственнаго устройства *).

Мѣсто совѣта заступили четыреста гражданъ; народное собраніе должны были замѣнить избранныя лица, числомъ до пяти тысячъ, созываемыя по благоусмотрѣнію первыхъ. Совершенное безсиліе и утомленіе гражданъ, принужденныхъ, со времени занятія врагами Декеліи, безпрестанно стоять подъ оружіемъ, объясняютъ намъ, почему простой народъ въ Аѳинахъ позволилъ похитить у себя власть, которую пріобрѣлъ онъ за сто лѣтъ изгнаніемъ тирановъ. Но аристократы, достигшіе теперь власти, оказались не болѣе достойными ея, какъ и низверженные ими демагоги. Совѣтъ четырехъ сотъ не созывалъ собранія пяти тысячъ, такъ что правленіе его было истинною олигархіею; ни одинъ изгнанникъ не былъ возвращенъ, потому что аристократы хотѣли и Алкивіада оставить въ изгнаніи. За то они отправили пословъ въ Лакедемонъ съ предложе-

*) Въ этомъ смыслѣ, противномъ тогдашней аѳинской демократіи, говоритъ Сократъ у Платона: «Разсуждая о строеніи города, спрашиваютъ зодчаго; когда толкуютъ о построеніи корабля, спрашиваютъ корабельнаго мастера, а когда дѣло идетъ о безпорядкахъ въ государствѣ, совѣтуетъ всякій, и кузнецъ и сапожникъ, и лавочникъ и хозяинъ корабля, и бѣдный и богатый.»

ніемъ мира, который могъ доставить имъ единомыслящихъ друзей, и уничтожить вліяніе страшнаго имъ войска.

Дѣйствительно, на флотѣ возникло сопротивленіе новой формѣ правленія, и это сопротивленіе вскорѣ обнаружилось, сначала при помощи Самосцевъ, и вѣроятно, не безъ тайнаго участія Алкивіада и друзей его. Приверженцы народнаго господства, въ главѣ которыхъ стояли Ѳрасивулъ и Ѳрасиллъ, въ собраніи войска заставили принять рѣшеніе не признавать олигархіи, и защищать демократію. Такимъ образомъ глава и члены насильственно отторгались другъ отъ друга, и каждая часть мнила, что въ ней одной сохранилась душа. Армія и флотъ, владѣя такимъ сильнымъ островомъ, каковъ Самосъ, полагали, что они легче могутъ обойтись безъ города Аѳинъ, чѣмъ Аѳины безъ нихъ, и что если у нихъ нѣтъ главы, сей недостатокъ можно замѣнить призваніемъ Алкивіада; это дѣйствительно и послѣдовало, по предложенію Ѳрасивула и Ѳрасилла. Въ общемъ собраніи войска Алкивіадъ хвалился своимъ сильнымъ вліяніемъ на Тиссаферна, обѣщалъ въ будущемъ славнѣйшіе подвиги, и далъ знать, что финикійскій флотъ, стоявшій уже въ то время у Аспенда въ Памфиліи *), соединится съ флотомъ аѳинскимъ. Войско немедленно избрало его вождемъ своимъ, предалось ожиданіямъ самымъ радостнымъ, и до того забыло грозившую еще опасность, что немедленно хотѣло поспѣшить къ Пирею, чтобы отмстить олигархамъ. Но Алкивіадъ, въ которомъ умъ и разсудокъ въ эту минуту восторжествовали надъ вліяніемъ страсти понятной и опасной, употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать войско отъ такого поступка, и вслѣдъ затѣмъ отправился къ Тиссаферну, чтобы переговорить съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ или, по крайней мѣрѣ, показать войску, что онъ намѣренъ вступить въ сіи переговоры.

Теперь очевидно достигъ онъ точки, которую можно

*) Спрашивается: вполнѣ ли отъ Тиссаферна зависѣло призвать флотъ?

считать цѣлію его политическихъ дѣйствій до того времени: какъ предводитель Аѳинянъ, онъ былъ страшенъ Тиссаферну; какъ другъ послѣдняго, былъ съ другой стороны необходимъ для Аѳинянъ, и въ томъ и въ иномъ отношеніи, онъ разрушалъ всякое довѣріе между Спартою и сатрапомъ. Дѣйствительно на пелопоннезскомъ флотѣ громко роптали на Тиссаферна и Астіоха, котораго упрекали въ единогласіи съ нимъ; ихъ обвиняли въ томъ, что они не воспользовались раздоромъ Аѳинянъ для нападенія на нихъ; на флотѣ составлялись партіи, происходили открытыя сходбища, непріязненныя Астіоху. Только появленіе Миндара, смѣнившаго Астіоха въ командованіи флотомъ, прекратило сіи безпокойныя движенія. И Тиссафернъ казался опять благосклоннѣе прежняго къ Спартанцамъ, снова обѣщая прислать финикійскій флотъ. Но и въ этотъ разъ флотъ не являлся, и Алкивіадъ умѣлъ внушить войску аѳинскому, что и сіе замедленіе было плодомъ его переговоровъ.

Возрастающая важность Алкивіада начала устрашать аѳинскихъ олигарховъ, и друзья народа, дѣйствовавшіе одни безкорыстно, другіе по честолюбію, возстали на него сильнѣе прежняго. Открылись сильныя безпокойства, и приверженцы демократіи опасались, какъ бы олигархи не призвали для защиты своей пелопоннезскаго флота, находившагося тогда близъ Аттики. Но Спартанцы, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить аристократическую партію въ Аѳинахъ, хотѣли воспользоваться внутренними раздорами Аѳинянъ, и нанести самому государству значительный вредъ. Вовсе неожиданно предводитель спартанскаго флота обратился къ Эвбеѣ, напалъ въ расплохъ на Аѳинянъ между Эретріею и Оропомъ, разбилъ ихъ, и взялъ двадцать кораблей. Сія побѣда имѣла слѣдствіемъ отпаденіе Эвбеи отъ Аѳинъ. Это былъ самый жестокій ударъ, испытанный Аѳинами въ теченіе всей войны. Теперь легко можно было завоевать самый Пирей, и совершенно уничтожить Аѳины *), если бъ Спартанцы не

*) Аѳиняне, не имѣя возможности пользоваться собственною своею землею, получали изъ Эвбеи большую часть жизненныхъ

были въ такой же степени медлительны, въ какой Аѳиняне пылки и дѣятельны. Ужасъ, возбужденный сею потерею, и негодованіе на правительство были такъ сильны, что совѣтъ четырехъсотъ былъ ниспровергнутъ. Онъ долженъ былъ уступить мѣсто прежнему, возобновленному сенату; право участвовать въ народномъ собраніи предоставлено всѣмъ, кто могъ самъ на свой счетъ вполнѣ вооружиться *). Производство жалованья чиновникамъ было отмѣнено, чтобы устранить бѣдныхъ отъ должностей государственныхъ. Наконецъ опредѣлено было воротить Алкивіада.

Съ этою перемѣною и военное счастіе снова обратилось къ Аѳинянамъ. Пелопоннезскій флотъ, вторично обманутый Тиссаферномъ, поплылъ въ Геллеспонтъ, чтобы соединиться съ Фарнабазомъ, и былъ разбитъ тамъ аѳинскимъ флотомъ въ двухъ морскихъ сраженіяхъ; второе сраженіе рѣшено было Алкивіадомъ, неожиданно подоспѣвшимъ изъ Самоса съ осьмнадцатью кораблями. Спартанцы лишились тридцати триремъ, и быть можетъ, весь флотъ ихъ достался бы въ руки Аѳинянъ, если бъ Фарнабазъ не защитилъ сухопутными своими войсками пелопоннезскихъ кораблей, прибитыхъ къ берегу. Кипя завистью къ Фарнабазу, Тиссаферъ прибылъ въ Геллеспонтъ, и какъ скоро здѣсь явился къ нему Алкивіадъ, онъ, чтобы оправдать себя передъ дворомъ и Спартанцами, повелѣлъ взять его подъ стражу, и отправилъ въ Сардесъ. Въ скоромъ времени Алкивіадъ бѣжалъ отъ бдительности стражей, не безъ вѣдома самого сатрапа; по крайней мѣрѣ, онъ самъ разглашалъ это, быть можетъ, изъ хитрости. Въ то же время возвратились разсѣянные отряды аѳинскаго флота, и къ нимъ присоединилось подкрѣпленіе, прибывшее изъ Аѳинъ.

Миндаръ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Алкивіа-

потребностей, въ особенности мясо, ибо они для безопасности переправили свои стада на сей островъ. Эвбея была для нихъ все, говоритъ Ѳукидидъ.

*) Ѳукидидъ хвалитъ благоразумное соединеніе аристократіи и демократіи въ этомъ устройствѣ государственномъ.

да, и поправить свою неудачу, но Алкивіадъ предупредилъ его. Одушевивъ войско своимъ мужествомъ, онъ двинулся на пелопоннезскій флотъ, стоявшій у Кизика, обратилъ его въ бѣгство, вышелъ съ войскомъ на берегъ, разбилъ и здѣсь Спартанцевъ, и овладѣлъ всѣми ихъ кораблями (въ 410 г.). Пораженіе сіе, въ которомъ погибъ и Миндаръ, довело спартанское войско до совершеннаго отчаянія; слѣдующими словами откровенно выражало оно свое бѣдственное положеніе въ одномъ перехваченномъ письмѣ къ правительству спартанскому: «Счастіе поколебалось; Миндаръ убитъ; люди голодны; не знаемъ, что дѣлать.» И само правительство спартанское не знало, что дѣлать: оно отправило въ Аѳины пословъ съ предложеніемъ мира, но демагогъ Клеофонъ, игравшій теперь ту же роль, какую играли нѣкогда Клеонъ, Иперболъ, Андроклъ, воспрепятствовалъ народу, ободренному побѣдою Алкивіада, принять сіе предложеніе. Ѳрасиллъ, съ пятидесятью кораблями, тысячею оплитовъ и сотнею всадниковъ, былъ отправленъ на подкрѣпленіе къ Алкивіаду, быстро пожинавшему плоды своей побѣды. Онъ покорилъ нѣсколько городовъ на Черномъ Морѣ, сбиралъ съ ихъ деньги, но болѣе всего старался уничтожить замыслы Фарнабаза, который поощрялъ Спартанцевъ къ продолженію войны, и поддерживалъ ихъ. Фарнабазъ долженъ былъ уступить вновь возникшему могуществу Аѳинъ. Онъ былъ разбитъ двукратно на сухомъ пути, однажды, когда хотѣлъ подать помощь Абидосу, въ другой разъ важному Халкедону. Въ слѣдствіе того, онъ принужденъ былъ заключить договоръ съ Алкивіадомъ. Всѣ прибрежные города снова подчинены были Алкивіадомъ власти Аѳинянъ; прежніе источники, изъ которыхъ Аѳины получали деньги, снова были открыты; вновь обезпеченное обладаніе Халкедономъ и завоеваніе Византіи (въ 408), совершенное Алкивіадомъ съ помощію, полученною изъ Ѳракіи, доставили Аѳинамъ безпрепятственный и необходимый для нихъ подвозъ хлѣба.

Такимъ образомъ человѣкъ, еще недавно бывшій самымъ опаснымъ врагомъ Аѳинъ, возстановилъ счастіе и славу своего отечества. И теперь онъ поспѣшилъ явиться

въ этомъ блескѣ въ своемъ родномъ городѣ. Всѣ его корабли украшены были добытыми на войнѣ щитами и другимъ оружіемъ; множество судовъ, взятыхъ въ плѣнъ, слѣдовало за флотомъ; онъ влачилъ за собою изукрашенныя передніе части двухъсотъ разрушенныхъ триремъ. По приближеніи Алкивіада къ Пирею, на берегу ожидали его безчисленныя толпы народа. Но все еще страшась своихъ противниковъ, онъ не покидалъ корабля до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ на берегу друзей своихъ: тогда сошелъ онъ на берегъ, и среди тѣсной толпы ликовавшаго народа, смотрѣвшаго только на него одного, прошелъ сначала въ совѣтъ, потомъ въ собраніе народное. Здѣсь, съ обычнымъ своимъ искусствомъ, сказалъ онъ защитительную рѣчь, винилъ въ прошедшемъ болѣе завистливую судьбу, чѣмъ народъ, и возбуждалъ въ немъ смѣлыя надежды на будущее. Народъ немедленно избралъ его неограниченнымъ предводителемъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, рѣшилъ возвратить ему отнятое у него имѣніе, и снять проклятіе, наложенное на него, какъ на мнимаго осквернителя Таинствъ Элевзинскихъ. Чтобы еще рѣшительнѣе оправдаться въ семъ послѣднемъ обвиненіи и совершенно расположить въ свою пользу чтителей Таинствъ Элевзинскихъ, Алкивіадъ остался въ Аѳинахъ до наступленія девятидневнаго торжества ихъ (въ началѣ сентября). Въ шестой день сего празднества, въ торжественной процессіи обыкновенно носили въ Элевзисъ, такъ называемымъ священнымъ путемъ, статую Якха (какъ въ таинствахъ называемъ былъ Вакхъ), и тысячи народа, сопровождавшія процессію, наполняли воздухъ крикомъ: «Якхъ! Якхъ!» Съ тѣхъ поръ какъ Спартанцы утвердились въ Декеліи, Аѳиняне принуждены были отказаться отъ важнѣйшаго для нихъ торжества, ибо только водою можно было проѣхать безопасно въ Элевзисъ. Нынѣ же Алкивіадъ доставилъ имъ наслажденіе, котораго они лишены были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ распоряжалъ процессіею, прикрывалъ ее своимъ войскомъ, такъ что Спартанцы не осмѣливались ей препятствовать, и тѣмъ оказалъ услугу, которая, въ глазахъ толпы, почти равнялась одержанной имъ побѣдѣ:

народъ приписывалъ свое торжество единственно его счастію и силѣ.

Аристократы страшились болѣе всего, чтобъ народъ въ восторгѣ не провозгласилъ своего любимца неограниченнымъ властителемъ государства, ибо нѣкоторые дѣйствительно уже намѣкали, что надобно поставить Алкивіада выше законовъ, дабы законы снова не могли быть обращены противъ него. Тѣмъ ревностнѣе старались они приготовить все къ новому походу, въ которомъ Алкивіадъ долженъ былъ начальствовать, и для котораго назначено было сто триремъ. Быть можетъ, люди, ненавидѣвшіе или боявшіеся Алкивіада, думали также, что въ этомъ походѣ онъ вѣрнѣе можетъ встрѣтить свою гибель, ибо, при твердомъ вѣрованіи народа, что благоразуміе и счастіе Алкивіада не знаютъ ничего невозможнаго, легко будетъ каждую неудачу приписать его злонамѣренности. Дѣйствительно, искусный противникъ противопоставилъ Алкивіаду гораздо большія затрудненія, нежели какихъ онъ ожидалъ.

43. Лисандръ.

Успѣхи Аѳинянъ заставили Спартанцевъ самымъ внимательнымъ образомъ обдумать, какими средствами отвратить угрожавшее имъ бѣдствіе. Судьба показала имъ въ Лисандрѣ человѣка, въ какомъ они имѣли нужду. Строгостью жизни и твердостью характера онъ былъ настоящій Спартанецъ, но обладалъ притомъ несвойственною его соотечественникамъ способностью искусно и хитро составлять дальновидные планы, которые онъ приводилъ потомъ въ исполненіе съ величайшею дѣятельностію. Коварство *), которое приписывали тогда Спартѣ въ сношеніяхъ ея съ

*) Лакедемоняне, сказано у Ѳукидида, въ сношеніяхъ внутреннихъ соблюдаютъ справедливость, но свойство дѣйствій ихъ съ иностранцами, можно вкратцѣ выразить такъ: они откровеннѣе всѣхъ людей объявляютъ угодное для нихъ похвальнымъ, и полезное справедливымъ.

другими государствами, довелъ онъ до безсовѣстности; доказательствомъ служитъ его правило, что дѣтей должно обманывать игрушками, взрослыхъ клятвами. Онъ обыкновенно говорилъ также, что тамъ, гдѣ недостаточно львиной шкуры, надобно надѣвать лисью; правило не совсѣмъ приличное государству, въ которомъ властвовали потомки Геркулеса. Съ совмѣстникомъ своимъ, Алкивіадомъ, онъ сходствовалъ какъ хитрымъ благоразуміемъ, такъ и стремленіемъ пріобрѣсть господство въ своемъ отечествѣ. Таковъ былъ человѣкъ, котораго Спартанцы теперь, когда имъ всего нужнѣе былъ искусный полководецъ, назначили навархомъ (предводителемъ флота); новое достоинство, котораго, по законамъ, не могли получать цари, и которое потому значительно ограничивало власть царскую *).

Между тѣмъ въ Малой Азіи произошла перемѣна, весьма благопріятная для Спартанцевъ. Мѣсто Тиссаферна, котораго Алкивіадъ, посредствомъ своего вліянія, сдѣлалъ если не полезнымъ, то, по крайней мѣрѣ, безвреднымъ для Аѳинянъ, занялъ Киръ, младшій сынъ Царя Персидскаго Дарія. Мать Кира, Парисатида, любившая его гораздо болѣе старшаго его брата, Артаксеркса, доставила ему, посредствомъ своего вліянія на Царя, мѣсто сатрапа всей Малой Азіи, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы Киръ могъ заготовить здѣсь средства, для вступленія въ послѣдствіи на престолъ вмѣсто Артаксеркса. Киръ, столь же ревностно искавшій помощи, сколько готовъ былъ оказывать ее другимъ, предпочелъ согласіе съ Лисандромъ союзу съ Алкивіадомъ, другомъ своего тайнаго противника Тиссаферна, предпочелъ богатый людьми и первенствующій въ войнѣ сухопутной Пелопоннезъ сильнымъ на морѣ Аѳинамъ.

Въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ, успѣхъ войны долженъ былъ сдѣлаться сомнительнымъ: Аѳиняне своимъ непостоянствомъ еще ускорили ея развязку, удаливъ съ позорища войны одного изъ великихъ двигателей ея, Алкивіада. Когда Алкивіадъ, пробывъ три мѣсяца въ Аѳинахъ, от-

*) Аристотелева Политика II, 9.

плылъ изъ Пирея, взявъ съ собою сто триремъ, тысячу пятьсотъ оплитовъ и сто пятьдесятъ всадниковъ, Аѳиняне надѣялись, что къ покоренному Геллеспонту вскорѣ присоединятся и богатый Хіосъ, и острова. Но первое нападеніе Алкивіада на островъ Андросъ, занятый Спартанцами, было неуспѣшно. Сія первая неудача случилась вопреки ожиданію Аѳинянъ; еще большее неудовольствіе возбудило въ нихъ новое несчастіе при мысѣ Нотіонѣ.

Алкивіадъ стоялъ тамъ со всѣмъ своимъ флотомъ на якорѣ; недалеко былъ и Лисандръ, въ Эфесѣ; оба вождя искали случая съ большею выгодою напасть другъ на друга. Лисандръ могъ выжидать этого случая спокойно, потому что Киръ выплатилъ войскамъ весь остатокъ жалованья, и въ пылу ревности обѣщалъ, въ случаѣ нужды, расплавить свой золотой тронъ и выбить деньги; но Алкивіаду стоило большихъ заботъ и трудовъ доставать ихъ; онъ принужденъ былъ нерѣдко прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, сбирая дань съ городовъ, и часто отлучаться отъ своего флота. Въ одну изъ такихъ отлучекъ, отправляясь въ Карію для сбора денегъ, онъ далъ своему помощнику, Антіоху, рѣшительное повелѣніе не вступать во время его отсутствія въ битву съ Спартанцами, даже если бъ непріятели сами вызывали его къ тому, но Антіохъ, быть можетъ, болѣе по неосторожности, чѣмъ изъ честолюбія, приблизился съ своими кораблями къ судамъ пелопоннезскимъ. Лисандръ немедленно поспѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ Алкивіада, и такъ какъ аѳинскіе корабли шли къ нему навстрѣчу поодиначкѣ, то онъ направилъ на нихъ весь свой флотъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Потерю Аѳинянъ, простиравшуюся до пятнадцати триремъ, нельзя было считать значительною, и самое пятно, павшее на честь Аѳинянъ, повидимому, было стерто, ибо Алкивіадъ немедленно прибылъ на флотъ, и тщетно вызывалъ Лисандра на новую битву. Но враги его, въ арміи и въ городѣ, съ радостью воспользовались симъ случаемъ, и такъ какъ не было болѣе надежды пріобрѣсть при помощи его сокровища Персіи или отнять ихъ у враговъ, (эта надежда до сихъ поръ останавливала опасеніе, чтобы онъ

не сдѣлался со временемъ тираномъ), то и народъ сталъ доступнѣе обвиненіямъ его враговъ. Теперь начали приписывать его частыя отлучки отъ флота наклонности къ распутству, для удовлетворенія которой онъ, будто бы, искалъ новыхъ наслажденій во всѣхъ мѣстахъ роскошной Іоніи. Довѣренность его къ Антіоху и другимъ лицамъ на флотѣ приписывали тому, что они были собесѣдниками его въ пиршествахъ. Жалобы городовъ, подвластныхъ Аѳинамъ, на притѣсненія Алкивіада, представлены были въ видѣ злоупотребленія его власти. Крѣпкій замокъ, который онъ заложилъ для себя на Ѳракійскомъ Херсонесѣ, представленъ былъ въ доказательство того, что онъ питаетъ враждебные замыслы. Эти обвиненія возъимѣли дѣйствіе: народъ лишилъ Алкивіада званія предводителя, и онъ удалился въ упомянутый замокъ. Вмѣсто его избраны были десять полководцевъ (способнѣйшій изъ нихъ былъ Кононъ). Сія мѣра, въ высшей степени несообразная съ обстоятельствами времени, разстроила единство главнаго начальства, и разрушила силу, которую это единство могло придать войску.

Между тѣмъ Лисандръ завязалъ постыдные происки въ городахъ и на островахъ, до тѣхъ поръ принадлежавшихъ къ аѳинскому союзу. Онъ составлялъ себѣ партіи изъ людей дерзкихъ и преступныхъ, желавшихъ устроить свое счастіе на счетъ своего отечества, ободрялъ ихъ къ предпріятіямъ противъ господства народнаго, помогалъ ихъ несправедливостямъ, и обѣщалъ пособить имъ въ пріобрѣтеніи высшей власти, когда низринуто будетъ владычество аѳинское. Сіи происки пріостановлены были тѣмъ, что Спартанцы, согласно съ законами, отозвали Лисандра, и назначили на его мѣсто навархомъ Калликратида, хотя и къ собственному своему вреду, ибо Лисандръ, неохотно покидавшій театръ военныхъ дѣйствій, постарался затруднить дѣйствія своего преемника. Правда, сначала Калликратидъ дѣйствовалъ удачно и успѣлъ запереть въ гавани митиленской флотъ Конона, состоявшій изъ семидесяти кораблей, причемъ Кононъ потерялъ тридцать триремъ. Но Аѳиняне новымъ вооруженіемъ показали, что ихъ вспомогатель-

ные источники еще не истощились: сто пятьдесятъ триремъ стали предъ изумленными Спартанцами у Острововъ Аргинузскихъ. Калликратидъ болѣе обнаруживалъ геройскій духъ Спартанцевъ, чѣмъ хитрый Лисандръ. «Бѣжать, говорилъ онъ, стыдно, а по смерти моей Спарта будетъ управляема не хуже.» Дѣйствительно, въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ онъ лишился жизни. Спартѣ стоила эта битва шестидесяти триремъ, и только сильная буря спасла ее отъ большей потери.

Но еще спасительнѣе бури для Спартанцевъ были постыдныя крамолы въ Аѳинахъ и безумное ослѣпленіе народа. Полководцамъ поставили въ вину, что они не спасли претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, не вытащили изъ воды мертвыхъ; полководцы отрѣшены были отъ должности; даже нѣкто Калликсенъ жаловался на нихъ за то уголовному суду. Тщетно полководцы увѣряли, что ими отданы были приказанія сдѣлать все, въ чемъ ихъ обвиняли, но что буря воспрепятствовала исполненію: противники ихъ не успокоились, и этою ревностью показали, что взведенное на полководцевъ обвиненіе было только пустымъ предлогомъ. Пылкая демократическая партія могла опасаться, чтобы вожди-побѣдители не сдѣлали вторичной попытки ввести аристократію; аристократическая партія могла страшиться дальнѣйшей побѣдоносной войны съ Спартою, отъ которой она надѣялась помощи. Употреблены были всѣ хитрости, чтобы взволновать народъ, и шесть полководцевъ дѣйствительно были казнены. Такова была награда побѣдоноснымъ вождямъ въ государствѣ, которое сражалось за свое существованіе съ врагомъ могущественнымъ, и которому страсти и безуміе руководителей наносили раны гораздо опаснѣйшія, чѣмъ флоты и войска Спарты.

44. Битва при Эгосъ-Потамосъ. Окончаніе войны.

(405 — 404 г. до Р. Х.)

Подобныя событія необходимо должны были внушить опасенія, и связать руки всякому аѳинскому полководцу,

тогда какъ, напротивъ, въ главѣ силъ непріятельскихъ снова явился Лисандръ, шествовавшій къ своей цѣли стопою твердою и вѣрною. Съ самаго начала своего политическаго поприща, Лисандръ имѣлъ въ виду не менѣе свое собственное величіе, свою славу, какъ величіе и славу своего отечества. Онъ умѣлъ привязать Кира и къ себѣ, и къ Спартѣ, и приверженцы его въ греческихъ городахъ Азіи держались стороны Спарты сколько для нея, столько же и для Лисандра. Уже въ то время, какъ Лисандръ лишенъ былъ званія наварха, порицали частую перемѣну предводителей, какъ мѣру вредную и препятствующую достиженію цѣли; теперь, по смерти Калликратида, всѣ, и въ томъ числѣ даже Киръ, заговорили громко, что Лисандру должно возвратить начальство надъ войсками, и хотя въ законѣ спартанскомъ именно было воспрещено ввѣрять одному человѣку въ другой разъ званіе наварха, но нашли средство обойти этотъ законъ. Спартанцы назначили Лисандра помощникомъ новому наварху, который носилъ только званіе, а дѣйствительнымъ военачальникомъ сдѣлался Лисандръ. Возвратившись въ Азію, онъ возбудилъ своихъ приверженцевъ, въ Милетѣ, къ новому преслѣдованію партіи демократической, и чтобы предводители и ревностнѣйшіе приверженцы сей партіи не спаслись бѣгствомъ, успокоилъ ихъ обманчивыми увѣреніями. Болѣе трехъ сотъ человѣкъ, повѣривъ его слову, остались въ городѣ, и были убиты.

Войнѣ съ Аѳинами придалъ онъ немедленно новую жизнь. Получивъ снова отъ Кира денежныя вспоможенія, онъ соединилъ всѣ корабли, поплылъ въ Геллеспонтъ, самое опасное мѣсто для Аѳинъ, и завоевалъ богатый городъ Лампсакъ. Аѳиняне поспѣшили къ этому пункту со ста осьмидесятью кораблями, и стали на якорѣ у Эгосъ-Потамоса (Козья Рѣка), насупротивъ Лампсака. Положеніе ихъ здѣсь было невыгодное: вблизи вовсе не было гаваней, и такъ какъ жизненныя потребности надлежало добывать издалека, войска во множествѣ покидали корабли, и разбѣгались по берегу. Лисандръ, зорко наблюдавшій за всѣмъ, постоянно уклонялся отъ битвы, на которую Аѳиняне вы-

зывали его ежедневно; цѣлью его было внушить имъ большую безпечность. Алкивіадъ, находившійся вблизи, и все еще преданный своему отечеству, прибылъ изъ своего замка къ аѳинскимъ стратегамъ, и старался обратить ихъ вниманіе на опасность сего положенія. Онъ предлагалъ имъ удалиться въ Сестъ, и обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней принудить Пелопоннезцевъ къ битвѣ или къ отступленію. Если вѣритъ Діодору, Алкивіадъ просилъ себѣ за то участія въ начальствѣ надъ флотомъ: тѣмъ менѣе можно удивляться, что его совѣтъ не былъ уваженъ; одинъ завистливый стратегъ горделиво возразилъ ему, что не онъ, а другіе здѣсь начальствуютъ. И сіи военачальники слѣпо шли на встрѣчу гибели своей собственной и всего государства. На пятый вечеръ лазутчики Лисандра дали ему знать, что Аѳиняне, по обыкновенію своему, разсѣялись; немедленно выступилъ онъ съ своими кораблями, и безъ всякаго труда и почти безъ боя, овладѣлъ флотомъ, на которомъ было мало или даже совсѣмъ не было войскъ, и который былъ вооруженъ послѣдними усиліями Аѳинъ (въ 405). Одинъ только Кононъ, съ восемью кораблями, спасся бѣгствомъ въ Кипръ къ Царю Эвагору, и, не смѣя самъ явиться предъ народомъ, послалъ девятый корабль въ Аѳины съ вѣстью о совершенномъ истребленіи морскихъ силъ аѳинскихъ. Велика была горесть, возбужденная въ Аѳинахъ симъ несчастіемъ; еще сильнѣе было опасеніе возмездія за притѣсненія, которыя производили Аѳиняне во время господства своего на моряхъ. Слухъ объ участи трехъ тысячъ Аѳинянъ, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи, усугубилъ сіи опасенія. Одинъ изъ аѳинскихъ стратеговъ, Филоклесъ, овладѣвъ двумя непріятельскими кораблями, велѣлъ побросать плѣнниковъ со скалы, и по его предложенію рѣшено было, всѣмъ Пелопоннезцамъ, которые попадутся въ плѣнъ, отрубать на рукахъ пальцы, чтобы они не могли владѣть копьемъ. За это Лисандръ приказалъ перебить всѣхъ плѣнныхъ Аѳинянъ, начавъ съ Филоклеса.

Между тѣмъ грозный Аѳинянамъ флотъ медленно приближался къ городу. Лисандръ покорилъ сначала ѳракійскіе и азіятскіе города и острова, которые были въ союзѣ съ

Аѳинами. Во всѣхъ покоренныхъ мѣстахъ вводилъ онъ олигархію, и ввѣрялъ управленіе одному Спартанцу, который назывался армостомъ (правителемъ), и совѣту десяти мужей, выбранныхъ изъ гетерій (обществъ), которыя были составлены Лисандромъ. Аѳинянъ, попадавшихся ему въ руки, и гарнизоны городовъ Лисандръ съ умысломъ отпускалъ въ Аѳины: онъ ожидалъ, что эта толпа людей произведетъ тамъ голодъ, а преимущественно посредствомъ голода онъ и надѣялся овладѣть Аѳинами. Хотя все сухопутное пелопоннезское войско обложило Аѳины, но оно мало содѣйствовало къ покоренію города, защищеннаго крѣпкими стѣнами; все дѣло рѣшилъ флотъ Лисандра, состоявшій изо ста пятидесяти кораблей. Лисандръ заперъ своимъ флотомъ гавань, и грозилъ смертною казнію всякому, кто осмѣлится провезти хлѣбъ въ Аѳины. Онъ этимъ не пресѣкъ всего подвоза, но недостатокъ жизненныхъ потребностей скоро сдѣлался въ Аѳинахъ ощутительнымъ, и Аѳиняне рѣшились просить мира съ условіемъ, чтобъ были пощажены гавань и стѣны. Но эти предложенія были отвергнуты спартанскими эфорами. Страхъ и нужда возрастали съ каждымъ днемъ, и не смотря на то, вожди демократіи не хотѣли и слышать о разрушеніи хотя части стѣнъ, какъ требовали Спартанцы, и даже рѣшеніемъ народа запрещено было предлагать о томъ. Тогда выступилъ Ѳераменъ, который, какъ мы уже упоминали, имѣлъ важное участіе при аристократической перемѣнѣ правленія въ Аѳинахъ до возвращенія Алкивіадова, и все еще былъ любимъ народомъ. Онъ обѣщалъ доставить городу честный миръ, если дадутъ ему полномочіе. Полномочіе было дано; онъ отправился къ Лисандру, и по неволѣ или съ умысломъ, пробылъ у него три мѣсяца. Въ продолженіе этого времени недостатокъ въ Аѳинахъ возросталъ болѣе и болѣе, и во враждебной борьбѣ обѣихъ партій, которыя были раздражены одна противъ другой сильнѣе, чѣмъ когда либо, погибли многіе приверженцы народа, безъ сомнѣнія, по желанію Лисандра, быть можетъ даже, и по желанію Ѳерамена. Вообще, Ѳераменъ кажется человѣкомъ

по крайней мѣрѣ, двусмысленнымъ *). Возвращеніе его не прекратило крайности Аѳинянъ: онъ снова отправился въ Спарту съ девятью другими уполномоченными, для окончательнаго заключенія мира.

Въ Спартѣ собрались всѣ пелопоннезскіе союзники, для рѣшенія участи Аѳинъ, и нѣкоторые, особенно суровые Ѳиване, требовали совершеннаго разоренія города. Самое благоразуміе побуждало Спартанцевъ воспротивиться этому, да и честь требовала не уничтожать государства, оказавшаго великія услуги Элладѣ; но ни благоразуміе, ни честь не воспрещали Спартанцамъ довести Аѳины до такой слабости, чтобы онѣ были совершенно безвредны. И такъ они потребовали отъ Аѳинянъ, чтобы стѣны и укрѣпленія гавани Пирея были срыты, всѣ корабли, за исключеніемъ двѣнадцати, выданы, всѣ изгнанные народомъ возвращены; чтобы Аѳиняне отказались отъ прежняго своего господства надъ союзниками, и помогали впредь Спартанцамъ во всѣхъ войнахъ, на сушѣ и на морѣ. Когда сіи условія объявлены были возвратившимся Ѳераменомъ Аѳинянамъ, многіе возстали противъ нихъ, но крайность, недостатокъ свободы въ народномъ собраніи, и наконецъ коварныя желанія многихъ приверженцевъ аристократіи **), поддержали представленія Ѳерамена, совѣтовавшаго принять условія. Народъ, заглушивъ горесть о своемъ паденіи, повиновался; вслѣдъ за тѣмъ онъ долженъ былъ перенести еще

*) Аристотель, у Плутарха (Никій, гл. 2.), ставитъ Ѳерамена наряду съ Никіемъ и старшимъ Ѳукидидомъ, и говоритъ, въ похвалу сихъ трехъ мужей, что они имѣли отеческую любовь къ народу. Другія сужденія о Ѳераменѣ вовсе не такъ благопріятны, и даже въ упомянутомъ мѣстѣ Плутархъ поставляетъ въ упрекъ Ѳерамену его безпрестанное колебаніе между партіями. И въ политической жизни своей, онъ, кажется, не менѣе колебался между добромъ и зломъ, и этимъ лучше всего объясняется загадочность его характера.

**) Они, говоритъ ораторъ Лизій, очень ясно доказали вамъ, что разрушили Пирей не по приказанію Лакедемонянъ, а потому что надѣялись этимъ прочнѣе основать свое собственное господство.

сильнѣйшую горесть, увидѣвъ поруганіе, съ какимъ Лисандръ привелъ въ исполненіе условія мира. При крикахъ съ флота, при радостныхъ восклицаніяхъ союзниковъ, украшенныхъ вѣнками, срыты были стѣны, и сожжены выданные корабли (въ 404 г. весною, ол. 93, 4.).

Но внѣшніе и внутренніе враги народа опасались, что даже изъ этого пепла можетъ возникнуть искра жизни, и превратиться въ новый пламень, доколѣ въ государствѣ живъ прежній духъ: надлежало вдохнуть въ него новый, перемѣною государственнаго устройства. Подъ вліяніемъ Лисандра, верховная власть ввѣрена была тридцати мужамъ, въ числѣ коихъ были нѣсколько возвратившихся изгнанниковъ и, по желанію народа, также Ѳерименъ. Спартанскій гарнизонъ, занявшій Акрополисъ, и армостъ, присланный изъ Спарты, давали этимъ Тридцати перевѣсъ, который они употребили не для основанія прочнаго государственнаго устройства, а для утвержденія своей собственной власти, и для устраненія людей, которые, смѣлостью или силою, могли сдѣлаться вождями народа.

Никто не возбуждалъ въ нихъ такихъ опасеній, какъ Алкивіадъ, коего мужественный духъ, казалось, могъ снова оживить всѣ надежды побѣжденнаго, но богатаго великими воспоминаніями народа, и возбудить борьбу для исполненія сихъ надеждъ. И сама Спарта не считала своей побѣды прочною, доколѣ не исчезла сія послѣдняя надежда Аѳинъ. Алкивіадъ возбуждалъ въ ней тѣмъ большія опасенія, что въ сіе время онъ покинулъ Херсонесъ, и уѣхалъ къ Фарнабазу, во Фригію, съ намѣреніемъ отправиться оттуда ко двору Царя Артаксеркса Мнемона, вступившаго на престолъ персидскій по смерти отца своего, Дарія II (въ 405 г.). Вѣроятно, онъ хотѣлъ возжечь въ Сузѣ войну противъ Спартанцевъ и друга ихъ, Кира *). Чтобы воспрепятствовать этому, Спартанцы и олигархическая партія въ Аѳинахъ

*) По разсказу эфора, у Діодора (XIV, 11) Алкивіадъ догадался о намѣреніи Кира возстать противъ брата, и хотѣлъ ѣхать въ Сузу, чтобы сообщить Царю это важное открытіе.

готовы были на все, и наконецъ убѣдили Фарнабаза, погубить опаснаго для нихъ человѣка. Посланные Фарнабазомъ убійцы не осмѣлились приблизиться къ самому Алкивіаду, но зажгли ночью его домъ, и когда Алкивіадъ бросился изъ него съ мечемъ въ рукѣ, поразили его издали стрѣлами. Подруга его, Тимандра, воздала его трупу погребальныя почести, какія могла. Лучшимъ свидѣтельствомъ необыкновенныхъ дарованій сего рѣдкаго человѣка служитъ то, что не прежде смерти его, враги Аѳинъ полагали, что уничтожили въ нихъ душу и тѣло. Въ Алкивіадѣ вполнѣ выражался характеръ аѳинскаго народа: онъ заключалъ въ себѣ самыя превосходныя и достойныя удивленія черты его, но въ то же время увлекался и всѣмъ пагубнымъ его легкомысліемъ. Если Алкивіадъ и побуждалъ Аѳинянъ къ предпріятіямъ, въ которыхъ расточаемы были лучшія ихъ силы, то должно сказать, что преимущественною причиною паденія господства Аѳинъ, была неспособность противниковъ Алкивіада: они не имѣли того ума, которымъ онъ умѣлъ поправлять свои собственныя ошибки. Если бъ онъ и не предотвратилъ паденія своей родины, то, по крайней мѣрѣ, могъ бы пріостановить его надолго.

45. Ниспровержение господства Тридцати.

Описаное нами окончаніе великой войны въ Греціи разрушило внѣшнее могущество Аѳинъ; но слѣдствія сего событія еще сильнѣе подѣйствовали въ Спартѣ на духъ, обладавшій народомъ, и произвели въ ней отношенія, совершенно чуждыя и противоположныя первоначальнымъ ея учрежденіямъ. Покореніе городовъ и благосклонность Кира доставили Лисандру множество золотыхъ вѣнцовъ и талантовъ наличными деньгами. Онъ привезъ ихъ съ собою въ Спарту, чтобы составить изъ нихъ государственную казну. Спартанцы, въ коихъ живъ былъ древній духъ сей страны, опасались вредныхъ слѣдствій учрежденія казны; въ особенности страшились они, чтобъ и въ управленіи государствомъ не проявился тотъ же духъ

корыстолюбія и продажности, который частныя лица уже неоднократно являли въ сношеніяхъ съ иностранцами. Но сопротивленіе ихъ было тщетно: разсматривая настоящее положеніе Спарты, всякъ видѣлъ, что безъ казны она не можетъ удержать за собою пріобрѣтеннаго ею первенства въ Греціи. Желаніе Лисандра и его партіи одержало верхъ, и въ Спартѣ учредилась общественная казна; но вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и образъ мыслей, и нравы гражданъ. Простота и воздержаніе, прежнія отличительныя черты народнаго характера Спартанцевъ, начали ослабѣвать видимо. Спартанцы, увлекшись страстью къ сокровищамъ и наслажденіямъ, не имѣли въ то же время тонкаго ума и чувства изящнаго, какими отличались Аѳиняне, и нравственная порча должна была явиться здѣсь въ видѣ, гораздо отвратительнѣйшемъ.

Аѳины вскорѣ освободились отъ стѣснительной формы правленія, которую принуждены были принять по неволѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ свергли съ себя и непосредственное владычество Спарты. Мы уже упоминали, что тридцать старшинъ, руководимыхъ въ особенности Критіемъ, изгнанникомъ, возвращеннымъ на родину, начали дѣйствительно царствовать ужасомъ. Они обезоружили всѣхъ гражданъ, кромѣ трехъ тысячъ своихъ приверженцевъ; кровожадности и корыстолюбію ихъ открылось свободное поприще. Кто казался имъ опаснымъ по демократическому образу мыслей, чье достояніе обѣщало имъ богатую добычу, того брали подъ стражу, казнили или осуждали на изгнаніе. Ѳераменъ хотѣлъ пріостановить злоупотребленія, потому ли, что гнушался злодѣяніями и жестокостями, или потому, что не хотѣлъ дать Критію слишкомъ усилиться, но онъ сдѣлался жертвою сего злобнаго нечестивца. Созванъ былъ сенатъ; вблизи поставлены юноши, у которыхъ подъ платьемъ скрыты были мечи. Критій обвинялъ Ѳерамена въ томъ, что онъ измѣняетъ олигархіи, и требовалъ его казни. Ѳераменъ возразилъ, что онъ противится только господству самовластія; защитительная рѣчь его произвела сильное дѣйствіе, и Критій опасался, чтобы сенатъ не объявилъ его невиннымъ. И такъ онъ призвалъ во-

оруженныхъ имъ гражданъ, и сказалъ: «Старѣйшины! я думаю, что правитель, вѣрно исполняющій свою обязанность, не долженъ допускать, чтобы обманывали его друзей. И я исполню это. Вотъ эти люди не хотятъ согласиться, чтобъ былъ освобожденъ человѣкъ, явно старающійся низвергнуть олигархію. Въ новыхъ законахъ постановлено, что Тридцать имѣютъ власть наказывать смертію всякаго, кто не внесенъ въ списокъ трехъ тысячъ вѣрныхъ гражданъ. Посему, увѣренный въ вашемъ согласіи, я исключаю Ѳерамена изъ списка, и мы осуждаемъ его на смерть.»

При сихъ словахъ Ѳераменъ вскочилъ, обнялъ алтарь и воскликнулъ: «Заклинаю васъ, мужи, не допускать, чтобы Критій своевольно нарушалъ законы, постановленные самими Тридцатью! Знаю, что алтарь не спасетъ меня, но, не смотря на то, хочу показать, что эти люди не только несправедливы къ своимъ согражданамъ, но и самые нечестивые хулители боговъ. Дивлюсь, почтенные мужи, что вы такъ мало думаете о собственной своей безопасности; вы можете ясно видѣть, что и ваше имя будетъ такъ же легко исключено изъ списка, какъ мое.»

Видъ вооруженныхъ людей удерживалъ всѣхъ въ безмолвіи. По повелѣнію Критія, Ѳерамена отвлекли отъ алтаря, увели въ темницу, и тамъ принудили выпить чашу съ ядомъ. Теперь еще безбоязненнѣе начали злодѣйствовать Тридцать; многіе граждане были изгнаны изъ своихъ домовъ, другіе во множествѣ спасались бѣгствомъ отъ грозящей гибели. Хотя спартанское правительство, съ угрозами тяжкаго наказанія, требовало выдачи сихъ бѣглецовъ, но состраданіе къ несчастнымъ и ненависть къ Спартѣ заставляли Аргосъ и Ѳивы принимать ихъ дружелюбно.

Тайно поддерживаемый Ѳивами, Ѳрасивулъ, (упомянутый выше, на стр. 43), находившійся равнымъ образомъ въ числѣ изгнанниковъ, осмѣлился явиться съ семидесятью товарищами своего бѣдствія на помощь соотчичамъ, умолявшимъ о спасеніи ихъ отъ тирановъ. Сначала овладѣлъ онъ горнымъ замкомъ Филою, на границахъ Аттики съ Віотіею. Здѣсь скоро подкрѣпили его бѣглецы, стекавшіеся къ нему во множествѣ. Послѣ небольшихъ удачныхъ сты-

чекъ съ войсками Тридцати, онъ овладѣлъ наконецъ Пиреемъ, и Критій былъ убитъ въ сраженіи. Тридцать должны были послѣ того оставить городъ. Они удалились въ Элевзисъ, гдѣ уже заранѣе, при первомъ приближеніи Ѳрасивула, заготовили себѣ убѣжище, умертвивъ большую часть тамошнихъ жителей. Но заступившіе ихъ мѣсто въ городѣ, новоизбранные десять мужей, дѣйствовали въ ихъ духѣ. Изъ Элевзиса и изъ Аѳинъ просили Спарту о помощи. Лисандръ немедленно явился съ сухопутнымъ войскомъ, братъ его съ флотомъ, олигархи радовались, и Лисандръ навѣрное одержалъ бы побѣду, но ему воспрепятствовалъ противникъ его, царь Павзаній, который, при помощи нѣсколькихъ единомыслящихъ эфоровъ, равнымъ образомъ явился съ войскомъ въ Аттикѣ. Павзаній скоро завязалъ тайные переговоры въ Пиреѣ съ тѣми, противъ которыхъ былъ посланъ, и успѣлъ наконецъ склонить обѣ партіи къ примиренію. Ѳрасивулъ, всѣ изгнанники и бѣглецы должны были возвратиться; миръ съ Спартою надлежало подтвердить снова, а для обезпеченія внутренняго спокойствія, объявить всепрощеніе, изъ котораго исключены только Тридцать. Всякій, кто не довѣрялъ новому порядку, могъ безпрепятственно отправиться въ Элевзисъ. Но такъ какъ вскорѣ послѣ того Тридцать обнаружили новое расположеніе къ насильственнымъ мѣрамъ, на нихъ напали, взяли ихъ въ плѣнъ и умертвили, а приверженцы ихъ вслѣдъ затѣмъ возвратились въ Аѳины. Здѣсь, подъ руководствомъ архонта Эвклида (въ 403 г.), возстановлено было древнее Солоново государственное устройство, со всѣми демократическими добавленіями, сдѣланными со временъ Клисѳена; къ нимъ присоединены были еще и другія, въ томъ же духѣ. Старая борьба между стремленіемъ аристократическимъ и демократическимъ, теперь была почти совершенно устранена, но для Аѳинъ, совершенно и нераздѣльно принявшихъ направленіе демократическое, времена лучшія не возвращались, и духъ народный не могъ уже являться въ прежней своей силѣ *).

*) «Нельзя узнать удовлетворительно, какимъ образомъ изъ но-

46. Жизнь и нравы Аѳинянъ.

Воспользуемся сею остановкою въ ходѣ событій политическихъ, чтобъ упомянуть о частной и общественной жизни Аѳинянъ: до сихъ поръ мы для этого не находили удобнаго случая. Аѳины, по всеобщему признанію, превзошли всю остальную Грецію умственнымъ образованіемъ; посему и представляются онѣ образцемъ высшихъ и утонченнѣйшихъ отношеній греческой національности.

Начнемъ съ жизни вседневной. Рано утромъ, съ пѣніемъ пѣтуховъ, поселяне являлись въ городѣ съ съѣстными припасами, и ходили по улицамъ съ крикомъ и припѣвами. Затѣмъ отпирались лавки, улицы мало по малу наполнялись народомъ, шумъ увеличивался. Часть гражданъ шли на свою работу, другіе разсѣвались по различнымъ судебнымъ мѣстамъ. Въ извѣстное время дня, передъ полуднемъ, и вечеромъ передъ ужиномъ, граждане прогуливались по берегамъ Илисса или вокругъ города, гдѣ воздухъ былъ свѣжъ и чистъ, и представлялись виды восхитительные. Но самымъ любимымъ мѣстомъ народнаго сборища былъ рынокъ. Здѣсь часто происходили народныя собранія; здѣсь были дворецъ сената и судилище архонтовъ; вокругъ площади помѣщались лавки благовонныхъ мастей, мастерскія золотыхъ дѣлъ, цирюльни и пр. Площадь всегда была наполнена любопытными и праздно-любцами, привлекаемыми туда ненасытною жаждою новостей. Многіе граждане, имѣвшіе помѣстья за городомъ, рано

ваго основанія образовалась въ послѣдующее время аѳинская государственная жизнь. Состояніе общественнаго быта въ промежутокъ времени до выступленія на сцену Филиппа, когда и въ отношеніяхъ внѣшнихъ Аѳины являются не на первомъ планѣ, можно вообще разсматривать, какъ колебаніе между хорошимъ и дурнымъ; возрожденіе демократіи не возвратило съ собою чистоты и силы народной; изрѣдка являлись люди благородные, боровшіеся съ возрастающимъ упадкомъ нравовъ, но борьба ихъ была слишкомъ неравносильна.» Вахсмутъ, Hellenische Alterthumskunde, ч. 1. отд. 2, стр. 270.

утромъ оставляли Аѳины, смотрѣли за работами невольниковъ, и обыкновенно поздно вечеромъ возвращались въ городъ. Многихъ равнымъ образомъ занимали звѣриная ловля и гимнастическія упражненія. Каждый день Греки ходили въ баню, обыкновенно передъ обѣдомъ. У богатыхъ бани устроены были въ домахъ, а бѣдные ходили въ общественныя бани, гдѣ зимою они находили и пріютъ отъ холода.

Аѳиняне носили большею частію короткое исподнее платье, и сверхъ его надѣвали плащъ, который закрывалъ ихъ почти совершенно (pallium). Обыкновенно онъ былъ бѣлый, и когда становился грязнымъ, его стирали; богатые впрочемъ носили плащи изъ цвѣтныхъ матерій. Платья, по большей части были, шерстяныя; носились также и льняныя, особенно женщинами. Греки хвалились искусствомъ живописно накидывать на себя плащъ, который долженъ былъ ложиться множествомъ складокъ; незнаніе этого искусства считалось признакомъ грубыхъ обычаевъ и дурнаго образа жизни. Преимущественно старались ловко закинуть плащъ на лѣвое плечо, и тѣмъ поднять его такъ, чтобъ онъ не волочился ни спереди, ни сзади. Въ особенности это важно было для ораторовъ, и Плутархъ хвалитъ Перикла именно за то, что плащъ на немъ сидѣлъ всегда чрезвычайно красиво, и ни какая страсть, при произнесеніи рѣчей, не могла привести его въ безпорядокъ. Аѳинянки, сверхъ исподней одежды, носили короткую юпку, съ цвѣтными полосами или лентами; сверхъ всего этого надѣвали плащъ. И мужчины и женщины употребляли масти въ различныхъ видахъ, и любили роскошничать дорогими азіятскими благовоніями Желтая пудра, сурьма для бровей, бѣлила и румяны, богатыя серьги, ожерелья, запястья, кольца, золото, драгоцѣнные камни и жемчугъ — все это было употребляемо Аѳинянками для убранства.

Жители Аѳинъ обыкновенно ходили пѣшкомъ; богатые употребляли впрочемъ повозки или носилки, заставляли также невольника носить за собою складной стулъ, чтобы присѣсть на рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ. Мужчины обыкновенно носили въ рукахъ трость, а женщины зонтикъ отъ солнца; ночью невольникъ освѣщалъ дорогу факеломъ.

Такъ какъ въ древности каждый гражданинъ всегда подчинялся дѣлу общему, и блескъ своей родины и города считалъ лучшею своею славою, въ цвѣтущія времена Аѳинъ великолѣпіе и роскошь изящной архитектуры видны были только въ храмахъ и зданіяхъ общественныхъ: частные домы, большею частію, были тѣсны и некрасивы, улицы кривы и узки. Уже Демосѳенъ жаловался, что люди государственные строили домы, пышностію своею превосходившіе зданія общественныя. Богачи убирали внутренность домовъ самымъ нарядным и великолѣпнымъ образомъ, и на изящную домашнюю утварь тратили большія суммы.

Обычныхъ трапезъ у Аѳинянъ было немного; при всемъ томъ, лакомки весьма высоко цѣнили удовольствія стола; впрочемъ въ Аѳинахъ невоздержность въ пищѣ никогда не доходила до такой степени, какъ въ Сициліи и Нижней Италіи, въ послѣдствіи въ Римѣ. Количество и разнообразіе яствъ, упоминаемыхъ у разныхъ писателей, свидѣтельствуютъ объ усовершеніи искусства повареннаго; нельзя не дивиться множеству птицъ и рыбъ, изготовлявшихся для пировъ; многія лакомства привозимы были издалека. Сверхъ того разбирали, какую часть рыбы или птицы должно употреблять въ пищу: Аѳиняне ѣли только переднюю часть морской бѣлорыбицы, голову акулы и морскихъ угрей, грудину тумака (макрели), спинку рыбы ската. Сардели въ растопленномъ маслѣ считались лакомствомъ. Вообще, для изготовленія всѣхъ своихъ блюдъ, они употребляли прекрасное, чистое деревянное масло, добываемое въ Аттикѣ; подавали также оливки въ разсолѣ, для возбужденія аппетита. Много ѣли раковъ рѣчныхъ и морскихъ, раковинъ и устрицъ. Черное Море доставляло въ большомъ количествѣ соленую рыбу. Садовые плоды въ Аттикѣ отличались особенною сладостью; тамошнія винныя ягоды, сушеныя, посылаемы были въ Персію къ столу великаго царя. Эвбея доставляла превосходныя яблоки, Финикія финики, Коринѳъ айву; Наксосъ славился миндалемъ. Обѣдъ и ужинъ начинались обыкновенно яйцами, и оканчивались плодами. Пироги и печенье были всякаго рода. Многія рыбы подаваемы были на столъ безъ

костей, и вмѣсто того наполнялись вкусною начинкою. Изъ винъ уважали старое корцирское и бѣлое мидійское, но болѣе всѣхъ вина наксосскія, ѳазосскія и хіосскія. Не рѣдко, чтобы придать винамъ сладость и благовоніе, смѣшивали ихъ съ пряными зеліями, плодами и цвѣтами. Въ вино вливаема была также морская вода: полагали, что это помогаетъ пищеваренію. Цѣльное вино пили рѣдко: обыкновенно смѣшивали его съ водою.

Греки не сидѣли за столомъ, а обыкновенно лежали на скамьяхъ (триклиніяхъ). На пирахъ, залу пиршества окуривали ладономъ и другими благовоніями. На поставахъ красовались золотые и серебряные сосуды, нерѣдко украшенные дорогими каменьями. Гости имѣли на головахъ цвѣточные вѣнки, и позади каждаго стоялъ невольникъ; былъ обычай посылать друзьямъ со стола разныя кушанья. На веселыхъ пирушкахъ выбирали по жребію одного изъ гостей въ цари: онъ распоряжалъ всѣмъ, провозглашалъ заздравные тосты, предписывалъ забавные законы при питьѣ, и слишкомъ умѣренному гостю выливалъ вино на голову. Веселыя пѣсни были необходимою приправою всякаго пира; лира ходила кругомъ по залѣ пиршества, и каждый гость долженъ былъ спѣть пѣсню, когда до него доходила очередь. Кто не умѣлъ самъ потѣшить гостей, призывалъ танцовщицъ, пѣвицъ и флейщицъ, иногда шутовъ и скомороховъ.

Въ Аѳинахъ былъ обычай вѣшать передъ домомъ, гдѣ родился мальчикъ, вѣнокъ изъ масличной вѣтви, а гдѣ родилась дѣвочка, шерстяную перевязь. Масличная вѣтвь служила символомъ, что мужчина долженъ заниматься земледѣліемъ, повязка означала женскія рукодѣлія. Такъ какъ отецъ имѣлъ право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, новорожденное дитя обыкновенно клали къ его ногамъ. Поднимая его, онъ безмолвно выражалъ свою обязанность его воспитывать. Если онъ не поднималъ его, дитя убивали или выносили изъ дому. Но этотъ варварскій обычай вывелся во времена образованнѣйшія. Въ седьмой или десятый день по рожденіи, всѣмъ родственникамъ дава-

ли жертвенный пиръ, причемъ дитя получало имя. Охотно давали дѣтямъ славныя имена предковъ. Прозвищъ фамильныхъ у Грековъ не было, и потому, для точнѣйшаго означенія человѣка, всегда называли его по отчеству. Чтобы обезпечить новаго гражданина въ обладаніи тѣми значительными правами, которыми въ послѣдствіи онъ долженъ былъ пользоваться въ Аѳинахъ, его надлежало внести въ списки фратрій (подраздѣленій колѣнъ) и колѣнъ. Это совершалось обыкновенно въ праздникъ апатурій, и присемъ соблюдаемы были опредѣленные обряды. Родители должны были присягнуть, что младенецъ сынъ гражданина и гражданки, и прижитъ въ законномъ бракѣ. Обрядъ совершали обыкновенно между первымъ и третьимъ годомъ жизни. На осьмнадцатомъ году его принимали въ разрядъ эфебовъ (юношей), и онъ обязывался къ военной службѣ. Онъ произносилъ предъ алтаремъ священную присягу, никогда не позорить оружія аѳинскаго, не оставлять своего мѣста, жертвовать жизнію за отечество. Наконецъ, на двадцатомъ году, молодой Аѳинянинъ вносимъ былъ въ разрядъ мужей, въ спискѣ своего колѣна. Тогда онъ могъ уже присутствовать въ собраніяхъ народныхъ, искать мѣстъ государственныхъ, и, по смерти отца, самъ распоряжаться своимъ достояніемъ. Воспитаніе въ глазахъ древнихъ имѣло большую важность: это видно и изъ того, что законодательство у нихъ всегда начиналось съ воспитанія. Предметами обученія юношества у Грековъ были гимнастика и музыка (см. ч. I, статью 12). Гимнастикѣ учились въ гимназіяхъ. Гимназіею собственно называлось мѣсто, гдѣ юноши являлись нагіе (γυμνὸς), для упражненія въ тѣлесныхъ движеніяхъ. Такихъ мѣстъ въ Аѳинахъ было три, одно въ Лицеѣ, другое на холмѣ Киносаргѣ, третье въ Академіи; всѣ за городскими стѣнами. Это были обширныя зданія, окруженныя садами и священною рощею. Сначала вступали на четвероугольный дворъ, окруженный галереями и зданіями. На трехъ сторонахъ двора находились большія залы, уставленныя сѣдалищами: здѣсь философы, софисты и ораторы собирали своихъ учениковъ; на четвертой сторонѣ расположены были покои для бань и дру-

гихъ потребностей гимназіи. Изъ этого двора входили во второй дворъ, также четвероугольный; по тремъ сторонамъ его тянулись галереи. Въ одной изъ галерей, называвшейся ксистосъ, воспитанники упражнялись въ борьбѣ; здѣсь они защищены были отъ вѣтра и непогоды, и удалены отъ зрителей. По другую сторону ксистоса тянулась длинная дорога, для бѣганія взапуски. Были и другія заведенія, подобныя гимназіямъ: они назывались палестрами, но въ палестрахъ занимались гимнастическими упражненіями взрослые и бойцы по ремеслу (атлеты). Древніе весьма уважали гимнастику, потому что она необходима для согласнаго образованія всѣхъ силъ, и можетъ служить превосходнымъ приспособленіемъ къ войнѣ, но при всемъ томъ они понимали и вредныя дѣйствія образованія односторонняго, и отвергали излишнее занятіе тѣлесными упражненіями, потому что оно могло повести юношей къ грубости и дикости.

Подъ музыкою (искусствомъ музъ) древніе разумѣли не только собственно музыку, но и поэзію и изящную словесность. Музыкою занимались они не потому только, что она доставляетъ удовольствіе и забаву, но въ особенности по той причинѣ, что древніе приписывали ей дѣйствія нравственныя: она успокоиваетъ и укрѣпляетъ душу. Посему греческіе философы отвергаютъ пріятные, изнѣженные и разслабляющіе душу напѣвы и роды музыки, и особенно одобряютъ музыку дорійскую, которая отличалась мужественнымъ, важнымъ, твердымъ и строгимъ характеромъ, какимъ славилось и племя, которому она обязана своимъ происхожденіемъ и образованіемъ. Равнымъ образомъ порицаютъ они излишнее занятіе музыкою, стремленіе гражданина сдѣлаться виртуозомъ, потому что это было дѣломъ музыкантовъ по ремеслу. Аристотель *) говоритъ: «Такъ какъ въ этомъ случаѣ цѣль музыки есть только удовольствіе слушателей, а не облагороженіе занимающагося искусствомъ, то это трудъ наемниковъ, а не людей свободныхъ.»

*) Политика VIII, 6.

Поэты, и преимущественно Гомеръ, служили основою всему греческому образованію. По Гомеру дѣти учились читать, и очень рано знали наизустъ отрывки изъ него, равно какъ и изъ другихъ поэтовъ. Оттого съ самаго нѣжнаго возраста чувство ихъ направлено было къ поэзіи, оттого возникали у нихъ страсть къ изящному, пылкое чувство и тонкій вкусъ, какихъ мы не находимъ ни у одного народа на такой степени развитія, какъ у Грековъ, и преимущественно у Аѳинянъ. Уже Гомеръ славилъ чары музъ, какъ благороднѣйшій даръ неба человѣку. Изящныя искусства, вмѣстѣ съ тѣми познаніями, которыя необходимы для исполненія въ послѣдствіи обязанностей гражданина, составляли главнѣйшую часть въ воспитаніи Грековъ. Изучать предметы для выгоды или корысти, какую можно извлечь изъ нихъ, считалось недостойнымъ человѣка свободно рожденнаго, и Горацій справедливо хвалитъ Грековъ за то, что воспитаніе не увлекало ихъ съ юныхъ лѣтъ къ заботамъ о благѣ тѣлесномъ, какъ воспитаніе римское. Оттого, говоритъ онъ, и музы были къ нимъ благосклонны. Литературное образованіе Грековъ отличалось отъ образованія позднѣйшихъ народовъ еще тѣмъ, что они не изучали языковъ иностранныхъ, и чужіе поэты и писатели ни въ чемъ не служили имъ образцами. Тѣмъ оригинальнѣе и самобытнѣе были ихъ произведенія. Они возникали изъ глубины ихъ собственной жизни, не затемненныя, не поврежденныя инороднымъ вліяніемъ, чуждыми взглядами и понятіями. Оттого и языкъ, служащій всегда отпечаткомъ характера и образа мыслей народа, всегда сообразный съ состояніемъ поэзіи и витійства, у Грековъ постоянно болѣе и болѣе развивался, богатѣлъ, пріобрѣталъ благозвучіе и гибкость. Во времена позднѣйшія, особенно въ наши дни, изучали и изучаютъ множество иностранныхъ языковъ; писатели иноземные служатъ намъ образцами, и это обстоятельство не мало задерживаетъ чистый токъ творчества, и искусственною прибавкою инороднаго отнимаетъ у произведеній самобытныхъ первоначальную ихъ свѣжесть и силу. За то, съ другой стороны, все наше образованіе гораздо болѣе предохранено отъ опасностей направленія односторонняго; кругъ на-

шего зрѣнія гораздо обширнѣе; мы можемъ понимать, собирать и вкушать умственныя произведенія разныхъ вѣковъ и народовъ; они служатъ намъ украшеніемъ, какъ разнообразные, пышные цвѣты иноземные украшаютъ наши сады. Такъ, въ быту человѣческомъ, одно совершенство развивается на счетъ другаго, и ни одному вѣку не суждено соединить въ себѣ всѣ выгоды и преимущества.

Не должно выпускать изъ виду одного важнаго обстоятельства, для уразумѣнія жизни древнихъ, особенно Грековъ во время цвѣтущаго ихъ состоянія: это необыкновенный досугъ, какимъ они наслаждались, сравнительно съ многообразными занятіями хлопотливой жизни въ новѣйшее время. Въ наши дни одни богачи пользуются преимуществомъ не употреблять времени и трудовъ почти исключительно на поддержаніе жизни: у Грековъ, напротивъ, при гораздо меньшемъ количествѣ и утонченіи матеріяльныхъ потребностей, было много свободныхъ гражданъ, которыхъ, по нашимъ понятіямъ, нельзя причислить къ классу людей богатыхъ, но которые пользовались преимуществомъ нашихъ богачей. Оттого древніе писатели гораздо болѣе новѣйшихъ говорятъ не только о полезномъ, но и о благородномъ употребленіи времени. «И трудъ, и досугъ, говоритъ Аристотель, необходимы, но досугъ предпочтителенъ работѣ. Только не надобно наполнять досуга игрою, иначе игра будетъ цѣлію жизни; для достойнаго употребленія досуга, надлежитъ изучать извѣстные предметы (именно искусства музъ въ обширнѣйшемъ значеніи сего слова), и сіи предметы должны быть изучаемы для нихъ самихъ, а что относится къ работѣ, то изучается по необходимости или для другихъ цѣлей.» Изъ сказаннаго здѣсь философомъ объ употребленіи досуга, видно, какимъ образомъ досугъ, представленный въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, предлагаемый такъ рѣшительно, отличается отъ лѣнивой праздности. Этотъ-то досугъ дозволялъ людямъ, отличавшимся другъ отъ друга и житейскимъ званіемъ, и дарами счастія, и наклонностями, даже по окончаніи юношескаго образованія заниматься искусствами благородными, наполнять ими большую часть своей жизни, и наслаждаться прекрасными ихъ

дѣйствіями. Да и тѣ требованія, которыя государство обращало къ своимъ гражданамъ, и то великое участіе, которое граждане, съ своей стороны, принимали въ дѣлахъ государства и во всѣхъ событіяхъ его, участіе, вытѣснявшее всѣ остальныя заботы, можно объяснить только существованіемъ такой свободы отъ занятій.

Но, быть можетъ, свобода отъ занятій и досугъ такого множества гражданъ происходили оттого, что большая часть работъ механическихъ предоставлена была особенному сословію людей, собственно къ тому предназначенныхъ; другими словами, оттого, что у Грековъ существовало рабство. Во всей Греціи число невольниковъ далеко превышало число гражданъ свободныхъ. Даже бѣднѣйшіе граждане имѣли хоть по одному невольнику; въ каждомъ посредственномъ домѣ держали ихъ множество для разныхъ работъ: одинъ мололъ хлѣбъ, другой пекъ его, третій былъ поваромъ, тотъ былъ портнымъ, а эти провожали господъ и госпожъ, когда они выходили изъ дому, и такъ далѣе. Другіе работали на фабрикахъ, которыхъ въ Аѳинахъ было множество. Въ загородныхъ помѣстьяхъ рабы пасли стада, пахали землю, занимались звѣриною и рыбною ловлею. Наконецъ тѣ, которые отличались дарованіями и познаніями, употребляемы были на службу, болѣе благородную: они были учителями дѣтей, чтецами и писцами. Владѣть пятидесятью рабами вовсе не составляло рѣдкости; у богачей число ихъ было гораздо значительнѣе. Оттого не должно удивляться, что въ Аттикѣ число свободныхъ относилось къ числу рабовъ, какъ единица къ тремъ *). По исчисленію, сдѣланному вскорѣ по кончинѣ Александра Великаго, Аттика заключала въ себѣ болѣе полумилліона душъ; изъ нихъ свободныхъ было сто тридцать тысячъ, а рабовъ четыреста

*) Böckh Staatshaushaltung der Athener, ч. 1. стр. 40 и слѣд. Бёкъ изъ своихъ исчисленій ошибочно выводитъ результатъ, что свободные относились къ рабамъ какъ 27 ко 100. Надобно понимать здѣсь, что таково было отношеніе свободныхъ ко всему народонаселенію.

тысячъ. Цѣна невольниковъ была различная, смотря по ихъ искусству и расположенію покупщиковъ. Кромѣ невольниковъ, родившихся въ состояніи рабства, большую ихъ часть доставляла война: рабство было обыкновенною участью военноплѣнныхъ.

Женщины у Грековъ вообще не пользовались такимъ уваженіемъ, какое оказываютъ имъ въ настоящее время. Ихъ достоинство, ихъ значеніе въ семействѣ, въ жизни вообще, не были признаваемы въ такой мѣрѣ, какъ нынѣ. Онѣ вели жизнь болѣе отчужденную, затворническую, удалены были отъ сообщества мужчинъ, и потому не могли достигать такого умственнаго развитія, какъ мужчины. Женщина у Грековъ не стояла на степени подруги и повѣренной мужа. Но и это отношеніе представляли нѣкоторые писатели въ рѣзкомъ, преувеличенномъ свѣтѣ: греческихъ женщинъ изображали существами совершенно пренебреженными, униженными, презрѣнными, содержимыми въ затворничествѣ гарема, и до крайности необразованными. Мнѣніе ошибочное: уже Гомеръ представляетъ отношеніе благородныхъ женщинъ въ видѣ чрезвычайно благопріятномъ, и охотно останавливается на похвалахъ имъ. Если въ позднѣйшія времена дѣйствительно не видно особенной и явной заботливости о высшемъ ихъ образованіи, то нѣтъ ни какого повода думать, будто бы онѣ вовсе были лишены его, и изъ того, что повѣствуютъ о строгомъ затворничествѣ, въ какомъ содержимы были женщины и дѣвицы, можно, кажется, вывести только то заключеніе, что Греки считали непристойнымъ благонравной женщинѣ являться внѣ своего дома, на улицѣ, иначе, какъ въ торжественныхъ случаяхъ *). Но не всѣ женщины вели жизнь одинокую. Кто не слыхалъ о свободныхъ греческихъ гетерахъ? Изнѣженная Малая Азія, въ особенности Милетъ, были родиною и разсадникомъ ихъ. Большая часть ихъ, и самыя богатыя, были въ Коринѳѣ, гдѣ онѣ пользовались особен-

*) F. Jakobs, die Hellenischen Frauen, въ его Vermischte Schriften, ч. IV.

нымъ родомъ отличія; самыя славныя гетеры были въ Аѳинахъ. И Солонъ, старавшійся назначеніемъ строгихъ наказаній оградить нравы аѳинскихъ гражданокъ отъ нарушенія супружеской вѣрности и разврата, терпѣлъ гетеръ, и оказывалъ имъ покровительство, и именно, какъ показываетъ отрывокъ изъ одного комическаго стихотворца, съ тою же самою цѣлію. По древнимъ понятіямъ, законодатели принимали въ разсужденіе преимущественно гражданъ и ихъ семейства, а такъ какъ гетеры были иностранки или несвободнаго происхожденія, то нравственнымъ бытіемъ ихъ и можно было жертвовать. Гетеры, особенно аѳинскія, старались отличаться не только красотою, но и умомъ и остротою, хотѣли блистать и образованностію, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя; онѣ умѣли приковывать къ себѣ людей съ большимъ умомъ и характеромъ. Преимущественно можно это сказать объ Аспазіи, знаменитѣйшей изъ всѣхъ греческихъ гетеръ; долгое время она была подругою Перикла, наконецъ сдѣлалась его супругою, и имѣла на него сильное вліяніе; по этому Аспазія и Периклъ не избѣгли колкихъ насмѣшекъ комическихъ стихотворцевъ. Какимъ умомъ, какою образованностію она отличалась, показываетъ Платонъ, который (въ Менексенѣ) заставляетъ Сократа сказать, что Аспазія была его наставницею въ краснорѣчіи, что она образовала многихъ другихъ великихъ ораторовъ, и совершеннѣйшаго изъ нихъ, Перикла. Но Аспазія только одна; она составляла исключеніе изъ того класса женщинъ, къ которому принадлежала. Большею частію онѣ исполнены были того нравственнаго разврата, который необходимо раждался при ихъ свободномъ образѣ жизни, преданы были низкому корыстолюбію, которое старались удовлетворить презрѣннымъ лукавствомъ. Въ особенности онѣ опасны были для юношей, потому что принимали обманчивый видъ искренней любви и нѣжности, чтобы выманивать у легковѣрныхъ богачей средства вести жизнь, полную наслажденій и блистательную *).

*) Jakobs, о гетерахъ, въ томъ же мѣстѣ.

Мы указали на выгоды и преимущества досуга, которымъ у Грековъ среднее сословіе пользовалось гораздо въ большей степени, чѣмъ въ наше время. Но жизнь, свободная отъ занятій, начала обнаруживать и дурную свою сторону, особенно когда, около времени Войны Пелопоннезской, общественный духъ въ Аѳинахъ значительно упалъ, демократія начала переходить въ охлократію, и множество гражданъ, болѣе или менѣе недостаточныхъ и непривыкшихъ къ напряженному труду, сдѣлавшись орудіемъ честолюбивыхъ демагоговъ, запутывали и портили дѣла государственныя, на которыя, по числу своему, имѣли они вліяніе самое рѣшительное.

Сіе участіе въ управленіи государствомъ множества бѣдныхъ гражданъ было причиною того, что назначено было жалованье членамъ народнаго судилища и народнаго собранія, о чемъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ (ч. I. статья 36). Народное судилище въ Аѳинахъ состояло, по крайней мѣрѣ, изъ пятисотъ человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно могло увеличиваться до шести тысячъ. Это полное число членовъ ежегодно выбиралось по жребію изъ всѣхъ гражданъ, для засѣданія въ судахъ. Они назывались геліастами. Изъ этого числа можно видѣть, какъ мало народный судъ и народное собраніе разнились между собою. Сверхъ того Аѳиняне не только рѣшали споры свои собственные, но и присвоили себѣ право суда надъ союзниками, къ величайшему своему вреду. Оттого число тяжбъ возросло чрезвычайно. Ежедневно почти третья часть гражданъ засѣдали въ судѣ; отсюда естественно должна была возникнуть страсть къ сутяжничеству, граждане должны были сдѣлаться не только жадными къ платѣ, и получить отвращеніе отъ занятій полезныхъ, но пріобрѣсть и наклонность къ спорамъ и софисмамъ; городъ наполнился сутягами и лжетолкователями законовъ, которые не имѣли основательнаго понятія о правѣ, но были тѣмъ смѣлѣе и легкомысленнѣе; по выраженію комика, сидя въ судахъ за три обола, съ тростью и въ плащѣ, они думали, что управляютъ дѣлами, между тѣмъ какъ сами управляемы были главами партій.

Жалованье геліастамъ и гражданамъ въ народномъ собраніи поглощало огромныя суммы, покрытіе коихъ нерѣдко производило немалыя затрудненія. Доходило до того, что ораторы безбоязненно предлагали осуждать обвиненныхъ въ чемъ либо богачей, именно только по той причинѣ, что, не отобравъ у кого нибудь имѣнія, нечѣмъ было платить жалованья народу.

Такою же вредною болѣзнію, истощавшею государственное благоденствіе Аѳинъ, былъ ѳеоріконъ. Чтобы избѣжать давки и драки при входѣ въ театръ, давно уже поставлено было продавать мѣста, но, съ другой стороны, чтобы не лишить и бѣдныхъ людей удовольствія быть въ театрѣ, правительство выдавало имъ потребные на то два обола : эти деньги назывались ѳеоріконъ. Въ послѣдствіи плата была увеличена, чтобы народъ въ праздники могъ веселиться и имѣть хорошую пищу. На ѳеоріконъ употребляли суммы, оставшіяся въ государственной казнѣ, за покрытіемъ обыкновенныхъ расходовъ. Но къ этимъ обыкновеннымъ расходамъ не принадлежали издержки военыя, и такъ какъ народъ болѣе всего думалъ о своемъ удовольствіи, вскорѣ дошло до того, что употребленіе денегъ на ѳеоріконъ препятствовало вести надлежащимъ образомъ войну, и даже дѣлало ее совершенно невозможною.

47. Отступленіе десяти тысячъ Грековъ.

(401—400 г. до Р. Х.)

Послѣ краткаго уклоненія, снова обращаемся къ исторіи. Взорамъ нашимъ представляется ближе всего Монархія Персидская. Мы уже упоминали, что Артаксеркъ Мнемонъ вступилъ на престолъ, упразднившійся смертію его отца, а младшій братъ его, Киръ, особенно любимый и благопріятствуемый матерью, и по своему уму и силѣ нравственной достойный носить имя основателя Монархіи Персидской, думалъ, что, по достоинствамъ своимъ, онъ имѣетъ болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Артаксеркъ по первородству. Мы уже говорили, что, замышляя отнять власть у брата, Киръ искалъ помощи Грековъ, преимущественно Спартанцевъ, и потому ревностно поддерживалъ ихъ въ концѣ великой войны ихъ съ Аѳинами. Щедрость, постоянство въ дружбѣ, умѣнье привлекать любовь, не только склонили на его сторону Спарту, но и доставили ему въ другихъ греческихъ городахъ усердныхъ приверженцевъ, которые набирали для него въ Греціи ратниковъ, а на деньги, необходимыя для того, онъ не скупился. Изъ сихъ приверженцевъ дороже всѣхъ для него былъ Клеархъ, другъ его друга, Лисандра. Клеархъ былъ прежде того армостомъ въ Византіи; самовластіемъ и насильствами онъ въ высшей степени употреблялъ во зло ввѣренную ему власть, но имѣлъ отличныя дарованія военачальника. Совершенно посвященный въ замыслы Кира, онъ тихо и незамѣтно составилъ для него во Ѳракійскомъ Херсонесѣ прекрасное и опытное войско изъ греческихъ наемниковъ. Подъ разными предлогами, Киръ умѣлъ равнымъ образомъ набрать подобные отряды въ Ѳессаліи и греческихъ городахъ Азіи. Еще прежде польстилъ онъ Грекамъ своею довѣренностью: по случаю приближавшейся кончины своего отца, отправляясь въ Сузу, онъ позволилъ сопровождать себя наемникамъ греческимъ, и теперь, когда, по разсчетамъ его, настало время дѣйствовать предуготовленными силами, онъ собралъ въ Малой Азіи десятитысячное войско тяжело во-

оруженныхъ Грековъ, на опытность и вѣрность коихъ могъ полагаться (въ мартѣ 401 г.). Сверхъ того спартанскій флотъ готовъ былъ, въ случаѣ нужды, помогать ему. Одинъ видъ, вооруженіе и воинская осанка наемныхъ войскъ устрашали варваровъ; при воинскихъ упражненіяхъ ихъ, зрители приходили въ ужасъ, который казался Киру вѣрнѣйшимъ и лучшимъ предзнаменованіемъ успѣха. Изъ Лидіи повелъ онъ Грековъ далѣе во внутренность Азіи, но не осмѣливался въ то же время открыть имъ отдаленную цѣль и опасный свой замыселъ: онъ имъ говорилъ, что идетъ противъ возмутившихся Писидіянъ, а иногда увѣрялъ, что намѣренъ воевать съ сатрапомъ Сиріи.

Такъ увлекалъ онъ десять тысячъ все далѣе и далѣе, и даже когда они начинали угадывать истину, умѣлъ укрощать ихъ ропотъ. Наконецъ прибыли къ Эвфрату. При переходѣ чрезъ рѣку, онъ неизбѣжно долженъ былъ открыть дѣйствительное свое намѣреніе. Греки зашли уже слишкомъ далеко, и безъ его помощи не могли воротиться; обѣщаніе новыхъ, блистательныхъ наградъ заставило ихъ послѣдовать за нимъ безусловно. Близъ Кунаксы вся армія Кира встрѣтилась (въ октябрѣ) съ арміею Артаксеркса; завязалась битва, и хотя Греки обратили въ бѣгство правое крыло непріятельское, но Киръ погибъ въ единоборствѣ съ своимъ братомъ, на котораго онъ произвелъ быстрый натискъ; онъ былъ убитъ тѣлохранителями Артаксеркса. Увидѣвъ гибель вождя, вся персидская армія Кира обратилась въ бѣгство, но Греки побѣдоносно удержали за собою поле битвы, отразивъ наступавшаго на нихъ Артаксеркса. Сія побѣда внушила имъ такое мужество, что они предложили Аріею, знатному Персу, другу Кира и второму по немъ начальнику, оспоривать престолъ у Артаксеркса, возбудила въ нихъ такую гордость, что когда Артаксеркъ потребовалъ у нихъ выдачи оружія, они отвѣчали, какъ истинные свободные Греки. И дѣйствительно только одна смѣлость могла спасти ихъ. Аріей, торжественно поклявшійся вести ихъ другою дорогою, потому что на этомъ пути они терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, примирился съ царемъ Артаксерксомъ. Тиссафернъ вступилъ

съ ними въ переговоры, и отъ имени Царя обѣщалъ свободное отступленіе, но подъ сею наружною кротостью скрывалось самое постыдное коварство. Вѣроломный Персъ пригласилъ къ себѣ Клеарха и другихъ греческихъ вождей; они явились къ нему, не принявъ мѣръ осторожности, были схвачены вопреки данному слову, и въ оковахъ отосланы къ Царю, который повелѣлъ ихъ казнить. Тиссафернъ надѣялся легко одолѣть войско, лишившееся вождей, но жестоко въ томъ обманулся.

Правда, при первомъ извѣстіи объ измѣнѣ, Греки пришли въ отчаяніе. Они были завлечены на восточный берегъ Тигра, не знали странъ, чрезъ которыя должны были искать пути на родину, не имѣли ни вождей, ни съѣстныхъ припасовъ, и окружены были враждебными народами. Но въ это время выступилъ изъ рядовъ Аѳинянинъ Ксенофонтъ, присоединившійся къ десяти тысячамъ въ качествѣ вольнослужащаго, и настоятельно убѣждалъ ихъ не ожидать бездѣйственно гибели, а пролагать путь на родину собственною силою, какъ бы ни были велики препятствія. Рѣчь его оживила малодушныхъ новою довѣренностью къ судьбѣ. По совѣту его, немедленно приступили къ выбору другихъ вождей: престарѣлому Херисофу, котораго уважали, какъ Спартанца, ввѣрено было начальство надъ передовымъ войскомъ, а Ксенофонту, воину самому благоразумному, надъ охраннымъ отрядомъ; затѣмъ сожгли всѣ повозки, палатки и всю поклажу, оставили только самое необходимое, чтобы ничто не могло затруднять движенія, и пустились въ дорогу, постоянно тревожимые нападеніями преслѣдовавшаго ихъ Тиссаферна. Не имѣя возможности перейти глубокій Тигръ, они увидѣли, что дальнѣйшій путь по берегу сей рѣки, при постоянномъ преслѣдованіи непріятелями, которые легко могли окружить ихъ, слишкомъ опасенъ, и потому рѣшились броситься къ сѣверу, въ горы Кардуховъ. Внезапно, ночью, покинули они прежнюю дорогу, перехитрили Персовъ, и спаслись посредствомъ такой отважной мѣры. Тиссафернъ не посмѣлъ итти за ними въ страну воинственныхъ Кардуховъ, которыхъ Персы никогда не могли покорить и всегда страши-

лись. Онъ обратился на западъ, въ Іонію, между тѣмъ какъ Греки безъ всякой опасности перешли Тигръ и Эвфратъ, не далеко отъ источниковъ сихъ рѣкъ. Семь дней, исполненныхъ тяжкими трудами, употребили они, чтобы пройти чрезъ горныя ущелья къ рѣкѣ Кентриту, составляющей границу Арменіи. Тамъ ожидали ихъ новые ужасы. Предъ ними, на противоположномъ берегу Кентрита, стояли войска сатрапа Арменіи, предупредившаго ихъ другими дорогами. Позади ихъ, изъ горъ, только что покинутыхъ ими, грозили имъ Кардухи. Оборотливость и прозорливость Ксенофонта, усилія ратниковъ вывели армію изъ опаснаго положенія, и переходъ черезъ рѣку былъ совершенъ. Коварство сатрапа Западной Арменіи, замышлявшаго истребить ихъ подъ видомъ дружбы, предупредили они мужественнымъ нападеніемъ. Гораздо опаснѣе и неизбѣжнѣе были враги естественные: глубокій снѣгъ, страшный холодъ; воины гибли во множествѣ. Ксенофонтъ не унывалъ, и ободрялъ утомленныхъ. Наконецъ пришли они къ жилищамъ Халибовъ: то былъ свободный, воинственный горный народъ, страшнѣе всѣхъ, какіе имъ встрѣчались до сихъ поръ. Халибы оказали мужественное сопротивленіе, и это обстоятельство заставило Грековъ, къ счастію ихъ, покинуть направленіе къ сѣверу, которое вело ихъ прямо на Кавказъ, и уклониться къ сѣверозападу. И вотъ, наконецъ, прибыли они къ Черному Морю, и съ одной прибрежной горы насладились давно желаннымъ видомъ открытаго моря. Никогда видъ берега не возбуждалъ въ гонимыхъ бурею пловцахъ такой радости, какую возбудилъ теперь въ Грекахъ видъ воды. Когда передовые отряды радостнымъ крикомъ дали знать, что видятъ море, всѣ бросились на высоты, чтобы насладиться восхитительнымъ зрѣлищемъ. Со слезами радости обнимали они другъ друга, и простирали руки къ богамъ-избавителямъ. Только одна еще борьба предстояла имъ, борьба съ Колхидянами. Колхидяне обращены были въ бѣгство. Затѣмъ Греки прибыли въ первый греческій городъ, Трапезунтъ, гдѣ выразили свою радость жертвоприношеніями и гимнастическими играми. Изъ десяти

тысячъ оставалось только восемь тысячъ шестьсотъ человѣкъ.

Но опасности и труды ихъ еще не кончились. Продолжая путь чрезъ Малую Азію, они все еще должны были сражаться съ непріятелями, но эти непріятели не были для нихъ такъ опасны, какъ раздоры, возникшіе между ими самими, и враждебныя козни ихъ соотечественниковъ, даже спартанскаго наварха, подкупленнаго Фарнабазомъ. Ксенофонтъ умѣлъ преодолѣть и эти препятствія. Его безкорыстіе, благоразуміе и кротость дѣйствовали здѣсь такъ же спасительно, какъ прежде его мужество, рѣшительность и терпѣніе. Когда войско перешло въ Европу, ратники, не находя себѣ убѣжища, приняли предложеніе ѳракійскаго владѣтеля Севоа, и вступили въ его службу. По истеченіи мѣсяца, наполненнаго побѣдами и славою, они приглашены были двумя спартанскими посланцами въ Азію, служить въ качествѣ наемниковъ подъ начальствомъ Тимброна, который предводилъ войскомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, начавшихся тогда между Спартою и Персіею, или Тиссаферномъ.

Забывъ великія услуги, оказанныя Ксенофонтомъ Грекамъ, Аѳиняне изгнали его изъ своего города, желая отчасти угодить Персамъ *). Но на Олимпійскихъ Играхъ Греки, за спасеніе десяти тысячъ, привѣтствовали его, какъ побѣдителя, и такимъ образомъ правдивый голосъ всей Греціи, возвышаясь надъ крамолами и своекорыстными страстями, воздалъ заслуженную хвалу подвигу, снова представившему во всемъ блескѣ перевѣсъ греческаго мужества и духа надъ Азіею.

Въ Персидской Монархіи, побѣда при Кунаксѣ утвердила Артаксеркса на престолѣ Мнемона, но онъ былъ го-

*) Спартанцы дозволили изгнаннику жить въ Скиллѣ; онъ возблагодарилъ ихъ тѣмъ, что постоянно въ своей Исторіи Греціи оказывалъ имъ пристрастное предпочтеніе. На сторону Спартанцевъ склоняли его и собственныя его политическія мнѣнія; по сей-то причинѣ, демагогъ Эвбулъ и успѣлъ склонить народъ къ изгнанію его изъ Аѳинъ.

сударь слабый и неспособный, и его мать, свирѣпая Парисатида, вполнѣ управлявшая имъ, безнаказанно совершала злодѣянія неслыханныя. Она губила съ самою изобрѣтательною жестокостію всѣхъ, кто только принималъ участіе въ войнѣ противъ возлюбленнаго ея Кира, или безразсудно тѣмъ хвалился, и даже отравила прекрасную Статиру, супругу Царя, которая, казалось, одна препятствовала ей на пути къ неограниченному господству надъ Артаксерксомъ. За сіе злодѣяніе ей велѣно было только удалиться въ Вавилонъ, и жить тамъ, но чрезъ нѣсколько времени она снова явилась при дворѣ, и такъ искусно умѣла льстить страстямъ своего сына, что вскорѣ пріобрѣла все прежнее на него вліяніе.

48. Борьба Агезилая съ Персіею.

И въ Спартѣ были внутренніе раздоры и потрясенія. Спартанцы, одни въ Лаконіи пользовавшіеся всѣми правами гражданскими, озлобили противъ себя притѣсненіями и презрительнымъ обращеніемъ периековъ и другихъ лаконскихъ полугражданъ, къ которымъ въ особенности принадлежали неодамоды (вольноотпущеные илоты); гонимые составили заговоръ съ цѣлію ниспровергнуть государственное устройство Спарты. Но прежде нежели заговоръ успѣлъ вспыхнуть, онъ былъ открытъ измѣною, и подавленъ. Не менѣе сильно было неудовольствіе другихъ государствъ, зависѣвшихъ отъ Спарты. Аѳины, господствуя надъ островами и городами, въ то же время доставляли имъ большія выгоды своею обширною торговлею, мѣною взаимныхъ потребностей; господство Спарты, напротивъ того, страны вовсе не торговой, не представляло ни какихъ выгодъ, а суровые армосты думали только объ удовлетвореніи своему корыстолюбію. Оттого въ притѣсненныхъ городахъ и островахъ вскорѣ возникла сильная ненависть, и начала колебать господство Спарты.

Къ подавленію упомянутаго заговора преимущественно содѣйствовалъ Агезилай, не задолго до того вступившій

на престолъ, по смерти брата своего, Агиса. Агису собственно долженъ былъ наслѣдовать сынъ его, Леотихидъ, но въ народѣ носилась молва, что онъ сынъ Алкивіада, и по смерти Агиса, Агезилай, съ помощью Лисандра, видѣвшаго въ немъ еще прежде свое орудіе и опору, довелъ дѣло до того, что Леотихидъ признанъ былъ незаконнорожденнымъ, а спартанскій престолъ и личное имѣніе Агиса достались Агезилаю. Почти половину имѣнія онъ великодушно раздарилъ своимъ бѣднымъ родственникамъ со стороны матери. Древніе и новѣйшіе писатели славили Агезилая за его древне-спартанскую простоту нравовъ, за его храбрость, кротость, плѣнительную, привлекающую сердца ласковость и благоразумную уступчивость передъ эфорами. Но, при тщательномъ разсмотрѣніи его жизни, находимъ, что характеръ его такъ же мало заслуживаетъ названія великаго, какъ и честнаго. Въ то время, когда надлежало въ самомъ корнѣ исцѣлить Спарту отъ болѣзней, которыми она страдала, онъ не видѣлъ необходимости въ рѣшительномъ преобразованіи государства, и не имѣлъ довольно нравственной силы, чтобы исполнить подобное предпріятіе. Въ азіятскихъ походахъ своихъ противъ Персіи, гдѣ, кажется, у него была въ виду цѣль дальнѣйшая, онъ являлся хорошимъ полководцемъ; но и тамъ обнаружилось, что онъ не видалъ и не принималъ въ разсужденіе тѣхъ препятствій, которыя противопоставляло исполненію его замысловъ положеніе Греціи. И въ борьбѣ съ Ѳивами онъ слѣдовалъ политикѣ, которая вездѣ отдаетъ предпочтеніе выгодному передъ справедливымъ и достохвальнымъ.

Возвратившись изъ внутренней Азіи въ свою сатрапію, и получивъ въ награду за усердіе власть большую противъ прежней, Тиссафернъ началъ готовиться къ нападенію на греческіе города Азіи, и они обратились съ просьбою о помощи къ Спартѣ. Спарта охотно на то согласилась, и послала въ Малую Азію войска подъ предводительствомъ Ѳимброна, который смѣненъ былъ потомъ Деркиллидомъ. Но такъ какъ Тиссафернъ началъ дѣятельно производить сильнѣйшія вооруженія, Спартанцы поспѣшили отправить въ Малую Азію новое, многочисленнѣйшее войско, и этимъ-

то войскомъ предводительствовалъ Агезилай (396). Его сопровождалъ Лисандръ. Онъ надѣялся возстановить свои прежнія отношенія въ городахъ азійскихъ, почти совершенно разстроенныхъ внутренними безпокойствами, и по своей волѣ управлять Агезилаемъ, но жестоко обманулся. По прибытіи ихъ въ Азію, сначала всѣ тѣснились вокругъ Лисандра, и онъ, попрежнему, казался всесильнымъ; великолѣпіемъ своимъ онъ затмѣвалъ Царя. Но вскорѣ Агезилай сталъ такъ явно унижать любимцевъ Лисандра, что онъ самъ принужденъ былъ совѣтовать имъ обращаться впредь къ Царю, и въ досадѣ оставилъ армію. Въ Спартѣ занимался онъ тайнымъ замысломъ отнять у потомковъ Эврисѳена и Прокла исключительное право на достоинство царское, но и этотъ планъ не имѣлъ успѣха.

Между тѣмъ Тиссафернъ почувствовалъ всю справедливость предостереженія Алкивіадова, что Персія должна болѣе страшиться сухопутныхъ войскъ Спарты, чѣмъ морскихъ силъ аѳинскихъ. Сначала, изъ боязни, онъ возобновилъ съ Агезилаемъ заключенное прежде того перемиріе, но вскорѣ, ободрившись тѣмъ, что изъ Верхней Азіи къ нему подошли значительные отряды войскъ, объявилъ, что Агезилай долженъ либо очистить Азію, либо ожидать войны. Друзья Агезилая думали дѣйствительно, что надлежитъ уклониться отъ страшныхъ силъ персидскихъ, но Агезилай велѣлъ поблагодарить Тиссаферна за то, что онъ своимъ клятвопреступленіемъ доставилъ ему новую помощь, помощь боговъ, приказалъ своимъ воинамъ готовиться къ походу, и объявилъ всѣмъ городамъ, чтобъ они высылали людей и доставляли съѣстные припасы на дорогу въ Карію. Тиссафернъ былъ также убѣжденъ, что Агезилай вступитъ въ сію страну, и расположилъ свою армію для защиты ея, но Царь Спартанскій неожиданно и съ величайшею поспѣшностью вторгнулся во Фригію, сатрапію Фарнабаза, и собирая огромную добычу, прошелъ по сей странѣ до Даскиліона, столицы сатрапа. Лишь за недостаткомъ всадниковъ, которыхъ можно было бы противопоставить персидской конницѣ, тѣснившей Грековъ съ тыла, Агезилай долженъ былъ воротиться въ Эфесъ. Всю зиму употребилъ онъ на соста-

вленіе и обученіе хорошей конницы; онъ чувствовалъ, какъ необходима она для продолженія войны. Въ слѣдующую весну повторились событія прошедшаго года. Тиссафернъ опять обманулся въ дѣйствительныхъ замыслахъ спартанскаго полководца, и снова оберегалъ только Карію. Агезилай внезапно явился у Сардъ, и разбилъ персидскую конницу, отдѣлившуюся отъ пѣхоты. Слѣдствіемъ сей побѣды были безпрепятственное опустошеніе страны и богатая добыча, цѣною простиравшаяся до семидесяти талантовъ.

Никогда еще врагъ не угрожалъ такъ сильно Монархіи Персидской; на Тиссаферна палъ гнѣвъ Артаксеркса; мать Царя, Парисатида, не щадившая, въ своей кровавой мести, ни одного противника ея возлюбленнаго сына, Кира, раздувала сей гнѣвъ; быть можетъ, и Фарнабазъ не оставался безъ дѣйствія, и сатрапъ заплатилъ за пораженіе своею головою. Греки радовались гибели врага Эллиновъ; такъ называютъ Тиссаферна писатели ихъ, и изъ этого положительно можно заключить, что взведенное на него подозрѣніе въ измѣнѣ, было неосновательно. Дѣла персидскія, послѣ паденія Тиссаферна, не только не могли поправиться, но пришли еще въ худшее положеніе: это показывали дѣйствія его губителя и преемника, Тиѳравста. Тиѳравстъ немедленно предложилъ Агезилаю миръ отъ имени Артаксеркса; онъ обѣщалъ даровать свободу греческимъ городамъ въ Азіи, съ тѣмъ только, чтобъ они платили прежнюю дань. Агезилай возразилъ, что онъ не можетъ рѣшить этого дѣла, не снесясь прежде съ своимъ правительствомъ, и Тиѳравстъ далъ ему тридцать талантовъ съ тѣмъ, чтобы онъ, до окончательнаго примиренія Спарты съ Персіею, оставилъ по крайней мѣрѣ его область, и перешелъ въ сатрапію Фарнабаза. Хотя бы эти предложенія были только хитростію со стороны Тиѳравста, желавшаго между тѣмъ возбудить персидскимъ золотомъ враговъ противъ Спартанцевъ въ самой Греціи, при всемъ томъ обнаруживались здѣсь слабость и недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, болѣе и болѣе возвышавшія надежду Агезилая. Спартанское правительство, съ своей стороны, сдѣлало все, чтобы по возможности соединить въ рукахъ своего Царя всѣ силы, на-

ходившіяся въ распоряженіи Спарты: оно поручило Агезилаю начальство надъ флотомъ, довѣренность до тѣхъ поръ еще неслыханная.

Передъ начатіемъ новаго похода, Агезилай пытался склонить Фарнабаза къ отпаденію, обѣщая сдѣлать его независимымъ владѣтелемъ его сатрапіи. Объ этомъ между ими происходили личные переговоры *), но сими переговорами Агезилай успѣлъ склонить Фарнабаза только къ обѣщанію соединиться съ Греками, какъ скоро Артаксеркъ ввѣритъ главное начальство кому либо другому. И въ самомъ этомъ обѣщаніи Агезилай видѣлъ новое свидѣтельство внутренней слабости огромной Персидской Монархіи. Посему онъ рѣшился слѣдующею весною (394), прекратить войну на берегахъ моря, и пройти далѣе внутрь страны; онъ былъ убѣжденъ, что всѣ земли и народы, которые останутся у него въ тылу, какъ за охранительною стѣною, отпадутъ отъ Монархіи Персидской. Спарта находилась также въ союзѣ съ царемъ Египта, котораго Персы не могли совершенно усмирить съ времени возстанія Амиртея, и получала оттуда вспоможенія всякаго рода, такъ что предпріятіе Агезилая, при всей обширности своей, казалось сбыточнымъ. Но въ самое то время, когда Агезилай горделиво стремился къ славному вѣнку побѣдителя, онъ отозванъ былъ въ Грецію, для спасенія своего отечества, которое, гораздо скорѣе Аѳинъ, должно было убѣдиться, что легче завоевать Персидскую Монархію, по крайней мѣрѣ по сю сторону Тавра, чѣмъ усмирить не большія, но кипѣвшія жизнію государства Греціи.

---

*) Плутархъ повѣствуетъ, что Агезилай, прибывъ первый на свиданіе, безъ дальнихъ околичностей легъ на травѣ, и сатрапъ, чтобы не унизиться, принужденъ былъ послѣдовать его примѣру, хотя для него раскинуты были драгоцѣнные ковры. Такое презрѣніе къ нѣгѣ Агезилай оказывалъ въ этой войнѣ повсюду. Азіятскіе Греки, говоритъ тотъ же писатель, съ удовольствіемъ видѣли, какъ смиренно повиновались теперь армосты, прежде нестерпимо гордые и роскошные, малорослому, хромому и скудно одѣтому человѣчку.

49. Событія до Анталкидова Мира.

(394 — 387 г. до Р. Х.)

Съ горестнымъ чувствомъ оставилъ Агезилай обширное поприще побѣдъ и славы, которое, безъ сомнѣнія, открылось бы передъ нимъ, если бъ несправедливость, высокомѣріе и самовластіе Спарты не возбудили противъ нея враговъ, содѣлавшихъ сомнительными, даже невозможными всѣ дальнѣйшіе успѣхи. Центромъ государствъ, желавшихъ прекращенія стѣснительной гегемоніи Спартанцевъ, сдѣлались Ѳивы. Громко, но тщетно жаловались онѣ, что Спарта присвоила исключительно себѣ выгоды побѣды, пріобрѣтенной усиліями всѣхъ ея союзниковъ. Къ Ѳивамъ присоединился Коринѳъ. Мужество ожило и въ Аѳинянахъ; они видѣли, что необходимая для ихъ политической дѣятельности стихія, море, снова съ ними освояется; гражданинъ аѳинскій Кононъ, со времени битвы при Эгосъ-Потамосѣ, жившій, какъ мы уже знаемъ, въ Кипрѣ, начальствовалъ теперь персидскимъ флотомъ, и дѣйствовалъ противъ Спартанцевъ на морѣ, безъ сомнѣнія имѣя въ виду выгоды своего отечества *).

Персія, желая защититься отъ Спарты, щедро разсыпала золото, котораго не отвергали ни въ Ѳивахъ, ни въ Коринѳѣ, ни въ Аргосѣ, и старалась изъ сихъ тлѣющихъ подъ пепломъ искръ зависти и злобы раздуть пламя войны. Ѳивяне вскорѣ нашли поводъ къ войнѣ открытой. Они возбудили опунтскихъ Локрянъ къ войнѣ противъ Фокіянъ, и подали имъ помощь, зная, что Спарта приметъ сторону Фокіянъ. Дѣйствительно, Спарта немедленно воспользовалась симъ случаемъ, преимущественно по внушенію Лисан-

*) Родосцы, отпавшіе теперь отъ Спартанцевъ, перешли конечно на сторону Конона, а не на сторону Персовъ. Съ потерею Родоса, Спартанцы лишились большихъ запасовъ хлѣба, которые Царь Египетскій прислалъ для нихъ на сей островъ.

дра, который, по возвращеніи изъ Азіи, искалъ новой дѣятельности и новой славы на полѣ брани. Вліяніе его въ Спартѣ снова возвысилось, съ тѣхъ поръ, какъ начинающееся волненіе въ Греціи, повидимому, оправдывало необходимость строгихъ мѣръ, которыя онъ предлагалъ употребить противъ Аѳинъ, вопреки мнѣнію царя Павзанія, и которыхъ однако жъ не успѣлъ поддержать. Ему поручено было набрать войско среди воинственныхъ народовъ сѣверной Греціи, и вторгнуться съ нимъ въ Віотію. Царь Павзаній долженъ былъ, въ то же время, двинуться съ главною лакедемонскою арміею съ другой стороны, черезъ истмъ, и соединиться съ Лисандромъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстный день. Лисандръ явился предъ Галіартомъ, и осадилъ его. Ѳивяне поспѣшили на помощь. Неизвѣстно, былъ ли Лисандръ дѣйствительно застигнутъ въ расплохъ и не могъ уклониться отъ битвы, или въ горделивой самоувѣренности и изъ ложной зависти не считалъ нужнымъ отступить до прибытія Павзанія: довольно того, что онъ принялъ сраженіе, и погибъ въ немъ (въ 394). Павзаній прибылъ съ войскомъ, но не осмѣлился вступить въ битву; онъ вытребовалъ только трупъ Лисандра и прочихъ убитыхъ, и обязался за то очистить Віотію. За сей поступокъ, въ Спартѣ онъ приговоренъ былъ къ смерти, и успѣлъ спастись только бѣгствомъ. Союзъ между Коринѳомъ, Ѳивами, Аргосомъ и Аѳинами, упроченный побѣдою, сталъ обнаруживаться болѣе и болѣе, и многія небольшія государства Греціи присоединились къ нему. Въ самой Ѳессаліи нѣкоторые города и народы перешли на сторону союзниковъ; духъ партій воспрепятствовалъ всеобщему, единодушному возстанію. Такимъ образомъ союзники явились въ силѣ довольно значительной, и чтобъ ближе устрашить Спарту, сдѣлали Коринѳъ средоточіемъ своихъ совѣщаній и точкою опоры для нападеній на Пелопоннезъ.

Тѣснимая такимъ образомъ, Спарта вызвала Агезилая изъ Азіи; онъ поспѣшилъ къ ней на помощь. Царь Персидскій, говорилъ онъ, гонитъ меня изъ Азіи десятью тысячами стрѣлковъ (которые изображены были на персидскихъ монетахъ.) Оставивъ отрядъ для охраненія горо-

довъ, онъ перешелъ, съ отборными войсками, чрезъ Геллеспонтъ въ Европу, тѣмъ же путемъ, которымъ нѣкогда Ксерксъ вторгнулся въ Грецію; оружіемъ, и частію однимъ ужасомъ оружія, проложилъ себѣ путь черезъ Ѳракію и Македонію. Когда Царь Македонскій, на вопросъ, можно ли пройти чрезъ его земли, отвѣчалъ, что онъ подумаетъ, Агезилай смѣло воскликнулъ: «пусть онъ думаетъ, а мы между тѣмъ пойдемъ впередъ!» Получивъ на пути извѣстіе о битвѣ при Сикіонѣ, которая, при значительномъ уронѣ съ обѣихъ сторонъ, склонилась болѣе въ пользу Спартанцевъ, онъ сказалъ: «Горе тебѣ, Греція, что ты сама отъ себя теряешь такъ много храбрыхъ; будь они живы, они могли бы побѣдить всѣхъ варваровъ.» Въ патріотическомъ негодованіи онъ забылъ, что вина въ этотъ разъ преимущественно была на сторонѣ Спартанцевъ. Въ Ѳессаліи доставилъ онъ устроенной имъ конницѣ славу побѣды надъ знаменитыми отрядами всадниковъ ѳессалійскихъ.

Гораздо значительнѣе сухопутныхъ сраженій, гораздо обильнѣе послѣдствіями, была рѣшительная побѣда, которую Кононъ, начальствуя персидскимъ флотомъ, подкрѣпленнымъ азіятско-греческими кораблями, одержалъ надъ Спартанцами на водахъ Книда (въ 394 г.). Спартанцы лишились пятидесяти триремъ и наварха Писандра, зятя Агезилаева. Агезилай получилъ печальную вѣсть объ этомъ, когда хотѣлъ вторгнуться въ Віотію. Опасаясь вреднаго впечатлѣнія, которое могла она произвести на войско, онъ повелѣлъ распространить извѣстіе о побѣдѣ; настоящія свои чувствованія онъ скрылъ подъ кровомъ скорби о потерѣ родственника. Такъ повелъ онъ войско противъ союзниковъ, и встрѣтилъ ихъ близъ Коронеи. Битва была жаркая и кровопролитная. Пятьдесятъ спартанскихъ юношей, окружавшихъ Агезилая, бились отчаянно: они спасли Царя отъ смерти, но не избавили отъ раны, и побѣда осталась нерѣшеною. Хотя Агезилай поздно вечеромъ похоронилъ своихъ убитыхъ ратниковъ, и на утро, при звукахъ флейтъ, выдвинулъ впередъ воиновъ, украшенныхъ вѣнками, и тѣмъ принудилъ Ѳивянъ просить у него труповъ убитыхъ (знакъ пораженія,) но спартанское войско не пошло далѣе въ Віотію, не

угрожало зайти въ тылъ арміи союзниковъ, собравшейся на истмѣ, и двинулось въ Фокиду, а оттуда моремъ переправилось въ Пелопоннезъ. Агезилай возвратился въ Спарту, частію для того чтобы разсѣять Лисандрову партію, силившуюся ослабить вліяніе царей, въ чемъ и успѣлъ, частію для совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ къ войнѣ, позорищемъ которой теперь сдѣлался Пелопоннезъ. Въ самомъ городѣ Коринѳѣ враждовали партіи аристократовъ и демократовъ; послѣдніе, согласно образу своихъ мыслей приставъ къ союзу противъ Спарты, подкрѣплялись войсками союзниковъ, благоразуміемъ и опытностью аѳинскихъ полководцевъ Ификрата и Хабрія. Впрочемъ, кажется, демократы не были довольно сильны, и потому прибѣгли къ средству отчаянному: въ одинъ праздничный день они измѣнически напали въ расплохъ на противниковъ. Не было пощады даже тому, кто бѣжалъ къ алтарямъ; сто двадцать человѣкъ погибли, пятьсотъ спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы обратились къ друзьямъ своимъ, Спартанцамъ, и еще усилили раздраженіе между воюющими сторонами. Въ сихъ маловажныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ Аѳиняне въ первый разъ начали употреблять наемныя войска; вредное дѣйствіе сего нововведенія особенно обнаружилось въ послѣдствіи.

Борьба на сухомъ пути не вела ни къ чему рѣшительному; напротивъ, успѣхи Конона, послѣ битвы при Книдѣ, были въ высшей степени вредны для Спартанцевъ: большая часть городовъ и острововъ отпали отъ союза спартанскаго, и изгнали армостовъ. Наконецъ Кононъ могъ отправиться съ флотомъ въ Аѳины, и далъ имъ возможность возстановить разрушенныя стѣны (въ 393): онѣ были воздвигнуты быстро, съ величайшимъ торжествомъ и ревностью.

Возстановленіе Аѳинъ было чрезвычайно непріятно Спартанцамъ. Они немедленно рѣшились принести Персамъ въ жертву дѣло общей родины, и тѣмъ обезпечить продолженіе своего господства и вліянія въ Греціи: завязали переговоры съ Персомъ Тирибазомъ, главноначальствовавшимъ тогда въ Малой Азіи, представили ему всѣ дѣйствія Конона въ видѣ самомъ вредномъ и ненавистномъ,

убѣдили его, что Кононъ употребляетъ во зло силы Персіи для усиленія стариннаго и наслѣдственнаго врага ея, и въ то же время сдѣлали весьма выгодныя мирныя предложенія. Тирибазъ легко склонился на сіи представленія; онъ заманилъ къ себѣ Конона, и заключилъ его въ оковы *), далъ Спартанцамъ денегъ на постройку кораблей, и отправился ко двору, чтобы склонить Царя на сторону Спарты.

Здѣсь снова обнаружился пагубный недостатокъ мощнаго единства въ Персидской Монархіи и вредное вліяніе сатраповъ, сообразное съ ихъ разными видами политическими или личными. Въ то время, какъ Тирибазъ отправился къ Царю съ самыми враждебными намѣреніями противъ Аѳинъ, Струтасъ, посланный Царемъ для распоряженія дѣйствіями на морѣ, оказывалъ такую пріязнь Аѳинянамъ, что спартанскій армостъ Ѳимбронъ, оставшійся въ Азіи, сдѣлалъ непріязненное вторженіе въ царскія земли, но самъ погибъ при этомъ (въ 392 г.). Аѳиняне, съ своей стороны, нашли также возможность подкрѣпить въ Кипрѣ царя Эвагора, отпавшаго (въ 391 г.) отъ Артаксеркса, и въ то же время, благопріятствуемые Фарнабазомъ, успѣли возстановить въ Геллеспонтѣ свой перевѣсъ надъ Спартанцами. Здѣсь дѣйствовали они (въ 390 г.) частію подъ предводительствомъ Ѳрасивула (который склонилъ также на сторону Аѳинъ островъ Лезбосъ, удержалъ за ними Родосъ, и потомъ убитъ былъ въ Аспендѣ), частію подъ начальствомъ Ификрата, который разбилъ, въ одномъ сухопутномъ сраженіи, армоста абидосскаго Анаксибія, и убилъ его (въ 389 г.). Война такимъ образомъ опять воротилась на море и на берега азіятскіе; въ собственной Греціи она почти совсѣмъ прекратилась; только островъ Эгина, вѣрный старинной враждѣ, велъ разбойничью войну съ Аѳинянами, и, при по-

*) О дальнѣйшей судьбѣ Конона древніе говорятъ различно: одни утверждаютъ, что онъ былъ казненъ; другіе, что онъ бѣжалъ въ Кипръ, и тамъ умеръ естественною смертію.

мощи Спартанцевъ, отражалъ покушенія ихъ осадить островъ (388).

Между тѣмъ спартанскій навархъ, Анталкидъ, человѣкъ, хитростью и коварствомъ не уступавшій Лисандру, отправился въ Сузу, для возобновленія мирныхъ предложеній со стороны своего отечества. Тамъ умѣлъ онъ снискать такую любовь, какою не пользовался ни одинъ Грекъ, ни прежде, ни послѣ его. Онъ воротился, и съ помощью Тирибаза (Фарнабазъ также отправился въ Сузу), вытѣснилъ Аѳинянъ снова изъ Геллеспонта, и лишилъ ихъ тамошней богатой таможенной пошлины. Затѣмъ, именемъ Царя Персидскаго, объявленъ былъ миръ (въ 387 г., олимп. 98, 2), по имени виновника его названный Анталкидовымъ. Главныя условія его были слѣдующія: «Царь Артаксеркъ признаетъ справедливымъ, чтобъ греческіе города въ Азіи и острова Клазомены и Кипръ оставались у него въ подданствѣ, а прочіе греческіе города, какъ малые, такъ и большіе, были независимы, за исключеніемъ острововъ Лемноса, Имброса и Скироса, которые, какъ древле, должны принадлежать Аѳинянамъ. Царь Артаксеркъ, въ соединеніи съ тѣми Греками, которые примутъ сей миръ, будетъ дѣйствовать на сушѣ и на морѣ противъ тѣхъ, кои на условія его не согласятся.»

Очевидно было, до какой степени подобный миръ оскорблялъ честь греческаго имени. Напрасно великіе предки совершали славные подвиги для доставленія свободы всему народу греческому! Грецію отдана была на жертву варвару, который получилъ ее безъ всякаго съ своей стороны усилія; ему данъ былъ предлогъ постоянно вмѣшиваться въ дѣла Эллады. Не смотря на то, миръ былъ принятъ всѣми. Аѳинянъ побудили къ тому послѣднія потери ихъ въ Геллеспонтѣ. Не менѣе того очевидно было, что Спарта, жертвуя свободою Эллиновъ, имѣла притомъ въ виду свою собственную выгоду *). Первая статья отнимала у нея только то,

*) Въ томъ убѣжденъ былъ и Агезилай. Это видно изъ слѣдующихъ словъ его; нѣкто сказалъ: «Спартанцы Персы,» (приверженцы

чего она не могла удержать за собою, именно господство на морѣ, но вторая лишала враговъ ея главнаго источника ихъ силы, между тѣмъ какъ Спарта удерживала за собою Мессенію и лаконскіе города, обложенные данью, какъ собственность, утвержденную вѣками, предоставивъ по той же причинѣ городу Аѳинамъ упомянутые въ договорѣ острова. Наконецъ Спарта могла, какъ уполномоченная Персидскимъ Царемъ исполнительница условій Анталкидова мира, рѣшать споры во всей Элладѣ.

50. Порабощеніе Ѳивъ, и освобожденіе ихъ Пелопидомъ.

По объявленіи и принятіи мира Анталкидова, яснѣе и яснѣе развивались замыслы, которые руководили Спартою при заключеніи его. Въ городахъ, возвратившихъ политическую самостоятельность, въ слѣдствіе того возникли междоусобія партій; граждане, имѣвшіе вліяніе во время гегемоніи спартанской, были изгнаны или стѣснены. Разумѣется, они искали убѣжища и защиты у Спартанцевъ, и уполномочиваемые, повидимому, условіями мира, Спартанцы всюду рѣшали споры, и подъ видомъ старанія успокоить Грецію, на дѣлѣ усиливали свою власть. Такимъ образомъ предписали они Мантинеянамъ срыть стѣны, оставить жилища свои въ городѣ, и жить въ четырехъ деревняхъ, какъ жили они прежде, чѣмъ соединились въ городское общество. Разсѣянные Мантинеяне не могли внушать Спартанцамъ такого опасенія, какое внушалъ имъ городъ, обитаемый храбрыми людьми. Мантинеяне, какъ и можно было ожидать, отказались исполнить сіе требованіе, совершенно уничтожавшее ихъ независимость, и были принуждены къ исполненію его войскомъ спартанскимъ. Городъ былъ взятъ, и жители

Персіи). «Нѣтъ, возразилъ Агезилай, Персы Спартанцы,» (приверженцы Спарты).

разсѣяны по деревнямъ (въ 385). Аргосъ былъ истощенъ; въ Коринѳѣ господствовала партія спартанская: такимъ образомъ затруднилось въ Пелопоннезѣ всякое сопротивленіе. Спарта смѣлѣе начала простирать взоры за предѣлы полуострова.

Тамъ, кромѣ ненавистныхъ Ѳивъ, взорамъ ея представлялся, на Халкидскомъ Полуостровѣ, Олинѳъ, усилившійся торговлею, и обнаруживавшій дерзновенные замыслы, которыхъ Спарта не хотѣла терпѣть. Городъ сей изгналъ Царя Македонскаго Аминта II изъ большей части его земель, присвоилъ себѣ господство надъ прочими греческими городами въ тѣхъ странахъ, подружился съ сосѣдственными Ѳракійцами, храбрымъ, воинственнымъ народомъ, и господствуя въ странѣ, богатой деревомъ, золотомъ и людьми, обнаруживалъ намѣреніе проложить себѣ путь къ господству на морѣ; онъ уже вступилъ въ союзъ съ Ѳивами и Аѳинами. По приглашенію Царя Македонскаго и городовъ Аканѳа и Аполлоніи, Спарта немедленно рѣшилась, какъ исполнительница условій Анталкидова мира, предпринять походъ противъ Олинѳа. Послѣ трехлѣтней упорной борьбы, городъ принужденъ было покориться и вступить въ союзъ съ Спартою (въ 380 г.).

Въ началѣ сей войны, Спартѣ представился случай къ важнѣйшему еще пріобрѣтенію. Спартанецъ Фебидъ велъ отрядъ войска въ Олинѳъ чрезъ Віотію. Когда онъ стоялъ близъ Ѳивъ, гдѣ существовала партія спартанская, быть можетъ, уже заранѣе съ нимъ условившаяся, Леонтидъ, глава ея, предложилъ Фебиду овладѣть замкомъ Кадмеею, который въ то время, по случаю празднества, охраняемъ былъ небрежно. Фебидъ не замедлилъ исполнить сіе предложеніе, и такимъ образомъ Спартанцы достигли цѣли ревностнаго своего желанія. Хотя спартанское правительство сначала изъявило негодованіе на сей самовольный и насильственный поступокъ полководца, но Агезилай, раздраженный противъ Ѳивъ, и находившійся въ согласіи съ Фебидомъ, напомнилъ правительству старинное правило, которымъ оно уже часто пользовалось, что выгодное для государства есть и справедливое. Леонтидъ, назначенный, вмѣстѣ съ Ар-

хіемъ, въ полемархи*) Ѳивъ, доказалъ Спартѣ сію выгоду такъ ясно, что она рѣшила занять Кадмею гарнизономъ въ полторы тысячи Спартанцевъ, предала суду благороднаго Исменія, вождя противной партіи, какъ человѣка безпокойнаго, нарушавшаго миръ Греціи, и казнила его (въ 382 г.).

Подъ защитою Спартанцевъ, Леонтидъ господствовалъ въ Ѳивахъ съ крайнею жестокостью. Ѳиване, страшившіеся гибели за свою значительность въ обществѣ, за свой образъ мыслей, спасались бѣгствомъ въ Аѳины. Здѣсь находили они покровительство, хотя и не встрѣчали открытой помощи, потому что Аѳины однѣ не могли начать борьбы съ страшною Спартою. Но въ подвигѣ Ѳразивула (статья 45) Аѳины представляли изгнанникамъ примѣръ, которому они рѣшились подражать; ихъ преимущественно ободрялъ къ тому младшій изъ нихъ, Пелопидъ. И въ Ѳивахъ, многіе благородные люди рѣшились освободиться отъ тяготѣющей уже около четырехъ лѣтъ тиранніи Спартанцевъ и ѳивскихъ приверженцевъ Спарты, особенно Архія, Филиппа, Ипата и Леонтида. Обѣ стороны легко согласились между собою въ томъ, къ чему надлежитъ стремиться; мужество и хитрость скоро дали возможность достигнуть предположенной цѣли.

Главою заговора сдѣлался Филлидъ, способный играть сію роль, особенно потому что онъ былъ письмоводителемъ при обоихъ полемархахъ, Филиппѣ и Архіи. Въ тотъ вечеръ, когда положено было исполнить замыселъ, онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ на пиръ полемарховъ, а другой знатный Ѳивянинъ, Харонъ, назначилъ свой домъ сборнымъ мѣстомъ заговорщиковъ. Изгнанники, долженствовавшіе изъ Аѳинъ прислѣть на помощь къ своимъ ѳивскимъ единомышленникамъ, положили, съ своей стороны, чтобы большая часть ихъ осталась на границѣ, а восемь или

*) Такъ назывались въ Ѳивахъ высшія правительственныя лица. Но въ тѣ времена, когда Ѳивы были главою прочихъ віотійскихъ городовъ, они назывались віотархами; вѣроятно, и тогда они были большею частію избираемы изъ Ѳивянъ.

двѣнадцать человѣкъ, (въ числѣ ихъ Пелопидъ и Меллонъ) поспѣшили немедленно въ Θивы, чтобы сначала умертвить ночью θивскихъ тирановъ. Замыселъ поколебать такими незначительными средствами власть Спартанцевъ, повидимому, весьма прочно утвердившуюся, былъ во всякомъ случаѣ слишкомъ отваженъ. Одинъ изъ заговорщиковъ θивскихъ, сильно встревоженный сею мыслію, едва не уничтожилъ всего предпріятія. Онъ поручилъ одному довѣренному человѣку поспѣшить навстрѣчу Пелопиду и Меллону, и сказать имъ, чтобы они воротились и подождали благопріятнѣйшаго случая для совершенія своего дерзкаго замысла. Къ счастію, посланный не могъ отыскать узды своей лошади; жена его кого-то ссудила ею. Между мужемъ и женою завязалась ссора, въ этой ссорѣ прошло довольно времени, и наконецъ посланецъ, видя въ этомъ случаѣ неблагопріятное предзнаменованіе, совершенно отложилъ поѣздку.

Между тѣмъ заговорщики выступили изъ Аθинъ. Переодѣвшись въ крестьянское платье, взявъ съ собою собакъ, и запасшись охотничьими снарядами, чтобы тѣмъ легче обмануть встрѣчныхъ, они, въ сумерки ненастнаго зимняго вечера, вошли разными воротами въ городъ, и поодиначкѣ пришли въ домъ Харона. Здѣсь уже ждали ихъ единомышленники, числомъ сорокъ восемь. Узнали, что Архій и Филиппъ приняли приглашеніе, и спокойно пируютъ у Филлида. Начали готовиться къ кровавому подвигу. Вдругъ послышался стукъ въ двери: то былъ разсыльщикъ суда, пришедшій звать Харона къ полемархамъ. Заговорщики подумали, что имъ кто нибудь измѣнилъ, но рѣшили, чтобы Харонъ шелъ къ полемархамъ. При душевномъ безпокойствѣ принявъ видъ равнодушія, сколько было возможно, Харонъ послѣдовалъ за разсыльщикомъ въ домъ Филлида, и предсталъ предъ Архія. «Я слышалъ, сказалъ Архій, что нѣкоторые изгнанники тайкомъ пробрались въ городъ, и что граждане хотятъ помогать имъ.» Харонъ тотчасъ замѣтилъ, что Архій не знаетъ ничего опредѣленнаго, скоро успокоилъ его, и обѣщалъ въ точности изслѣдовать это дѣло. Филлидъ съ притворною искренностью хвалилъ усер-

діе Харона, увелъ Архія снова въ залу пиршества, усердно угощалъ его, и обѣщалъ гостямъ, что скоро явятся нѣсколько танцовщицъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ изъ Аѳинъ къ полемарху гонецъ съ письмомъ, въ которомъ заключались подробныя извѣстія обо всемъ заговорѣ. Гонецъ требовалъ, чтобы полемархъ сейчасъ же прочиталъ письмо, потому что оно содержитъ въ себѣ дѣло чрезвычайной важности. «Дѣла важныя должно отложить до завтра,» возразилъ пьяный Архій. Беззаботно положилъ онъ письмо въ сторону, и дожидался танцовщицъ. Онѣ явились слишкомъ скоро для его гибели; то были заговорщики: они надѣли сверхъ латъ женское платье; вѣнки изъ еловыхъ вѣтокъ скрывали ихъ лица. Осмотрѣвшись въ залѣ, и распознавъ свои жертвы, они бросились на Архія и Филиппа, и умертвили ихъ безъ труда.

Не такъ легко было Пелопиду и Кефисодору справиться съ Леонтидомъ, человѣкомъ здоровымъ и сильнымъ. Они отправились къ нему въ домъ, и постучались въ двери; невольникъ, отворившій ихъ, былъ убитъ, но шумъ разбудилъ хозяина. Леонтидъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу съ мечемъ въ рукахъ, и поразилъ Кефисодора въ дверяхъ спальни. Пелопидъ былъ въ затруднительномъ положеніи: узкая дверь, трупъ товарища, лежавшій на дорогѣ, мѣшали ему въ борьбѣ; наконецъ удалось ему умертвить противника. Оттуда поспѣшилъ онъ къ послѣдней жертвѣ, Ипату, который искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но вскорѣ былъ настигнутъ и лишенъ жизни.

Такимъ образомъ Ѳивы были освобождены отъ олигарховъ, прежде, чѣмъ большая часть обитателей узнала, что случилось (въ 379 г., ол. 100, 2). Тревожное движеніе ночью устрашило многихъ; въ томительномъ безпокойствѣ ожидали разсвѣта. Утромъ присоединился къ заговорщикамъ сильный отрядъ, собранный преимущественно Эпаминондомъ, прославившимся въ послѣдствіи, и прибыли остальные изгнанники изъ Аттики. Народъ собрался на площади. Эпаминондъ привелъ туда Пелопида и его товарищей; они окружены были жрецами, въ вѣнкахъ, призывавшими всѣхъ гражданъ на помощь отечеству. Народъ привѣтство

валъ и славилъ своихъ избавителей и благодѣтелей, и назначилъ Меллона, Харона и Пелопида полемархами. Чтобы довершить освобожденіе Ѳивъ, они немедленно осадили Кадмею, и прежде, чѣмъ спартанское войско, спѣшившее къ ней на помощь, достигло предѣловъ Віотіи, крѣпость принуждена была сдаться. Имъ способствовали трусость и неразуміе спартанскаго гарнизона и его армостовъ, которые, ночью, при общемъ смятеніи, когда многіе граждане искали у нихъ защиты, могли сильною и искусною вылазкою уничтожить предпріятіе въ самомъ его началѣ. Спарта, убѣдившись въ этомъ, осудила на смерть двухъ изъ сихъ армостовъ, а третьяго наказала изгнаніемъ изъ Пелопоннеза. Въ то же время выслала она войско, подъ начальствомъ царя своего, Клеомброта, и надѣялась, что онь скоро и безъ труда покоритъ Ѳивы.

51. Пелопидъ и Эпаминондъ.

Война, вспыхнувшая между Спартою и Ѳивами, въ особенности достойна примѣчанія потому, что она доставила Ѳивамъ, средоточію Віотіи, право соисканельства гегемоніи надъ Греціею, которое, до того времени, оспориваемо было только Спартою и Аѳинами, т. е. поколѣніями дорическимъ и іоническимъ. Віотія вознамѣрилась доставить сіе преимущество и эолійскому поколѣнію, но встрѣтила немалыя затрудненія къ достиженію своей цѣли. Греки живо сохраняли воспоминанія о прошедшемъ; они не могли забыть позора, нанесеннаго Віотіею имени Эллиновъ преданностью ея къ персидскому властителю Ксерксу, и чѣмъ болѣе Ѳиване, въ сношеніяхъ своихъ съ Персіею, славились сею преданностью, тѣмъ болѣе навлекали они на себя порицанія Эллиновъ. Нравственныя качества Ѳивянъ, которыхъ упрекали въ надменной грубости и недостаткѣ утонченнаго чувства*), не могли также замѣнить

*) Атеней говоритъ, что и музыка эолійская отличалась

ни почтеннаго, древностью своею, достоинства спартанскихъ узаконеній, пользовавшихся общимъ уваженіемъ Грековъ, ни очаровательнаго общежитія и образованности, какими отличались вообще Аѳиняне. Ѳивяне не имѣли ни морской силы, ни обширной торговли, ни славы древняго владычества. Но съ тѣхъ поръ какъ, при Деліонѣ, они превзошли Аѳинянъ храбростью, а при Коронеѣ не уступили въ томъ и Спартанцамъ, развилось въ Ѳивянахъ чувство собственнаго достоинства. Тогда явились между ними два человѣка отличнаго ума и храбрости, Пелопидъ и Эпаминондъ, которые, пользуясь разстройствомъ и истощеніемъ всѣхъ прочихъ греческихъ государствъ, доставили своему отечеству первое мѣсто между ими. Но время процвѣтанія Ѳивъ можно уподобить прекрасному, жаркому лѣту сѣверныхъ странъ, которое, безъ перехода весны и осени, заключено съ обѣихъ сторонъ въ предѣлахъ суровой зимы: со смертію обоихъ героевъ прекратилось и цвѣтущее состояніе ихъ страны, которому, какъ доказали послѣдствія, гораздо болѣе содѣйствовали сіи два мужа, нежели государство и народъ.

Эпаминондъ и Пелопидъ выказывали высокія свои качества и достоинства не въ борьбѣ между собою, подобно Аристиду и Ѳемистоклу: они единодушно стремились къ одной цѣли, возвышенію своего отечества, хотя Эпаминондъ во всемъ далеко превосходилъ своего друга. Поведеніе ихъ во время одного сраженія въ Пелопоннезѣ, о которомъ разсказываетъ Плутархъ, можетъ служить образцомъ всей ихъ жизни, и доказательствомъ ихъ тѣсной дружбы. Всѣ вокругъ нихъ бѣжали; даже Спартанцы, ихъ союзники, были отбиты, но оба юноши, сомкнувъ щиты свои, все еще храбро отражали нападенія; Пелопидъ, получивъ семь ранъ, упалъ въ изнеможеніи; Эпаминондъ быстро заслонилъ его, и одинъ защищалъ и себя и друга

отъ іонической и дорической тѣми же качествами: она была тяжела и какъ бы надута. Равнымъ образомъ и неумѣренность въ пищѣ и питіи поставляема была въ укоръ Ѳессалійцамъ и Віотянамъ.

отъ толпы непріятелей; наконецъ ударъ копьемъ въ грудь и рана въ руку лишили его послѣднихъ силъ. Къ счастію, въ эту минуту подоспѣлъ царь Агисъ съ своею дружиною, и спасъ обоихъ юношей.

Пелопидъ былъ знатнаго происхожденія, и имѣлъ большое состояніе, которое употреблялъ самымъ благороднымъ образомъ. Эпаминондъ былъ бѣденъ, но никогда не соглашался принять пособія, предлагаемыя другомъ. Пелопидъ каждый день занимался въ палестрѣ гимнастикою; звѣриная ловля составляла любимую его забаву. Эпаминондъ, не пренебрегая сими занятіями, упражнялъ сверхъ того и умственныя свои способности. Онъ былъ отличный ораторъ и музыкантъ; философію преподавалъ ему Лизисъ, послѣдователь Пиѳагора. Умѣренность, справедливость и пренебреженіе къ жизненнымъ наслажденіямъ почиталъ онъ, какъ истинный Пиѳагореецъ, первыми добродѣтелями человѣка. Одинъ персидскій посланникъ принесъ однажды къ нему мѣшки съ золотомъ. Эпаминондъ сказалъ ему: «Любезный другъ! если намѣренія твоего Царя выгодны для моего отечества, подарки твои безполезны; если же вредны, ни какое золото, ни серебро не принудитъ меня измѣнить моей обязанности. Ты судилъ обо мнѣ по себѣ, и потому я тебя прощаю. Но, прошу тебя, оставь немедленно нашъ городъ, и не развращай его жителей своимъ примѣромъ.» Въ другой разъ, предводительствуя въ походѣ войскомъ, Эпаминондъ узналъ, что оруженосецъ его, за деньги, отпустилъ одного плѣнника. «Отдай мнѣ щитъ мой, сказалъ онъ измѣннику. Осквернивъ руки свои деньгами, ты уже не можешь быть спутникомъ моимъ въ опасностяхъ войны.» Одинъ ѳессалійскій князь хотѣлъ подарить ему пятьдесятъ золотыхъ монетъ, и тѣмъ побудить его къ заключенію несправедливаго союза. Эпаминондъ съ презрѣніемъ отвергъ деньги, хотя въ то самое время занималъ ихъ у одного пріятеля, на покупку земледѣльческихъ орудій. Бѣдность его доходила до того, что у него былъ только одинъ плащъ. Однажды спрашивали у него, отчего онъ нѣсколько дней не выходитъ изъ дому. «Мой плащъ въ стиркѣ,» отвѣчалъ Эпаминондъ. Онъ былъ такъ скроменъ, что никогда самъ ничего не до-

могался; ему было уже сорокъ лѣтъ, когда сограждане поручили ему въ первый разъ одно общественное дѣло. — Изъ всѣхъ великихъ людей Греціи, Эпаминондъ ближе всѣхъ подходитъ къ образцу истинно добродѣтельнаго мужа.

Царь Клеомбротъ, вступивъ съ войскомъ своимъ въ Віотію, нашелъ городской замокъ уже занятымъ; онъ воротился, оставивъ армосту ѳеспійскому, Сфодрію, часть воиновъ и деньги для набора другихъ. Между тѣмъ Ѳиване занимались окапываніемъ и укрѣпленіемъ своего города и его округа, и съ тѣмъ вмѣстѣ искали союза другихъ государствъ, въ особенности Аѳинъ. Аѳиняне, принимая ихъ предложенія, дѣйствовали по различнымъ побужденіямъ: одни надѣялись, что пока спартанское войско будетъ занято въ Ѳивахъ, они безпрепятственно овладѣютъ моремъ, и потому, когда Пелопидъ предпринялъ освобожденіе своего роднаго города, они доставили ему вспоможеніе; другіе, расположенные въ пользу Спартанцевъ, удовольствовались только предостереженіемъ віотійскихъ полемарховъ; и теперь, когда спартанское войско проходило близъ границъ Аттики, они припомнили народу всѣ бѣдствія и опустошенія Пелопоннезской Войны, и тѣмъ успѣли склонить его къ своему мнѣнію. Но это расположеніе къ Спартанцамъ было непродолжительно. Сфодрій, зимою, выступилъ изъ Ѳеспіи, и вторгся въ Аѳинскую Область, съ намѣреніемъ напасть ночью на Пирей, въ то время еще не совершенно укрѣпленный. Онъ успѣлъ однако же дойти только до Элевзиса: здѣсь настигъ его разсвѣтъ, и онъ возвратился, разоривъ и опустошивъ Аттику. Всѣ Аѳиняне возстали; ненависть къ Спартѣ пробудилась съ новою силою, и ѳивская партія значительно увеличилась. Въ слѣдствіе этого распространился слухъ, будто бы Пелопидъ хитростью и деньгами побудилъ Сфодрія къ такому поступку, желая тѣмъ склонить Аѳинянъ на свою сторону. Агезилай и Клеомбротъ, въ Спартѣ, вступились за Сфодрія, и оправдали его; опасенія Аѳинянъ, на счетъ непріязненныхъ намѣреній Спартанцевъ, подтвердились тѣмъ еще болѣе.

Агезилай принялъ начальство надъ сильною арміею, собранною во всѣхъ союзныхъ съ нимъ пелопоннезскихъ

государствахъ и въ Фокидѣ, Локридѣ и Олиноѣ; но, при всей своей опытности въ военномъ дѣлѣ, не одержалъ ни одной рѣшительной побѣды, ибо Пелопидъ, въ намѣреніи упражнять своихъ Ѳивянъ въ незначительныхъ стычкахъ, съ умысломъ избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, а Хабрій, аѳинскій полководецъ, съ своей стороны, поддерживалъ сей образъ войны*). Въ два лѣта Агезилай успѣлъ разорить только ѳивскій округъ, и склонить нѣсколько віотійскихъ городовъ къ заключенію союза съ Спартою. Когда же онъ заболѣлъ и не въ состояніи былъ предводительствовать войскомъ, Ѳивяне снова овладѣли сими городами. Сіи битвы упражняли войско въ военномъ дѣлѣ. Въ особенности замѣчательно было сраженіе при Орхоменѣ, или Тегирѣ. Здѣсь войско Пелопида неожиданно столкнулось, въ узкомъ проходѣ, съ гораздо сильнѣйшимъ отрядомъ Лакедемонянъ. Одинъ изъ его воиновъ вскричалъ въ страхѣ: «Мы попались въ руки непріятелей!» — «Отчего же не они попались въ наши руки!» возразилъ Пелопидъ, напалъ на Спартанцевъ, и разбилъ ихъ. Сія побѣда возбудила въ Ѳивянахъ большую довѣренность къ своимъ силамъ, и всѣ Греки убѣдились, что храбрые мужи родятся не на однихъ берегахъ Эврота.

Аѳинская морская сила дѣятельно поддерживала Ѳивы, и споспѣшествовала ихъ успѣхамъ. Немедленно послѣ нападенія Сфодрія, Аѳиняне стали призывать къ возстанію всѣ города и острова Греціи. Къ нимъ присоединились Хіосъ, Византія, Родосъ, Митилены, города эвбейскіе и еще другіе. Аѳины назначены были мѣстомъ сборища союзниковъ, и имъ предоставлено было управленіе всѣми дѣлами. Каждый изъ союзниковъ имѣлъ право подавать голосъ, и долженъ былъ доставить вспоможеніе сообразное съ его

*) При этомъ случаѣ Хабрій приказалъ своимъ воинамъ, ставъ на колѣни, и защищаясь щитами, встрѣтить непріятеля съ пятью копьями. Этотъ новый маневръ такъ удивилъ Агезилая, что онъ не посмѣлъ сдѣлать нападенія. Аѳиняне воздвигли Хабрію статую, и представили его въ этомъ положеніи.

силами. Достойно оправдывая прежнюю свою славу, Хабрій одержалъ (въ 376 г.) первую, послѣ окончанія Пелопоннезской Войны, большую побѣду надъ соединеннымъ спартанскимъ флотомъ при Наксосѣ, и тѣмъ воспрепятствовалъ Спартанцамъ въ намѣреніи ихъ, взять голодомъ Аѳины и Ѳивы. Тимоѳей, сынъ Конона, начальствуя другимъ флотомъ, привлекъ на сторону Аѳинянъ Корциру, Акарманію, еще нѣсколько городовъ и народовъ тѣхъ странъ, и разбилъ пелопоннезскій флотъ при Левкадѣ (375.). Онъ обвиненъ былъ въ нерадѣніи, и отставленъ; храбрый и умный Ификратъ*) заступилъ его мѣсто, и такъ же счастливо продолжалъ тревожить пелопоннезскіе берега.

52. Битва при Левктрахъ.

(371 г. до Р. Х. ол. 102, 2.)

Согласіе обоихъ главныхъ непріятелей Спарты было непродолжительно. Ѳивы отказались отъ вноса своей части въ общую военную казну, стали поступать непріязненно въ отношеніи къ Фокидѣ, и выгнали всѣхъ жителей изъ Ѳеспіи и Платеи, двухъ городовъ, важныхъ для всей Греціи и союзныхъ съ Аѳинами. Такіе поступки произвели неудовольствія и безпокойства между Аѳинянами; въ то же время богатые граждане аѳинскіе обременены были издержками войны, городъ страдалъ отъ морскихъ разбоевъ, и всѣ сіи причины побудили Аѳинянъ снова сблизиться съ Лакедемонянами. Въ общемъ собраніи, происходившемъ въ Спартѣ, заключенъ былъ миръ, на основаніи Анталкидова. Главнымъ условіемъ его была совершенная независимость всѣхъ государствъ. Спартанцы обязывались вывести свои гарнизоны и армостовъ изъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они

*) Ификратъ сдѣлалъ полезныя перемѣны въ вооруженіи воиновъ, и славился наблюденіемъ воинской подчиненности. Онъ сравнивалъ, по словамъ Плутарха, легкую пѣхоту съ руками, конницу съ ногами, фалангу съ грудью и туловищемъ, а полководца съ головою.

находились дотолѣ. Только Ѳивы противились сему миру, зная, что именно у нихъ отниметъ онъ всю власть и всѣ пріобрѣтенныя ими преимущества надъ віотійскими городами. Они только въ такомъ случаѣ готовы были согласиться, если Спарта даруетъ равную свободу всей Лаконіи и Мессеніи. Эпаминондъ, въ качествѣ ѳивскаго посланника, краснорѣчиво и умно говорилъ въ собраніи противъ Агезилая и Спарты; въ слѣдствіе этого, имя Ѳивъ исключено было изъ мирнаго договора. Такая твердость подвергала Ѳивы трудной борьбѣ, но Эпаминондъ защитилъ свою родину, и прославилъ ее своими умными и счастливыми дѣйствіями въ обстоятельствахъ, которыя казались опасными и гибельными.

Клеомбротъ, стоявшій до тѣхъ поръ съ войскомъ своимъ въ Фокидѣ, выступилъ въ походъ, и при Левктрахъ напалъ на Ѳивянъ. Сіи послѣдніе не безъ боязни вступали въ рѣшительный бой, но мужество предводителя ихъ было непоколебимо. Супруга Пелопида, въ страхѣ и грусти, разставаясь съ нимъ, просила его стараться о своемъ спасеніи, но онъ отвѣчалъ великодушно: «Другихъ можно просить объ этомъ, но предводители должны помышлять только о спасеніи своихъ воиновъ.» Когда Эпаминондъ выводилъ войско свое изъ воротъ города, одно дурное предзнаменованіе устрашило народъ; онъ произнесъ Гомеровъ стихъ: «Только то предзнаменованіе справедливо, которое предсказываетъ спасеніе отечества,» и разными средствами успѣлъ возстановить спокойствіе въ воинствѣ. Эпаминондъ болѣе всѣхъ настаивалъ на сраженіи: искусно придуманное имъ расположеніе войскъ (знаменитый косой боевой порядокъ), равно какъ и храбрость предводимаго Пелопидомъ священнаго отряда, были причиною полнаго и совершеннаго пораженія Спартанцевъ. Самъ царь Клеомбротъ погибъ со множествомъ Спартанцевъ, которыхъ тѣла покрывали поле сраженія. Пелопоннезское войско принуждено было просить, чрезъ вѣстниковъ, о ихъ погребеніи, и тѣмъ торжественно признало Ѳивянъ побѣдителями.

Извѣстіе о семъ жестокомъ пораженіи распространило въ Спартѣ страхъ и горесть; но ни правительство,

ни народъ не измѣнили своему врожденному достоинству, даже празднества не были прерваны. Только одно обстоятельство приводило Спартанцевъ въ недоумѣніе: какъ исполнить древній законъ, предписывавшій строжайшее наказаніе за побѣгъ изъ сраженія, при такомъ множествѣ подвергшихся наказанію, и въ такое время, когда воины были необходимо нужны? Агезилай рѣшилъ наконецъ, что законъ долженъ въ этомъ случаѣ безмолвствовать, и немедленно занялся, съ помощью эфоровъ, составленіемъ новой арміи изъ Спартанцевъ и ихъ союзниковъ, предводителемъ которой, за болѣзнію самого Агезилая, назначенъ былъ сынъ его, Архидамъ. Но въ это время явился посредникъ, воспрепятствовавшій войнѣ, къ которой готовились оба враждующіе народа. То былъ Язонъ, тиранъ города Феръ, въ Θессаліи, человѣкъ отличныхъ дарованій и неутомимой дѣятельности, покорившій своей власти многіе другіе города сей плодородной и многолюдной страны. Θивяне предложили ему вступить съ ними въ союзъ; онъ согласился, но не хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Спартанцевъ. Желая поддержать равновѣсіе въ Греціи, и тѣмъ утвердить свою собственную власть, онъ, своимъ посредничествомъ, заставилъ обѣ стороны заключить договоръ, въ слѣдствіе котораго спартанское войско отступило. Послѣ того Язонъ возвратился чрезъ Фокиду въ Θессалію, и разрушилъ стѣны города Геракліи, который, во время Пелопоннезской Войны, построенъ былъ Спартанцами для охраненія Термопильскаго Прохода. Онъ избранъ былъ въ тагосы (главные предводители) Θессаліи, но не удовольствовался этимъ, замышляя пріобрѣсти гегемонію Греціи, и для достиженія сей цѣли, намѣревался начать большую народную войну противъ Персіи. Въ то время, когда онъ занимался приготовленіемъ богатаго жертвоприношенія въ Дельфахъ, надѣясь при семъ случаѣ получить первое мѣсто въ Пиθійскихъ Играхъ, и особенное вліяніе на судъ Амфиктіоновъ, когда Греки страшились уже за безопасность дельфійскихъ сокровищъ, тайные убійцы предательски умертвили его. Сыновья Язона не долго поддерживали его могущество: они не наслѣдовали ума своего отца.

53. Политическая важность Ѳивъ.

(371 — 362 г. до Р. Х.)

Мирное посредничество Язона только на время прекратило непріязненныя дѣйствія: вскорѣ нашлись причины къ ихъ возобновленію. Ободренные безсиліемъ Лакедемонянъ, Мантинеяне возстановили свой городъ, и окружили его стѣнами, не обращая вниманія на угрозы Агезилая. Предводитель демократической партіи въ Тегеѣ, Ликомедъ, начерталъ даже планъ составить изъ Аркадіи одно нераздѣльное государство. Построенъ былъ новый городъ, Мегалополь (большой городъ), и назначенъ столицею государства и мѣстопребываніемъ его правительства.

Въ намѣреніи воспротивиться симъ замысламъ, Агезилай вторгся въ Аркадію. Эпаминондъ повелъ также войско свое къ полуострову, въ намѣреніи дѣйствовать противъ Спартанцевъ, и поддерживать ихъ противниковъ. Онъ не засталъ уже тамъ Агезилая, но, подстрекаемый славолюбіемъ и убѣжденіями Аркадіянъ, жаждавшихъ грабежа, рѣшился, вмѣстѣ съ Пелопидомъ, перейти чрезъ горы въ Лаконію (369). Съ незапамятныхъ временъ, вражеская нога не бывала въ сихъ странахъ, и можно себѣ представить, каковы были ужасъ и ярость Спартанцевъ, когда они увидѣли облака дыма, обличавшія близость непріятеля, разоряющаго землю огнемъ и мечемъ. Между тѣмъ Эпаминондъ, не встрѣчая ни какихъ препятствій, прошелъ чрезъ всю Лаконію, и проникъ до моря къ Гиѳію, гдѣ находились спартанскія корабельныя верфи. Самый городъ Спарта, коего выгодное положеніе способствовало къ защитѣ, остался невредимъ. Въ самыхъ стѣнахъ его готовъ былъ вспыхнуть мятежъ; но умный Царь, своимъ присутствіемъ духа, счастливо потушилъ его въ самомъ началѣ. Когда мятежники уже заняли одно твердое мѣсто, и прочіе жители, устрашенные такимъ поступкомъ, хотѣли на нихъ напасть, Агезилай, почитавшій рѣшительныя дѣйствія опасными, бросился къ мятежникамъ одинъ и безоружный, и вскричалъ: «вы не поняли моего приказанія; я повелѣлъ

вамъ итти не сюда, а въ другую сторону!» Это такъ поразило мятежниковъ, что они разошлись и оставили мѣсто. Агезилай занялъ его немедленно.

Но, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, Агезилай не могъ поддержать могущества своего государства, столь сильно потрясеннаго во всѣхъ частяхъ. И Мессенія, съ давнихъ поръ подвластная Спартѣ, освобождена была Эпаминондомъ, и сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ. По призванію ѳивскаго вождя, собрались подъ его защиту разсѣянные потомки Мессенійцевъ, и построили для себя новый городъ, Мессену, у подошвы горы Итомы. Сіе сосѣдство грозило Спартѣ большою опасностію: можно было ожидать, что Мессенійцы, исполненные ненависти и мести къ прежнимъ притѣснителямъ своего отечества, будутъ всячески стараться раздѣлять и ослаблять ихъ могущество.

Между тѣмъ ѳивское войско оставило Пелопоннезъ. При семъ случаѣ Пелопидъ и Эпаминондъ должны были сохранить званіе віотарховъ четырьмя мѣсяцами долѣе положеннаго закономъ срока, и подлые завистники стали упрекать ихъ въ томъ, когда они возвратились. «Законъ обвиняетъ меня, сказалъ Эпаминондъ съ обычнымъ своимъ благородствомъ: хорошо, я заслужилъ смерть, но требую, чтобъ вы написали слѣдующее: Ѳиване казнили Эпаминонда за то, что онъ при Левктрахъ повелъ ихъ на Лакедемонянъ, которымъ они прежде не смѣли показаться на глаза, и доставилъ имъ побѣду; за то, что онъ спасъ отечество, осаждалъ Лакедемонъ, построилъ Мессену, и окружилъ ее крѣпкими стѣнами.» Народъ осыпалъ его похвалами и рукоплесканіями, а пристыженные обвинители принуждены были удалиться.

Въ сіе время несчастія Спартанцевъ возбудили въ нѣкоторыхъ государствахъ дружественное къ нимъ расположеніе. Сиракузцы, въ качествѣ единоплеменниковъ, послали къ нимъ нѣсколько кораблей и вспомогательный отрядъ Галловъ и Иберіянъ. Ихъ примѣру послѣдовали Аѳиняне, побуждаемые завистію къ Ѳивянамъ. Но въ этомъ сближеніи Спарты и Аѳинъ проявлялась еще недавняя ихъ вражда. Спарта хотѣла взять на себя предводительство сухо-

путными войсками, а морскую силу предоставить Аѳинамъ. Аѳинскіе ораторы возразили на это, что въ рядахъ аѳинской конницы и оплитовъ находятся знатнѣйшіе граждане, а на спартанскихъ корабляхъ только илоты и наемники, и что, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ Спартѣ предоставлена будетъ большая честь. Сія причина признана была уважительною, и Аѳиняне согласились на союзъ, только съ условіемъ, чтобы имъ попеременно ввѣряемо было главное предводительство на сушѣ и на морѣ.

Еще до начатія сихъ переговоровъ, Аѳиняне послали Ификрата съ войскомъ къ перешейку, чтобы отрѣзать Эпаминонду обратный путь въ отечество; но это предпріятіе не удалось. На слѣдующій годъ (368), когда Эпаминондъ готовился къ вторичному вторженію въ Пелопоннезъ, Хабрію поручено было заградить ему входъ. Но ѳивскій предводитель, воспользовавшись оплошностью спартанскихъ полемарховъ, храбро пробился сквозь ряды ихъ войска, расположеннаго на перешейкѣ, и Хабрій принужденъ былъ ограничиться защитою Коринѳа, который, въ противномъ случаѣ, былъ бы взятъ Ѳивянами, подобно Сикіону и Пелленѣ. Это нападеніе Эпаминонда не причинило однако же большаго вреда Спартѣ, ибо Ѳиване вскорѣ принуждены были воротиться, вѣроятно для отраженія непріятелей, шедшихъ на нихъ изъ Ѳессаліи. Между тѣмъ Спартанцы вторглись въ Аркадію, и Архидамъ, при помощи сицилійскихъ войскъ, одержалъ (367) надъ Аркадіянами и Аргивянами побѣду въ сраженіи, которое прозвано безслезнымъ, потому что въ немъ не погибъ ни одинъ Спартанецъ; оно могло бъ быть названо и многослезнымъ, ибо Спартанцы, восхищенные побѣдою, проливали потоки радостныхъ слезъ, а прежде, по привычкѣ къ торжествамъ, они скромно радовались и самымъ блистательнымъ побѣдамъ.

Между тѣмъ сѣверная Греція склонялась также предъ Ѳивами. Пелопидъ игралъ роль посредника между враждовавшими соискателями македонскаго престола, и старался успокоить Ѳессалію, чтобы тѣмъ соединить выгоды сего государства съ пользою своего отечества. Ѳессалійцы просили у Ѳивянъ помощи противъ Александра Фер-

скаго, брата Язонова, который, спустя нѣсколько времени по смерти сего послѣдняго, преступленіемъ присвоилъ себѣ его власть, и употреблялъ ее на ужаснѣйшія жестокости. Пелопидъ поспѣшилъ съ своимъ войскомъ на помощь Ѳессаліи, но имѣлъ несчастіе попасться въ плѣнъ къ тирану, который посадилъ его въ тюрьму. Не теряя присутствія духа, Пелопидъ велѣлъ сказать Александру: «Напрасно ты не лишаешь меня жизни; если я уйду, тотчасъ же отмщу тебѣ.» — «Для чего Пелопидъ такъ спѣшитъ умирать?» спросилъ Александръ. «Для того, чтобъ тиранъ сдѣлался еще ненавистнѣе богамъ,» велѣлъ сказать ему Пелопидъ. Узнавъ о несчастіи, постигшемъ Пелопида, Ѳиване послали, для освобожденія его, другое войско, которое, по неспособности своего предводителя, подверглось также большой опасности. Тогда воины единогласно избрали въ свои начальники Эпаминонда, служившаго дотолѣ простымъ рядовымъ, и онъ спасъ всѣхъ. Правительство утвердило его въ званіи предводителя, и онъ принудилъ тирана Ферскаго выдать Пелопида (367).

Для поддержанія сихъ различныхъ, еще отнюдь не вездѣ утвержденныхъ пріобрѣтеній, Ѳивы стали искать союзничества съ Царемъ Персидскимъ. Пелопидъ поѣхалъ самъ въ Сузу, представлялъ древнія заслуги Ѳивъ въ отношеніи къ Персіи, и выхвалялъ тѣмъ болѣе новѣйшіе ихъ подвиги, что они послужили къ усмиренію государства, коего царь, Агезилай, еще недавно распространялъ ужасъ въ Персидской Монархіи. Онъ такъ искусно умѣлъ пріобрѣсть благорасположеніе Артаксеркса, что Царь сталъ требовать у Грековъ исполненія всѣхъ условій, какія Пелопидъ предложилъ въ основаніе мирнаго договора. Лакедемонъ долженъ былъ признать независимость Мессеніи, а Аѳины принуждены отозвать свой флотъ. Первымъ изъ сихъ условій Ѳивы надѣялись, не безъ основанія, совершенно усмирить Спарту; второе освобождало ихъ отъ опаснаго соперника на морѣ, ибо и это владычество Эпаминондъ старался доставить своему отечеству; онъ положилъ уже тому начало построеніемъ кораблей и вступленіемъ въ переговоры съ приморскими городами и островами.

Для явнаго и всенароднаго удостовѣренія, что гегемонія перешла въ руки Ѳивъ, послы всѣхъ эллинскихъ городовъ призваны были въ сей городъ, чтобъ выслушать и утвердить мирный договоръ, привезенный изъ Персіи. Но, не смотря на всѣ побѣды, одержанныя Ѳивами, Греки не были расположены признать ихъ превосходство: аркадійскій посолъ, Ликомедъ, утверждалъ, что мѣсто собранія должно быть тамъ, гдѣ происходила война, т. е. въ Аркадіи, и ни одинъ городъ не согласился на утвержденіе договора. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, Пелопидъ рѣшился дѣйствовать прежними средствами, т. е. силою оружія, и войско ѳивское въ третій разъ вошло въ Пелопоннезъ (366), съ намѣреніемъ покорить и послѣднее могущественное его государство, Ахаію. Эпаминондъ взялъ подъ свою защиту аристократическую партію Ахеянъ, и тѣмъ успѣлъ привлечь Ахаію на свою сторону. Но такъ какъ Аркадіяне, провозглашавшіе себя защитниками демократіи, утверждали, что Ахейская Провинція не будетъ вѣрна союзу, пока не введутъ въ ней демократическаго образа правленія, то Ѳивяне послали туда своихъ армостовъ; этотъ поступокъ произвелъ возстаніе, союзъ съ Ѳивами былъ расторгнутъ, и Ахаія, сильнѣе нежели когда либо, стала дѣйствовать въ дѣлахъ Пелопоннеза, преимущественно противъ Аркадіянъ, коихъ дикая храбрость *), взволнованная войною, не оставляла ихъ въ покоѣ. Ликомедъ всегда увѣщевалъ своихъ соотечественниковъ не поддаваться подъ вліяніе и зависимость Спарты или Ѳивъ, а стремиться къ самостоятельности, и, вступивъ въ союзъ съ Аѳинами, доказалъ, что онъ въ своихъ намѣреніяхъ имѣетъ цѣль важную и обильную послѣдствіями. Но Ликомедъ вскорѣ умеръ, и согласіе,

*) Аркадяне, жившіе по большей части отдѣльными селеніями, отличались простыми, грубыми нравами. Какъ въ новѣйшія времена утонченное обращеніе распространялось отъ дворовъ царскихъ, такъ въ древности проистекало оно изъ городовъ, что и означаютъ греческое слово ἀστεῖος, и латинское urbanus, городской, т. е. учтивый. Ксенофонтъ, въ Исторіи Десяти Тысячъ, описываетъ одного аркадійскаго лохага, который, обѣдая у царя Севѳа, взялъ рукою цѣльный хлѣбъ, а на колѣни положилъ большой кусокъ мяса.

имъ возстановленное, рушилось снова. Доказательствомъ тому служитъ война Аркадіянъ противъ Эліянъ. Сіи послѣдніе, занимаясь главнымъ надзоромъ надъ храмомъ и играми въ Олимпіи, не отличались воинскими добродѣтелями, и не смотря на помощь Спарты и Ахаіи, были побѣждены Аркадіянами, которые завладѣли богатыми сокровищами храма. Сія обида, нанесенная богамъ, послужила защитникамъ аристократіи къ обвиненію Аркадіянъ. Нѣкоторые приверженцы сихъ послѣднихъ устрашились сего обвиненія, и Мантинеяне первые поспѣшили объявить, какой ужасъ внушаетъ имъ сіе преступленіе. Аркадіяне, страшась потери своей власти, и въ то же время наказанія за проступокъ, обратились къ Ѳивамъ съ просьбою о помощи.

Сіе государство занято было въ то время новою войною въ Ѳессаліи, гдѣ оно поддерживало противниковъ Александра. Александръ былъ разбитъ, но Ѳивы дорого заплатили за эту побѣду: Пелопидъ палъ въ сраженіи (364). Между тѣмъ бодрствовалъ великій духъ Эпаминонда: теперь, болѣе нежели когда либо, чувствовалъ онъ необходимость утвердить власть свою въ Пелопоннезѣ, и вскорѣ явился тамъ съ войскомъ, усиленнымъ Ѳессалійцами и Эвбеянами. Аргосъ, Сикіонъ, Мессена, а со стороны Аркадіянъ Мегалополь и Тегея, присоединились къ нему. Эпаминондъ расположился лагеремъ при послѣднемъ изъ сихъ городовъ; пелопоннезскіе союзники и съ ними Аѳиняне, стояли при Мантинеѣ, ожидая прибытія спартанскаго отряда, подъ начальствомъ Агезилая. Узнавъ о выступленіи сего послѣдняго, Эпаминондъ рѣшился напасть неожиданно на беззащитную Спарту, и смѣлое сіе предпріятіе удалось бы навѣрное, если бъ Агезилай, извѣщенный однимъ Критяниномъ, не успѣлъ предупредить его. Эпаминондъ уже вступилъ чрезъ Эвротъ въ городъ, гдѣ нашелъ жителей, готовыхъ на отчаянный бой, но въ это самое время явился Агезилай, и Ѳиване должны были отступить.

54. Битва при Мантинеѣ.

Ѳивскій предводитель видѣлъ одно средство къ освобожденію Пелопоннеза отъ власти непріятельской — напасть

на союзниковъ при Мантинеѣ (въ срединѣ лѣта 362, ол. 104, 2). Расположивъ войско съ извѣстнымъ своимъ искусствомъ, онъ разбилъ ряды непріятеля, обратилъ его въ бѣгство, и готовился довершить свою побѣду, какъ вдругъ вражеское копье вонзилось ему въ грудь *). Вѣсть о семъ несчастіи быстро распространилась по всему войску, и вскорѣ общее смятеніе, воспрепятствовавшее довершенію побѣды, обличило отсутствіе опытнаго предводителя.

Эпаминондъ лежалъ въ своей палаткѣ; друзья окружали его, заливаясь слезами. Врачи объявили, что онъ умретъ, лишь только копье будетъ вынуто изъ раны. Онъ могъ еще говорить, и заботился о томъ, чтобы щитъ его не достался въ руки непріятелей. Друзья принесли ему щитъ, и онъ поцѣловалъ его какъ вѣрнаго спутника, раздѣлявшаго съ нимъ славу и опасности. Онъ сильно безпокоился объ окончаніи сраженія, пока не объявили ему, что Ѳивяне одержали побѣду. «Хорошо, сказалъ онъ, и такъ я довольно жилъ, но позовите ко мнѣ Діафанта и Іоллида.» Когда же ему сказали, что оба сіи храбрые полководца убиты, онъ вскричалъ: «такъ посовѣтуйте Ѳивянамъ заключить миръ!» Послѣ того приказалъ онъ вынуть желѣзо изъ раны. Въ эту минуту одинъ изъ неутѣшныхъ друзей его воскликнулъ: «Ты умираешь, Эпаминондъ! О, если бъ, по крайней мѣрѣ, ты оставлялъ сыновей!» Эпаминондъ, собравъ послѣднія силы, отвѣчалъ: «Я оставляю двухъ безсмертныхъ дочерей: побѣды при Левктрахъ и Мантинеѣ.»

Но, для пожатія плодовъ сихъ побѣдъ, недоставало Эпаминонда. Все осталось въ прежнемъ безпорядкѣ и нерѣшительномъ положеніи, и только общее изнеможеніе заставило думать о возобновленіи спокойствія: при посредничествѣ Персіи, заключенъ былъ миръ. Но такъ какъ этотъ миръ утверждалъ независимость Мессены, которая, равно какъ Мегалополь, поступала подъ защиту Аѳинъ, то Спарта не приняла въ немъ участія, но, по недостатку денегъ,

*) Многіе оспоривали другъ у друга славу, что поразили Эпаминонда.

воспользовалась только водворившимся послѣ того спокойствіемъ для прекращенія своихъ непріязненныхъ дѣйствій. Одинъ осьмидесяти-лѣтній Агезилай считалъ непозволеннымъ наслаждаться спокойствіемъ на развалинахъ своего отечества, и всюду искалъ пособій для возстановленія спартанскаго могущества. Смятеніе, господствовавшее въ ненавистной Персидской Монархіи, было для него очень выгодно. При совершенномъ разслабленіи всѣхъ государственныхъ связей, безсиліе Артаксеркса Мнемона являлось преимущественно въ дерзкихъ возмущеніяхъ его намѣстниковъ, не страшившихся наказанія, и въ борьбѣ ихъ между собою. Въ такихъ обстоятельствахъ персидскій дворъ и сатрапы не могли обойтись безъ пособія греческихъ воиновъ и греческаго ума. Эвагоръ, при помощи Конона, такъ прочно утвердилъ могущество свое въ Кипрѣ, что, въ теченіе десяти лѣтъ, вся власть персидскаго правительства едва въ состояніи была принудить его къ повиновенію. Когда Фарнабазъ намѣревался итти войною на Нектанеба, тогдашняго Царя Египетскаго, онъ пожелалъ имѣть Аѳинянина Ификрата, для предводительства отрядомъ своихъ греческихъ наемниковъ; но недовѣрчивость къ Грекамъ заставила его перемѣнить намѣреніе. Тимоѳей, лишась начальства надъ аѳинскимъ флотомъ, отправился также въ Египетъ, и былъ принятъ тамъ съ благосклонностью; многіе другіе Греки, посвятившіе услуги свои Египту, возвратились оттуда, осыпанные наградами и сокровищами.

Богатства сего государства, желаніе отмстить Персидской Монархіи, и вступить въ выгодный союзъ съ ея врагами, побудили Агезилая обратиться къ Египетскому Царю Тахосу, преемнику Нектанеба, который поддерживалъ возмутившихся въ то время намѣстниковъ Малой Азіи и Сиріи. Тахосъ далъ Агезилаю сухопутное свое войско, а Хабрію флотъ; но едва успѣлъ онъ удалиться съ своимъ войскомъ въ Сирію, въ Египтѣ явился мятежникъ, двоюродный братъ Царя, Нектанебъ, который, какъ кажется, весьма скоро успѣлъ утвердить тамъ свою власть. Агезилай, негодуя на Тахоса за то, что онъ не предоставилъ ему одному распоряженія всѣми дѣлами, и можетъ быть, отчаиваясь въ его

возвращеніи, немедленно присоединился къ Нектанебу, помогъ ему побѣдить новаго противника, и утвердилъ пріобрѣтенное имъ владычество. Новый Царь *), въ награду за оказанную ему помощь, подарилъ Агезилаю двѣсти тридцать талантовъ, которые сей послѣдній надѣялся употребить въ пользу своего отечества. Новыя безпокойства уже опять волновали Пелопоннезъ: возмущенные жители Мегалополя снова хотѣли разсѣяться по всей странѣ, но Аѳины воспрепятствовали тому, пославъ противъ нихъ войско. Между тѣмъ буря, настигшая Спартанскаго Царя въ дорогѣ, прибила его къ ливійскому берегу, гдѣ онъ и умеръ, на восемьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія (361). Съ нимъ рушилась надежда Спарты возстановить прежнее свое вліяніе въ Пелопоннезѣ. Быстро возникшее могущество Ѳивъ приходило также въ упадокъ, а Аѳины, по словамъ одного современнаго государственнаго мужа, представляли только обломки того корабля, которымъ нѣкогда правилъ Периклъ.

Но еще болѣе измѣнился въ греческихъ государствахъ духъ гражданъ: развращеніе нравовъ, вкравшееся къ нимъ уже прежде, распространялось болѣе и болѣе. Продолжительныя вражды, взволнованныя страсти, смѣняющіяся партіи, опасенія на счетъ сохранности имущества, безпріютность изгнаниковъ **), неуваженіе къ религіи — все это вмѣстѣ было причиною ослабленія тѣсныхъ связей, соединявшихъ всѣ части съ цѣлымъ, и гибели добродѣтелей, основывавшихся на этомъ согласіи. Каждый болѣе заботился о себѣ самомъ, и ревностнѣе искалъ собственныхъ своихъ выгодъ, нежели пользы отечества; всѣ предпочитали жизненныя наслажденія, украшенныя прелестями роскоши, и хотя бы купленныя безчестіемъ, славъ сражаться и подвергать-

*) Нектанебъ II держался въ Египтѣ до 350 года. Въ этомъ году Персы выгнали его въ Эѳіопію, и вновь покорили Египетъ своей власти.

**) По сей причинѣ Исократъ, въ рѣчи своей Филиппу, сказалъ «Легче составить войско изъ бездомныхъ изгнанниковъ, нежели изъ своихъ гражданъ.» По возвращеніи Александромъ изгнанниковъ въ отечество, оказалось числомъ ихъ двадцать тысячъ.

ся опасностямъ за благо отечества. До такой степени развращена была Грецiя. Къ счастію, вѣчная противница ея, Персiя, находилась въ такомъ же безсильномъ состоянiи: сокровища ея уже никого не устрашали, а только привлекали надеждою на богатую добычу. Упадокъ Грецiи и Персiи долженъ былъ послужить къ возвеличенiю возникавшаго въ то время новаго государства, Македонскаго, которое, соединивъ въ себѣ греческую хитрость и воинское искусство Ѳивянъ, пріобрѣло тѣмъ значительную силу, и въ состоянiи было распространить владычество свое въ Грецiи, овладѣть богатствами Персiи, и тѣмъ открыть греческой образованности обширнѣйшее поприще.

55. Филиппъ, Царь Македонскій.

(Съ 359 г. до Р. Х.)

Македоняне были не греческаго, а иллирiйскаго происхожденiя, но побѣды, одержанныя ими надъ греческими племенами, и другаго рода сношенiя придали первобытнымъ варварскимъ ихъ нравамъ много сходства съ греческими *). Сами цари ихъ считали себя потомками Геркулеса. Выше, въ исторiи Пердикки (стр. 4) и Аминта II (стр. 92), могли мы видѣть, что сiи цари уже въ глубокой древности находились въ различныхъ сношенiяхъ съ эллинскими государствами, въ особенности съ Аѳинами и съ колонiями на македонскихъ берегахъ. Между сими двумя государями царствовалъ Архелай: онъ проложилъ большiя дороги, построилъ крѣпости, и для распространенiя греческой образованности и исправленiя нравовъ, сдѣлалъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; дворъ его былъ сборищемъ всякаго рода художниковъ, поэтовъ и философовъ. Но онъ былъ умерщвленъ (въ 399 г.), и въ Македонiи настало время большихъ смутъ и безпорядковъ. Споры за обладанiе престоломъ подали поводъ къ кровопролитiямъ и преступленiямъ. Пользуясь сими междоусобiями, сосѣдственные варвары, Иллирiйцы, Ѳракiйцы и

*) Ottfried Müller, über die Wohnsitze, die Abstammung und die alte Geschichte des Macedonischen Volkes.

Пеоніяне, стали грабить и опустошать Македонію. Греки также распространили на нее свое владычество и вліяніе. Въ слѣдствіе этого, по смерти Аминта II (369), когда возникли новые споры о назначеніи ему преемника, Ѳивы вмѣшались въ дѣла Македоніи (стр. 106). Пелопидъ утвердилъ на престолѣ старшаго сына Аминтова, Александра, а младшаго его брата, Филиппа, прославившагося въ послѣдствіи, взялъ съ собою въ Ѳивы, какъ заложника. Александръ царствовалъ только одинъ годъ; онъ былъ умерщвленъ Птоломеемъ Алоритомъ, который три года держался на тронѣ, но наконецъ былъ свергнутъ Пердиккою, вторымъ сыномъ Аминта. Пердикка палъ въ кровопролитномъ сраженіи противъ Иллирійцевъ, которые вслѣдъ за тѣмъ овладѣли почти всею западною Македоніею (360).

Въ сіе время Филиппъ находился, по мнѣнію однихъ, еще въ Ѳивахъ, а по словамъ другихъ, уже въ Македоніи. Онъ долженъ былъ вступить на праотеческій престолъ при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; но, казалось, судьба умышленно отняла у него все, чтобы дать ему возможность пріобрѣсти все собственными трудами, и выказать всю силу великаго ума, какимъ надѣлила его природа. Пребываніе въ Ѳивахъ, средоточіи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, происходившихъ тогда въ Греціи, и отчизнѣ новаго воинскаго искусства, доставило ему случай получить образованіе отъ первыхъ мужей Греціи, и пріобрѣсти драгоцѣнныя познанія и опытность. Стремленіе къ смѣлымъ предпріятіямъ соединялъ онъ съ самымъ яснымъ политическимъ взглядомъ и благоразумною терпѣливостью, но, къ сожалѣнію, не былъ разборчивъ въ употребленіи средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Гдѣ недоставало силы, тамъ прибѣгалъ онъ къ хитростямъ и обманамъ; въ особенности умѣлъ онъ подкупать измѣнниковъ, которыхъ находилъ довольно въ униженной и развращенной Греціи.

Со всѣхъ сторонъ оспоривали у него тронъ македонскій. Ѳракійскіе владѣльцы защищали одного изъ соискателей его вѣнца, Павзанія. Аѳины, желая снова овладѣть Амфиполемъ, и прежде способствовали къ утвержденію Пердикки на престолѣ; теперь, для достиженія той же цѣли,

поддерживали права какого-то Аргея; еще опаснѣе были Пеоніяне, напиравшіе съ сѣвера, и въ особенности Иллирійцы; побѣда, одержанная недавно сими послѣдними, распространила между Македонянами страхъ и недовѣрчивость къ своимъ силамъ.

Филиппъ, окруженный такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ врагами, былъ въ полной увѣренности, что разсѣетъ собравшуюся надъ нимъ грозу. Ѳракійцевъ привлекъ онъ на свою сторону переговорами и подарками, Аѳинянъ обманулъ хитростью. Онъ вывелъ македонскій гарнизонъ изъ Амфиполя, и объявилъ городъ свободнымъ. Послѣ того, безъ труда побѣдивъ Аргея, и желая еще болѣе вовлечь въ обманъ и обольстить Аѳинянъ, онъ угостилъ и одарилъ взятыхъ въ плѣнъ согражданъ ихъ, служившихъ наемниками у Аргея, и отпустилъ домой съ увѣреніями въ дружбѣ, отказавшись въ то же время отъ правъ своихъ на Амфиполь. Успокоивъ такимъ образомъ Аѳинянъ, онъ напалъ на Пеоніянъ, и покорилъ ихъ; наконецъ и главные враги его, Иллирійцы, были побѣждены имъ въ кровопролитномъ сраженіи, котораго счастливое для Македоніи окончаніе утвердило ея безопасность, и даже распространило владѣнія до озера Лихнита.

Всѣ сіи битвы не только освободили Филиппа отъ опасныхъ враговъ, но и образовали мало по малу храбрыхъ воиновъ, которые въ послѣдствіи одерживали подъ его начальствомъ блистательныя побѣды. Филиппъ былъ искусный полководецъ, и имѣлъ геній творческій: введенная имъ македонская фаланга содѣлала армію его непобѣдимою. Сей знаменитый боевой порядокъ состоялъ изъ удвоеннаго обыкновеннаго греческаго строя, и былъ уже употребляемъ Эпаминондомъ, хотя еще не въ такомъ совершенствѣ, въ сраженіяхъ при Левктрахъ и Мантинеѣ; его видъ и дѣйствія производили самое сильное впечатлѣніе: въ послѣдствіи одинъ римскій полководецъ утверждалъ, что онъ никогда въ жизни не видалъ ничего величественнѣе и страшнѣе *). Филиппъ (а передъ нимъ еще Ификратъ) ввелъ въ

*) Главная сила фаланги состояла въ глубинѣ ея строя; она

войскъ своемъ строжайшую подчиненность, безъ которой тактика ничего не значитъ; изъ дворянъ образовалъ онъ способныхъ предводителей, а простыхъ воиновъ пріучилъ переносить всякаго рода трудности. Дворянство македонское, уже въ древности пользовавшееся могуществомъ и большимъ вліяніемъ на дѣла, въ царствованіе Филиппа сохранило ту же силу и тѣ же преимущества, которыми ограничивалась власть царей.

Утвердивъ такимъ образомъ свой престолъ, и успокоивъ государство, Филиппъ сталъ помышлять о приведеніи въ исполненіе дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Войско его было въ отличномъ состояніи; недоставало у него только денегъ. Для пріобрѣтенія богатства, онъ рѣшился овладѣть греческими колоніями на берегахъ Македоніи, которыя вели весьма прибыльную торговлю; кромѣ того домогался онъ завоеванія богатыхъ рудниковъ въ Горахъ Пангейскихъ. Для достиженія обѣихъ сихъ цѣлей, въ особенности послѣдней, онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Амфиполя: прежде отказался онъ отъ правъ на сей городъ только для того, чтобы [illegible] удобнѣйшій случай къ завоеванію его. Этотъ случай вскорѣ представился. Пользуясь возникшими въ то время спорами, Филиппъ напалъ на Амфиполь, и взялъ его (358.). Для успокоенія Аѳинянъ, онъ объявилъ, что покорилъ городъ для нихъ, признавая права ихъ на обладаніе имъ, утвержденныя Анталкидовымъ миромъ. Аѳиняне, старавшіеся обманывать сами себя, легко повѣрили увѣреніямъ Филиппа, обѣщали ему даже не препятствовать замысламъ его противъ Пидны, и такимъ образомъ отдали въ его власть сей важный приморскій пунктъ. Могущественный городъ Олинѳъ, видя приближаю-

---

строилась въ шестнадцать рядовъ; задніе шеренги напирали на передніе, и это придавало нападеніямъ всей массы чрезвычайную силу. Копья фалангистовъ были такъ длинны, что изъ пятой шеренги доставали черезъ первую. Простая фаланга состояла изъ тысячи человѣкъ. Филиппъ ее удвоилъ; въ послѣдствіи она была учетверена, такъ что фронтъ ея состоялъ изъ тысячи человѣкъ. Но отношеніе фронта къ глубинѣ строя было, какъ кажется, не всегда одинаково.

щуюся опасность, предложилъ Аѳинянамъ вступить съ нимъ въ союзъ противъ Македонянъ. Филиппъ не только умѣлъ предупредить это, но даже склонилъ Олинѳянъ на свою сторону, отдавъ имъ завоеванный имъ городъ Потидею. Собственно для себя занялъ онъ потомъ Кренидъ, и прозвалъ его, по своему имени, Филиппами. Онъ поселилъ въ немъ многихъ изъ своихъ подданныхъ, чтобы тѣмъ утвердить еще болѣе свою власть: ибо городъ сей составлялъ ключъ къ ѳракійскимъ рудникамъ, которые теперь были для него важнѣе, нежели когда либо. Добываемыя оттуда деньги, употреблялъ онъ на жалованье своимъ воинамъ, на устроеніе небольшаго флота въ новоприобрѣтенныхъ гаваняхъ, на покрытіе разныхъ другихъ издержекъ войны, и, кромѣ того, на подкупы, которые, во всѣхъ войнахъ, служили ему самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ. Нѣтъ такой высокой стѣны, говорилъ онъ обыкновенно, чрезъ которую не могъ бы перешагнуть оселъ, навьюченный золотомъ.

Страннымъ можетъ показаться, что Аѳиняне сначала не замѣчали опасности, какою угрожало [illegible] Македонія; но это обстоятельство объясняется отчасти слѣпотою страстей, которыя часто заставляютъ пренебрегать важною, но отдаленною опасностью, и страшиться незначительной и близкой, отчасти же неуваженіемъ Аѳинянъ къ такой странѣ, какъ Македонія, которую они привыкли всегда болѣе презирать, нежели бояться. Когда открылись опасные замыслы Филиппа, Аѳиняне заняты были войною съ недовольными своими союзниками, Родосомъ, Хіосомъ, Византіею и Косомъ. Сіи войны истощали всѣ ихъ силы, и причиняли имъ большой вредъ. Въ самомъ началѣ лишились они трехъ лучшихъ своихъ предводителей, Хабрія, Тимоѳея и Ификрата. Первый палъ со славою предъ Хіосомъ; оба послѣдніе были вытѣснены Харитомъ, другимъ предводителемъ, который обвинилъ ихъ въ томъ, что они, по нерадѣнію, не подали помощи Самосу, осажденному непріятелемъ. Харитъ, который, по словамъ историка Ѳеопомпа (впрочемъ весьма склоннаго къ охужденіямъ), былъ преданъ лѣности, и занимался только удовольствіями, принявъ

главное начальство надъ войскомъ, продолжалъ войну, но безъ всякаго успѣха; онъ не умѣлъ спасти Потидеи, которая, въ 357 году, перешла въ власть Филиппа, и привелъ Аѳины еще въ худшее положеніе, увеличивъ число ихъ непріятелей. Для того ли, чтобы доставить своему отечеству нужное вспомоществованіе въ деньгахъ, или же изъ собственнаго корыстолюбія, только онъ рѣшился поддерживать сатрапа Артабаза въ войнѣ его противъ Царя Персидскаго. Сей послѣдній, съ своей стороны, принялъ, вмѣстѣ съ Филиппомъ, защиту мятежныхъ острововъ, и Аѳины увидѣли себя наконецъ въ необходимости заключить миръ на условіяхъ безславныхъ и невыгодныхъ (355).

Такимъ образомъ вниманіе Аѳинъ устремлено было въ другую сторону, въ то время, когда Филиппъ началъ основывать власть свою въ Ѳессаліи, завоеваніе которой должно было открыть ему путь въ Грецію. Совершенное отсутствіе порядка въ сей странѣ весьма способствовало успѣхамъ замысловъ Филиппа. Какъ самостоятельный государь, онъ могъ дѣйствовать здѣсь съ бо́льшею свободою и безопасностію нежели Аѳиняне и Ѳивяне, которые, какъ мы видѣли выше, часто старались пользоваться раздорами Ѳессалійцевъ для утвержденія собственной своей власти. Между тѣмъ супруга жестокаго Александра Ферскаго возбудила противъ него родныхъ своихъ братьевъ: они умертвили тирана, и завладѣли его престоломъ; но и они царствовали такъ беззаконно, что Ѳессалійцы призвали на помощь Филиппа. Онъ явился будто для ихъ освобожденія, но, дѣйствуя для собственной своей выгоды, сталъ питать всѣ безпокойства, и старался только защищать слабѣйшихъ, и притѣснять сильнѣйшихъ. Оставаясь такимъ образомъ всегда необходимымъ и опаснымъ для Ѳессалійцевъ, онъ умѣлъ, въ то же время, снискать ихъ благорасположеніе пріятностью своего обращенія, веселостью, шутливостью и празднествами, которыя весьма имъ нравились. Въ то же время Филиппъ неутомимо дѣйствовалъ въ Македоніи, гдѣ Иллирійцы, Пеоніяне и владѣтель Ѳракіи соединенными силами старались остановить его успѣхи. Самъ онъ покорилъ Пеоніянъ и Ѳракійцевъ, а полководецъ его Парменіонъ, про-

славившійся въ послѣдствіи, одержалъ побѣду надъ Иллирійцами.

Смѣлое честолюбіе Филиппа угрожало Греціи большою опасностью, съ тѣхъ поръ, какъ онъ утвердилъ власть свою въ Ѳессаліи. Состязательство на Олимпійскихъ Играхъ, въ 356, и побѣды, одержанныя имъ при семъ случаѣ, должны были бы убѣдить Грековъ въ готовности его вступить съ ними въ дѣйствительную борьбу, но ослѣпленіе ихъ способствовало выгодамъ Филиппа. Вмѣсто того, чтобы соединенными силами пойти противъ Македоніи, они затѣяли новую войну, самую несчастную изъ всѣхъ предшествовавшихъ, хотя она и называется священною, потому что предлогомъ къ ней послужили Дельфы и Амфиктіоны. Сія война разстроила послѣдній порядокъ въ Греціи, и наконецъ отворила Филиппу тѣсныя врата Ѳермопилъ, чрезъ которыя онъ проникъ въ самое сердце Греціи.

Совѣтъ Амфиктіоновъ, на который Ѳивы имѣли въ то время особенно сильное вліяніе, приговорилъ Спарту и Фокиду къ уплатѣ значительной денежной пени, первую за прежнія ея нападенія на ѳивскую крѣпость, вторую за то, что она воздѣлала для себя часть поля, посвященнаго Аполлону. Но это былъ только предлогъ, которымъ Ѳивы хотѣли скрыть ненависть свою къ Фокидѣ. Древнія религіозныя чувства уже не существовали, и если въ политику вмѣшивались еще причины, касавшіяся до религіи, это дѣлалось только изъ пустаго притворства и лицемѣрія. Фокіяне не въ состояніи были заплатить назначенную сумму; имъ стали грозить войною, и предводитель ихъ, Филомелъ, побуждаемый необходимостью, рѣшился на отчаянный подвигъ: онъ напалъ внезапно на городъ Дельфы и храмъ дельфійскій (357), завладѣлъ богатыми наличными сокровищами храма, и набралъ на сіи деньги наемниковъ, которые стекались къ нему со всѣхъ концовъ Греціи, не заботясь о томъ, что столь богатыя награды доставляетъ имъ святотатство. Сверхъ того Фокіяне обратились съ просьбою о помощи къ Аѳинянамъ и Спартанцамъ, которые объявили на то свою готовность, какъ изъ видовъ политики, такъ и изъ ненависти къ левктрійской гордости Ѳивянъ. Сіи послѣдніе,

главные виновники всѣхъ безпорядковъ, надѣялись возставить всю Грецію противъ ненавистныхъ враговъ своихъ, Спартанцевъ и Фокіянъ, и при семъ случаѣ возвысить собственное свое величіе; но они жестоко обманулись. Напротивъ того, доколѣ въ Фокидѣ свирѣпствовала война, Спарта на свободѣ съ большимъ успѣхомъ притѣсняла въ Пелопоннезѣ Мегалополь и Мессену, а Ѳивы принуждены были сражаться безъ всякой посторонней помощи, и истощать послѣднія свои силы. Бой былъ упорный, какъ всякій, отъ котораго зависитъ чье либо существованіе, и жестокостью превосходилъ всѣ предшествовавшіе, потому что оскорбленіе, нанесенное религіи, возбуждало необыкновенную злобу, или, по крайней мѣрѣ, служило ей предлогомъ. Противники Фокіянъ дѣйствовали, съ своей стороны, не менѣе свирѣпо. Такъ, въ одномъ изъ первыхъ сраженій, Віотійцы приказали изрубить многихъ плѣнныхъ Фокіянъ, какъ участниковъ въ совершенномъ противъ боговъ преступленіи, и объявили притомъ, что такая же участь постигнетъ всѣхъ плѣнниковъ. Но Филомелъ немедленно воспользовался правомъ возмездія надъ віотійскими военноплѣнными, и жестокости прекратились; самъ онъ послѣ этого не могъ ожидать пощады, и потому, во вторичномъ сраженіи, происходившемъ въ пограничныхъ горахъ, сильно раненый, боясь попасться въ руки непріятелей, онъ лишилъ себя жизни, бросившись со скалы (354).

Братъ его, Ономархъ, продолжалъ однако же войну, и даже овладѣлъ находившимися въ дельфійскомъ храмѣ богатыми приношеніями; изъ мѣдныхъ велѣлъ сдѣлать оружіе, а изъ золотыхъ и серебряныхъ выбить монету. Сіе пріобрѣтеніе дало ему возможность пополнить свою армію, и увеличить жалованье воинамъ. Блистательное счастіе сопровождало всѣ его предпріятія: онъ вторгся въ Віотію, разбилъ Ѳивянъ, отнялъ у нихъ Коронею, и побѣдоносно вошелъ въ Ѳессалію, властители которой уже основывали свои надежды на возникавшемъ счастіи Фокіянъ, и думали, при ихъ помощи, возстановить прежнее свое могущество. Притѣсненные Ѳессалійцы опять прибѣгли къ Филиппу, который между тѣмъ продолжалъ тайную и открытую вой-

ну противъ Аѳинъ, и завоевалъ союзный съ ними приморскій городъ Меѳону. По призыву Ѳессалійцевъ, поспѣшилъ онъ къ нимъ на помощь, съ намѣреніемъ утвердить основанную тамъ уже прежде, вторую наступательную линію противъ Аѳинъ и Ѳивъ, и даже распространить ее, пользуясь представлявшимися ему выгодными обстоятельствами. Сначала онъ два раза былъ разбитъ Фокіянами, наконецъ одержалъ рѣшительную побѣду, и истребилъ все непріятельское войско; остатки его, бѣжавшіе къ берегу, гдѣ стоялъ аѳинскій флотъ подъ начальствомъ Харита, безъ пощады побросаны были въ море. Ономархъ былъ убитъ въ бѣгствѣ, и Филиппъ приказалъ повѣсить трупъ его, въ доказательство ревности своей къ отмщенію за оскорбленіе боговъ. Въ то же время оставилъ онъ во многихъ ѳессалійскихъ городахъ македонскіе гарнизоны, и тѣмъ показалъ не менѣе ревностное желаніе къ сохраненію собственныхъ своихъ выгодъ.

Подъ предлогомъ преслѣдованія разбитыхъ Фокіянъ въ собственной ихъ землѣ, Филиппъ хотѣлъ теперь завладѣть Ѳермопильскимъ Проходомъ, ключемъ къ собственной Греціи, и Ѳессалійцы готовы были поддерживать его въ семъ предпріятіи. Но, при этомъ случаѣ, онъ слишкомъ явно выказалъ цѣль своихъ замысловъ, и Аѳиняне увидѣли, какъ необходимо дѣйствовать противъ него. Они поспѣшили отправить флотъ для защиты важнаго прохода, и Филиппъ возвратился въ Македонію, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи.

56. Демосѳенъ.

Такимъ образомъ замыселъ Филиппа былъ на сей разъ отгаданъ и уничтоженъ, и онъ принужденъ былъ затаить месть въ глубинѣ своей души. Теперь надлежало ему ожидать болѣе осторожности со стороны Аѳинъ, и остерегаться сего государства: онъ видѣлъ тамъ средоточіе всѣхъ непріязненныхъ для него дѣйствій. Въ сіе время одинъ человѣкъ, въ Аѳинахъ, вознамѣрился возвратить своему оте-

честву прежнюю его славу, хранителя эллинской свободы. Соединяя Периклову любовь къ родинѣ съ Ѳемистокловымъ искусствомъ преодолѣвать затрудненія всякаго рода, и неусыпно наблюдая за выгодами Аѳинъ и Греціи, онъ постигъ всѣ замыслы Филиппа, слѣдилъ за всѣми его движеніями, и рѣшился дѣйствовать противъ него. Это былъ Демосѳенъ. Онъ происходилъ не изъ знатной аѳинской фамиліи, какъ Кимонъ, Периклъ, Ѳукидидъ и Алкивіадъ; отецъ его былъ хозяиномъ оружейнаго завода, который приносилъ ему большой доходъ. Но тогдашнее ученое образованіе, особенно изученіе исторіи, философіи и краснорѣчія, дало Демосѳену возможность пріобрѣсти всѣ качества, необходимыя для государственнаго мужа, благородный образъ мыслей, твердость характера и надлежащее направленіе ума. Лишившись отца въ младенчествѣ, онъ не получилъ наслѣдства, которое было расхищено корыстолюбивыми опекунами. Онъ былъ слабаго сложенія, и потому мало занимался гимнастикою; товарищи насмѣхались надъ нимъ, и давали ему разныя оскорбительныя прозвища. На шестнадцатомъ году отъ роду, Демосѳенъ услышалъ рѣчь знаменитаго Каллистрата, произнесенную имъ всенародно по случаю спора, возникшаго между Аѳинами и Ѳивами за обладаніе городомъ Оропомъ. Сила краснорѣчія изумила юношу; когда же, по окончаніи рѣчи, онъ услышалъ, какими похвалами осыпаютъ оратора, когда увидѣлъ, какъ уважаютъ его, съ какимъ торжествомъ народъ провожаетъ его до дому, немедленно и твердо рѣшился устремиться къ той же цѣли. Съ того времени онъ ни о чемъ другомъ не думалъ, ничѣмъ другимъ не занимался, кромѣ сочиненія рѣчей. Онъ ревностно сталъ изучать творенія великихъ греческихъ писателей; восемь разъ сряду собственноручно переписалъ Исторію Ѳукидида, чтобы вполнѣ постигнуть способъ его изложенія. Вскорѣ послѣ того онъ услышалъ Платона, и ораторъ Исей сталъ преподавать ему правила краснорѣчія. Приготовленный такимъ образомъ, Демосѳенъ началъ тяжбу съ своими опекунами, и хотя выигралъ ее, но получилъ только небольшую часть своего наслѣдства. Наконецъ онъ рѣшился говорить всенародно, но былъ освистанъ и осмѣ-

лъ; вторичная попытка имѣла столь же мало успѣха. Закрывъ лице руками, онъ побѣжалъ домой, чтобы скрыть тамъ свой стыдъ; другъ его, комедіянтъ Сатиръ, послѣдовалъ за нимъ. Демосѳенъ сталъ жаловаться на людей, которые съ удовольствіемъ слушаютъ грубыхъ и необразованныхъ говоруновъ, а его, жертвующаго здоровьемъ для своего искусства, не удостоиваютъ ни какого одобренія. «Ты правъ, сказалъ Сатиръ, но я знаю, что̀ тому причиной, и надѣюсь помочь твоему горю, если ты согласишься произнесть предо мною наизустъ нѣсколько стиховъ изъ Софокла или Эврипида.» Демосѳенъ повиновался; комедіянтъ повторилъ послѣ него тѣ же стихи, но съ такою силою и выраженіемъ, что Демосѳену показалось, будто онъ слышитъ совершенно иное. Тогда увидѣлъ онъ, что ему недостаетъ еще многаго, и что должно опять приняться за ученье.

Подобно сильному противнику своему, Филиппу, утвердившему тронъ свой на зыбкомъ основаніи, и распространившему власть свою посреди тысячи препятствій, Демосѳенъ долженъ былъ преодолѣть великія затрудненія для образованія и усовершенствованія своего дара. Большая смѣлость и сильный голосъ необходимы для оратора, желающаго говорить передъ народомъ, который, подобно бурному морю, кипя и бушуя, окружаетъ его своими волнами; поэтому Исократъ, не имѣвшій сихъ двухъ качествъ, никогда не произносилъ рѣчей всенародно, и не принималъ дѣйствительнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ.

Демосѳенъ имѣлъ короткое дыханіе, слабый голосъ, и, какъ Алкивіадъ, не могъ произносить буквы р; онъ всѣми силами старался изгладить сіи недостатки: ходилъ по берегу моря, и голосомъ своимъ усиливался заглушить шумъ волнъ; бралъ въ ротъ камешки, и пытался говорить чисто и ясно; всходилъ на высокія горы, и тамъ произносилъ громкимъ голосомъ длинныя рѣчи, чтобы пріучить себя какъ можно долѣе не переводить дыханія; наконецъ переселился въ подземелье, и, отказавшись отъ всякаго сообщенія съ людьми, сталъ, передъ большимъ зеркаломъ, изучать различныя положенія и движенія тѣла и лица. Плутархъ разсказываетъ, что онъ даже обрилъ себѣ часть

головы, чтобы ему никакъ не было возможно выходить изъ уединенія. Проживъ такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ подземной пещерѣ, въ неутомимыхъ занятіяхъ и размышленіяхъ о своемъ искусствѣ, Демосѳенъ вышелъ наконецъ оттуда отличнѣйшимъ ораторомъ, и совершенно очаровалъ и покорилъ тотъ самый народъ, который недавно надъ нимъ смѣялся.

При исполненіи обязанностей всенароднаго оратора, Демосѳенъ явилъ ту же твердость, какою отличился при изученіи своего искусства. Одинъ изъ главныхъ соперниковъ его, Демадъ, часто являлся передъ народомъ въ нетрезвомъ видѣ, и говорилъ безъ всякихъ приготовленій, хотя и съ большимъ искусствомъ. Демосѳенъ, напротивъ того, отличался строгою воздержностью, и, какъ нѣкогда Периклъ, всегда заранѣе готовился къ произнесенію рѣчи; его упрекали даже въ томъ, что рѣчи его отзываются ночною лампою. Скорѣе можно было сказать, что онѣ возникаютъ изъ мрака ночи, какъ солнце, которое, послѣ ночной мглы, медленно восходитъ, освѣщая и согрѣвая все своими лучами. Могучій и глубокій смыслъ его рѣчей, его проницательный политическій умъ и возвышенный образъ мыслей составляютъ предметъ удивленія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Всѣ великіе ораторы, послѣдовавшіе за Демосѳеномъ, старались подражать ему, но никто съ нимъ не сравнился.

Демосѳенъ выступилъ на политическое поприще въ то время, когда все уже предвѣщало скорый упадокъ государства. «Юноши аѳинскіе, говоритъ Ѳеопомпъ, проводили цѣлые дни въ домахъ музыкантовъ и гетеръ; пожилые люди занимались только игрою въ кости и другими подобными безполезными упражненіями; весь же народъ тратилъ болѣе денегъ на публичные обѣды и пиршества, нежели на государственныя нужды.» Нѣкоторые благородные Аѳиняне негодовали на своихъ согражданъ, и съ горестью видѣли, что управленіе государственными дѣлами отдано на произволъ партіи, и что руководители народа стараются только льстить его страстямъ; отчаиваясь въ возможности остановить паденіе своего отечества, они старались только со-

хранить чистою собственную свою добродѣтель посреди всеобщаго разврата, и поддерживая миръ, прикрывать такимъ образомъ безсиліе своей родины. Они не способствовали замысламъ Филиппа, какъ люди, подкупленные имъ, но и не старались ему сопротивляться; почитая совершенно невозможнымъ, чтобы Аѳины восторжествовали надъ Царемъ Македонскимъ, они совѣтовали хранить миръ, въ томъ убѣжденіи, что быстрые успѣхи Филиппа не воспрепятствуютъ спокойному существованію ихъ отечества.

Этого мнѣнія держался болѣе всѣхъ Фокіонъ, человѣкъ строгой честности и нравственности: будучи отъ природы суроваго и угрюмаго нрава, онъ не могъ безъ негодованія смотрѣть на изнѣженность и невоздержаніе своихъ соотчичей. Никто не видалъ, чтобъ онъ когда либо смѣялся или плакалъ. Въ полѣ ходилъ онъ босикомъ и безъ плаща; когда же отступалъ отъ сего правила, воины заключали, что холодъ долженъ быть очень силенъ. Въ санѣ полководца, онъ отличался наблюденіемъ строгаго порядка, бережливостью и безкорыстіемъ, и никогда не бралъ ни какихъ подарковъ, хотя иностранные государи нерѣдко предлагали ему весьма значительные. Фокіонъ жестоко укорялъ Аѳинянъ въ легкомысліи; мнѣнія его всегда были отвергаемы, и онъ такъ къ этому привыкъ, что однажды, когда народъ съ громкимъ одобреніемъ принялъ одно изъ его предложеній, вскричалъ съ удивленіемъ: «Вѣроятно, я сказалъ какую нибудь глупость!» Но Фокіонъ не понималъ величія Демосѳена: пламеннымъ увѣщаніямъ и рвенію краснорѣчиваго оратора противопоставлялъ онъ холодныя насмѣшки и ту недальновидную осторожность, которая слишкомъ часто находитъ одобреніе въ людяхъ ограниченныхъ. Люди, подобные Фокіону, всегда строго и добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, даже бываютъ способны къ великимъ пожертвованіямъ, но они не въ состояніи спасти государство, колеблющееся въ своемъ основаніи.

Другіе еще болѣе придерживались стороны Филиппа; къ числу ихъ принадлежали Исократъ и его приверженцы: заботясь о благѣ всей Греціи, они съ горестью

смотрѣли на всѣ несогласія, раздоры и междоусобія съ ихъ пагубными слѣдствіями, и въ особенности соболѣзновали объ участи Грековъ азіятскихъ, подверженныхъ нападеніямъ варваровъ или греческихъ бродягъ. Они не надѣялись, чтобы Аѳины или Спарта въ состояніи были утвердить спокойствіе въ Греціи, и полагали, что возрастающее могущество Македоніи принесетъ Греціи не вредъ, а пользу. Не для себя собственно ожидали они оттого пользы, но полагали, что могучая держава силою своею возстановитъ спокойствіе всей Греціи, и въ то же время накажетъ давнишняго врага ея, Персію.

Демосѳенъ не раздѣлялъ ни одного изъ сихъ мнѣній, и смотрѣлъ на событія своего времени съ другой, гораздо высшей точки зрѣнія. Исполненный того духа, который господствовалъ въ Аѳинахъ во времена ихъ славы, онъ надѣялся возстановить мужество народа, и воскресить древнія его добродѣтели. Подобно Аристиду, Периклу и другимъ, онъ заботился болѣе о благѣ государства, нежели о похвалахъ своихъ слушателей, и часто, въ строгихъ выраженіяхъ, порицалъ ихъ. «Вы охотно слушаете, говорилъ онъ, когда прославляютъ вашихъ предковъ, когда описываютъ вамъ ихъ подвиги и побѣды, но знайте, что предки ваши совершали сіи славныя дѣла не для того только, чтобъ вы удивлялись имъ, но чтобъ вы имъ и подражали!» Онъ съ восторгомъ говорилъ Аѳинянамъ о доблестяхъ ихъ праотцевъ, и съ благороднымъ негодованіемъ о нынѣшнемъ ихъ униженіи. Въ Филиппѣ Демосѳенъ представлялъ народу опаснѣйшаго врага свободы Греціи, которому должно сопротивляться всѣми силами; для этого, говорилъ онъ, Аѳиняне должны бросить свою лѣность, и дѣйствовать рѣшительно. Однажды Филиппъ заболѣлъ, и въ Аѳинахъ распространились радость и надежда, но Демосѳенъ сказалъ: «Не ожидайте скораго спасенія; если этотъ и умретъ, вы наживете себѣ другаго Филиппа, когда будете вести свои дѣла попрежнему. Вы должны отказаться отъ праздности; какъ въ былое время, не щадя своей жизни, сражаться за отечество, и, для пользы его, жертвовать своимъ имуществомъ.» Демосѳенъ осмѣлился даже предложить, чтобы суммы, назначаемыя для

кассы ѳеорикона (см. стр. 74), обращены были на военныя издержки, хотя, по закону, принятому народомъ по предложенію демагога Эвбула, всякъ, кто дѣлалъ такое предложеніе, подвергался смертной казни. Не обращая вниманія на угрозы богачей, онъ предложилъ принять законы, которые должны были уменьшить и раздѣлить на равныя части тяжесть тріерархіи (см. стр. 36). «Если Аѳиняне, говорилъ онъ, исполнятъ все это, а для того недостаетъ у нихъ только рѣшимости, надѣюсь усмирить варвара Филиппа, и разлившуюся рѣку его могущества втѣснить снова въ прежніе берега. Царь Македонскій не устрашитъ меня, когда я буду увѣренъ въ вашей твердости и здравомысліи. Обыкновенныхъ средствъ, конечно, недостаточно для сопротивленія такому врагу, каковъ Филиппъ: будучи въ одно и то же время и государемъ и полководцемъ и казначеемъ, онъ самъ распоряжаетъ всѣми своими явными и тайными дѣйствіями, и много выигрываетъ отъ быстраго и своевременнаго исполненія своихъ замысловъ. Подивитесь, продолжалъ онъ, искусству этого государя: какъ хорошо умѣетъ онъ пользоваться каждымъ обстоятельствомъ! Употребляя то снисхожденіе, то угрозы (а его угрозы конечно не напрасны!), пользуясь нашимъ отсутствіемъ, и распространяя на насъ клевету, онъ обращаетъ всѣ средства къ своей пользѣ.»

Въ стараніи своемъ возбудить мужество Аѳинянъ, Демосѳенъ искуснымъ образомъ умѣлъ воспользоваться и самою ихъ безпечностью. «Дѣла ваши потому въ такомъ дурномъ положеніи, говорилъ онъ въ первой своей рѣчи противъ Филиппа, что вы не дѣлали того, чего требовали обстоятельства; но именно то, что было вредно въ прошедшемъ, принесетъ вамъ пользу въ будущемъ. Если бъ вы дѣйствовали какъ должно, и положеніе ваше было бы такъ же дурно какъ теперь, то не оставалось бы даже и надежды на счастливую перемѣну. Подумайте также, что Филиппъ безъ страха пошелъ на васъ войною, когда вы имѣли еще въ своей власти Пидну, Потидею, Меѳону и всю окружную страну; покоряя сіи города, онъ зналъ, что входъ въ нихъ открытъ ему, ибо, по порядку вещей, имущество отсутствующихъ достается

присутствующимъ, достояніе безпечныхъ предпріимчивымъ. И такъ Филиппъ возвысился болѣе отъ вашего нерадѣнія, нежели помощью собственной своей силы. Нынѣшнее его могущество казалось бы мнѣ гораздо страшнѣе, если бъ оно было пріобрѣтено подвигами доблестными: какъ въ зданіи нижняя часть должна быть самая твердая, такъ и въ каждомъ дѣйствіи начало и основаніе должно быть прочно и справедливо. Но Филиппъ возвысился хитростью и умѣньемъ употреблять въ свою пользу невѣдѣніе тѣхъ, которые его еще не знали; вы ниспровергнете его величіе, коль скоро откроется, что онъ дѣйствуетъ только изъ собственныхъ своихъ выгодъ, и обманываетъ всѣхъ, кто имѣетъ съ нимъ дѣло. Союзники, пріобрѣтенные также хитростью, оставятъ его при малѣйшей неудачѣ; даже изъ тѣхъ, которые соединены съ нимъ, повидимому, тѣснѣйшимъ образомъ, многіе ненавидятъ его, другіе боятся, а третьи ему завидуютъ. Въ особенности несогласны съ нимъ Ѳессалійцы, народъ отъ природы непостоянный, и сохранявшій сей характеръ всегда и во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Нельзя сомнѣваться, что и Пеоніяне, Иллирійцы и вообще всѣ сіи народы предпочитаютъ свободу неволѣ; они не привыкли къ повиновенію, а Филиппъ повелитель очень гордый. Наконецъ собственные его подданные неохотно сносятъ трудности и безпокойства непрерывныхъ походовъ, которые влекутъ ихъ то въ ту, то въ другую сторону, утомляютъ, истощаютъ ихъ силы, и заставляютъ ихъ пренебрегать воздѣлываніемъ своихъ земель и увеличеніемъ своего достоянія; они не могутъ даже сбывать съ надлежащею выгодою того, что успѣваютъ пріобрѣтать, ибо въ военное время закрыты всѣ гавани и торговые города государства.»

Таковы были правила, помышленія и надежды Демосѳена въ то время, когда онъ надѣялся склонить отечество къ защитѣ своихъ правъ, и старался умомъ, твердостью и любовью къ родинѣ, одушевленіемъ и мужествомъ преодолѣть малодушіе, лѣность, низкія чувства, безразсудство и лжеумствованія своихъ современниковъ. Необыкновенныя его дарованія и возвышенный образъ мыслей остались не безъ дѣйствія, но ему не удалось внушить народу

бдительность, дѣятельность, силу и терпѣніе, которыхъ требовала опасность того времени. Иногда, устрашенные рѣчами ревностнаго своего оратора, Аѳиняне твердо рѣшались дѣйствовать, но вскорѣ опять впадали въ прежнюю лѣность и безсиліе, между тѣмъ какъ для обузданія такого умнаго и дальновиднаго врага, каковъ былъ Царь Македонскій, необходимо было постоянное и напряженное употребленіе всѣхъ силъ.

57. Филиппъ и Аѳины до окончанія Священной Войны.

(349 — 346 г. до Р. Х.)

Заставивъ Грековъ, мнимымъ бездѣйствіемъ, забыть неудачную свою попытку пройти чрезъ Ѳермопилы, Филиппъ обратилъ свое вниманіе на Олинѳъ, могущественное государство, которое входило въ состязанія со Спартою, и неоднократно устрашало Царей Македонскихъ.

Два побочные сына Аминта, вступившіе въ заговоръ противъ Филиппа, нашли убѣжище въ Олинѳѣ; это обстоятельство послужило поводомъ къ войнѣ. Филиппъ, съ обыкновенною своею быстротою, вторгся въ округъ города, и, устрашенные Олинѳяне поспѣшили прибѣгнуть къ Аѳинянамъ съ просьбою о помощи и защитѣ. Демадъ говорилъ противъ союза съ Олинѳянами. Демосѳенъ, напротивъ, совѣтовалъ принять его *), говоря, что боги оказываютъ благодѣяніе, возстановляя противъ Царя Македонскаго такого врага, котораго земли граничатъ съ его владѣніями, котораго могущество очень велико, и который, что всего важнѣе, твердо убѣжденъ, что всякій союзъ съ Филиппомъ невѣренъ и гибеленъ. Приводя всѣ вышеисчисленныя причины, Демосѳенъ увѣщевалъ Аѳинянъ показать себя достойными предлагаемаго имъ счастія. Союзъ точно былъ заключенъ, но, къ несчастію, Аѳиняне не исполнили надлежащимъ образомъ совѣтовъ Демосѳена. Должно сожалѣть, что Демосѳенъ не могъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, предводительство-

*) При семъ случаѣ произнесъ онъ донынѣ сохранившіяся три олинѳійскія рѣчи

вамъ войскомъ и дѣйствовать мечемъ такъ же хорошо, какъ онъ дѣйствовалъ на слушателей своими рѣчами. Отрядъ въ двѣ тысячи человѣкъ и экипажи тридцати кораблей, посланныхъ Аѳинянами, составлены были, по обыкновенію того времени, изъ наемниковъ. Ни духъ этого войска, ни дарованія предводителя его, Харита, не соотвѣтствовали видамъ Демосѳена. Недостатокъ денегъ произвелъ разстройство въ рядахъ воиновъ; стараніе добыть деньги удалило отъ цѣли и назначенія похода, а жадность наемниковъ и корыстолюбіе предводителя подали поводъ къ новымъ своевольнымъ движеніямъ. «Послѣ перваго сраженія, предпринятаго для вашей защиты, говорилъ Демосѳенъ народу, они разбѣжались во всѣ стороны, а полководецъ ихъ послѣдовалъ за ними.» Такимъ образомъ въ этотъ разъ сдѣланы были только набѣгъ на Фокіянъ и нападеніе на Паллену для пріобрѣтенія денегъ. Аѳиняне принуждены были послать гонцевъ для отысканія Харита: никто не зналъ, гдѣ онъ скитается.

Разумѣется, что такое вспомоществованіе принесло Олинѳянамъ мало пользы. Въ слѣдствіе вторичной ихъ просьбы, высланъ былъ Аѳинянами другой отрядъ воиновъ, подъ начальствомъ Харидема, но своевольство союзниковъ показалось притѣсненному городу опаснѣе нашествія враговъ, и Олинѳяне стали требовать третьей арміи, составленной изъ гражданъ аѳинскихъ. Желаніе ихъ было исполнено, но слишкомъ поздно. Филиппъ успѣлъ между тѣмъ подкупить двухъ олинѳійскихъ начальниковъ; они отворили ему ворота города; всѣ домы были разрушены, а граждане проданы въ неволю (347 г. ол. 108, 1 г.). Такимъ образомъ нерѣшительныя дѣйствія Аѳинянъ доставили Филиппу случай значительно увеличить свое могущество; господство его на морѣ усилилось, и самое государство его сдѣлалось неприступнѣе и спокойнѣе. Сей успѣхъ поощрилъ Филиппа къ составленію новыхъ замысловъ и предположеній, цѣлью которыхъ были преимущественно Аѳины, средоточіе греческихъ силъ, и предсказанное Демосѳеномъ въ третьей его олинѳійской рѣчи, сбылось въ точности: «Когда Филиппъ завоюетъ и Олинѳъ, скажите мнѣ, о мужи аѳинскіе,

что воспрепятствуетъ ему обратить свое оружіе, куда только онъ пожелаетъ? Дѣятельность во всѣхъ предпріятіяхъ, сдѣлавшаяся для него какъ бы второю натурою, не позволитъ ему оставаться въ покоѣ, и довольствоваться прежними подвигами. Если онъ положилъ себѣ закономъ итти все далѣе и далѣе, а вы, напротивъ того, рѣшились не нарушать своего спокойствія и не дѣйствовать рѣшительно, подумайте, къ чему наконецъ это приведетъ васъ. Клянусь богами, вы очень недальновидны, когда не понимаете, что, если мы сами ничего не будемъ дѣлать, то война изъ тѣхъ странъ перейдетъ къ намъ!»

Вниманіе Филиппа обращено было въ то время преимущественно на два мѣста, обладаніе которыми онъ считалъ необходимымъ для исполненія своихъ замысловъ: на Геллеспонтъ, весьма важный для Аѳинянъ какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и по тому, что оттуда запасались они всѣми необходимыми жизненными потребностями, и на Проходъ Ѳермопильскій, чрезъ который можно было стращать Аѳины съ сухаго пути, ибо Филиппъ не смѣлъ вступить въ состязаніе съ аѳинскою морскою силою, зная и вполнѣ чувствуя все преимущество своихъ непріятелей въ этомъ отношеніи.

Для достиженія сихъ цѣлей, Филиппъ употребилъ всю свою хитрость. Положеніе, въ какомъ находилась тогда вся Греція, много способствовало его выгодамъ, и онъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ умѣлъ воспользоваться ошибками другихъ. Священная Война все еще не переставала свирѣпствовать, и до чрезвычайности утомляла всѣхъ, кто принималъ въ ней участіе. Ѳивы истощили всѣ свои силы и деньги; Фокіяне овладѣли главною частью Віотіи; но и у нихъ изсякъ источникъ сокровищъ храма, и Фалекъ, тогдашній глава и предводитель Фокіянъ, приказывалъ уже рыть землю для отысканія спрятанныхъ богатствъ. Не смотря на то, ненависть обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, достигшая высочайшей степени, не позволяла и думать о мирномъ сближеніи, и вмѣшательство третьей державы казалось неизбѣжнымъ. Ѳиване обратились къ Филиппу, который обѣщалъ имъ блистательный успѣхъ: онъ

зналъ, что этотъ союзъ откроетъ ему путь чрезъ Θермопилы. Греческимъ государствамъ угрожала большая опасность, и это обстоятельство возбудило вниманіе Спарты. Видя ослабленіе Θивъ, она предполагала, что Филиппъ приметъ подъ свое могущественное покровительство Аркадію, Мессену и Аргосъ. И точно, Царь Македонскій имѣлъ уже въ сихъ государствахъ нѣкоторыя связи, которыя Демосѳенъ, объѣзжавшій полуостровъ въ качествѣ аѳинскаго посланника, старался расторгнуть и уничтожить, но безуспѣшно. По ограниченности своихъ понятій, государства сіи видѣли только всегдашняго ближайшаго своего врага, Спарту, и, не понимая цѣли союза сей послѣдней съ Аѳинами, болѣе довѣряли Филиппу *). Напрасно предлагала Спарта занять Θермопилы: зависть, заставившая уже однажды Фалека отвергнуть подобное предложеніе Аѳинянъ, побудила его и въ этотъ разъ отказаться отъ сего сильнаго пособія.

Прежде всего Филиппъ хотѣлъ обмануть Аѳинянъ, принудить ихъ къ бездѣйствію, и усыпить миромъ. Комедіянтъ Неоптолемъ, присутствовавшій при военныхъ играхъ, которыми Филиппъ праздновалъ побѣду свою надъ Олинѳомъ, сталъ разглашать въ Аѳинахъ, какъ склоненъ къ миру Царь Македонскій, и вскорѣ настроилъ по своему желанію легковѣрный народъ, утомленный разорительною войною. Начались дѣйствительные переговоры о мирѣ, и Аѳиняне отправили двѣнадцать пословъ, въ числѣ которыхъ находились Демосѳенъ, главнѣйшій политическій противникъ его, Эсхинъ, и другъ сего послѣдняго, явный предатель, Филократъ.

Преданія о семъ посольствѣ, которое окончательно заключило предположенный миръ, весьма неясны; при семъ случаѣ возникъ гласный споръ между Демосѳеномъ и Эсхиномъ. Первый обвинялъ послѣдняго въ томъ, что онъ про-

*) Пелопоннезъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ, говоритъ Демосѳенъ: враги Спарты не были довольно сильны, чтобы покорить Спартанцевъ, а тѣ, которыхъ Спарта прежде поддерживала, также не могли сохранить своей власти.

далъ себя Филиппу, или, по крайней мѣрѣ, плѣнился дарованіями царя, какъ оратора, дѣловаго и общественнаго человѣка. Эсхинъ, напротивъ того, упрекалъ Демосѳена въ томъ, что онъ запнулся посреди рѣчи, которую говорилъ Филиппу, и не могъ ничего сказать. Впрочемъ обвиненіе Эсхина послужило только доказательствомъ, что Демосѳенъ не имѣетъ всѣхъ качествъ хорошаго переговорщика, и что этотъ недостатокъ помѣшалъ ему предупредить измѣнническіе поступки своихъ товарищей. Измѣна Эсхина, какъ говоритъ Демосѳенъ, открылась только при вторичномъ посольствѣ, которое вскорѣ послѣ того отправилось изъ Аѳинъ къ Царю Македонскому, для принятія присяги на миръ; Аѳиняне съ своей стороны уже утвердили его клятвою. Въ это самое время Филиппъ предпринималъ походъ во Ѳракію, распространялъ тамъ свою власть во вредъ Аѳинамъ, и побѣждалъ союзника ихъ, тамошняго Царя Керсоблепта, а Эсхинъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить за нимъ и стараться остановить его успѣхи, спокойно оставался въ Пеллѣ, главномъ городѣ Македоніи. Миръ, заключенный съ Аѳинами, доставилъ Филиппу еще большія выгоды. Онъ успѣлъ убѣдить Аѳинянъ, чтобы въ мирный договоръ не была включена Фокида. Не связанный такимъ образомъ ни какими обязательствами на счетъ сей страны, рѣшился напасть на нее, и хотѣлъ только скрыть отъ Аѳинянъ свои намѣренія; это удалось ему вполнѣ. Демосѳенъ разсказываетъ, что онъ успѣлъ, деньгами, склонить пословъ къ замедленію отъѣзда ихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ военныя приготовленія его не будутъ окончены. Съ войскомъ своимъ онъ вторгся въ Ѳессалію, и только тогда утвердилъ миръ присягою въ гостиницѣ города Феръ. Въ то же время приверженцы его и подкупленные друзья, въ числѣ которыхъ Демосѳенъ считаетъ и Эсхина, распространили слухъ, что Филиппъ не хочетъ нападать на Фокиду, что главное намѣреніе его есть унизить Ѳивы, и что онъ, въ вознагражденіе за Амфиполь, хочетъ уступить Аѳинянамъ островъ Эвбею, откуда, до сихъ поръ, всячески старался ихъ вытѣснить. Сіи обѣщанія сильно льстили надеждамъ бо́льшей части, и потому никто

не слушалъ Демосѳена, который утверждалъ, что безразсудно вѣрить такимъ приманкамъ. Но Аѳиняне не долго оставались въ заблужденіи: вскорѣ распространился слухъ, что Филиппъ прошелъ чрезъ Ѳермопилы (346). Онъ позволилъ Фалеку отступить съ своими наемниками въ Пелопоннезъ, и Фокіяне, лишенные и войска и помощи Аѳинъ, предоставили во власть Филиппа всѣ свои города и области, такъ что онъ безъ всякаго кровопролитія занялъ всю Фокиду. Вотъ какъ извѣщалъ онъ о томъ Аѳинянъ: «Знайте, писалъ онъ имъ, что мы находимся по сю сторону Термопилъ, и что Фокіяне побѣждены нами. Слыша, что вы готовитесь итти къ нимъ на помощь, пишу вамъ для того, чтобъ вы не трудились и не безпокоились. Вообще очень непохвально то, что вы, заключивъ со мною миръ, вооружаетесь противъ меня, тѣмъ болѣе, что Фокіяне вовсе не были включены въ мирный договоръ. Если жъ вы нарушите миръ, я послѣдую примѣру вашего вѣроломства.»

Таковы были выраженія побѣдителя, который въ то же время объявлялъ сими словами всей Греціи, что послѣднія событія свершились противъ воли Аѳинъ. Онъ выказывалъ собственную свою снисходительность, употребивъ побѣду, какъ казалось, совершенно въ пользу Ѳессалійцевъ и Ѳивянъ, ибо, вмѣсто того, чтобы наказать сихъ послѣднихъ, онъ отдалъ имъ взятые у Фокіянъ города Орхоменъ, Коронею и др., и не требовалъ возстановленія Ѳеспіи и Платеи, хотя далъ въ томъ обѣщаніе Аѳинянамъ; за то, рѣшеніе суда Амфиктіоновъ, на который имѣли большое вліяніе Ѳиване и Ѳессалійцы, совершенно соотвѣтствовало мыслямъ и желаніямъ Филиппа. Бѣжавшіе Фокіяне и участники въ похищеніи сокровищъ храма были преданы проклятію; остальные должны были отдать свое оружіе, которое было изломано и потомъ сожжено; имъ запретили держать лошадей; города были разрушены, а гражданамъ велѣно жить въ деревняхъ, отдаленныхъ одна отъ другой, по крайней мѣрѣ, на одну стадію *), почитать земли свои имуществомъ боговъ, и за позволеніе обработывать ихъ,

*) 45 стадій составляли одну географическую милю.

платить ежегодно въ Дельфы шестьдесятъ талантовъ. Сверхъ того они лишены были права засѣдать и подавать голосъ въ судѣ; мѣсто ихъ уступлено Филиппу, который, въ то же время, получилъ, вмѣстѣ съ Віотійцами и Ѳессалійцами, предсѣдательство въ Пиѳійскихъ Играхъ. Кромѣ сихъ важныхъ преимуществъ, Филиппу принадлежала слава окончанія Священной Войны, а занятіе Ѳермопилъ приблизило его на значительный шагъ къ цѣли его желаній, пріобрѣтенію владычества надъ всею Греціею.

Аѳиняне почувствовали наконецъ все могущество Филиппа, но слишкомъ поздно. Озабоченные несчастіемъ союзниковъ своихъ, Фокіянъ, они не посылали обычныхъ депутатовъ въ засѣданія Амфиктіоновъ, и, въ досадѣ и страхѣ, отказывались дать требуемое согласіе на тѣ рѣшенія, которыми предоставлялись Филиппу вышеисчисленныя права. Но Демосѳенъ, судившій всегда о дѣлахъ благоразумно, и по этому самому старавшійся и прежде, хотя напрасно, искоренить ненависть Аѳинянъ къ Ѳивянамъ, явился и теперь посредникомъ мира: онъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ, не начинать, изъ такого ничтожнаго предлога, каково участіе Филиппа въ судѣ Амфиктіоновъ, войны, которая можетъ возставить противъ нихъ многія государства, а этого должно избѣгать преимущественно. «Болѣе всего, говорилъ онъ, совѣтую вамъ не предпринимать войны, которая возбудила бы противъ васъ общія жалобы и требованія. Аргивяне, Мессенійцы, Мегалополитяне и другія равномысленныя съ ними пелопоннезскія государства ненавидятъ насъ за дружбу нашу съ Спартою; Ѳивяне и Ѳессалійцы за то, что мы защищаемъ изгнанныхъ ими Фокіянъ; Филиппъ, наконецъ, за то, что мы устраняемъ его отъ участія въ судѣ Амфиктіоновъ, и я опасаюсь, что всѣ сіи государства, каждое по особой причинѣ, по внушенію гнѣва, подъ предлогомъ рѣшенія суда, объявятъ намъ общую войну. Но неужели этотъ страхъ долженъ насъ заставить исполнять все, что ни прикажутъ другіе? Ни сколько. Докажемъ, что умѣемъ избѣгать войны, не унижая собственнаго своего достоинства, и каждый признаетъ, что мы судимъ благоразумно, и по-

ступаемъ справедливо.» Такъ говорилъ Демосѳенъ. Аѳиняне должны были покориться необходимости, и сохранить миръ *).

58. Дальнѣйшая борьба Филиппа за господство въ Греціи.

(346 — 339 г. до Р. Х.)

Греки вскорѣ убѣдились, что миръ сей для Филиппа не что иное, какъ перемиріе, что онъ ждетъ только благопріятнѣйшаго случая и новыхъ замѣшательствъ, чтобы привесть Грецію въ совершенную отъ себя зависимость. Но и это убѣжденіе не могло возбудить въ нихъ твердой и единодушной воли и большихъ усилій; нравственное разслабленіе было уже слишкомъ велико. «Государства, говоритъ Демосѳенъ, изнемогали, частію отъ того, что правители и вожди позволяли подкупать себя, частію отъ того, что отдѣльныя лица и весь народъ съ одной стороны не смотрѣли въ будущее, съ другой же увлекались минутными наслажденіями жизни. И всѣ знали это, но каждое государство относительно самого себя полагало, что бѣдствіе его не коснется. Каждое, повидимому, считало выгодою для себя гибель другаго, тогда, какъ всякое могло знать, что Филиппъ, подобно періодическому припадку лихорадки или другой какой либо болѣзни, доберется и до тѣхъ, отъ которыхъ теперь, повидимому, находится далеко. И, для довершенія слабости, каждое не только не мстило за оскорбленія всей Эллады, но и терпѣло въ безмолвіи несправедливости, которымъ само подвергалось, между тѣмъ какъ прежде того всякое нарушеніе Спартою, Аѳинами или Ѳивами законовъ справедливости относительно какого либо города, подавало поводъ къ войнѣ. Такимъ образомъ эллинскія государства, по безвременной наклонности къ покою, не отстояли своей свободы отъ покушеній царя, который, родив-

*) По заключеніи сего мира, Исократъ послалъ Филиппу письменную свою рѣчь, въ которой убѣждалъ его предпринять войну противъ Персіи, взявъ подъ свое начальство всѣхъ Грековъ.

шись въ маловажной и неизвѣстной Пеллѣ, въ гордости своей устремился къ господству надъ Эллинами, который, ища власти и господства, потерялъ глазъ *), раздробилъ грудную кость, изуродовалъ руку и бедру, и готовъ былъ пожертвовать каждымъ членомъ тѣла, какого только потребуетъ судьба, чтобы съ остальными жить блистательно и достославно.» Не смотря на то, и теперь, когда Филиппъ, взявъ Ѳермопилы, былъ гораздо ближе къ своей цѣли, и владѣлъ уже путями въ Пелопоннезъ и въ Аттику, Демосѳенъ еще не отчаивался. «Доколѣ судно, говорилъ онъ, большое или малое, еще на водѣ, дотолѣ кормчій и всѣ, кто на немъ находится, обязаны работать, остерегаться и заботиться о томъ, чтобы кто нибудь не погубилъ его умышленно или по неосторожности, а когда волны поглотятъ его, тогда уже всякая ревность безполезна.» Съ увеличеніемъ опасности, казалось, возрастало мужество великаго оратора, а съ тѣмъ вмѣстѣ и краснорѣчіе **).

Вполнѣ занятый мыслію о соединеніи всѣхъ государствъ эллинскихъ для спасенія Греціи, Демосѳенъ предостерегалъ преимущественно Пелопоннезъ. Тамъ связи Филиппа съ Аргосомъ, Мессеною, Элидою и Аркадійцами становились все тѣснѣе и тверже. Царь помогалъ симъ государствамъ деньгами и людьми, и простеръ свою смѣлость до того, что потребовалъ письменно у Спарты возвращенія земель, отнятыхъ ею у Мессенійцевъ. Демосѳенъ представлялъ всѣмъ, державшимся стороны Филиппа, примѣръ Олинѳа, и взывалъ къ нимъ: «Теперь вы видите въ немъ царя щедраго и много обѣщающаго, но если вы благоразумны, молите боговъ, чтобы не увидать въ немъ когда либо царя прельщающаго и обманывающаго.» Воззванія его встрѣтили одобреніе, но не надолго: вскорѣ Пело-

*) Онъ лишился его при осадѣ Меѳоны.

**) Самъ Филиппъ, какъ говорятъ, сказалъ объ одной изъ рѣчей Демосѳена, направленныхъ противъ него (филиппикъ). «Клянусь богами, если бъ мнѣ пришлось слушать ее, я самъ подалъ бы голосъ къ войнѣ противъ себя.» Особенно третья рѣчь написана съ увлекающимъ жаромъ.

поннезъ снова началъ склоняться на сторону Царя Македонскаго. Надежда оратора должна была преимущественно и почти исключительно остановиться на силахъ Аѳинъ: «когда все готово склониться подъ иго, Аѳины по крайней мѣрѣ должны сразиться за свободу.»

Въ новыхъ оборотахъ и съ новою силою повторялъ онъ прежніе доводы, и когда люди, погруженные въ разслабленіе, не имѣя возможности долѣе скрывать отъ самихъ себя безпрерывно возрастающаго могущества Филиппа, изыскивали новыя извиненія, онъ отнималъ у нихъ всякій къ тому предлогъ. Нѣкоторые утверждали, что Филиппъ вовсе еще не такъ силенъ, какъ Лакедемоняне; они господствовали на сушѣ и на морѣ, и при всемъ томъ не могли подчинить себѣ Аѳинъ. Такимъ людямъ Демосѳенъ показывалъ, до какой степени измѣнилась простота старыхъ временъ. «Теперь война и явныя битвы не рѣшатъ ничего; все губятъ измѣнники. И Филиппъ идетъ теперь не съ фалангою тяжеловооруженныхъ воиновъ, какъ прежде, а съ войскомъ, состоящимъ изъ легкихъ пѣхотинцевъ, всадниковъ и иноземныхъ стрѣлковъ, спѣшитъ отъ одного мѣста къ другому, нападаетъ въ расплохъ на города, въ которыхъ гнѣздятся раздоры, и воюетъ, не заботясь о различіи зимы и лѣта.»

Такимъ образомъ являлъ онъ имъ опасность, грозящую со всѣхъ сторонъ, настоятельно доказывалъ необходимость борьбы и собственной защиты, пока не ушло время, необходимость напасть на Царя въ собственныхъ его владѣніяхъ. Онъ убѣждалъ Аѳинянъ не дожидаться признанія Филиппа, что онъ первый началъ войну, въ чемъ онъ постоянно запирался, но взять во вниманіе, что уничтоживъ Фокіянъ, онъ уже нарушилъ недавно заключенный миръ, и постоянно нарушаетъ его, хотя и сохраняетъ благую наружность. Но ораторъ не могъ надолго вдохнуть въ Аѳинянъ силу воли и постоянства: тогда только, когда дѣйствія Филиппа начали грозить Аѳинамъ самою близкою опасностью, Демосѳенъ успѣлъ привести гражданъ внезапно въ движеніе воинственное. Они уничтожили планъ Филиппа на Мегару, изгнали изъ Эвбеи его гарнизоны,

вмѣстѣ съ тиранами, которыхъ онъ поддерживалъ. Наконецъ, еще съ бо́льшимъ напряженіемъ начали они дѣйствовать, когда Филиппъ сильно напалъ на Перинѳъ, важный торговый городъ на берегу Пропонтиды (въ 341 г.). Упорное и мужественное сопротивленіе жителей надѣялся онъ преодолѣть числомъ своего войска и осадныхъ орудій. Война сія наполняла сосѣдственные города тревожными опасеніями. Важный городъ Византія до сихъ поръ, оберегая свою самостоятельность, боялся только Аѳинъ, и вѣроятно отвергалъ прежнія предложенія ихъ вступить въ союзъ противъ Филиппа *): теперь Византія увидѣла, что ей грозитъ участь Олинѳа, потому что она не хотѣла согласиться на всѣ желанія Филиппа. Она поспѣшила на помощь къ сильно стѣсненнымъ Перинѳянамъ съ людьми и военными орудіями. Персія, не могшая смотрѣть равнодушно на существованіе такой могущественной державы близъ своихъ предѣловъ, прислала въ Перинѳъ денегъ и хлѣба. Аѳиняне послѣдовали сему примѣру: рѣшившись продолжать войну всѣми силами, они отправили на помощь Перинѳянамъ сто двадцать кораблей, оружіе и войско. Сначала Византія опасалась аѳинскаго полководца Харита, которому, со времени союзнической войны, приписывали замыселъ покорить снова земли прибрежныя и острова, и отказалась принять его. Но явился Фокіонъ, извѣстный и праводушіемъ, и храбростью: онъ снискалъ всеобщую довѣренность. Хіосъ, Родосъ, Косъ и другіе острова прислали корабли, и сіи соединенныя силы принудили Филиппа оставить замыслы на Перинѳъ и Византію. Многія уже занятыя имъ мѣста были снова у него отняты; флотъ его разбитъ, всѣ его замыслы противъ Геллеспонта на этотъ разъ уничтожены. Еще разъ явились Аѳины въ прежнемъ своемъ блескѣ.

*) Оттого въ Аѳинахъ господствовала сильная ненависть къ Византіи, и Демосѳену стоило большаго труда убѣдить Аѳинянъ не смотрѣть съ непріязненной точки зрѣнія какъ на этотъ городъ, такъ и на Ѳивы. «Истинно, говоритъ онъ въ одной рѣчи своей, какой-то враждебный демонъ преслѣдуетъ сихъ людей, и повергаетъ ихъ въ безуміе. Не смотря на то, они должны быть спасены, ибо это полезно для государства.»

Освобожденныя и спасенныя государства изъявили имъ благодарность присылкою золотыхъ вѣнковъ и большихъ суммъ (жители Херсонеса принесли въ даръ шестьдесятъ талантовъ). Филиппъ, встревоженный морскими поисками союзниковъ и пресѣченіемъ подвоза, долженъ былъ согласиться на миръ, и обратилъ свое оружіе на племена сѣверныя. Но вскорѣ нашелъ онъ новый предлогъ вмѣшаться въ дѣла Греціи. Трудно рѣшить, приготовленъ ли былъ этотъ случай съ намѣреніемъ подкупленными имъ предателями, какъ говоритъ Демосѳенъ, или слѣпая ярость страстей неумышленно помогла ему.

Эсхинъ, присланный Аѳинами, обвинилъ предъ судомъ Амфиктіоновъ локрійскихъ обитателей Амфисы въ томъ, что они вспахали округъ Кирры, посвященный Аполлону. Немедленно поднялись Амфиктіоны и съ ними всѣ Дельфійцы, чтобы раззорить воздѣланный округъ, но сбитатели Амфисы ихъ отразили. Тогда собраніе рѣшило наказать Локріянъ общими силами государствъ, принадлежащихъ къ союзу Амфиктіоновъ. Демосѳенъ видѣлъ опасность вооруженія всѣхъ Грековъ, потому что начальство могло перейти въ руки Филиппа, и убѣдилъ Аѳинянъ не принимать ни какого участія въ совѣщаніяхъ. Но прочія государства, особенно Ѳессалія, рѣшили быть войнѣ, и, чтобы придать значительность безсильнымъ рѣшеніямъ Амфиктіоновъ, дѣйствительно избрали Филиппа вождемъ священнаго ополченія.

Такимъ образомъ Филиппу представился удобный случай, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и въ главѣ войска, вторгнуться въ сердце Греціи (339), и приблизиться къ Аѳинамъ съ самой выгодной для нападенія стороны, съ суши. Аѳиняне и единомыслящая съ ними партія въ Ѳивахъ тайно старались поддержать Локріянъ: послали имъ десять тысячъ наемныхъ воиновъ, но войска Филиппа, состоявшія изъ двадцати тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ всадниковъ, легко ихъ одолѣли. Филиппъ не возвращался въ Македонію, а остался на зиму въ Локридѣ, къ ужасу Ѳивянъ и Аѳинянъ, предчувствовавшихъ, что на слѣдующій годъ совершится главный ударъ. Чтобы облегчить для себя борьбу, Филиппъ старался вполнѣ склонить на свою сторо-

ну Оивы, а Демосѳенъ, съ своей стороны, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ соединить съ ними Аѳины. Сначала Филиппу удалось уничтожить въ Оивянахъ, посредствомъ преданной ему партіи, всякую недовѣрчивость: въ одномъ письмѣ, дошедшемъ до насъ, онъ хвалитъ Оивянъ за то, что они не обольстились приманками Аѳинянъ, и остались вѣрными ему и миру, а это конечно для нихъ гораздо будетъ выгоднѣе.

59. Битва при Херонеѣ. Смерть Филиппа. (338 — 336 г. до Р. Х.).

Когда Филиппъ внезапно овладѣлъ важнымъ городомъ Элатеею и укрѣпилъ его, Оивяне не могли уже долѣе обманываться въ дѣйствительныхъ его замыслахъ, и безпокойство въ Аѳинахъ достигло высшей степени. Извѣстіе о томъ пришло вечеромъ; вся ночь прошла въ тревожномъ волненіи, и на слѣдующее утро, когда народъ собрался, никто не осмѣливался подать какой либо совѣтъ. Тогда Демосѳенъ снова возсталъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые, считая безумнымъ всякое сопротивленіе опытному македонскому войску, надѣялись поспѣшною покорностью склонить Филиппа къ умѣреннымъ условіямъ. Онъ говорилъ только о защитѣ, ободрялъ Аѳинянъ къ войнѣ, внушалъ имъ надежду на успѣхъ. Онъ предлагалъ отправить въ Элевзисъ всѣхъ молодыхъ людей, способныхъ носить оружіе, и пѣшихъ и конныхъ, послать къ Ѳермопиламъ двѣсти кораблей, и, показавъ такимъ образомъ рѣшительное намѣреніе сопротивляться Филиппу всѣми силами, пригласить къ союзу Оивы. Онъ полагалъ, что теперь, при наступленіи общей опасности, легко можно будетъ сдѣлать то, чего прежде нельзя было достигнуть при взаимной ненависти между обоими государствами. Онъ утверждалъ, что самъ Филиппъ не довѣряетъ Оивянамъ, и доказывалъ это тѣмъ, что онъ не двинулся прямо на Аттику. Всѣ сіи предложенія были приняты, и Демосѳенъ самъ отправился въ Оивы, чтобы исполнить самую трудную и важную часть своего предложенія.

Въ Ѳивахъ ожидало его соперничество съ посланниками Царя, которые тамъ уже находились. Отличнѣйшій ораторъ изъ нихъ, Пиѳонъ, выступилъ первый въ народномъ собраніи. Онъ изобразилъ Ѳивянамъ выгоды союза съ Филиппомъ, опасность со стороны близкаго, вооруженнаго врага, различныя оскорбленія, претерпѣнныя въ послѣднее время Ѳивянами со стороны Аѳинъ, и сладость мести, которою они теперь могли насладиться; все это высказалъ онъ съ великимъ искусствомъ, и рѣчь его легко могла бы воспламенить Ѳивянъ противъ Аѳинъ. Но Демосѳенъ побѣдилъ его краснорѣчіемъ. Онъ напомнилъ Ѳивянамъ о дружбѣ, соединявшей Аѳины и Ѳивы еще во времена Эдипа, заклиналъ ихъ забыть всѣ непріятности, которыя они въ послѣднее время причиняли другъ другу, и помыслить, что, какъ Греки, они со славою соперничествовали о гегемоніи, а теперь, когда чужеземецъ хочетъ господствовать въ Греціи, они должны соединиться; онъ напоминалъ имъ о славѣ эллинскаго имени и о храбрости предковъ; представлялъ, какую сильную помощь готовы оказать имъ Аѳины; изображалъ стыдъ рабства, если Филиппъ восторжествуетъ, и обманчивость всѣхъ его обѣщаній.

Рѣчь его, лившаяся быстрымъ потокомъ, увлекла колебавшихся еще Ѳивянъ на сторону Аѳинъ. Вся прежняя недовѣрчивость исчезла до такой степени, что Ѳиване немедленно впустили въ городъ аѳинское войско, шедшее поспѣшно подъ начальствомъ Харита и Лисикла. Затѣмъ и Ѳиване вооружились съ равною дѣятельностью, и поспѣшили, вмѣстѣ съ Аѳинянами, навстрѣчу Царю въ Херонеѣ. Двѣ первыя стычки были счастливы для соединенныхъ Грековъ; въ Аѳинахъ начались уже празднества, приносились благодарственныя жертвы, и всѣ надѣялись на совершенное изгнаніе изъ Греціи страшнаго и горделиваго Царя, который, претерпѣвъ пораженіе, дѣйствительно былъ бы приведенъ въ крайне опасное положеніе. Но его воинское искусство и опытность войскъ македонскихъ одержали верхъ: въ общей битвѣ при Херонеѣ (въ 338 г. ол. 110, 3 г.), гдѣ онъ самъ сразился съ Аѳинянами, а сынъ его, Александръ, съ Ѳивянами, преодолѣлъ онъ мужествен-

ныя усилія союзниковъ, и совершенно разрушилъ послѣднюю преграду, которой могъ еще опасаться. Часть народа въ Аѳинахъ хотѣла еще разъ отважиться на бой, но это была только вспышка скоропреходящей страсти, и Аѳиняне покорились необходимости. Между тѣмъ они утѣшались мыслію, что поступили по совѣту Демосѳена, полагавшаго, что и безъ всякой надежды на успѣхъ надлежало сразиться, чтобы поддержать свою честь и славу предковъ, поручили Демосѳену произнести надъ падшими въ битвѣ согражданами обыкновенную надгробную рѣчь *), и, по требованію оратора Ликурга, осудили на смерть Лисикла, считая неприличнымъ оставлять въ живыхъ человѣка, котораго начальство надъ войсками ознаменовалось гибелью столь многихъ храбрыхъ воиновъ и стыдомъ пережившихъ битву.

Стыдъ сей отчасти смягченъ былъ умѣренностью Филиппа въ счастіи. Едва ли можно повѣрить разсказу, будто ораторъ Демадъ смирилъ высокомѣріе Царя послѣ побѣды, напомнивъ ему, что Филиппу неприлично играть роль Ѳерсита **), когда судьба присудила ему роль Агамемнона. Филиппъ обыкновенно болѣе хвалился успѣхами своей благоразумной кротости, нежели пріобрѣтеніями посредствомъ битвъ: первое было дѣломъ его собственнымъ, а въ послѣднемъ участвовали его сподвижники. Разсказываютъ также, будто онъ отвѣчалъ царедворцамъ, совѣтовавшимъ

*) Когда потеряна была Битва Херонейская, Демосѳенъ обвиненъ былъ противною партіею въ томъ, что возбуждалъ народъ къ войнѣ, но народъ освободилъ его отъ обвиненія, и постоянно призывалъ къ занятіямъ государственнымъ. Это доказываетъ и надгробная рѣчь, потому что такія рѣчи поручаемо было произносить лишь людямъ, всѣми уважаемымъ. Съ симъ признаніемъ его заслугъ со стороны народа, который въ другое время легко можно было побудить къ гнѣву, едва ли можно согласить преданіе, будто Демосѳенъ въ Битвѣ Херонейской малодушно обратился въ бѣгство, и бросилъ свое оружіе.

**) Одинъ изъ Грековъ, бывшихъ подъ Троею, человѣкъ безобразный, наглый, злорѣчивый и малодушный. Гомеръ представилъ въ немъ совершенную противоположность благородству и величію героя.

ему употребить противъ Аѳинъ строгія мѣры: «Можно ли совѣтовать человѣку, который, подобно мнѣ, все дѣлаетъ и терпитъ для своей славы, — разрушать поприще этой славы!» Какъ бы то ни было, онъ предложилъ Аѳинянамъ миръ на умѣренныхъ условіяхъ, освободивъ аѳинскихъ плѣнниковъ безъ выкупа, а Ѳивяне должны были выкупить своихъ согражданъ, не вводилъ своего гарнизона въ Аѳины, какъ сдѣлалъ въ Ѳивахъ, и требовалъ только, чтобъ Аѳиняне отправили пословъ на собраніе всѣхъ государствъ греческихъ, созванное имъ въ Коринѳѣ.

Отправившись послѣ того въ Пелопоннезъ, занялся онъ рѣшеніемъ всѣхъ тамошнихъ раздоровъ и пограничныхъ распрей, къ выгодѣ своихъ союзниковъ. Относительно Спарты онъ дѣйствовалъ такъ же умѣренно, какъ и съ Аѳинами: щадилъ сей знаменитый городъ наравнѣ съ Аѳинами, пожертвовавъ славою унизить его, быть можетъ, еще необходимой умѣренности, и сію умѣренность простиралъ до того, что Спарта, въ горделивомъ чувствѣ прежней своей гегемоніи, не хотѣла отправлять посланниковъ въ Коринѳѣ. Въ семъ собраніи представилъ онъ Грекамъ, что дѣйствительною цѣлью его дѣйствій до тѣхъ поръ было покореніе Персіи, потребовалъ отъ всѣхъ эллинскихъ государствъ людей и кораблей, какъ средства для достиженія сей цѣли, какъ залога въ ихъ вѣрности, и заставилъ провозгласить себя главнымъ вождемъ силъ греческихъ. Вслѣдъ затѣмъ цѣлый годъ готовился онъ къ великому предпріятію, и между тѣмъ отправилъ напередъ въ Малую Азію Парменіона и Аттала съ македонскимъ войскомъ, чтобы склонить на свою сторону прибрежные греческіе города.

Но судьба остановила здѣсь теченіе его обширныхъ предпріятій. Передъ отъѣздомъ въ Азію, Филиппъ отпраздновалъ великолѣпнымъ пиромъ бракосочетаніе своей дочери, Клеопатры, съ Александромъ, Царемъ Эпирскимъ. Состязанія въ искусствахъ привлекли на сіе торжество многихъ Грековъ. Эллинскія государства, желая выказать при семъ празднествѣ уваженіе къ Царю, поднесли ему золотые вѣнцы. Величіе и слава Филиппа, казалось, превышали уже все земное, и въ торжественномъ шествіи, за изваяніями

двѣнадцати великихъ боговъ, несена была тринадцатая, статуя Царя, украшенная такъ же блистательно. Среди сихъ великолѣпныхъ и громкихъ торжествъ, Филиппъ отправился въ театръ, въ бѣломъ одѣяніи и безъ стражи, желая показать Грекамъ, что среди ихъ считаетъ себя безопаснымъ: тамъ былъ онъ умерщвленъ Павзаніемъ, однимъ изъ своихъ тѣлохранителей (въ 336 г., ол. III, г. 1). Павзаній былъ жестоко обиженъ однимъ вельможею, и Филиппъ, не смотря на всѣ его жалобы, оставлялъ обидчика безъ наказанія. Раздраженный юноша рѣшился отмстить самому Царю; впрочемъ есть поводъ предполагать, что рукою убійцы водила Персія, опасавшаяся замысловъ Филиппа.

Незадолго до смерти, Филиппъ спрашивалъ Пиѳію, чѣмъ кончится его предпріятіе, и получилъ въ отвѣтъ: «Видишь, теленъ увѣнчанъ, конецъ его близокъ, идетъ жертвоприноситель!» Филиппъ относилъ это прорицаніе оракула къ Персіи. Теперь можно было дать ему значеніе иное. Кончина его произвела вновь различное волненіе въ умахъ. Новая бодрость, новыя надежды пробудились въ Демосѳенѣ; весь народъ аѳинскій пришелъ съ безумную радость, какъ будто Македонія навсегда лишилась духа, который оживлялъ ее, руководилъ ея силами. Но духъ сей жилъ и дѣйствовалъ въ сынѣ Филиппа, Александрѣ Великомъ, коего исторію изложимъ въ слѣдующей книгѣ. Съ сихъ поръ Грецію болѣе и болѣе сходитъ съ главнаго позорища, и потому дальнѣйшія событія ея будемъ присоединять къ исторіи Александра и его преемниковъ, а потомъ къ исторіи Рима. Оканчивая исторію независимой Греціи, заключаемъ ее словами одного изъ важнѣйшихъ современныхъ намъ изслѣдователей древности *): «Отдаемъ должную справедливость всему великому и возвышенному въ Исторіи Эллиновъ; присовокупляемъ къ тому, что многое было у нихъ лучше, нежели въ нашихъ государствахъ, лучше нежели въ Римской Имперіи, развращенной до омерзѣнія, лучше, нежели на порабощенномъ Востокѣ, но многое у нихъ было хуже, нежели у насъ. Только люди односторонніе и поверхностные ви-

*) Böckh, die Staatshaushaltung der Athener, заключеніе.

дятъ въ древности повсюду идеалы; безотчетныя хвалы минувшему, недовольство современнымъ нерѣдко происходятъ отъ угрюмаго расположенія души и отъ высокомѣрія, въ которомъ люди считаютъ ничтожнымъ и недостойнымъ вниманія все настоящее, и только древнихъ героевъ признаютъ достойными совмѣстниками мнимаго своего величія. Въ Исторіи Эллиновъ много темныхъ мѣстъ, о которыхъ умалчиваютъ историки, представляя все въ радужномъ свѣтѣ. Вглядитесь во внутреннюю жизнь Эллиновъ, государственную и семейную, вы найдете въ поколѣніяхъ самыхъ благородныхъ, къ которымъ безъ всякаго сомнѣнія надлежитъ причислять Аѳинянъ, нравственный развратъ, проникшій въ самое сердце народа. Если ихъ свободныя государственныя формы и раздробленіе народовъ на небольшія независимыя сословія представляли картину живую и занимательную, съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ подавали поводъ къ безчисленнымъ раздорамъ, замѣшательствамъ и злодѣяніямъ, и если исключимъ людей великихъ, которые, заключая въ глубинѣ души своей цѣлый міръ, довольствовались сами собою, то увидимъ, что толпа лишена была любви и утѣшенія, пролитыхъ въ сердца людскія религіею чистѣйшею. Въ блестящія времена искусствъ, въ цвѣтущее время свободы, Эллины были несчастнѣе, нежели какъ многіе думаютъ: они носили въ самихъ себѣ зародышъ гибели, и сгнившему дереву суждено было пасть подъ сѣкирою. Превращеніе большихъ владѣній въ монархіи, въ которыхъ предоставляется менѣе простора страстямъ частныхъ лицъ, и болѣе возможности утвердить на прочномъ основаніи уставы правительства, пріобрѣсть болѣе безопасности извнѣ и спокойствія внутри, есть существенный успѣхъ въ образованности рода человѣческаго, если при томъ укрѣпятся добродѣтели человѣческія и гражданскія.»

60. Сиракузы.

Въ то время, когда Грецію междоусобіями своими сама готовила паденіе своей независимости, свирѣпствовали партіи въ государствахъ Сициліи; особенно Сиракузы были

позорищемъ великихъ неустройствъ. По сей причинѣ сицилійскіе Греки не всегда противились главному внѣшнему врагу своему, Карѳагенянамъ, такъ сильно, какъ могли бы дѣйствовать во дни спокойствія.

Эгеста, послѣ несчастнаго окончанія предпріятія Аѳинянъ (стр. 36), лишенная всякой помощи, страшась мести Сиракузянъ, обратилась съ просьбою о пособіи къ Карѳагенянамъ. Такое предложеніе представляло Карѳагенянамъ самый удобный случай къ исполненію давнишнихъ замысловъ: они явились въ Сициліи со стотысячною арміею, рѣшившись утвердить и распространить на островѣ свое господство. Городъ Селиносъ былъ первою ихъ жертвою: онъ былъ разрушенъ. Гимера испытала ту же участь; наконецъ палъ и Агригентъ, городъ могущественный, населенный, цвѣтущій. Успѣхи Карѳагенянъ устрашили Сиракузянъ, и они ввѣрили своему согражданину, Діонисію, неограниченное начальство надъ силами республики, а Діонисій воспользовался симъ случаемъ, чтобы пріобрѣсть верховную власть съ Сиракузахъ (406). Составивъ себѣ отрядъ тѣлохранителей изъ чужеземцевъ и наемниковъ, обезоружилъ онъ Сиракузянъ, и овладѣлъ важнѣйшими мѣстами города, но вмѣсто того, чтобы выступить противъ Карѳагенянъ, заключилъ миръ съ ними: они удержали за собою Селиносъ, Агригентъ, Гелу, Камарину, и признали Діонисія властителемъ Сиракузъ.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны врага внѣшняго, Діонисій занялся усмиреніемъ враговъ внутреннихъ. Онъ укрѣпилъ островъ близъ Сиракузъ, составлявшій часть города, построилъ большую гавань, соединилъ своихъ наемниковъ съ гражданами, и частію раззорилъ, частію обезсилилъ ближайшіе къ Сиракузамъ свободные города греческіе, Наксосъ, Катану, Леонтины. Съ Мессаною, которая была гораздо сильнѣе этихъ городовъ, онъ старался войти въ дружественныя сношенія. Послѣ сихъ приготовительныхъ дѣйствій, онъ рѣшился уничтожить господство Карѳагенянъ въ Сициліи. Но, не смотря на огромныя военныя средства, собранныя имъ для сего предпріятія, въ трехъ войнахъ съ Карѳагенянами онъ не достигъ своей

цѣли, и при послѣднемъ мирѣ съ ними, принужденъ былъ оставить за ними Селиносъ и часть Агригентскаго Округа (въ 383 г.). Онъ не успѣлъ достигнуть и другой цѣли, покорить италійскихъ Грековъ; страшное кровопролитіе и опустошеніе были единственнымъ слѣдствіемъ кровавыхъ войнъ, которыя велъ онъ съ ними для удовлетворенія своему властолюбію.

Для сохраненія господства надъ Сиракузами, для удержанія за собою настоящаго положенія, опаснаго и затруднительнаго, онъ рѣшился господствовать посредствомъ страха. Владычество сіе лишь изрѣдка прерывалось подвигами человѣколюбія и кротости: извѣстна исторія двухъ друзей, которыхъ сначала онъ осудилъ на смерть, и потомъ простилъ, изумленный необыкновенною любовью ихъ другъ къ другу и самопожертвованіемъ. Впрочемъ онъ не вовсе чуждъ былъ добрыхъ качествъ: велъ жизнь умѣренную, прилежно занимался дѣлами общественными, и былъ неутомимо трудолюбивъ, но наклонность къ насилію и жестокостямъ далеко перевѣшивала его добрыя качества. Оттого, подобно всѣмъ притѣснителямъ, онъ жестоко мучился недовѣрчивостью и постояннымъ опасеніемъ насильственной смерти. Не друзьямъ своимъ, а чужимъ и иноземцамъ ввѣрялъ онъ охраненіе своей особы. Замокъ, въ которомъ онъ жилъ, окруженъ былъ крѣпкими стѣнами, обведенъ рвомъ и снабженъ подъемными мостами; каждую ночь перемѣнялъ онъ спальню; бороду брили ему дочери, да и онѣ, когда выросли, употребляли для этого не бритвы, а раскаленную орѣховую скорлупу. Никто не смѣлъ свободно и прямо входить въ его комнату: каждый напередъ долженъ былъ внѣ ея перемѣнить плащъ, и даже этотъ новый плащъ долженъ былъ вытряхнуть при входѣ. Съ народомъ говорилъ онъ не иначе, какъ съ высокой башни, и роднаго сына воспитывалъ среди женъ внутри дворца, вдали отъ всякаго умственнаго образованія. Онъ самъ сознавалъ ясно, какъ страшно такое положеніе, и, по извѣстному разсказу Дамокла, сравнивалъ его съ состояніемъ счастливца, надъ головою котораго виситъ мечъ на конскомъ волосѣ. Жертвою этого мучительнаго безпокойства сдѣлались многіе Си-

ракузяне, и безъ сомнѣнія, источникомъ сихъ преступленій была столько же кровожадность *), свойственная характеру Діонисія, какъ и безпрерывное опасеніе смерти. Онъ обогащался посредствомъ всякаго грабительства, и хищность его не щадила даже божескихъ кумировъ. Онъ расплавилъ золотую бороду Эскулапа и золотую мантію Зевеса, и къ этому святотатству присоединилъ еще дерзкое богохульство. Объ Эскулапѣ сказалъ: «неприлично сыну носить бороду, когда нѣтъ ея у отца (Аполлона), а о Зевесѣ: «золотая мантія лѣтомъ слишкомъ тяжела, а зимою холодна.»

Наконецъ онъ умеръ (въ 367 г., ол. 105, г. 1), и сынъ его, Діонисій Младшій, при помощи наемнаго отряда, присвоилъ себѣ власть надъ Сиракузами. Вступленіе свое въ правленіе праздновалъ онъ пиршествами, которыя продолжались девяносто дней; въ теченіе ихъ нельзя было предпринять ничего важнаго. Царедворцы и гнусные льстецы умѣли поддерживать въ новомъ владыкѣ своемъ это упоеніе властію, совершенно овладѣли юнымъ Діонисіемъ, и, въ намѣреніи продлить свое надъ нимъ вліяніе, увлекли его во всѣ чувственныя наслажденія. Діонисій, однако жъ, былъ не безъ дарованій, и Діонъ, его родственникъ, человѣкъ качествъ превосходныхъ, надѣялся образовать его, и для собственнаго его блага и для счастія государства направить на путь истинный. Но, послѣ кратковременнаго исправленія, дурныя наклонности снова взяли перевѣсъ въ Діонисіи. Онъ началъ слушаться людей, которые клеветали на Діона, сдѣлавшагося ему тягостнымъ; льстецы представляли его врагомъ властителя и государства. Наконецъ Діонисій сослалъ его въ Грецію, гдѣ Діонъ, своею царскою щедростью, любовью къ просвѣщенію и кроткимъ поведеніемъ, пріобрѣлъ общее уваженіе.

Народъ чтилъ Діона, и тѣмъ болѣе сталъ ненавидѣть Діонисія; въ Сиракузахъ усердно желали возвращенія Діона, для прекращенія ненавистнаго владычества. Діонъ рѣшил-

*) Плутархъ, во второмъ разсужденіи своемъ о счастіи или мужествѣ Александра, говоритъ, что Діонисій казнилъ болѣе десяти тысячъ гражданъ, и даже умертвилъ свою родную мать.

ся это исполнить, и успѣлъ сверхъ чаянія. Съ небольшимъ отрядомъ вышелъ онъ на берегъ въ Сициліи; вскорѣ стеклись къ нему вспомогательныя дружины изъ городовъ сицилійскихъ, и онъ увидѣлъ подъ своимъ начальствомъ многочисленную армію. Пользуясь отсутствіемъ Діонисія, бывшаго въ Италіи, онъ пошелъ прямо на Сиракузы, и безъ сопротивленія вступилъ въ городъ. Жители встрѣтили его торжественно, осыпали цвѣтами, и Діонъ объявилъ немедленно о возстановленіи прежняго правленія (въ 357 г.). Народъ не умѣлъ удержать порывовъ радости, и перебилъ всѣхъ приверженцевъ и любимцевъ прежняго властителя. Между тѣмъ Діонисій, получивъ извѣстіе о возвращеніи Діона, поспѣшилъ въ Сиракузы, и прибылъ въ замокъ, гдѣ еще держались его приверженцы. Начавъ переговоры, онъ замышлялъ измѣну, и внезапно сдѣлалъ коварную вылазку изъ замка. Мужествомъ Діона войска его были отражены. Тогда Діонисій пытался хитростью возбудить въ народѣ подозрѣніе на Діона.

Ему удалось посѣять сѣмена раздора: уже и безъ того строгій Діонъ, требовавшій во всемъ исполненія законовъ, не могъ долго сохранить вліянія въ народѣ. Сиракузяне одичали и не могли переносить ни господства, ни свободы. Народные льстецы, особенно Гераклидъ, склонили на свою сторону чернь, обѣщая ей раздѣлъ земель, и наконецъ принудили Діона оставить городъ. Подъ защитою отряда наемниковъ, оставшихся ему вѣрными, успѣлъ онъ спастись бѣгствомъ въ Леонтины. Новое несчастіе вскорѣ показало Сиракузянамъ, какъ онъ необходимъ для нихъ. Самъ Діонисій вышелъ изъ замка, но гарнизонъ его все еще тамъ держался. Воины воспользовались смятеніемъ въ Сиракузахъ и безпечностью народа, сдѣлали вылазку, и начали грабить городъ. Въ сей крайности непостоянные граждане вспомнили объ избавителѣ своемъ, Діонѣ, и отправили къ нему пословъ, которые на колѣняхъ и со слезами просили его поспѣшить на защиту стѣсненнаго города. Діонъ собралъ свои войска, и вопросилъ ихъ, хотятъ ли они слѣдовать за нимъ, и спасти еще разъ неблагодарныя Сиракузы. Воины изъявили готовность, и Діонъ выступилъ въ путь.

Между тѣмъ въ Сиракузахъ воины Діонисія возвратились въ замокъ, и вслѣдъ затѣмъ снова поднялись противники Діона. Они отправили навстрѣчу ему пословъ, чтобы остановить его походъ, а въ то же время добрые граждане прислали къ нему гонца съ просьбою поспѣшить къ нимъ на помощь. Приведенный въ сомнѣніе сими противоположными просьбами, и сомнѣваясь въ успѣхѣ предпріятія, Діонъ шелъ впередъ медленно. Тогда явились гонцы отъ всѣхъ партій, съ просьбою поспѣшить приходомъ, потому что войска Діонисія снова вторгнулись изъ замка въ городъ, и производятъ ужасное опустошеніе. Ручьями лилась кровь человѣческая; люди, бѣжавшіе отъ гибели съ улицъ въ домы, изгоняемы были изъ своихъ убѣжищъ пламенемъ пожара. Наконецъ явился Діонъ: сквозь пылающіе домы, по обломкамъ и трупамъ проложилъ онъ себѣ путь къ врагамъ. Завязалась битва. Діонъ одержалъ совершенную побѣду, и всѣ воины Діонисія, не успѣвшіе скрыться въ замкѣ, были побиты. Вскорѣ и замокъ былъ сданъ начальствовавшимъ въ немъ Аполлократомъ, сыномъ Діонисія, съ условіемъ, чтобъ воинамъ дозволенъ былъ свободный выходъ.

Назначенный верховнымъ и неограниченнымъ вождемъ силъ морскихъ и сухопутныхъ, Діонъ вознамѣрился ввести новую форму правленія. Правленіе сіе должно было приближаться къ лакедемонскому, и положить конецъ необузданной демократіи, отъ которой Сиракузы испытали великія бѣдствія, но пробудившаяся вскорѣ недовѣрчивость народа и безпрерывные происки враговъ воспрепятствовали ему исполнить сіе намѣреніе. Наконецъ онъ погибъ, сдѣлавшись жертвою заговора, въ главѣ котораго былъ человѣкъ презрѣнный, Калиппъ, прежній другъ Діона, пользовавшійся его довѣренностью. Подкупленные убійцы напали на него вечеромъ, когда онъ сидѣлъ въ своемъ домѣ, отдыхая отъ трудовъ, и хотѣли задушить его руками. Онъ долго отъ нихъ отбивался; наконецъ одинъ изъ заговорщиковъ, стоявшій на дворѣ, подалъ убійцамъ въ окно мечъ, и они, держа несчастнаго за руки и за ноги, закололи его, какъ животное, приносимое въ жертву (въ 353 г.).

Недолго наслаждался Калиппъ плодами своего преступ-

ленія: послѣ тринадцатимѣсячнаго господства, онъ былъ изгнанъ. Состояніе Сиракузъ становилось съ каждымъ днемъ бѣдственнѣе; безпрерывная борьба партій и ежедневно смѣнявшихся тирановъ приводила государство на край гибели. Да и бо́льшая часть прочихъ городовъ сицилійскихъ опустошаема была безпрестанными войнами, или становилась жертвою необузданныхъ наемныхъ войскъ. Такимъ замѣшательствомъ Сициліи воспользовался Діонисій, жившій дотолѣ въ Локрахъ, и снова захватилъ власть надъ Сиракузами (въ 346 г.). Притѣсненія его вскорѣ сдѣлались нестерпимы, и лучшіе граждане обратились съ просьбою о помощи къ Гикету, владѣльцу леонтинскому, и къ Коринѳу, метрополіи Сиракузъ. Гикетъ съ радостью воспользовался симъ случаемъ, чтобы пріобрѣсть въ свою власть важнѣйшій городъ острова; явились и Карѳагеняне съ сильнымъ флотомъ, желая воспользоваться неустройствами Сициліи для своихъ выгодъ.

Въ Коринѳѣ, за нѣсколько времени до сихъ событій, Тимофанъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, человѣкъ властолюбивый, смѣлый и предпріимчивый, успѣлъ, при помощи многочисленныхъ приверженцевъ изъ низшаго сословія, достигнуть единовластія, но братъ его, Тимолеонъ, одаренный необыкновенною силою духа, прозорливостью и добродѣтелями, низвергъ его. Рѣшившись на сей подвигъ, Тимолеонъ отправился съ двумя друзьями къ брату, и когда самыя настоятельныя убѣжденія и просьбы, чтобы онъ отказался отъ власти и даровалъ Коринѳу свободу, остались безплодными, Тимолеонъ покрылъ свою голову, и спутники его умертвили Тимофана *). Тимолеонъ совершилъ дѣло, противное чувствамъ и мыслямъ позднѣйшихъ временъ, противное, по нашимъ понятіямъ, закону нравственному, но онъ полагалъ, согласно съ законами древности, что отечество надлежитъ цѣнить выше узъ крови. И многіе Коринѳяне не поняли его подвига, или, изъ непріязни къ Тимолеону, не оцѣнили его. Одни хвалили

*) Сказаніе Діодора, будто Тимолеонъ самъ умертвилъ брата на площади, едва ли вѣроятно.

его какъ избавителя, другіе хотѣли наказать какъ братоубійцу, и Тимолеонъ, терзаясь въ душѣ воспоминаніемъ о преступленіе своемъ, цѣлый годъ убѣгалъ общества человѣческаго. Когда явились послы сиракузскіе съ мольбою о помощи, и Коринѳяне рѣшились послать вспоможеніе своей колоніи, они назначили Тимолеона вождемъ вспомогательнаго отряда, чтобы дать ему случай искупить кровавую вину свою подвигами великими и спасительными.

Тимолеонъ исполнилъ свое порученіе безукоризненно и счастливо. Онъ отплылъ изъ Коринѳа (въ 345) съ незначительнымъ отрядомъ, въ тысячу двѣсти человѣкъ, на небольшомъ флотѣ, изъ десяти кораблей, и нашелъ Сицилію въ величайшемъ разстройствѣ: замкомъ сиракузскимъ владѣлъ Діонисій; въ городѣ владычествовалъ Гикетъ, и послѣдняго поддерживалъ союзный карѳагенскій флотъ, состоявшій изо ста пятидесяти кораблей. Сначала ни одинъ сицилійскій городъ не хотѣлъ пристать къ Тимолеону, но разбивъ вчетверо сильнѣйшее войско Гикета, онъ вскорѣ пріобрѣлъ такое уваженіе и довѣренность, что многіе города прислали ему вспоможеніе, и самъ Діонисій вступилъ съ нимъ въ переговоры. Коринѳскіе воины тайно впущены были въ замокъ, и Діонисій обязался навсегда отречься отъ власти надъ Сиракузами, и переселиться въ Коринѳъ.

Человѣкъ, повелѣвавшій нѣкогда четырьмя стами военныхъ кораблей, отправился теперь на небольшомъ перевозномъ суднѣ въ Коринѳъ, гдѣ онъ сдѣлался предметомъ любопытства, злой радости и насмѣшекъ демократовъ. Онъ проводилъ время въ кругу женщинъ, въ погребахъ виноторговцевъ и продавцевъ мастей, училъ молодыхъ дѣвицъ пѣнію. При этомъ дерзкіе греческіе щеголи часто подавали ему случай выказывать свое остроуміе. Одинъ Коринѳянинъ, войдя въ залу, тряхнулъ, по упомянутому нами придворному обыкновенію сицилійскому, плащемъ, какъ будто желая показать, что у него нѣтъ оружія. «Другъ мой! сказалъ ему Діонисій, вытряхни его лучше, когда будешь выходить,» т. е. покажи, что ничего не унесъ съ собою.

Между тѣмъ Тимолеонъ довершилъ освобожденіе Сира-

кузъ, принудивъ Гикета и Карѳагенянъ совершенно очистить городъ. Затѣмъ онъ привелъ въ порядокъ дѣла государственныя. Правленіе народное было возстановлено, и въ ознаменованіе возвращенія демократіи, Тимолеонъ срылъ замокъ. Но Сиракузы, нѣкогда цвѣтущія, теперь превращены были въ развалины. Повсюду видны были печальные слѣды продолжительной войны; обитатели города, казалось, вымерли. Тимолеонъ просилъ у Коринѳа новыхъ поселенцевъ для опустѣлыхъ Сиракузъ. Всѣ Сицилійцы, бѣжавшіе изъ отечества въ минувшія времена ужаса, и разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, приглашены были Коринѳянами возвратиться на родину, вмѣстѣ съ новыми поселенцами. Они стекались въ такомъ множествѣ, что Сиракузы вскорѣ снова наполнились жителями. Тимолеонъ роздалъ земли новымъ пришельцамъ, и изгналъ хищниковъ власти изъ другихъ городовъ сицилійскихъ.

Но подвигъ его еще не былъ конченъ. Карѳагеняне, разумѣется, жалѣли о потерѣ вліянія на греческіе города Сициліи, и чтобы возвратить оное, высадили на островъ семидесятитысячную армію. Тимолеонъ не лишился бодрости: съ силами, далеко уступавшими силамъ карѳагенскимъ, выступилъ онъ навстрѣчу, и нанесъ имъ совершенное пораженіе въ битвѣ на рѣкѣ Кримиссѣ (въ 340 г.). На слѣдующій годъ Гикетъ, соединившись съ Мамеркомъ, владѣльцемъ катанскимъ, и съ вспомогательнымъ отрядомъ карѳагенскимъ, пытался низвергнуть Тимолеона; попытка его была также неудачна. Тимолеонъ одержалъ побѣду. Гикетъ, выданный своими сообщниками, былъ казненъ. Карѳагеняне заключили миръ, по которому рѣка Галикъ сдѣлалась предѣломъ ихъ владѣній въ Сициліи.

Такимъ образомъ Тимолеонъ имѣлъ славу, съ силами незначительными, въ нѣсколько лѣтъ освободить отъ всѣхъ притѣснителей страну порабощенную, долгое время опустошаемую врагами внутренними и внѣшними, даровать ей спокойствіе и благосостояніе. Присемъ являлъ онъ величайшую умѣренность и духъ истиннаго смиренія, и тѣмъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ любовь Сиракузянъ. Они подарили ему богатое помѣстье. Тамъ проводилъ онъ дни

старости въ кругу семейства, любимый гражданами, которымъ даровалъ свободу и счастіе. Въ концѣ жизни лишился онъ зрѣнія. Умилительно было зрѣлище благодарныхъ Сиракузянъ, стекавшихся на поклонъ къ престарѣлому слѣпцу: они приводили къ нему всѣхъ чужеземцевъ, чтобы показать имъ своего благодѣтеля, и, по кончинѣ его (въ 337, ол. 110, г. 4), весь городъ со слезами провожалъ его смертные останки, которые пронесены были и чрезъ развалины замка. Надъ прахомъ Тимолеона воздвигли монументъ, и ежегодными играми праздновали его память.

61. Искусства и науки Грековъ.

Оканчивая Исторію Грековъ въ періодѣ, предшествовавшемъ Александру, и составляющемъ цвѣтъ и средоточіе ихъ бытій, должны мы обратить вниманіе на развитіе ихъ познаній и искусствъ, въ которыхъ они служили образцами многимъ народамъ, и которыя находились въ тѣснѣйшей связи и во взаимномъ содѣйствіи съ ихъ жизнію государственною. Пламенное и нѣжное чувство изящнаго, на которое мы уже указывали, изображая воспитаніе Грековъ, было въ высокой степени развито у сего народа, счастливо организованнаго для изображенія изящнаго въ произведеніяхъ художествъ. Греческіе художники вездѣ могли созерцать и изучать изящныя формы природы въ благороднѣйшемъ, высшемъ ея твореніи, составляющемъ достойнѣйшій предметъ искусства — человѣкъ. Климатъ Греціи допускалъ обнаженіе тѣла, а нравы и образъ мыслей Грековъ не служили тому ни малѣйшимъ препятствіемъ. Изъ рукъ природы исходили люди съ прекрасными формами тѣла, и гимнастическія упражненія развивали сіи формы у людей свободныхъ такъ очевидно, что древніе имѣли полное право говорить: невольника можно узнать по неровной поступи. Такимъ образомъ природа была образцемъ для греческихъ художниковъ, даже и тогда, когда они представляли не отдѣльнаго, извѣстнаго человѣка, а старались олицетворять въ изящныхъ образахъ идеи, порождаемыя

ихъ воображеніемъ. Сіи идеи большею частію относились къ предметамъ религіознымъ. Въ лучшія времена свои искусство преимущественно служило пособіемъ религіи, и въ изображеніи боговъ находило для себя предметъ богатый и прекрасный; послѣ того оно служило отечеству, къ которому въ древности люди прилѣплены были гораздо болѣе нежели во времена позднѣйшія. Искусство творило только то, что соотвѣтствовало чувству и высшимъ потребностямъ всѣхъ; оно не служило измѣнчивымъ прихотямъ и помысламъ отдѣльныхъ лицъ. Оттого оно было одушевлено дѣйствительною жизнію, и тѣснѣйшимъ образомъ сливалось съ высшимъ образованіемъ націи, возникая и развиваясь изъ нее, какъ изъ естественной своей почвы.

Пластика, или ваяніе, то есть искусство представлять въ массахъ вещественныхъ тѣлесные образы, развилась у Грековъ гораздо ранѣе живописи. Начало пластики теряется въ баснословныхъ временахъ Греческой Исторіи. Еще во времена древняго Царя Критскаго Миноса, жилъ, какъ полагаютъ, славный художникъ Дедалъ. Но слово Дедалъ значитъ искусникъ, и потому можно полагать, что это имя означало вообще древнѣйшій періодъ искусства. Бо́льшее развитіе пластики становится замѣтнымъ около пятидесятой олимпіады: въ то время художники достигли правильности въ рисункѣ, но еще долгое время произведенія ихъ были грубы и тощи, хотя и не вовсе безобразны. Статуи боговъ и людей, изваянныя въ это время, называемое періодомъ древняго, или строгаго стиля, вовсе не имѣли выраженія, то есть въ нихъ не изображалось состоянія и движеній души. Но искусству надлежало непремѣнно начаться съ стиля строгаго; прежде нежели геній художника могъ легко и свободно управлять послушнымъ веществомъ, надлежало развить искусство механическое, надлежало преодолѣть затрудненія внѣшнія. На островѣ Эгинѣ, гдѣ процвѣтала особенная художническая школа, въ 1811 году открыты мраморныя статуи. Это счастливое открытіе значительно пополнило наши свѣдѣнія о развитіи греческой пластики. Въ позахъ и въ цѣломъ составѣ эгинскихъ статуй все еще много принужденнаго, но въ отдѣль-

ныхъ членахъ, за исключеніемъ головъ, является чрезвычайно вѣрное подражаніе природѣ: онѣ внушаютъ намъ убѣжденіе, что высшему развитію греческой пластики предшествовало самое тщательное и точное подражаніе формамъ природы. Скульптура эгинская есть дорическая, и носитъ на себѣ характеръ сего племени, ограниченный, но твердый, заключенный въ самомъ себѣ и округленный. Высшей степени совершенства скульптура достигла послѣ войнъ персидскихъ: этотъ періодъ называютъ періодомъ высокаго стиля, и на сей степени искусство является въ Аѳинахъ. Здѣсь развился весь цвѣтъ греческаго творчества. Здѣсь процвѣла и пластика, при Периклѣ, въ геніи котораго аѳинское величіе проявлялось, какъ въ своемъ средоточіи: великолѣпно украшая Аѳины, доставлялъ онъ искусству богатую и изящную пищу. Другъ его, Фидій, былъ творцемъ и въ то же время совершеннѣйшимъ художникомъ высокаго стиля; этотъ необыкновенный ваятель умѣлъ совершенно владѣть матеріею, и осуществлялъ въ ней великія идеи, раждавшіяся въ душѣ его.

Мы уже упоминали о статуяхъ Аѳины, которыя Фидій изваялъ для города сей богини; но знаменитѣйшее его произведеніе, предметъ удивленія и похвалы всей древности — статуя Юпитера Олимпійскаго, которую считали совершенствомъ искусства. Ликъ Юпитера сіялъ такимъ выспреннимъ выраженіемъ величія, что сердце каждаго зрителя невольно исполнялось благоговѣнія. Фидій самъ говорилъ, что идею этого лика возбудилъ въ немъ стихъ Гомера, въ которомъ сказано, что Зевесъ однимъ мановеніемъ головы своей колеблетъ цѣлый Олимпъ. И самая величина творенія должна была возбуждать удивленіе. Зевесъ, сидя на тронѣ, доставалъ до кровли храма, которая поднималась отъ пола слишкомъ на десять саженъ. Статуя была изваяна не изъ мрамора, а изъ слоновой кости и золота, равно какъ и изображеніе богини Побѣды, которую Зевесъ держалъ въ десницѣ. Тронъ, на четырехъ ножкахъ, блисталъ драгоцѣннѣйшими покровами, и украшенъ былъ полуобронною работою и живописью.

Объ искусствѣ Фидія мы получили полнѣйшее понятіе

уже въ новѣйшее время, когда Лордъ Эльгинъ исхитилъ отъ гибели скульптурные обломки Парѳенона, и привезъ ихъ въ Англію. Знатоки отдаютъ симъ неоцѣненнымъ остаткамъ первенство предъ всѣми древними произведеніями художественными, которыя дотолѣ превозносимы были, какъ творенія первостепенныя и превосходнѣйшія. Въ нихъ невольно дивишься, какимъ образомъ художникъ одолѣлъ мертвую природу, оживилъ ее своею идеею. Мраморъ, кажется, смягчился, превратился въ плоть и одушевился.

Поликлетъ, уроженецъ сикіонскій, Миронъ и Пиѳагоръ, уроженцы регійскіе, послѣ Фидія лучшіе художники высокаго стиля. Главный характеръ Поликлета тщательность отдѣлки и красота. Изъ его произведеній особенно славилась въ древности колоссальная статуя Юноны, въ Аргосѣ. Но еще болѣе прославился онъ своимъ Канономъ, статуею, изображавшею копьеносца (δορυφόρος), въ которой художникъ хотѣлъ представить образецъ согласія всѣхъ частей между собою. Въ Миронѣ древніе хвалили разнообразіе и новость его твореній. Онъ былъ очень искусенъ въ изваяніи животныхъ, представляя ихъ съ необыкновенною вѣрностью и живостью. Его знаменитая корова, въ Аѳинахъ, за необыкновенное сходство съ природою, воспѣта была во многихъ эпиграммахъ.

Греческое искусство не ограничилось произведеніями одного лишь высокаго стиля: за высокимъ послѣдовалъ стиль изящный и пріятный. Не должно думать, чтобъ произведеній Фидія нельзя было назвать также совершенно изящными; но искусство, слѣдуя направленію, принятому жизнію Грековъ послѣ Войны Пелопоннезской, перестало представлять великое и возвышенное, и устремилось преимущественно къ пріятному и прелестному, стараясь воспроизводить его въ своихъ твореніяхъ. Два превосходные художника, Скопасъ и Пракситель, открываютъ этотъ періодъ. Направленіе къ пріятному, роскошному, чувственному соединено у нихъ съ благороднымъ и величавымъ представленіемъ предметовъ. Пракситель, процвѣтавшій около 360 года, довелъ до высшей степени утонченности скульптуру изъ мрамора. Его

статуя Венеры Книдской пользовалась большою славою: любители искусствъ изъ далекихъ мѣстъ стекались смотрѣть ее. Второй періодъ цвѣтущаго состоянія греческой пластики заключаетъ Лисиппъ, современникъ Александра, занимавшійся ваяніемъ извѣстныхъ лицъ, скульптурными портретами, съ большимъ успѣхомъ. Онъ изображалъ людей въ своихъ статуяхъ съ большимъ сходствомъ, но притомъ не просто копировалъ природу, а придавалъ ей характеръ по своей мысли, и выражалъ его самымъ удачнымъ образомъ.

Знаменитѣйшіе изъ греческихъ живописцевъ были: Полигнотъ, современникъ Фидія, Аполлодоръ, Зевксисъ, Парразій, Тиманѳъ, Протогенъ и Апеллесъ, превосшедшій всѣхъ знаменитостью. Апеллесъ соединилъ отдѣльныя усилія своихъ предшественниковъ, и довелъ греческую живопись до высшей степени совершенства.

Уже выше замѣчено было, что различный характеръ, развивавшійся въ главныхъ племенахъ греческихъ, и проникавшій во всѣ направленія ихъ жизни, выражался въ ихъ словесности и искусствахъ. Эпическая поэзія была собственностью Іонянъ. Лирическія поэзія, самое свободное и непроизвольное изліяніе поэтическаго чувства, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ распространяется болѣе всѣхъ другихъ родовъ поэзіи: она обработываема была и у Грековъ въ каждомъ племени особеннымъ, свойственнымъ этому племени образомъ. Лирика, въ видѣ самомъ возвышенномъ и совершенномъ, является у племени дорическаго. Въ настоящемъ періодѣ принадлежалъ къ сему племени, и по происхожденію и по языку своихъ твореній, великій поэтъ Пиндаръ, хотя онъ родился въ Ѳивахъ (около 520 г.). Пиндаръ одинъ греческій лирикъ, отъ котораго дошли до насъ не одни только мелкія стихотворенія и отрывки. Сохранившіяся стихотворенія его суть торжественныя пѣсни въ честь побѣдителей на великихъ играхъ народныхъ. Мысли сильныя и возвышенныя звучатъ въ нихъ изъ глубины сердца, согрѣтаго чувствомъ религіознымъ. Поэтъ пламенѣетъ высокимъ одушевленіемъ, а между тѣмъ ясность и

разсудительность приводятъ все въ прекраснѣйшую гармонію. Выраженіе и риѳмъ соотвѣтствуютъ величію мыслей. Развитіе Греческой Поэзіи шло сообразно съ ходомъ природы, и различные роды ея проявлялись не вдругъ и не вмѣстѣ, а одинъ послѣ другаго, въ различные періоды образованія народа. Каждый изъ сихъ родовъ развивался въ томъ вѣкѣ, который, по характеру своему, наиболѣе ему соотвѣтствовалъ. Особенно замѣтно это въ развитіи поэзіи эпической и драматической. Поэзія эпическая исчезаетъ около времени войнъ персидскихъ; современно съ сею славною эпохою Исторіи Греческой и послѣ нея, является поэзія драматическая, ибо драма, какъ самый высокій и художественный родъ поэзіи, можетъ быть послѣдствіемъ только высокаго и гармоническаго образованія силъ духовныхъ, а эти силы, возбужденныя славою народною, въ то время достигли такого образованія. Цвѣтущее состояніе сего рода поэзіи, по времени, совпадаетъ съ средоточіемъ Греческой Исторіи; и драма возникаетъ и развивается въ Аѳинахъ, обширномъ средоточіи греческаго образованія. И какъ Аѳины, принадлежавшія къ племени іоническому, соединили одностороннее образованіе обоихъ главныхъ племенъ въ одно величавое цѣлое, такъ и въ греческой драмѣ, наряду съ рѣчами дѣйствующихъ лицъ, находятся лирическія пѣсни хоровъ, и по свойству и по природѣ дорическія. Пѣсни хоровыя были первоначальною основою драматической поэзіи. Сначала онѣ были хвалебными пѣснями Діонисію (Вакху), къ которымъ въ послѣдствіи начали присоединять представленіе воспѣваемаго событія. Ѳесписъ, жившій около временъ Солона, былъ, какъ полагаютъ, изобрѣтателемъ трагедіи: онъ первый между хоровыми пѣснями началъ выводить на сцену одного актера. Поэзія драматическая находилась тогда въ нестройномъ, младенческомъ состояніи.

Дѣйствительнымъ творцемъ трагедіи былъ Эсхилъ, уроженецъ элевзинскій, участвовавшій въ битвѣ при Саламинѣ. Онъ вывелъ на сцену двухъ актеровъ, и началъ употреблять разговоръ, но хоровыя пѣсни у него все еще преобладаютъ. Трагедіи сего великаго поэта, изъ которыхъ до

насъ дошло семь, важны, величественны и смѣлы: онѣ являютъ исполинское величіе въ дѣйствіи и выраженіи; нерѣдко выводитъ онъ на сцену боговъ, и особенно титановъ. Гордость, которою одушевлены были Аѳины, побѣдивъ врага превосходнаго силами, заставлявшаго трепетать цѣлый свѣтъ, подала Эсхилу поводъ къ сочиненію трагедіи, Персы; предметомъ ея было постыдное паденіе Ксеркса. Соперникомъ Эсхила является Софоклъ, уроженецъ Колона, мѣстечка въ Аттикѣ, которое онъ увѣковѣчилъ своею знаменитою трагедіею, Эдипъ въ Колонѣ. Въ жизни своей онъ вполнѣ наслаждался всѣми ея благами; съ тѣмъ вмѣстѣ украшали его прекраснѣйшіе дары ума и и сердца. Сія внутренняя гармонія жизни и духа отражается въ его трагедіяхъ. Онъ написалъ сто трагедій; до насъ дошло изъ нихъ только семь. Въ числѣ ихъ находится его Антигона, которая до того очаровала Аѳинянъ, что они даровали поэту званіе полководца въ одномъ походѣ. Созданія Софокла нѣжнѣе, не имѣютъ исполинскаго величія Эсхилова, но вся форма ихъ гораздо художественнѣе; онъ началъ выводить на сцену неопредѣленное число лицъ, уразнообразилъ тѣмъ дѣйствіе, и поставилъ его въ лучшее отношеніе къ хору. Онъ былъ поэтъ богобоязненный: его созданія дышатъ глубокимъ уваженіемъ къ божеству. Софоклъ знаменуетъ высшую точку въ развитіи греческой трагедіи. Въ третьемъ знаменитомъ греческомъ трагикѣ, Эврипидѣ, она уже начинаетъ склоняться къ упадку. Счастливое возвышеніе и начинающійся упадокъ сходятся здѣсь очень близко: когда Софоклъ умиралъ, Эврипидъ пользовался уже извѣстностью трагическаго поэта. Но въ драматическомъ родѣ этому удивляться не должно: драматическая поэзія есть какъ бы довершеніе, крайняя степень всей поэзіи; по

этому въ ней, какъ на вершинѣ всякой горы, смежны восхожденіе и нисхожденіе. Эврипидъ обладалъ талантомъ значительнымъ; страсти изображаетъ онъ сильно и увлекательно, но у него уже нѣтъ чистаго и строгаго величія Софоклова. Такъ сіи три поэта, по духу и характеру своихъ созданій, соотвѣтствуютъ ходу Аѳинской Исторіи со времени великой Войны Персидской до конца Войны Пелопоннезской, и въ семъ отношеніи могутъ быть сравниваемы съ представителями сего постепеннаго хода, Ѳемистокломъ, Перикломъ и Алкивіадомъ.

Комедія перешла въ Аѳины изъ дорическаго города Мегаръ, но въ Аѳинахъ она развилась, и приняла форму художественную. Единственный поэтъ комическій, котораго произведенія дошли до насъ, есть Аристофанъ, жившій во время Войны Пелопоннезской. Поэтъ сей очень живо изображаетъ глупости и развращеніе своего времени; картины его исполнены необыкновеннаго остроумія, фантазіи и поэтическихъ красотъ, но ознаменованы своевольствомъ, которое переходитъ всѣ границы, и нерѣдко становится дерзкимъ и безнравственнымъ. Онъ не скрываетъ живыхъ людей, подвергшихся бичу его сатиры: они выходятъ на сцену подъ собственными своими именами, съ дѣйствительными чертами лица, поддѣланными на маскахъ, и становятся посмѣшищемъ черни. По нашимъ понятіямъ и нравамъ, такое своевольство можетъ показаться необузданнымъ, но употребленіе этой вольности, въ большей части произведеній Аристофана, приноситъ ему высокую честь: онъ осмѣиваетъ не однихъ ничтожныхъ и безсильныхъ негодяевъ, и безъ того уже, по нелѣпостямъ частной своей жизни, сдѣлавшихся предметомъ всеобщаго посмѣянія; онъ не щадитъ и людей, имѣющихъ большое вліяніе въ обществѣ, пользующихся величайшимъ благорасположеніемъ народа, и избираетъ ихъ политическія правила предметомъ своихъ нападеній. Древняя комедія, представлявшая заблужденія людскія съ смѣшной стороны, чтобы показать ихъ во всей ничтожности, полагала бы, что она дурно выполнила свое призваніе, если бъ оставила безъ насмѣшки опаснѣйшія изъ нихъ, т. е. тѣ, которыя

угрожаютъ жизни государственной. Аристофанъ считаетъ истинною болѣзнію Аѳинской Республики направленіе, принятое политикою вождей народныхъ, всѣ силы государства употреблять на веденіе войны, и такимъ образомъ терзать внутренность Греческаго Народа; онъ представляетъ страсть воинскую смѣшною и гибельною, и истощаетъ всѣ стрѣлы своего ума противъ демагоговъ, которые льстятъ сей наклонности. Его комедія, Витязи, направлена на могущественнаго, уже извѣстнаго намъ Клеона. Онъ представленъ здѣсь Пафлагонянином, невольникомъ Аѳинскаго Народа, олицетвореннаго на сценѣ, и хотя не названъ по имени, но характеръ и дѣйствія его обрисованы такъ вѣрно, что каждый узнавалъ его съ перваго взгляда. Не смотря на то, что имя Клеона не было объявлено, ни одинъ мастеровой не хотѣлъ изготовить для Аристофана маску страшнаго человѣка, ни одинъ актеръ не хотѣлъ представлять его. Аристофанъ рѣшился самъ сыграть роль Клеона, расписавъ себѣ лице. Въ другихъ комедіяхъ онъ живо изображаетъ выгоды и наслажденія мира, и выхваляетъ ихъ въ противоположности съ бѣдствіями и лишеніями войны. Аристофанъ неистощимъ въ оборотахъ, когда старается обнаружить народу неблагоразуміе или пагубныя слѣдствія какого нибудь предпріятія. Истинный патріотъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ при всякомъ случаѣ представлялъ Аѳинянамъ, въ предкахъ ихъ, дѣйствительный образецъ, которому они должны подражать, восхвалялъ силу, способности, благіе нравы временъ мараѳонскихъ. Напротивъ, въ самомъ ужасномъ видѣ представлялъ онъ картину своего времени: нигдѣ не найдете такихъ ясныхъ свидѣтельствъ, до какой степени необузданное народодержавіе и безразсудное честолюбіе демагоговъ истощали силы славной республики. Когда Аѳины, съ окончаніемъ Войны Пелопоннезской, лишились древняго своего устройства государственнаго, съ неограниченною свободою исчезла и древняя комедія, и не воскресала уже, когда городъ, освободившись отъ чуждыхъ цѣпей, возстановилъ прежнее правленіе. Это было время утомленія и слабости: зрители уже не находили ни занимательности, ни удовольствія въ

смѣлыхъ, фантастическихъ картинахъ пламеннаго воображенія. Малодушные боялись голоса истины въ устахъ поэта.

Устройствомъ и размѣромъ своимъ греческая сцена вовсе не походила на нынѣшнюю. Обязанная началомъ своимъ праздничнымъ религіознымъ пѣснямъ, драма и во времена своего развитія служила не для ежедневнаго удовлетворенія праздному любопытству, а для украшенія празднествъ Вакха (Діонисій). Поэты спорили о наградѣ; нерѣдко каждый изъ нихъ представлялъ на состязаніе по четыре піесы, именно три трагедіи и одну небольшую, такъ называемую, сатирическую драму; всѣ эти піесы назывались тетралогіею. На большихъ Діонисіяхъ представляемы были такимъ образомъ въ одинъ день до двѣнадцати піесъ. Представленіе начиналось утромъ. Греки не запирались для того въ душномъ зданіи; ихъ театры не были закрыты; представленіе происходило подъ открытымъ небомъ, при дневномъ свѣтѣ. Назначеніе награды было дѣломъ великой важности. Когда Кимонъ воротился съ похода своего противъ Скироса, въ первый разъ выступилъ на состязаніе съ знаменитымъ Эсхиломъ юный Софоклъ, и архонтъ такъ сильно опасался пристрастія, что судьи спора избраны были не по жребію, какъ обыкновенно: архонтъ пригласилъ въ театръ Кимона и прочихъ девятерыхъ полководцевъ, и назначилъ ихъ судьями. Софоклъ получилъ награду, а Эсхилъ такъ былъ огорченъ этимъ, что оставилъ Аѳины, и окончилъ жизнь свою въ Сициліи.

У Грековъ, какъ и у всѣхъ народовъ, гдѣ ходъ литературы былъ сообразенъ съ природою, проза возникла гораздо позже поэзіи. Она начала развиваться не ранѣе времени Пизистратидовъ. Къ этому періоду относятся начатки исторіи. Потребность въ ней почувствовали, когда умолкла поэзія эпическая, когда обращенъ былъ на событія взглядъ разсудительный, и усилилась наклонность къ изслѣдованіямъ. Но съ большимъ трудомъ и медленно проза отрывалась отъ поэзіи, и отецъ исторіи, Геро-

дотъ, изъ котораго мы, въ прежнихъ нашихъ разсказахъ, заимствовали многое, хотя и жилъ въ срединѣ пятаго столѣтія, но все еще сообщаетъ намъ много забавныхъ сказокъ, и тѣмъ сильно напоминаетъ поэтическое происхожденіе исторіи. Онъ разсказываетъ чрезвычайно просто, вѣрно и увлекательно; его изображенія странъ и народовъ очень вѣрны и живы. Онъ смотритъ не на одну только внѣшнюю сторону событій: относя все къ управляющему міромъ божеству, онъ указываетъ и на великую внутреннюю связь дѣйствій и бытій людей и народовъ. Судьба Греціи быстро свершилась, отъ борьбы съ варварами до великой войны междоусобной, истощившей прекраснѣйшія ея силы: такъ же быстро произошелъ и переходъ къ совершенно другому взгляду на исторію въ Ѳукидидѣ, описавшемъ первые двадцать одинъ годъ Войны Пелопоннезской. На осьмомъ году сей войны Ѳукидидъ начальствовалъ отрядомъ аѳинскаго флота, и не успѣвъ спасти городъ Амфиполисъ отъ нападеній Брасида (выше, стр. 21), былъ за то осужденъ на изгнаніе. Едва ли какой изгнанникъ употребилъ свой досугъ съ такою пользою для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній: Ѳукидидъ собралъ матеріялы для своего обширнаго, образцоваго творенія. Не Грецію въ блескѣ ея торжества надъ Азіею, но Грецію, раздирающую самое себя, представляетъ онъ; твореніе его имѣетъ тонъ строгій, какъ строги тѣ чувства, тѣ размышленія, которыми зрѣлище сіе должно наполнить душу великую и возвышенную. Исторія Ѳукидида обилуетъ глубокими и мудрыми мыслями объ правленіи государствъ, о причинахъ ихъ процвѣтанія и упадка; языкъ его сжатъ до того, что становится темнымъ. Ксенофонтъ, котораго жизнь политическая намъ уже извѣстна, продолжалъ исторію съ того пункта, на которомъ остановился Ѳукидидъ, но онъ не могъ сравниться съ великимъ своимъ предшественникомъ.

Люди, подобные Ѳемистоклу, Кимону, Периклу, употребляли краснорѣчіе, какъ даръ природы. Въ послѣдствіи и оно подверглось обработкѣ искусственной, и сдѣлалось предметомъ формальнаго обученія. Первый примѣръ подобнаго усовершенія подалъ Аѳинянамъ Сициліянинъ Горгій, но ис-

кусство ораторское, подобно поэзіи, нашло въ этомъ періодѣ свою настоящую родину, свою почву, самую плодоносную, въ Аѳинахъ. Слыхалъ ли кто нибудь, говоритъ Цицеронъ, объ аргосскихъ, коринѳскихъ или ѳивскихъ ораторахъ того времени? Однимъ изъ славнѣйшихъ аттическихъ ораторовъ былъ Лизій; о другихъ, какъ напримѣръ объ Антифонѣ, Исократѣ и Эсхинѣ, мы уже имѣли случай упоминать, описывая дѣла государственныя; въ сихъ дѣлахъ краснорѣчіе преимущественно находило себѣ пищу. Демосѳену оно служило сильнымъ и достойнымъ орудіемъ, чтобы стать въ главѣ цѣлой политической партіи противъ могущественнаго царя.

Въ первой части мы уже упоминали о начаткахъ Греческой Философіи, о іонической школѣ, которая въ особенности занималась изслѣдованіемъ природы. Къ числу философовъ испытателей природы принадлежали позже Гераклитъ изъ Эфеса (жившій около 580 г.) и упомянутый нами (часть I. отд. 35), Анаксагоръ изъ Клазоменъ. И Демокритъ, изъ Абдеръ (жившій около 450 г.), пріобрѣлъ себѣ знаменитое имя въ числѣ изслѣдователей природы. Въ то время, когда познаніе природы усиливалось и расширялось, возвысилось, совершенно зависящее отъ него, искусство врачебное, которое, съ возрастающимъ утонченіемъ жизни внѣшней, становится важнѣйшею для людей потребностью. Основатель врачебной науки, славный Иппократъ, уроженецъ острова Коса, жилъ около временъ Войны Пелопоннезской. Сіи изслѣдованія природы, сіе распространеніе познаній, естественно должны были вести къ размышленіямъ и взглядамъ на природу, противорѣчившимъ вѣрованію народа, который въ каждомъ явленіи природы видѣлъ непосредственное дѣйствіе воображаемыхъ существъ. Противорѣчіе сему вѣрованію казалось народу оскорбленіемъ боговъ, нападеніемъ на религію. Отъ сего возникали преслѣдованія, которымъ подвергались многіе философы: враги Анаксагора именно основывали свои обвиненія на этомъ родѣ безбожія.

Прежде нежели Греческая Философія съ точки тогдашняго ея развитія поднялась на высшую степень, подверг-

лась она большимъ злоупотребленіямъ. Около времени Войны Пелопоннезской, когда свѣтъ умовъ болѣе и болѣе омрачался, когда древняя добродѣтель начинала рѣже и рѣже являться въ жизни, люди, называемые софистами, бродили по городамъ Греціи, и собирали вокругъ себя толпы учениковъ и чтителей. Особенно славились софисты: Протагоръ изъ Абдеръ, Продикъ изъ Кеоса, Горгій изъ сицилійскаго города Леонтинъ. Они усовершенствовали искусство краснорѣчія. Горгій, въ первые годы Войны Пелопоннезской присланный Леонтинцами въ Аѳины съ просьбою о помощи, очаровалъ Аѳинянъ искусственнымъ устроеніемъ своихъ періодовъ. Въ государствахъ древнихъ, особенно демократическихъ, краснорѣчіе было главнымъ средствомъ пріобрѣтать участіе въ дѣлахъ общественныхъ и вліяніе въ народѣ, и такъ не удивительно, что новое искусство воспламенило честолюбивыхъ юношей. Съ жадностью искали они учителей возникающаго искусства, и охотно платили за обученіе большія суммы. Кромѣ денегъ, софисты пріобрѣтали и величайшія почести: собраніе Грековъ на Играхъ Пиѳійскихъ опредѣлило поставить Горгію въ храмѣ Аполлона статую, не позолоченную, какъ говоритъ Цицеронъ, а вылитую изъ золота. Но услуги, оказанныя софистами риторикѣ, исчезали передъ существеннымъ содержаніемъ ихъ ученія, въ высшей степени предосудительнаго и пагубнаго. Затрудненія и сомнѣнія, встрѣчаемыя философомъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, употребляли они средствомъ для поколебанія основаній всякаго познанія, всякаго убѣжденія. Они издѣвались надъ религіею и добродѣтелью, называли всѣ нравственныя правила суевѣріемъ и нелѣпостью, а справедливость произвольнымъ ограниченіемъ естественной свободы человѣческой. Пусть, говорили они, толпа руководится этими понятіями; человѣкъ умный долженъ знать средства управлять ею по своей волѣ. Посему софисты учили защищать по произволу противоположныя мнѣнія, не обращая вниманія на ихъ справедливость или несправедливость; учили, какимъ образомъ можно, для собственной выгоды, обманывать согражданъ, представляя имъ посредствомъ ослѣпительныхъ уловокъ вещь

самую несправедливую подъ видомъ справедливой. Такимъ образомъ безнравственность приведена была въ систему, и въ соединеніи съ большимъ и большимъ ослабленіемъ народа, грозила совершенно ниспровергнуть всѣ истинныя основанія ученія и жизни. Но духъ Греціи еще могъ изъ самого себя извлечь цѣленіе сей болѣзни. Это исполнилъ, въ умственномъ средоточіи Греціи, Аѳинахъ, Сократъ, человѣкъ съ душею великою и прекрасною, спасшій отъ софистовъ достоинство природы человѣческой.

Сократъ (род. въ 469 г.) былъ сынъ аѳинскаго ваятеля Софроніска; мать его, Фенарета, была повивальная бабка. Въ молодости онъ испытывалъ свои силы въ искусствѣ отца. Но рѣшительная наклонность увлекла его отъ сего занятія къ жизни созерцательной. Платонъ разсказываетъ, что однажды онъ цѣлыя полторы сутки простоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ оцѣпенѣніи. Нравственная природа человѣка была преимущественно предметомъ его изслѣдованій, и лишь только онъ убѣдился, что наблюденіе справедливости и добродѣтели, теплая вѣра въ божество, всеуправляющее, награждающее за добро, наказующее за зло, есть высшее благо человѣка, съ сравненіи съ которымъ ничтожны всѣ другія блага, онъ посвятилъ всю свою жизнь возглашенію сей великой истины своимъ собратіямъ, людямъ. При такомъ направленіи духа и занятій, сдѣлался онъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ софистовъ. Ихъ пагубнымъ и соблазнительнымъ правиламъ противопоставлялъ онъ свое воодушевленное вѣрованіе въ Бога и добродѣтель. Софисты стремились къ богатству и наслажденіямъ; Сократъ жилъ въ бѣдности и величайшей воздержности, и служилъ для другихъ образцемъ строгой жизни и постоянства въ трудахъ. На походѣ во Ѳракію противъ Потидеи, въ которомъ онъ принималъ участіе, зима была такая суровая, что никто не выходилъ на холодъ, не закутавъ ногъ мѣхомъ или войлокомъ. Одинъ Сократъ шелъ безъ обуви и въ обыкновенной своей одеждѣ. Софисты излагали свое ученіе въ длинныхъ бесѣдахъ и пыш-

ныхъ рѣчахъ; Сократъ, напротивъ, заводилъ разговоры съ тѣми людьми, которые, какъ ему казалось, способны были принять его ученіе, и въ этихъ разговорахъ, незамѣтно, какъ бы изслѣдывая предметъ вмѣстѣ съ собесѣдникомъ, наводилъ его на истины, которыя старался распространять. Въ особенности тщился онъ выводить людей изъ обманчивой самоувѣренности въ мнимыхъ своихъ познаніяхъ, доказывая имъ, что они имѣютъ только темныя понятія о важнѣйшихъ предметахъ жизни, и не могутъ дать себѣ ни какого отчета въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій. Посредствомъ сильнаго убѣжденія въ семъ недостаткѣ, онъ старался привести ихъ къ важнѣйшему изъ всѣхъ познаній, познанію самихъ себя. Такимъ же образомъ нападалъ онъ на софистовъ: на длинныя ихъ рѣчи онъ не отвѣчалъ такими же рѣчами, а предлагалъ имъ вопросы, потомъ изъ ихъ же отвѣтовъ выводилъ дальнѣйшія заключенія, и ловя ихъ на словахъ, запутывалъ ихъ въ собственныхъ сѣтяхъ, и затѣмъ, съ тонкою, забавною для слушателей насмѣшкою, раскрывалъ всю наготу ихъ ученія. Сократъ, хранившій простоту въ жизни и рѣчахъ, съ удивительною силою привязывалъ къ себѣ знатныхъ юношей: это мы видѣли въ примѣрѣ Алкивіада. Посему Алкивіадъ, у Платона, сравниваетъ Сократа съ прекрасными статуями, на которыя накидываютъ, для сохраненія ихъ, гнусные покровы, представляющіе силеновъ. Антисѳенъ, одинъ изъ учениковъ Сократа, жилъ въ Пиреѣ, и ежедневно ходилъ слушать его въ городъ. Эвклидъ изъ Мегары, лежавшей въ двадцати верстахъ отъ Аѳинъ, приходилъ къ Сократу, чтобы провести въ сообществѣ его хотя одинъ день, и даже, въ то время, когда Аѳиняне по случаю войны раздраженные на Мегарянъ, опредѣлили смертную казнь каждому Мегарянину, который пойманъ будетъ въ Аѳинахъ, Эвклидъ нерѣдко пробирался по вечерамъ въ городъ въ женскомъ платьѣ, чтобы только на слѣдующій день быть въ обществѣ Сократа.

Сократъ, строго судившій нравы людей, былъ многимъ ненавистенъ и противенъ, но вообще уваженіе къ нему было такъ велико, что до семидесятаго года онъ не зналъ ни какого

преслѣдованія. Только въ это время, вскорѣ послѣ ниспроверженія правленія Тридцати, ненависть къ нему выразилась въ обвиненіи, которое представили въ судъ три человѣка, Мелитъ, Анитъ и Ликонъ. Обвиненіе состояло въ слѣдующемъ: Сократъ отрицаетъ существованіе боговъ и развращаетъ юношество, и за это по законамъ заслуживаетъ смерть. Второй пунктъ обвиненія относился преимущественно къ политическимъ мнѣніямъ Сократа, которыя, согласно съ благоразумными его понятіями о государствѣ, не совсѣмъ были въ пользу возвышавшейся тогда снова демократіи (сравн. выше стр. 42 прим.). Сіи мнѣнія тѣмъ легче можно было представить въ свѣтѣ ненавистномъ, что люди, принимавшіе сильное участіе въ предшествовавшихъ переворотахъ, какъ, напримѣръ, Алкивіадъ, Критій, Ѳераменъ, нѣсколько времени были его учениками и слушателями. Но какъ отличенъ былъ образъ мыслей Сократа отъ образа мыслей сихъ государственныхъ мужей, вполнѣ обнаружилось, при производствѣ суда, объяснившемъ намъ всю жизнь его. По судебному устройству греческому, Сократъ самъ произнесъ защитительную рѣчь свою. Онъ отвергнулъ въ ней всѣ ораторскія и софистическія уловки, которыми могъ бы тронуть сердца судей; напротивъ, старался только, по своему обыкновенію, убѣдить ихъ въ своей невинности, съ спокойствіемъ, которое онъ сохранялъ во всѣхъ дѣйствіяхъ. Сія защитительная рѣчь сохранилась въ твореніяхъ ученика его, Платона. Извлекаемъ изъ нея нѣкоторыя замѣчательнѣйшія мѣста.

«Херефонъ, одинъ изъ друзей моихъ, говорилъ между прочимъ Сократъ, вопрошалъ обо мнѣ прорицалище въ Дельфахъ, и Пиѳія отвѣчала, что нѣтъ человѣка мудрѣе Сократа. Но зная, что вовсе не имѣю мудрости, ни большой, ни малой, я долго не могъ понять этого изреченія. Наконецъ, изъ разговоровъ съ людьми государственными, поэтами, ремесленниками, убѣдился я, что многіе люди вовсе немудрые считаютъ себя мудрецами. Я понялъ тогда смыслъ изреченія: оно значило, что я мудрѣе другихъ, потому что не приписываю себѣ тѣхъ познаній, которыхъ не имѣю. Теперь, чтобы оправдать слова оракула, я считалъ своею

обязанностью доказывать тѣмъ, кои считаютъ себя мудрецами, ничтожность ихъ воображаемыхъ познаній, а этимъ и возбудилъ противъ себя сильную ненависть.» Затѣмъ Сократъ обращается къ Мелиту, и посредствомъ своей вопросительной методы, блистательно опровергаетъ его обвиненія. «Но, быть можетъ, кто нибудь, говоритъ онъ, поставитъ мнѣ въ укоръ, назоветъ безумiемъ, что я поступками своими необходимо навлекалъ на себя ненависть толпы, и что это можетъ даже подвергнуть меня смерти. Тому я отвѣчаю: ты не правъ, если думаешь, что человѣкъ, приносящій хотя небольшую пользу, долженъ въ дѣлахъ своихъ принимать въ соображеніе, не грозитъ ли опасность его жизни; онъ долженъ, напротивъ, смотрѣть единственно на то, справедливо или несправедливо поступалъ онъ, дѣйствовалъ ли какъ честный или какъ дурной человѣкъ. Жалки были бы, по этому мнѣнію, всѣ тѣ, которые жизнію покупали спасеніе отечества, и умирали, совершая славные подвиги.

«И такъ, Аѳиняне, продолжалъ онъ, вотъ въ чемъ дѣло: если кто либо самъ изберетъ себѣ приличное мѣсто, или будетъ поставленъ туда высшими, тотъ, по моему мнѣнію, долженъ выдерживать на этомъ мѣстѣ всякую опасность, и страшась одного безчестія, не бояться ни смерти, ни чего либо другаго. Хорошо ли поступалъ я, Аѳиняне, стоя вмѣстѣ съ другими твердо и безстрашно на томъ мѣстѣ, которое мнѣ назначали полководцы ваши при Потидеѣ, Амфиполисѣ и Делiонѣ? Неужели же я послѣ того оставлю то мѣсто, которое, какъ полагаю, назначилъ мнѣ самъ Богъ? Неужели, боясь бѣдствій и смерти, отрекусь отъ божественнаго призванія, по которому я долженъ провести жизнь въ исканіи мудрости и испытаніи самого себя и другихъ? Это было бы гнусно, и тогда по справедливости могли бы меня призвать къ суду, за то, что я не вѣрилъ богамъ, за то, что не слѣдовалъ оракулу, страшился смерти, и такимъ образомъ считалъ себя мудрымъ, не будучи таковымъ. Никто не знаетъ, что такое смерть, и не есть ли она для людей лучшее благо на земли. Но дѣйствовать вопреки закону, не слушаться того, кто лучше насъ, богъ ли

то или человѣкъ, это, я знаю, гнусно и постыдно. Посему, если даже предположить, что вы теперь освободите меня, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я пересталъ дѣйствовать попрежнему, я скажу вамъ: Аѳиняне! люблю васъ и почитаю, но Богу повинуюсь болѣе нежели вамъ, и доколѣ дышу и буду въ силахъ, не престану искать мудрости, и всякаго изъ васъ буду увѣщевать обыкновенными моими рѣчами: какъ Аѳинянинъ, какъ житель величайшаго города, щедро одареннаго всѣмъ, что есть прекраснаго и великаго на земли, ты лучшій человѣкъ на свѣтѣ, — и тебѣ не стыдно пещись рачительно о пріобрѣтеніи денегъ, славы, почестей, и не позаботиться и не подумать о познаніи и истинѣ, о благѣ твоей души? И если кто нибудь изъ васъ будетъ отрицать это, будетъ утверждать, что онъ думаетъ обо всемъ этомъ, я не отпущу его, не пройду мимо, буду его разспрашивать, испытывать, изслѣдывать. И если найду, что онъ, вопреки словамъ своимъ, не имѣетъ добродѣтели, обличу его и докажу, что онъ важнѣйшее считаетъ ничтожнымъ, дурное ставитъ высоко. Такъ буду я поступать съ юношами и старцами, кто только мнѣ встрѣтится, ибо такъ повелѣваетъ мнѣ Богъ. И я, съ своей стороны, думаю, что исполняя такимъ образомъ велѣніе Божіе, я приношу отечеству существенную пользу.»

Затѣмъ Сократъ спрашивалъ отцовъ и братьевъ учениковъ своихъ, жалуется ли кто нибудь на его вредное ученіе. Далѣе упоминалъ онъ о обычаѣ обвиненныхъ приводить въ судилище плачущихъ женъ и дѣтей, чтобы возбудить въ судьяхъ состраданіе. Онъ просилъ не ожидать отъ него ничего подобнаго; по его мнѣнію, въ судѣ нужны только объясненіе и убѣжденіе; искать посторонннихъ средствъ безславно и несправедливо. «Судья, продолжаетъ онъ, поставленъ не для того, чтобы оправдывать изъ милости, но чтобъ судить о правотѣ или неправотѣ людей; онъ пригягалъ не оказывать снисхожденія подсудимымъ, кто бы ни были они, а творить судъ по законамъ. Посему не ожидайте отъ меня, Аѳиняне, чтобъ я сдѣлалъ предъ вами что либо такое, чего не считаю пристойнымъ, справедливымъ, богоугоднымъ, особенно потому, что я обвиненъ Мелитомъ даже въ безбо-

жіи. Если бъ я сталъ просьбами уговаривать и убѣждать васъ, судьи мои, то признался бы, что не вѣрую въ бытіе боговъ, и защищаясь противъ обвиненія въ безбожіи, самъ бы обличилъ себя въ семъ преступленіи. Но этого нѣтъ. Такъ, Аѳиняне, вѣрую въ боговъ, какъ не вѣруетъ въ нихъ ни одинъ изъ моихъ обвинителей, и предоставляю вамъ и божеству рѣшить мое дѣло!» По окончаніи его рѣчи, судьи приступили къ приговору, и большинствомъ только трехъ голосовъ присудили его къ смерти.

По аѳинскимъ законамъ, осужденнымъ дозволялось самимъ назначать себѣ меньшее наказаніе, и судьи тогда снова рѣшали дѣло. Сократъ сказалъ, что, убѣжденный въ важности услугъ, оказанныхъ имъ отечеству, онъ думаетъ, что приличнѣе всего назначить ему пожизненное содержаніе въ Пританеѣ, награду, которая предоставлялась побѣдителямъ на Играхъ Олимпійскихъ, и чтобы слова его не показались упрямымъ самохвальствомъ, онъ присовокупилъ, что для него смерть гораздо сноснѣе тюрьмы или изгнанія, къ которому судьи могутъ приговорить его вмѣсто смерти. «Какая жизнь предстояла бы мнѣ, если бъ я въ преклонныхъ лѣтахъ принужденъ былъ покинуть родину, и скитаясь на чужбинѣ, ходить изъ города въ городъ? Куда бы я ни пришелъ, или юноши будутъ стараться о моемъ изгнаніи, если я буду наставлять и обличать ихъ, или старцы, если я не буду исполнять своей обязанности; но, быть можетъ, кто нибудь изъ васъ скажетъ: «неужели, Сократъ, ты не въ состояніи, по изгнаніи своемъ, жить тихо и спокойно? «Не знаю, какъ объяснить это многимъ изъ васъ. Если я скажу, что оставаться мнѣ въ покоѣ значитъ не повиноваться Богу, и потому это для меня невозможно, вы мнѣ не повѣрите. Еще менѣе повѣрите вы, когда я скажу, что даже и то для людей величайшее благо, если они каждый день бесѣдуютъ о добродѣтели и другихъ предметахъ, о которыхъ, какъ вы слышали, я разсуждалъ, испытывая самого себя и другихъ, и что жизнь безъ самоизслѣдованія не стоитъ названія жизни. Денегъ, прибавилъ онъ, у меня нѣтъ болѣе одной мины.» Впрочемъ ученики его ручались въ уплатѣ пени въ тридцать минъ. Но гордость подсудимаго до того раздражила

судей, что еще восемьдесять человѣкъ, подавшихъ прежде голосъ въ его пользу, перешли къ противникамъ, и Сократу безъ всякаго условія присуждено было выпить чашу съ ядомъ. Съ благородною твердостью, которую соблюдалъ онъ въ продолженіе всего суда, выслушалъ онъ и этотъ приговоръ, и затѣмъ еще разъ обратился къ судьямъ.

«Быть можетъ, сказалъ онъ, вы думаете, Аѳиняне, что я, по неискусству въ краснорѣчіи, не могу сказать вамъ такихъ рѣчей, которыми легко могъ бы преклонить васъ на свою сторону, если бъ былъ убѣжденъ, что можно все говорить, все дѣлать, чтобы только освободиться отъ сего обвиненія. Отнюдь нѣтъ! Правда, я уступаю обвинителямъ, но у меня недостаетъ не словъ, у меня недостаетъ наглости и безстыдства, недостаетъ желанія, говорить вамъ то, что вы стали бы слушать охотно. И прежде я не думалъ, чтобъ страшась опасности, мы смѣли сдѣлать что либо низкое, и теперь не раскаиваюсь, что такъ защищался, ибо, по моему мнѣнію, гораздо лучше умереть послѣ такой защиты, чѣмъ жить послѣ вынужденнаго оправданія. Гораздо легче избѣжать смерти, чѣмъ униженія, ибо униженіе бѣжитъ быстрѣе смерти. Я, безсильный старецъ, постигнутъ несчастіемъ, а мои обвинители, люди сильные и пылкіе, сдѣлались жертвою своей злобы. И такъ оставляю васъ, неся на себѣ смертный приговоръ, а обвинителей моихъ истина клеймитъ печатью низости и несправедливости.»

Потомъ изобразилъ онъ свое торжество, представляя сильными чертами, что ждетъ его по смерти. Тамъ ждетъ его или продолжительная ночь, спокойнѣе самой сладкой ночи, какую только проводилъ онъ когда либо на земли, или усладительное соединеніе съ величайшими героями древности. «Одного только, такъ заключилъ онъ рѣчь свою, прошу я у васъ: когда подростутъ мои дѣти, излейте на нихъ свое мщеніе, терзайте ихъ такъ, какъ я мучилъ васъ, если вы увидите, что они начали прежде заботиться о богатствѣ или о чемъ либо другомъ, нежели о добродѣтели. И если они возмечтаютъ о своихъ достоинствахъ, когда не будутъ имѣть ни какихъ, обличите ихъ, какъ я обличалъ васъ, что они не заботятся

о томъ, что имъ всего нужнѣе, воображаютъ, что они значатъ что либо, тогда какъ не стоятъ ничего. Но пора намъ итти, мнѣ — къ смерти, вамъ — къ дальнѣйшей жизни. Чья доля лучше, это скрыто отъ всѣхъ, кромѣ Бога.»

Послѣ сихъ словъ, онъ отведенъ былъ въ тюрьму, и обремененъ цѣпями. Случилось, что наканунѣ приговора отправилась священная процессія, которую Аѳиняне ежегодно посылали на кораблѣ въ Делосъ. До возвращенія сего корабля, запрещено было приводить въ исполненіе смертные приговоры. Сіе обстоятельство доставило ученикамъ Сократа горестно-сладостное удовольствіе, еще тридцать дней наслаждаться бесѣдою своего наставника. Въ теченіе сего времени посѣщали они его въ тюрьмѣ ежедневно, бесѣдовали о прежнихъ предметахъ, и Сократъ нерѣдко старался кроткими шутками разсѣять ихъ печаль. Аполлодоръ менѣе другихъ могъ удерживать свою горесть, и однажды въ отчаяніи воскликнулъ: «Страшно подумать, что ты умираешь невинный!» — «Развѣ тебѣ хотѣлось бы, возразилъ Сократъ улыбаясь, чтобы я умеръ виновнымъ?»

За два дня до смерти, другъ его, Критонъ, съ робостью открылъ ему, что онъ собралъ нѣсколько денегъ, чтобы подкупить стражей, убѣждалъ Сократа бѣжать въ слѣдующую ночь въ Ѳессалію, къ друзьямъ Критона, гдѣ ожидаетъ его жизнь, исполненная почестей, доказывалъ ему, что для себя, дѣтей, друзей своихъ, онъ обязанъ уклониться отъ приговора несправедливыхъ судей. Но Сократъ рѣшительно отрекся отъ предложенія Критона, и доказалъ ему, что ни какая несправедливость не должна побуждать насъ къ неповиновенію законамъ отечества.

Утромъ роковаго дня ученики пришли въ тюрьму ранѣе обыкновеннаго. Съ Сократа цѣпи были уже сняты. У него была жена его, Ксантиппа; на рукахъ ея меньшой сынъ. Наскучивъ рыданіемъ жены, Сократъ велѣлъ увести ее. Послѣдняя бесѣда Сократа съ учениками и друзьями заключалась въ размышленіяхъ о безсмертіи души, самомъ приличномъ предметѣ для того дня. Когда солнце начало склоняться къ закату, вошелъ служитель одиннадцати мужей, имѣвшихъ надзоръ надъ тюрьмами, и объявилъ ему,

что насталъ часъ смерти. — «Ты не будешь проклинать меня, подобно другимъ; я дѣлаю только то, что велятъ мнѣ старшіе. Я убѣдился, что ты лучше всѣхъ, кто ни входилъ сюда. Прощай, и старайся перенести какъ можно легче то, чего избѣжать невозможно.» Со слезами вышелъ онъ изъ тюрьмы. «Какой добрый человѣкъ! сказалъ Сократъ. Какъ ласковъ онъ былъ во все время моего заключенія, когда навѣщалъ меня! Но подите и принесите мнѣ питье, если оно изготовлено.» Друзья просили его подождать еще нѣсколько времени, но онъ счелъ ребячествомъ еще и теперь скупиться жизнью. «Что я долженъ дѣлать?» спросилъ онъ человѣка, принесшаго сокъ цикуты. «Выпить, потомъ ходить, пока ноги не отяжелѣютъ, и затѣмъ лечь.» Съ лицемъ совершенно яснымъ, безъ малѣйшей перемѣны въ чертахъ, и, смотря на окружающихъ обычнымъ своимъ проницательнымъ взоромъ, взялъ онъ чашу. «Позволено ли сдѣлать возліяніе богамъ?» спросилъ онъ еще. Ему сказали, что питья составлено не болѣе того количества, сколько нужно. «Хорошо, возразилъ онъ, такъ мы по крайней мѣрѣ помолимся, чтобы счастливо совершился переходъ къ другой жизни.» При сихъ словахъ, твердо держа чашу, онъ осушилъ ее.

До сихъ поръ, разсказываетъ ученикъ его, Федонъ, въ книгѣ Платона, мы удерживали слезы, но увидѣвъ, что онъ выпилъ ядъ, лишились всей твердости. И у меня невольно ручьемъ покатились слезы. Не объ немъ плакалъ я, а о себѣ, лишаясь такого друга. Но Сократъ уговаривалъ насъ быть спокойными и мужаться, ибо для того онъ выслалъ изъ тюрьмы женщинъ. Мы устыдились, и удержали свои слезы. Между тѣмъ онъ походилъ нѣсколько времени взадъ и впередъ; наконецъ, почувствовавъ утомленіе, легъ на спину, и закрылъ себѣ лицо. Чрезъ нѣсколько времени человѣкъ, принесшій ядъ, пощупалъ его ноги, сильно сжалъ ихъ, и спросилъ его, чувствуетъ ли онъ это. «Нѣтъ,» отвѣчалъ умирающій. Затѣмъ онъ началъ щупать далѣе, и показывалъ предстоящимъ, какъ тѣло постепенно стыло и цѣпенѣло. Когда уже и животъ началъ холодѣть, Сократъ еще разъ открылъ лице, и сказалъ Критону: «Вы должны

пѣтуха Асклепію *). Принесите его въ жертву, не забудьте.» Критонъ спросилъ его, не имѣетъ ли онъ еще чего нибудь сказать, но отвѣта уже не было. Таковъ, прибавляетъ къ этому Федонъ, былъ конецъ нашего друга, самаго добраго, мудраго и справедливаго человѣка въ мірѣ!

Нѣкоторые изъ учениковъ Сократа, стараясь развить философію своего наставника, составили новыя системы, весьма разнившіяся между собою по различію душевныхъ силъ и образа мыслей своихъ основателей. Антисѳенъ принялъ практическою основою философіи строгость жизни Сократа, довольство малымъ, удаленіе отъ излишнихъ потребностей, которое мудрецъ противопоставлялъ пагубной роскоши современниковъ. Но Антисѳенъ преслѣдовалъ это направленіе такъ односторонно, что довелъ его до упрямаго презрѣнія всѣхъ благъ внѣшнихъ и всякаго приличія. Одежду его составлялъ грязный, ветхій плащъ; на спинѣ носилъ онъ нищенскую суму. Отъ гимназіи Киносарга (бѣлая собака), въ которой онъ училъ, прозвали его и учениковъ его циниками (собачниками). Къ числу циниковъ принадлежалъ извѣстный Діогенъ Синопскій. Онъ простеръ еще далѣе правила своего учителя, упрямо стараясь стать выше всѣхъ общепринятыхъ понятій о стыдѣ и пристойности. Онъ просилъ милостыни, когда ничего не имѣлъ, валялся лѣтомъ на горячемъ песку, ходилъ зимою босикомъ по снѣгу, и т. д. Конечно, циники такимъ образомъ удовлетворяли требованію правила мудрости, не давать наслажденіямъ и наклонностямъ чувственнымъ господства надъ нами, но удовлетворяли ему пожертвованіемъ драгоцѣннѣйшихъ благъ жизни человѣческой. Если бъ въ свѣтѣ въ точности приняты были правила цинисма, онъ возвратился бы къ звѣрской грубости; прекраснѣйшія стремленія человѣка, образованность, искусства, даже науки, все погибло бы невозвратно. Самую рѣзкую противоположность съ Циническою Школою представляетъ Школа Киренейская. Основатель ея, Аристиппъ, соединявшій врожденную наклонность къ рос-

*) Въ благодарность за скорое и счастливое перенесеніе болѣзни.

кошной жизни съ величайшею житейскою оборотливостью, училъ, что высшее благо на свѣтѣ заключается въ пріятныхъ ощущеніяхъ. Самъ Аристиппъ, при этомъ ученіи, вовсе не имѣлъ въ виду стремленія къ простому чувственному наслажденію, но у послѣдователей его скоро развилось изъ этого ученія о блаженствѣ совершенное равнодушіе ко всякой нравственности.

Въ сихъ послѣдователяхъ Сократа мы находимъ только неразумѣніе правилъ ихъ учителя и попятный ходъ философіи, но она вдругъ достигла неожиданной высоты и совершенства въ Платонѣ, котораго геній равно великъ, какъ по глубокости мыслей, такъ и по очаровательному изяществу ихъ изложенія.

Платонъ, родившійся въ Аѳинахъ въ 429 г., происходилъ, и по мужеской и по женской линіи, отъ двухъ старинныхъ благородныхъ фамилій. Тѣлесное развитіе шло въ немъ одинаково успѣшно съ развитіемъ умственнымъ: онъ являлся соперникомъ и на Истмійскихъ и Пиѳійскихъ Играхъ. Поэтическое направленіе духа сначала увлекло было его къ опытамъ въ стихотворствѣ, но, сравнивъ свои стихи съ Гомеровыми, онъ бросилъ ихъ въ огонь. Затѣмъ онъ написалъ нѣсколько трагедій, но отказался и отъ этого занятія, когда познакомился съ Сократомъ, и почувствовалъ, гдѣ находится настоящій удѣлъ его ума. Около осьми лѣтъ пользовался онъ бесѣдами мудреца, котораго прославилъ въ своихъ твореніяхъ; по смерти его, предпринялъ путешествіе въ Египетъ, славный своею древностью и мудростью, въ Кирену, въ Нижнюю Италію, куда манила его Пиѳагорейская Философія, наконецъ въ Сицилію. При дворѣ Діонисія Старшаго, Діонъ былъ воспитанникомъ и ревностнымъ другомъ Платона, но вскорѣ подозрительность тирана заставила его оставить Сицилію. Послѣднія откровенныя выраженія его до того раздражили Діонисія, что онъ поручилъ хозяину корабля, или умертвить Платона, или продать его въ рабство. Дѣйствительно онъ проданъ былъ въ невольники, но вскорѣ выкупленъ друзьями, и воротившись въ Аѳины, открылъ тамъ философскую школу въ Академіи, (зданіе съ садомъ подлѣ Аѳинъ). Между тѣмъ

Діонисій Старшій умеръ. Діонъ надѣялся имѣть выгодное вліяніе и на его преемника и на государство; и для Діонисія Младшаго и для государства, по его мнѣнію, ничего не могло быть полезнѣе личнаго присутствія Платона. Въ надеждѣ найти въ Сициліи почву, гдѣ могли осуществиться его философическія идеи о лучшемъ устройствѣ государства, Платонъ рѣшился принять лестное приглашеніе Діона. Первый пріемъ въ Сиракузахъ былъ самый благопріятный; юный государь, казалось, охотно внималъ наставленіямъ философа, но не надолго. Платонъ увидѣлъ, что люди неблагонамѣренные снова пріобрѣли вліяніе надъ Діонисіемъ. Діонъ былъ изгнанъ, и хотя Діонисій все еще оказывалъ истинное или притворное дружелюбіе къ Платону, но мудрецъ догадался, что ему уже нечего дѣлать въ Сициліи, и покинулъ Сиракузы. За нимъ послѣдовали самыя льстивыя письма Діонисія, который опасался злыхъ толковъ Аѳинянъ, и дѣйствительно просьбами и обѣщаніемъ возвратить Діону все его имущество и права, склонилъ Платона къ третьей поѣздкѣ въ Сиракузы. Снова испыталъ Платонъ легкомысленное непостоянство Діонисія; въ третій разъ воротился въ Аѳины, и провелъ остальные годы жизни, занимаясь философіею и обученіемъ въ Академіи *), гдѣ образовалъ много отличныхъ учениковъ. Великій мудрецъ умеръ въ глубокой старости, осьмидесяти двухъ лѣтъ отъ рожденія. Его сочиненія, написанныя въ видѣ разговоровъ, заключаютъ въ себѣ глубочайшія изслѣдованія, изложенныя съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ.

Не менѣе Платона имѣлъ вліяніе на всѣ высшія ученыя изслѣдованія, въ теченіе двухъ тысячелѣтій, ученикъ его, славный Аристотель, хотя и совершенно инымъ образомъ. Родившись въ Стагирѣ, въ Македоніи, (въ 384 г.), онъ на семнадцатомъ году прибылъ въ Аѳины, и въ теченіе два-

*) Когда, въ пятнадцатомъ столѣтіи по Р. Х., снова начало процвѣтать изученіе древней философіи, и Платонъ между новѣйшими мыслителями нашелъ себѣ пламенныхъ почитателей, начали называть академіею собраніе ученыхъ, и съ тѣхъ поръ это слово получило нынѣшнее свое значеніе.

дцати лѣтъ пользовался наставленіями Платона. Потомъ, окончивъ воспитаніе Александра, снова переселился въ Аѳины, и училъ тамъ въ Ликеѣ; отъ прогулокъ по тѣнистымъ аллеямъ Ликея (περιπάτοις) ученики Аристотеля получили названіе перипатетиковъ (прогуливающихся). Опасаясь подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи государственной религіи, онъ наконецъ удалился изъ Аѳинъ, и умеръ въ Халкидѣ, на островѣ Эвбеѣ (въ 322 г.). Онъ обнималъ дивнымъ критическимъ своимъ умомъ всѣ возникшія до него греческія знанія; онъ первый далъ правильное устройство наукамъ, и былъ основателемъ систематической методы. Но, по мѣрѣ того, какъ Аристотель представляетъ намъ науку въ бо́льшемъ объемѣ и въ строжайшей системѣ, она у него теряетъ дивную прелесть изложенія Платонова; мѣсто его заступаетъ сухая краткость. Такъ и здѣсь исчезаетъ чувство изящнаго, прежде проникавшее всюду! такъ и здѣсь находимъ доказательство, что лучшія времена генія греческаго уже протекли невозвратно!

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ВЛАДЫЧЕСТВО МАКЕДОНЯНЪ НА ВОСТОКѢ.

1. Юность Александра Великаго.

Великій Царь сей стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ: въ царствованіи его можно видѣть заключительную точку прошедшаго, и начало новаго періода. Отмстивъ Персамъ за рабство, которымъ грозили они Греціи, положивъ славными побѣдами своими конецъ ихъ владычеству, онъ совершилъ подвигъ, который многіе изъ благороднѣйшихъ Грековъ въ теченіе двухъ столѣтій считали важнѣйшею для своего народа задачею. Но месть, исполненная имъ отъ имени Македоніи и Греціи, ограничивалась только ниспроверженіемъ трона Царей Персидскихъ, и не была гибельна для народовъ, имъ подвластныхъ: напротивъ, онъ старался приготовить симъ народамъ лучшую будущность, пробудить ихъ къ новой жизни. И такъ, по справедливости должно смотрѣть на него, не какъ на обыкновеннаго завоевателя, дѣйствовавшаго просто, для удовлетворенія свирѣпому честолюбію, но какъ на человѣка, чувствовавшаго въ себѣ призваніе и силу вызывать на свѣтъ новыя созданія, когда духъ народовъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Азіи, повидимому, устарѣлъ и имѣлъ нужду въ сильномъ возбужденіи.

Древніе видѣли большую значительность въ обстоятельствѣ, что въ самую ту ночь, когда родился Александръ, великолѣпный храмъ Діаны, въ Эфесѣ, одно изъ чудесъ древняго зодчества, сожженъ былъ безумцемъ Геростратомъ, который, предавая его пламени, имѣлъ только одну цѣль—про

славиться разрушеніемъ знаменитаго зданія. Іоняне запретили произносить имя несчастнаго, но, быть можетъ, именно по поводу этого запрещенія Геростратъ и достигъ безсмертія.

Знаменитому философу Аристотелю, богатому познаніями мыслителю Греціи, поручилъ Филиппъ воспитаніе своего преемника. Блистательныя способности Александра получили самое тщательное образованіе; онъ посвященъ былъ во всѣ тонкости аттическаго просвѣщенія, во всѣ тайны наукъ и искусствъ, и до такой степени сдѣлался Эллиномъ, что однажды въ досадѣ воскликнулъ, что Греки между Македонянами кажутся ему полубогами между звѣрьми. Въ юности чужды ему были наслажденія чувственныя, но все великое и прекрасное восхищало, одушевляло его. На играхъ, говоритъ одинъ древній историкъ, не ристанія, не кулачные бои привлекали его вниманіе, но состязанія поэтовъ и художниковъ. Духъ его питался созданіями эллинскаго генія. Болѣе всѣхъ поэтовъ любилъ онъ Гомера, который былъ первымъ источникомъ всего эллинскаго образованія. Онъ зналъ наизустъ почти всѣ его творенія, и рукопись пѣсней Гомеровыхъ всегда лежала у него подъ изголовьемъ.

Высокое чувство царственнаго достоинства, ненасытимая жажда славныхъ подвиговъ обнаружились въ Александрѣ уже во младенчествѣ. Однажды спросили, не хочетъ ли онъ показать проворство свое въ бѣгѣ на Играхъ Олимпійскихъ. Онъ отвѣчалъ: «готовъ, если цари будутъ моими состязателями!» Когда прибыли послы отъ Царя Персидскаго, отрокъ Александръ распрашивалъ ихъ о государственныхъ и воинскихъ учрежденіяхъ въ Персіи, и изумленные Персы предвидѣли, что онъ качествами ума превзойдетъ своего отца. Каждый разъ, когда приходило извѣстіе о новой побѣдѣ Филиппа, Александръ горестно восклицалъ: «отецъ мой не оставитъ мнѣ ни какого дѣла!»

Однажды привели къ Филиппу дикаго ѳессалійскаго коня, названнаго Букефаломъ; за него просили неслыханную цѣну, тринадцать талантовъ. Искуснѣйшіе всадники пытались выказать надъ нимъ свое искусство, но ни одинъ не могъ сѣсть на Букефала, и Филиппъ велѣлъ отвести его, какъ

лошадь, негодную для употребленія. «Ты лишаешься славнаго коня, воскликнулъ Александръ, потому только, что не умѣешь съ нимъ обращаться.» Филиппъ дозволилъ ему попытаться сѣсть на лошадь. Александръ взялъ поводья, оборотилъ Букефала къ солнцу, замѣтивъ, что онъ боится своей тѣни, долго гладилъ его рукою, потомъ незамѣтно набросилъ на коня свою епанчу, и вдругъ вскочилъ на него. Съ быстротою молніи понесся Букефалъ съ Александромъ, и Филиппъ трепеталъ за жизнь своего сына. Но Александръ возвратился, и Букефалъ былъ уже послушенъ волѣ своего господина. Всѣ дивились, а Филиппъ, обнявъ сына своего съ радостными слезами, сказалъ: «Сынъ мой! ищи себѣ другаго царства; Македонія для тебя тѣсна!»

Но доброе согласіе между отцомъ и сыномъ было непродолжительно. Филиппъ разлюбилъ мать Александра, жестокую и властолюбивую Олимпіаду, и въ концѣ жизни взялъ за себя молодую супругу, Клеопатру. На брачномъ пиршествѣ сказано было нѣсколько жесткихъ словъ. Филиппъ обнажилъ мечъ на Александра; мать и сынъ искали безопасности за предѣлами Македоніи. Вскорѣ послѣ того прибылъ въ Македонію одинъ Коринѳянинъ, старый другъ Филиппа. «Спокойно ли въ Греціи?» спрашивалъ его Филиппъ. «О Царь! отвѣтствовалъ откровенный иноземецъ: зачѣмъ спрашиваешь ты меня о спокойствіи Греціи, когда самъ наполнилъ раздоромъ собственный домъ свой?» Отвѣтъ сей тронулъ Царя; онъ послалъ Коринѳянина къ сыну своему, чтобы склонить его къ примиренію, и Александръ возвратился. Но Олимпіада не являлась; напротивъ, она безпрерывно распаляла вражду, и даже старалась побудить своего брата, Царя Эпирскаго, къ войнѣ съ Филиппомъ. По этой причинѣ думали, что она принимала участіе въ злодѣяніи Павзанія.

Смерть Филиппа доставила престолъ Македоніи Александру, на двадцать первомъ году его возраста (336). Первымъ дѣломъ юнаго Царя было строгое наказаніе цареубійцъ. Но утвержденіе за собою престола стоило Александру почти такого же труда, какого стоило оно нѣкогда Филиппу. Въ сынѣ Клеопатры, поддерживаемомъ сильною партіею, онъ имѣлъ опаснаго соперника, котораго

надлежало устранить. Сѣверные варвары возстали, въ надеждѣ возвратить свою независимость. Греки исполнены были радостныхъ ожиданій. Аѳины вооружались. Ѳивы не хотѣли признавать македонской гегемоніи. Но когда Александръ съ изумительною быстротою прошелъ черезъ Ѳессалію, и явился въ срединѣ Греціи, всѣ надежды и намѣренія Грековъ рушились. Царь Македонскій прибылъ въ Коринѳъ; тамъ, въ собраніи представителей греческихъ государствъ, хотѣлъ онъ принять достоинство, которое предложено было отцу его. Вся Греція признала его въ семъ достоинствѣ; не признавала одна Спарта. Въ Коринѳѣ вокругъ Александра толпились мужи государственные и философы. Но, вопреки ожиданію Александра, Діогенъ, жившій въ то время близъ Коринѳа, не приходилъ въ городъ. Юный Царь самъ рѣшился посѣтить цинika, обитавшаго въ рощѣ передъ городомъ. Діогенъ лежалъ на солнцѣ, и едва приподнялся, чтобы посмотрѣть ближе на Царя. Александръ привѣтствовалъ его дружески, и между прочимъ спросилъ, не можетъ ли оказать ему какой нибудь милости. «Можешь, возразилъ Діогенъ, посторонись немного отъ солнца.» Спутники Царя негодовали на такое презрѣніе милостей царскихъ, но Александръ сказалъ: «Если бъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ.» Діогенъ считалъ высшею цѣлію всѣхъ усилій человѣческихъ всевозможное освобожденіе отъ нуждъ житейскихъ, а къ полной внѣшней независимости ведетъ либо жизнь, подобная Діогеновой, либо власть неограниченнаго самодержца.

Не приступая еще къ исполненію рѣшеннаго въ Коринѳѣ великаго предпріятія, Александръ долженъ былъ силою оружія привесть къ повиновенію сѣверныхъ варваровъ: Иллирійцевъ, Трибалловъ, Ѳракіянъ и другихъ. Онъ прошелъ побѣдоносно по странамъ ихъ, но въ Греціи распространился слухъ о его смерти. Немедленно обнаружилось новое волненіе. Ѳивяне напали на македонскій гарнизонъ, и приглашали всѣ прочія греческія республики къ возстановленію свободы. Пелопоннезъ, особенно Аркадія и Элида, также Этолія, возстали на помощь Ѳивянамъ; можно

полагать, что Демосѳенъ не переставалъ возбуждать умы противъ Македоніи; враги ея могли надѣяться и на помощь со стороны Персіи.

Но подобныя предпріятія, обыкновенно раздѣляющія народъ на двѣ противоположныя партіи, рѣдко приводятся въ исполненіе съ необходимымъ единодушіемъ и быстротою. Александръ стоялъ уже подъ стѣнами Ѳивъ, а Ѳивы еще не были готовы встрѣтить его, и могли противопоставить ему одни только свои войска. Не смотря на то, Ѳиване не хотѣли добровольно послѣдовать приглашенію Царя заключить миръ, и вступили въ отчаянную борьбу. Они бились съ мужествомъ необыкновеннымъ, но принуждены были уступить храбрости и превосходству силъ Александра. Тогда почувствовали они всю силу его гнѣва: рѣшеніе участи ихъ предоставилъ онъ злѣйшимъ врагамъ ихъ, городамъ віотійскимъ и Фокіянамъ. Претерпѣвъ отъ Ѳивъ много зла, и руководимые чувствомъ мести, произнесли они страшный приговоръ: городъ былъ совершенно разрушенъ; оставлены только храмы и домъ Пиндара; всѣ жители проданы были въ рабство, за исключеніемъ потомковъ великаго поэта и гражданъ, державшихся стороны македонской.

Такая жестокая кара не только уничтожила средоточіе будущихъ безпокойствъ, но и послужила ужасающимъ примѣромъ всѣмъ Эллинамъ. Тѣмъ легче было теперь Александру оказать всю свою кротость относительно другихъ республикъ. Особенно аѳинскіе послы, въ числѣ коихъ находились Фокіонъ и Демадъ, легко исходатайствовали прощеніе своему городу, не смотря на то, что Аѳиняне прежде того обнаружили непріязненныя намѣренія, принявъ къ себѣ многихъ бѣглецовъ ѳивскихъ. Александръ согласился даже оставить въ покоѣ многихъ ораторовъ и полководцевъ, Харита, Демосѳена и др., коихъ выдачи требовалъ сначала. Одного только исключилъ онъ: это былъ Харидемъ, который, опасаясь возмездія, бѣжалъ въ Персію *).

*) Вскорѣ послѣ того Демосѳенъ обвиненъ былъ Эсхиномъ

Такимъ соединеніемъ строгости съ кротостью Александръ надѣялся лучше всего снискать расположеніе Грековъ, которое было теперь для него необходимо, потому что онъ ревностно готовился къ исполненію великаго своего предпріятія, похода въ Персію. Желая еще болѣе обезпечить себя на счетъ спокойствія Греціи во время отсутствія своего, онъ увелъ съ собою лучшихъ воиновъ изъ греческихъ городовъ (въ которыхъ притомъ оставалась преданная ему партія), и оставилъ въ Македоніи съ войскомъ полководца своего Антипатра.

Передъ выступленіемъ въ походъ, Александръ хотѣлъ знать мнѣніе Дельфійскаго Оракула объ успѣхѣ предпріятія. Пиѳія упорно отказывалась дать отвѣтъ, потому что въ этотъ день законъ воспрещалъ ей прорицать. Александръ схватилъ ее, и силою повлекъ во святилище. «Ты непобѣдимъ, сынъ мой!» воскликнула жрица, и Александръ съ восторгомъ увѣрилъ спутниковъ, что ему не нужно другаго прорицанія.

Войско, съ которымъ Александръ смѣло выступилъ въ походъ, состояло только изъ тридцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и пяти тысячъ съ небольшимъ конницы. Съ такими незначительными силами собирался онъ разрушить великую монархію, основанную Киромъ. При переходѣ въ Азію онъ не упустилъ ничего для обезпеченія себя въ счастливомъ успѣхѣ. На плаваніи чрезъ Геллеспонтъ, сдѣлалъ съ корабля своего возліяніе богамъ, какъ нѣкогда Ксерксъ; первый ступилъ на азіятскій берегъ, умилостивилъ тѣнь Пріама, принесъ передъ Иліономъ жертвы всѣмъ эллинскимъ героямъ, образцамъ своимъ, и положилъ вѣнокъ на могилу Ахиллеса, которому завидовалъ въ томъ, что «въ жизни нашелъ онъ себѣ друга (Патрокла), а по смерти достойнаго пѣвца своихъ подвиговъ (Гомера).» Друга имѣлъ Александръ въ Эфестіонѣ, который также долженъ былъ

хотя поводомъ къ обвиненію было частное обстоятельство, но Эсхинъ выставилъ въ своемъ доносѣ и всю политическую жизнь Демосѳена. Въ знаменитой рѣчи, Демосѳенъ торжественно оправдалъ себя, и Эсхинъ принужденъ былъ удалиться изъ Аѳинъ.

увѣнчать могилу Патрокла, а для увѣковѣченія своихъ подвиговъ, взялъ онъ съ собою въ походъ ораторовъ, философовъ и художниковъ всякаго рода, и даже самъ думалъ быть историкомъ своихъ подвиговъ въ походѣ персидскомъ.

2. Александръ въ Малой Азіи.

(334 — 333 г. до Р. Х.).

По смерти Артаксеркса Мнемона (въ 362 году), престоломъ персидскимъ овладѣлъ сынъ его, Охъ, или Артаксерксъ III. Для утвержденія за собою власти, онъ истребилъ большую часть царскаго семейства, но былъ самъ отравленъ евнухомъ Багоемъ, который дотолѣ вполнѣ управлялъ имъ (338).

Затѣмъ Багой умертвилъ всѣхъ сыновей царскихъ, пощадивъ только младшаго, Арзеса, котораго и возвелъ на престолъ; вскорѣ умертвилъ онъ и Арзеса, и провозгласилъ царемъ одного отдаленнаго родственника царскаго дома, Дарія Кодомана. Бѣдственная судьба Дарія Кодомана дала ему право на снисходительный судъ потомства, но, кажется, онъ немного превосходилъ своихъ предшественниковъ; во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ духа воинственнаго, съ которымъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы затруднить побѣдоносное шествіе Александра.

Со времени Анталкидова Мира, Персія обезпечена была со стороны Греціи раздорами и несогласіемъ сей страны. Правительство Персидское надѣялось на взаимную зависть греческихъ республикъ и на происки и подкупы, которыми оно умѣло распалять сію зависть еще болѣе. Только противъ возрастающей силы Филиппа начаты были вооруженія, но въ надеждѣ на успѣхъ возстаній, обнаружившихся въ Греціи противъ молодаго Александра, въ которыхъ принимала участіе и Персія, вооруженія сіи снова были оставлены; быстрые успѣхи царственнаго юноши и его явные замыслы противъ Азіи обратили на себя полное вниманіе Персидскаго Правительства, и побудили его принять сильныя мѣры къ оборонѣ.

Многочисленное войско, собранное сатрапами Малой Азіи, и подкрѣпленное отрядомъ наемныхъ Грековъ, которыми начальствовалъ знаменитый полководецъ изъ Родоса, Мемнонъ, ожидало Александра на берегахъ Граника; оно должно было остановить дальнѣйшее движеніе его въ Переднюю Азію.

Мемнонъ совѣтовалъ не вступать въ битву, но разъѣздами конницы истреблять всѣ съѣстные припасы; недостатокъ продовольствія вскорѣ принудилъ бы Александра оставить Азію. Но, къ несчастію для Персіи, начальство надъ войскомъ ввѣрено было не одному лицу, а общему совѣту всѣхъ сатраповъ: они отвергли планъ Мемнона, завидуя и недовѣряя Греку, и полагаясь на громаду войскъ своихъ, которая не страшила Александра. Парменіонъ не совѣтовалъ ему переходить Граникъ въ виду непріятеля, но Александръ отвѣчалъ: «Геллеспонту было бы стыдно, если бъ мы испугались этой рѣчки.»

Дѣйствительно отважный юноша бросился съ своими Македонянами въ рѣку, и счастливо переплылъ ее. Началась битва. Александръ расположилъ свое войско съ большимъ искусствомъ, но самъ отъ излишней храбрости едва не погибъ въ сраженіи. Два персидскіе вождя напали на него, потому что высокія перья на шлемѣ отличали его отъ прочихъ Грековъ. Онъ защищался мужественно, но одинъ Персъ нанесъ ему ударъ въ голову, которымъ пробилъ шлемъ, и когда Александръ обратился на него, другой Персъ поднялъ руку, чтобы нанесть ему ударъ смертельный. Въ эту минуту подоспѣлъ Клитъ, храбрый Македонянинъ, и сильнымъ ударомъ сзади отбилъ у Перса и руку и мечъ; Александръ между тѣмъ поразилъ другаго. Битва кончилась совершенно въ пользу Македонянъ. Персы бѣжали со всѣхъ мѣстъ, и подоспѣвшая фаланга довершила побѣду, особенно надъ храбрымъ отрядомъ наемныхъ Грековъ.

Плѣнные Греки, въ наказаніе за то, что сражались противъ своихъ соплеменниковъ въ пользу варваровъ, отправлены были Александромъ въ цѣпяхъ въ Македонію. Въ память двадцати пяти Македонянъ, павшихъ при первомъ

натискѣ на враговъ, повелѣлъ онъ Лисиппу *) воздвигнуть мѣдныя конныя статуи, а родственникамъ прочихъ убитыхъ даровалъ свободу отъ всѣхъ податей. Въ Аѳины послалъ онъ триста непріятельскихъ щитовъ; тамъ они были повѣшены съ слѣдующею надписью: «Александръ, сынъ Филиппа, и Греки, исключая Лакедемонянъ, отняли сіе оружіе у варваровъ Азіи.» Надпись сія была столь же постыдною для Спарты, сколько подарокъ драгоцѣненъ для Аѳинъ.

Такимъ образомъ возбуждалъ Александръ въ Грекахъ мужество и соревнованіе, между тѣмъ какъ побѣды его распространяли въ рядахъ враговъ страхъ и ужасъ. Даскилій, главный городъ Фригійской Сатрапіи, отворилъ ворота Парменіону, а Лидійскій Сардесъ самому Александру. Большая часть греческо-азіятскихъ городовъ принимали своихъ соплеменниковъ съ радостью. Чтобы обезпечиться въ вѣрности ихъ, Александръ учреждалъ во всѣхъ сдававшихся ему городахъ народное правленіе, потому что аристократическая партія большею частію предана была Персамъ. По этому важный городъ Милетъ мужественно защищался при помощи гарнизона, состоявшаго изъ наемныхъ Грековъ и Персовъ, и взятъ былъ Александромъ послѣ упорной осады. Такъ же храбро оборонялся и Галикарнасъ, въ которомъ начальствовалъ Мемнонъ, послѣ битвы при Граникѣ назначенный сатрапомъ Передней Азіи и главнымъ начальникомъ всѣхъ морскихъ силъ Персіи. Мемнонъ, принужденный сдать и оставить Галликарнасъ, обратился въ тылъ Александра, къ островамъ. Планъ его былъ соображенъ превосходно: начальствуя многочисленнымъ флотомъ, Мемнонъ могъ пресѣчь Македонянамъ всякое сообщеніе съ Европою, и имѣлъ право вполнѣ надѣяться, что побудитъ къ новому возстанію безпокойную, склонную къ

*) Александръ такъ высоко цѣнилъ сего знаменитаго художника, что только одному ему хотѣлъ предоставить честь выливать свой образъ изъ мѣди. Равнымъ образомъ только одинъ Апеллесъ могъ писать портреты Царя, а Пирготель вырѣзывать на камнѣ. Въ то время особенно уважаемо было искусство рѣзьбы на камняхъ.

мятежамъ Грецію. Уже онъ овладѣлъ Хіосомъ, уже осадилъ Митилену; вдругъ, къ величайшему счастію Александра, смерть пресѣкла жизнь его. Онъ былъ самымъ достойнымъ и искуснымъ соперникомъ Александра; изъ персидскихъ вождей никто не могъ замѣнить его.

Между тѣмъ Александръ спѣшилъ прежде всего овладѣть южною береговою полосою Малой Азіи, чтобы сдѣлать ее неприступною для персидскаго флота. По этому онъ отъ Галикарнасса шелъ все далѣе вдоль берега, до Аспенда, на границахъ Дикой Киликіи. Затѣмъ двинулся онъ, черезъ землю воинственныхъ и свободныхъ Писидіянъ, съ которыми принужденъ былъ вступать въ жестокія битвы, во Фригію, куда прибылъ и Парменіонъ изъ Сардеса съ остальными войсками, и ожидалъ его въ Гордіумѣ. Здѣсь, во дворцѣ одного изъ прежнихъ царей фригійскихъ, хранилась колесница, къ которой ярмо прикрѣплено было мочаломъ, сплетеннымъ такъ замысловато, что, казалось, невозможно было его распутать. Древнее преданіе гласило, что тотъ, кто развяжетъ этотъ узелъ, будетъ властителемъ всей Азіи. Александръ, не пропускавшій ни какого случая для возбужденія мнѣнія, что боги предназначили ему властвовать надъ Персидскою Монархіею, обнажилъ мечъ и разсѣкъ узелъ. Вскорѣ послѣ того покорилась ему Пафлагонія, и такимъ образомъ вся Малая Азія до рѣки Галиса находилась уже въ его власти. Затѣмъ, съ соединенною громадою силъ своихъ, двинулся онъ къ Киликіи. Счастливо прошелъ онъ страшныя горныя тѣснины, отдѣляющія Киликію отъ Каппадокіи, и быстротою движенія спасъ Тарсъ, главный городъ Киликіи: персидскій полководецъ, передъ выступленіемъ своимъ изъ города, хотѣлъ было его разрушить.

Но отъ трудностей столь быстраго похода или же, по сказанію другихъ, отъ неосторожнаго купанья въ холодной рѣкѣ Киднѣ, протекающей черезъ Тарсъ, Александръ впалъ въ опасную болѣзнь. Положеніе его было отчаянное; врачи не надѣялись на свое искусство, и не дерзали предписать какое либо лекарство; только одинъ изъ нихъ, Филиппъ, рѣшился въ крайности испытать опасное, но рѣшительное

средство. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Александръ обѣщаннаго лекарства. Вдругъ прибѣгаетъ къ нему гонецъ изъ лагеря, и приноситъ отъ Парменіона письмо слѣдующаго содержанія: «Не довѣряй врачу Филиппу. Дарій подкупилъ его большими суммами, и обѣщалъ ему въ супружество родную дочь свою.» Александръ тѣмъ болѣе могъ сомнѣваться, что незадолго до того одинъ изъ тѣлохранителей царскихъ *) уличенъ былъ въ предательскихъ замыслахъ и въ сношеніяхъ съ Даріемъ. Но недовѣрчивость чужда была Александру, и онъ безмолвно положилъ письмо подъ изголовье. Врачъ вошелъ и поднесъ Александру чашу, а Александръ отдалъ ему письмо Парменіона, и въ то время, какъ Филиппъ читалъ его, выпилъ принесенное имъ питье. Невинность врача подтвердилась быстрымъ выздоровленіемъ Александра. Вскорѣ явился онъ къ обрадованнымъ воинамъ, и повелъ ихъ чрезъ Сирійскія Ворота (тѣсную дорогу между горою и моремъ) въ Сирію.

Между тѣмъ самъ Дарій приближался къ Александру. Войско его числомъ въ нѣсколько кратъ превосходило армію македонскую; въ немъ было до 600,000 ратниковъ. Главную силу сего войска составляли тридцать тысячъ тяжеловооруженныхъ наемныхъ Грековъ, которые должны были противостать фалангѣ Александровой, и многочисленная, хорошо обученная конница. Надежда на такую громаду ратниковъ внушала Дарію горделивыя ожиданія. Но онъ самъ лишилъ себя большей части своихъ выгодъ, покинувъ ровныя мѣста, и стѣснивъ себя въ странѣ гористой. Именно въ то время, какъ Александръ вступилъ чрезъ Сирійскія Ворота въ Сирію, Дарій пошелъ чрезъ Ворота Аманійскія, лежащія къ сѣверовостоку отъ первыхъ, въ Киликію.

Александръ не мало изумился, услышавъ, что Дарій

*) Одинъ изъ двухъ братьевъ, принимавшихъ большое участіе въ убіеніи Царя Филиппа. При дворѣ Персидскаго Царя было много Македонянъ и Грековъ, посредствомъ коихъ Персидское Правительство могло вступать въ сношенія съ особами, окружавшими Александра.

зашелъ ему въ тылъ. Вознамѣрившись немедленно отыскать его, онъ повелъ войско назадъ, ночью, чрезъ Сирійскія Ворота, навстрѣчу Персамъ въ равнину Исскую. Располагая движеніями своей храброй, но малочисленной арміи, онъ пользовался каждою выгодою, какую представляло ему тѣсное пространство, а Дарій могъ развить здѣсь только самую малую часть своихъ силъ. Въ рѣчи, сказанной Александромъ своимъ воинамъ, для одушевленія ихъ на опасную битву, онъ выставилъ преимущество Грековъ, сражающихся за свою славу передъ греческими наемниками, служащими въ рядахъ Персовъ; указалъ на превосходство своихъ бодрыхъ Ѳракіянъ, Иллирійцевъ и др. передъ изнѣженными Азіятцами; напомнилъ каждому ратнику, отличившемуся чѣмъ либо прежде, его подвиги, упомянулъ о десяти тысячахъ Грековъ, по слѣдамъ коихъ они шли теперь. Персидская позиція была защищена рѣкою Пинаромъ. Аттаку началъ Александръ: въ головѣ праваго крыла своего перешелъ онъ рѣку, бросился на лѣвое крыло персидской арміи, и обратилъ его въ бѣгство; самъ Дарій едва успѣлъ спастись. Между тѣмъ, въ центрѣ греческіе наемники счастливо и мужественно бились съ македонскою фалангою, а на лѣвомъ крылѣ персидская конница съ греческою. Усилія ихъ были напрасны. Лишь только разнеслась вѣсть, что Дарій бѣжалъ, войско послѣдовало его примѣру, и обратилось въ самое безпорядочное бѣгство. Македоняне овладѣли царскимъ шатромъ, въ которомъ нашли мать, супругу и дочь Дарія. Большую часть сокровищъ и драгоцѣнностей Дарій, еще прежде сраженія, отправилъ въ Дамаскъ, но всѣ они съ огромнымъ обозомъ женщинъ, придворныхъ служителей, съ двумя ѳивскими, однимъ спартанскимъ и однимъ аѳинскимъ послами, прибывшими къ Дарію, попались въ руки Парменіона, преслѣдовавшаго Персовъ *). На полѣ битвы найдено было нѣсколько тысячъ талантовъ. Александръ роздалъ ихъ своимъ храбрымъ воинамъ, и пекся о нихъ съ

*) Одинъ драгоцѣнный ящикъ, найденый въ числѣ добычи, назначилъ Александръ для храненія рукописи Иліады, которую онъ возилъ съ собою.

самою нѣжною заботливостью. Не смотря на то, что самъ онъ раненъ былъ въ бедру, утромъ на слѣдующій день посѣтилъ онъ всѣхъ раненыхъ, велѣлъ торжественно предать погребенію убитыхъ, самъ присутствовалъ при семъ погребеніи во главѣ побѣдоносной арміи, и поименно отличилъ всѣхъ, кто, какимъ бы то ни было образомъ, доказалъ свое мужество и искусство.

Сія побѣда сокрушила силу Персидской Монархіи. Исчезли уваженіе къ ней, и мысль о страшномъ ея могуществѣ. Дарій, бѣжавшій за Эвфратъ, видѣлъ это ясно, и желая въ то же время освободить свое семейство, писалъ къ Александру, жаловался на несправедливое нападеніе, и предлагалъ ему дружбу. Но Александръ, еще полный горделиваго чувства одержанной имъ знаменитой побѣды, отвѣчалъ ему, что, въ званіи вождя всѣхъ Грековъ, онъ пришелъ для отмщенія за тѣ бѣдствія, которыя нѣкогда Персы нанесли Греціи, и, какъ сынъ Филиппа, долженъ отмстить за оскорбленія, нанесенныя ему Царемъ Артаксерксомъ, поддерживавшимъ враговъ отца его; что Дарій долженъ съ сихъ поръ относиться къ нему, какъ къ царю Азіи и своему повелителю, и обязанъ самъ къ нему явиться, чтобы получить обратно свое семейство.

Дарій однако же не думалъ, что находится въ такой крайности. Чрезъ нѣсколько времени онъ еще разъ писалъ къ Александру, обѣщалъ ему большой выкупъ за свое семейство, и предлагалъ ему миръ, уступая Азію до Эвфрата. «Я принялъ бы эти условія, сказалъ старецъ Парменіонъ, если бъ былъ Александромъ» — «И я принялъ бы ихъ, возразилъ Александръ, если бъ былъ Парменіономъ,» т. е. такимъ человѣкомъ, хотѣлъ онъ сказать, который, чувствуя въ себѣ призваніе и силу преобразовать свѣтъ по своимъ предначертаніямъ, останавливается на половинѣ пути отъ излишней осторожности, и желая спокойнаго наслажденія. Дарій получилъ отвѣтъ въ смыслѣ прежняго, и семейство его оставалось въ плѣну у Македонянъ. Александръ обходился въ отношеніи къ нему со всевозможною кротостью и почтительностью. Когда кончилась Битва Исская, женщины впали въ отчаяніе, полагая, что Дарій убитъ. Узнавъ объ

этомъ, Александръ немедленно послалъ успокоить ихъ извѣстіемъ, что Дарій еще живъ. На другое утро, какъ разсказываютъ нѣкоторые историки, онъ самъ посѣтилъ ихъ, въ сопровожденіи любимца своего, Эфестіона. Когда вступили они въ палатку, Царица, не зная, кто изъ нихъ Александръ, обратилась къ Эфестіону, который былъ красивѣе собою. Когда же Эфестіонъ почтительно отступилъ передъ нею, Александръ сказалъ испуганной Царицѣ: «Здѣсь нѣтъ ни какой ошибки; онъ также Александръ.» Во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ женщины персидскія содержимы были не какъ плѣнницы, и юный Царь въ обращеніи съ ними служилъ для всего войска прекраснѣйшимъ примѣромъ почтительности и скромности.

Столь же снисходительно обошелся онъ и съ плѣнными греческими посланниками: Ѳивянъ отпустилъ немедленно; ихъ извиняла судьба ихъ отечества, которая дѣлала ихъ безвредными; аѳинскаго посла, сына знаменитаго Ификрата, онъ пощадилъ изъ уваженія къ славѣ родныхъ и отца его, но не отпускалъ отъ себя, оказывая ему впрочемъ большія почести; онъ держалъ его при себѣ до самой его смерти; тогда тѣло его отослано было въ Аѳины. Только съ спартанскимъ посломъ поступилъ онъ какъ съ дѣйствительнымъ плѣнникомъ, потому что Царь Спартанскій Агисъ возбуждалъ весь Пелопоннезъ къ возстанію, и даже не былъ образумленъ вѣстію о битвѣ при Иссѣ. Но и этотъ посолъ былъ въ послѣдствіи отпущенъ, когда Александру уже нечего было бояться, и путь его постоянно ознаменовывался успѣхами и побѣдами.

3. Александръ въ Финикіи и Египтѣ.

(333 — 331 г. до Р. Х.).

Всѣ современники Александра соглашаются въ томъ, что никто не умѣлъ, подобно ему, въ случаяхъ сомнительныхъ избирать вѣрнѣйшій путь, и что онъ обладалъ какою-то особенною силою предчувствія. Это доказалъ онъ и послѣ битвы при Иссѣ. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Дарія, и воспрепятствовать ему собрать новое войско, онъ

счелъ необходимымъ напередъ овладѣть всѣмъ прибрежьемъ Средиземнаго Моря, и особенно островомъ Кипромъ, частію для того, чтобы открыть себѣ ближайшій путь для пополненія своей арміи, частію же для уничтоженія морскихъ силъ Персіи, на которыя все еще имѣли надежду Греки и безпокойные Ѳракіяне. Въ успѣхѣ обнадеживали его отчасти то сильное впечатлѣніе, которое должна была произвести побѣда при Иссѣ, отчасти же ненависть къ Персамъ Финикіянъ, которые никогда добровольно имъ не повиновались, и недавно еще, въ царствованіе Артаксеркса Оха, въ 356 году, вели съ ними упорную, хотя неудачную войну, причемъ Сидонъ претерпѣлъ страшное разрушеніе.

Небольшія прибрежныя государства, заботившіяся болѣе о своей торговлѣ и богатствахъ, нежели о поддержаніи дѣла Персовъ, покорялись Александру, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался далѣе по берегамъ Финикіи. Сидонъ также покорился ему. Только важнѣйшій финикійскій городъ, Тиръ, отказалъ Александру, который требовалъ впуска въ городъ подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ принести жертву тирскому Геркулесу. Не по приверженности къ Персамъ, а только для охраненія своей независимости, приготовились Тиряне къ самой упорной оборонѣ. Обитатели стараго города на твердой землѣ перешли на островъ, въ Новый Тиръ; женщины и дѣти отправлены были въ Карѳагенъ. Съ величайшимъ трудомъ Александръ построилъ огромную плотину, которая соединила островъ съ твердою землею, и дала Македонянамъ возможность дѣйствовать осадными орудіями; не смотря на то, Тиръ семь мѣсяцевъ отбивалъ всѣ нападенія Александра, всѣ усилія осаднаго искусства; наконецъ прибылъ флотъ на помощь къ Македонянамъ. Всѣ финикійскіе князья, коихъ города находились во власти Македонянъ и сверхъ того Кипріоты покинули флотъ персидскій, и привели свои корабли къ Александру. Македоняне получили оттого рѣшительный перевѣсъ, и Тиръ былъ взятъ приступомъ. Упорство семимѣсячной обороны увеличило ярость воиновъ македонскихъ, и взятіе города ознаменовано было жестокимъ кровопролитіемъ; восемь тысячъ Тирянъ погибли; тридцать тысячъ проданы были въ рабство.

Затѣмъ Александръ двинулся далѣе, къ Египту. На пути, городъ Газа задержалъ его еще два мѣсяца. Эвнухъ Батисъ, съ наемными Арабами, упорно защищалъ городъ, и Александръ овладѣлъ имъ уже при четвертомъ приступѣ. Изъ добычи, полученной въ Газѣ, Александръ послалъ престарѣлому воспитателю своему, Леониду, пятьсотъ талантовъ *) ладану и сто талантовъ мирры, «чтобы онъ не скупился на жертву богамъ, какъ прежде,» какъ писалъ онъ къ нему въ письмѣ. Этимъ Александръ намѣкалъ на слова, сказанныя ему старцемъ Леонидомъ въ дѣтствѣ его, что когда онъ будетъ властителемъ родины пряныхъ зелій, тогда станетъ приносить такія богатыя жертвы богамъ, какія ему хотѣлось бы принести теперь.

По взятіи Газы, завоеваніе Египта не было затруднительно. Персидскій сатрапъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія; онъ страшился ненависти Египтянъ къ Персамъ, которая никогда не погасала, и, какъ мы видѣли выше, часто проявлялась возмущеніями. Силу, которую придавали Александру эта ненависть и боязливое мнѣніе Египтянъ о храбрости Грековъ, умѣлъ онъ возвысить еще болѣе благоразумнымъ поведеніемъ. Немедленно поспѣшилъ онъ въ Мемфисъ, столицу Египта, принесть жертвы всѣмъ богамъ, равно и египетскому Апису: персидскіе цари, напротивъ, оказывали презрѣніе и ненависть къ жрецамъ и религіи египетской. Александръ съ величайшею пышностью совершилъ въ семъ городѣ праздничныя игры, пригласивъ на сіе торжество знаменитѣйшихъ артистовъ греческихъ **). Гражданское управленіе ввѣрено было туземцамъ; всѣ учрежденія египетскія оставлены неизмѣнными; начальство надъ расположенными въ Египтѣ войсками раздѣлено было между многими лицами, потому что богатство, плодородіе

*) Большой аттическій талантъ заключалъ въ себѣ около шестидесяти фунтовъ.

**) Быть можетъ, именно въ это время, актеръ Аѳенодоръ, приговоренъ былъ Аѳинянами, къ денежной пенѣ за то, что не былъ при Діонисіевыхъ Празднествахъ. Александръ не хотѣлъ вступиться за него, какъ просилъ Аѳенодоръ, но заплатилъ пеню.

и отдѣльное положеніе сей страны легко могли побудить какого либо смѣльчака къ возстанію и къ покушенію основать здѣсь самостоятельное государство.

Изъ Египта предпринималъ онъ чрезвычайно затруднительное путешествіе къ знаменитому капищу и оракулу Юпитера Аммона, въ Степи Ливійской. Жрецы, какъ разсказываютъ нѣкоторые историки, привѣтствовали его тамъ, какъ сына Юпитерова; по этому Александра упрекали, будто онъ отправился къ оракулу изъ одного тщеславія, и съ горделивымъ желаніемъ, чтобы его провозгласили тамъ полубогомъ. Но Арріанъ, самый точный и самый правдивый изъ историковъ, описывавшихъ жизнь Александра, пишетъ объ этомъ событіи очень коротко: онъ говоритъ только, что Царь вопрошалъ оракула, и что, по собственнымъ словамъ его, отвѣтъ былъ ему пріятенъ. И въ письмѣ къ матери своей, Олимпіадѣ, которое приводитъ Плутархъ, Александръ говоритъ только, что получилъ отъ оракула нѣкоторыя тайныя предсказанія, которыя сообщитъ ей одной, по возвращеніи своемъ. Но Александръ не старался опровергать слухъ о томъ, что оракулъ назвалъ его сыномъ Юпитера, и цѣль этого понять нетрудно: посредствомъ такого обоготворенія, которое въ системѣ греческой религіи не было случаемъ необыкновеннымъ; онъ, вѣроятно, хотѣлъ прослыть въ умахъ Азіятцевъ государемъ, которому высшія силы предназначили быть ихъ властителемъ. Личная гордость и тщеславіе, безъ сомнѣнія, были не главною причиною такого поведенія; разсказываютъ даже, что однажды Александръ, раненый, сказалъ тѣмъ, которые льстили ему, называя его богомъ: «по крайней мѣрѣ, друзья мои, это кровь а не

Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ *)».

Въ Египтѣ основалъ онъ новый городъ, который назвалъ, по своему имени, знаменитую въ послѣдствіи Александрію. Позднѣйшимъ необыкновенно цвѣтущимъ состоя-

*) Иліада, V, 340.

ніемъ своимъ, Александрія обязана прозорливости, съ какою Александръ избралъ для нея мѣсто.

4. Александръ во внутреннихъ областяхъ Персидской Монархіи.

(331 г. до Р. Х.)

Такимъ образомъ успѣхъ вполнѣ оправдалъ благоразумную рѣшимость Александра, не преслѣдовать Дарія послѣ битвы при Иссѣ. Завоевавъ Египетъ и Финикію, онъ имѣлъ въ своей власти большія морскія силы, какихъ не было у Персіи, и могъ послать большую часть флота къ берегамъ Пелопоннеза, для уничтоженія безпрерывно усиливавшихся враждебныхъ движеній Спарты; потомъ онъ получилъ моремъ свѣжія подкрѣпленія изъ Греціи и Ѳракіи. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, и усиливъ войска свои, обратился онъ изъ Египта чрезъ Финикію противъ Дарія, бывшаго по ту сторону Эвфрата. На Эвфратѣ, близъ Ѳапсака, стоялъ сильный отрядъ персидской конницы и греческихъ наемниковъ; онъ долженъ былъ воспрепятствовать переправѣ Македонянъ; но персидскій полководецъ или не смѣлъ вступить въ битву, или слишкомъ былъ слабъ для этого: Александръ переправился черезъ Эвфратъ безъ всякаго препятствія. На пути получено было извѣстіе, что Дарій стоитъ съ многочисленною арміею по ту сторону Тигра, и намѣренъ воспрепятствовать переправѣ Македонянъ черезъ рѣку. Узнавъ объ этомъ, Александръ не обращался прямо на Вавилонъ, а двинулся съ величайшею поспѣшностью чрезъ Мессопотамію, на сѣверъ, къ Тигру. Вѣроятно, этимъ движеніемъ Дарій былъ обманутъ, и Александръ перевелъ свои войска за Тигръ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ отсутствіе всякаго сопротивленія со стороны Персовъ умепьшило величайшія трудности переправы. Дарій, дѣйствовавшій до сихъ поръ оборонительнымъ образомъ, и вѣроятно ожидавшій непосредственнаго нападенія на Вавилонъ и Сузу, долженъ былъ теперь слѣдовать за движеніями Александра, и выступилъ къ нему навстрѣчу. Между Гавгамелою и Арбеллами сошлись Македо-

няне и Персы такъ близко, что битва была неизбѣжна. Александръ и Дарій построили свои войска въ боевой порядокъ.

Войско персидское было несмѣтно числомъ; при немъ были двѣсти колесницъ, вооруженныхъ косами, и пятнадцать слоновъ, но оно состояло изъ разныхъ народовъ. Въ рядахъ персидскихъ находился также значительный отрядъ наемной греческой пѣхоты, которая должна была противостать и здѣсь, какъ при Иссѣ, грозной фалангѣ. Войско македонское было гораздо малочисленнѣе, но одушевлено славою блестящихъ побѣдъ, и вождь его явилъ все свое искусство при расположеніи его въ боевой порядокъ, чтобы даровать отрядамъ, управляемымъ силою его ума и воли, побѣду надъ громадою войскъ персидскихъ, въ которой недоставало этого руководящаго единства, и только отдѣльныя лица могли выказать свою храбрость. Парменіонъ совѣтовалъ Александру сдѣлать на Персовъ внезапное ночное нападеніе, но онъ отвергнулъ сіе предложеніе. «Александру неприлично, сказалъ онъ, красть побѣду.» Въ самомъ дѣлѣ, битва легко могла въ такомъ случаѣ остаться нерѣшительною, и Александръ справедливо опасался вредныхъ слѣдствій, если бы онъ, среди враждебной и почти неизвѣстной страны, хотя и не былъ разбитъ, но не одержалъ совершенной побѣды. Утромъ, передъ сраженіемъ (1-го окт. 331 г.), Александръ спалъ такъ крѣпко, что Парменіонъ принужденъ былъ разбудить его. «Государь! воскликнулъ престарѣлый полководецъ, ты спишь, какъ будто мы уже одержали побѣду.» — «А развѣ мы уже не побѣдили, возразилъ герой, когда видимъ наконецъ врага передъ собою, и не должны болѣе отыскивать его по пустынямъ?» Персы, дѣйствительно ожидавшіе ночнаго нападенія, простояли всю ночь подъ оружіемъ, и это томительное ожиданіе, какъ говоритъ Арріанъ, чувствительно ослабило войско персидское. Не смотря на то, оно билось упорно, особенно конница, и лѣвое крыло Македонянъ, которымъ начальствовалъ Парменіонъ, было сильно стѣснено. Искусство, съ какимъ самъ Александръ велъ аттаку на правомъ крылѣ, увѣнчавшуюся совершеннымъ успѣхомъ, быстрота, съ какою

онъ прибылъ на помощь лѣвому крылу, рѣшили битву. Дарій снова бѣжалъ; разстройство огромной его арміи еще болѣе увеличило пораженіе, а богатство побѣжденныхъ усугубило добычу. Но еще гораздо большая добыча ожидала побѣдителя въ главныхъ городахъ, Вавилонъ, Сузѣ и Персеполѣ, къ которымъ онъ теперь направилъ путь свой, между тѣмъ какъ Дарій бѣжалъ чрезъ гористую Мидію въ Экбатану. Въ Вавилонѣ, который отворилъ свои ворота, и поднесъ дары, Александръ принесъ жертвы богамъ халдейскимъ, въ особенности Белу, и обѣщалъ жрецамъ возстановить храмъ, разрушенный по повелѣнію Ксеркса. Снискивая такимъ образомъ расположеніе жителей, Александръ укрѣплялъ за собою обладаніе сими странами, пріобрѣтенное битвами, съ оружіемъ въ рукахъ. Но онъ не остановился на этомъ: чтобы привязать къ себѣ персидское дворянство, и охранить свои завоеванія отъ опасности, которою могло грозить имъ оскорбленное чувство народной чести, онъ, послѣ битвы при Гавгамелѣ, оставлялъ большую часть провинцій Восточной Монархіи въ рукахъ прежнихъ сатраповъ, или же замѣнялъ ихъ другими знатными Персами, не поручая имъ однако жъ начальства надъ войсками въ ихъ сатрапіяхъ. Безъ сихъ благоразумныхъ мѣръ, войско македонское, при всемъ своемъ терпѣніи и храбрости, едва ли выдержало бы дальнѣйшую войну.

Суза, съ царскими сокровищами (сорокъ тысячъ талантовъ наличными деньгами), подпала равнымъ образомъ власти Александра. Здѣсь Македоняне нашли много вещей, вывезенныхъ изъ Греціи Ксерксомъ, между прочимъ статуи Гармодія и Аристогитона. Александръ отослалъ ихъ въ Аѳины, и тѣмъ напомнилъ Грекамъ, что его великій побѣдоносный походъ есть не иное что, какъ возмездіе за нашествіе Ксеркса на Грецію. Въ то же время повелѣлъ онъ Платеянамъ возстановить свой городъ, и для сего послалъ имъ, вѣроятно изъ добычи персидской, денежное вспоможеніе, потому что Греки бились нѣкогда съ Персами за свою свободу на землѣ платейской. Но Спартанцы сочли теперь возможнымъ отважиться еще разъ на борьбу за независимость Греціи, и пригласили прочія государства

къ составленію союза противъ Македоніи. Аѳиняне отказались приступить къ этому союзу; другіе города, особенно большая часть городовъ пелопоннезскихъ, отправили къ Спартанцамъ свои войска, и въ скоромъ времени собралось подъ знаменами Царя Агиса до двадцати двухъ тысячъ человѣкъ. Антипатръ съ превосходными силами поспѣшилъ въ Пелопоннезъ, и далъ союзникамъ сраженіе, въ которомъ онъ одержалъ совершенную побѣду и Царь Агисъ былъ убитъ (330). Такимъ образомъ утушено было сіе возстаніе, не причинившее ни малѣйшей остановки въ побѣдоносномъ шествіи Александра. Получивъ извѣстіе о пораженіи Спартанцевъ, онъ сказалъ съ насмѣшкою: «Въ то время, какъ мы здѣсь побѣждали Дарія, въ Аркадіи, кажется, происходила война съ мышами *).»

Подкрѣпленный четырнадцатитысячнымъ отрядомъ свѣжихъ войскъ, пришедшихъ изъ Греціи, двинулся онъ изъ Сузы къ Персеполю; здѣсь долженъ онъ былъ трудными битвами прокладывать себѣ дорогу сквозь узкіе проходы, такъ называемыя Персидскія Ворота, которыя мужественно защищаемы были храбрыми Персами, какъ входъ въ ихъ собственную отчизну. Одолѣвъ сіи препоны, Александръ вступилъ въ Персеполь. Въ этомъ священномъ для Персовъ городѣ, вмѣщавшемъ гробницы царей ихъ, повелѣлъ онъ сжечь дворецъ, чтобы отмстить Персамъ за опустошенія, причиненныя ими въ Греціи **). Здѣсь достались въ руки Александра послѣдніе, но самые драгоцѣнные остатки сокровищъ Персидской Монархіи; для отвоза ихъ, по преувеличеннымъ извѣстіямъ, потребовалось тысячи вьючныхъ животныхъ.

---

*) Плутархъ, въ жизнеописаніи Агезилая, гл. 15.

**) Другіе разсказываютъ, будто одна аѳинская гетера, знаменитая Ѳаиса, склонила къ этому Царя и сподвижниковъ его на одномъ праздничномъ пиршествѣ въ Персеполѣ, когда винные пары разгорячили ихъ головы. Очень ясно, почему древніе могли приписывать этотъ пожаръ Аѳинянкѣ: онъ служилъ какъ бы возмездіемъ за превращеніе Ксерксомъ въ пепелъ храмовъ аѳинскихъ. Впрочемъ не должно думать, чтобъ опустошеніе въ Персеполѣ простиралось на всѣ зданія, принадлежавшія ко дворцу.

Александръ раздѣлилъ немалую часть сихъ богатствъ съ царскою щедростью между своими спутниками; мать его Олимпіада нерѣдко писала къ нему, что онъ не просто награждаетъ своихъ друзей, но дѣлаетъ ихъ царями. Престарѣлому Парменіону подарилъ онъ домъ богатаго Перса въ Сузѣ, въ которомъ одна домашняя утварь была цѣною въ тысячу талантовъ. Другіе полководцы его имѣли довольно случаевъ обогатиться, сдѣлавшись намѣстниками провинцій, или, если оставались сатрапами туземцы, начальствуя расположенными тамъ войсками. Такъ же щедро одарилъ Александръ и простыхъ офицеровъ и рядовыхъ. Одинъ пеонійскій сотникъ принесъ ему голову убитаго имъ непріятеля, и сказалъ: «Въ нашей землѣ даютъ за это золотую чашу.» — «Но у васъ даютъ чашу пустую, отвѣчалъ Александръ, а я наполню ее виномъ, и выпью съ тобою.» Такъ соединялъ онъ привѣтливость съ щедростью. Въ другой разъ увидѣлъ онъ воина, который погонялъ осла, навьюченнаго казенными деньгами. Когда оселъ утомился и едва могъ итти, воинъ снялъ съ него ношу, и кряхтя понесъ ее на себѣ. «Не уставай, закричалъ вслѣдъ ему Александръ, неси ее прямо къ себѣ въ палатку.»

Не трудно понять, что завоеваніе земель, которыхъ богатство и изобиліе всѣми дарами земными влекли людей къ разнообразнымъ наслажденіямъ, долженствовало имѣть значительное вліяніе на побѣдоносное войско. Въ немъ возникла наклонность къ роскоши, великолѣпію и расточительности; настоящій образъ жизни многихъ Македонянъ представлялъ удивительную противоположность съ простотою, отличавшею прежній ихъ бытъ. Многіе изъ нихъ стали натираться драгоцѣнными мастями; въ баняхъ прислуживали имъ толпы невольниковъ. Пердикка и Кратеръ, любители тѣлесныхъ упражненій, возили съ собою такое количество кожи, что могли покрыть ею почти цѣлую стадію, а песокъ, который употребляли они на воинскихъ играхъ, привозимъ былъ для нихъ изъ Египта на верблюдахъ. Леоннатъ и Филотъ имѣли всегда при себѣ столько сѣтей, что могли окружить ими на охотѣ сто стадій. Македоняне удовлетворяли всегдашней своей наклонности къ

вину. Ѳессалійцы предавались невоздержности на великолѣпныхъ пиршествахъ, коихъ пышность увеличилась отъ соединенія греческаго вкуса съ азіятскою роскошью. Для многихъ, желавшихъ покоя, чтобы лучше наслаждаться всѣми сими благами, была очень тягостна неутомимая дѣятельность Александра; въ другихъ возбуждалъ неудовольствіе и образъ жизни Царя, склонявшагося теперь къ азіятскимъ обычаямъ. Столъ царскій сдѣлался гораздо роскошнѣе прежняго. Александръ окружилъ себя блестящимъ дворомъ, хотѣлъ одеждою и обычаями приблизиться къ народамъ побѣжденнымъ, и пріучить ихъ, въ свою очередь, къ образованію и нравамъ Европы. Онъ велѣлъ обучать тридцать тысячъ молодыхъ Персовъ греческому языку и македонскому военному искусству. Но совершенно различный политическій характеръ Европейцевъ и Азіятцевъ полагалъ Александру чрезвычайныя, почти неодолимыя препоны для сближенія народовъ: неукротимый духъ Греціи чуждался формъ азіятскаго самовластія, да и македонское государственное устройство, въ которомъ знатнѣйшія лица были гораздо ближе къ царю, чѣмъ въ Азіи, и гдѣ нравы и законы не требовали азіятскаго раболѣпства, гораздо согласнѣе было съ греческимъ образомъ мыслей.

Нѣкоторые изъ спутниковъ Александра понимали важность его намѣренія, даровать, посредствомъ сближенія разныхъ народовъ, прочное политическое существованіе вновь созидающейся монархіи, и имѣли довольно воспріимчивости, чтобы перенять чуждые обычаи или, по крайней мѣрѣ, изъявляли къ тому наклонность; но другіе отвергали ихъ съ упорствомъ, и твердо держались обычаевъ македонскихъ и греческихъ, считая всю сію войну обыкновеннымъ походомъ, изъ котораго они, наказавъ Персовъ и отомстивъ имъ, думали немедленно возвратиться на родину. Къ первымъ принадлежалъ Эфестіонъ, къ послѣднимъ Кратеръ. По этому Александръ говорилъ: «Эфестіонъ любитъ Александра, Кратеръ Царя.» Эфестіона, прибавляетъ къ этому Плутархъ, Александръ болѣе всѣхъ любилъ, а Кратера болѣе всѣхъ уважалъ. — Между тѣмъ любовь къ отечественному оставалась почтенною въ глазахъ Александра, и нѣтъ

сомнѣнія, что онъ, при этомъ вліяніи совершенно новыхъ отношеній, сдѣлавшись внезапно обладателемъ несмѣтныхъ богатствъ и удобствъ жизни, сохранилъ всю свою душевную силу. Утверждали, что гордость Александра увеличилась, что онъ мало по малу терялъ прежнюю свою умѣренность. Трудно отыскать истину въ сихъ обвиненіяхъ, но если возьмемъ въ соображеніе его письма къ отдаленнымъ друзьямъ, въ которыхъ онъ освѣдомляется объ ихъ личныхъ, частныхъ обстоятельствахъ, даетъ имъ совѣты, обнаруживаетъ пламенное участіе въ судьбѣ ихъ, то увидимъ въ нихъ только заботливость друга, ставящаго себя наравнѣ съ ближними, и не найдемъ отнюдь ни какихъ слѣдовъ гордости. Притомъ изъ многихъ разсказовъ видно, что онъ неоднократно отклонялъ шутками чрезмѣрныя ласкательства, какими осыпали его сопутствовавшіе ему остроумцы. Въ застольныхъ пиршествахъ, дѣйствительно кажется, началъ онъ въ Азіи находить болѣе удовольствія, и часто предавался имъ до излишества, но присемъ должно вспомнить, что еще Филиппъ ввелъ ихъ между Македонянами *). Греки находили въ сихъ пиршествахъ такъ мало непристойнаго и соблазнительнаго, что Платонъ заставляетъ даже мудраго Сократа проводить ночь на пиру за чашею.

5. Дальнѣйшіе походы Александра.

(330 — 328 г. до Р. Х.)

Дарій все еще жилъ въ Экбатанѣ, столицѣ Мидіи, и, какъ носился слухъ, рѣшился, получивъ подкрѣпленіе отъ Скиѳовъ и Кадузіянъ, вступить въ новую битву за свое существованіе и тронъ. Посему Александръ поспѣшилъ къ Экбатанѣ. Вблизи сего города онъ узналъ, что Дарій, съ сокровищами мидійскими, бѣжалъ далѣе, въ сѣверныя провинціи, въ сопровожденіи трехъ тысячъ всадниковъ и ше-

*) Эсхилъ, по возвращеніи въ Аѳины, восхваляя въ народномъ собраніи Царя, въ числѣ другихъ похвальныхъ качествъ упоминалъ и о томъ, что онъ умѣетъ хорошо пить.

сти тысячъ пѣхотинцевъ. Александръ рѣшился послѣдовать за нимъ. Отпустивъ съ богатыми наградами ѳессалійскихъ всадниковъ и другихъ союзниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои добровольно остались въ службѣ, отдалъ онъ въ Экбатанѣ подъ надзоръ Гарпала всѣ сокровища, взятыя въ Персеполѣ и Сузѣ. Отправивъ въ разные пункты, для безопасности своего похода, Парменіона и Клита, Александръ, съ фалангою и другими войсками, пошелъ съ неимовѣрною быстротою вслѣдъ за Даріємъ, желая настигнуть его по сю сторону Каспійскихъ Ущелій. Это однако жъ ему не удалось *). Но онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ спутниковъ Дарія, пришедшихъ къ нему въ лагерь, что между лицами, окружавшими несчастнаго Царя, составился заговоръ, что Бессъ, сатрапъ Бактріи, взялъ его въ плѣнъ, принялъ начальство надъ мятежнымъ войскомъ, набраннымъ въ сихъ верхнихъ провинціяхъ, и что Персы и Греки, остававшіеся вѣрными Царю, не имѣя возможности спасти его, принуждены были сами искать спасенія въ бѣгствѣ. Взявъ съ собою самые легкіе отряды, Александръ день и ночь шелъ по неизвѣстнымъ землямъ, чтобы догнать мятежниковъ. Въ этомъ походѣ, отъ совершеннаго недостатка воды, воины терпѣли мучительную жажду. Однажды нѣсколько солдатъ привезли воду издалека на лошакахъ въ кожаныхъ мѣшкахъ; видя, что самъ Александръ мучится жаждою, они поднесли ему полный шлемъ воды. Онъ взялъ шлемъ, но замѣтивъ, что всадники вокругъ него стоятъ повѣсивъ головы, сказалъ: «если я стану пить одинъ, всѣ они упадутъ духомъ,» и отдалъ воду назадъ. Всадники, удивленные такою воздержностью Царя, воскликнули: «Пусть онъ ведетъ насъ далѣе и далѣе! Мы не утомлены, мы не чувствуемъ жажды; пока у насъ такой царь, мы не считаемъ себя смертными!»

Бессъ, узнавъ о близости погони, думалъ только о собственномъ спасеніи, но прежде нежели онъ и безчеловѣчные спутники его пустились далѣе на быстрыхъ

*) Въ Сузѣ Александръ оставилъ мать и дочерей Дарія съ наставниками, которые должны были учить ихъ греческому языку.

коняхъ, они нанесли нѣсколько смертельныхъ ранъ несчастному Дарію, и оставили его безъ помощи одного въ колесницѣ. Передовые всадники Александра нашли его плавающаго въ крови. Умирая, просилъ онъ у нихъ воды, чтобъ прохладить пылающую гортань свою. Одинъ Македонянинъ принесъ воды, и несчастный въ послѣдній разъ утолилъ жажду. «Другъ! сказалъ онъ Македонянину, мнѣ больнѣе всего то, что я не могу заплатить тебѣ за твое благодѣяніе. Но Александръ наградитъ тебя, а боги наградятъ Александра за великодушіе, оказанное имъ матери моей, супругѣ и дѣтямъ. Здѣсь, черезъ тебя, я подаю ему правую мою руку!» Умиленный Македонянинъ схватилъ окостенѣвшіе уже пальцы его, и Дарій въ ту минуту скончался. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ и Александръ. Это зрѣлище сильно его поразило: онъ снялъ съ себя епанчу, покрылъ ею трупъ, и повелѣлъ похоронить его на царскомъ кладбищѣ (330).

Оставивъ на время дальнѣйшее преслѣдованіе бѣглыхъ убійцъ и мятежниковъ, Александръ обратился въ Гирканію, противъ греческихъ наемниковъ, бѣжавшихъ въ горы. Всѣ они впали во власть его, и частію были имъ отпущены въ Грецію, частію вступили къ нему въ службу. Затѣмъ оставилъ онъ Гирканію, и пошелъ въ Парѳію и въ землю Аріянъ. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что Бессъ облекъ себя знаками царской власти, намѣреваясь основать отдѣльное государство, и что Сатибарзанъ, сатрапъ Аріи, уже покорившійся ему, нарушилъ вѣрность, и набираетъ войско. Александръ сначала обратился на Сатибарзана, принудилъ его къ бѣгству, и въ этомъ походѣ, въ которомъ надлежало бороться съ величайшими трудностями, приближался чрезъ нынѣшнюю восточную Персію къ предѣламъ Индіи. Обратившись снова къ сѣверу, онъ прошелъ черезъ Индѣйскій Кавказъ, или Паропамизъ, гдѣ основалъ городъ, получившій названіе Александріи, и затѣмъ вступилъ въ Бактрію противъ Бесса. Услышавъ о приближеніи его, Бессъ бѣжалъ за Оксусъ въ Согдіану, и сжегъ суда, послужившія ему для переправы. Не смотря на то, изобрѣтательный и предпріимчивый Александръ, нашелъ средство про-

вести свое войско чрезъ глубокую и быструю рѣку, и вслѣдъ за тѣмъ Бессъ былъ ему выданъ. Повелѣвъ наказать измѣнника тѣлесно, и сохранить его для казни, которая совершена была надъ нимъ въ послѣдствіи, Александръ прошелъ по Согдіанѣ, часто вступая въ упорныя битвы съ обитавшими тамъ варварами, до Яксарта (нынѣшней Сыръ-Дарьи).

По несовершенству тогдашнихъ географическихъ свѣдѣній, Греки полагали, что они находятся недалеко отъ границъ, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи. Александръ нашелъ, чего искалъ, естественный предѣлъ своимъ предпріятіямъ въ этомъ направленіи. На берегу Яксарта построилъ онъ городъ, также названный Александріею, и населилъ его отчасти варварами, отчасти наемными воинами и Македонянами, которые сдѣлались неспособными къ перенесенію трудовъ дальнѣйшаго похода. Этимъ однако жъ походъ его не кончился: Александръ бился и со Скиѳами, жившими по ту сторону Яксарта. Его умъ и искусство его войска всегда давали ему перевѣсъ надъ варварами; не смотря на то, онъ потерялъ много людей въ битвахъ и отъ трудностей и необыкновенныхъ усилій въ походѣ. Онъ самъ былъ раненъ и заболѣлъ, но духъ его никогда не изнемогалъ, а вмѣстѣ съ духомъ крѣпилось и тѣло. Въ битвахъ почти ежедневныхъ онъ всегда былъ первымъ, въ переходахъ, едва ли вѣроятныхъ, былъ бодрѣе всѣхъ; взоръ его постоянно устремленъ былъ на предлежавшій ему путь, но заботливость его простиралось и на то, что оставалось позади: тамъ ему надлежало частію усмирять зараждающіеся мятежи и смѣнять невѣрныхъ сатраповъ, частію стараться о снисканіи любви народовъ, чтобы утвердить и укрѣпить свою власть. Съ этою цѣлію сочетался онъ бракомъ съ прекрасною Роксаною, дочерью Оксіарта, знатнаго Бактрійца, и болѣе и болѣе старался перенимать азіятскій образъ жизни и азіятскую одежду. Все это возбуждало сильное неудовольствіе въ Македонянахъ тѣмъ болѣе, что онъ дозволилъ себѣ относительно нѣкоторыхъ лицъ, сдѣлавшихся ему подозрительными, такіе поступки, за которые потомство справедливо его осуждаетъ.

Первымъ плачевнымъ поступкомъ такого рода была казнь Филота. Филотъ, сынъ знаменитаго Парменіона, самъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ Александра, обвиненъ былъ въ томъ, что, зная о заговорѣ на жизнь царскую, не открылъ его. По обычаю македонскому, обвиненный Царемъ передъ войскомъ, онъ былъ найденъ виновнымъ, и преданъ смерти. Казнь его повлекла за собою и смерть Парменіона. Сей старецъ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу тѣхъ, кои недовольны были отдаленными походами Александра, и можетъ быть, по этой причинѣ, Александръ оставилъ его въ Экбатанѣ. Филотъ при допросѣ и пыткѣ наговорилъ на отца, и Александръ, оттого ли, что вѣрилъ этому показанію или страшился мщенія стараго полководца, любимаго всѣмъ войскомъ, приказалъ тайно умертвить его. Трудно рѣшить, былъ ли при этомъ Александръ строгъ и справедливъ по необходимости, или жестокъ и неблагодаренъ отъ безвременнаго опасенія; по крайней мѣрѣ у историковъ нѣтъ ни какого свидѣтельства, чтобъ онъ раскаялся въ этомъ поступкѣ, какъ раскаивался недолго послѣ того, когда, въ пылу гнѣва, умертвилъ Клита.

На одномъ празднествѣ, когда вино разгорячило головы пирующихъ, поднялись, какъ обыкновенно, льстецы, и начали унижать походы Вакха и Геркулеса передъ подвигами своего вождя. Клитъ не могъ слушать равнодушно поношенія боговъ. Вино придало ему бодрость; онъ вскочилъ и громко сказалъ, что Александръ не одинъ совершилъ свои подвиги, и что большая часть ихъ принадлежитъ Македонянамъ. Онъ превозносилъ Филиппа передъ сыномъ, и хвастливо напоминалъ, что спасъ ему жизнь при Граникѣ. Эти рѣчи до крайней степени раздражали Александра, но неистовый Клитъ не умолкалъ. Его увели изъ комнаты, увидѣвъ, что Царь встаетъ изъ за стола, воспаленный гнѣвомъ. Безумецъ не успокоился, воротился въ комнату черезъ другія двери, и снова началъ поносить Царя. Александръ не могъ долѣе удерживать своего гнѣва, выхватилъ изъ рукъ одного изъ близстоящихъ копье, и поразилъ имъ дерзновеннаго, но лишь только увидѣлъ, что Клитъ палъ мертвый, мгновенно обра-

зумился. Онъ ужаснулся собственнаго своего поступка, три дня не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить; плача и вздыхая, лежалъ на одрѣ своемъ, и безпрерывно повторялъ имя Клита. Только утѣшенія друзей и занятія дѣлами разсѣяли его горесть.

Такіе поступки служили для недовольныхъ новыми предлогами къ обвиненіямъ противъ Царя, который въ скоромъ времени подалъ вторичный поводъ къ неудовольствію. На одномъ веселомъ пиру Анаксархъ, одинъ изъ ученыхъ спутниковъ Александра, завелъ рѣчь о Геркулесѣ, и высказалъ свое мнѣніе, что Александръ, по своимъ подвигамъ, такъ же заслуживаетъ обоготворенія, какъ Геркулесъ, и что лучше всего совершить это при жизни героя. При такомъ предложеніи указано было на введеніе обыкновеннаго при прежнихъ персидскихъ царяхъ колѣнопреклоненія. Каллисѳенъ, философъ и ученикъ Аристотеля, сильно возсталъ противъ этого предложенія: онъ доказывалъ, что симъ нанесено будетъ оскорбленіе богамъ, и нарушенъ обычай Греціи *). Слова его, разумѣется, принесли большое удовольствіе Македонянамъ, которые, по силѣ своихъ государственныхъ учрежденій, привыкли къ равенству съ царемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и смѣялись надъ Персами, воздававшими царямъ своимъ почти божескую честь, но они оскорбили Александра, и такъ какъ Каллисѳена вскорѣ постигла гибель, недовольные Царемъ видѣли въ этомъ месть за его противорѣчіе. Между македонскими благородными отроками, которые, по обычаю, введенному Филиппомъ, должны были прислуживать Царю, составился заговоръ противъ Александра. Заговоръ сей былъ открытъ, и такъ какъ главнымъ руководителемъ сихъ отроковъ былъ ученикъ и другъ Каллисѳена, и, казалось возбужденъ былъ

*) Между прочимъ Каллисѳенъ говорилъ: «Если ты считаешь нужнымъ принять варварскіе обычаи, потому что въ странѣ варваровъ мало Македонянъ, напоминаю тебѣ о Греціи, для которой ты предпринялъ походъ, и въ которую возвращаешься.» — Въ послѣдующихъ главахъ увидимъ, какимъ образомъ, чрезъ двадцать лѣтъ, Аѳины льстили Димитрію и обоготворили его.

его рѣчами, то Каллисѳенъ былъ замѣшанъ въ дѣло о заговоръ, и наказанъ вмѣстѣ съ юношами *). Изъ этого видно, сколько опасностей грозили Александру со стороны ближайшихъ его спутниковъ, между тѣмъ какъ онъ въ то же время долженъ былъ бороться съ врагами внѣшними. Всѣ сіи происшествія случились вскорѣ по смерти Дарія (329—328), когда Александръ предпринималъ всѣ вышеописанные походы, и покорилъ наконецъ совершенно Бактрію, Согдіану и смежныя съ ними области. Понесенный имъ притомъ уронъ замѣненъ былъ свѣжими войсками, прибывшими изъ Греціи и Македоніи.

6. Александръ въ Индіи.

(327 до Р. Х).

Раздвинувъ границы своей монархіи на сѣверъ до Яксарта, Александръ, весною 327 года, рѣшился пойти далѣе на востокъ, и распространить свои владѣнія до моря или до Гангеса. Завоеваніемъ Индіи, которая, какъ думали Греки, оставалась единственною непокоренною въ этомъ направленіи страною, и которая въ то же время манила ихъ къ себѣ своими богатствами, должно было довершиться покореніе Азіи. Александръ прошелъ снова чрезъ Паропамизъ, оставилъ въ Александріи, построенной при первомъ переходѣ чрезъ сію страну, воиновъ, неспособныхъ къ дальнѣйшему походу, и затѣмъ вступилъ въ сѣверную Индію. Воинственные народы, обитающіе въ этой странѣ понынѣ, противились ему и въ открытомъ полѣ и въ крѣпкихъ городахъ гораздо упорнѣе тѣхъ Азіятцевъ, съ которыми дотолѣ имѣлъ онъ дѣло; ихъ защищала и страна, перерѣзанная горами и рѣками **). Ни какія препятствія, ни какія

*) Оба надежнѣйшіе историка Александра, Аристовулъ и Птоломей, несогласны другъ съ другимъ въ томъ, умеръ ли Каллисѳенъ въ темницѣ, или подвергся пыткѣ и былъ казненъ.

**) Александръ, никогда не выпускавшій изъ виду и возвышенія промышлености въ своихъ земляхъ, нашелъ въ этой странѣ необыкновенно красивыхъ быковъ, и приказалъ отправить ихъ въ Македонію для пользы земледѣлія и скотоводства.

опасности не останавливали Александра. Вездѣ, гдѣ было нужно, онъ являлся первымъ, былъ дѣятельнѣе всѣхъ, и пролагалъ себѣ путь, не смотря ни на какія затрудненія.

Когда приближался онъ къ городу Нисѣ, который, какъ носилась молва, построенъ былъ Вакхомъ, въ станъ къ нему прибыли посланники. Они нашли его съ ногъ до головы вооруженнымъ, и отъ труднаго похода покрытымъ густою пылью; ни какіе знаки царскаго достоинства не отличали его отъ спутниковъ. Принесли тюфякъ; Александръ самъ стоялъ, и заставилъ сѣсть старшаго изъ посланниковъ. Благородное обращеніе старца понравилось Царю, и когда онъ спросилъ объ условіяхъ мира, Александръ отвѣчалъ: «Пусть изберутъ тебя своимъ повелителемъ и пришлютъ мнѣ сто первенствующихъ мужей своихъ въ заложники.» — «Но мнѣ легче будетъ царствовать, отвѣчалъ старецъ улыбаясь, если пришлютъ къ тебѣ не лучшихъ, а худшихъ.» Александру такъ понравился этотъ отвѣтъ, что онъ согласился взять только небольшое число заложниковъ.

Побѣдоносно прошелъ Александръ до Инда, переправился чрезъ эту рѣку, и вступилъ въ Пятирѣчье (по-новоперсидски Пенджабъ). Объ Индіи до тѣхъ поръ имѣли понятія темныя и баснословныя; походъ Александра впервые познакомилъ съ нею Европейцевъ. — И въ какомъ видѣ узнали тогда Македоняне Индію, въ такомъ она существенно осталась и понынѣ *). Александръ воспользовался несогласіями между разными владѣтелями сей страны, и вступилъ въ союзъ съ сильнымъ княземъ, или Раджею Таксильскимъ, Таксиломъ. Но врагъ Таксила, другой сильный царь, Поръ, стоявшій на противномъ берегу Ги-

*) «Изъ всего видно, что Александръ нашелъ Индію въ томъ видѣ, въ какомъ узнали ее Европейцы, спустя осьмнадцать столѣтій, съ тѣмъ только различіемъ, что она тогда еще не была покорена чуждыми завоевателями, что ея религія и общественное устройство, тѣсно связанное съ религіею, оставались неприкосновенными, и что она вѣроятно была богаче и населеннѣе, нежели послѣ опустошительныхъ вторженій народовъ магометанскихъ.» *Шлегель.*

даспа, рѣшился оспоривать у Александра переходъ черезъ рѣку. Онъ предводительствовалъ сильнымъ войскомъ, страшнымъ многочисленностью военныхъ колесницъ и слоновъ. Здѣсь подтвердилось правило, извѣстное знатокамъ воинскаго искусства, что трудно защищать рѣку долгое время. Александръ умѣлъ обмануть Пора хитростью и искусствомъ, и совершилъ примѣрную переправу. Онъ самъ первый ступилъ на противоположный берегъ. Завязалась жестокая битва; искусство Царя Македонскаго снова даровало ему побѣду, и самъ Поръ, упорно бившійся до конца, впалъ во власть его. Благородный видъ плѣнника съ перваго взгляда расположилъ побѣдителя въ его пользу. — «Какъ хочешь ты, чтобы обращались съ тобою?» спросилъ его Александръ. — «Какъ съ царемъ, отвѣчалъ Поръ.» — «Такъ должно быть съ моей стороны, возразилъ Александръ, проси себѣ еще чего нибудь.» — «Первое, отвѣчалъ Поръ, заключаетъ уже въ себѣ все прочее.» Такой отвѣтъ возвысилъ уваженіе Александра къ Пору: онъ оставилъ за нимъ всѣ его владѣнія, даже присовокупилъ къ нимъ еще большой округъ. Значительно увеличивъ власть Таксила, онъ усилилъ и Пора, потому что не могъ основывать всѣхъ надеждъ на вѣрности одного владѣтеля, и долженъ былъ противопоставить ему равносильнаго соперника. Память о совершенныхъ здѣсь подвигахъ увѣковѣчена была построеніемъ двухъ новыхъ городовъ. Первый названъ Никеею (городъ побѣды), второй Букефалою, въ честь бывшаго коня Александрова, падшаго здѣсь, на тридцатомъ году, отъ истощенія силъ. Этотъ дивный конь, впервые усмиренный Александромъ, до конца своей жизни никому не позволялъ сѣсть на себя, кромѣ Царя.

Вслѣдъ за побѣдою, въ этой цвѣтущей и населенной странѣ добровольно покорились пришельцамъ тридцать семь городовъ, изъ коихъ самые малые имѣли до пяти тысячъ жителей, а другіе болѣе десяти тысячъ, со множествомъ деревень. Всѣ сіи города отдалъ Александръ Пору, и примирилъ его съ Таксиломъ. И какъ Таксилъ помогалъ сначала Александру въ дѣйствіяхъ противъ Пора, такъ Поръ, въ свою очередь, долженъ былъ слѣдо-

вать за Александромъ, и способствовать ему въ покореніи другаго сильнаго владѣтеля, называвшагося также Поромъ, и бывшаго врагомъ перваго Пора.

Александръ шелъ все далѣе. Онъ перешелъ Лцезинъ и Гидраотъ, гдѣ долженъ былъ сражаться съ нѣкоторыми свободными народами индійскими, и особенно долго задержанъ былъ осадою крѣпкаго и многолюднаго города Сангалы. Взятіе и разрушеніе сего города увеличило страхъ его имени, и ужасъ, распространившійся по Индіи, долженствовалъ проложить ему путь къ покоренію народовъ, жившихъ по ту сторону Гифаза, коихъ мужество, внутреннее устройство и образованность превозносимы были столько же, сколько плодородіе и обработанность земли, въ которой они обитали.

7. Предѣлъ завоеваній Александра.

Все, что разглашала молва о сихъ дивныхъ странахъ, манило туда Александра; желаніе узнать неизвѣстную еще землю одушевляло его и побуждало къ новымъ подвигамъ такъ же сильно, какъ влеченіе завоевать ее и распространить свои владѣнія. Но большая часть войска не раздѣляла его мыслей и желаній, и жаждала покоя. Неизвѣстные предметы, представляемые изумленнымъ Грекамъ дивною природою Индіи, казалось, возвѣщали имъ скорѣе о началѣ новаго свѣта, чѣмъ о близкомъ концѣ стараго, который исходили они почти во всѣхъ направленіяхъ; они не знали цѣли, гдѣ могъ бы остановиться геній Александра, и предвидѣли только новыя усилія, новыя опасности, судя по сопротивленію, какое оказывали имъ встрѣченные ими до сихъ поръ народы индійскіе. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что когда войско остановилось на берегахъ Гифаза, семьдесятъ дней непрерывно лились дожди тропическіе, отъ которыхъ сгнила вся одежда Македонянъ, и зародились болѣзни между людьми и животными. Въ сихъ обстоятельствахъ воины громко выразили долго таившееся въ нихъ желаніе, прекратить дальнѣйшій походъ. Такое расположеніе войска было очень

непріятно Александру; онъ собралъ предводителей и начальниковъ, и пытался склонить ихъ къ другимъ мыслямъ: представлялъ имъ, что Гангесъ и Восточное Море должны быть недалеко; старался доказать, что вѣроятно Гирканское (Каспійское) Море имѣетъ связь съ Индійскимъ, а Индійское въ Персидскимъ Заливомъ, что сдѣланныя ими до сихъ поръ завоеванія только тогда будутъ вполнѣ обезпечены, когда они достигнутъ этихъ границъ; просилъ ихъ присовокупить къ тѣмъ великимъ и многочисленнымъ подвигамъ, которые уже совершены ими, еще подвигъ нетрудный и невеликій, обѣщалъ даровать имъ, если они согласятся исполнить его желаніе, богатѣйшія и блистательнѣйшія награды.

Долгое молчаніе послѣдовало за рѣчью Александра, хотя онъ и требовалъ отвѣта. Никто не хотѣлъ склониться на желаніе Царя, но и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Наконецъ выступилъ одинъ старый воинъ, Кенъ. Онъ просилъ Царя подумать о томъ, сколько осталось при немъ Эллиновъ и Македонянъ, съ которыми онъ выступилъ въ походъ. Ѳессалійцевъ, еще передъ походомъ въ Бактрію, отпустилъ онъ домой, замѣтивъ ихъ нерасположеніе итти далѣе; многіе Греки поселены имъ во вновь построенныхъ городахъ, въ которыхъ они остались вопреки своему желанію; другіе, сдѣлавшись отъ ранъ неспособными къ военной службѣ, остались въ разныхъ мѣстахъ Азіи; большая часть пала въ битвахъ, иные умерли отъ болѣзней; не многіе только остались отъ первобытной арміи, да и тѣ ослабѣли и духомъ и тѣломъ. Сіи воины желаютъ теперь возвратиться на свою родину, показать своимъ родственникамъ и соотечественникамъ пріобрѣтенныя ими славу и богатство. И Александръ можетъ отнести теперь въ свой домъ отеческій пріобрѣтенные имъ великіе и славные трофеи, и потомъ, съ свѣжими, молодыми воинами, одушевленными бо́льшею надеждою, начать новый походъ.

Тихій ропотъ и даже слезы предстоящихъ показали Царю, что они согласны съ этимъ мнѣніемъ. Александръ задумался, и распустилъ собраніе. На слѣдующій день онъ собралъ предводителей въ другой разъ, и сказалъ имъ строго

и рѣшительно, что пойдетъ далѣе, что найдутся люди, которые добровольно послѣдуютъ за Царемъ своимъ, и что остальные могутъ итти домой, и сказать своимъ соотечественникамъ, что оставили Царя своего среди враговъ. Затѣмъ онъ ушелъ въ свою палатку, и не показывался три дня, въ надеждѣ, что, можетъ быть, мысли воиновъ измѣнятся. И это средство не подѣйствовало. Въ станѣ царствовала глубочайшая тишина; воины жалѣли объ огорченіи Царя, но не обнаруживали перемѣны мыслей. На четвертый день, по обыкновенію, Александръ приказалъ принести жертвы передъ переправой чрезъ Гифазъ; но такъ какъ предзнаменованія не были счастливы, онъ, какъ бы уступая волѣ боговъ, а не желанію войска, объявилъ, что намѣренъ возвратиться. Общій кликъ радости раздался по всему стану; большая часть воиновъ отъ радости плакали, многіе подбѣгали къ палаткѣ Александра и благодарили его, что онъ имъ однимъ дозволилъ побѣдить себя. — Дѣйствительно, требованіе войска было въ нѣкоторомъ отношеніи очень основательно: углубляясь далѣе на востокъ, Александръ оставлялъ западъ, можно сказать, на произволъ судьбы, и легко могъ бы подать поводъ къ совершенному разстройству свой монархіи, еще не утвержденной на прочномъ основаніи.

Все приготовлено было къ обратному походу. Въ ознаменованіе, какъ далеко прошли побѣдоносныя войска, Александръ повелѣлъ воздвигнуть двѣнадцать жертвенниковъ; высотою они равны были величайшимъ крѣпостнымъ башнямъ, объемомъ превосходили ихъ. Въ то время, когда на всѣхъ двѣнадцати жертвенникахъ дымились богатыя жертвы въ благодарность богамъ, приведшимъ Македонянъ на берега Гифаза, на равнинѣ происходили воинскія игры. По окончаніи жертвоприношенія, войска воротились къ Гидаспу чрезъ Гидраотъ и Ацезинъ, на которомъ между тѣмъ Эфестіонъ построилъ городъ. Здѣсь, въ намѣреніи спуститься по рѣкамъ къ Океану, Александръ приказалъ построить множество судовъ; для этого употреблены были находившіеся при войскѣ его Кипріоты, Каріяне, Финикіяне и Египтяне. Онъ самъ прежде всѣхъ сѣлъ съ частію войскъ

на корабль, и совершилъ съ него жертвенное возліяніе изъ золотой чаши въ рѣку. Неархъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всего флота, состоявшаго почти изъ двухъ тысячъ судовъ. Остальныя войска, при коихъ находились и слоны, шли, подъ начальствомъ Кратера и Эфестіона, по берегу Гидаспа.

Такъ войска подвигались впередъ, приводя въ изумленіе Индійцевъ, не видавшихъ такого зрѣлища. Особенно дивилъ ихъ огромный флотъ. На пятый день прибыли къ мѣсту соединенія Гидаспа и Ацезина, и суда прошли это мѣсто не безъ опасности и не безъ потери. Подвигаясь далѣе, Македоняне подошли къ одному воинственному народу, Малліянамъ: они воспротивились Александру, снова начальствовавшему лично надъ сухопутнымъ войскомъ, и упорно обороняли свою столицу. Для овладѣнія крѣпостью, Македоняне приставили къ стѣнѣ лѣстницы; Александръ первый взошелъ туда; вмѣстѣ съ нимъ Певкестъ и Леоннатъ взобрались на широкую стѣну, и сбили непріятелей. Вдругъ подломилась за ними лѣстница; другой нельзя было такъ скоро приставить. Александръ остался на стѣнѣ съ двумя товарищами, и сдѣлался цѣлью всѣхъ стрѣлъ, копій и камней вражескихъ. Не теряя присутствія духа, спрыгнулъ онъ со стѣны въ крѣпость. Непріятели окружили его, но онъ повергалъ на землю всякаго, кто только къ нему приближался; наконецъ онъ палъ подъ ударами палицъ; въ грудь ему вонзилась стрѣла. Певкестъ и Леоннатъ, бросившіеся вмѣстѣ съ нимъ на землю, прикрыли его своими щитами, и отбивали враговъ; наконецъ другіе воины взошли на стѣну, и прогнали Индійцевъ. Блѣдный, окровавленный Александръ унесенъ былъ на щитѣ своемъ; жизнь его, какъ казалось, была въ опасности. Недѣли проходили за недѣлями. Македоняне не видѣли вождя своего, и были безутѣшны; многіе думали, что онъ умеръ, и отъ нихъ скрываютъ его кончину. Чтобы успокоить армію, Александръ, оправившись немного, лежа на открытой лодкѣ, велѣлъ везти себя къ тому мѣсту, гдѣ стояла большая часть войска. Видя его лежащимъ, воины все еще не хотѣли вѣрить, что онъ живъ, но когда лодка

подошла къ берегу, когда Александръ простеръ къ нимъ руку, общій крикъ радости поднялся по всему стану, а когда онъ вышелъ на берегъ, сперва сѣлъ на лошадь, и потомъ прошелъ пѣшкомъ, всѣ бросились къ нему, чтобы прикоснуться къ его рукамъ, колѣнямъ или одеждѣ, и сыпали предъ нимъ цвѣты.

На дальнѣйшемъ плаваніи Александра внизъ по Инду, князь индійскій, Мусиканъ, возмутился позади его. Быстро усмирилъ онъ возстаніе, и повелѣлъ казнить Мусикана вмѣстѣ со всѣми жрецами (браминами), склонившими его къ отпаденію. Плутархъ повѣствуетъ, что Александръ бесѣдовалъ со многими изъ сихъ гимнософистовъ (такъ называютъ Греки индійскихъ жрецовъ и мудрецовъ), предлагалъ имъ трудные вопросы, чтобы испытать ихъ, и за скорые и умные отвѣты даровалъ имъ жизнь. Одного изъ сихъ индійскихъ философовъ, по имени Калана, убѣдили послѣдовать за войскомъ македонскимъ.

Александръ, желавшій не только пройти по этой странѣ, но и утвердить въ ней свою власть, повелѣлъ построить въ нѣкоторыхъ городахъ крѣпости; такъ, напримѣръ, въ важномъ городѣ Патталѣ, гдѣ Индъ раздѣляется на два рукава, заложена была гавань. Надъ всѣми пройденными провинціями назначалъ онъ сатраповъ. Теперь представилась ему возможность соединить удобнымъ образомъ отдаленные пункты огромной своей монархіи; чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ яснѣе становилось, что большая индійская рѣка вливается въ море, и потому есть возможность привести ее посредствомъ судоходства въ сообщеніе съ устьями Тигра и Эвфрата *). Чтобы убѣдиться въ этомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ узнать, изъ котораго рукава Инда флотъ удобнѣе можетъ выйти въ море, онъ самъ, всегда неутомимый, сѣлъ на корабль, и съ многочисленною свитою,

*) Сначала увидѣвъ Индъ и въ немъ крокодиловъ, Царь подумалъ, что онъ открылъ источники Нила, изъ чего можно заключить, до какой степени были въ то время сбивчивы и невѣрны понятія о положеніи земель. Походъ внизъ по Гидаспу и Инду продолжался девять мѣсяцевъ.

которая въ особенности приведена была въ изумленіе никогда невиданнымъ явленіемъ прилива и отлива, спустился въ море, сначала по правому, потомъ по лѣвому рукаву рѣки.

Увидѣвъ въ первый разъ открытое море, радостно принесъ онъ жертвы богамъ, пустился на значительное отдаленіе отъ береговъ, и принесъ въ жертву Посидону тельцовъ, которые брошены были въ море, съ золотыми чашами, служившими для возліяній. Такъ старался онъ умилостивить боговъ моря, которымъ намѣревался теперь ввѣрить флотъ свой. Неарху дано было трудное порученіе плыть съ этимъ флотомъ вдоль берега къ Персидскому Заливу, до устій Эвфрата и Тигра, самъ Александръ рѣшился итти туда сухимъ путемъ чрезъ Гедрозію.

8. Возвращеніе и кончина Александра.

(326 — 323 г. до Р. Х.).

Путь, по которому Александръ предпринялъ возвратный походъ свой, былъ затруднителенъ и опасенъ, потому что вся южная часть провинціи Гедрозіи составляла песчаную степь, изрѣдка прорѣзанную рѣками, орошавшими мѣста, удобныя для обитанія; только сѣверозападная гористая часть ея была дѣйствительно населена. Александръ именно избралъ дорогу черезъ пустыни, чтобъ быть ближе къ флоту, и собирать необходимые для него запасы, такъ какъ флотъ шелъ позади сухопутнаго войска; но на этомъ пути ожидали его затрудненія, о которыхъ онъ не догадывался, и которыя бо́льшею частію уничтожили его намѣренія касательно продовольствія флота, и погубили значительную часть его войска.

Всѣ труды, перенесенные Македонянами до сихъ поръ, были ничтожны въ сравненіи съ походомъ чрезъ сіи ужасныя степи. Они вступили въ песчаное море, которое горѣло подъ ногами ихъ, и въ которое на каждомъ шагу путникъ погружался по колѣни. Повозки завязли; ихъ надлежало кинуть со всѣми пожитками и съѣстными припасами, даже съ бывшими въ нихъ ранеными воинами.

Вьючныя животныя падали; многія были украдкою убиты, и мясо ихъ употреблено въ пищу голодными воинами. Многіе воины изнемогали отъ нестерпимой жажды; иной, совершенно выбившись изъ силъ, засыпалъ и уже не вставалъ, а если и пробуждался, то напрасно искалъ слѣдовъ войска: мелкій летучій песокъ заносилъ путь, и несчастный снова въ безсиліи погружался въ песчаныя волны. Правда, войско имѣло проводниковъ, которые по возможности заботились о томъ, чтобы воины, продолжая походъ свой ночью, днемъ достигали мѣста, гдѣ была вода, но многіе погибали и отъ неумѣреннаго употребленія питья, котораго такъ долго жаждали. Однажды солнце поднялось уже очень высоко, зной сдѣлался нестерпимъ, а войско еще не достигало того мѣста, гдѣ находилась вода. Александръ самъ сильно мучился жаждою, но, не смотря на то, шелъ пѣшій впереди своихъ воиновъ, чтобъ они терпѣливѣе сносили зной и жажду. Наконецъ нѣсколько легковооруженныхъ солдатъ нашли немного мутной воды, и принесли ее Александру въ шлемѣ. Онъ поблагодарилъ ихъ за эту заботливость, и затѣмъ, въ виду всего войска, вылилъ воду на землю. Этотъ поступокъ, говоритъ Арріанъ, такъ подкрѣпилъ все войско, что, казалось, будто бы каждый воинъ выпилъ пролитое. Наконецъ, послѣ шестидесятидневнаго похода, войско прибыло въ одинъ значительный городъ Гедрозіи, гдѣ изнуренные воины нашли въ изобиліи всѣ потребности жизни, и подкрѣпили свои силы.

Затѣмъ Александръ двинулся въ Караманію, и соединился тамъ съ Кратеромъ, который пошелъ изъ Индіи чрезъ Арахозію и Дрангіану съ слонами и съ частію войска, которую Александръ уволилъ отъ похода чрезъ Гедрозію. Наконецъ явился и Неархъ, вышедшій на берегъ въ Караманіи, и представилъ отчетъ о своемъ затруднительномъ плаваніи. Онъ былъ съ величайшею радостью принятъ Царемъ, который уже сильно безпокоился о его участи. Александръ повелѣлъ ему плыть далѣе со всѣмъ флотомъ къ назначенной цѣли; приказалъ Эфестіону итти въ Персію съ большею частію войска по морскому берегу, а самъ, съ легкими отрядами, отправился туда самымъ пря-

мымъ путемъ. Прибывъ во внутренность Персіи, повелѣлъ онъ казнить многихъ намѣстниковъ, оказавшихся виновными въ тяжкихъ несправедливостяхъ или нарушившихъ вѣрность. Въ надеждѣ, что Александръ погибнетъ въ Индіи, они не щадили ничего, чтобы удовлетворить своему корыстолюбію. Даже гробница Кира найдена была разломанною и ограбленною. Съ умиленіемъ прочиталъ Александръ надпись на надгробномъ его памятникѣ. Нечестивое оскорбленіе досточтимаго мѣста раздражило его до крайности. Онъ повелѣлъ изслѣдовать, кто былъ виновникомъ сего преступленія, и возстановить гробницу.

Здѣсь, въ Персіи, заболѣлъ Каланъ, и объявилъ, что хочетъ самъ лишить себя жизни. Тщетно Александръ употреблялъ просьбы и представленія; Каланъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи. По требованію его, воздвигнутъ былъ большой и высокій костеръ; предшествуемый торжественною процессіею, Каланъ былъ отнесенъ къ костру и положенъ на него. Съ совершеннымъ спокойствіемъ духа пѣлъ онъ индійскіе гимны, и дарилъ окружавшимъ его уборы и ковры, которыми, въ честь ему, украшенъ былъ костеръ. Затѣмъ спокойно и пристойно легъ онъ навзничь, и безъ малѣйшаго движенія видѣлъ, какъ пламя со всѣхъ сторонъ мало по малу къ нему приближалось. Александръ не хотѣлъ присутствовать самъ при этомъ зрѣлищѣ; но, по его повелѣнію, играли при этомъ во всѣ трубы; на звуки ихъ вся армія отвѣчала воинскимъ крикомъ; слоны ревѣли. Эти извѣстія, присовокупляетъ Арріанъ, сообщены достовѣрными свидѣтелями, и изъ нихъ можно убѣдиться, какъ сильна и непобѣдима бываетъ воля человѣка при исполненіи того, на что онъ рѣшился.

Прибывъ въ Сузу, Александръ употреблялъ всѣ силы, чтобъ сблизить Грековъ съ Персами. Онъ сочетался бракомъ съ старшею дочерью Дарія, выдалъ младшую сестру ея за Эфестіона, и соединилъ бракомъ осьмнадцать другихъ своихъ сподвижниковъ съ знатнѣйшими Персіянками. Сіи браки, въ которыхъ Царь безъ всякой гордости самодержца, становился наравнѣ съ своими военачальниками, празднованы были общимъ, великолѣпнымъ пиршествомъ, по обы-

чаямъ персидскимъ. Сверхъ того обѣщалъ онъ значительную награду каждому Македоняпину, который возьметъ за себя Персіянку; болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ увлечены были симъ обѣщаніемъ.

Выше (стр. 205) сказано, что Александръ приказалъ выбрать изъ разныхъ завоеванныхъ провинцій тридцать тысячъ юношей, вооружить и обучить ихъ по македонскому обычаю. Теперь призвалъ онъ ихъ къ себѣ, дабы показать, что уже не должно быть ни какого различія между побѣдителями и побѣжденными. Съ этою же цѣлію знатнѣйшіе и храбрѣйшіе всадники изъ Бактріи, Согдіаны, Аріи, Парѳіи и Персиды включены были въ дружину македонскую; другіе знатные Персы вошли въ число особъ, непосредственно окружавшихъ Царя. Македоняне не очень были довольны этими распоряженіями, видя въ нихъ презрѣніе къ родинѣ и къ македонскимъ обычаямъ. Александръ пытался предупреждать неудовольствія, награждая своихъ воиновъ съ величайшею щедростію, которая была возможна единственно при обладаніи такими богатым землями. Они не только всѣ вообще получали богатое жалованье, не только дарилъ онъ каждому, кто чѣмъ нибудь отличился въ предшествовавшихъ походахъ, золотые вѣнки и другіе богатые подарки, но и обѣщалъ заплатить долги за каждаго воина. Сначала только немногіе объявили свои долги; воины думали, что Царь симъ средствомъ хочетъ только узнать, кто изъ нихъ ведетъ жизнь роскошную и неумѣренную. Узнавъ объ этомъ, Александръ порицалъ ихъ за недовѣрчивость. «Царь, говорилъ онъ, долженъ всегда дѣйствовать откровенно.» Затѣмъ повелѣлъ онъ разставить въ разныхъ мѣстахъ лагеря столы съ деньгами, и каждый воинъ, не сказывая своего имени, получалъ, немедленно по предъявленіи долговаго счета, показанную въ немъ сумму. По сказанію Арріана, истрачено было такимъ образомъ до двадцати тысячъ талантовъ. Хотя сей поступокъ и возбуждалъ радость въ воинахъ, и усиливалъ любовь къ Александру, но не могъ совершенно уничтожить неудовольствія на тѣ дѣйствія Царя, которыми, по мнѣнію ихъ, обнаруживалось его презрѣніе къ

древнимъ обычаямъ македонскимъ. Это неудовольствіе вполнѣ обнаружилось въ городѣ Описѣ, и въ то самое время, когда Царь думалъ сдѣлать многимъ воинамъ величайшій и послѣдній подарокъ. Занимаясь своими торговыми предположеніями, онъ отправился изъ Сузы на кораблѣ въ море, и затѣмъ поднялся вверхъ по Тигру къ городу Опису; туда же приказалъ онъ итти и остальнымъ войскамъ, подъ начальствомъ Эфестіона. Здѣсь созвалъ онъ воиновъ, и объявилъ имъ, что намѣренъ отпустить домой всѣхъ, кто, отъ старости и отъ ранъ, сдѣлался неспособнымъ къ военной службѣ. Македоняне, нетерпѣливо желавшіе въ Индіи увольненія отъ службы, теперь чрезвычайно оскорбились предложеніемъ Александра, думая видѣть въ немъ пренебреженіе. Возникъ общій ропотъ, и вся армія громко потребовала увольненія. «Въ насъ теперь уже не нуждаются, кричали нѣкоторые, пускай же Царь, отецъ его, Аммонъ, и новые Персы, одни ведутъ войну.»

Такой поступокъ могъ имѣть самыя дурныя послѣдствія; онъ сильно раздражилъ Александра. Съ выраженіемъ жесточайшаго гнѣва указалъ онъ тѣлохранителямъ собственною рукою главнѣйшихъ крикуновъ, и повелѣлъ ихъ, числомъ до тридцати человѣкъ, отвести на казнь; затѣмъ взошелъ на приготовленное для него возвышеніе, и произнесъ слѣдующую рѣчь (которую мы заимствуемъ изъ Арріана) остальнымъ воинамъ, приведеннымъ въ ужасъ его рѣшительнымъ поступкомъ, и стоявшимъ вокругъ въ безмолвіи:

«Македоняне! Говорю съ вами не потому чтобы хотѣлъ удержать васъ отъ возвращенія на родину; по мнѣ, вы можете итти, куда хотите; желаю только напомнить вамъ, чѣмъ вы были прежде, и что вы теперь, когда меня оставляете. Отецъ мой, Филиппъ, засталъ васъ людьми бездомными, скудными: большею частію живя въ шалашахъ, вы пасли на горахъ бѣдныя стада овецъ, которыхъ едва могли защитить отъ Иллиріянъ, Трибалловъ и пограничныхъ Ѳракіянъ. Вмѣсто кожъ звѣриныхъ, онъ одѣлъ васъ въ платье, свелъ васъ съ горъ на равнины, и далъ вамъ возможность помѣряться силами съ сосѣдними варварами. Онъ поселилъ васъ въ городахъ, ввелъ среди васъ законы

и нравы; сдѣлалъ васъ господами тѣхъ варваровъ, у которыхъ прежде вы были рабами, которые грабили у васъ все, что вамъ ни принадлежало. Онъ присоединилъ къ Македоніи большую часть Ѳракіи; овладѣвъ удобнѣйшими мѣстами приморскими, открылъ торговлѣ путь въ свое государство, и обезопасилъ обработываніе горныхъ рудниковъ. Онъ сдѣлалъ васъ господами Ѳессалійцевъ, которыхъ прежде боялись вы, какъ смерти, усмирилъ Фокидянъ, и посредствомъ этого открылъ вамъ широкій и безопасный путь въ Грецію. Аѳинянъ и Ѳивянъ, которые всегда разставляли сѣти Македонянамъ, унизилъ онъ такъ, что они теперь, вмѣсто того, чтобы требовать отъ насъ дани, ищутъ нашего покровительства. Затѣмъ двинулся онъ въ Пелопоннезъ, и привелъ въ порядокъ Грецію. И когда онъ тамъ назначенъ былъ неограниченнымъ предводителемъ Грековъ противъ Персовъ, сія честь не менѣе относилась ко всему народу македонскому, какъ и къ нему самому.

«Вотъ дѣла, совершенныя для васъ моимъ отцемъ. Если разсматривать эти дѣла отдѣльно, сами по себѣ они велики, но въ сравненіи съ нашими подвигами, ничтожны. Къ пяти стамъ талантамъ долгу, оставленнаго мнѣ отцемъ моимъ, я присовокупилъ еще восемь сотъ талантовъ; затѣмъ оставилъ страну, которая едва могла прокормить васъ, и открылъ вамъ путь чрезъ Геллеспонтъ, хотя Персы тогда еще владычествовали на морѣ. Затѣмъ мы разбили сатраповъ Дарія, покорили всю Іонію, Эолію, обѣ Фригіи, Лидію, завоевали Милетъ. Всѣ сіи земли и другія, покорившіяся мнѣ добровольно, отдалъ я вамъ, чтобъ вы наслаждались плодами трудовъ своихъ. Богатства Египта и Киренаики, доставшіяся намъ безъ боя, сдѣлались вашими. Келесирія, Финикія, Месопотамія находятся въ вашихъ рукахъ; ваши Вавилонъ, Бактра и Суза. Богатства Лидіянъ, сокровища Персовъ, имущества Индійцевъ, даже берега Океана — принадлежатъ вамъ. Вы сатрапы, вы полководцы и начальники, а мнѣ отъ всѣхъ сихъ трудовъ не осталось ничего, кромѣ этой порфиры и діадимы. Я не владѣю ничѣмъ собственно для себя; никто не можетъ указать на собственныя мои сокровища: мои сокровища принадлежатъ

вамъ или сохраняются для васъ. У меня пѣть особенныхъ потребностей, для которыхъ я сталъ бы копить богатства; трапеза моя не лучше вашей, сплю я какъ вы. Я думаю даже, что столъ мой нерѣдко бываетъ проще и дешевле, нежели у нѣкоторыхъ изъ васъ. Я знаю, что бодрствую за васъ, чтобъ вы могли спать.

«Но, быть можетъ, въ то время, какъ вы переносили труды и безпокойства, я, предводитель вашъ, пріобрѣлъ все это безъ труда? Кто изъ васъ трудами своими получилъ право сказать, что онъ болѣе вытерпѣлъ для меня, чѣмъ я для него? Кто изъ васъ захочетъ показать свои раны, пусть обнажитъ ихъ: я покажу ему свои. Едва ли одинъ членъ въ моемъ тѣлѣ не былъ раненъ, едва ли есть оружіе, котораго слѣдовъ не носилъ бы я на себѣ. Я подвергался даже ударамъ камней и палицъ, и не смотря на то, веду васъ побѣдоносно по суши и по морю. Я заплатилъ долги каждаго изъ васъ, не разыскивая, отчего они были сдѣланы, тогда какъ вы получаете большое жалованье и пріобрѣли значительную добычу при разграбленіи завоеванныхъ городовъ. Умиралъ ли кто нибудь изъ васъ, онъ умиралъ съ честію, и съ честію былъ погребаемъ. Многимъ поставлены на родинѣ мѣдныя статуи; родители ихъ пользуются особенными почестями: они освобождены отъ всѣхъ казенныхъ повинностей и налоговъ, потому что подъ моимъ начальствомъ еще никто не былъ убитъ въ бѣгствѣ.

«И теперь хотѣлъ я тѣхъ изъ васъ, которые не могутъ долѣе переносить тягостей военной службы, отпустить на родину въ такомъ видѣ, что они могли бы возбудить зависть въ соотчичахъ. Но такъ какъ вы всѣ хотите итти домой, ступайте, и скажите тамъ, что вы оставили вашего Царя Александра, когда онъ побѣдилъ Персовъ, Мидянъ, Бактріянъ и Саковъ, покорилъ Уксіянъ, Арахотовъ и Дрангіянъ, овладѣлъ Парѳіею, Хоразміею и Гирканіею, перешелъ черезъ Паропамизъ, чрезъ Танаисъ, Оксусъ, даже черезъ Индъ, котораго никто еще не переступалъ прежде его, кромѣ Вакха, чрезъ Гидаспъ, Ацезинъ и Гидраотъ, и перешелъ бы черезъ Гифазъ, если бъ вы не полѣнились итти далѣе; двумя устьями Инда проплылъ онъ въ Океанъ,

и прошелъ черезъ степи Гедрозіи, по которымъ до него никто еще не проходилъ съ войскомъ; на походѣ покорилъ Караманію и Оритовъ, а флотъ его проплылъ море отъ Индіи до Персіи, и вы довели его до Сузы. Ступайте, говорю я, и разскажите на родинѣ, что вы бросили Царя своего, что вы предоставили охраненіе его побѣжденнымъ имъ варварамъ. Этимъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣтете вы славу у людей, и сдѣлаете угодное богамъ. Ступайте *)!»

Сказавъ сіи слова, онъ поспѣшно сошелъ съ возвышенія, и отправился во дворецъ. Македоняне, пораженные этою рѣчью, долго въ изумленіи стояли на мѣстѣ собранія, не зная, на что рѣшиться. Два дня Царь не показывался воинамъ, на третій велѣлъ прійти къ себѣ избраннымъ Персамъ, раздалъ имъ мѣста военачальническія, раздѣлилъ войско персидское на отряды, по обычаю македонскому, съ удержаніемъ прежнихъ названій македонскихъ, и выбралъ изъ нихъ, по обычаю, существовавшему при прежнемъ дворѣ персидскомъ, нѣсколько человѣкъ, называвшихся родственниками царя, и имѣвшихъ право цѣловать его. Македоняне не могли вытерпѣть этого: толпами осадили они врата дворца его, умоляли сжалиться надъ ними, и просили его показаться войску. Александръ вышелъ, и зрѣлище такого множества воиновъ, съ печальнымъ видомъ стоявшихъ предъ нимъ на колѣняхъ, тронуло его до слезъ. Одинъ изъ нихъ, Каллинъ, выступилъ впередъ и сказалъ ему: «Македонянъ огорчаетъ только то, что ты Персовъ сдѣлалъ своими родственниками, и позволилъ имъ цѣловать себя, какой чести не удостоивался прежде сего ни одинъ Македонянинъ.» — «Такъ я всѣхъ васъ признаю моими родственниками, отвѣчалъ Александръ, и съ сихъ поръ буду всегда звать васъ симъ именемъ!» Затѣмъ поцѣловалъ его Каллинъ, за Кал-

*) Древніе историки, въ своихъ твореніяхъ, очень часто приводятъ подобныя рѣчи, которыя они составляли сами на основаніи собственныхъ свѣдѣній или преданій о главномъ содержаніи сказаннаго. Приведенная нами рѣчь можетъ представить образецъ наглядности и живости, какую сіи рѣчи придаютъ повѣствованіямъ историческимъ.

линомъ всѣ, кто хотѣлъ. Воины были въ восхищеніи. Царь принесъ жертву по случаю примиренія, и далъ большое пиршество, въ которомъ участвовали девять тысячъ Македонянъ и Персовъ. Александръ сидѣлъ среди Македонянъ, и пилъ изъ одного кубка со всѣми. По обрядамъ греческихъ жрецовъ и волхвовъ, празднующіе приносили жертвы богамъ, желая согласія Македонянъ и Персовъ.

Ветераны, числомъ до десяти тысячъ, согласились отправиться въ Македонію. Но они должны были оставить всѣхъ дѣтей, которыхъ прижили съ азіятскими женами, чтобы не произошло какихъ нибудь несогласій въ ихъ семействахъ, а Александръ, съ своей стороны, обѣщалъ позаботиться о томъ, чтобы сіи дѣти воспитаны были, какъ Македоняне. Кромѣ жалованья, которое выдано было ветеранамъ, по расчету, до прибытія ихъ въ Македонію, каждый изъ нихъ получилъ въ подарокъ по таланту; сверхъ того Александръ предоставилъ имъ то преимущество, что они должны были занимать на родинѣ первыя мѣста на всѣхъ общественныхъ празднествахъ и играхъ. Такія чрезвычайныя наѓрады воспламенили все войнолюбивое юношество Греціи, сколько его оставалось отъ войнъ предшествовавшихъ, и оно охотно стремилось въ Азію къ Царю на пополненіе его арміи.

Эти свѣжія войска долженъ былъ привесть къ нему Антипатръ, бывшій до сихъ поръ правителемъ Македоніи и подвластныхъ ей земель европейскихъ; мѣсто его долженъ былъ заступить Кратеръ, предводитель возвращавшихся на родину ветерановъ. По какимъ причинамъ смѣненъ былъ Антипатръ, въ точности неизвѣстно. По свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, причиною тому были несогласія, возникшія между Антипатромъ и властолюбивою матерью Александра, Олимпіадою, которыхъ, изъ любви къ матери, онъ не хотѣлъ рѣшить въ пользу Антипатра. Разсказываютъ, что однажды, получивъ отъ Антипатра письмо, наполненное жалобами на Олимпіаду, онъ воскликнулъ: «Антипатръ не знаетъ, что одна слеза моей матери можетъ смыть тысячи его писемъ.» Но другіе думаютъ, что онъ удалилъ Антипатра по расчетамъ политическимъ, не желая

слишкомъ надолго ввѣрять одному человѣку управленіе столь важными землями, въ особенности же безпокойною Греціею, гдѣ именно около этого времени сдѣлана была попытка произвести новыя возмущенія.

Гарпалъ, другъ юности Александра, котораго онъ осыпалъ знаками своей благосклонности, и которому ввѣрилъ храненіе сокровищъ, находившихся въ Экбатанѣ, бѣжалъ при возвращеніи Царя изъ Индіи. Онъ устрашенъ былъ наказаніями, которымъ Царь подвергъ виновныхъ сатраповъ, ибо и самъ, при чрезвычайно расточительной жизни, не могъ надѣяться, что повелитель его будетъ имъ доволенъ. Сопровождаемый шестью тысячами наемныхъ воиновъ, захвативъ съ собою пять тысячъ талантовъ, онъ поспѣшилъ въ Грецію, и искалъ убѣжища въ Аѳинахъ. Щедро расточая сокровища, онъ склонилъ на свою сторону ораторовъ, имѣвшихъ сильное вліяніе въ народѣ; они говорили въ его пользу; но Демосѳенъ противился принятію его въ городъ, чтобы Аѳины не были вовлечены въ войну, несоразмѣрную съ ихъ силами. Не смотря на то, Гарпалъ получилъ позволеніе прибыть въ Аѳины. Антипатръ и Олимпіада требовали выдачи его, угрожали нападеніемъ на городъ. Гарпалъ былъ взятъ подъ стражу, успѣлъ однако жъ убѣжать изъ Аѳинъ, но былъ убитъ на островѣ Критѣ, и виною его гибели были именно несмѣтныя его богатства. Аѳиняне, страшась Македоніи, подвергли суду людей, подкупленыхъ Гарпаломъ или подозрѣваемыхъ въ томъ; въ это дѣло запутанъ былъ и Демосѳенъ, потому что онъ отсовѣтовалъ выдавать Гарпала Антипатру. Хотя не было ни какихъ достаточныхъ доказательствъ вины его, но судъ геліастовъ приговорилъ его къ уплатѣ въ пять разъ суммы, которую, какъ подозрѣвали, получилъ онъ отъ Гарпала (извѣстія разногласятъ между пятидесятью и двадцатью талантами). Онъ, разумѣется, не могъ уплатить ихъ, и отведенъ былъ въ тюрьму, изъ которой однако жъ скоро нашелъ случай уйти *). Около этого времени Александръ от-

*) Павзаній (кн. II, 33) сохранилъ извѣстіе, которое рѣшительно свидѣтельствуетъ о невинности Демосѳена. Служитель Гарпала,

далъ повелѣніе, чтобы всѣ греческіе изгнанники, коихъ число простиралось до двадцати тысячъ, снова приняты были городами, изъ которыхъ они были высланы. Такою мѣрою онъ составилъ почти въ каждомъ городѣ довольно значительную, приверженную къ себѣ партію, а въ лицѣ Кратера послалъ вѣрнаго наблюдателя въ сію безпокойную страну.

Самъ Александръ ни мало не думалъ о возвращеніи въ Грецію: онъ старался только сохранить въ ней спокойствіе, которое необходимо было для дальнѣйшихъ его замысловъ. Кромѣ изслѣдованія Каспійскаго Моря и предполагаемаго соединенія его съ Морями Чернымъ или Индійскимъ, для чего онъ повелѣлъ уже строить корабли и принималъ всѣ нужныя мѣры, Александра занимало предпріятіе противъ Аравіи: покореніе ея было важно для него, частію для безопасности и полноты его завоеваній, частію для торговыхъ сношеній съ Египтомъ, Индіею и землями по Персидскому Заливу. Должно знать, что Александръ очень высоко цѣнилъ торговлю, и заботился обо всемъ, что могло споспѣшествовать ей съ величайшею дальновидностью

чрезъ руки котораго проходили всѣ деньги, расточенныя имъ въ Аѳинахъ, пойманъ былъ македонскимъ намѣстникомъ Каріи, Филоксеномъ, который узналъ отъ него имена всѣхъ подкупленныхъ, и списокъ ихъ переслалъ въ Аѳины. Въ этомъ спискѣ о Демосѳенѣ не было упомянуто, а Демосѳенъ, надобно замѣтить, не только былъ ненавидимъ всѣми Македонянами, какъ самый опасный противникъ, но и былъ личнымъ врагомъ Филоксена. Разсказы Плутарха о подаркахъ, будто бы полученныхъ Демосѳеномъ отъ Гарпала, носятъ явные признаки выдумки злорѣчивыхъ противниковъ. Судьба не только при жизни, даже за гробомъ преслѣдовала великаго Демосѳена обвиненіемъ, что основою его политическихъ дѣйствій были побужденія нечистыя и своекорыстныя. Такъ говорили о немъ, что только персидское золото дѣлало его такимъ жаркимъ противникомъ Филиппа. Но если и предположимъ, что онъ дѣйствительно получалъ изъ Персіи денежныя суммы, нельзя осуждать его за это, потому что онъ употреблялъ ихъ единственно противъ утѣснителя греческой независимости, тогда какъ въ Аѳинахъ было очень трудно употребить для такой цѣли деньги общественныя.

и дѣятельностью. Уже заложены были корабельныя верфи, построены корабли, вызваны съ большими издержками моряки изъ Финикіи и другихъ приморскихъ странъ; самъ Александръ плавалъ по Эвфрату, нерѣдко собственною рукою правя рулемъ, для изслѣдованія свойствъ этой рѣки, и подвергался вліянію вредныхъ испареній, поднимающихся изъ болотъ, которыя тянутся вдоль береговъ ея.

Но между тѣмъ, какъ умъ его собиралъ запасы на безконечное время, близокъ былъ уже предѣлъ столь великихъ и важныхъ подвиговъ. Сначала смерть похитила того, кто, быть можетъ, былъ способнѣе всѣхъ сподвижниковъ Александра сдѣлаться его преемникомъ, Эфестіона, котораго согласіе съ видами и предположеніями Царя свидѣтельствовало, что ихъ обоихъ соединяла искренняя дружба. Святость этой дружбы со стороны Александра можно измѣрить величіемъ его горести. Онъ чувствовалъ, что осиротѣлъ въ неизмѣримомъ царствѣ своемъ: три дня не хотѣлъ онъ принимать ни пищи, ни питія, и отвергалъ всѣ утѣшенія. Десять тысячъ талантовъ употребилъ онъ на сооруженіе великолѣпнаго костра, на которомъ трупъ Эфестіона сожженъ былъ въ Вавилонѣ. Къ оракулу Юпитера Аммона посылалъ онъ спросить, можетъ ли онъ своего друга, какъ героя, почтить божескими почестями, и оракулъ далъ позволеніе.

Только дальнѣйшіе замыслы и занятіе предпріятіями, о которыхъ мы упомянули выше, воззвали его отъ сильной горести снова къ жизни, но на короткое время. Въ Вавилонѣ, откуда предпринималъ онъ плаваніе по Эвфрату, онъ внезапно занемогъ, и скончался (въ 323 году, олимп. 114, 1), къ величайшей горести осиротѣлаго войска. Въ самый день кончины допускаемы были къ нему воины, и почти всѣ, одинъ за другимъ, прощаясь подавали ему руку. Сказаніе, будто онъ былъ отравленъ, не имѣетъ ни какого основанія, и ему очень мало вѣрили и вѣрятъ. Напротивъ, у многихъ господствуетъ убѣжденіе, что причиною его смерти была невоздержная жизнь, ибо онъ занемогъ непосредственно послѣ пиршества. Но если даже и не вѣрить одному изъ достовѣрнѣйшихъ историковъ его, Аристовулу, кото-

рый говоритъ, что Александръ никогда не пилъ много вина, а давалъ пиры единственно изъ любви къ бесѣдѣ, разыскивая причины смерти его, должны мы взять въ соображеніе неимовѣрные труды, которые переносилъ онъ въ походахъ, и которымъ подвергался болѣе всѣхъ своихъ спутниковъ, должны взять въ соображеніе ту неутомимую дѣятельность духа, которая не покидала его въ самой болѣзни: до послѣдняго дня слушалъ онъ донесенія и предложенія своихъ военачальниковъ, и отдавалъ имъ приказанія. Принявъ въ соображеніе все это, можемъ найти естественную причину его смерти. Оплакивая кратковременность жизни Александра, мы должны ему дивиться: онъ прожилъ только тридцать три года, царствовалъ только двѣнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и совершилъ множество славныхъ подвиговъ.

9. Монархія Александра Великаго до смерти Пердикки.

(323 — 321 г. до Р. Х.)

Твердость, съ какою Александръ присоединилъ къ Македоніи громаду земель азіятскихъ, обнаружилась по смерти его тѣмъ, что ни одинъ изъ народовъ азіятскихъ не отпалъ отъ великой монархіи; раждался только вопросъ, кто изъ Македонянъ долженъ царствовать въ сей монархіи, а изъ этого вопроса вскорѣ возникъ другой: должна ли вся монархія составлять одно цѣлое или распасться на множество государствъ, управляемыхъ Македонянами?

Первый изъ сихъ вопросовъ возникъ изъ того, что по смерти велнкаго Царя, въ семействѣ его не было никого, кто бы могъ немедленно вступить на осиротѣлый тронъ на основаніи гласнаго права, или имѣлъ право занять его по способностямъ своимъ. Александръ оставилъ по себѣ беременную супругу, Роксану, побочнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ несовершеннолѣтняго сына, Геркулеса, и незаконнорожденнаго брата отъ другой матери, Арридея, который былъ слабоуменъ. Родственницы его, властолюбивая мать Але-

ксандра, Олимпіада, вдовствующая сестра его, Клеопатра (стр. 144), снова желавшая занять какой либо престолъ, сестра отца его, властолюбивая Кинана, дочь ея, Эвридика, и наконецъ сестра его отъ другой матери, Ѳессалоника, могли только посредствомъ происковъ вмѣшиваться въ дѣла болѣе или менѣе. Тѣмъ легче могли полководцы Александра смотрѣть на страны, завоеванныя вмѣстѣ съ нимъ, какъ на свое достояніе, а горделивое, пріобыкшее къ побѣдамъ войско, осиротѣвшее по смерти Александра, ожидало, чтобы какой либо сильный вождь снова оживилъ его. Все преисполнено было ожиданія и напряженнаго вниманія; открылось обширное поприще властолюбію, зависти и всѣмъ бурнымъ страстямъ.

Послѣ долгихъ споровъ между Пердиккою, которому умирающій Александръ вручилъ свой перстень, и который начальствовалъ отрядомъ благородныхъ всадниковъ, и Мелеагромъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ фалангу, судьба Монархіи была рѣшена: Арридей, подъ именемъ Филиппа, и сынъ Роксаны, въ то время еще ожидаемый, родившійся черезъ три мѣсяца, Александръ, объявлены были царями; Пердикка, Мелеагръ и Леоннатъ провозглашены ихъ опекунами и правителями государства. Но вскорѣ Пердикка повелѣлъ умертвить Мелеагра, и чтобы предварительно пріобрѣсть расположеніе остальныхъ военачальниковъ и успокоить ихъ, роздалъ имъ важнѣйшія провинціи обширной монархіи въ видѣ намѣстничествъ.

При этомъ раздѣлѣ особенно выступаютъ на поприще: Птоломей, которому достался богатый и безопасный Египетъ; Кратеръ, узнавшій о кончинѣ Александра на возвратномъ пути съ ветеранами, и Антипатръ, получившій управленіе родною своею Македоніею и Греціею; Антигонъ, которому достались богатыя провинціи Передней Азіи, Великая Фригія, Ликія и Памфилія; Лизимахъ, которому отдана была Ѳракія, и Леоннатъ, получившій Малую Фригію по Геллеспонту. Но спокойствіе, долженствовавшее быть слѣдствіемъ сего раздѣла, было очень непродолжительно, и вскорѣ возникли безпокойныя и разнообразныя волненія. Въ Европѣ начало имъ подалъ все еще необузданный духъ

своеволія Греціи. Греки уже были встревожены повелѣніемъ Александра о возвращеніи изгнанниковъ (стр. 230); въ особенности испуганы были Аѳины и Этолія, потому что для нихъ это повелѣніе наиболѣе было опасно. Кончина Александра дала этому броженію умовъ новую пищу и опредѣленную цѣль. Еще разъ блеснула въ Греціи надежда свергнуть иго македонское. Демосѳенъ, жившій въ изгнаніи въ Эгинѣ и Трезенѣ, откуда часто со слезами обращалъ взоры къ берегамъ своей родины, былъ немедленно вызванъ Аѳинянами, и принятъ съ громкими кликами радости. Аѳины и Этолія стали въ главѣ союза противъ Мэкедоніи, къ которому присоединились прочія греческія государства, за исключеніемъ Спарты и городовъ віотійскихъ, опасавшихся возстановленія Ѳивъ. Снаряженъ былъ значительный флотъ, выставлена армія въ тридцать тысячъ человѣкъ, и главное начальство надъ нею ввѣрено Леосѳену, который еще прежде выказалъ свое нерасположеніе къ Македонянамъ: онъ увелъ на родину пятьдесятъ тысячъ Грековъ, бывшихъ въ службѣ персидской, вопреки волѣ Александра, желавшаго употребить ихъ противъ Персовъ; посему, казалось, онъ былъ способнѣе другихъ къ исполненію возложеннаго на него порученія.

Такія приготовленія привели въ немалое затрудненіе Антипатра, имѣвшаго у себя мало войска. Превосходное число и одушевленіе Грековъ были причиною того, что онъ былъ разбитъ у Ѳермопильскихъ Ущелій, и принужденъ броситься въ укрѣпленный городъ Ламію. Отъ осады этого города и война носитъ названіе Ламійской. Греки требовали безусловной покорности, и Антипатръ долженъ былъ ожидать своего спасенія отъ другихъ. Леоннатъ, прибывшій въ Македонію собственно для того, чтобы вступивъ въ бракъ съ Клеопатрою, пріобрѣсть права на престолъ, хотѣлъ было освободить его, но въ битвѣ съ Антифиломъ, принявшимъ начальство надъ греческими войсками послѣ убитаго Леосѳена, потеряль и сраженіе и жизнь. Къ счастію Антипатра, въ это время прибылъ изъ Азіи Кратеръ съ своими ветеранами: онъ оказалъ ему дѣйствительную помощь. Греки, ослабленные отдѣленіемъ нѣсколькихъ отря-

довъ, были разбиты близъ Кранона, и благоразуміе Антипатра довершило побѣду. Пользуясь первымъ ужасомъ, онъ, посредствомъ договоровъ съ отдѣльными государствами, до того раздѣлилъ союзъ, что наконецъ на позорищѣ войны остались одни Аѳиняне и Этоляне: они должны были предаться совершенно на волю побѣдителя.

Рѣшеніе побѣдителя относительно Аѳинъ состояло въ томъ, что демократическое устройство въ Аѳинахъ должно было уничтожиться; всѣ тѣ, коихъ имущество было ниже мѣры, назначенной Антипатромъ, были удалены отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, и отчасти переселены во Ѳракію, для обработыванія тамошнихъ земель. Чтобы вѣрнѣе держать въ повиновеніи остальныхъ жителей этого сословія и гражданъ, имѣвшихъ право участвовать въ правленіи, оставленъ былъ въ гавани Мунихіи македонскій гарнизонъ. Такъ плачевно окончилось начавшееся съ большимъ одушевленіемъ возстаніе для возвращенія прежней свободы! Въ то же время погибъ и неутомимый поборникъ сей войны, Демосѳенъ. Онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ отъ смертной казни, къ которой приговорилъ его народъ, трепетавшій Македонянъ, но посланные вслѣдъ за нимъ македонскіе воины нашли его въ храмѣ Посидона, на островѣ Калавріи. Ему оставалось на выборъ впасть въ руки жестокаго и мстительнаго Антипатра или лишить себя жизни: онъ высосалъ ядъ, которымъ напитано было его писчее перо (стиль), и умеръ не отъ рукъ врага (322). Старый противникъ его, Фокіонъ, по поводу извѣстнаго своего образа мыслей, благопріятнаго Македонянамъ, поставленный Антипатромъ въ главѣ правленія, пользовался великимъ уваженіемъ, какое оказывалъ ему Антипатръ, для благоденствія своей родины, и тѣмъ облегчалъ тягость повиновенія Македонянамъ, которымъ всегда совѣтовалъ подчиниться. Этоляне, быть можетъ, подверглись бы еще худшей участи, потому что они, въ надеждѣ на твердое естественное положеніе страны своей, все еще упрямо противились Антипатру, который хотѣлъ напасть на нихъ уже въ собственныхъ ихъ предѣлахъ. Къ счастію ихъ, вниманіе Антипатра и Кратера

обратилось на важнѣйшія дѣла въ Азіи, въ которыхъ приняли участіе и Этоляне.

Пердикка обнаруживалъ яснѣе и яснѣе свое стремленіе сдѣлаться верховнымъ повелителемъ всей монархіи. Съ этою цѣлію задумалъ онъ вступить въ родство съ царскимъ домомъ, и рѣшился сочетаться бракомъ съ Клеопатрою, сестрою Александра. Войско, напротивъ того, желало сочетать съ хитрою Эвридикою Филиппа Арридея, который держался преимущественно пособіемъ Мелеагра. Опасаясь, что этотъ бракъ уничтожитъ всѣ его планы, Пердикка повелѣлъ умертвить Кинану, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ, но возстаніе войскъ принудило его согласиться на бракъ Царя съ дочерью убитой. Пердикка не оставлялъ однако жъ своихъ замысловъ. Въ намѣреніи удерживать въ предѣлахъ умнаго и честолюбиваго Антигона, котораго онъ особенно опасался, Пердикка ввѣрилъ управленіе сосѣдственными съ нимъ провинціями, Каппадокіею и Пафлагоніею, Эвмену изъ Кардіи, одному изъ искуснѣйшихъ Александровыхъ полководцевъ, который всѣмъ обязанъ былъ дружбѣ съ Пердиккою; иначе, не будучи Македонянином, онъ никогда не получилъ бы такого мѣста. Теперь обвинилъ онъ Антигона передъ войскомъ, и принудилъ его бѣжать въ Македонію. Тамъ Антигонъ легко склонилъ Кратера и Антипатра выступить противъ Пердикки съ соединенными силами. Антипатръ былъ особенно раздраженъ противъ Пердикки, тѣмъ что Пердикка, задумавъ породниться съ царскимъ домомъ, изгналъ прежнюю свою супругу, дочь Антипатра. Антигонъ, Кратеръ и Антипатръ рѣшились сдѣлать совокупное нападеніе на чрезмѣру сильнаго правителя государства, надѣясь въ то же время на помощь Птоломея, который сначала сильно настаивалъ на раздѣлѣ провинцій, и теперь, казалось, считалъ уже Египетъ, по естественному положенію весьма удобный къ отдѣльной самостоятельности, своимъ достояніемъ. Онъ уже увеличилъ свои владѣнія покореніемъ Киренаики. Расположеніе Македонянъ пріобрѣлъ онъ тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы перевезти трупъ Александра въ храмъ Юпитера Аммона, повелѣлъ похоронить его сначала въ Мем-

фисѣ *), а въ послѣдствіи перевезъ въ Александрію, гдѣ воздвигъ надъ гробницею его великолѣпный храмъ. Немедленно по прибытіи своемъ въ Египетъ, онъ повелѣлъ предать смерти намѣстника, поставленнаго тамъ еще Александромъ, потому что считалъ его слишкомъ вѣрнымъ другомъ Пердикки: такимъ поступкомъ выказалъ онъ свою личную непріязненность къ послѣднему.

Пердикка принялъ надлежащія мѣры противъ всѣхъ сихъ враговъ. Чтобы удержать соперниковъ, идущихъ изъ Македоніи, онъ расположилъ на берегахъ Гелеспонта сильное и опытное войско; въ то же время Этоляне, по его побужденію, должны были напасть на Македонію и занять ея правителей, а самъ онъ, съ другою арміею, въ сопровожденіи Царей, двинулся на Египетъ (321).

Эвменъ не могъ воспрепятствовать противникамъ перейти черезъ Геллеспонтъ: въ его арміи нашлись измѣнники; Неоптолемъ, съ своимъ отрядомъ, передался врагамъ. Кратеръ, стоявшій противъ Эвмена, надѣялся, что и другіе послѣдуютъ примѣру Неоптолема, полагая, что вообще всѣ Македоняне, находящіеся въ войскѣ Эвмена, изъ уваженія къ старому вождю своему, не будутъ съ нимъ сражаться. Но Эвменъ уничтожилъ эти надежды: онъ очень искусно умѣлъ скрыть отъ своихъ воиновъ, противъ кого ведетъ ихъ. Началась битва. Эвменъ съ величайшею храбростью

---

*) Не прежде какъ въ это время, черезъ два года по смерти Александра, окончены были великолѣпныя приготовленія для перевезенія и погребенія смертныхъ его останковъ. Описаніе ихъ сохранилъ Діодоръ. Самая гробница была, можетъ быть, наименѣе драгоцѣннымъ изъ всѣхъ предметовъ, служившихъ для этой цѣли, хотя она вся вылита была изъ золота, и до половины наполнена самыми рѣдкими ароматами. Колесница, на которой везли гробъ, была украшена золотомъ, драгоцѣнными каменьями, коврами и изображеніями; ее везли шестьдесятъ четыре мула. Едва ли самъ живой герой возбуждалъ въ своихъ походахъ столько любопытства, сколько возбуждала его погребальная колесница. Вся дорога отъ Вавилона до Египта, по которой тянулся блистательный поѣздъ, усѣяна была людьми. Птоломей со всѣмъ войскомъ вышелъ навстрѣчу на границу, и принялъ трупъ.

сражался въ главѣ своей азіятской конницы, и отстоялъ побѣду. Кратеръ и Неоптолемъ лишились жизни: Кратеръ упалъ съ лошади и былъ раздавленъ; Неоптолемъ раненъ былъ смертельно въ единоборствѣ съ Эвменомъ.

Но выгоды, пріобрѣтенныя этою побѣдой, не имѣли дальнѣйшихъ слѣдствій, потому что походъ Пердикки на Египетъ кончился несчастливо. Горделивое обращеніе его возбуждало сильное неудовольствіе; многіе перешли на сторону кроткаго и щедраго Птоломея; въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ Пиѳонъ. И послѣ этихъ переходовъ оставалось въ лагерѣ Пердикки много недовольныхъ. Вспыхнуло возмущеніе; бунтовщики вломились въ палатку Пердикки, и умертвили его (321).

10. Борьба за господство надъ монархіею Александра.

(320 — 309).

Симъ событіемъ совершенно измѣнилось положеніе дѣлъ: въ Триспарадизѣ, въ Сиріи, куда прибыли Антипатръ и Антигонъ, открылись новыя совѣщанія объ управленіи государствомъ. Такъ какъ Птоломей, довольный своею провинціей, благоразумно отказался отъ всякаго другаго званія, то Антипатръ, вопреки желанію Эвридики, избранъ былъ опекуномъ Царей и правителемъ государства. При новомъ раздѣлѣ провинцій, не забыты были друзья союзниковъ: изъ нихъ въ особенности можно замѣтить Селевка, который до тѣхъ поръ былъ предводителемъ благородной конницы, а теперь получилъ въ управленіе Вавилонію. Мидія досталась Пиѳону. Эвменъ и Алкетъ, братъ Пердикки, были осуждены на смерть. Антигону, возвращавшемуся въ свое намѣстничество, поручено было воевать противъ нихъ. Но Антипатръ не довѣрялъ Антигону, стремившемуся къ власти независимой; сначала приставилъ онъ къ нему стражемъ сына своего Кассандра, а потомъ взялъ у него часть войска царскаго и слоновъ, и въ свитѣ Царей отвелъ ихъ съ собою въ Европу.

Антигонъ началъ войну съ большимъ успѣхомъ (320). Эвменъ, отъ вѣроломства нѣкоторыхъ предводителей, потерпѣлъ пораженіе, которое повлекло за собою переходъ многихъ отрядовъ его на сторону непріятеля, и принужденъ былъ броситься въ сильную горную крѣпость Нору. Алкетъ былъ выданъ мертвый обитателями писидійскаго города Термесса. Но Антигонъ не хотѣлъ губить человѣка съ умомъ и способностями Эвмена: лучше было употребить его въ пользу, для исполненія своихъ замысловъ. По этому онъ предложилъ Эвмену свободный выходъ изъ крѣпости, въ которой онъ былъ осажденъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обязался служить ему и быть ему другомъ. Эвменъ гнушался службою Антигону, но воспользовался симъ предложеніемъ, чтобы обмануть его и выйти на свободу. Онъ подмѣнилъ присягу, которую долженъ былъ принести, и вмѣсто того, чтобы просто поклясться въ вѣрности Антигону, поклялся въ вѣрности Царямъ и ихъ приверженцамъ. Македоняне, осаждавшіе Нору, были довольны такою клятвою; они отпустили его, и Антигонъ увидѣлъ слишкомъ поздно, что былъ обманутъ.

Около сего времени умеръ Антипатръ и, вѣроятно по принужденію (если только должно приписать это дѣло ему, а не лицамъ, окружавшимъ молодаго Царя), вмѣсто сына своего, Кассандра, назначилъ по себѣ преемникомъ стараго, опытнаго полководца Александрова, Полисперхона, которому не по силамъ было управленіе Македоніею въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ *). Кассандръ, оскорбленный симъ выборомъ, употребилъ всѣ средства, чтобы поддержать свои притязанія, и поспѣшилъ въ Азію къ Антигону. Антигонъ уже едва скрывалъ свое стремленіе къ самовластію; начиная дѣйствовать открыто противъ царскаго дома, видѣлъ онъ, что защитникъ онаго, Полисперхонъ, готовится къ борьбѣ, и потому соединился съ Кас-

*) Эліанъ, составляя списокъ людей, возвысившихся изъ низкаго званія, говоритъ о Полисперхонѣ, что онъ первоначально занимался разбоемъ; быть можетъ, онъ грабилъ сосѣднихъ варваровъ. Вѣроятно, онъ былъ храбръ, но необразованъ и свирѣпъ.

сандромъ. Въ Азіи и въ Европѣ началась война, въ которой домъ царскій является уже просто въ видѣ партіи.

Чтобы утвердиться въ Македоніи, Полисперхонъ вызвалъ изъ Эпира Олимпіаду, старую непріятельницу Антипатра и его рода. Въ то же время онъ предложилъ Грекамъ, отъ имени Царей, возстановить ихъ древнюю свободу изгнаніемъ правителей и гарнизоновъ, поставленныхъ Антипатромъ. Наконецъ онъ заключилъ союзъ съ Эвменомъ, провозгласилъ его предводителемъ царскихъ войскъ въ Азіи, въ числѣ коихъ былъ трехтысячный отрядъ аргираспидовъ (вооруженныхъ серебряными щитами), гордившихся и старшинствомъ и испытаннымъ мужествомъ, передалъ въ его распоряженіе тамошнія царскія казнохранилища, и поручилъ ему вести войну противъ Антигона.

Сія новая война и въ Европѣ и въ Азіи окончилась не въ пользу царскаго дома. Аѳиняне изгнали гарнизонъ Антипатровъ, возстановили прежнюю свою демократію, и Фокіонъ приговоренъ былъ мстительнымъ народомъ къ принятію яда. Онъ осушилъ роковую чашу съ тѣмъ безстрастнымъ спокойствіемъ, которое онъ постоянно старался внушить своему отечеству, и которое одно могло поддержать Аѳинянъ (318). Но торжество ихъ было кратковременно: Кассандръ явился съ войскомъ и флотомъ, и овладѣлъ городомъ и гаванью. Онъ снова ограничилъ въ Аѳинахъ народное господство, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ оно ограничено было Антипатромъ, и заставилъ Аѳинянъ признать главою государства достойнаго и ученаго Димитрія Фалерейскаго, друга Фокіонова, который, вмѣстѣ съ Фокіономъ, приговоренъ былъ къ смерти, но, къ счастію, находился въ то время въ отсутствіи. Тщетно сынъ Полисперхона, Александръ, пытался этому воспрепятствовать. Отецъ его также напрасно старался поддержать свое воззваніе къ возвращенію свободы въ городахъ пелопоннезскихъ. Онъ осадилъ Мегалополь, но жители счастливо оборонялись отъ его машинъ, метавшихъ камни и стрѣлы, и отъ слоновъ его, которыхъ прежде того никогда не видали. Въ то же время Антигонъ разбилъ на

Геллеспонтѣ начальника его флота, Клита. Отъ всѣхъ сихъ неудачъ Полисперхонъ потерялъ уваженіе и довѣренность.

Эвменъ, снова принявшій въ Азіи начальство надъ войскомъ, долженъ былъ при томъ предубѣжденіи, которое имѣли противъ него (онъ прежде того осужденъ былъ Македонянами на смерть) дѣйствовать съ крайнею осторожностью, и употреблять все свое благоразуміе, чтобы удержать воиновъ въ вѣрности къ Царямъ, и отклонить ихъ отъ обольщеній Антигона и Птоломея. Онъ не принялъ предложеннаго ему Полисперхономъ подарка, въ пятьсотъ талантовъ, и, чтобы подчиненные ему начальники не завидовали ни ему, ни другъ другу, онъ, подъ предлогомъ вѣщаго сновидѣнія, предложилъ воздвигнуть въ палаткѣ золотой тронъ, положить на немъ діадиму и скипетръ, производить совѣщанія передъ симъ тономъ, и отдавать повелѣнія именемъ Царя, какъ будто бы онъ еще былъ живъ. Всѣ согласились на это предложеніе, и такъ какъ Эвменъ изъ суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе Полисперхономъ, могъ платить богатое жалованье, армія его вскорѣ значительно увеличилась. Онъ двинулся къ Финикіи, чтобы тамъ собрать корабли (318). Но, по разбитіи Антигономъ царскаго флота, онъ не могъ держаться у береговъ, и рѣшился итти въ провинціи дальней Азіи. Тамъ происходила не менѣе жестокая борьба о господствѣ и власти, какъ и въ Малой Азіи. Пиѳонъ, сатрапъ Мидіи, угрожалъ прочимъ намѣстникамъ восточныхъ провинцій; они подняли противъ него оружіе, и вогнали его обратно въ предѣлы его сатрапіи. Пиѳонъ вступилъ въ союзъ съ вавилонскимъ намѣстникомъ Селевкомъ, а съ ними обоими заключилъ союзъ Антигонъ, между тѣмъ какъ Эвмена поддерживали сатрапы, враждовавшіе съ Пиѳономъ. Антигонъ перешелъ позади его черезъ Тигръ, но когда онъ хотѣлъ двинуться за нимъ далѣе и перейти рѣку Копатръ, Эвменъ истребилъ часть его войска, и принудилъ его къ отступленію. Одержавъ сію побѣду, Эвменъ хотѣлъ воротиться въ Переднюю Азію, но зависть союзныхъ съ нимъ намѣстниковъ, изъ коихъ Певкестъ стремился къ главному начальству надъ войсками, остановила его. Они требовали, чтобы война

перенесена была въ Мидію, куда обратился Антигонъ. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ походахъ вся хитрость Антигона уничтожена была воинскимъ искусствомъ Эвмена. Въ двухъ битвахъ Антигонъ потерпѣлъ пораженіе, но вторая побѣда, по случаю измѣны, послужила въ пагубу Эвмену. Аргираспиды, лишившись во время битвы своихъ пожитковъ, женъ и дѣтей, тайно дали знать Антигону, что за возвращеніе ихъ, они готовы выдать ему Эвмена. Такъ и сдѣлалось: Антигонъ предалъ Эвмена казни (315), присоединилъ къ своей арміи большую часть войска, лишеннаго вождя, и очень скоро показалъ прочимъ сатрапамъ, что паденіе Эвмена повлекло за собою только ихъ униженіе и его возвышеніе. Онъ заманилъ къ себѣ Пиѳона, который тайно противился ему, и приказалъ его умертвить; Невкестъ и Селевкъ были имъ изгнаны; прочіе намѣстники спаслись безусловною покорностью.

Обремененный огромными сокровищами царскими изъ Персиды, Сузы, Мидіи и Киликіи, и сопровождаемый грознымъ войскомъ, Антигонъ возвратился въ Переднюю Азію, чтобы, какъ здѣсь, такъ и въ Греціи, уничтожить всѣ преграды своимъ властолюбивымъ надеждамъ. Между тѣмъ уже безъ его содѣйствія сдѣланъ былъ важный шагъ къ исполненію ихъ: началось истребленіе законнаго царскаго рода, и примѣръ поданъ былъ членомъ самого этого семейства. Полисперхонъ вызвалъ въ Македонію Олимпіаду, надѣясь найти въ ней помощницу противъ домогательствъ Кассандра. Эвридика старалась воспрепятствовать возвращенію Олимпіады, но тщетно. За это Олимпіада приказала посадить въ темницу и умертвить супруга ея, Филиппа Арридея. Эвридика, которой она послала на выборъ мечъ, петлю и чашу съ ядомъ, повѣсилась на своемъ поясѣ, и умирая изъявила желаніе, чтобы Олимпіада испытала подобную участь (317). Кассандръ, котораго братъ, Никаноръ, равнымъ образомъ былъ умерщвленъ по повелѣнію Олимпіады, очень скоро выполнилъ это желаніе. Утвердивъ почти во всей Греціи и особенно въ Пелопоннезѣ свое вліяніе, вопреки усиліямъ Полисперхона, потерявшаго все значеніе, онъ вторгнулся, не встрѣчая большаго сопротивленія, въ

Македонію, и принудилъ Олимпіаду искать убѣжища въ стѣнахъ Пидны. Олимпіада надѣялась, что Полисперхонъ и Царь Эпирскій освободятъ ее, но Кассандръ успѣлъ обольстить войско Полисперхона, и переманить его къ себѣ, успѣлъ также отнять царство у Эакида, Царя Эпирскаго. Олимпіада должна была сдаться: мать Александра, по требованію Кассандра, была обвинена въ убійствѣ особъ царскаго дома, Антипатра и многихъ другихъ благородныхъ Македонянъ, и предана казни (315).

Роксана и сынъ ея, Александръ, по распоряженію Кассандра, содержались подъ строгимъ присмотромъ въ Амфиполѣ; юный Царь воспитываемъ былъ отнюдь не по-царски. Ѳессалоника пощажена была только потому, что Кассандръ бракомъ съ нею надѣялся придать болѣе блеска своему господству; все это болѣе и болѣе содѣйствовало къ униженію царскаго дома. Единственными защитниками его оставались Полисперхонъ, удалившійся, по смерти Олимпіады, въ Этолію, и сынъ его, Александръ, но они не имѣли силъ, чтобы состязаться съ такими противниками, каковы были Антигонъ и Кассандръ.

Новая борьба между полководцами началась по возвращеніи Антигона на западъ, гдѣ между тѣмъ прочіе полководцы усилили и распространили свою власть. Кассандръ владѣлъ Македоніею и бо́льшею частію Греціи. Асандръ, сатрапъ Каріи, распространилъ свою власть надъ многими областями Азіи. Птоломей властвовалъ въ Сиріи и Финикіи, а Лизимахъ перешагнулъ черезъ Геллеспонтъ въ Мизію. Заключивъ между собою союзъ, они потребовали, чтобъ Антигонъ раздѣлилъ съ ними царскія сокровища, призналъ за ними тѣ области, которыми они овладѣли, и возвратилъ Вавилонъ присоединившемуся къ нимъ Селевку, или готовился къ войнѣ. Антигонъ отвѣчалъ, что онъ уже занимается приготовленіями къ войнѣ съ Птоломеемъ. Онъ надѣялся на свое оружіе и счастіе.

Предусмотрительный Птоломей уклонился отъ борьбы съ нимъ, и оставилъ ему на жертву Сирію и Финикію (314). Одинъ только Тиръ задержалъ Антигона подъ своими стѣнами четырнадцать мѣсяцевъ; онъ могъ взять его не

прежде, какъ снарядивъ достаточный флотъ. Птоломей увелъ всѣ корабли, какіе только находились въ сей провинціи, и по этому Антигонъ принужденъ былъ употребить величайшія усилія, чтобы построить новые. Восемь тысячъ человѣкъ должны были ежедневно рубить лѣсъ на Ливанѣ; двѣ тысячи вьючныхъ животныхъ свозили его на финикійскія верфи. Такая же дѣятельность кипѣла въ Киликіи, на Горахъ Таврскихъ. Въ то же время побѣжденъ былъ Асандръ, а Лизимахъ, запутавшійся во Ѳракіи въ разныя войны, заключилъ союзъ съ Полисперхономъ и сыномъ его, Александромъ. Противъ Кассандра внезапно выступилъ Антигонъ въ качествѣ защитника семейства царскаго, и обвинялъ его передъ войскомъ въ томъ, что онъ казнилъ Олимпіаду, обращается дурно съ юнымъ Царемъ, принудилъ къ браку съ собою Ѳессалонику, возстановилъ Ѳивы, и Олинѳянъ, злѣйшихъ враговъ Македоніи, поселилъ въ новомъ городѣ, названномъ по его имени*). Въ слѣдствіе этого рѣшено было считать Кассандра врагомъ государства, если онъ не разрушитъ новопостроенныхъ городовъ, не освободитъ Роксаны и Александра, и не будетъ повиноваться верховному правителю государства, Антигону. Съ тѣмъ вмѣстѣ Греки, которыхъ Антигонъ вѣроятно хотѣлъ только обмануть и переманить на свою сторону, объявлены были свободными и независимыми. Выгода, которую Антигонъ могъ получить такимъ объявленіемъ, казалась Птоломею столь значительною, что и онъ, съ своей стороны, обнародовалъ такое же объявленіе, чтобы склонить Грековъ въ свою пользу.

Для уничтоженія власти Кассандра въ Греціи, Антигонъ отправилъ туда Милетянина Аристодема. Началась война въ несчастномъ Пелопоннезѣ, замѣчательная по безпрерывнымъ перемѣнамъ соперниковъ и судьбы сраженій. Александръ, сынъ Полисперхона, перешелъ на сторону

*) Въ возстановленіи Ѳивъ принимали большое участіе многіе греческіе города, даже въ Италіи и Сициліи; они дѣлали въ пользу сего города разныя пожертвованія, частію изъ состраданія, частію изъ уваженія къ древней миѳической его славѣ. Кассандрія построена была на мѣстѣ Потидеи, разрушенной Филиппомъ.

Кассандра. Телесфоръ, присланный въ Грецію Антигономъ съ новымъ войскомъ, дѣйствовалъ нѣсколько времени какъ полководецъ независимый, помощью сокровищъ, похищенныхъ изъ храма олимпійскаго. Въ слѣдствіе такихъ перемѣнъ, перевѣсъ склонялся то на сторону Антигона, то на сторону Кассандра. Наконецъ вліяніе послѣдняго было совершенно уничтожено во всемъ Пелопоннезѣ, за исключеніемъ Коринѳа и Сикіона, который, по убіеніи Александра, мужественно защищала вдова его, Кратесиполида. Не такъ рѣшительна была война, которую велъ Кассандръ, въ соединеніи съ Акарнанянами, противъ Этоліи и Эпира, въ которомъ снова утвердился Эакидъ. За то счастливо дѣйствовалъ племянникъ Антигона, Птоломей: онъ изгналъ гарнизоны Кассандровы изъ Эвбеи, Віотіи и пр., и побѣдами своими заставилъ трепетать самыя Аѳины. Уже Антигонъ собирался итти черезъ Геллеспонтъ на помощь къ своимъ войскамъ, пробиравшимся изъ Греціи къ Македоніи; вдругъ остановленъ былъ вѣстью о пораженіи его войскъ въ Сиріи. Сынъ его Димитрій, двадцатидвухлѣтній славолюбивый юноша, оставленный для защиты Сиріи, счелъ за стыдъ уклониться отъ битвы съ Птоломеемъ Египетскимъ, вторгнувшимся въ эту страну, и былъ разбитъ наголову близъ Газы (312). Сирія и Финикія сдѣлались добычею побѣдителя, но онъ вскорѣ долженъ былъ оставить ихъ снова, когда явился самъ Антигонъ. Напротивъ того, Селевкъ, овладѣвшій Вавиломіею немедленно послѣ битвы при Газѣ, мужественно отразилъ всѣ покушенія Антигона отнять у него сію область *). Сверхъ того сей полководецъ, незадолго до того бывшій бѣглецомъ, завоевалъ Сузіану и Мидію, и въ слѣдующіе годы распространилъ свои владѣнія до Инда. Антигонъ, при всемъ томъ, превышалъ своими средствами силы Кассандра, Лизимаха и Птоломея. Посему они вступили съ нимъ въ переговоры,

*) Съ этого завоеванія Вавилона (осенью 312 г. до Р. Х., олимп. 117, 1) начинается новая эра, называемая Эрою Селевкидовъ, съ которой установлено было вести лѣтосчисленіе въ Царствѣ Сирійскомъ.

признали его властителемъ Азіи, и заставили утвердить за собою тѣ земли, которыми они владѣли. О раздѣлѣ завоеванныхъ провинцій и сокровищъ, полученныхъ въ добычу, уже не упоминали. Такимъ образомъ утвержденъ былъ миръ (311), но только на короткое время.

Кассандръ, за которымъ, по договору, утверждено было господство въ Европѣ только до совершеннолѣтія Александра, сына Роксаны, не могъ дышать свободно, пока послѣдній былъ въ живыхъ. По его повелѣнію, юный Царь умерщвленъ былъ вмѣстѣ съ своею матерью (311). Вслѣдъ за тѣмъ и шестнадцатилѣтній Геркулесъ, (см. выше, стр. 232) который до сихъ поръ воспитывался въ Пергамѣ, и котораго Полисперхонъ рѣшился было посадить на престолъ при помощи Этолянъ, палъ жертвою преступнаго честолюбія Кассандра. Старый и слабый Полисперхонъ склонился на обѣщанія его, и отравилъ юнаго царевича (309). Клеопатра, сестра Александра Великаго, была умерщвлена по повелѣнію Антигона, когда мятежный племянникъ его, Птоломей, началъ искать ея руки.

Такимъ образомъ были изведены всѣ члены царскаго дома, за исключеніемъ одной Ѳессалоники; не было законнаго наслѣдника престола, коего совершеннолѣтіе могло бы положить предѣлъ безпрерывнымъ и опустошительнымъ войнамъ между полководцами. Они раздѣлили между собою великое наслѣдіе Александра, и теперь оставался только одинъ вопросъ, въ какомъ отношеніи будутъ они находиться другъ къ другу.

11. Битвы и паденіе Антигона.

(309 — 301).

На позорищѣ оставались только пять полководцевъ Александра; отъ нихъ зависѣла судьба огромныхъ земель. Дѣятельный Кассандръ имѣлъ значеніе, какъ супругъ Ѳессалоники, единственной отрасли царскаго дома, и властитель главной страны, Македоніи, а съ этимъ владѣніемъ сопряжено было и вліяніе на Грецію. Антигонъ соединилъ подъ своею властью богатыя области Передней Азіи. Вѣр-

нымъ и твердымъ помощникомъ во всѣхъ его неутомимыхъ замыслахъ былъ сынъ его Димитрій *), котораго духъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ изображеніемъ его вѣка. Онъ любилъ ученое образованіе, и въ безпокойной дѣятельности своей искалъ счастія въ чувственныхъ наслажденіяхъ, облагороженныхъ изящными искусствами. Характеръ Птоломея, казалось, соотвѣтствовалъ странѣ, надъ которою онъ господствовалъ. Довольный ея безопасностью и богатствомъ, онъ не стремился къ распространенію своихъ владѣній; но его флотъ и обладаніе Кипромъ приводили его въ постоянное, непосредственное соприкосновеніе съ греческими народами, обитавшими по берегамъ Азіи, и съ собственною Греціею. Царство Лизимаха было значительно не столько по объему, сколько по своему положенію между Азіею и Европою. Селевкъ еще уступалъ прочимъ (объ немъ въ послѣднемъ мирномъ договорѣ не было упомянуто), но постепенно усиливался, и мы вскорѣ увидимъ, что его участіе давало рѣшительный оборотъ въ борьбѣ другихъ полководцевъ.

Предлогомъ къ возстанію полководцевъ другъ на друга было возстановленіе свободы Греціи, о чемъ въ послѣдній мирный договоръ включена была особенная статья. Ни одинъ полководецъ не выводилъ своихъ гарнизоновъ изъ греческихъ городовъ, которые находились въ его власти, и каждый, усиливаясь вытѣснить другаго, могъ принять видъ, будто желаетъ сохранить миръ, и хочетъ только исполнить условія его и возвратить городамъ независимость. Антигонъ, съ своей стороны, далъ подобное порученіе сыну своему, Димитрію, и послалъ его съ флотомъ къ Аѳинамъ. Димитрій, воспламененный древнею славою Греціи, охотно принялъ сіе порученіе, и успѣшно его исполнилъ (307). Онъ изгналъ Димитрія Фалерейскаго, возстановилъ въ Аѳинахъ

*) Однажды Антигонъ давалъ аудіенцію иностраннымъ посламъ. Димитрій, возвратившись съ охоты, обнялъ своего отца, и сѣлъ съ оружіемъ подлѣ него. Антигонъ сказалъ отходившимъ посланникамъ: «Разскажите объ насъ и то, какъ мы живемъ другъ съ другомъ.»

прежнее демократическое правленіе, и даже доставилъ Аѳинянамъ корабельный лѣсъ для постройки флота; казалось, онъ хотѣлъ возстановить древнее могущество сего государства. Но Аѳиняне изъявленіемъ своей благодарности доказали, до какой степени измѣнился ихъ древній образъ мыслей. Они дали ему и отцу его титло царя, отмѣненное ихъ предками, поставили ихъ статуи наряду съ статуями Гармодія и Аристогитона, признали ихъ своими богами-покровителями, воздвигли жертвенникъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Димитрій сошелъ съ корабля, и наконецъ рѣшили вопрошать его въ будущее время, какъ божественное прорицалище. Димитрій, упоенный такими ласкательствами любезныхъ своихъ Аѳинъ, жаждалъ подобной благодарности и отъ всей Греціи. Онъ уже освободилъ Мегару, и собирался даровать такое же счастіе Сикіону и Коринѳу, находившимся во власти Птоломея, но былъ отозванъ отцемъ, который поручилъ ему отнять Кипръ у властителя Египта. Съ огромными средствами приступилъ Димитрій къ исполненію сего порученія, и выказалъ при осадѣ Саламиса всю свою изобрѣтательность въ устроеніи новыхъ осадныхъ машинъ, которыя доставили ему прозваніе покорителя городовъ (поліоркета) *). Когда Птоломей явился съ флотомъ, Димитрій мужественно сразился съ нимъ, и своими кораблями, отличавшимися величиною и лучшимъ устройствомъ, одержалъ надъ нимъ побѣду (307). Милетянинъ Аристодемъ, посланный съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ отцу юнаго героя, началъ свою рѣчь словами: «Поздравляю, Царь Антигонъ!» Эти слова такъ понравились народу, что онъ повторилъ восклицаніе, и Антигонъ вслѣдъ затѣмъ, отправляя къ сыну своему письмо, надписалъ на немъ: «Царю Димитрію.» Этому примѣру послѣдовалъ Птоломей. Лизимахъ, Селевкъ и Кассандръ равнымъ образомъ приняли званіе царей.

---

*) Плутархъ хвалитъ его за то, что въ то время, какъ другіе цари любили игру на флейтѣ, живопись, искусство токарное, или, какъ Атталъ Филометоръ, садоводство, онъ предпочиталъ симъ занятіямъ дѣла, требовавшія разума и богатства, и также достойныя царя.

За побѣдою близъ Кипра непосредственно послѣдовало покореніе сего острова, но предпринятое Антигономъ съ огромными силами нападеніе на Египетъ кончилось неудачно. Буря разсѣяла корабли Димитрія, разбила большую часть ихъ, и Птоломей такъ хорошо умѣлъ воспользоваться естественною неприступностью своей страны, что Антигонъ принужденъ былъ съ своими сухопутными войсками, съ которыми онъ дошелъ до Нила, отступить безъ всякаго успѣха. Димитрій воротился въ Малую Азію, и вслѣдъ затѣмъ пытался принудить къ союзу и покорности островъ Родосъ, богатый обширною своей торговлею, и имѣвшій сильный флотъ. По сей причинѣ всѣ цари желали, чтобы Родосъ принялъ ихъ сторону (305). Но Родосцы, не хотѣвшіе, по видамъ торговымъ, дѣйствовать противъ Птоломея, сначала старались отклонить предложеніе Димитрія просьбами, а потомъ, когда Димитрій осадилъ ихъ съ суши и съ моря, привелъ въ движеніе всѣ свои машины, употребилъ все свое искусство въ осадѣ, они оборонялись такъ храбро и неутомимо, что Димитрій по прошествіи года, принужденъ былъ снять осаду, и заключить съ ними договоръ, который обезпечивалъ самостоятельность ихъ управленія, свободу отъ гарнизона, и дозволялъ, въ войнахъ противъ Птоломея, оставаться безпристрастными. Въ воспоминаніе могучаго искусства Димитрія и собственной своей храбрости, Родосцы выпросили у него въ подарокъ нѣкоторыя изъ его машинъ.

Счастливѣе дѣйствовалъ онъ въ собственной Греціи. Тамъ Кассандръ снова распространилъ власть свою, и покорилъ всѣ страны, за исключеніемъ Спарты, Этоліи и Аѳинъ; опасность грозила и Аѳинамъ, которыя противились ему только съ помощью Этолянъ. Явился Димитрій, оттѣснилъ Кассандра къ Ѳессаліи, и возвратилъ всю Віотію съ важнымъ городомъ Халкидою на островѣ Эвбеѣ. Зиму провелъ онъ въ Аѳинахъ, гдѣ народъ, не зная, какъ льстить ему, назначилъ для его пребыванія храмъ Минервы, единственное достойное его мѣсто. По окончаніи зимы пошелъ онъ въ Пелопоннезъ, выгналъ Кассандровы гарнизоны, и въ Коринѳѣ, который равнымъ образомъ былъ имъ осво-

божденъ, провозглашенъ былъ общимъ предводителемъ Грековъ.

Кассандръ, видя, что такія приготовленія грозятъ ему величайшею опасностью, и ожидая самыхъ пагубныхъ для себя слѣдствій отъ гордости Антигона, который отвѣчалъ на его мирныя предложенія требованіемъ безусловной покорности, пригласилъ прочихъ властителей къ общему, совокупному возстанію. Селевкъ, Птоломей и Лизимахъ увидѣли, что имъ всѣмъ грозитъ одинаковая и близкая опасность, и заключили съ нимъ союзъ противъ угрожающаго имъ преобладанія Антигона (302). Кассандръ выставилъ на границахъ Македоніи многочисленное войско противъ Димитрія, который вышелъ на берегъ въ Θессаліи, и овладѣлъ уже важнѣйшими городами, а Лизимахъ перешелъ чрезъ Геллеспонтъ, и взялъ большую часть греческихъ городовъ на берегахъ Малой Азіи, равно и Сардесъ. Хотя Антигонъ и оттѣснилъ его, но не могъ совершенно выгнать изъ Азіи, а между тѣмъ Селевкъ и Птоломей придвигались къ позорищу войны съ своими войсками. Это побудило его вызвать изъ Греціи Димитрія, который, среди успѣховъ оружія и самыхъ блестящихъ надеждъ, очень неохотно повиновался повелѣнію отцовскому. Такимъ образомъ Антигонъ уступилъ теперь Грецію Кассандру, чтобы сначала рѣшить борьбу въ Азіи. Явившись въ Азіи, Димитрій возвратилъ всѣ греческіе города, занятые Лизимахомъ, и въ продолженіе зимы занялъ Геллеспонтъ. Этимъ онъ пресѣкъ всякое сообщеніе между Лизимахомъ и Кассандромъ, и многіе отряды Лизимаховы перешли съ зимнихъ квартиръ своихъ къ Антигону. Между тѣмъ прибылъ Селевкъ съ многочисленною арміею и съ огромнымъ, до тѣхъ поръ невиданнымъ, отрядомъ четырехъ сотъ осьмидесяти слоновъ *), которыхъ онъ получилъ при заключеніи мирнаго

*) Льстецы Димитрія обратили въ насмѣшку то, въ чемъ заключалась величайшая сила его соперниковъ. «Одинъ только Димитрій, говорили они, истинный царь, а Лизимахъ казначей, Птоломей адмиралъ, Селевкъ начальникъ слоновъ.» Въ эти времена, когда слоны играли на войнѣ столь значительную роль, начальство надъ ними было важнымъ постомъ.

договора съ Индійскимъ Царемъ Сандракоттомъ. Онъ соединился съ Лизимахомъ, и хотя Птоломей еще не прибылъ, но силы Селевка и Лизимаха встревожили осьмидесятитрехлѣтняго Антигона, который до тѣхъ поръ смотрѣлъ на своихъ противниковъ съ величайшимъ презрѣніемъ. При Ипсѣ, во Фригіи, произошла рѣшительная битва. Антигонъ палъ *); всѣ его войска обратились въ бѣгство; Димитрій спасся на морской берегъ только съ четырьмя тысячами всадниковъ и пятью тысячами пѣхотинцевъ (301).

12. Димитрій Поліоркетъ.

Такимъ образомъ самый гордый и страшный изъ преемниковъ Александра былъ уничтоженъ; сынъ его, возведенный въ Аѳинахъ на степень бога, бѣжалъ, и богатое царство азіятское сдѣлалось добычею побѣдителей. Лизимахъ получилъ всю Переднюю Азію до Тавра, брату Кассандрову, Плистарху, отдана была Киликія, остальное досталось Селевку.

Димитрій возлагалъ теперь всю свою надежду на Аѳины. Туда намѣревался онъ отплыть изъ Эфеса, но уже на морѣ встрѣтилъ аѳинскій корабль съ извѣстіемъ, что городъ затворилъ ворота, и не намѣренъ впускать своего обоготвореннаго героя. Димитрій началъ разъѣзжать, какъ морской разбойникъ. Онъ нападалъ съ своимъ флотомъ на земли Лизимаха, котораго онъ всѣхъ болѣе ненавидѣлъ, и грабилъ прибрежныя его владѣнія. И снова, казалось, счастіе хотѣло ему благопріятствовать. Могущественный Селевкъ не довѣрялъ своимъ сосѣдямъ, Лизимаху и Птоломею, и чтобы имѣть на своей сторонѣ искуснаго полководца, просилъ руки Стратоники, прекрасной и еще очень молодой дочери Димитрія. Но единогласіе, бывшее слѣдствіемъ сего брака, было непродолжительно. Димитрій отнялъ у Плистарха Киликію, и когда Селевкъ потребовалъ, чтобъ

*) Не смотря на честолюбіе Антигона и насилія, которыми проложилъ онъ себѣ путь къ власти, правленіе его, кажется, было гораздо умѣреннѣе правленія его преемниковъ. Нѣкто, увидѣвъ, что одинъ ѳракійскій поселянинъ роется въ землѣ, спросилъ его, чего онъ ищетъ. «Антигона,» былъ отвѣтъ.

онъ отказался отъ этой важной провинціи, и въ случаѣ отказа грозилъ отнять у него Тиръ, Сидонъ и Кипръ, которыми онъ еще владѣлъ, Димитрій покинулъ Азію, и снова обратился на Грецію (298). Одинъ сильный гражданинъ, Лахаритъ, подъ покровительствомъ Кассандра, сдѣлался властителемъ въ Аѳинахъ. Димитрій осадилъ городъ съ суши и съ моря, и вскорѣ довелъ его до такой крайности, что Лахаритъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Аѳиняне принуждены были отворить ворота, трепеща мести побѣдителя. Но Димитрій наказалъ неблагодарный, непостоянный народъ только тѣмъ, что оставилъ въ городѣ и гавани свой гарнизонъ. Послѣ того онъ снова завоевалъ большую часть Пелопоннеза, и разбилъ Царя Спартанскаго Архидама. Правда, что сіи успѣхи были отчасти снова уравновѣшены тѣмъ, что въ это время Лизимахъ отнялъ у него остальные его азіятскіе города, а Птоломей овладѣлъ Кипромъ, но счастіе его должно было вскорѣ возвыситься еще гораздо болѣе.

Кассандръ умеръ отъ жестокой и отвратительной болѣзни (298), и властолюбіе возбуждало обоихъ сыновей его къ раздору и насилію. Старшій братъ, Антипатръ, умертвилъ мать свою, Ѳессалонику, потому что она, какъ казалось, благопріятствовала младшему, Александру. Сіе ужасное преступленіе навлекло на него ненависть всѣхъ Македонянъ, и онъ бѣжалъ къ своему тестю, Лизимаху, надѣясь при помощи его, снова овладѣть государствомъ. Младшій братъ, Александръ, опасался, что Лизимахъ дѣятельно вступится за Антипатра и потому призвалъ къ себѣ на помощь Димитрія и Пирра, Царя Эпирскаго. Послѣдній, въ эти времена быстрыхъ переходовъ величія и паденія, уже испыталъ много перемѣнъ счастія. Еще въ дѣтствѣ онъ едва спасся отъ кровожаднаго Кассандра бѣгствомъ къ Иллирійскому Царю Главкію, который рѣшительно отвергъ всѣ требованія преслѣдователя выдать его. Въ послѣдствіи, достигнувъ верховной власти, онъ снова принужденъ былъ бѣжать въ слѣдствіе возмущенія своихъ подданныхъ, удалился къ Димитрію, бился рядомъ съ нимъ при Ипсѣ, и подъ его руководствомъ сдѣлался однимъ изъ отличнѣй-

щихъ полководцевъ древности. При помощи Птоломея Египетскаго, онъ успѣлъ снова возсѣсть на престолѣ своихъ предковъ. Съ великими воинскими дарованіями соединялъ онъ неутолимое честолюбіе: по этому онъ хотѣлъ и такъ же искусно умѣлъ воспользоваться запутанными обстоятельствами Македоніи, какъ и Димитрій. Онъ явился первый въ Македоніи, утвердилъ своимъ посредствомъ миръ между братьями, и получилъ въ награду часть македонскихъ владѣній, пограничныхъ съ Эпиромъ. Затѣмъ явился и Димитрій. Александръ, не зная, какъ бы его снова удалить изъ Македоніи, вздумалъ освободиться отъ него убійствомъ. Узнавъ объ этомъ, Димитрій рѣшился предупредить своего врага, и, по повелѣнію его, Александръ былъ изрубленъ на пиршествѣ (294). Македоняне, лишившись властителя, провозгласили царемъ Димитрія, который вдругъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ даже былъ Кассандръ, потому что къ Македоніи присоединялись еще новыя завоеванія его въ Греціи.

Но Димитрій не хотѣлъ утвердить своего господства мирнымъ образомъ. Онъ велъ войну съ Этолянами и Пирромъ, и поведеніе его сдѣлалось въ высшей степени горделивымъ и притѣснительнымъ. Въ одеждѣ своей подражалъ онъ восточнымъ деспотамъ; просьбы подданныхъ, искавшихъ помощи, не читая кидалъ въ воду; пословъ аѳинскихъ заставилъ два года ожидать отвѣта; посла спартанскаго встрѣтилъ словами: «Какъ? только одного присылаютъ ко мнѣ Спартанцы?» — «Да, отвѣтствовалъ посолъ коротко, къ одному одного.»

Упоенный настоящимъ своимъ счастіемъ, Димитрій забылъ, что оно уже неоднократно ему измѣняло, и началъ дѣлать чрезвычайныя приготовленія, чтобы возвратить земли, которыми владѣлъ отецъ его въ Азіи. Общая опасность подала поводъ къ возобновленію прежняго союза между Селевкомъ, Лизимахомъ и Птоломеемъ, къ которымъ теперь присоединился и Пирръ. Но еще опаснѣе было для Димитрія расположеніе собственной его арміи. Уже съ давняго времени, недовольные его надменностью и гордостью, воины перебѣгали къ Пирру, находя въ его снисхожденіи и простыхъ обычаяхъ величайшее сходство съ ихъ любимыми

Царями, Филиппомъ и Александромъ, и Димитрій принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Македонію, въ которой Димитрій царствовалъ семь лѣтъ, раздѣлили между собою Пирръ и Лизимахъ (287).

Димитрій, собравъ еще разъ значительныя силы, вышелъ на берегъ въ Азіи, и отнялъ у Лизимаха Карію и Лидію. Но когда онъ затѣмъ пошелъ во Фригію, намѣреваясь оттуда черезъ Арменію вторгнуться въ Мидію, онъ снова остановленъ былъ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и неудовольствіемъ арміи. Хуже всего этого было для него то, что онъ былъ отрѣзанъ отъ настоящей своей стихіи, моря: Киликійскіе Проходы были заграждены. Теперь не было у него уже ни какой точки опоры, и не смотря на нѣкоторыя счастливыя битвы съ Селевкомъ, который недовѣрчиво и заботливо заслонялъ ему путь въ Сирію, онъ принужденъ былъ наконецъ сдаться своему зятю. Селевкъ назначилъ для пребыванія его одинъ городъ въ Сиріи, гдѣ Димитрій, лишенный всякой возможности исполнить новые честолюбивые замыслы, предался лѣности, игрѣ и пьянству, и чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ (284).

Сынъ его, Антигонъ Гонатъ, все еще держался въ Греціи, но сила его въ соразмѣрности была незначительна, и наслѣдіе Александра Великаго находилось теперь въ рукахъ трехъ властителей, Птоломея, Селевка и Лизимаха, который, вытѣснивъ Пирра, присоединилъ всю Македонію къ прочимъ своимъ владѣніямъ. Только между ими могла еще возникнуть борьба за обладаніе, или, лучше сказать, только между Селевкомъ и Лизимахомъ, потому что Птоломей по образу своихъ мыслей, не былъ расположенъ къ подобнымъ предпріятіямъ, да и положеніе его страны мало имъ благопріятствовало. Но дочь его, Арсиноя, бывшая въ супружествѣ за Лизимахомъ, подала поводъ къ войнѣ. Ненависть, съ какою преслѣдовала она своего пасынка, Агаѳокла, который, по ея внушенію, былъ казненъ Лизимахомъ, была причиною того, что между имъ и Селевкомъ вспыхнула жестокая и продолжительная война.

Селевкъ, по убѣжденію бѣжавшаго къ нему семейства казненнаго Агаѳокла и всѣхъ его приверженцевъ, предпри-

нялъ нападеніе на азіятскія владѣнія Лизимаха. Они заняты были почти безъ боя. Лизимахъ, приспѣвъ на защиту ихъ съ войскомъ, во Фригіи, на берегахъ Геллеспонта (281), потерялъ и битву и жизнь, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Теперь, казалось, никто не могъ оспоривать у Селевка Ѳракіи и Македоніи. Уже онъ перешелъ Геллеспонтъ, чтобы къ громадѣ принадлежавшихъ ему завоеваній Александра присоединить и отечественную страну. Но когда онъ былъ уже недалеко отъ Лизимахіи, Птоломей Керавнъ, сынъ Царя Египетскаго, который нѣкогда, спасаясь бѣгствомъ, былъ имъ принятъ благосклонно, умертвилъ его на семьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія (280). Убійца сѣлъ на престолѣ Македоніи. Малая Азія осталась соединенною съ Царствомъ Селевкидовъ.

13. Египетъ при Птоломеяхъ.

Богатый и важный Египетъ, прежде всѣхъ другихъ провинцій Александровой Монархіи и надолго, преобразовался въ отдѣльное, самостоятельное государство. Первые Птоломеи присоединяли къ нему нѣкоторыя другія значительныя владѣнія, лежавшія большею частію близъ главной страны: они служили ей защитою или довершали ея могущество и вспомогательныя средства. Таковы были: Палестина, Келесирія и Финикія, важныя для торговли и морскихъ силъ, и долгое время по паденіи Антигона находившіяся подъ властію Птоломеевъ; затѣмъ Киренаика *), островъ Кипръ, многіе пункты въ Малой Азіи, Цикладскіе Острова, и даже приморскіе города Ѳракіи.

Птоломей I (для различія отъ преемниковъ своихъ, называемый Сотеръ, или Лагъ) умеръ въ 284 г., и оставилъ царство сыну своему, Птоломею II Филадельфу (ум. въ 246), которому наслѣдовалъ Птоломей III Эвергетъ (ум. въ 221). Сіи три властителя счастливо и съ чрезвычайнымъ блескомъ

*) Положеніе Киренаики было непостоянно. Она то составляла особенное государство, то соединена была съ Египтомъ; наконецъ подпала власти Римлянъ.

правили Египтомъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Всемірная торговля, коей средоточіемъ была Александрія, обогащая Египетъ сокровищами, сдѣлала его самою богатою и цвѣтущею страною. Александрія была однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ тогдашняго свѣта. Въ ней считалось до трехъ сотъ тысячъ свободныхъ жителей, причемъ не надобно забывать, что число рабовъ въ древности всегда было гораздо значительнѣе числа свободныхъ. По смерти втораго Царя, въ казнохранилищѣ находились 740,000 талантовъ *); флотъ состоялъ изъ двухъ тысячъ кораблей слишкомъ а войска на жалованьѣ было до 240,000 человѣкъ. Особенно воинственный Птоломей III распространилъ владѣнія египетскія. Онъ велъ счастливую войну съ Сиріею, о чемъ сказано будетъ въ послѣдствіи. Супругою этого Птоломея была прекрасная Вереника. Ея волосы, которые часто воспѣваемы были поэтами, еще красуются и теперь на картахъ сферы небесной въ качествѣ созвѣздія.

Но не однимъ богатствомъ, не однимъ могуществомъ славился Египетъ: еще первый Птоломей, преимущественно же второй, открыли въ своей странѣ, особенно въ столицѣ своей, Александріи, убѣжище всѣмъ греческимъ ученымъ и художникамъ, бѣжавшимъ отъ войнъ, раздиравшихъ въ то время несчастную Грецію. Въ прекраснѣйшей части Александріи, называвшейся Брухіонъ, находилось зданіе, музеумъ, въ которомъ знаменитѣйшіе ученые содержимы были съ царскою щедростью, и трудились общими силами въ пользу наукъ. Въ то же время Птоломеи собрали въ двухъ библіотекахъ, изъ коихъ одна находилась равнымъ образомъ въ Брухіонѣ, другая въ храмѣ Сераписа, почти всѣ литературные памятники древняго міра; такъ что сіи ученые мужи находили не только совершенный досугъ для своихъ ученыхъ занятій, но и богатѣйшіе матеріялы.

---

*) Такъ говоритъ Аппіанъ. Если подъ этими талантами разумѣть даже небольшіе птоломеевскіе таланты, и въ такомъ случаѣ сумма сія будетъ простираться свыше двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ рублей серебромъ.

Но при всемъ блескѣ, какой придавали господству Птоломеева рода несмѣтное богатство, огромныя военныя силы, утонченная жизнь и роскошь, которой содѣйствовали науки и литература, въ Египтѣ не могла возникнуть жизнь народная. Египтяне смотрѣли на своихъ властителей, какъ на чужеземцевъ, которые, среди своего греческаго города, среди Грековъ, вели жизнь совершенно для нихъ чуждую. И такъ какъ Птоломеи щадили ихъ духъ неподвижный, строго державшійся старины, сколько это согласно было съ верховнымъ господствомъ, такъ какъ они оставляли неприкосновенными прежній ихъ образъ жизни и занятій и ихъ религіозныя учрежденія, то Египтяне болѣе и болѣе погружались въ дремоту, и теряли силу духа, которая еще недавно побуждала ихъ поднимать оружіе противъ господства Персовъ. Сверхъ того, хотя сребролюбивый дворъ и дозволялъ себѣ иногда жесточайшія притѣсненія при собираніи податей, но эти притѣсненія падали большею частію на провинціи, лежавшія за предѣлами Египта. Между прочимъ сборъ податей въ Келесиріи и Палестинѣ отданъ былъ на откупъ Еврею, который обязался доставлять вдвое противъ того, сколько собираемо было до него, и съ помощью египетскихъ солдатъ производилъ ужаснѣйшія грабительства. Вообще Евреи, во множествѣ приходившіе въ Египетъ, играли значительную роль при дворѣ позднѣйшихъ Птоломеевъ.

Птоломей Эвергетъ былъ послѣдній сильный царь изъ сего рода. Съ Птоломея IV Филопатора начинается рядъ царей, въ высшей степени слабыхъ: самовластіе, жестокость, лѣность, роскошь, развратъ, господство распутныхъ женщинъ и недостойныхъ любимцевъ, убійство родныхъ, кровавыя распри за обладаніе престоломъ — вотъ главныя черты въ исторіи послѣдующихъ Птоломеевъ. Когда, по смерти Птоломея Филопатора, опекуны несовершеннолѣтняго сына его, Птоломея V Эпифана, поссорились другъ съ другомъ, Цари Сирійскій и Македонскій рѣшились воспользоваться сими смутными обстоятельствами, чтобы присоединить египетскія провинціи къ своимъ владѣніямъ. И дѣйствительно, тогда потеряны были Келесирія, Финикія,

Палестина, владѣнія въ Малой Азіи и города оракійскіе. Позднѣйшее покушеніе Сирійскаго Царя Антіоха Эпифана покорить весь Египетъ, остановлено было только вмѣшательствомъ Римлянъ, къ которымъ дворъ египетскій обратился съ убѣдительною просьбою о помощи (168).

Вскорѣ послѣ того Египетъ приведенъ былъ въ крайне затруднительное положеніе распрями о престолѣ между двумя братьями изъ царскаго дома. Въ этой распрѣ судьями также были Римляне: они положили раздѣлить Египетъ, и въ этой зависимости въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ обнаружилось все жалкое безсиліе правительства. Птоломей IV Фисконъ (Брюхастый), пережившій своего брата, и по смерти его сдѣлавшійся наконецъ властителемъ всего Египта, былъ чудовище и тѣломъ и душею. Иноземнымъ наемнымъ воинамъ онъ давалъ большую волю, и ежедневно лились потоки крови. Страшась гибели, жители Александріи бѣжали изъ своихъ домовъ, такъ что Птоломей, чтобы снова наполнить городъ, принужденъ былъ приглашать чужеземцевъ. Онъ велѣлъ зажечь одну гимназію, и многіе бывшіе тамъ юноши погибли въ пламени, а тѣ, которые хотѣли спастись, изрублены были воинами. Наконецъ вспыхнуло возмущеніе. Птоломей принужденъ былъ бѣжать изъ Александріи, и для того, чтобы народъ не провозгласилъ вмѣсто его царемъ сына его, бывшаго намѣстникомъ въ Киренаикѣ, заманилъ его къ себѣ, и приказалъ казнить. Когда царицею въ Египтѣ сдѣлалась Клеопатра, супруга и сестра его, онъ, чтобы отмстить за себя, повелѣлъ умертвить и изрубить на части прижитаго съ нею сына, отрока, подававшаго большія надежды, и послалъ къ матери, въ день ея рожденія, ящикъ съ его тѣломъ. Таково было нравственное состояніе восточныхъ государствъ и народовъ въ то время! Правда, что такія чудовища были рѣдки, но они могли являться только посреди гнусныхъ и развращенныхъ народовъ.

Въ послѣдствіи Птоломей Фисконъ съ наемными войсками снова завоевалъ Египетъ; его преемницею была Клеопатра, дочь упомянутой нами Клеопатры, умерщвленная по повелѣнію одного изъ сыновей своихъ. Подобныя же-

стокости, раздоры и невыразимое замѣшательство волновали Египетъ долгое время, пока не погибли всѣ Птоломеи. Тогда Египетъ сдѣлался добычею Римлянъ, о чемъ подробнѣе сказано будетъ въ послѣдствіи.

14. Сирія при Селевкидахъ.

Сирійское Царство мужественнаго Селевка I Никатора, послѣ побѣды его надъ Лизимахомъ, заключало въ себѣ всѣ азіятскія земли отъ Геллеспонта до Инда, и такимъ образомъ имѣло тогда почти тѣ самыя границы, какія даны были Киромъ Монархіи Персидской. Въ мирные годы своего правленія Селевкъ сдѣлалъ многое для благоустройства сего огромнаго царства. Сирія была въ немъ главною страною; столицею Селевка была построенная имъ на Оронтѣ Антіохія, знаменитѣйшій изъ всѣхъ городовъ, основанныхъ Греками въ Азіи со времени Александра, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій первый городъ Азіи по величинѣ своей, народонаселенію, промышленности, равно какъ по богатству и роскоши. Селевкія на Тигрѣ заняла мѣсто Вавилона, который съ тѣхъ поръ началъ упадать и пустѣть, и равнымъ образомъ сдѣлалась однимъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ въ той части свѣта. Множество другихъ городовъ были или вновь основаны Селевкомъ, или распространены греческими поселенцами. Основывая свое господство не на восточной національности, а на греко-македонской, онъ видѣлъ необходимость распространять послѣднюю сколько можно болѣе. Но это предположеніе не могло быть выполнено во всемъ объемѣ, по причинѣ обширности того пространства, въ которомъ надлежало утвердить сію національность. Различіе между образомъ мыслей и жизнію греко-македонскихъ властителей, и обычаями презираемыхъ ими обитателей Востока, которые, съ своей стороны, также дѣлились на множество разнообразныхъ народовъ, самая обширность и необозримость подвластныхъ земель, были причинами того, что Сирійское Царство не пріобрѣло такой внутренней твердости, какъ Египетское, и что по смерти его основателя отдѣльныя части вскорѣ распались. Избраніе Антіохіи

мѣстопребываніемъ правительства имѣло вредныя слѣдствія для царства, потому что это подавало поводъ Царямъ Сирійскимъ вмѣшиваться во всѣ дѣла Запада, а во враждебныхъ столкновеніяхъ между властителями различныхъ монархій, возникшихъ изъ наслѣдія Александрова, никогда не было недостатка. Цари заключали союзы въ намѣреніи обезопасить себя отъ властолюбія другихъ государей или съ цѣлію совокупными силами ограбить и разрушить другое государство, и нерѣдко вступали другъ съ другомъ въ родство для утвержденія связей, которыхъ потомъ страшились сами.

Селевку Никатору наслѣдовалъ сынъ его, Антіохъ I Сотеръ (280 — 262), которому отецъ, еще при жизни, уступилъ супругу свою, Стратонику. Антіохъ воспылалъ къ мачихѣ такою страстью, что занемогъ и близокъ былъ къ смерти. Этому Царю не удавалось ни одно изъ его предпріятій. Онъ долженъ былъ прекратить свои покушенія покорить Виѳинію и Македонію, не могъ подчинить своей власти Пергама, который отдѣлился отъ Сиріи, и не успѣлъ изгнать Галловъ, вторгнувшихся тогда въ Азію.

Антіохъ II Θеосъ (богъ), котораго такъ, къ стыду своему, назвали Милетяне, за то, что онъ освободилъ ихъ отъ одного тиранна, (262 — 247), затѣялъ войну съ Птоломеемъ Филадельфомъ, и въ это время Парѳія и Бактрія отдѣлились отъ его владѣній. Сіе обстоятельство заставило его просить мира, и онъ получилъ его съ условіемъ развестись съ супругою своею, Лаодикою (которая по отцу была ему сестра), вступить въ бракъ съ Вереникою, дочерью Филадельфа, и обезпечить престолъ ея потомству. Вереника привезена была къ Антіоху съ приданымъ, состоявшимъ изъ несмѣтныхъ сокровищъ. Такъ велика была роскошь сихъ властителей, что Вереника не пила иной воды кромѣ нильской, и эта вода присылаема была къ ней изъ Александріи въ золотыхъ сосудахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Птоломей Филадельфъ скончался: Антіохъ развелся съ Вереникой, и снова призвалъ къ себѣ Лаодику, которая однако жъ не довѣряла его измѣнчивому характеру, и вскорѣ его отравила. Старшій сынъ ея, Селевкъ II Кал-

линикъ (247 — 227), вступилъ на престолъ. Вереника съ своимъ сыномъ бѣжала въ Дафну, близъ Антіохіи, гдѣ была осаждена войсками Селевка. Бѣдственная участь ея сдѣлала такое впечатлѣніе на города малоазіятскіе, что они возмутились противъ Селевка; братъ ея, Птоломей Эвергетъ, двинулся также съ большими силами къ ней на помощь. Но прежде его прибытія, Селевкъ умертвилъ несчастную съ ея сыномъ и со всею египетскою свитою.

Для отмщеніе за сіе гнусное злодѣяніе, Птоломей началъ войну: она была продолжительна и гибельна для Азіи. Войска его прошли побѣдоносно всѣ сатраніи до самой Бактріи, и изъ всей Сирійской Монархіи остались подъ властію Селевкидовъ только нѣкоторыя полосы Передней Азіи. Кажется, Птоломей замышлялъ возстановить монархію Александра Великаго, но возстаніе въ Египтѣ принудило его возвратиться, прежде нежели онъ успѣлъ прочно утвердить свое господство. Онъ вывезъ изъ Сиріи безчисленное множество статуй и другихъ драгоцѣнностей и несмѣтную военную добычу. Изъ всѣхъ его завоеваній, по заключенному вскорѣ послѣ того мирному договору, остались за нимъ лишь нѣсколько малоазіятскихъ прибрежныхъ городовъ.

Во время войны братъ Селевка, Антіохъ Гіераксъ, возмутился противъ него, и сдѣлался независимымъ властителемъ бо́льшей части Передней Азіи. Селевкъ предложилъ ему дѣйствовать совокупными силами противъ Египта, и это побудило Птоломея заключить перемиріе. Но такъ какъ молодой Антіохъ, по окончаніи войны, сталъ обнаруживать намѣреніе отнять у Селевка все царство, началась между братьями тяжкая кровопролитная война, въ которой несчастная Малая Азія въ особенности страдала оттого, что Антіохъ велъ войну отрядами пришедшихъ въ Азію Галловъ, которые нанимались въ военную службу за деньги, и безпощадно опустошали земли, по которымъ проходили. Антіохъ принужденъ былъ наконецъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Селевкъ, по окончаніи сихъ безпокойствъ, двинулся противъ Парѳянъ, но былъ разбитъ ими.

Селевкъ Керавнъ, сынъ Каллиника, былъ отравленъ

на третьемъ году своего царствованія (224); ему наслѣдовалъ пятнадцатилѣтній братъ его, Антіохъ III, прозванный въ послѣдствіи Великимъ. Юнымъ Антіохомъ совершенно управлялъ недостойный любимецъ его, Каріянинъ Гермій, дававшій ему самые пагубные совѣты. Гермій долго удерживалъ Царя отъ личнаго похода противъ сатраповъ Мидіи и Персіи, Молона и Александра, провозгласившихъ себя независимыми царями, доколѣ не были разбиты многія отправленныя противъ нихъ войска, и мятежъ распространялся болѣе и болѣе. Антіохъ увидѣлъ грозящую ему опасность, пошелъ за Тигръ, и одержалъ рѣшительную побѣду; мятежные сатрапы сами лишили себя жизни. Вслѣдъ за тѣмъ палъ и Гермій: безпрерывно возраставшею надменностью своею онъ навлекъ на себя ненависть Царя, и Антіохъ повелѣлъ его умертвить. Освободившись такимъ образомъ отъ любимца, сдѣлавшагося тяжелымъ повелителемъ, Антіохъ задумалъ изгнать Египтянъ изъ Келесиріи и Финикіи. Счастіе сначала ему благопріятствовало, но потомъ Птоломей Филопаторъ нанесъ ему такое сильное пораженіе близъ Рафіи (217), что онъ принужденъ былъ заключить миръ, и возвратить все завоеванное.

Послѣ этой войны Антіохъ пошелъ на дядю своего, Ахея, человѣка праводушнаго, который, по смерти Селевка Керавна, отринулъ предложенія, сдѣланныя ему съ разныхъ сторонъ принять корону, но потомъ, страшась происковъ Гермія, нашелъ одно средство къ спасенію провозгласить себя царемъ въ Малой Азіи. Онъ осажденъ былъ въ Сардесѣ, и защищался мужественно; наконецъ былъ выданъ измѣнниками Антіоху. Антіохъ сначала былъ тронутъ, увидѣвъ дядю, и почувствовалъ къ нему состраданіе, но совѣтники вскорѣ дали другой оборотъ его мыслямъ, и онъ велѣлъ предать несчастнаго жестокой казни.

Возстановивъ такимъ образомъ власть свою въ Передней Азіи, Антіохъ двинулся противъ Царя Парѳянскаго, который между тѣмъ овладѣлъ Мидіею, и изгналъ Царя Бактріи. Походъ былъ непродолжителенъ. Антіохъ счелъ за лучшее признать мирными договорами независимость сихъ Царей. Возвративъ Мидію, и возстановивъ порядокъ въ другихъ

сатраніяхъ, онъ пріобрѣлъ славу дѣятельнаго и воинственнаго государя. По возвращеніи своемъ, рѣшился онъ воспользоваться малолѣтствомъ Птоломея V Эпифана, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ Египта. Выше сказано уже, что Келесирія, Палестина и Финикія, къ обладанію которыми давно стремились Селевкиды, отошли къ Сиріи. Спустя нѣсколько времени, Антіохъ вступилъ въ споръ съ могущественными Римлянами, былъ побѣжденъ ими, и съ большею частію своего царства лишился и пріобрѣтенной прежде славы, — это будетъ подробно разсказано въ Римской Исторіи. Онъ былъ убитъ въ 187 году.

Послѣ него Царство Сирійское упадало безпрерывно. Антіохъ IV Эпифанъ (176 — 164), котораго мы знаемъ уже отчасти какъ врага Египта, навлекъ на себя презрѣніе своимъ распутствомъ и безумными поступками. При немъ возмутились Іудеи, и Сиряне не могли смирить ихъ. По смерти Антіоха Эпифана, усиливались внутренніе раздоры и междоусобныя войны. По мѣрѣ того, какъ объемъ и доходы государства уменьшались, возрастало внутреннее замѣшательство, и цари становились слабѣе и слабѣе. Съ 144 года Сирія, отъ жестокихъ распрей между различными искателями престола, почти всегда раздѣлена была на двѣ части. Антіохъ VII Сидетъ выступилъ противъ Парѳянъ съ 80,000 войска, за которымъ слѣдовалъ, по восточному обычаю, обозъ съ 300,000 человѣкъ, и погибъ со всею своею арміею (129). Съ тѣхъ поръ сила монархіи Селевкидовъ рушилась навсегда. Слабые властители спорили о царствѣ, чрезвычайно умаленномъ, ознаменовывая свою борьбу насиліемъ и жестокостью; о совершенномъ паденіи Царства Сирійскаго (въ 64 г. до Р. Х.) будемъ говорить въ послѣдствіи.

15. Азіятскія государства мелкія и отдаленныя.

Въ ряду новыхъ государствъ, отдѣлившихся отъ великаго Царства Сирійскаго, первымъ было Пергамское. Лизимахъ оставилъ свои сокровища въ мизійскомъ городѣ Пергамѣ, и поручилъ смотрѣніе за ними Филетеру. Но Филетеръ воспользовался замѣшательствами, послѣдовавшими

за гибелью Лизимаха и за смертію Селевка Никатора, и помощью захваченныхъ имъ сокровищъ сдѣлался независимымъ. Племянникъ его, Эвменъ I, утвердилъ господство своего дома побѣдою надъ Антіохомъ Сотеромъ (263); племянникъ Эвмена и преемникъ его, Атталъ I, послѣ побѣды надъ Галлами (239), принялъ титулъ царя. Онъ умеръ въ 197 году, и оставилъ престолъ сыну своему, Эвмену II (царствовавшему до 158). При немъ Царство Пергамское, по обстоятельствамъ, которыя изложены будутъ въ Римской Исторіи, значительно расширилось. Соперничествуя съ Царями Египетскими, Атталы (такъ называются почти всѣ Цари Пергамскіе) пріобрѣли почетное имя своими учрежденіями въ пользу наукъ и литературы. Въ столицѣ своей они собрали огромное книгохранилище, занимавшее въ древности первое мѣсто послѣ Библіотеки Александрійской *).

Толпы Галловъ перешли, въ 278 году, изъ Ѳракіи, гдѣ онѣ скитались въ то время, въ Малую Азію, по приглашенію Виѳинскаго Царя Никомеда I. Съ тѣхъ поръ они, не занимаясь осадою крѣпкихъ городовъ, бродили по открытой странѣ, питаясь избыткомъ ея, и хотя Антіохъ Сотеръ побѣдилъ ихъ, но эта побѣда не имѣла значительныхъ слѣдствій: ужасъ, распространенный ими, былъ такъ великъ, что не только Малая Азія, но и Цари Сирійскіе принуждены были платить имъ дань **). Еще сорокъ лѣтъ опустошали они такимъ образомъ полуостровъ; наконецъ Атталъ I, Царь Пергамскій, одержалъ надъ ними побѣду, и заставилъ ихъ поселиться въ одной части Великой Фригіи, которая съ тѣхъ поръ называлась Галатіею. И здѣсь они все еще были страшны, но часто служили наемниками въ войнахъ царей азіятскихъ.

*) При семъ случаѣ Пергамцы, изыскивая вещество, которое могло бы замѣнить египетскій папиръ, изобрѣли, или, по крайней мѣрѣ, усовершенствовали приготовленіе козьей и ослиной кожи для письма. Отсюда произошло названіе пергамента, charta pergamena.

**) Ливій XXXVIII, 16.

Въ царствованіе Антіоха Θеоса возмутился знатный Парѳянинъ Арсакъ (256), и освободилъ свою родину отъ власти Царей Сирійскихъ; этому, кажется, благопріятствовалъ особенно побѣдоносный походъ Птоломея Эвергета. Съ Арсака начинается длинный рядъ царей, болѣе и болѣе расширявшихъ свои владѣнія на счетъ Селевкидовъ. Арсакъ II нанесъ Селевку Каллинику (238) такое пораженіе, что со времени этой побѣды Парѳяне начали считать годы своей независимости. Мы уже говорили, что Антіохъ Великій призналъ сію независимость, не смотря на то, что походъ его былъ довольно удаченъ. Одинъ изъ послѣдовавшихъ царей, Митридатъ I, или Арсакъ VI (174 — 137), славенъ большими и блистательными завоеваніями: онъ распространилъ границы своего царства на западъ до Эвфрата, на востокъ до Инда. Господствующій народъ, Парѳяне, долгое время сохраняли образъ жизни и нравы кочевыхъ воиновъ. Они были искусные всадники и стрѣлки. Цари ихъ лѣтомъ жили въ прохладной Экбатанѣ, а на зиму переселялись въ Ктезифонъ, на восточномъ берегу Тигра, насупротивъ Селевкіи, изъ простой деревушки превратившійся въ большой и цвѣтущій городъ.

Въ Бактріи сдѣлался независимымъ отъ Сиріи не Азіятецъ, а греческій намѣстникъ, Θеодотъ. Это царство основалось въ одно время съ Царствомъ Парѳянскимъ, но существованіе его было гораздо кратковременнѣе. Оно вело обширную торговлю съ Индіею, и Цари Бактрійскіе производили тамъ и завоеванія. Одинъ изъ сихъ царей, гордясь обширностью подвластныхъ ему владѣній, принялъ титулъ великаго царя, которымъ нѣкогда персидскіе монархи выражали силу своего владычества. Дѣйствительно, надлежитъ удивляться Грекамъ, которые, въ такомъ большомъ отдаленіи отъ своей родины, безъ всякой связи съ соплеменниками, среди чуждыхъ воинственныхъ народовъ, успѣли утвердить свое владычество. По истеченіи ста тридцати лѣтъ, Бактрійская Монархія разрушена была (около 126) кочевыми варварими, пришедшими изъ-за Як-

сарта, и провинція Бактрія потомъ завоевана была Парѳянами.

Іудеи, подобно всѣмъ народамъ, находившимся подъ верховнымъ покровительствомъ Персовъ, подпали подъ власть македонскаго завоевателя, и по смерти его раздѣляли судьбу Келесиріи и Финикіи. Со времени паденія Антигона до Птоломея Эпифана они находились подъ властію Египтянъ, платили имъ дань, но жили спокойно, управляемые по собственнымъ своимъ законамъ. При Антіохѣ Великомъ они перешли подъ власть Селевкидовъ, и вскорѣ начался для Іудеи періодъ несчастный. Недостатокъ въ деньгахъ, стѣснявшій Царей Сирійскихъ послѣ неудачной войны съ Римомъ, былъ причиною того, что достоинство первосвященника сдѣлалось продажнымъ, и между Іудеями возникли раздоры. Антіохъ Эпифанъ разграбилъ сокровища Храма Іерусалимскаго, и чтобы укротить народъ, хотѣлъ уничтожить нравы и Вѣру отцовъ его, и замѣнить ихъ греческою образованностью и богослуженіемъ. Но насилія и жестокость, съ какими онъ стремился привести въ исполненіе сіи намѣренія, возбудили ревнителей и поборниковъ Вѣры праотеческой: раздраженный народъ поднялъ оружіе, не страшась могущества Сиріи. Одинъ священникъ, Маттаѳія, собралъ отрядъ рѣшительныхъ людей, и началъ отражать силу силою (167). Онъ вскорѣ умеръ; мужественный сынъ его, Іуда Маккавей, принялъ начальство надъ воинами, кипѣвшими яростію, и разбилъ Сирійцевъ во многихъ сраженіяхъ. По смерти его (161), братъ его, Іонаѳанъ, бывшій также первосвященникомъ, умѣлъ благоразумно пользоваться распрями о престолѣ, происходившими въ Сиріи, такъ что обѣ партіи старались пріобрѣсть помощь Іудеевъ, которые придавали значительный вѣсъ тому искателю, стороны котораго они держались. И Римляне благопріятствовали Іонаѳану. Братъ и преемникъ его, Симонъ (съ 143 г.), стоялъ во главѣ Іудейскаго Государства, какъ первосвященникъ и свѣтскій владыка. Онъ былъ въ мирѣ и согласіи съ Димитріемъ, Царемъ Сирійскимъ, и получилъ отъ него

освобожденіе отъ дани. На сына его, Іоанна Гиркана (съ 137 года), Антіохъ Сидетъ пошелъ войною. Гирканъ принужденъ былъ согласиться на постыдный миръ, но послѣ несчастнаго похода Антіохова противъ Парѳянъ, сдѣлался снова независимымъ. Онъ увеличилъ государство завоеваніями, и сынъ его, Аристовулъ, принялъ титулъ царя (въ 107 г.). Но счастливое время, обезпеченное геройскою борьбою Маккавеевъ, уже прошло, и туземные владѣльцы, господствовавшіе надъ Іудеями, были еще губительнѣе иноземцевъ. Исчезло все, что оставалось добраго отъ древнихъ временъ, и пагубная вражда расколовъ питала внутреннія раздоры.

Около этого времени между Іудеями возникли духовныя секты Фарисеевъ и Саддуккеевъ, ненавидѣвшія и преслѣдовавшія одна другую. Фарисеи, посредствомъ произвольныхъ толкованій и мнимыхъ изустныхъ преданій, обременили законъ Моисеевъ множествомъ внѣшнихъ, мелкихъ предписаній, и полагали величайшее достоинство въ точномъ, мучительно-строгомъ выполненіи ихъ. Многіе изъ нихъ были лицемѣры и ханжи, но умѣли заставлять народъ уважать себя, и имѣли его на своей сторонѣ. Саддуккеи, напротивъ, имѣли приверженцевъ только среди людей богатыхъ и знатныхъ. Они отвергали нелѣпыя толкованія и преданія Фарисеевъ, и держались писаннаго закона въ буквальномъ его смыслѣ; отрицали безсмертіе души и будущее возмездіе за дѣла, совершенныя на земли. Была еще секта Ессеевъ, которые, занимаясь благочестивыми упражненіями, жили въ удаленіи отъ свѣта, но въ сообществѣ между собою, подобно позднѣйшимъ монахамъ. Сверхъ того, не смотря на упорство, съ какимъ Іудейскій Народъ всегда держался обычаевъ своихъ предковъ, богатые и знатные Іудеи не могли противиться господствовавшей въ то время по всей западной Азіи наклонности къ греческимъ нравамъ; въ особенности распространялись нравы сіи между Іудеями, жившими въ большомъ числѣ въ Александріи. Они мало по малу усвоивали себѣ греческій языкъ, и многіе изъ нихъ ревностно занимались греческою литературою.

Были еще земли въ Передней Азіи, не совершенно завоеванныя Александромъ, и не покоренныя по смерти его: они составляли государства самостоятельныя.

Въ Виѳиніи, владѣтель ея, Віантъ, защищался противъ одного полководца Александрова, а сынъ его, Зипетъ, противъ Лизимаха. По смерти Лизимаха, Никомедъ I, сынъ Зипета, сдѣлался совершенно независимымъ. Власть свою утвердилъ онъ, съ помощью призванныхъ имъ, какъ выше упомянуто, Галловъ, и принялъ титулъ царя. Онъ умеръ въ 246 году. Внукъ его, Прузій I, значительно увеличилъ государство счастливою войною съ Гераклеею, греческимъ торговымъ городомъ, господствовавшимъ между рѣками Парѳеніемъ и Сангаріемъ, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что Цари Виѳинскіе въ общей связи государствъ, въ то время, какъ Римъ простеръ свое вліяніе на Азію, имѣли значительный вѣсъ, по положенію своему между Пергамомъ, Македоніею и Сиріею.

Равнымъ образомъ отстояли свою независимость Каппадокіяне, не смотря на то, что страна ихъ, какъ мы видѣли выше, была нѣсколько времени въ рукахъ Грековъ, а потомъ отдана была, какъ сатрапія, Эвмену. Но Аріарафъ, производившій свой родъ отъ одного изъ семи Пасаргадовъ (См. ч. I, кн. 1, ст. 6), по смерти Эвмена, во время продолжительной войны между полководцами Александра, утвердился (въ 310 г.) съ помощью Армянъ въ этой странѣ, отнятой у его отца, и съ этого времени владѣлъ ею независимо отъ государей греческихъ. Каппадокійскіе Цари скоро вошли въ близкія связи и родство съ сими государями, въ особенности съ сирійскими, и посему замѣшаны были въ смутныя дѣла государствъ азіятскихъ. Объ устройствѣ сего государства извѣстно, что кромѣ царя было въ немъ много благородныхъ *династовъ*, которые, вмѣстѣ съ нимъ, были единственными владѣтелями всѣхъ земель и жившихъ на нихъ рабовъ. Большое вліяніе на все государство имѣлъ первосвященникъ, бывшій первымъ лицемъ послѣ царя, и происходившій отъ одного съ нимъ рода. Храмъ, въ которомъ первосвященникъ совершалъ служеніе богамъ природы, которыхъ, подъ разными именами,

чили во всей Передней и Средней Азіи, находился въ Команѣ, гдѣ ему принадлежали обширныя помѣстья и подчинялись болѣе шести тысячъ служителей (гіеродуловъ).

Два царства, Пафлагонія и Понтъ, сохранили свою независимость отъ власти Македонянъ въ слѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ, о которыхъ мы упоминали, говоря о происхожденіи прочихъ государствъ. Митридатъ (ум. въ 302), нѣсколько времени сражавшійся подъ знаменами Антигона, и бывшій искреннимъ другомъ Димитрія, основалъ Царство Понтійское изъ небольшой крѣпости въ Пафлагоніи, и поэтому получилъ названіе основателя (Ктистеса). Общая опасность со стороны вторгнувшихся въ Азію Галловъ заставила уже внука его, Митридата II, вступить въ связи и родство съ Царями Сирійскими; постепенное присоединеніе греческихъ прибрежныхъ городовъ (такъ, напримѣръ, въ 183 г. завоеванъ былъ Синопъ, сдѣлавшійся столицею царства) и позднѣйшее распространеніе владѣній на востокъ по горнымъ полосамъ вдоль моря, придали этому царству значительность, съ какою оно явится передъ нами въ послѣдствіи.

Послѣднія царства не признавали надъ собой власти греческихъ государей, но, не смотря на то, они не освобождались отъ вліянія греческаго образованія и нравовъ, потому что греческіе города среди сихъ народовъ сохраняли свое устройство, нравы и языкъ; брачныя связи, какъ напримѣръ связи Домовъ Понтійскаго съ Сирійскимъ, содѣйствовали въ то же время къ распространенію въ сихъ странахъ образованности греческой. Каппадокія, посредствомъ брака одного изъ своихъ царей съ дочерью Антіоха Великаго, сдѣлалась, по выраженію одного греческаго историка, достойнымъ мѣстопребываніемъ для образованныхъ Грековъ. Такимъ образомъ исполнилась по крайней мѣрѣ часть плана Александрова слить народы европейскіе съ азіятскими. Нравы, языкъ и литература Эллиновъ распространились далеко въ Азіи, по странамъ, которыя потомъ снова погрузились въ варварство.

16. Македонія и Греція.

Обозрѣвъ распространеніе греческаго образованія по Азіи, возвратимся теперь къ той странѣ, изъ которой истекло сіе начало, къ Македоніи и собственной Греціи. Антигонъ погибъ въ борьбѣ за монархію Александра; сынъ его, Димитрій, не могъ нигдѣ прочно утвердить своей власти, но сынъ Димитрія, Антигонъ Гонатъ, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть, умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, утвердился на престолѣ Македоніи, и оставилъ его въ наслѣдство своимъ потомкамъ.

Птоломей Керавнъ владѣлъ Македоніею только полтора года. Ознаменовавъ свое царствованіе ужасными злодѣйствами, онъ погибъ въ битвѣ съ Галлами, которые, до вторженія въ Азію, произвели нашествіе на Ѳракію и Македонію. При безпрерывномъ напорѣ новыхъ отрядовъ галльскихъ, нуженъ былъ способный человѣкъ для управленія государствомъ и предводительства войсками. Сосѳенъ, благородный Македонянинъ, отказался отъ званія царя, но нѣсколько времени защищалъ свою родину, пока не палъ въ битвѣ съ варварами. Галльское войско, простиравшееся до 150,000 пѣхотинцевъ и 60,000 всадниковъ, обратилось на Грецію; его манили богатства сей страны, а усыпленіе Грековъ и слабость ихъ обѣщали легкую побѣду. У Термопильскихъ Ущелій и теперь, какъ во время нашествія Ксеркса, собралось войско союзныхъ греческихъ государствъ. Владѣнія пелопоннезскія, имѣвшія нынѣ, быть можетъ, болѣе права считать себя безопасными за укрѣпленіями на Истмѣ, но руководимыя тѣмъ же духомъ зависти и своекорыстія, не прислали войскъ противъ Галловъ. Аѳины въ это время, подъ управленіемъ умнаго и благороднаго Демохара, снова нѣсколько возвысились: имъ досталось въ послѣдній разъ главное начальство; опѣ оказались достойными его, выставивъ не большое, но храброе войско и флотъ. Сухопутное войско помогло Грекамъ одержать побѣду въ сраженіи при Ущеліи Ѳермопильскомъ, а флотъ далъ Грекамъ средство спастись, когда измѣна, и въ этотъ разъ, какъ и во время нашествія Ксеркса, уни-

чтожила всѣ плоды ихъ храбрости: Ѳессалійцы, желая освободиться отъ свирѣпыхъ враговъ, указали Галламъ ту самую дорогу, по которой Ксеркъ вторгнулся въ среднюю Грецію. Подъ покровительствомъ сильнаго тумана, Галлы напали въ расплохъ на Фокіянъ, защищавшихъ проходъ. Греки не рѣшились поступить такъ, какъ за два столѣтія поступилъ Леонидъ: они спаслись бѣгствомъ на аѳинскій флотъ. Затѣмъ галльскій вождь двинулъ свои полчища на Дельфы. Здѣсь мужественно вступили съ варварами въ битву Фокіяне и другіе Греки, приспѣвшіе на помощь; землетрясеніе, сопровождаемое сильною бурею, свирѣпствовавшею съ вершинъ Парнаса, даровало имъ совершенную побѣду. Галлы, въ рядахъ коихъ многіе побиты были молніею, другіе обломками скалъ, скатывавшихся съ горы, были объяты общимъ внезапнымъ ужасомъ: имъ казалось, что самъ богъ защищаетъ свою святыню, и мститъ имъ. Мечъ Грековъ, стужа и голодъ истребили большую часть галльскаго войска (278). Спасшіеся отъ гибели соединились съ прочими отрядами, бродившими въ верхнихъ странахъ. Они овладѣли отчасти южною Ѳракіею, отчасти перешли, какъ выше упомянуто, въ Азію.

Между тѣмъ Антигонъ Гонатъ воспользовался смертію Сосѳена и смутными современными обстоятельствами, чтобы овладѣть престоломъ Македоніи. Пирръ, Царь Эпирскій, возвратившись изъ похода въ Италію, о чемъ мы будемъ говорить послѣ, снова изгналъ его (въ 274 г.), и во второй разъ сдѣлался властителемъ спорной страны, но только на короткое время. Безпокойный духъ постоянно увлекалъ его къ новымъ предпріятіямъ, и Клеонимъ, споривщій съ племянникомъ своимъ, Ареемъ, о спартанскомъ престолѣ, безъ труда побудилъ его къ войнѣ со Спартою. Предлогомъ къ походу въ Пелопоннезъ, должно было служить ему освобожденіе городовъ отъ ига Антигонова, а въ самомъ дѣлѣ думалъ онъ покорить себѣ весь полуостровъ. Онъ разбилъ Спартанцевъ, которыхъ подкрѣпляли Аргивяне и Мессенійцы, и могъ бы, пользуясь первымъ ужасомъ, взять городъ, но его медленность возвратила бодрость Спартанцамъ: скрываясь за рвами и бойницами, которыми Лаке-

демонъ окруженъ былъ со времени войны съ Димитріемъ, подкрѣпляемые союзниками, они отбили всѣ его приступы. Между тѣмъ, пользуясь его отсутствіемъ, Антигонъ счастливо дѣйствовалъ въ Македоніи: онъ снова покорилъ большую часть городовъ, и затѣмъ спѣшилъ въ Пелопоннезъ, чтобы и здѣсь уничтожить предпріятія Пирра. Со стороны Аргоса хотѣлъ онъ вступить въ Лаконію, но Пирръ шелъ уже ему навстрѣчу. Наскучивъ долговременною осадою Спарты, Пирръ снялъ ее, и хотѣлъ теперь овладѣть городомъ Аргосомъ, гдѣ вели сильный споръ двѣ партіи: одна изъ нихъ звала его къ себѣ на помощь, другую поддерживалъ Антигонъ. Въ темную ночь ворвался Пирръ въ Аргосъ, гдѣ войска его скоро, въ тѣсныхъ улицахъ, пришли въ замѣшательство. Завязался жестокій бой. Пирръ хотѣлъ отступить, но сынъ его вошелъ въ городъ съ лучшею частію войска и съ слонами, и погубилъ отца, загородивъ ему путь по узкой улицѣ, ведшей къ воротамъ. Одинъ слонъ, ища вожатаго, который упалъ съ него, съ яростью побѣжалъ въ густыя толпы, давя и своихъ и чужихъ. Замѣшательство было ужасное. Воины Пирра наносили сами себѣ болѣе вреда, нежели враги. Въ тѣснотѣ Пирръ раненъ былъ однимъ Аргивяниномъ; онъ обратился на него, чтобы поразить врага, но мать воина, стоявшая на кровлѣ, и видѣвшая опасность своего сына, бросила камнемъ въ голову Пирра. Пирръ упалъ съ коня, и былъ умерщвленъ подоспѣвшими воинами Антигона (272).

Такимъ образомъ Антигонъ освободился отъ самаго опаснаго врага, коего честолюбіе и воинственный духъ могли бы еще долго оспоривать обладаніе новозавоеваннымъ его царствомъ. Хотя Александръ, сынъ Пирра, пытался отнять у него владычество, но успѣхъ, польстившій ему сначала, былъ непродолжителенъ. Затѣмъ Антигонъ остался спокойнымъ обладателемъ Македоніи, и, по примѣру своихъ предшественниковъ, старался привести въ зависимость Грецію. И это удалось ему большею частію, особенно въ Пелопоннезѣ, гдѣ ему помогали возвысившіеся тамъ мелкіе владѣльцы. Съ Аѳинами воевалъ онъ, чтобы наказать ихъ за привязанность къ Пирру. По

крайней мѣрѣ, это служило ему предлогомъ. Долго и мужественно защищались Аѳиняне; наконецъ голодъ принудилъ ихъ къ сдачѣ *). Они должны были принять гарнизонъ въ Пирей и Мунихію, равно какъ въ Музей. Изъ Музея, чрезъ нѣсколько лѣтъ, гарнизонъ былъ выведенъ Антигономъ.

Совершенное разстройство господствовало во всей Греціи. Изъ бѣглыхъ наемныхъ воиновъ и изгнанниковъ составлялись шайки разбойниковъ, и производили грабежи и безпокойства. Въ это время, говоритъ Плутархъ **), всѣ жили добычею. Не смотря на то, Греки еще разъ собрались съ духомъ, чтобы защитить свою свободу отъ Македонянъ. Но уже не тѣ народы выступаютъ теперь на поприще, которые являлись главными дѣйствователями въ блестящемъ періодѣ Греціи: Аѳины, Спарта, Ѳивы слишкомъ много утратили прежней своей силы, и не могли снова стать въ главѣ Греціи. Средоточіемъ новой политической жизни становится теперь въ особенности Ахаія, которая въ прежнія времена, пока дорическое племя имѣло перевѣсъ въ Пелопоннезѣ, и Аѳины съ нимъ соперничали, была страною незначительною.

Старинный союзъ двѣнадцати городовъ ахейскихъ, совершенно рушившійся въ эти времена всеобщаго замѣшательства (потому что цари-соперники, Димитрій, Кассандръ и др., или сами овладѣли сими городами, или благопріятствовали утвердившимся въ нихъ хищникамъ), началъ снова возникать около 280 года. Сначала соединились Дима, Патры, Тритея и Фары; вскорѣ послѣ того приступили къ союзу и другіе города. Соединеніе ихъ основано было на равенствѣ: здѣсь одинъ главный городъ не стремился къ господству надъ другими, какъ въ Віотіи, но въ ежегодныхъ собраніяхъ союза, въ Эгіи, всѣ члены пользовались одинаковымъ правомъ. Стратигъ, смѣняемый

*) Нибуръ (Kleine histor. und philol. Schriften, S. 462) называетъ эту войну послѣднимъ обнаруженіемъ жизни Аѳинъ; конецъ ея есть время умственной смерти греческой націи. Конецъ этотъ относитъ онъ къ олимп. 129, 2 или 3, (262 г.).

**) Аратъ, гл. 6.

ежегодно, предсѣдательствовалъ на сеймѣ, начальствовалъ войсками. Но этотъ союзъ содѣлался важенъ для всей Греціи, когда присоединились къ нему и другія государства: это совершилъ Аратъ.

Аратъ родился въ Сикіонѣ. Въ юности, тираннъ Авантидъ, умертвивъ отца его, одного изъ знатнѣйшихъ гражданъ Сикіона, хотѣлъ лишить жизни и сына. Аратъ съ величайшимъ трудомъ спасенъ былъ друзьями отца своего, и воспитанъ въ Аргосѣ. Съ лѣтами возрастала въ сердцѣ юноши самая жестокая ненависть къ притѣснителямъ Греціи. Авантида уже не было на свѣтѣ; на мѣстѣ его властвовалъ въ Сикіонѣ другой повелитель, Никоклъ. Аратъ рѣшился низвергнуть его, сколь ни малозначительны были средства, которыми онъ могъ располагать. Его благоразуміе и неустрашимость преодолѣли всѣ препятствія. Лазутчики Никокла присматривали за нимъ. Аратъ успѣлъ обмануть ихъ, и съ небольшимъ отрядомъ, который почти весь состоялъ изъ рабовъ и нѣсколькихъ удальцовъ, нанятыхъ имъ у одного начальника разбойничьей шайки, явился передъ Сикіономъ. Слабый отрядъ, одушевленный примѣромъ и рѣчами Арата, взошелъ на разсвѣтѣ дня на городскія стѣны, и взялъ въ плѣнъ наемныхъ солдатъ Никокла. Граждане приспѣли толпами, и зажгли домъ владѣльца, который спасся только подземными проходами. Такъ, безъ всякаго кровопролитія, освобожденъ былъ Сикіонъ (251).

Чтобы обезопасить свободу роднаго города отъ новыхъ хищниковъ власти и Царей Македонскихъ, Аратъ присоединилъ Сикіонъ къ Ахейскому Союзу, и вскорѣ пріобрѣлъ въ немъ такое уваженіе, что избранъ былъ стратигомъ. Когда возвращенные имъ въ Сикіонъ изгнанники объявили притязанія на отнятыя у нихъ имущества, и оттого возникли несогласія, грозившія опасностью новому союзу, Аратъ отправился въ Египетъ, уклоняясь отъ преслѣдованія Македонскаго Царя Антигона. Птоломей Филадельфъ подарилъ ему сто пятьдесятъ талантовъ; часть ихъ употреблена была Аратомъ для устраненія описанныхъ выше несогласій.

Избранный во второй разъ въ стратиги, Аратъ оказалъ еще важнѣйшую услугу Греціи, совершивъ трудный

подвигъ освобожденія Коринѳской Крѣпости, которую, по важности положенія ея, Македоняне называли цѣпью Греціи. Антигонъ Гонатъ успѣлъ хитростью взять ее, и это происшествіе привело его въ такое изступленіе радости, что онъ, не смотря на преклонныя свои лѣта, явился на торжищѣ, увѣнчанный и окруженный женщинами, игравшими на флейтахъ. Аратъ большими обѣщаніями склонилъ нѣсколькихъ македонскихъ наемныхъ воиновъ указать самое низкое мѣсто въ стѣнахъ, и помочь ему при совершеніи его предпріятія. Въ одну свѣтлую лунную ночь взлѣзъ онъ съ четырьмя стами человѣкъ на стѣны, и уже готовъ былъ спуститься во внутренность крѣпости, какъ поднялась тревога. Весь Коринѳъ пришелъ въ движеніе, но Аратъ не потерялъ присутствія духа. Въ то время, какъ онъ самъ съ сотнею воиновъ началъ взбираться на скалу, остальные триста его сподвижниковъ напали внезапно на собравшихся между тѣмъ Македонянъ, разсѣяли ихъ, и затѣмъ пришли на помощь къ Арату, бившемуся на высотѣ. На разсвѣтѣ побѣда была рѣшена, и Коринѳяне, по убѣжденію своего освободителя, приступили къ Ахейскому Союзу (въ 243). Сей подвигъ Арата былъ очень важенъ и имѣлъ большое вліяніе: съ потерею Коринѳской Крѣпости, Македоняне теряли надежду господствовать въ Пелопоннезѣ. Мегара отпала также отъ Антигона, и подкрѣпила собою союзъ. Аратъ избираемъ былъ теперь Ахейцами черезъ годъ въ стратиги; они стали бы избирать его ежегодно, если бъ это не было противно законамъ.

Союзъ все болѣе и болѣе распространялся. Владѣлецъ Мегалополя добровольно отказался отъ власти, и позволилъ сему городу приступить къ союзу. Напротивъ, стоило большаго труда одолѣть Аристиппа, властителя Аргоса *),

*) Объ этомъ Аристиппѣ Плутархъ разсказываетъ, что онъ каждый вечеръ, выгнавъ всѣхъ рабовъ изъ дому, взбирался съ своею наложницею въ темную комнату въ верхнемъ ярусѣ. Онъ клалъ свою постель на опускную дверь, которая замыкала комнату; мать его наложницы отнимала лѣстницу, служившую для всхода, и приносила ее на слѣдующее утро. Въ такомъ опасеніи проводили жизнь свою тогдашніе греческіе владѣльцы!

и когда наконецъ въ этомъ успѣли, другой хищникъ, Аристомахъ, снова овладѣлъ городомъ. Аратъ хотѣлъ освободить и Аѳины, но такъ какъ опытъ его въ первый разъ не удался, то Аѳиняне до того простерли свое ласкательство Македонянамъ, что при распространившемся слухѣ о смерти Арата, надѣли вѣнки, какъ будто по случаю радостнаго событія. Не смотря на то, вліяніе Македоніи на Грецію было ослаблено, и для Греціи могли бы настать снова счастливыя времена, если бъ Ахеяне, Этоляне и Спартанцы дѣйствовали единодушно.

Этоляне, которыхъ Ѳукидидъ еще во время Пелопоннезской Войны называлъ народомъ полуварварскимъ, теперь, когда Македонія и Сѣверъ содѣлались средоточіемъ дѣлъ греческихъ, пріобрѣли значительность грубою силою своего характера и по неприступности гористой страны своей. Начало ихъ союза надлежитъ относить ко времени Александра Великаго. Ежегодныя общія собранія ихъ (панетоліумъ) происходили въ Ѳермѣ; главою союза былъ стратигъ. Съ перемѣннымъ счастіемъ старались Этоляне утвердить свое вліяніе въ южной Ѳессаліи, Акарнаніи, Локридѣ, Фокидѣ и Віотіи. Вмѣсто того, чтобы совокупно съ Ахейскимъ Союзомъ дѣйствовать для освобожденія Греціи, они страшились этого союза, и вступили въ сношенія съ Антигономъ Гонатомъ, чтобы противодѣйствовать Ахейцамъ. Для Македонскихъ Царей ничего не могло быть выгоднѣе такого внутренняго разъединенія Греціи. Хотя Этоляне, начавъ войну съ сыномъ и преемникомъ Антигона Гоната, Димитріемъ II (царств. отъ 240 — 230 г.) были подкрѣпляемы Ахейцами, но это согласіе было непродолжительно.

При Димитріи II Македонія находилась въ состояніи упадка и замѣшательства; такое состояніе продолжалось и въ первые годы царствованія его племянника и преемника, Антигона Досона. Аѳиняне рѣшились воспользоваться этимъ, чтобы освободиться отъ тягостнаго господства Македонянъ, и призвали къ себѣ Арата, который убѣдилъ македонскаго начальника за сто пятьдесятъ талантовъ очистить гавани, мысъ Суніумъ и островъ Саламинъ. Аратъ, не жалѣвшій ничего, когда дѣло касалось общей пользы,

употребилъ на это свои двадцать талантовъ. Въ это же время многіе владѣльцы городовъ пелопоннезскихъ, потерявшіе защитника въ Димитріи, добровольно отказались отъ своей власти. Въ числѣ ихъ находился и названный выше Аристомахъ: онъ самъ присоединилъ Аргосъ къ Ахейскому Союзу.

17. Агисъ III и Клеоменъ III.

Въ то время, когда Ахеяне усиливались такимъ образомъ, внутри Спарты совершилась перемѣна, въ слѣдствіе нравственной порчи, безпрестанно возраставшей со времени Пелопоннезской Войны. Прекращеніе древнихъ родовъ, число коихъ уменьшилось отъ девяти тысячъ до семи сотъ, и дозволеніе каждому свободно распоряжаться недвижимою собственностью, какъ предложилъ эфоръ Эпитадей, вопреки Ликургову закону, сосредоточили богатства въ рукахъ немногихъ гражданъ. Всѣ остальные впали въ стѣснительную зависимость отъ зажиточныхъ олигарховъ; исчезли благочиніе и строгость жизни древнихъ Спартанцевъ; изнѣженность, неумѣренность заступили мѣсто строжайшей воздержности прежнихъ временъ. Для самыхъ царей роскошные и распутные дворы властителей египетскихъ, сирійскихъ и македонскихъ служили образцами соблазна, и увлекали ихъ къ неслыханнымъ въ Спартѣ излишествамъ, подтачивавшимъ самый корень устройства государственнаго.

Но въ нѣкоторыхъ членахъ царскаго дома хранилось еще воспоминаніе о силѣ и достоинствѣ древней Спарты, и возбуждало въ нихъ надежду на возрожденіе государства посредствомъ возстановленія древняго его быта. Царь Агисъ III первый рѣшился на подобный опытъ. По его предначертанію, должно было уничтожить всѣ долги, и раздѣлить всѣ земли Лаконіи такъ, чтобы 4500 частей достались собственно Спартанцамъ, а 15,000 періекамъ, способнымъ носить оружіе. Число Спартанцевъ надлежало пополнить способнѣйшими и сильнѣйшими изъ періековъ. Безъ сомнѣнія, только этимъ средствомъ можно было освѣжить и спасти недужное государство. Онъ думалъ возста-

новить и старинный образъ жизни, старинный простой общественный столъ. Юношество съ одобреніемъ приняло планъ Агиса, но старые граждане, въ главѣ коихъ стоялъ соцарственникъ его, невоздержный Леонидъ, сильно ему воспротивились. Хотя эфоръ Лисандръ, бывшій въ родствѣ съ Агисомъ, настоялъ на томъ, чтобъ Леонидъ былъ лишенъ царскаго достоинства, и вмѣсто его облеченъ этимъ саномъ Клеомбротъ, но все, что сдѣлалъ Агисъ вмѣстѣ съ новымъ Царемъ, ограничилось только сожженіемъ долговыхъ обязательствъ. Затѣмъ Агисъ пошелъ на помощь Арату противъ Этолянъ; возвращаясь изъ похода, думалъ онъ приступить къ раздѣлу земель, но нашелъ уже, что все измѣнилось въ Спартѣ. Богатые граждане во время его отсутствія снова присвоили себѣ правленіе, и призвали изгнаннаго Леонида. Агисъ и Клеомбротъ принуждены были искать убѣжища въ храмѣ. Леонидъ даровалъ Клеомброту жизнь съ условіемъ, чтобы онъ покинулъ Спарту, но Агисъ палъ жертвою мщенія оскорбленныхъ олигарховъ. Его выманили изъ убѣжища; эфоры, съ нѣсколькими преданными имъ геронтами, произвели надъ нимъ судъ неправильный и пристрастный. Агисъ былъ повѣшенъ. Злодѣи подвергли той же казни мать и бабку его (240).

Но ужасный конецъ Агиса не устрашилъ Клеомена, сына Леонидова, вовсе не похожаго на отца, не отвратилъ его отъ подобнаго предпріятія. Отъ природы честолюбивый и пылкій, но съ благороднымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей, онъ легко принялъ начертанія несчастнаго Царя, по убѣжденію супруги своей, Агіатиды, вдовы Агиса, съ которою Леонидъ сочеталъ его бракомъ, уважая ея богатство и красоту. Воцарившись по смерти отца (236), онъ хотѣлъ приступить къ исполненію предначертаній Агиса, но вскорѣ увидѣлъ, что въ Спартѣ ему нельзя надѣяться ни на чью помощь, и что предварительно должно пріобрѣсти славу и вліяніе войною. Случай къ тому подали Ахеяне, смотрѣвшіе на общія выгоды Греціи только въ отношеніи къ своему союзу, и хотѣвшіе присоединить къ нему весь Пелопоннезъ. Такъ какъ они съ этою цѣлію безпокоили Аркадянъ, то Клеоменъ пошелъ на помощь къ послѣднимъ,

и завязалась война, въ которой Ахеяне были побѣждены, ибо Аратъ, хитрый и смѣлый, когда надобно было обмануть непріятеля и сдѣлать нечаянное нападеніе, былъ нерѣшителенъ и робокъ въ открытомъ полѣ. Клеоменъ считалъ теперь возможнымъ совершенно ослабить вліяніе Ахейскаго Союза на Пелопоннезъ, мечталъ о возстановленіи древняго достоинства Спарты, и о гегемоніи ея, но для этого ему нужно было имѣть верховную власть надъ военными ея силами, не ограниченную стѣснительнымъ вмѣшательствомъ эфоровъ, и такъ какъ тѣ же самые эфоры были ему препоною къ исполненію его плановъ касательно государственнаго преобразованія, въ немъ созрѣла рѣшимость отъ нихъ освободиться. Внезапно съ позорища войны поспѣшилъ онъ съ наемными воинами изъ своей арміи въ Спарту. Воины въ расплохъ напали на эфоровъ, и умертвили ихъ; восемьдесятъ другихъ гражданъ, отъ коихъ Клеоменъ наиболѣе опасался сопротивленія, изгнаны были изъ Спарты. Въ народномъ собраніи, созванномъ вслѣдъ затѣмъ, Клеоменъ оправдалъ свой поступокъ, и обѣщалъ привести въ исполненіе то, чего не дали кончить Агису (226).

И дѣйствительно предполагаемая государственная перемѣна совершилась въ томъ видѣ, какъ ее замышлялъ несчастный Агисъ. Клеоменъ велѣлъ вынести сѣдалища эфоровъ, оставивъ только одно, на которомъ хотѣлъ сидѣть самъ, и творить судъ и расправу. По объявленіи общаго отпущенія долговъ, Клеоменъ первый отдалъ свое имущество для раздѣла; прочіе послѣдовали его примѣру. Всѣ земли Лаконіи были раздѣлены, и при этомъ даже восемьдесятъ изгнанныхъ гражданъ не только не были забыты, но и получили позволеніе воротиться въ отечество, какъ скоро въ государствѣ снова водворится спокойствіе. Лучшіе изъ періековъ включены были въ число Спартанцевъ, и снова можно было составить войско изъ четырехъ тысячъ туземныхъ оплитовъ. Затѣмъ Клеоменъ возстановилъ совершенно въ прежнемъ видѣ воспитаніе и упражненія юношества, и устройство общихъ столовъ. И въ этомъ случаѣ, такъ же какъ въ другихъ, онъ самъ служилъ для прочихъ примѣромъ: столъ его былъ совершенно спартан-

скій. Всякая роскошь изгнана была изъ его дома; великолѣпныя одѣянія послѣднихъ царей промѣнялъ онъ на простую лакедемонскую епанчу. Брата своего, Эвклида, назначилъ онъ вторымъ царемъ (Леонидъ царствовалъ одинъ), и этимъ поступкомъ доказалъ, что имѣетъ въ виду не столько утвержденіе собственной власти, сколько господство своего отечества.

Стремясь къ достиженію этой цѣли, онъ не могъ быть въ дружелюбномъ отношеніи къ Ахейскому Союзу. Клеоменъ желалъ войны еще потому, что посредствомъ ея надѣялся болѣе утвердить свое вліяніе въ самой Спартѣ. Посему онъ продолжалъ войну съ Ахеянами; счастливо и побѣдоносно покорилъ большую часть Пелопоннеза, и Ахеяне прислали къ нему пословъ съ просьбою о мирѣ. Клеоменъ требовалъ признанія древней гегемоніи Спарты, и желалъ, чтобы его избрали въ главы союза. Ахеяне были готовы согласиться на его требованія, но въ это время пробудилась зависть Арата. Онъ внушилъ Ахеянамъ недовѣрчивость къ Клеомену: они потребовали, чтобы Царь прибылъ въ Аргосъ, гдѣ назначено было собраніе, безъ всякой свиты. Оскорбленный симъ поступкомъ, Клеоменъ немедленно возобновилъ войну, и съ такимъ успѣхомъ, что Аратъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ средству, какого наименѣе можно было ожидать отъ него. Основавъ свою славу на освобожденіи Греціи отъ македонскаго ига, онъ пригласилъ теперь Македонянъ къ себѣ на помощь, и даже купилъ это покровительство уступкою имъ Коринѳскаго Замка. Антигонъ Досонъ, рѣшившись помочь Арату за такую цѣну, поспѣшилъ съ войскомъ къ Коринѳскому Перешейку. Входъ въ перешеекъ занятъ былъ Клеоменомъ, но отпаденіе въ тылу его города Аргоса, въ слѣдствіе стараній Ахеянъ, принудило его воротиться, и такъ какъ покушеніе снова покорить Аргосъ не удалось, то Клеоменъ отступилъ въ предѣлы земли спартанской. Антигонъ шелъ по слѣдамъ его, отнялъ у него большую часть завоеванныхъ имъ городовъ пелопоннезскихъ, и въ третьемъ походѣ нанесъ ему такое рѣшительное пораженіе при Селлазіи (222), что Клеоменъ, видя тщету всѣхъ надеждъ своихъ, нашелъ одно

только средство спасенія въ бѣгствѣ въ Египетъ, къ Птоломею Эвергету, въ надеждѣ добыть тамъ денегъ и кораблей для возвращенія въ Пелопоннезъ. И въ самомъ дѣлѣ благопріятное мнѣніе Птоломея о мудромъ иноземцѣ, повидимому, обѣщало ему близкое исполненіе надеждъ его, но кончина сего Царя ихъ уничтожила. Слабый Птоломей Филопаторъ страшился Клеомена, и зависть его царедворцевъ наконецъ погубила Спартанца. Они употребили одного Мессинца, Никатора, чтобы оклеветать его передъ Птоломеемъ, и Клеоменъ былъ взятъ подъ стражу по повелѣнію Царя Египетскаго. При помощи нѣсколькихъ спутниковъ, Клеомену удалось бѣжать изъ темницы, но, проходя по городу, и призывая народъ на помощь, они не видали никого, кто бы присоединился къ нимъ: тогда кончили они жизнь по-спартански, умертвивъ самихъ себя.

Между тѣмъ твореніе Клеомена въ Спартѣ рушилось; прежнее состояніе дѣлъ было возстановлено, но эта перемѣна не возвратила ни порядка, ни законности, а повлекла за собой конечную гибель послѣднихъ остатковъ спартанскаго духа и независимости.

Такимъ образомъ раздоръ снова свирѣпствовалъ внутри Греціи, и готовилъ ее въ жертву владычеству иноземному. Но Македонскіе Цари не долго пользовались плодами сего раздора: они вскорѣ сами, равно какъ и предметъ ихъ властолюбія, Греція, сдѣлались добычею всепоглощающаго Рима: въ его исторіи увидимъ послѣднія событія Греціи, все слабѣе и безуспѣшнѣе сражавшейся за свою независимость.

18. Греческія искусства и науки.

Разсуждая о греческихъ искусствахъ и литературѣ въ этомъ періодѣ, еще менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ, можемъ мы ограничиваться предѣлами собственной Греціи. Исторія политическая уже показала намъ, какъ вмѣстѣ съ языкомъ распространялась и любовь къ умственнымъ произведеніямъ Греціи по многимъ странамъ, открытымъ завоеваніями Александра, и дотолѣ находившимся въ совершенномъ варварствѣ. Вскорѣ просвѣщенію греческому суждено было возъимѣть могущественное вліяніе и на Западъ. Но, по

мѣрѣ распространенія, внутреннее достоинство его уменьшалось. Около того самого времени, когда Греки потеряли свою политическую независимость, потому что древній духъ и чувство у нихъ исчезли, или проявлялись только въ отдѣльныхъ лицахъ и по временамъ, искусства и литература сошли съ той дивной высоты, которой достигли онѣ въ періодѣ предъидущемъ. Греческая пластика начала упадать вскорѣ послѣ Лисиппа (см. выше стр. 159). Не являлось болѣе геніевъ творческихъ; въ искусствѣ обнаружились изнѣженность, стремленіе къ произведенію эфекта, но и въ этомъ все еще видны были умъ, вкусъ и талантъ. Древніе повѣствуютъ, что изящныя художества около половины втораго столѣтія до Р. Х. снова ожили, хотя и не достигали прежней высоты. На этой степени они держались еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и украшали превосходными произведеніями города, гдѣ господствовала любовь къ искусству греческому.

Состояніе изящныхъ художествъ въ эти позднѣйшія столѣтія греческой дѣятельности было гораздо лучше состоянія изящной словесности, ибо изящныя художества, родившіяся во время величія и направленныя на прямой путь, гораздо менѣе подвергаются вліянію государственной жизни, нежели литература, которая всегда зависитъ отъ господствующаго образа мыслей. Такъ какъ жизнь политическая утратила теперь всю свою прежнюю силу, то умственная дѣятельность на поприщѣ литературы обратилась къ такимъ отраслямъ знанія, которыя находятся въ наименьшей связи съ житейскими отношеніями людей. По сей причинѣ наука отдѣлилась отъ жизни, но кругъ ея чрезвычайно расширился. Исполинскій умъ Аристотеля, составляющаго какъ бы окончательный пунктъ предъидущаго и начало новаго періода, впервые сталъ обработывать естественную исторію по правиламъ науки. Съ царскою щедростію Александръ доставлялъ ему средства изучать рѣдкія, тогда еще совершенно неизвѣстныя, произведенія отдаленной Азіи. Аристотель завоевалъ для науки то, что великій ученикъ его завоевалъ для жизни. И географія, по мѣрѣ накопленія матеріяловъ ея, болѣе и болѣе обработы-

балась и приходила въ связь съ астрономіею. Здѣсь преимущественно надлежитъ упомянуть объ Эратосѳенѣ, который призванъ былъ Птоломеемъ Эвергетомъ въ Александрію, въ званіе смотрителя библіотеки. Онъ былъ человѣкъ съ обширнѣйшими познаніями, и первый систематическій географъ. Изслѣдованія географическія, въ связи съ астрономіею, требовали пособія математики, которая, равнымъ образомъ, сдѣлала въ этомъ періодѣ чрезвычайные успѣхи. Уважаемый понынѣ въ ученомъ мірѣ, Эвклидъ жилъ при Птоломеѣ Лагѣ, въ Александріи.

Мы упоминали выше, какія литературныя сокровища собраны были стараніемъ Царей Египетскихъ въ ихъ столицѣ. Сіи обширныя ученыя заведенія, какихъ не могли представить, и въ какихъ еще не имѣли нужды Аѳины во время Перикла, и пребываніе многихъ ученыхъ при дворѣ Птоломеевъ имѣли такое сильное вліяніе на все тогдашнее состояніе литературы, что этотъ періодъ носитъ оттого названіе Александрійскаго. Отъ свободнаго творчества, истекающаго изъ глубины души, теперь всѣ обратились къ приведенію въ систематическій порядокъ, очищенію и изслѣдованію собранныхъ богатствъ, къ трудамъ, которыя, относительно изящной словесности, породили новую отрасль наукъ, критику. Школа критиковъ и грамматиковъ, изъ коихъ особенно прославился Аристархъ, изслѣдовала достоинство и подлинность прославленныхъ произведеній прежняго времени и правильность текстовъ. Особенное вниманіе обращала она на Гомера, котораго не переставали считать источникомъ и средоточіемъ всей Греческой Поэзіи. Изящныя произведенія этого времени почти всѣ носятъ печать односторонняго подражанія образцамъ, служившимъ предметомъ удивленія; авторы ихъ стараются ученостью и риторическими прикрасами закрыть недостатокъ чисто поэтическаго духа.

Одинъ только театръ, находившійся, по всенародности своей, въ непосредственной связи съ жизнію, отъ которой отдѣлилась остальная литература, произвелъ, и именно въ старинной своей родинѣ, Аѳинахъ, особенный, свойственный этому вѣку, родъ — новую комедію, какъ названа она

въ противоположность старой, аристофановской. Съ концемъ Войны Пелопоннезской старая комедія пала (выше стр. 162), но не исчезла страсть къ комическимъ представленіямъ. Тогда образовалась комедія новая, сообразная съ временемъ и поэтическимъ его духомъ. Сошли со сцены опредѣленныя, извѣстныя лица древнихъ комедій. Лица, выступавшія теперь на сцену, представляли характеры людскіе вообще. Мѣсто могущественныхъ демагоговъ заступили бранчивые отцы, расточительные сыновья, хитрые рабы; мѣсто крамолъ государственныхъ заняли происшествія семейныя и любовныя. Дерзкая брань и безчинство уступили мѣсто тонкому изображенію нравовъ и пріятнымъ шуткамъ, облеченнымъ всею прелестью аттическаго языка. Сіи свойства составляютъ характеръ новой комедіи, которой въ театрѣ новѣйшихъ народовъ часто подражали, и до того, что сохраняли всѣ особенности ея, даже несообразныя съ настоящими потребностями. Славнѣйшимъ комическимъ поэтомъ былъ Менандръ, процвѣтавшій въ началѣ описываемой нами эпохи. Еще можно считать родомъ поэзіи, свойственнымъ этому вѣку, идиллію. Ѳеокритъ, родомъ изъ Сициліи, первый началъ обработывать этотъ родъ поэзіи; онъ жилъ при дворѣ Птоломеевъ. И здѣсь нельзя не замѣтить выраженія характера времени: идиллія отъ поэтическаго представленія великихъ, громадныхъ отношеній обращается къ изображеніямъ отдѣльныхъ явленій простаго быта и сельской природы.

Изъ философскихъ школъ, возникшихъ въ этомъ періодѣ, надлежитъ замѣтить особенно двѣ, по причинѣ великаго вліянія ихъ на жизнь людскую, Школы Эпикурейскую и Стоическую. Эпикуръ, Аѳинянинъ (ум. 270), отрицалъ существованіе божественнаго міроправленія, толковалъ, что все произошло и существуетъ случайно, и утверждалъ, что высшее благо есть удовольствіе и пріятныя ощущенія. Хотя, въ первоначальномъ ученіи Эпикура, подъ названіемъ высшаго блага вовсе не разумѣлось простое чувственное наслажденіе, но изъ его системы нельзя было вывести побужденія къ какому либо стремленію духовному, сообразному съ достоинствомъ бытія человѣческаго, и напротивъ весьма легко

могло произойти ученіе, льстящее чувственности и уничтожающее всякую нравственность, утверждая, будто человѣкъ долженъ стремиться исключительно къ наслажденіямъ чувственнымъ. Но это самое и доставило системѣ Эпикура множество приверженцевъ въ такое время, когда почти вовсе исчезъ чистый, богобоязненный, добродѣтельный образъ мыслей, когда ничего болѣе не уважали кромѣ богатства и наслажденій, когда удовольствія жизни считались единственною достойною цѣлію стремленія, и порокъ, ищущій обмановъ и обольщеній, жадно хватался за систему, которая, повидимому, приводила въ согласіе съ разумомъ удовлетвореніе страстямъ.

Около того же времени жилъ и дѣйствовалъ Зенонъ, родомъ изъ Китіона, на островѣ Кипрѣ; отъ одной галереи въ Аѳинахъ (στοα), въ коей училъ онъ, философія его называется Стоическою. Она составляетъ совершенную противоположность съ Эпикурейскою. Добродѣтель, учили стоики, есть единственное истинное благо, порокъ единственное истинное зло; всѣ внѣшнія блага не входятъ въ разсмотрѣніе при оцѣнкѣ того, что приноситъ пользу человѣку; мудрецъ къ нимъ равнодушенъ; онъ такъ же мало ищетъ удовольствія, какъ избѣгаетъ непріятности; для него несчастіе не есть зло: онъ носитъ въ самомъ себѣ источникъ всякаго удовольствія. Въ то время, когда почти всѣ служили пороку, и изъ робкаго своекорыстія склонялись предъ злодѣями, являлись еще души благородныя, которыя, оживясь симъ строгимъ нравственнымъ ученіемъ, сохраняли и выказывали на дѣлѣ добродѣтели прежнихъ временъ. Дѣйствительно это ученіе гораздо возвышеннѣе и благороднѣе эпикурейскаго, и могло воспламенять къ подвигамъ геройскимъ, но съ другой стороны оно для духа человѣческаго опасно не менѣе ученія о наслажденіи. Стоицизмъ внушаетъ человѣку самодовольство, ведущее къ самому пагубному высокомѣрію, къ обоготворенію своихъ добродѣтелей и самого себя, ослѣпляетъ человѣка на счетъ недостатковъ его природы. Когда человѣкъ нуждается въ утѣшеніи, эта философія не представляетъ ему ничего, кромѣ холоднаго самоотверженія и покорности

неумолимому року, не могущей даровать душѣ ни какого успокоенія. Стоики совершенно чужды были понятія о всепримиряющей, соглашающей всѣ противорѣчія любви, которая явилась въ свѣтѣ только съ Христіанствомъ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РИМЛЯНЕ, ОТЪ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА ДО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ АВГУСТА.

(754 — 30 до Р. Хр.)

1. Основаніе Рима.

Упоминая о колоніяхъ, основанныхъ Греками на южныхъ берегахъ Италіи, во время высшаго благосостоянія сего народа, мы говорили уже, до какой высокой степени онѣ достигли на богатой почвѣ сей роскошной страны. Полуостровъ Италія былъ тогда обитаемъ многими независимыми племенами, которыя, въ послѣдствіи, всѣ покорились Риму. Дѣянія и учрежденія сихъ племенъ, во времена ихъ независимости, почти вовсе неизвѣстны. Очень трудно объяснить ихъ происхожденіе и соотношенія съ другими племенами, ихъ первоначальное пребываніе въ Италіи или переселеніе въ сію страну. Къ симъ труднымъ задачамъ принадлежитъ въ особенности вопросъ: какую связь имѣютъ Пелазги, являющіеся въ древней Италіи, съ Пелазгами въ Греціи? Доказано однако же, что сходство сихъ именъ было не просто игрою случая, и что италійскіе Пелазги одного и того же происхожденія съ древними обитателями Греціи.

Къ замѣчательнѣйшимъ народамъ древней Италіи принадлежатъ Туски, или Этруски, называемые также Тирренами: они отличались отъ другихъ своимъ высокимъ образованіемъ, и властвовали, во времена своего могущества и процвѣтанія, надъ бо́льшею частью Италіи, но потомъ, ограничивались одною Этруріею (нынѣшнее Великое Герцогство Тосканское и нѣкоторые округи Церковныхъ Владѣній). Они жили въ двѣнадцати отдѣльныхъ республикахъ, или городахъ, съ принадлежавшими къ нимъ покоренными зем-

лями *) Образъ ихъ правленія былъ аристократическій; каста воинственныхъ жрецовъ составляла господствующее сословіе. Члены сей касты отличались великолѣпіемъ, какъ въ одѣяніи, такъ и въ другихъ наружныхъ отличіяхъ. Имъ подчинялась большая часть народа; права остальной части, свободной, были незначительны. Между отдѣльными республиками существовалъ союзъ, который имѣлъ большую прочность только въ древнѣйшія времена; въ послѣдствіи же служилъ болѣе для устраненія внутреннихъ войнъ между городами, нежели для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Сеймъ не имѣлъ большой власти надъ отдѣльными государствами. Страна сія изобиловала дорогими произведеніями. Обитатели ея, Этруски, усердно и дѣятельно обработывали землю, и извлекали изъ нея пользу, но въ то же время счастливо упражнялись въ разныхъ художествахъ. Они окружили свои города стѣнами, подобными циклопическимъ стѣнамъ древнѣйшей Греціи. Нѣкоторыя изъ сихъ стѣнъ, избѣжавшія разрушенія отъ непріятельской руки, утомившейся симъ трудомъ, существуютъ донынѣ, и сложенныя изъ гигантскихъ камней, представляютъ незыблемыя твердыни. Искусство ваянія также не было чуждо Этрускамъ; впрочемъ произведенія **) туземныхъ художниковъ, хотя вѣрны въ размѣрахъ и обличаютъ необыкновенное прилежаніе, но холодны, и не имѣютъ мягкости и пріятности. Характеръ народа былъ положительный, суровый, скрытный. Все касающееся до внѣшняго богослуженія, жертвоприношенія, празднества, торжественные обряды, было особенно развито Этрусками. Они хвалились искусствомъ угадывать волю боговъ по наружнымъ знакамъ, и толковать смыслъ грозныхъ знаменій природы. Предсказанія, преимущественно по внутренностямъ закланныхъ животныхъ и по направленію молніи, были приведены этрур-

*) Иногда же, нѣсколько независимыхъ городовъ составляли вмѣстѣ одно изъ сихъ двѣнадцати государствъ. *Отфридъ Мюллеръ*, Etrusker, II, 1, 3.

**) Съ ними не должно смѣшивать произведенія, изваянныя Греками въ Этруріи, и также иногда называемыя этрурскими.

скими жрецами въ полную систему, и сія мнимая наука перешла отъ нихъ къ Римлянамъ. Правители Рима извлекали чрезвычайную пользу изъ этого народнаго суевѣрія, и предсказатель былъ у нихъ весьма значительнымъ, важнымъ лицемъ; изрѣченіями своими дѣйствовалъ онъ на толпу по своему хотѣнію. Музыка Римлянъ и ихъ пѣвцы, изображавшіе предметъ пѣсни въ дѣйствіи, также этрурскаго происхожденія. Въ срединѣ пятаго столѣтія со времени основанія Рима, юноши римскіе обучались языку и литературѣ этрурскимъ, какъ въ послѣдствіи греческимъ. Правда, у Этрусковъ не было свободнаго развитія въ наукахъ и поэзіи, и даже то, что они переняли у Грековъ, не могло пустить живыхъ отпрысковъ *). Морскіе разбои (разумѣя подъ симъ словомъ отправленіе судовъ для грабежа чужихъ береговъ и кораблей) и обширная морская торговля, которую Этруски вели въ глубокой древности, и наконецъ ихъ трудолюбіе обогатили ихъ. За богатствомъ послѣдовали роскошь и распутство, такъ, что древняя сила народа была уже въ разслабленіи, когда онъ столкнулся съ воинственнымъ Римомъ, и былъ имъ побѣжденъ.

Древнѣйшая исторія Рима такъ же темна и смѣшана съ баснями, какъ и бытія другихъ народовъ. Основаніе города облечено мракомъ и миѳами. Кромѣ сообщаемаго нами преданія о началѣ Рима, въ древности было о томъ нѣсколько другихъ, совершенно различныхъ сказаній. И послѣ основанія Рима протекло еще нѣсколько вѣковъ, пока настали времена полной исторической достовѣрности. Исторія сихъ вѣковъ представляетъ, большею частію, разукрашенное древнее преданіе, къ которому, можетъ быть, прибавлены были и чистые вымыслы позднѣйшихъ Грековъ. Но

*) Аристократія пользовалась греческими художествами и произведеніями Востока, доставляемыми торговлею. Роскошь и изящество художественныхъ произведеній были прежде всего употребляемы для возвышенія блеска туземныхъ божествъ. Греческія преданія, поэзія, художества и науки переходили различными путями въ Этрурію, и измѣнялись здѣсь сообразно съ національностью и обстоятельствами, но вообще не произвели ничего новаго и изящнаго въ цѣломъ. *О. Мюллеръ*, Etrusker. IV. 8, 6.

не смотря на то, ее должно изучать наравнѣ съ достовѣрною исторіею позднѣйшихъ вѣковъ, ибо въ туманѣ сихъ преданій можно, если не совершенно изслѣдовать, то, по крайней мѣрѣ, слегка узнать воспоминанія историческія. Древніе и новые писатели охотно повѣствуютъ о баснословныхъ лицахъ и событіяхъ, которыя своею чудесностью, болѣе увлекаютъ читателей, нежели строгая истина исторіи дѣйствительностью.

Если вѣрить поэтическому преданію, Эней, по разореніи Трои, спасся, съ бѣжавшими оттуда Троянами, въ Италію, и поселился въ землѣ Лаціи (Лаціумъ), у жившихъ тамъ Латиновъ. Сіи Латины, посреди которыхъ возникъ Римъ, получившій отъ нихъ языкъ свой, были народъ смѣшанный: они происходили частію отъ древнихъ Грековъ и Пелазговъ, частію отъ первобытныхъ жителей Италіи. Тамъ, гласитъ преданіе, сынъ Энея, Асканій, основалъ городъ Алба-Лонгу. Потомки его царствовали въ немъ около четырехъ столѣтій, и, по баснословному разсказу, изъ этого города произошли основатели Рима. Это случилось по слѣдующему поводу.

Прока, одинъ изъ царей сей династіи, оставилъ двухъ сыновей, Нумитора и Амулія. Амулій свергнулъ съ престола своего старшаго брата, и чтобы обезпечить свою власть, убилъ его сына, а дочь, Рею Сильвію, принудилъ вступить въ сословіе весталокъ, то есть жрицъ богини Весты, въ которомъ она должна была оставаться въ вѣчномъ дѣвствѣ. Но, не смотря на свою присягу, Рея Сильвія имѣла, отъ бога Марса, двухъ дѣтей, которыхъ жестокосердый дядя приказалъ положить въ корыто, и бросить въ Тибръ. Мать подверглась заключенію.

Разлившаяся рѣка вскорѣ вошла въ обыкновенное свое русло, и дѣти остались на сушѣ, у корня дикой смоковницы. Здѣсь питались они молокомъ волчицы, пока не нашелъ ихъ царскій пастухъ, Фавстулъ, который, сжалясь надъ ними, отнесъ ихъ домой, къ женѣ своей, Аккѣ Лавренціи. Онъ назвалъ ихъ Ромуломъ и Ремомъ, и они росли у него, присматривая за стадами. Уже съ младенческихъ лѣтъ оба отличались тѣлесною силою и смѣлостью въ борьбѣ съ

дикими звѣрями и съ разбойниками. Однажды, уже на возрастѣ, вступили они въ споръ съ пастухами Нумитора, о пастбищахъ. Пастухи схватили Рема, и отвели его къ Нумитору, который, изумившись силѣ и безстрашію юноши, узналъ въ немъ своего внука. Между тѣмъ, Фавстулъ открылъ старшему брату, Ромулу, тайну его происхожденія. Они оба поспѣшили къ Нумитору, и онъ увѣрился, что молодые пастухи дѣйствительно его внуки. Юноши немедленно рѣшились отмстить за несправедливость, нанесенную ихъ дѣду и имъ самимъ. Собравъ толпу бродягъ, они напали на Амулія, убили его, и снова возвели на престолъ своего дѣда, Нумитора.

Въ благодарность за сію услугу, Нумиторъ дозволилъ обоимъ братьямъ основать селеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ они были брошены въ Тибръ, и спасены. Но вскорѣ братья вступили въ споръ, кому принадлежитъ честь основанія города. Рѣшеніе было предоставлено богамъ, и оба брата стали на двухъ холмахъ, ожидая знаменій свыше. Ремъ первый увидѣлъ счастливое предзнаменованіе: пролетѣли шесть коршуновъ. Ромулъ увидѣлъ потомъ двѣнадцать. Воля боговъ была неясна; каждый изъ братьевъ толковалъ ее въ свою пользу. Между ими возникъ раздоръ. Ремъ былъ убитъ, а Ромулъ остался побѣдителемъ.

Тогда Ромулъ приступилъ къ построенію новаго города, соблюдая разные набожные и священные обряды, къ которымъ принадлежалъ и слѣдующій. Онъ запрягъ въ плугъ бѣлаго вола и бѣлую корову, и провелъ плугомъ борозду, которая опредѣлила пространство новаго города и направленіе будущихъ стѣнъ. Тамъ, гдѣ надлежало быть воротамъ, плугъ приподнимали. Весь городъ заключалъ въ себѣ только Палатинскую Гору.

Основаніе Рима произошло 21 апрѣля: въ этотъ день ежегодно совершали празднество въ честь богини Палесъ *).

---

*) Уже древніе были весьма различнаго мнѣнія о годѣ построенія Рима. Извѣстнѣйшія счисленія суть Катона, который относитъ основаніе города къ 4-му году VI олимпіады, и Варрона, который принимаетъ 3-й годъ VI олимпіады. Первый годъ соотвѣтствуетъ

Это былъ сельскій праздникъ (Палилія), на которомъ освящали пастуховъ и благословляли стада.

2. Похищеніе Сабинокъ. Первыя государственныя учрежденія Рима.

Для увеличенія народонаселенія новаго города, Ромулъ основалъ, на Капитолинской Горѣ, подъ защитою жрецовъ, убѣжище для бѣглецовъ и изгнанниковъ изъ сосѣднихъ земель. И бѣглые рабы были тамъ принимаемы. Такимъ средствомъ были заманены многіе пришельцы, но не доставало женщинъ. Посланные отправились въ ближайшіе города, предлагая дѣвицамъ вступать въ бракъ съ Римлянами, но приглашенія сіи были всюду отвергаемы съ презрѣніемъ.

Тогда юные Римляне, говоритъ преданіе, рѣшились добыть силою и храбростью то, въ чемъ имъ отказывали добромъ. Ромулъ объявилъ, что въ извѣстный день будутъ происходить, въ честь Нептуна, игрища пѣшихъ и конныхъ, и пригласилъ жителей сосѣднихъ городовъ принять въ нихъ участіе. Это приманило окрестныхъ жителей. Изъ сосѣднихъ городовъ Ценины, Крустумерія и Антемнъ народъ собрался во множествѣ, чтобъ повеселиться на праздникѣ. Въ особенности явилось множество Сабинянъ *), съ женами

752, а послѣдній 753 году нашего лѣтосчисленія (до Р. Х.). Въ слѣдующихъ хронологическихъ показаніяхъ мы будемъ держаться послѣдняго года, наиболѣе употребительнаго. Должно замѣтить, что для сравненія годовъ до Рождества Христова съ годами отъ построенія Рима, слѣдуетъ принимать за основаніе ближайшій годъ до Римской Эры, т. е. 754. Впрочемъ, едва ли нужно замѣчать, что въ лѣтосчисленіи первыхъ вѣковъ нельзя требовать хронологической точности.

*) Сабиняне, сосѣди Латиновъ, отличались строгостью нравовъ, умѣренностью и набожностью. Одного происхожденія съ ними были многіе другіе народы Италіи: Самниты, Луканы, Пиценты, Марсы, Марруцины, Пелигны, Вестины, можетъ быть и Герники. Нибуръ называетъ это племя общимъ именемъ Сабельскаго. Другаго происхожденія было племя Осковъ, къ которому принадлежали Авзоны, и отъ нихъ еще происходилъ народъ Умбры.

и дѣтьми. Въ послѣдній день празднества внезапно обнаружилось коварное намѣреніе. Взоры всѣхъ еще были устремлены на зрѣлище; по данному знаку, бросились на поприще римскіе юноши, и каждый изъ нихъ увлекъ одну женщину. Гости, изумленные неожиданнымъ нападеніемъ, бѣжали. Похищенныя вскорѣ успокоились въ Римѣ, но обиженные сосѣди готовились къ мщенію. Отдѣльныя племена вооружались и спѣшили напасть на Римлянъ, не выжидая общаго соединенія всѣхъ силъ.

Ценинцы выступили первые, и были разбиты. Антемнійцы и Крустумерцы послѣдовали за ними, и претерпѣли ту же участь. Ромулъ построилъ, на Капитолинской Горѣ, первый храмъ въ честь Юпитера, и положилъ въ немъ добычу, которую собственною рукою снялъ съ убитаго предводителя Ценинцевъ *).

Такое счастіе возбудило новыхъ враговъ. Сабиняне рѣшились напасть на Римъ соединенными силами. Предводителемъ ихъ былъ Титъ Тацій, царь города Куръ, столицы сабинской. Римская крѣпость, на Капитолинской Горѣ, досталась въ руки Сабинянъ, измѣною Тарпеи, дочери главнаго предводителя, и Римляне были стѣснены со всѣхъ сторонъ. Однако же они оказывали непріятелю самое мужественное сопротивленіе, и борьба кончилась бы еще не скоро, если бъ похищенныя Сабинки не вызвались быть примирительницами между бранолюбивыми мужами, и не употребили всей силы женскаго убѣжденія, чтобъ водворить между ими согласіе. Обѣ стороны согласились на слѣдующія мирныя условія: Таціи и Ромулъ будутъ пользоваться въ Римѣ, какъ цари, равною властью и равными почестями; городъ будетъ называться, по имени основателя, Римомъ, и каждый изъ его жителей отдѣльно Римлянином, но весь народъ, по отечеству Тація, городу Курамъ, наименованъ будетъ Квиритами; всѣ Сабиняне, которые только пожелаютъ того, получатъ права гражданства Рима. Сабиняне основали теперь новый городъ, на Горахъ Капитолинской и Квиринальской.

---

*) Добычу, которую одинъ полководецъ отнималъ у другаго, называли spolia opima; ее считали величайшею рѣдкостью.

Но между обоими царями не могло быть истиннаго согласія. На пятомъ году своего соправительства, Тацій былъ убитъ во время смятенія при жертвоприношеніи, въ Лавиніи. Послѣ того Ромулъ еще торжествовалъ въ войнахъ противъ Фиденъ и Веій.

Все преданіе о похищеніи Сабинокъ и о двойственномъ правленіи Ромула и Тація есть баснословное выраженіе историческаго событія: въ Римскомъ Народѣ была часть сабинскаго племени, первоначально поселившагося на особыхъ горахъ, и брачныя права, сначала не существовавшія между сими двумя народами, утвердились послѣ кровопролитной борьбы. Сабинское начало Рима преимущественно обнаруживается тѣмъ, что богослуженіе въ немъ было большею частію сабинское *).

Историческое преданіе приписываетъ Ромулу внутреннія учрежденія и древнѣйшіе законы Рима, но въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, что они или издревле существовали въ Италіи, или постепенно развились въ послѣдствіи.

Древніе римскіе дѣйствительные граждане, называемые патриціями, раздѣлялись на три рода, или трибы: Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Рамны были латинскаго происхожденія, Тиціи сабинскаго; третій родъ опредѣлить трудно. Каждый родъ подраздѣлялся на десять курій, изъ коихъ каждая имѣла свое собственное богослуженіе. Старинныя народныя собранія происходили только по куріямъ, въ которыхъ, слѣдовательно, подавали голоса одни патриціи.

Въ зависимости отъ отдѣльныхъ патриціевъ, хотя не въ услуженіи у нихъ, находились кліенты. Патриціи были ихъ защитниками, и въ помѣстьяхъ своихъ отводили имъ земли для воздѣлыванія. Сіи земли отдавались имъ не въ полное владѣніе, а только на время. Патриціи защищали своихъ кліентовъ предъ судомъ, и помогали имъ въ нуждѣ. За то кліенты обязывались во всемъ содѣйствовать своимъ патриціямъ, и оказывать имъ всевозможныя услуги. Въ послѣдствіи нарушилось это отношеніе, и кліенты смѣшались съ плебеями.

*) Нибуръ Röm. Geschichte. 2-е изд. Ч. I. С. 300.

Плебеи составляли сословіе совершенно отличное отъ патриціевъ. Они были вполнѣ свободны, но не имѣли права подавать голосъ, и не могли занимать государственныхъ должностей. Они составились частію изъ позднѣйшихъ переселенцевъ, частію изъ жителей покоренныхъ земель. Въ числѣ ихъ были помѣщики и земледѣльцы, богатые и бѣдные, и не только простой народъ, но и дворяне завоеванныхъ городовъ *).

Цари пользовались властью и правами, подобными тѣмъ, которыми обладали греческіе властители героическихъ временъ. Царь былъ верховный судья, полководецъ и главный жрецъ; онъ созывалъ сенатъ и выборныхъ изъ народа (представителей), которые произносили рѣшенія касательно законовъ, войны и мира. Сенатъ состоялъ сначала изо ста членовъ; потомъ были присоединены къ нему еще сто, и въ послѣдствіи еще столько же, такъ что каждый изъ трехъ родовъ патриціевъ имѣлъ по сту представителей.

Ни какое государственное дѣло не могло быть предпринято безъ предварительнаго вопрошенія боговъ. Это возложено было на два рода жрецовъ, авгуровъ и гаруспиціевъ. Авгуры предсказывали по полету и пѣнію птицъ, по клеванію куръ, по грому и молніи, и проч. Производя наблюденія на небѣ, они становились лицемъ къ востоку, на возвышенномъ мѣстѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, и называвшемся templum, храмомъ. Гаруспиціи присутствовали при жертвоприношеніи животныхъ, и заключали о волѣ боговъ, наблюдая особенности, сопровождавшія закланіе животнаго, и преимущественно его внутренность.

Знаки царскаго достоинства были также этрурскіе. Предъ царемъ ходили двѣнадцать ликторовъ, одинъ за дру-

*) Такъ предполагаетъ Нибуръ, глубокій изслѣдователь исторіи древнѣйшихъ учрежденій Рима. По прежнему мнѣнію, уже древнѣйшіе римскіе граждане состояли изъ патриціевъ и плебеевъ, которые находились между собою въ такомъ же отношеніи, какъ дворяне и низшіе граждане. Еще полагали, что въ куріяхъ участвовали всѣ граждане, а не одни патриціи, и что кліенты не различались отъ плебеевъ

гимъ, и каждый изъ нихъ несъ вязанку прутьевъ (fasces), въ которую была вложена сѣкира, символъ власти надъ жизнью и смертью.

Преданіе разсказываетъ о смерти Ромула слѣдующее: Однажды, когда Царь производилъ смотръ войскамъ, у Козьяго Болота, во время солнечнаго затмѣнія и жестокой бури, онъ внезапно былъ похищенъ съ земли. Народъ, разбѣжавшійся въ испугѣ, искалъ съ отчаяніемъ своего Царя отца, но былъ успокоенъ знатнымъ патриціемъ, Юліемъ Прокуломъ, который увѣрилъ всѣхъ, что Ромулъ явился ему въ блистательномъ вооруженіи и въ огромномъ видѣ, и произнесъ: «Ступай и скажи Римлянамъ, что если они будутъ благоразумны и мужественны, то достигнутъ самой высокой власти, какая доступна человѣку. Я же буду вашимъ богомъ хранителемъ, Квириномъ.»

3. Нума Помпилій.

(Царств. 715 — 672 до Р. Х., 39 — 82 отъ основ. Рима.)

Послѣ смерти Ромула, сенатъ не избиралъ новаго царя, но въ теченіе года присвоивалъ себѣ верховную власть. Каждый изъ сенаторовъ, по порядку, пользовался сею властью въ продолженіе пяти дней. Однако же народъ, вѣроятно, притѣсняемый временными правителями, требовалъ возстановленія царскаго званія. Тогда возникъ споръ между Римлянами и Сабинянами, изъ котораго народа долженъ быть избранъ новый властитель. Наконецъ согласились, чтобы Римляне избрали царя изъ Сабинянъ. Выборъ палъ на зятя Таціева, Нуму Помпилія, мужа уважаемаго всѣми за его глубокую мудрость и набожность. Исторія сего Царя также совершенно баснословна. Преданіе называетъ мудрость Нумы непосредственнымъ даромъ небесъ, и повѣствуетъ, что сей Царь, находясь въ супружествѣ съ нимфою Эгеріею, получалъ отъ нея совѣты, при ночныхъ свиданіяхъ. Въ послѣдствіи называли его ученикомъ Пиѳагора, жившаго почти двумя столѣтіями позже. Такъ мало заботятся преданія о лѣтосчисленіи, связывая предметы равные внутренними качествами, и раздѣленные цѣлыми вѣками.

Преданіе приписываетъ Нумѣ и цѣль, сообразную симъ внушеніямъ боговъ, или высшей человѣческой мудрости: новый Царь, гласитъ оно, старался утвердить между Римлянами миръ, добродѣтели и уваженіе къ богамъ. Земли, завоеванныя Ромуломъ, роздалъ онъ неимущимъ гражданамъ, и такимъ образомъ, занявъ ихъ земледѣліемъ, принесъ пользу всему государству *). Ему приписываютъ въ особенности установленіе порядка при богослуженіи. При всякомъ торжественномъ обрядѣ, жертвоприношеніи или шествіи, онъ предписывалъ глашатаямъ обходить всѣ улицы, водворять тишину и воспрещать всякую работу, чтобы ни какой шумъ или крикъ ремесленниковъ не нарушалъ необходимаго притомъ спокойствія.

Нума ввелъ также новые религіозные обряды. Къ нимъ принадлежитъ учрежденіе весталокъ, которыя, какъ видно изъ исторіи Ромула, существовали въ городѣ Албѣ, матери Рима. Главная обязанность сихъ жрицъ состояла въ сохраненіи священнаго огня на жертвенникѣ. Сей огонь былъ для цѣлаго государства то же, что для каждаго отдѣльнаго семейства неугасаемый огонь на очагѣ домашнемъ, священное средоточіе, означавшее что и государство есть одна священная семья. Великимъ несчастіемъ для государства почиталось, когда этотъ огонь погасалъ, и весталка, виновная въ пренебреженіи сей обязанности, подвергалась строгому наказанію. Сіи жрицы обязаны были вести самую непорочную жизнь: весталка, нарушившая обѣтъ цѣломудрія, была погребаема живая. На холмѣ у Коллинскихъ Воротъ, вырывали глубокую пещеру. Въ этой пещерѣ ставили кровать, столъ, и на немъ немного съѣстныхъ припасовъ, хлѣба, воды, молока и масла, и зажигали лампаду. Приговоренную приносили чрезъ городъ, на носилкахъ, совершенно закрытыхъ. Встрѣчавшіеся съ этою

*) Всѣ древніе законодатели, и въ особенности Моисей, основывали успѣхъ своихъ постановленій, имѣвшихъ цѣлію укоренить добродѣтель, честность и чистоту нравовъ, на наслѣдственномъ обладаніи землею наибольшимъ, по возможности, числомъ гражданъ. *Нибуръ.*

печальною процессіею, тихо проходили мимо, или слѣдовали за нею молча и съ печальными взорами. У входа въ пещеру, главный жрецъ совершалъ нѣсколько молитвъ, потомъ снималъ съ носилокъ весталку, скрытую отъ взоровъ многими покровами, и ставилъ ее на лѣстницу, по которой она должна была спуститься. Лѣстницу поднимали. Несчастная, заключенная въ тѣсной могилѣ, слышала, какъ запирали навѣки двери, отдѣлявшія ее отъ свѣта, закидывали ихъ землею, и сравнивали холмъ, разрытый съ одной стороны. За то, весталки пользовались величайшимъ уваженіемъ, доказывавшимъ сколь высоко народъ цѣнилъ ихъ должность, съ которою, какъ многіе полагали, были сопряжены еще другія священныя тайны.

Учрежденіе феціаловъ также приписываютъ Нумѣ. Обязанность сихъ жрецовъ заключалась въ объявленіи войны, и въ заключеніи мира. Если какой либо народъ обидитъ Римлянъ и принудитъ ихъ къ войнѣ, феціалы сначала требовали удовлетворенія, и не получивъ его, снова являлись на границѣ, и объявляли войну, съ извѣстными обрядами. Сія торжественность должна была удерживать быстрые порывы дикихъ страстей.

Съ такою же цѣлію было установлено почитаніе Юпитера Терминальнаго, или бога Термина (границы), которому были посвящены всѣ пограничные камни. У сихъ камней долженствовали совершаться ежегодно безкровныя жертвы, частію для сохраненія въ памяти направленія границы, частію для того, чтобъ охраненіе или нарушеніе ея было почитаемо дѣломъ боговъ. Такъ какъ сіи пограничные камни не только отдѣляли владѣнія Римлянъ отъ странъ сосѣднихъ народовъ, но и опредѣляли рубежи земель отдѣльныхъ гражданъ, то сіе священное уваженіе къ нимъ долженствовало не только препятствовать войнамъ между Римомъ и сосѣдями, но и сохранять миръ и согласіе между римскими гражданами.

Преданіе говоритъ, что Царь успѣлъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, и что его кроткій духъ имѣлъ вліяніе на весь народъ. Время его правленія протекло въ спокойномъ счастіи, безъ смутъ, безъ войны. Храмъ Януса, построен-

ный Нумою, былъ при немъ постоянно закрытъ: это знаменовало миръ; открытіе дверей храма означало войну. И по всей Италіи, продолжаетъ поэтическій разсказъ, распространились миръ и счастіе; народы соединялись довѣрчиво съ Римомъ, ибо чрезъ его Царя пролилось на землю благословеніе боговъ.

4. Туллъ Гостилій.

(Царств. 672 — 640 до Р. Х., 82 — 114 отъ основ. Рима.)

Такъ изображаетъ преданіе двухъ первыхъ царей Рима: этотъ разсказъ совершенно баснословный. Съ третьимъ царемъ начинается другая эпоха: здѣсь уже видно историческое основаніе. Однако же все извѣстное намъ объ исторіи двухъ слѣдующихъ столѣтій, также передано молвою, и отчасти измѣнено ею.

По смерти Нумы, выборъ курій палъ на Тулла Гостилія, который, образомъ своихъ мыслей, походилъ на Ромула, и страстно любилъ войну. Взаимные набѣги подали поводъ къ войнѣ съ городомъ Албою. Уже оба войска стояли въ виду другъ друга, готовыя на бой, когда предложено было, по древнему обычаю, существовавшему и у другихъ народовъ, рѣшить споръ поединкомъ нѣсколькихъ воиновъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы отечество побѣжденныхъ покорилось отечеству побѣдителей.

Предложеніе было принято. Казалось, сама судьба покровительствовала поединку, ибо въ римскомъ войскѣ нашлись три брата, называвшіеся по отцу Гораціями, и въ албанскомъ три другіе брата, изъ роду Куріацієвъ; они вызвались на бой, и были избраны обѣими сторонами. Фециалы утвердили договоръ своими священными обрядами, и оба войска окружили сражающихся, смотря на нихъ съ трепетнымъ ожиданіемъ.

Знакъ былъ поданъ, и юноши бросились другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ долгой, упорной борьбы, палъ одинъ Римлянинъ, и вслѣдъ за нимъ другой. Оставался одинъ только Римлянинъ противъ трехъ тяжело раненыхъ Албанцевъ. Въ албанскомъ войскѣ раз-

дались радостные крики, и оскорбленная римская гордость не имѣла уже ни какой надежды. Но Горацій, еще не ослабленный ни одною раною, внезапно обратился въ бѣгство, и принудилъ трехъ Куріацієвъ преслѣдовать его. Такъ раздѣлилъ онъ тройную силу, предвидя, что непріятели побѣгутъ за нимъ поодиначкѣ, по мѣрѣ истощенія ихъ силъ ранами. Пробѣжавъ небольшое пространство, онъ остановился и оглянулся. Три врага его разлучились, и только одинъ изъ нихъ слѣдовалъ за нимъ близко. Онъ ринулся на него съ бѣшенствомъ, пронзилъ его копьемъ, и бросился на втораго. Воздухъ наполнился восклицаніями обнадеженныхъ Римлянъ; подкрѣпленный симъ ободреніемъ, Горацій нанесъ смертельный ударъ и этому врагу. Крики Римлянъ усугубились, и когда, наконецъ, онъ безъ труда низложилъ третьяго, тяжело раненаго и едва переводившаго духъ, всѣ сограждане устремились къ нему, обнимали его и въ восторгѣ провозглашали побѣдителемъ. Албанцы подчинились римскому владычеству.

Гордо вступилъ побѣдоносный Горацій въ городъ, въ главѣ римскаго войска, неся торжественно вооруженіе трехъ Куріацієвъ. У воротъ встрѣтила его сестра. Она была помолвлена съ однимъ изъ падшихъ Албанцевъ, и увидѣвъ его одежду, сотканную ея собственными руками, между трофеями брата, начала рыдать, ломать себѣ руки, рвать волосы, и жалобно произносила имя жениха. Въ упоеніи торжествомъ, воинственный братъ ея обидѣлся этимъ; посреди тысячи радостныхъ криковъ, единственный упрекъ показался ему преступленіемъ. Онъ грозно подошелъ къ сестрѣ, и пронзилъ ее мечемъ, дымившимся кровію враговъ. «Ступай, недостойная, воскликнулъ онъ, къ своему жениху, съ своею недостойною любовью, если ты могла забыть и убитыхъ братьевъ, и оставшагося въ живыхъ, и само отечество! Да будетъ то же съ каждою Римлянкою, которая станетъ оплакивать врага!»

Не смотря на важную услугу, оказанную отечеству убійцею сестры, онъ былъ преданъ суду, и приговоренъ къ смерти. Рѣшеніе предоставлено было народу, который, тронувшись слезами несчастнаго отца, просившаго

не лишать его послѣдняго дѣтища, освободилъ Горація отъ смертной казни. Однако же, для очищенія его отъ грѣха, надлежало принести жертвы, и самъ виновный былъ проведенъ ликторами, съ покрытымъ лицемъ, подъ висѣлицею, то есть подъ бревномъ, лежавшимъ на двухъ столбахъ *). Симъ способомъ полагали удовлетворить божескимъ и человѣческимъ законамъ.

5. Разореніе города Албы.

Албанцы терпѣли римское иго съ великимъ негодованіемъ. Ихъ полководецъ, Фуффецій, помышлялъ тайно о средствахъ освободить свое отечество. Онъ возбудилъ къ войнѣ противъ Римлянъ двухъ другихъ сосѣдей Рима, Фиденовъ и Веійцевъ, и обѣщалъ перейти, во время сраженія, на ихъ сторону со всѣми Албанцами. Царь Туллъ Гостилій выступилъ навстрѣчу врагамъ, пригласилъ Албанцевъ присоединиться къ нему, и поставилъ ихъ, подъ начальствомъ Фуффеція, на правомъ крылѣ. Началось сраженіе: Туллъ бросился на Веійцевъ, но Фуффецій, вмѣсто того, чтобы напасть на Фиденовъ, мало по малу потянулся съ своими Албанцами, направо, къ сторонѣ непріятеля. Между тѣмъ онъ не дерзалъ открыто присоединиться къ врагамъ, и хотѣлъ выждать, на чью сторону склонится побѣда. Одинъ всадникъ прискакалъ къ Туллу, и сообщилъ ему о движеніи Албанцевъ. Царь испугался, но скоро пришелъ въ себя, и воскликнулъ, съ притворною радостью, такъ громко, что Веіи могли его слышать: Албанцы, по моему приказанію, окружили Фиденовъ. Веійцы, услышавъ эти слова, упали духомъ. Туллъ поклялся воздвигнуть храмъ въ честь Страха и Ужаса, если ему удастся здѣсь одному распространить страхъ и ужасъ между двумя врагами. Онъ успѣлъ въ этомъ: Веійцы бѣжали; обманутые и нерѣшитель-

*) Этотъ способъ уничиженія былъ, въ послѣдствіи, часто употребляемъ противъ покореннаго непріятеля. Служившія для того бревна показываемы были въ Римѣ еще въ позднѣйшія времена.

ные Фидены были увлечены въ бѣгство разбитыми союзниками, и Римляне одержали блистательную побѣду.

Послѣ сраженія, Фуффецій принесъ поздравленіе Туллу. Царь принялъ его ласково и поблагодарилъ. На другое утро онъ собралъ оба войска. Албанцы съ любопытствомъ тѣснились около Царя. Римляне, вооруженные по приказанію Тулла, окружали ихъ. «Римляне! произнесъ Туллъ, если въ какомъ либо сраженіи боги явно намъ содѣйствовали, это было вчера. Вы еще не знаете, что сражались не съ одними врагами, но и съ измѣною нашихъ друзей. Албанцы отошли отъ насъ не по моему повелѣнію: они тайно намѣревались перейти къ врагамъ. Но я не виню войска: оно слѣдовало приказаніямъ своего полководца. Чтобы впредь никто не дерзалъ на подобный поступокъ, покажу надъ нимъ жестокій примѣръ.» Вооруженные окружили Фуффеція. Царь продолжалъ: «Я рѣшился перевести весь албанскій народъ въ Римъ, и такимъ образомъ сдѣлать изъ обоихъ городовъ одинъ, какъ нѣкогда они произошли отъ одного.» Безоружные Албанцы, окруженные вооруженными, молчали. Туллъ сказалъ Фуффецію: «Ты двусмысленно колебался между Римлянами и Фиденами, и тѣло твое будетъ теперь разсѣчено надвое.» Онъ подалъ роковой знакъ, и Фуффецій былъ разорванъ надвое, живой, запряженными лошадьми. Всѣ присутствовавшіе отвратили взоры отъ безчеловѣчнаго зрѣлища, которое, по словамъ Ливія, было первымъ и послѣднимъ наказаніемъ въ этомъ родѣ въ цѣлой Римской Исторіи.

Между тѣмъ конница была послана въ Албу, чтобы привести народъ въ Римъ. Легіоны явились также, для того, чтобы разорить городъ. Жители съ горестью оставляли Албу. Туллъ назначилъ для ихъ поселенія дотолѣ необитаемый Холмъ Целійскій. Онъ былъ присоединенъ къ Риму, который, такимъ образомъ, вскорѣ получилъ значительное расширеніе.

Туллъ велъ еще другія войны. Богослуженіе пришло въ пренебреженіе во время частыхъ войнъ, и наконецъ гнѣвъ боговъ обнаружился разными грозными явленіями и заразительными болѣзнями. Испуганный Туллъ прибѣгъ

къ набожнымъ церемоніямъ, но посреди одного суевѣрнаго обряда, былъ убитъ молніею, которая, въ то же время, сожгла его дворецъ. Онъ царствовалъ тридцать два года.

6. Анкъ-Марцій.

(Царств. 640 — 616 до Р. Х., 114 — 138 отъ основ. Рима.)

Анкъ Марцій, избранный въ цари, былъ внукъ Нумы Помпилія, и казался преемникомъ его кроткаго и миролюбиваго нрава. Богослуженіе, находившееся въ пренебреженіи въ предшествовавшее царствованіе, было снова возстановлено, но Римъ до того вовлеченъ былъ въ непріязненныя отношенія съ сосѣдями, что миролюбивый образъ мыслей Царя не могъ преобладать въ немъ. Сабиняне, Вейцы, Латины и другіе сосѣди Рима принудили Анка взяться за оружіе, чтобы обезпечить существованіе своего государства. Онъ воевалъ счастливо, и, по римскому обычаю, увеличилъ число гражданъ Рима переселеніемъ въ него жителей завоеванныхъ городовъ. Новый холмъ, Авентинскій, былъ заселенъ въ то время.

Для легчайшаго продовольствованія безпрерывно умножавшихся жителей, Анкъ Марцій старался расширить свою власть по Тибру, и овладѣть судоходствомъ по сей рѣкѣ. Онъ отнялъ у Вейцевъ гавань Остію, при устьѣ Тибра, и соляные источники, находившіеся въ томъ же мѣстѣ. Онъ укрѣпилъ лежащую по ту сторону рѣки гору Яникулъ, которая, такимъ образомъ, могла служить обороною городу и рѣкѣ отъ вторженія Этрусковъ. Для большаго удобства, гора была соединена съ городомъ деревяннымъ мостомъ (pons sublicius), на который, какъ на древнѣйшее сооруженіе въ семъ родѣ, Римляне взирали, до позднѣйшихъ временъ, съ большимъ уваженіемъ. Такъ, въ двадцатичетырехлѣтнее свое правленіе, Анкъ Марцій соединялъ, для прославленія Рима, успѣхи войны съ благодѣяніями мира.

7. Тарквиній Старшій (priscus).

(Царств. 616 — 578 до Р. Х., 138 — 176 отъ основ. Рима.)

Въ царствованіе Анка, одинъ богатый чужестранецъ, Лукумонъ, прибылъ въ Римъ, съ своею женою. Отецъ его,

Демаратъ, изъ рода Вакхіадовъ въ Коринѳѣ, желая укрыться отъ притѣсненій тирана Кипсела, бѣжалъ въ Италію, поселился въ этрурскомъ городѣ Тарквиніяхъ, и женился тамъ на одной изъ этрурскихъ женъ. По смерти Демарата, сынъ его полагалъ, что ему легче будетъ составить себѣ счастіе въ Римѣ, вновь возникавшемъ, и переселился туда. Надежда его не обманула: Царь и народъ съ радостью приняли богатаго и щедраго выходца, который принялъ новое имя, Луція Тарквинія. Таковъ обыкновенный разсказъ, но, можетъ быть, Тарквиній былъ просто этрурскій вельможа. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ имени, которое онъ сначала носилъ въ Римѣ: Лукумонъ означаетъ этрурскаго князя. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Тарквиній прославился на войнѣ своею храбростью, и сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ лицъ въ Римѣ. Анкъ Марцій, умирая, поручилъ ему опеку надъ своими двумя малолѣтными сыновьями. Но народъ, убѣжденный словами Тарквинія, избралъ его въ цари, обошедъ обоихъ дѣтей царскихъ.

Этотъ выборъ былъ счастливъ: новый Царь явилъ, въ своихъ воинскихъ подвигахъ противъ побѣжденныхъ имъ Сабинянъ и Латиновъ, римскую силу и римскій духъ, а въ мирныхъ дѣяніяхъ, въ украшеніи Рима, свое этрурское образованіе. Римъ обязанъ ему построеніемъ клоаковъ, или трубъ, которыми стекала въ Тибръ вся нечистота съ городскихъ улицъ и изъ отдѣльныхъ домовъ. Не должно представлять себѣ клоаки узкими и низкими каналами: стѣны ихъ, съ обширными сводами, имѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе двухъ саженъ вышины, и были выстроены такъ прочно, что во времена Августа ихъ считали неподражаемыми и дивились имъ *). Такъ же полезна была для Рима каменная стѣна, которую построили вокругъ города.

Украшеніемъ городу послужило основаніе обширной

*) «Землетрясенія не сдвинули, по прошествіи, полуторы тысячи лѣтъ, ни одного камня съ своего мѣста, да и чрезъ десять тысячъ лѣтъ, эти своды будутъ стоять невредимо, какъ нынѣ.» *Нибуръ.*

площади для публичныхъ игръ и тѣлесныхъ упражненій, извѣстной подъ названіемъ Большаго Цирка (Circus maximus), и въ послѣдствіи болѣе и болѣе украшавшейся. Вокругъ всей площади были устроены постепенно возвышавшіяся скамьи, распредѣленныя по куріямъ; на нихъ помѣщались полтораста тысячъ человѣкъ; нѣкоторые говорятъ, даже двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Тарквиній основалъ также знаменитый храмъ Юпитера, на Капитолинской Горѣ, и украсилъ форумъ (вѣче), или мѣсто, назначенное для народныхъ собраній.

Для построенія сихъ зданій, Тарквиній принуждалъ низшія сословія народа къ тяжкой работѣ. Большія издержки покрывались богатою добычею, получаемою имъ въ счастливыхъ войнахъ, и постоянными доходами съ полей, отнимаемыхъ у побѣжденныхъ. Мы уже упоминали о счастливыхъ войнахъ Тарквинія противъ Сабинянъ и Латиновъ. Діонисій пишетъ даже, что онъ покорилъ всю Этрурію. Можетъ быть, историческій разсказъ преувеличиваетъ его дѣянія, но то несомнѣнно, что при этомъ Царѣ, власть Рима очень распространилась. По случаю побѣдъ Тарквинія, Этруски поднесли ему бывшія у нихъ въ употребленіи царскія украшенія, золотой вѣнецъ, престолъ слоновой кости, скипетръ съ орломъ и пурпуровую тогу *). Достовѣрно только, что сіи знаки царскаго достоинства были введены въ Римѣ, и въ послѣдствіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, перешли къ консуламъ. Тріумфы также этрурскаго происхожденія.

Сенатъ, уже состоявшій изъ двухъ сотъ членовъ, былъ увеличенъ при Тарквиніи присоединеніемъ еще ста новыхъ членовъ. Онъ хотѣлъ также присоединить къ тремъ центуріямъ патриціевъ еще три новыя. Но этому воспротивились древніе роды, и авгуръ Аттъ Навій объявилъ, что сіе нововведеніе не можетъ быть произведено безъ новаго га-

*) Тогою называлась верхняя одежда Римлянъ; она была шерстяная и покрывала все тѣло. Подъ тогою носили они еще нижнее платье, тунику (tunica). На войнѣ тога замѣнялась полу кафтаньемъ безъ рукавовъ (sagum).

данія. Царь не хотѣлъ употребить этого средства, опасаясь хитрости патриціевъ. Напротивъ того, онъ старался уронить сіе искусство въ общемъ мнѣніи, и приказалъ авгуру испытать, возможно ли исполнить то, о чемъ онъ теперь думаетъ. Когда Аттъ объявилъ это возможнымъ, Царь предложилъ ему разрѣзать бритвою оселокъ. Аттъ Новій, прибавляетъ преданіе, дѣйствительно исполнилъ это, и симъ до того устрашилъ Царя, что онъ отказался отъ своего намѣренія. При всемъ томъ Тарквиній достигъ главной своей цѣли, присоединивъ къ каждой центуріи патриціевъ еще другую, подъ тѣмъ же именемъ.

Тарквиній дожилъ почти до восьмидесяти лѣтъ, но умеръ не своею смертію. Онъ сдѣлался позднею жертвою долго скрывавшейся мести. Два сына Анка Марція полагали, что они имѣютъ болѣе права на престолъ. Видя однако, что Тарквиній помышляетъ вторично обойти ихъ, и назначить себѣ другаго наслѣдника, они рѣшились умертвить его. Они послали во дворецъ пастуховъ которые, споря и шумя, требовали видѣть Царя. По тогдашнимъ простымъ обычаямъ, Царь обязанъ былъ рѣшить ихъ споръ. Престарѣлый Тарквиній вышелъ къ пастухамъ, и между тѣмъ, какъ онъ внимательно слушалъ вымышленный разсказъ одного изъ нихъ, другой поразилъ его внезапно топоромъ. Затѣмъ пастухи поспѣшно скрылись.

8. Сервій Туллій.

(Царств. 578 — 534 до Р. Х., 176 — 220 отъ основ. Рима.)

Преданіе называетъ Сервія Туллія, царствовавшаго послѣ Тарквинія, сыномъ какого-то бога *). По позднѣйшему разсказу, онъ происходилъ изъ благородной семьи въ латинскомъ городѣ Корникулѣ. Этотъ городъ былъ завоеванъ Римлянами; отецъ его погибъ въ сраженіи, а мать была взята въ плѣнъ, и находилась рабынею въ домѣ Тарквинія: и такъ Сервій родился въ Римѣ **). Однажды, когда онъ

*) Діонисій, IV.

**) По одному весьма достовѣрному историческому свидѣтельству (см. Нибура вт. изд. ч. I. с. 393), Сервій Туллій былъ этрур-

былъ еще ребенкомъ, разсказываетъ преданіе, волосы на его головѣ загорѣлись во время сна яркимъ пламенемъ, но съ пробужденіемъ его пламя исчезло. Супруга Тарквинія, Танаквила, посвященная въ таинства этрурской мудрости, объяснила сіе диво предзнаменованіемъ о будущей блистательной жизни младенца. По ея совѣту, стали воспитывать Сервія какъ царское дитя, и готовили для высшихъ должностей. Онъ отличался предъ всѣми умомъ и храбростью. Танаквила и Тарквиній выдали за него свою дочь, и дозволили ему участвовать въ правленіи.

Народъ также уважалъ достойнаго счастливца, и на этомъ основывала Танаквила надежду, что ея любимый зять будетъ нѣкогда римскимъ царемъ. Когда Тарквиній былъ умерщвленъ, ликторы преслѣдовали убійцъ, и народъ толпился за ними съ печалью и любопытствомъ, Танаквила приказала немедленно запереть царскій дворецъ, и призвала къ себѣ Сервія. Она показала ему бездыханное тѣло, и заклинала его отмстить за смерть Тарквинія. Въ то же время она подстрекала его честолюбіе. «Не убійцы должны царствовать, говорила она: царство твое, если въ тебѣ есть твердость мужа.» — Между тѣмъ народъ бушевалъ около дворца. Царица закричала, изъ окна, что Тарквиній еще живъ, и только легко раненъ; во время его болѣзни, Сервій будетъ править царствомъ, и ему должны всѣ повиноваться. Сервій ходилъ въ порфирѣ, рѣшалъ споры, но въ нѣкоторыхъ дѣлахъ объявлялъ, что переговоритъ съ больнымъ Царемъ. Когда, такимъ образомъ, народъ привыкъ къ его владычеству, было объявлено о смерти Тарквинія, и куріи утвердили престолъ за Сервіемъ. Сыновья Анка бѣжали, при ложномъ извѣстіи, что Тарквиній еще живъ.

Сей разсказъ, какъ кажется, принадлежитъ также позднѣйшему писателю. Одно только извѣстно достовѣрно, что Сервій былъ благодѣтелемъ своего народа. Онъ раздалъ

скимъ предводителемъ, и поселился, съ воинскимъ отрядомъ, въ Римѣ. Подобныхъ отрывковъ истинной исторіи древняго Рима сохранилось очень мало. Они противорѣчатъ преданію, которое не могло ихъ принять, не нарушивъ своей связи.

гражданамъ, по жребію, земли, которыя они пріобрѣли для отечества своею кровью. Но это было только началомъ прочнѣйшихъ и важнѣйшихъ измѣненій, которыя онъ произвелъ, слѣдуя по стопамъ своего предшественника, въ древнихъ постановленіяхъ, и которыми собственно было основано сословіе плебеевъ. Онъ раздѣлилъ простыхъ гражданъ на четыре, а поселянъ на двадцать шесть трибъ *). Основаніе такого раздѣленія было мѣстное, соотвѣтственное числу селеній. Такимъ образомъ городъ и окрестныя земли были раздѣлены на тридцать округовъ. Другое раздѣленіе Сервія распространялось на весь народъ. Основою его была оцѣнка состоянія (ценсъ), по которой граждане платили подати и несли военную службу. Всѣ граждане составляли, по значительности имѣнія, пять разрядовъ, которые подраздѣлялись на центуріи, или сотни, слѣдующимъ образомъ **).

Къ первому разряду принадлежали тѣ, которыхъ состояніе простиралось до ста тысячъ римскихъ ассовъ (въ то время столько же фунтовъ мѣди). Этотъ разрядъ состоялъ, въ военномъ отношеніи, изъ восьмидесяти центурій, то есть пѣхотныхъ ротъ. Въ сорока центуріяхъ находились младшіе отъ семнадцати до сорока шести лѣтъ; остальныя сорокъ центурій состояли изъ старшихъ мужей, которые собственно назначались для охраненія города. Этотъ разрядъ имѣлъ слѣдующее оружіе: ножныя латы, панцырь, копье, мечъ, шлемъ и круглый щитъ ***). Къ нему принадлежали еще всадники, раздѣленные на восемнадцать цен-

*) См. Нибура, который доказываетъ, что только законами двѣнадцати скрижалей патриціи были приняты въ эти мѣстныя трибы плебеевъ. Ч. II. с. 355. По прежнему мнѣнію, граждане обоихъ сословій уже тогда находились какъ въ трибахъ, такъ и въ куріяхъ.

**) Показанія на этотъ счетъ различны. Мы придерживаемся Діонисія Галикарнасскаго.

***) Различное вооруженіе разрядовъ происходило оттого, что войско строилось фалангою, въ которой передніе ряды вооружались, по необходимости, сильнѣе.

турій, такъ какъ Сервій прибавилъ еще двѣнадцать *). И такъ въ цѣломъ разрядѣ было девяносто восемь центурій.

Второй разрядъ состоялъ изъ тѣхъ, которые обладали, по крайней мѣрѣ, семидесятью пятью тысячами ассовъ. Въ немъ было двадцать центурій, которыя, какъ и въ первомъ разрядѣ, раздѣлялись на два отдѣленія, по лѣтамъ воиновъ. Этотъ разрядъ имѣлъ такое же оружіе, за исключеніемъ панцыря, и особеннаго рода щитъ. При немъ находились двѣ центуріи оружейниковъ и другихъ ремесленниковъ.

Въ третьемъ разрядѣ должно было имѣть пятьдесятъ тысячъ ассовъ. Онъ также подраздѣлялся на двадцать центурій, изъ коихъ десять заключали въ себѣ молодыхъ, а десять старыхъ воиновъ. Они не имѣли ни панцыря, ни ножныхъ латъ.

Члены четвертаго разряда, также раздѣленнаго на двадцать центурій, должны были обладать состояніемъ въ двадцать пять тысячъ ассовъ. Копье, щитъ и мечъ были ихъ оружіемъ. Къ нимъ были приданы двѣ центуріи трубачей.

Въ пятомъ разрядѣ было тридцать центурій, а состояніе его гражданъ простиралось до двѣнадцати тысячъ пяти сотъ ассовъ. Воины сего разряда служили въ легкихъ войскахъ; оружіе ихъ состояло изъ копья и пращи.

Всѣ прочіе граждане, которыхъ имущество было менѣе требуемаго для пятаго разряда, заключались въ шестомъ отдѣленіи. Оно собственно не составляло разряда, ибо, не смотря на число своихъ членовъ, считалось только одною центуріею **). Члены этого отдѣленія были освобождены

*) По мнѣнію Нибура (вт. изд. ч. I. с. 448), всѣ патриціи находились въ шести старыхъ центуріяхъ всадниковъ, ибо аристократія соблюдала, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, совершенное равенство, и слѣдовательно различіе по состоянію было въ ней невозможно.

**) Такъ какъ число центурій въ разрядахъ опредѣлялось количествомъ имущества, съ котораго взимались подати, то, разумѣется, для составленія одной центуріи требовалось несравненно меньшаго числа богатыхъ гражданъ, нежели бѣдныхъ.

(за исключеніемъ крайнихъ случаевъ) отъ военной службы, а бѣднѣйшіе изъ нихъ даже отъ податей.

По этому учрежденію, отъ богатѣйшихъ требовались деньги и несеніе военной службы, а бѣднѣйшіе были отъ того освобождены, и это было совершенно справедливо, ибо богатые пользовались за то большимъ вліяніемъ. Въ случаяхъ, когда народныя собранія происходили по центуріямъ, каждая изъ нихъ имѣла одинъ голосъ, и слѣдовательно первый разрядъ, съ своими девяноста восемью центуріями, имѣлъ болѣе голосовъ нежели всѣ прочіе разряды вмѣстѣ, такъ какъ во всѣхъ разрядахъ было сто девяносто три центуріи. По этому, если первый разрядъ подавалъ мнѣніе единогласно, отъ него зависѣло рѣшеніе, и слѣдовательно ему принадлежала вся законодательная власть.

Такимъ образомъ, законы Царя Сервія доставили плебеямъ приличное участіе въ государственномъ правленіи. Однако же патриціи удерживали постоянно величайшую власть, ибо права центуріяльныхъ собраній были ограничены; они одни засѣдали въ сенатѣ, или, по крайней мѣрѣ, составляли бо́льшую его часть, когда плебеи были также приняты въ сенатъ; наконецъ они занимали государственныя должности, и одни были жрецами. Если полное образованіе центуріяльнаго раздѣленія не принадлежитъ этому Царю, все же должно считать Сервія основателемъ сего учрежденія, слѣдственно и примѣрнаго равновѣсія сословій и властей, которое развилось въ послѣдствіи.

Сіи замѣчательныя внутреннія учрежденія суть важнѣйшія событія въ царствованіи Сервія Туллія. Не такъ важны его внѣшнія войны. Однако же онъ успѣлъ заключить союзъ между Римомъ и латинскими городами, касательно общаго богослуженія. Подобные союзы часто встрѣчаются у древнихъ народовъ. Съ этою цѣлью былъ построенъ, на общій счетъ, храмъ Діаны, на Авентинской Горѣ, и Римъ получилъ отъ того первенство. Сабиняне также присоединились къ сему союзу.

Въ изъявленіе благодарности богамъ за счастливое окончаніе столь многихъ важныхъ подвиговъ, Сервій Туллій соорудилъ два храма Фортунѣ (Счастію). Однако же подъ

конецъ это счастіе ему измѣнило, и члены собственнаго его семейства замыслили позорно умертвить Царя. Туллій выдалъ двухъ дочерей своихъ за сыновей Тарквинія *), Луція и Арунса. Кроткой старшей дочери своей избралъ онъ въ супруги неукротимаго Луція, а младшую дочь, пылкую нравомъ, отдалъ за скромнаго Арунса. Онъ надѣялся смягчить буйные нравы соединеніемъ ихъ съ кроткими, но ошибся. Луцій Тарквиній возненавидѣлъ и сталъ презирать свою кроткую супругу, а тихій Арунсъ сдѣлался посмѣшищемъ своей пламенной жены, которая завидовала сестрѣ, вышедшей за человѣка мужественнаго и пылкаго. Она часто говорила Луцію, что если бъ была его супругою, то царская власть вскорѣ перешла бы въ ея собственный домъ. Равныя мысли вскорѣ сблизили обоихъ честолюбцевъ, и жертвами этого согласія пали, одинъ за другимъ, Арунсъ и жена Луція. Братоубійца, Луцій Тарквиній, женился на Тулліи, убійцѣ сестры своей, и несчастный, престарѣлый Сервій не могъ воспрепятствовать сему гнусному браку.

Но это было только началомъ несравненно ужаснѣйшихъ жестокостей. Желая похитить царскую власть еще до смерти Сервія, Тарквиній привлекъ на свою сторону, подарками и обѣщаніями, многихъ сенаторовъ. Полагая, что настало время дѣйствовать, онъ снялъ съ себя личину. Съ толпою вооруженныхъ явился онъ на форумѣ, и, какъ властитель, созвалъ сенатъ. Въ собраніи онъ сѣлъ на царское мѣсто, и сталъ говорить противъ правленія Сервія. Престарѣлый Царь, немедленно извѣщенный объ этомъ, закипѣлъ гнѣвомъ, и съ нѣсколькими проводниками поспѣшилъ въ сенатъ. Онъ хотѣлъ столкнуть безстыднаго съ престола, но молодой и сильный Тарквиній схватилъ старца своими руками, и сбросилъ его съ лѣстницы, на площадь.

Окровавленный и изнемогающій Царь хотѣлъ спастись бѣгствомъ, съ помощью своихъ друзей, но убійцы, посланные

*) Такъ повѣствуетъ преданіе, не заботясь о хронологіи, ибо когда Луцій Тарквиній умертвилъ Сервія, онъ долженъ былъ имѣть около семидесяти лѣтъ. Въ послѣдствіи, писатели, поясняющіе разсказъ, желая помочь бѣдѣ и придать всякому обстоятельству видъ исторической точности, сдѣлали изъ сыновей внуковъ.

ные Тарквиніемъ, нагнали несчастнаго и умертвили его. Желаніе Тулліи исполнилось. Она поспѣшила на площадь, и первая провозгласила своего супруга, стоявшаго на лѣстницѣ, римскимъ царемъ. Жестокосердая дочь до того измѣнила чувствованіямъ природы, что возвращаясь домой переѣхала, съ торжествомъ, чрезъ тѣло своего отца, и кровь, которою обагрена была колесница, принесла въ жертву пенатамъ (домашнимъ богамъ). Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что патриціи, изгнавъ Тарквинія и его приверженцевъ, представили ихъ исторію самыми отвратительными красками, чтобы ненависть къ нимъ казалась тѣмъ справедливѣе, и живѣе сохранилась въ памяти.

9. Тарквиній Гордый. Уничтоженіе царской власти.

(Царств. 534 — 510 до Р. Х., 220 — 244 отъ основ. Рима.)

Тарквиній Гордый достигъ престола насиліемъ, насиліями же старался на немъ удержаться. Онъ окружилъ себя тѣлохранителями, лишалъ жизни (такъ говоритъ преданіе) или ссылалъ сенаторовъ, знатныхъ и богатыхъ, и присвоивалъ себѣ ихъ имущество. Въ обезсиленный сенатъ онъ не назначалъ новыхъ членовъ, и даже пересталъ созывать прежнихъ. Между тѣмъ владычество его сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ. Лаціумъ призналъ первенство Рима, и Герники присоединились къ сему союзу. Съ сильнымъ войскомъ выступилъ Тарквиній противъ Суэссы Помеціи, столицы Вольсковъ, лежащей на плодоносныхъ равнинахъ, и взялъ сей городъ. Въ завоеванныхъ земляхъ, въ Цирцеяхъ и Сегніи, были основаны поселенія. Сей обычай, въ послѣдствіи всегда наблюдавшійся Римлянами, доставлялъ пропитаніе бѣднымъ гражданамъ, обезпечивалъ зависимость побѣжденныхъ, и потому не мало способствовалъ къ утвержденію и къ дальнѣйшимъ успѣхамъ римскаго владычества. Царь окончилъ также построеніе Капитолія, съ храмомъ въ честь трехъ божествъ, Юпитера, Юноны и Минервы. Въ семъ храмѣ хранились книги Сибиллы, въ которыхъ правительство искало совѣтовъ во время опасностей и бѣдствій.

При всемъ блескѣ царской власти, при надеждахъ, которыя открывались въ будущемъ, ей не было суждено довести римскій народъ до предназначенной ему цѣли. Знатныя римскія семейства уже давно желали ниспровергнуть настоящій образъ правленія; случай подалъ поводъ къ исполненію ихъ намѣренія. Въ то время, когда Тарквиній, съ частію войска, осаждалъ главный городъ Рутуловъ, Ардею, лежавшій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима, сынъ его, Секстъ Тарквиній, насильственно обезчестилъ, въ Римѣ, знаменитую Лукрецію, супругу Коллатина, двоюроднаго брата Тарквиніева, находившагося въ лагерѣ (510). Добродѣтельная жена не могла снесть обиды, и сама лишила себя жизни. Участіе и изумленіе предъ столь геройскою смертью увеличили, до высочайшей степени, негодованіе на гнусное злодѣяніе и ненависть къ дерзкимъ притѣснителямъ. Всѣ обстоятельства были, въ то мгновеніе, чрезвычайно благопріятны для патриціевъ. Войско, на которое Царь могъ наиболѣе полагаться, находилось внѣ города. Въ Римѣ же оставались дѣти и жены воиновъ, и служили залогомъ для патриціевъ. Вслѣдъ за преступленіемъ Секста Тарквинія, патриціи заперли ворота, и овладѣли городомъ. Л. Юній Брутъ *), родственникъ царскаго семейства, избѣгшій преслѣдованій Тарквинія только притворнымъ сумасшествіемъ, созвалъ народъ, показалъ ему окровавленное тѣло Лукреціи, и изобразилъ сильными красками злодѣянія Тарквинія, несправедливость его къ патриціямъ, и наконецъ позоръ самаго народа. Онъ указалъ въ богатствѣ и въ согласіи всѣхъ патриціевъ, въ нерасположеніи къ Тарквинію многихъ союзныхъ народовъ, вспомогательныя средства, достаточныя для разрушенія его власти. Въ народномъ собраніи было немедленно постановлено и утверждено тор-

*) Римскія имена писались обыкновенно одною буквою, напримѣръ: A. Авлъ, C. Cajus, Каій, Cn. Cneus, Кней, Д. Децимъ, Л. Луцій, M. Маркъ, M'. Маній, P. Публій, Q. Quintus, Квинтъ, S. Секстъ, T. Титъ, Ti. Тиверій. — Второе имя есть родовое, а третьимъ различались отрасли большихъ родовъ. Ко всѣмъ симъ именамъ присоединялись иногда еще прозвища.

жественною присягою, что Тарквиній изгоняется, со всѣмъ своимъ родомъ, изъ Рима и римскихъ владѣній, и что каждый, кто будетъ дѣйствовать или говорить въ его пользу, подвергнется смертной казни. Царская власть была отмѣнена навсегда, и правленіе поручено двумъ консуламъ, избравшимся изъ патриціевъ на одинъ годъ. Сенатъ получилъ прежнюю силу, и долженъ былъ раздѣлять труды съ консулами. Изъ наружныхъ почестей царскихъ удержаны были только престолъ слоновой кости, съ котораго консулы судили, и двѣнадцать ликторовъ съ сѣкирами въ прутьяхъ, служившихъ знаками достоинства и власти новой должности. Золотой вѣнецъ и златотканная пурпуровая мантія должны были употребляться только при торжествахъ и тріумфахъ, для ознаменованія великихъ подвиговъ, а не для чрезмѣрнаго возвышенія нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Первыми консулами были Брутъ и Коллатинъ.

Царь, извѣщенный о сихъ событіяхъ, поспѣшилъ въ Римъ, но нашелъ ворота запертыми. Между тѣмъ, Брутъ отправился въ станъ, чтобы возмутить и воиновъ. Тарквиній, возвратясь туда, нашелъ все войско въ возстаніи. Ему оставалось одно средство спасенія, бѣжать въ городъ Габіи, въ которомъ владычествовалъ его сынъ.

10. Борьба съ Тарквиніемъ.

(509 — 496 до Р. Х., 245 — 258 отъ основ. Рима.)

Изгнанный Царь ни сколько не терялъ надежды. Напротивъ того, онъ не только полагался на народъ, обыкновенно измѣнчивый и легко увлекаемый, но имѣлъ и между патриціями много сообщниковъ, готовыхъ исполнить его желанія. Этрурскій городъ Тарквиніи отправилъ пословъ въ Римъ, чтобы испросить изгнанному Царю позволеніе оправдаться предъ народомъ. Получивъ отказъ, они просили, чтобы, по крайней мѣрѣ, было выдано значительное частное имущество Царя. Брутъ долго противился этому, наконецъ согласился. Между тѣмъ, послы, снабженные деньгами и письмами Царя, имѣли довольно времени завязать переговоры съ недовольными въ Римѣ,

въ главѣ которыхъ находились сыновья Брута и близкіе родственники Коллатина. Переговоры уже далеко подвинулись впередъ, когда рабъ, подслушавъ совѣщаніе заговорщиковъ, донесъ консуламъ о ихъ замыслѣ. Какое испытаніе Бруту! Въ званіи консула, онъ долженъ былъ произнести смертный приговоръ надъ родными своими сыновьями! Но Брутъ ни минуты не колебался между чувствованіями природы и любовью къ отечеству. Какъ консулъ и Римлянинъ, онъ не только произнесъ смертный приговоръ, но и не отвратилъ взора, когда пали головы его сыновей. Грекъ Діонисій, писавшій Римскую Исторію для своихъ соотечественниковъ, говоритъ при семъ случаѣ: «Повѣствуемое мною теперь такъ ужасно, что Греки не могутъ этому повѣрить.» Въ самомъ дѣлѣ, многіе случаи часто заставляютъ изумляться чрезвычайной суровости Римлянъ и отверженію ими чувствованій природы. Но здѣсь поступокъ Брута возбуждаетъ величайшее удивленіе, какъ торжество обязанности надъ голосомъ родительскаго сердца.

Коллатинъ не былъ такъ твердъ. Когда племянники его были также приговорены къ смерти, онъ пытался смягчить ихъ участь просьбами, и превратить смертную казнь въ изгнаніе. Но Брутъ, который не уступалъ ни въ чемъ самому себѣ, былъ здѣсь еще неумолимѣе. Коллатинъ и прежде подалъ голосъ въ пользу выдачи имущества Тарквинію; по этому Брутъ замѣтилъ въ немъ колебаніе правилъ, несообразное съ требованіями юной республики. По его настоянію, Коллатинъ былъ принужденъ сложить съ себя званіе консула, и удалиться изъ Рима. Ему оставлено было все его имущество, и сверхъ того, изъ общественной казны, выданъ подарокъ въ двадцать пять талантовъ. На мѣсто его поступилъ П. Валерій.

Брутъ старался не только устрашить царскую партію въ городѣ казнію всѣхъ прочихъ заговорщиковъ, но и совершенно ее ослабить: съ этою цѣлію принялъ онъ въ сенатъ нѣсколько воиновъ изъ плебеевъ, раздѣлилъ царскія земли между бѣднѣйшими гражданами, и предложилъ прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые бѣжали съ Царемъ, если они воротятся въ теченіе опредѣленнаго времени.

Послѣднимъ предложеніемъ воспользовались не многіе, но двумя первыми мѣрами значительная часть плебеевъ была привязана къ новому образу правленія, и утверждено внутреннее спокойствіе, которое было тѣмъ необходимѣе, что Тарквиній рѣшился испытать свое дальнѣйшее счастіе въ явной войнѣ противъ Рима.

Этрурскіе города Веіи и Тарквиніи первые собрали значительное войско, подъ предводительствомъ Арунса, сына Тарквиніева. Произошло упорное и кровопролитное сраженіе, которое осталось нерѣшенымъ. Оба предводителя, Брутъ и Арунсъ, бросились съ яростію другъ на друга, и пронзенные, пали въ одно время.

Полибій передалъ весьма замѣчательный договоръ, заключенный между Римлянами и Карѳагенянами въ первый годъ по изгнаніи Тарквинія: изъ него видно, что, въ это время римскія владѣнія были несравненно обширнѣе, нежели спустя одно столѣтіе. Съ этимъ отрывкомъ истинной исторіи не можетъ согласоваться преданіе, изукрашенное вымысломъ, которому впрочемъ мы должны здѣсь слѣдовать. Наружный упадокъ государства, происшедшій послѣ перемѣны правленія, былъ тщательно скрываемъ преданіемъ, которымъ утвердилось ложное мнѣніе, будто Римъ, слабый при царяхъ, усилился въ слѣдствіе ихъ изгнанія.

П. Валерій, сохранившій званіе консула и во второй и въ третій годъ республики, издалъ два замѣчательные закона. Первымъ изъ нихъ постановлялось, что тотъ, кто будетъ стремиться къ достиженію царской власти, подвергнется изгнанію, а вторымъ дозволялось какъ патриціямъ, такъ и плебеямъ, въ случая присужденія ихъ къ смертной казни, тѣлесному или денежному наказанію, подавать апелляцію своимъ общинамъ. За сіи заслуги, народъ далъ Валерію названіе Попликола (другъ народа) *).

Между тѣмъ, Риму угрожала новая и большая опасность. Тарквиній нашелъ дѣятельную защиту у могуще-

*) Нибуръ пишетъ, что онъ получилъ это прозваніе болѣе потому, что приказалъ опускать сѣкиры съ прутьями предъ собраніемъ курій, и тѣмъ призналъ, что консулы должны подчиняться имъ (собственному народу).

ственнаго Порсены, царя этрурскаго города Клузія. Когда предложенія Порсены были отвергнуты, онъ явился съ многочисленнымъ войскомъ, прогналъ римскій отрядъ, занимавшій Яникулъ, и разбилъ главныя силы, стоявшія у подошвы сей горы, на берегу Тибра. Непріятель вторгнулся бы въ городъ по деревянному мосту, за бѣгущими Римлянами, если бъ не былъ задержанъ мужественнымъ Гораціемъ Коклесомъ. Онъ заклиналъ бѣгущихъ остановиться, и просилъ ихъ разрушить мостъ огнемъ, желѣзомъ или какою бы то ни было силою. «Я, между тѣмъ, говорилъ герой, буду защищать переправу, и прикрою мостъ своимъ тѣломъ.» Это было исполнено. Непріятель, преслѣдуя Римлянъ, встрѣтилъ одну только грудь Горація, готовую принять всѣ его удары. Но остановленные стыдомъ, двое бѣгущихъ остались также при немъ, и сіи три человѣка хотѣли удержать цѣлое войско отъ перехода чрезъ мостъ. Между тѣмъ, за ними и подъ ними были поспѣшно срублены сваи, и Римляне позвали назадъ своихъ вѣрныхъ защитниковъ. Но только двое послѣдовали призыву: Горацій остался одинъ, и оборонялся до тѣхъ поръ, пока не услышалъ треска разрушающагося моста и радостныхъ криковъ Римлянъ, стоявшихъ на томъ берегу. Тогда воскликнулъ онъ: «Могучій богъ рѣки! спаси меня въ волнахъ!» и ринулся въ воду въ полномъ вооруженіи. Онъ невредимо проплылъ подъ градомъ стрѣлъ, пущенныхъ за нимъ, и присоединился къ своимъ соотечественникамъ, которые наградили его похвалами и подарками.

Однако Порсена утвердился на рѣкѣ, и занялъ всѣ подступы къ городу. Сыновья Тарквинія переправились на другой берегъ, и опустошали римскія владѣнія. Ужасный голодъ возникъ между осажденными. Римляне не дерзали предпринять общей вылазки. Порсена ожидалъ сдачи гордаго Рима, и Тарквиній готовился къ торжественному въѣзду.

Римляне также отчаивались въ счастливомъ окончаніи войны; вдругъ явился молодой человѣкъ, по имени Муцій Сцевола. Онъ представилъ сенату, что единственное средство къ спасенію состоитъ въ умерщвленіи Порсены, и

вызвался самъ на этотъ подвигъ. Нужда заставила забыть гнусность такого дѣла, а воодушевленіе, всегда обнаруживающееся въ умахъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, побудило Муція пренебречь опасностью. Онъ отправился въ непріятельскій лагерь, скрывая кинжалъ подъ плащемъ, и пробрался въ густую толпу, стоявшую предъ царскимъ сѣдалищемъ. Порсена раздавалъ воинамъ жалованье. Возлѣ Царя сидѣлъ его писецъ, почти въ одинаковомъ съ нимъ одѣяніи. Муцій не зналъ, который изъ нихъ Порсена, и боялся возбудить подозрѣніе вопросами. Онъ предоставилъ дѣло случаю, и бросившись на писца, умертвилъ его вмѣсто Царя. Его схватили, обезоружили, и спрашивали, кто онъ таковъ. Безстрашный Римлянинъ, озираясь ужаснымъ взглядомъ, произнесъ: «Я римскій гражданинъ; меня зовутъ Муціемъ. Какъ врагъ, я хотѣлъ умертвить врага, и теперь не страшусь смерти. Римляне умѣютъ мужественно дѣйствовать и мужественно страдать. Не я одинъ рѣшился убить тебя, Порсена: многихъ юношей ожидаетъ эта честь послѣ меня. Они поклялись слѣдить за тобою безпрерывно; повсюду долженъ ты трепетать за свою жизнь. Мы отказываемся отъ общей войны; съ тобой однимъ хотимъ имѣть дѣло.» Царь, раздраженный и испуганный сими словами, потребовалъ, чтобы Муцій яснѣе открылъ намѣренія заговорщиковъ, и грозилъ бросить его въ огонь. «Взгляни, сказалъ Муцій, какъ презираютъ тѣлесныя страданія тѣ, которымъ предстоитъ великая слава!» и съ сими словами протянулъ правую руку въ пылающее пламя стоявшаго тутъ жертвенника. Рука горѣла, но Римлянинъ стоялъ твердо, какъ бы думая совсѣмъ не о томъ. Всѣ присутствовавшіе были объяты ужасомъ; самъ Царь приказалъ оторвать его отъ огня, и даровалъ ему свободу. «Хорошо, сказалъ Муцій, въ благодарность я сообщу тебѣ, что триста римскихъ юношей составили заговоръ противъ тебя. Мы бросили жребій, и первый достался мнѣ. Слѣдующіе за мною, въ свое время, не ошибутся.»

Римскіе историки пишутъ, что мысль объ этихъ опасностяхъ и уваженіе къ мужеству Римлянъ побудили Порсену предложить Римлянамъ миръ. Но по другимъ извѣ-

стіямъ видно, что Римляне были принуждены не только возвратить этрурскія земли, завоеванныя въ прежнія войны, и выдать заложниковъ въ сохраненіи продолжительнаго мира, но и совершенно покориться побѣдоносному Царю.

Кажется, что Порсена не требовалъ возвращенія Тарквинія, да и прочія условія, предписанныя Риму, были вскорѣ облегчены. Въ послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ съ Латинами, Порсена претерпѣлъ пораженіе, и Римляне воспользовались симъ обстоятельствомъ, чтобы свергнуть съ себя иго. Намѣренію ихъ благопріятствовало еще то, что находившіеся у Этрусковъ римскіе заложники, предводимые смѣлою Клеліею, воспользовались позволеніемъ купаться въ Тибрѣ, и переплывъ чрезъ рѣку, бѣжали. Изгнанный Тарквиній, лишенный сей опоры, отправился въ Тускулъ, и возбудилъ Латиновъ, освобожденныхъ отъ прежней подчиненности, къ войнѣ противъ Рима (498). Это случилось въ то время, когда нападеніе внѣшняго врага могло сдѣлаться весьма опаснымъ: народъ, долго страдавшій отъ войнъ, отказывался выступить въ походъ. Однако патриціи нашли уловку: бѣднымъ гражданамъ, стѣсненнымъ долгами, дали отсрочку, и назначили диктатора, для усмиренія внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Симъ именемъ назывался сановникъ, котораго избирали во времена крайней опасности, облекая его, для сохраненія единства въ распоряженіяхъ, царскою властію, но не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ. Первымъ диктаторомъ, избраннымъ при семъ случаѣ, былъ Т. Ларцій. Онъ принялъ такія сильныя, оборонительныя мѣры, что Латины заключили перемиріе. Въ слѣдующемъ году (496) война возобновилась, и Римляне вторично избрали диктатора. Произошло кровопролитное сраженіе при озерѣ Региллѣ. Обѣ стороны сражались съ величайшимъ упорствомъ. Два сына и зять Тарквинія были убиты. Для Рима сіе сраженіе было тѣмъ рѣшительнѣе, что миролюбивая партія между Латинами взяла перевѣсъ, и вступила въ сношенія съ Римлянами, такъ что теперь, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ, возникло между обоими народами совершенное равенство въ силахъ.

Девяностолѣтній старецъ Тарквиній, лишившійся въ

войнахъ всѣхъ своихъ дѣтей, бѣжалъ въ Кумы, городъ Кампаніи, и вскорѣ тамъ скончался. Такъ кончилась тринадцатилѣтняя борьба Римской Республики съ прежнимъ Царемъ Рима, но спокойствіе не возстановилось ни извнѣ, ни внутри.

11. Установленіе народныхъ трибуновъ.

(494 до Р. Х., 260 отъ основ. Рима.)

Уничтоженіе царской власти, бывшее причиною долговременныхъ войнъ, чрезвычайно возвысило патриціевъ въ отношеніи къ народу. Съ тѣхъ поръ, какъ патриціи перестали опасаться внѣшнихъ враговъ, они оказывали несравненно менѣе вниманія и снисходительности къ плебеямъ. Отъ этого произошла продолжительная и сильная распря между обоими сословіями, воспрепятствовавшая Римлянамъ возстановить и распространить свое внѣшнее владычество, основанное царями, и потерянное въ слѣдствіе ихъ изгнанія. Римъ съ трудомъ могъ отражать нападенія сосѣднихъ народовъ, Эквовъ, Сабинянъ и Вольсковъ, ибо плебеи употребляли, противъ притѣсненій патриціевъ, единственное средство, остававшееся въ ихъ власти, отказываясь отъ военной службы. Предметомъ справедливыхъ жалобъ плебеевъ служила въ особенности жестокость, съ какою патриціи притѣсняли бѣдныхъ гражданъ, своихъ должниковъ. По древнему строгому закону, заимодавецъ не имѣлъ права на имущество должника, но получалъ власть надъ нимъ самимъ. Если платежъ былъ просроченъ, заимодавецъ могъ отводить должника въ рабство или продавать его чужеземцамъ. Богатые патриціи употребляли сіе право самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Отъ того произошло, въ 498 году, неповиновеніе народа, которое, какъ мы уже писали, подало поводъ къ избранію перваго диктатора. Когда, въ годъ сраженія при озерѣ Региллѣ, происходила война съ Вольсками и Сабинянами, явился на площади старикъ, въ рубищѣ, блѣдный и голодный, съ растрепанными волосами и бородою. Онъ разсказалъ сбѣжавшейся толпѣ, которая узнала въ немъ храбраго полководца, что военная служба заставила его

пренебречь воздѣлываніемъ полей, и что непріятель сжегъ и разграбилъ остальное его имущество. Такимъ образомъ впалъ онъ въ долги, которые постепенно возрастали, и наконецъ ввергли его въ рабство. Онъ говорилъ о безчеловѣчномъ обращеніи съ нимъ, и показалъ, на спинѣ, слѣды полученныхъ имъ кровавыхъ побоевъ. Внезапно мятежъ разлился по городу, и народъ не хотѣлъ нести военной службы, пока консулъ П. Сервилій не издалъ облегчительныхъ постановленій. Тогда непріятель былъ разбитъ, но, по окончаніи войны, товарищъ Сервилія, Аппій Клавдій, котораго родъ, въ продолженіе всей Римской Исторіи сохранялъ надменную гордость и холодную безчувственность, началъ опять такъ жестоко обращаться съ должниками, что въ слѣдующемъ году (494) волненіе возобновилось. М. Валерій, избранный въ диктаторы, обѣщалъ облегчить долги плебеевъ. Народъ, привязанный къ его роду, охотно послѣдовалъ за нимъ на войну. Но, по окончаніи войны, патриціи отказались исполнить свое обѣщаніе. Диктаторъ, въ негодованіи, немедленно сложилъ съ себя званіе. Легіоны, находившіеся еще внѣ города, ушли на близлежащую Священную Гору, укрѣпились на ней, и избрали собственнаго своего предводителя. Сенатъ долго толковалъ, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшился отправить посланныхъ для переговоровъ. Въ числѣ ихъ находился Менений Агриппа, не одобрявшій гордости патриціевъ. Онъ разсказалъ возволнованному народу басню о желудкѣ, противъ котораго возстали прочіе члены за то, что онъ одинъ все пожираетъ: слѣдствіемъ этого возстанія было то, что все тѣло изнемогло отъ голода. Народъ понялъ смыслъ разсказа. Онъ согласился возвратиться въ городъ, но съ условіями, которыя должны были воспрепятствовать возобновленію настоящаго бѣдствія. Если патриціи не желали совершеннаго разрушенія государства, имъ оставалось только сдѣлать нѣкоторыя уступки плебеямъ. Долги неимущихъ были заплачены; плебеи, находившіеся еще въ рабствѣ за долги, были выкуплены. Въ то же время, плебеи получили право избирать, изъ среды своей, двухъ чиновниковъ, подъ именемъ народныхъ трибуновъ, которые смѣнялись ежегодно. Ихъ число было

увеличено потомъ до пяти, и наконецъ до десяти. Они должны были защищать народъ отъ самовластія патриціевъ, и словомъ veto (не позволяю) могли уничтожать всѣ опредѣленія сената. Лице трибуна было священно и неприкосновенно. Сіе начало власти трибуновъ не было очень значительно, но въ послѣдствіе времени ихъ власть возрастала, и они пріобрѣтали большее вліяніе на государственныя дѣла.

12. Кн. Марцій Коріоланъ.

Очень естественно, что патриціи, въ особенности самые гордые изъ нихъ, съ негодованіемъ смотрѣли на сію возраставшую власть, и искали случая ее уничтожить. Это намѣреніе патриціевъ было всѣмъ извѣстно, когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ удаленія плебеевъ на Священную Гору, произошелъ голодъ. Хотя хлѣбъ былъ привезенъ изъ Этруріи и Сициліи, и правительство получило часть его даже безденежно, но раздоръ возникъ о его раздачѣ. Часть сената хотѣла, чтобы даровой хлѣбъ былъ раздаваемъ безденежно, а купленный продаваемъ по низкой цѣнѣ. Противъ этого мнѣнія сильно возсталъ сенаторъ Кн. Марцій, который, за храбрость, оказанную имъ, не за долго предъ тѣмъ, при покореніи Коріолъ, города Вольсковъ, получилъ прозваніе Коріолана. Мятежный народъ, говорилъ онъ, долженъ купить дешевый хлѣбъ цѣною пожертвованія своихъ новыхъ правъ. Плебеи были чрезвычайно раздражены этимъ, и потребовали Марція Коріолана, что еще никогда не случалось, къ народному суду, какъ нарушителя условій, заключенныхъ недавно между ими и патриціями. Коріоланъ не являлся, и былъ заочно приговоренъ къ изгнанію изъ Рима.

Озлобленный на отечество и пылая местью, Коріоланъ отправился къ Вольскамъ. Онъ былъ благосклонно принятъ ими, и даже объявленъ предводителемъ войска, которое они собрали противъ Рима. Одинъ городъ за другимъ покорялся Коріолану. Онъ разбилъ свой станъ въ пяти миляхъ отъ Рима (488), и опустошалъ оттуда римскія владѣнія, щадя однако земли патриціевъ. Народъ, объятый

ужасомъ, не хотѣлъ сражаться, и просилъ сенатъ объ открытіи мирныхъ переговоровъ. Это было исполнено, но Коріоланъ предписалъ посланнымъ условіе, чтобы Вольскамъ были возвращены нѣкоторыя, отнятыя у нихъ мѣста. Посланные явились вторично, но не были впущены въ станъ. Тогда жрецы, украшенные знаками своего сана, отправились къ Коріолану, но также не могли смягчить побѣдителя.

Наконецъ, римскія жены пошли къ престарѣлой матери Коріолана, Ветуріи, и къ супругѣ его, Волумніи, и просили ихъ отправиться вмѣстѣ съ ними въ станъ Вольсковъ. Волумнія несла на рукахъ двухъ дѣтей своихъ. Такимъ образомъ надѣялись достигнуть женскими слезами того, чего не могли получить послы и жрецы. Коріоланъ, услышавъ о приближеніи толпы женщинъ, удалился съ негодованіемъ. Но когда одинъ изъ его приближенныхъ сказалъ, что онъ посреди ихъ узнаетъ его мать, жену и дѣтей, Коріоланъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Онъ не могъ противиться слезамъ матери, ея упрекамъ, просьбамъ и ласкамъ жены, и бросившись въ объятія Ветуріи, произнесъ рыдая: «О мать! ты спасла Римъ, но погубила сына.» Онъ отпустилъ женъ, и приказалъ войску отступить. Позднѣйшее преданіе (въ исторіи Коріолана преданіе также имѣетъ большое участіе) говоритъ, что раздраженные Вольски убили его. По сказанію другихъ, онъ самъ лишилъ себя жизни. Но древнѣйшій римскій лѣтописецъ, Фабій, разсказываетъ, что Коріоланъ дожилъ, между Вольсками, до преклонныхъ лѣтъ, и нерѣдко слышали его жалобу, что для старика изгнаніе становится очень тягостнымъ. Преданіе, будто Коріоланъ былъ убитъ, произошло, кажется, отъ предположенія, что Вольски отступили добровольно, по приказанію Римлянина. Но этому трудно повѣрить. Напротивъ того, должно полагать, что Римъ дѣйствительно былъ принужденъ тогда къ уступкамъ, которыхъ требовалъ Коріоланъ. Онъ находился при Вольскахъ, вѣроятно предводительствуя только отрядомъ изгнанныхъ Римлянъ *).

*) См. Нибура, вт. изд. т. II, с. 273 и слѣд.

13. Событія до сверженія децемвировъ.

(486 — 449 до Р. Х., 268 — 305 отъ основ. Рима.)

Раздоръ между обоими сословіями, бывшій поводомъ къ несчастной судьбѣ Коріолана, получилъ вскорѣ новую пищу въ законѣ о раздѣлѣ полей, предложенномъ тогда консуломъ Спуріемъ Кассіемъ Висцеллиномъ, и сдѣлавшемся важнымъ во всей Римской Исторіи. Въ Римскомъ Государствѣ существовала общественная земля (ager publicus), которая была значительно распространена, лишь только начались завоеванія. По древнему народному праву, завоевателю принадлежали всѣ земли городовъ, покоренныхъ мечемъ или сдавшихся безусловно. Эти поля были частію продаваемы, частію отдаваемы гражданамъ, не какъ всегдашнее достояніе, но только во временное владѣніе, съ условіемъ платить десятину. На самомъ дѣлѣ, это владѣніе переходило и къ наслѣдникамъ. Въ началѣ существованія государства, разумѣется, только патриціи получали во владѣніе сіи земли. Но когда составилось сословіе плебеевъ, служившее въ войскѣ, по справедливости должно было удѣлять и имъ часть земель, пріобрѣтенныхъ оружіемъ. Царь Сервій Туллій отвелъ земли для плебеевъ. То же самое повторилось по изгнаніи царей, когда патриціи хотѣли отдѣлить плебеевъ отъ выгодъ изгнаннаго царскаго рода. Но когда господство патриціевъ надъ плебейскими воинами утвердилось, когда удаленіе Тарквиніевъ сдѣлалось невозвратнымъ, они изгнали плебеевъ изъ общихъ земель, и сами перестали платить десятину.

Сп. Кассій, мужъ необыкновенныхъ дарованій, бывшій три раза консуломъ, и удостоившійся трехъ тріумфовъ, предложилъ, занимая въ третій разъ должность консула (486), удѣлить плебеямъ поля изъ общественныхъ земель. Раздраженные патриціи обвинили его въ томъ, что онъ стремится къ единовластію, и потому старается пріобрѣсть любовь народа. Они произнесли надъ нимъ приговоръ въ куріяхъ, казнили консула и срыли его домъ. Хотя предложеніе Кассія получило силу закона, но сенатъ не допу-

стилъ его исполненія, не смотря на неоднократныя представленія трибуновъ.

Къ постояннымъ войнамъ съ сосѣдними народами принадлежала война, начавшаяся, въ 484 году, съ городомъ Веіями, процвѣтавшимъ мирными искусствами, ремеслами и торговлею. Въ непріятельскихъ владѣніяхъ, на рѣкѣ Кремерѣ, была заложена крѣпость; ее заняли всѣ Фабіи, триста шесть человѣкъ, съ своими кліентами, которыхъ число простиралось до четырехъ или пяти тысячъ. Жители Веій, выманивъ ихъ изъ укрѣпленій надеждою на добычу, побили всѣхъ (477). Преданіе говоритъ, что изъ всего рода Фабіевъ остался только одинъ отрокъ, которымъ онъ былъ сохраненъ. Вообще, въ это время Римъ былъ несчастливъ въ своихъ войнахъ, въ особенности противъ Вольсковъ и Эквовъ, не смотря на то, что находился въ союзѣ съ Латинами и Герниками.

Во внутренней борьбѣ между обоими сословіями, плебеи заставляли, мало по малу, своихъ противниковъ уступать имъ нѣкоторыя выгоды. Въ 482 году, плебеи пріобрѣли право избирать одного консула изъ патриціевъ. Злоба патриціевъ безпрерывно возрастала. Трибунъ Генуцій призвалъ къ отвѣтственности консуловъ за неисполненіе обѣщаннаго сенатомъ раздѣленія полей, но въ тотъ самый день, какъ онъ подалъ обвиненіе, его нашли убитымъ въ собственномъ его домѣ (473). Подобные ужасы устрашали трибуновъ, но не надолго. Публилій Волеронъ, бывшій трибуномъ въ 472 и 471 годахъ, достигъ того, чтобы трибуны были избираемы въ комиціяхъ (собраніяхъ) по трибамъ, и вообще доставилъ плебеямъ право участвовать въ сихъ собраніяхъ и подавать голоса. Консулы не предсѣдательствовали въ такихъ собраніяхъ, и въ нихъ не нужно было ни какого покровительства патриціевъ.

Въ это время Римъ терзаемъ былъ тяжкими народными бѣдствіями *), въ особенности опустошительною чумою.

*) «Въ теченіе двадцати лѣтъ до учрежденія децемвировъ, Римъ подвергался всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ, прилипчивымъ болѣзнямъ, землетрясеніямъ, опустошеніямъ войнами. Казалось,

Зараза, возникшая въ Римѣ въ 463 году, была очень губительна: жертвою ея сдѣлались оба консула, три народные трибуна изъ пяти, и четвертая часть сенаторовъ. Изъ этого можно заключить, сколь сильно она свирѣпствовала въ народѣ, ибо смертность въ низшихъ сословіяхъ всегда бываетъ сильѣе нежели въ высшихъ. Чрезъ десять лѣтъ чума возобновилась: погибли половина свободныхъ жителей и почти всѣ рабы. Она распространилась, съ такою же силою, по сосѣднимъ землямъ Вольсковъ, Эквовъ и Сабинянъ. Посреди сего бѣдствія, поля оставались необработанными, и на другой годъ произошелъ голодъ.

Сіи страшные бичи природы имѣли различное вліяніе на борьбу сословій: съ одной стороны, зачерствѣлыя сердца Римлянъ ожесточились еще болѣе; съ другой, бѣдствія были полезны плебеямъ, ибо чума была гораздо чувствительнѣе для сословія, ограниченнаго извѣстнымъ числомъ, нежели для того, которое могло пополняться безпрерывно, и отъ того знатные роды были ослаблены въ отношеніи къ народу *). Въ 462 г., трибунъ К. Теренцій Арса сдѣлалъ предложеніе: утвердить равныя права всѣхъ гражданъ письменными законами, и положить предѣлы безмѣрной и притѣснительной власти консуловъ. Патриціи употребили всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать принятію сего предложенія. Они прибѣгли къ открытой силѣ, прогнали трибуновъ съ площади, и разсѣяли толпы плебеевъ. Это совершено было преимущественно подъ предводительствомъ Цесона Квинкція, молодаго человѣка, гордившагося своимъ происхожденіемъ, тѣлесною силою, военными подвигами и краснорѣчіемъ. Трибуны требовали его казни. Онъ спасся бѣгствомъ, но его отецъ, Л. Квинкцій Цинциннатъ, который за него поручился, долженъ былъ выкупить жизнь сына пожертвованіемъ своего достоянія, изъ котораго у него осталось только небольшое помѣстье.

небо рѣшилось стереть съ лица земли народъ, раздираемый междоусобіемъ. Многочисленныя знаменія, обнаруживавшія глубокое потрясеніе и волненіе природы, возвѣщали, что время вышло изъ своей обыкновенной колеи.» *Нибуръ*, т. II, с. 305.

*) Тамъ же, с. 312.

Посреди сихъ распрей, Сабинянинъ Гердоній, съ помощью толпы своихъ соотечественниковъ, овладѣлъ, въ одну ночь, скрытно и внезапно, Капитоліемъ, къ ужасу всего города. Трибуны воспользовались симъ случаемъ. Народъ, руководимый ими, отказался сразиться съ непріятелемъ, если консулы не дадутъ обѣщанія приступить, по изгнаніи Гердонія, къ составленію общихъ письменныхъ законовъ. Обѣщаніе было дано, и Гердоній прогнанъ, но патриціи не хотѣли сдержать своего слова, и чтобы имѣть успѣхъ въ своемъ сопротивленіи, избрали въ консулы Цинцинната. Рѣшительностью и угрозами, консулу удалось успокоить народъ на время. Чрезъ два года послѣ того (458), Римъ подвергся большой опасности: Эквы окружили консульское войско. Казалось, одинъ Цинциннатъ могъ спасти республику. Такова была простота нравовъ того времени, что посланные сената, принесшіе ему извѣстіе объ избраніи его въ диктаторы, нашли обѣднѣвшаго Цинцинната, въ рубищѣ, на полѣ за плугомъ. Желая принять пословъ какъ слѣдуетъ, онъ приказалъ женѣ своей принести тогу изъ хижины. Онъ побѣдилъ врага, и спасъ окруженное имъ войско. Чрезъ шестнадцать дней, Цинциннатъ сложилъ съ себя диктаторство. Однако прежде употребилъ онъ свою власть, чтобы погубить обвинителя своего сына.

Вліяніемъ Цинцинната и другихъ мужей, сенатъ получалъ только отсрочку, ибо трибуны настаивали на своихъ требованіяхъ. Для достиженія своей цѣли, они пользовались продолжавшимися въ то время войнами съ Эквами, Сабинянами и проч., въ которыхъ нельзя было обойтись безъ плебеевъ. Такимъ образомъ пріобрѣли они право плебеямъ избирать впредь, вмѣсто пяти трибуновъ, десять, и съ сими усугубленными силами, достигли наконецъ своей цѣли.

Послѣ продолжительной, упорной борьбы, во время которой трибуны, безпрестанно усиливавшіеся, призывали къ своему суду консуловъ, и произносили надъ ними приговоры, былъ принятъ законъ Теренція (454) *). Три патриція

*) Римскіе законы назывались по имени того, кто первый предлагалъ ихъ.

были посланы въ разные города Италіи и Греціи, чтобы изучить тамошніе законы. Говорятъ, они были и въ Аѳинахъ. Когда они возвратились, чрезъ два года, были избраны на годъ десять мужей (децемвировъ), изъ патриціевъ, для составленія законовъ. Имъ дана была столь неограниченная власть, что на это время прекратились всѣ прочія должности, даже права трибуновъ (451). Каждый изъ децемвировъ предсѣдательствовалъ въ продолженіе десяти дней, и рѣшалъ судебныя дѣла. Его сопровождали двѣнадцать ликторовъ. Децемвиры составили полезные законы, которыхъ основаніемъ было древнее италійское право, дотолѣ господствовавшее въ Римѣ. Сіи законы были утверждены народомъ, и начертаны на десяти скрижаляхъ.

Но десять скрижалей казались недостаточными: нужно было пополнить законы. По сей причинѣ децемвиры были удержаны и на слѣдующій годъ (450). Въ этотъ разъ достигли и плебеи сего званія, но они были только игрушкою дерзостнаго честолюбія одного изъ децемвировъ, патриція Аппія Клавдія. Въ истекшемъ году онъ пріобрѣлъ большую любовь народа, который не только назначилъ его вторично децемвиромъ, но и предоставилъ на его волю выборъ остальныхъ девяти. Эти люди совершенно отъ него зависѣли, не имѣли собственнаго мнѣнія, и онъ на нихъ могъ вполнѣ полагаться. Надѣясь на ихъ помощь и содѣйствіе, Аппій задумалъ пріобрѣсть себѣ неограниченную власть. Едва сдѣланъ былъ выборъ, какъ открылись опасные замыслы децемвировъ, ко всеобщему ужасу, и возникло самое произвольное правленіе. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, знаки власти предоставлять попеременно только одному децемвиру, они явились всѣ десятеро со ста двадцатью ликторами. Сѣкиры, которыя Публикола приказалъ вынимать изъ вязанокъ внутри города, были снова вложены: это показывало, какимъ оружіемъ будутъ наказываемы непослушные. Децемвиры обязались взаимно, тайною присягою, не созывать ни сената, ни народа; они распоряжали всѣмъ по своему произволу. Жертвою ихъ своеволія сдѣлалось въ особенности низшее сословіе. Молодые патриціи окружали судейскія сѣдалища децемвировъ, и получали

безъ труда ихъ согласіе на несправедливые приговоры, которыми обвиняемые ими плебеи осуждаемы были на тѣлесное наказаніе, и даже на смертную казнь. Они, сверхъ того, обогащались захваченнымъ имѣніемъ казненныхъ. Соблазненные такими преимуществами, юные патриціи предпочли собственную необузданность общему благу, и не противились своеволію притѣснителей.

Власть децемвировъ была уже столь велика, что по истеченіи года, они удержали свое званіе, ни сколько не заботясь о согласіи на то народа. Въ это время Сабиняне и Эквы объявили войну Римлянамъ, и децемвиры, нуждаясь въ воинахъ, принуждены были созвать сенатъ. Приверженцы прежняго правленія пытались воспользоваться симъ случаемъ, и свергнуть децемвировъ, но послѣдніе восторжествовали, и удержали за собою предводительство войскомъ. Можно себѣ представить, что войско, собранное при такихъ раздорахъ, въ которомъ было множество недовольныхъ, сражалось не съ большою храбростью. Оно претерпѣвало пораженія, которыя дѣлали гордыхъ властителей все болѣе и болѣе ненавистными. Наконецъ децемвиры приготовили, двумя постыдными дѣлами, собственное свое паденіе. Престарѣлый воинъ, Л. Сикцій Дентатъ, бывшій во ста двадцати сраженіяхъ, побѣдившій восьмерыхъ враговъ въ единоборствѣ, имѣвшій сорокъ пять ранъ, и получившій безчетное число наградъ и подарковъ, былъ любимъ народомъ за его безпримѣрную славу, и ненавидимъ децемвирами, находившимися при войскѣ, за то, что онъ толковалъ воинамъ о выборѣ трибуновъ и объ оставленіи лагеря. Никто не могъ сдѣлаться для нихъ столь опаснымъ, и они рѣшились отъ него освободиться. Онъ былъ посланъ съ проводниками, имѣвшими тайное повелѣніе умертвить его въ уединенномъ мѣстѣ. Сикцій дорого продалъ свою жизнь, и палъ отмщенный посреди толпы убійцъ. Воины, найдя его въ такомъ положеніи, не могли повѣрить объявленію, чтобы онъ погибъ отъ руки враговъ. Преступленіе было явно, и чрезвычайно раздражило все войско противъ децемвировъ.

Аппій, оставшись въ Римѣ для воспрепятствованія

безпорядкамъ, возжегъ въ городѣ сильное пламя мятежа не менѣе гнуснымъ поступкомъ. Онъ преслѣдовалъ одну прекрасную дѣвицу, Виргинію, которой отецъ, Виргиній, плебеянинъ и предводитель когорты, находился на войнѣ противъ Эквовъ. Аппій, тщетно старавшись соблазнить Виргинію и ея кормилицу, подкупилъ наконецъ одного изъ своихъ кліентовъ, Клавдія, и онъ насильно похитилъ дѣвицу изъ всенародной школы. Клавдій утверждалъ, что Виргинія дочь одной изъ его рабынь, и была подкинута мнимому отцу, Виргинію, его бездѣтною женою. Вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, Аппій призналъ дѣвицу принадлежащею Клавдію, и притомъ въ присутствіи Виргинія, который, поспѣшно увѣдомленный объ этомъ событіи, прискакалъ изъ лагеря въ городъ. Видя, что у него насильно отнимаютъ дитя, Виргиній пришелъ въ отчаяніе, и поступилъ какъ Римлянинъ: онъ испросилъ позволеніе сказать ей, предъ разлукою, нѣсколько словъ наединѣ, отвелъ дѣвицу къ бойнѣ, на площади, схватилъ тамъ ножъ, и вонзилъ ей въ грудь.

Народъ, пораженный симъ отчаяннымъ поступкомъ, и озлобленный до крайности на виновниковъ, собрался у друзей Виргинія. Указывая на цѣломудренный трупъ, послѣднюю жертву притѣсненія, они призывали народъ къ мщенію, и преодолѣли Аппія съ его дружиною. Съ кровавымъ ножемъ въ рукахъ, въ окровавленной одеждѣ, Виргиній поспѣшилъ въ станъ, и возбудилъ тамъ такія же чувства, такую же рѣшимость. Войско двинулось къ Риму, и стало на Авентинской Горѣ. Къ нему присоединились другіе легіоны, возвращавшіеся съ сабинской границы. Сенатъ колебался; децемвиры имѣли много приверженцевъ, которые не допускали безусловнаго ихъ отрѣшенія. Тогда войска, а съ ними и весь народъ, сопровождаемые женщинами и дѣтьми, заняли Священную Гору, на которой права плебеянъ получили начало. Сенатъ принужденъ былъ уступить. Прежніе посланные его не были приняты. Теперь явились, съ полномочіемъ вести переговоры, Л. Валерій и М. Горацій, любимые народомъ, и были встрѣчены съ чрезвычайною радостью. Народъ обнаружилъ величайшую

умѣренность, и примиреніе не было трудно. Плебеи возвратились въ городъ; децемвиры всенародно сложили свое званіе, и, по предложенію немедленно избранныхъ трибуновъ, были возстановлены консулы, съ аппеляціею къ народу. Валерій и Горацій были избраны въ консулы, и утвердили возстановленныя права новыми или возобновленными законами: чтобы впредь никогда не существовала верховная власть, на рѣшеніе которой нельзя бы было подавать жалобы трибунамъ; чтобы лица трибуновъ и ихъ помощниковъ, плебейскихъ эдиловъ *), были священны, и чтобы рѣшенія собраній по трибамъ (плебисциты) были обязательны для всего народа **). Законы децемвировъ были тогда начертаны на двѣнадцати мѣдныхъ скрижаляхъ, и выставлены всенародно. Не смотря на то, важнѣйшіе изъ децемвировъ подверглись суду. Аппій Клавдій и одинъ изъ его товарищей, Оппій, не дождавшись приговора, лишили себя жизни въ темницѣ; остальные добровольно отправились въ ссылку.

Оба консула, находя великую помощь въ любви къ нимъ народа, одержали славныя побѣды надъ Эквами, Вольсками и Сабинянами. Хотя они поступали съ патриціями справедливо, но законами своими возбудили въ нихъ такую къ себѣ ненависть ***), что патриціи отказали имъ въ тріумфѣ.

*) Они составляли городскую полицію, и надзирали за всенародными зданіями, рынками, продовольствіемъ и тому подобнымъ.

**) При этомъ законѣ встрѣчаются два затрудненія. Во-первыхъ, что въ послѣдствіи были еще два раза изданы законы, постановляющіе то же самое, тѣми же словами; во-вторыхъ, что этимъ закономъ плебеи уже тогда пріобрѣли бы власть, которая дѣлала излишними всѣ дальнѣйшія ихъ стремленія. Оба затрудненія устраняются, если принять съ Нибуромъ, что при этомъ законѣ Валерія подразумѣвалось: когда сенатъ и куріи утвердятъ законъ. «Плебисцитъ, пишетъ онъ, былъ не что иное, какъ билль, принятый нижнею палатою, и который обращался въ законъ только съ утвержденія обѣхъ другихъ законодательныхъ отраслей.» Вт. изд. т. II, с. 411.

***) Quorum consulatus popularis sine ulla Patrum injuria, nec sine offensione fuit; quidquid enim libertati plebis caveretur, id suis decedere opibus credebant. Livius, III, 55.

За то, благодарный народъ удостоилъ сей чести своихъ друзей и защитниковъ.

14. Дальнѣйшая борьба плебеевъ. Завоеваніе города Веіи.

(445 — 391 до Р. Х., 308 — 363 отъ основ. Рима.)

Послѣ паденія децемвировъ, патриціи продолжали упорно защищать преимущества своего сословія, но не могли воспрепятствовать развитію правъ плебейскихъ. Въ 445 году, трибунъ Канулей требовалъ уничтоженія существовавшаго тогда запрещенія браковъ между патриціями и плебеями, и достигъ этого, послѣ нѣкоторыхъ споровъ. Такимъ образомъ начались личныя связи, которыя, въ послѣдствіи, очень ослабили распри между сословіями. Но второе предложеніе, сдѣланное девятью трибунами вмѣстѣ съ прежнимъ, не имѣло успѣха. Они требовали, чтобы народъ имѣлъ право избирать, по своей волѣ, консуловъ изъ патриціевъ или изъ плебеевъ. Сенатъ противился, сколько могъ, но непоколебимые трибуны отказали въ наборѣ людей для военной службы. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, патриціи, принужденные отдать побѣду въ руки гражданъ, или враговъ, прибѣгли къ хитрости. Очень хорошо зная, что во всякомъ дѣлѣ очень важно имя, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, отнять у плебеевъ священный титулъ консула. Согласились, чтобы верховная власть была поручаема военнымъ трибунамъ, на правахъ консуловъ, и чтобы плебеи также были избираемы въ сію должность. Между тѣмъ, первые военные трибуны (444) были смѣнены чрезъ три мѣсяца, подъ тѣмъ предлогомъ, что при выборѣ ихъ авгуры не исполнили въ точности своей обязанности, и на остальную часть года были назначены консулы. Чрезъ нѣсколько лѣтъ сіе новое званіе было возстановлено, и такимъ образомъ оно смѣнялось съ консульствомъ до взятія Рима Галлами, съ котораго времени оно сдѣлалось господствующимъ, пока плебеи не пріобрѣли также права на консульство. Сначала существовали три военные трибуна, потомъ четыре, наконецъ шесть,

обыкновенно патриціи, по причинѣ вліянія, которое они имѣли въ центуріяльныхъ собраніяхъ, гдѣ производились выборы. Консульскіе трибуны раздѣляли консульскую власть съ цензорами, учрежденными въ это время. Обязанность цензоровъ состояла въ веденіи ценса, то есть оцѣнки состоянія, съ котораго взимались подати, причемъ отъ нихъ во многомъ зависѣло устройство центурій. Они также записывали гражданъ по трибамъ, и рѣшали, кто принадлежитъ къ сенату, кто къ всадникамъ. Порода и состояніе давали права, но цензоры могли исключать и перемѣщать въ низшее сословіе тѣхъ, кто нарушалъ свой долгъ въ отношеніи къ государству и своему званію. Преступленія противъ нравственности и общественнаго благосостоянія, безчестные поступки, которые не подлежатъ судамъ, потому что не нарушаютъ ни одного опредѣленнаго закона, были изслѣдываемы и наказываемы цензорами. Столь обширная власть была пріобрѣтаема цензорами только постепенно; наконецъ они сдѣлались весьма значительными въ государствѣ.

Во время сихъ внутреннихъ движеній и перемѣнъ, Римъ успѣшно велъ внѣшнія войны. Борьба съ Вольсками и Эквами кончилась счастливо, и до того ослабила сихъ враговъ, что правительство могло теперь обратить всѣ свои силы противъ Веій. Сія послѣдняя война противъ значительнаго города, по близости своей весьма важнаго для Римлянъ, продолжалась десять лѣтъ (406 — 396). Веіи были слабо поддерживаемы прочими этрурскими городами, и наконецъ пали. До сихъ поръ войны Римлянъ продолжались лишь нѣсколько недѣль, въ лѣтнее время. Позорище войны рѣдко находилось далѣе одного дня пути отъ Рима. Побѣдитель опустошалъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, окрестныя земли, и потомъ спѣшилъ укрыть свою добычу. Для такихъ походовъ, войны могли легко снабжаться припасами изъ дому, и не имѣли надобности въ жалованьѣ. Но въ этомъ положеніи не могло быть ни опытнаго войска, ни военнаго духа. Войну съ Веіями надлежало вести въ большомъ размѣрѣ. Обложеніе города заставило построить укрѣпленія, начать зимній походъ, и

установить жалованье. Сія война очень важна тѣмъ, что послужила къ развитію системы веденія войны у Римлянъ и ихъ военнаго искусства.

М. Фурій Камиллъ, избранный въ диктаторы въ десятый годъ осады, овладѣлъ наконецъ Веіями. Онъ проникъ въ городъ чрезъ проходъ, проведенный подъ стѣною; впрочемъ исторія этой войны, въ отдѣльныхъ обстоятельствахъ, украшена преданіемъ. Покореніе Веій и расширеніе владѣній, въ слѣдствіе сего завоеванія, были значительнымъ успѣхомъ римской власти. Добыча, вѣроятно, была очень велика: плодородіе покоренныхъ земель и красота города до того плѣнили Римлянъ, что часть народа намѣревалась переселиться въ Веіи, и такимъ образомъ составить Римское Государство изъ двухъ городовъ. Но этому желанію, которое послужило бы поводомъ къ междоусобнымъ войнамъ, и во всякомъ случаѣ раздѣлило бы силы, воспротивился сенатъ, и въ особенности Камиллъ. Послѣ трехлѣтнихъ споровъ, веійскія владѣнія были раздѣлены между народомъ, который былъ побужденъ этимъ оставить свое намѣреніе. За годъ предъ тѣмъ (394), Камиллъ овладѣлъ этрурскимъ городомъ Фалерами, и вообще, послѣ завоеванія Веій, Римляне распространяли свою власть все болѣе и болѣе.

Надменность Камилла запятнала его великую военную славу, и лишила его любви народа. По взятіи Веій, онъ совершилъ свой тріумфъ на бѣлыхъ коняхъ, посвященныхъ богамъ, и это было принято за высокомѣріе и святотатство. Народъ еще болѣе ожесточился противъ него, когда онъ употребилъ десятую часть веійской добычи для исполненія обѣта, даннаго Пиѳійскому Аполлону, между тѣмъ, какъ добыча издавна раздѣлялась поравну между всѣми участниками въ войнѣ. Онъ обнаруживалъ, при всякомъ случаѣ, презрѣніе и ненависть къ народу, и трибуны призвали его наконецъ къ суду трибъ (391). Обвиненіе заключалось въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ противозаконно часть веійской добычи. Народъ приговорилъ его къ денежной пенѣ, но Камиллъ, вовсе не явившійся въ судъ, добровольно подвергся изгнанію изъ Рима, и отправился въ

Ардею, прося боговъ, чтобы они скорѣе заставили его согражданъ раскаяться и почувствовать въ немъ нужду. Желаніе его исполнилось.

15. Галлы въ Римѣ.

(390 отъ Р. Х., 364 отъ основ. Рима.)

Вскорѣ по изгнаніи Камилла, явились въ римскомъ сенатѣ послы этрурскаго города Клузія, прося помощи противъ опасныхъ враговъ. Сіи непріятели принадлежали къ великому племени Галловъ, или Кельтовъ, населявшему большую часть западной Европы, и обитавшему въ собственной Галліи, на Островахъ Британскихъ и на Пиренейскомъ Полуостровѣ. Толпы сего народа перешли чрезъ Альпы, привлеченные прелестью Италіи. Ихъ дикая храбрость и страшный видъ повсюду распространяли ужасъ. Они заняли большую часть Верхней Италіи, которая съ тѣхъ поръ получила названіе Предъ-Альпійской Галліи (Gallia Cisalpina). Завоеванія ихъ распространялись болѣе и болѣе; наконецъ они опустошили цвѣтущія поля Этруріи. Римляне разсудили за лучшее не высылать войскъ, но отправили послами трехъ сыновей патриція М. Фабія Амбуста, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ, и представить Галламъ, что Римляне не желали бы дѣйствовать непріязненно противъ людей, которые ихъ никогда не обижали, и что они умѣютъ защитить своихъ друзей оружіемъ, но предпочитаютъ миръ. Порученіе было миролюбивое, но три Фабія его нарушили. Галльскіе предводители отвѣчали, что хотя они въ первый разъ слышатъ имя Римлянъ, но почитаютъ ихъ храбрыми людьми, потому что Клузійцы, находясь въ бѣдѣ, ищутъ ихъ помощи. Галлы не хотятъ пренебречь мирнымъ предложеніемъ, если только Клузійцы уступятъ имъ часть своихъ излишнихъ полей, въ которыхъ они нуждаются. Въ случаѣ отказа, они покажутъ, до какой степени Галлы превосходятъ храбростью всѣхъ прочихъ смертныхъ. Когда послы спросили, по какому праву они требуютъ чужаго достоянія, и чего ищутъ Галлы въ Этруріи, они отвѣчали: «Наше право на концѣ меча; храбрымъ людямъ принадлежитъ все.» Произошло сраженіе. Римскіе послы вмѣшались

въ ряды Клузійцевъ, и одинъ изъ нихъ даже пронзилъ копьемъ, въ единоборствѣ, одного галльскаго предводителя.

Галлы, почитая этотъ поступокъ нарушеніемъ общаго и священнаго народнаго права, послали въ Римъ жалобу, и требовали выдачи трехъ пословъ. Нѣкоторые голоса на то соглашались, но семейство Фабіевъ имѣло столь важное значеніе, что въ народномъ собраніи, къ которому перешло дѣло, не только рѣшили отказать въ выдачѣ, но еще избрали этихъ же Фабіевъ въ число военныхъ трибуновъ на слѣдующій годъ (390). Если Римляне когда либо нуждались въ способномъ и благоразумномъ полководцѣ, это было теперь, ибо Бренн — такъ назывался предводитель Галловъ — шелъ на Римъ, чтобы наказать дерзновенный народъ. Но именно теперь верховная власть была въ рукахъ безразсудно смѣлыхъ Фабіевъ, легкомысленно возжегшихъ войну. Они вывели войско. На рѣчкѣ Алліи, въ одиннадцати миляхъ отъ Рима, произошло сраженіе, одно изъ самыхъ несчастныхъ, какое Римляне когда либо испытали. Все римское войско обратилось въ бѣгство: большая часть спаслась въ Веіяхъ. Достигшіе Рима не оставались въ своихъ домахъ, но укрылись въ Капитоліи.

Галлы стояли въ изумленіи на опустѣломъ полѣ битвы. Они приняли это бѣгство за военную хитрость, и приближались къ Риму медленно и осторожно. Отъ этого Римляне успѣли снабдить съѣстными припасами Капитолій, и спасти святыню. Многіе бѣжали въ сосѣдніе города. Въ числѣ ихъ Л. Албиній отправился, съ женою и дѣтьми, въ Церу. На пути увидѣлъ онъ толпу весталокъ, которыя спасали порученную имъ святыню. Онъ почтительно предложилъ жрицамъ свою повозку, и заставилъ жену и дѣтей итти пѣшкомъ.

Преданіе прибавляетъ къ этому, что только восемьдесятъ старцевъ, бывшихъ жрецовъ, консуловъ и другихъ высшихъ сановниковъ, не хотѣли бѣжать, но завернувшись въ бѣлыя тоги, и взявъ по жезлу въ правую руку, сидѣли важно и неподвижно посреди площади. Непріятель, вошедъ въ открытыя ворота, пробрался наконецъ, по пустымъ улицамъ, до площади, на которой сидѣли старцы. Не зная, кого они видятъ

предъ собою, боговъ или людей, мертвыхъ или живыхъ, Галлы сначала отступили съ почтеніемъ. Наконецъ одинъ изъ воиновъ дерзнулъ разглядѣть, въ чемъ дѣло. Онъ подошелъ къ одному изъ старцевъ и дернулъ его за бороду. Ударъ, полученный имъ въ голову, доказалъ ему ясно, что въ этихъ статуяхъ есть жизнь, и всѣ старцы были побиты.

Большая часть города была превращена въ пепелъ, но Галлы не могли овладѣть Капитоліемъ, и рѣшились выморить его голодомъ. На это употреблено было много времени, и толпы Галловъ блуждали по окрестностямъ, отыскивая продовольствіе. Одна непріятельская толпа встревожила Ардею, но жившій въ этомъ городѣ Камиллъ вывелъ Ардейцевъ въ поле, и разбилъ Галловъ. Изгнанный Камиллъ представилъ здѣсь новое доказательство своихъ великихъ воинскихъ дарованій. Римлянамъ, бывшимъ въ Веіяхъ, онъ показался теперь единственнымъ человѣкомъ, который можетъ спасти государство, но чтобы назначить его диктаторомъ, какъ они желали, надлежало имѣть согласіе сената. Но какъ подняться на крутыя высоты Капитолія, или скрытно пробраться между стражами осаждающихъ? Храбрый Римлянинъ, Понцій Коминій, исполнилъ этотъ смѣлый подвигъ. Въ темную ночь, онъ переплылъ чрезъ Тибръ, обманулъ стражу, и поднялся на знакомую скалу, въ доступномъ мѣстѣ. Сенатъ согласился съ радостью, и Камиллъ сдѣлался диктаторомъ въ Веіяхъ.

Однако же Галлы замѣтили слѣды Римлянина, пробравшагося въ Капитолій, и самые смѣлые изъ нихъ взялись, въ слѣдующую ночь, взлѣзть на вершину. Это предпріятіе уже вполовину было исполнено. Шедшіе впереди поднялись далеко на высоту, и ни одинъ часовой, ни одна сторожевая собака не замѣтили приближенія непріятеля. Только священные гуси Юноны, находившіеся на горѣ, и обязанные своею жизнью набожности Римлянъ, которые пощадили ихъ при свирѣпствовавшемъ тогда голодѣ, подняли крикъ и разбудили консула М. Манлія Капитолинскаго. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу врагамъ, сразилъ перваго Галла, сбросилъ другаго со скалы, ударивъ его щитомъ въ лице, и когда на его крикъ сбѣжались многіе Римляне, всѣ Галлы, взбиравшіеся

на гору, были сброшены одинъ за другимъ. На другой день былъ произведенъ судъ, и Римлянинъ, который стоялъ на часахъ въ опасную ночь, и предавшись сну, не слыхалъ приближенія непріятеля, былъ также свергнутъ со скалы, на изувѣченныя тѣла враговъ. Каждый воинъ принесъ М. Манлію добровольный подарокъ, состоявшій изъ муки и вина, и бѣдные, не смотря на страшный голодъ, лишили себя необходимыхъ припасовъ, чтобы только выразить свою благодарность.

Голодъ въ Капитоліи увеличивался. И Галлы также едва могли долѣе держаться: опустошенная страна не представляла уже ни какихъ средствъ къ пропитанію; сверхъ того терзали ихъ злокачественныя лихорадки, которыя до сихъ поръ свирѣпствуютъ въ Римѣ въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы. Къ этому присоединилось еще извѣстіе, что Венеты вторглись въ ихъ отечество. Они вступили въ переговоры съ Римлянами, и обязались удалиться, если имъ выдадутъ тысячу фунтовъ золота. Получивъ золото, они, по несомнѣнному свидѣтельству достовѣрнаго историка Полибія, возвратились въ свою родину. Но въ послѣдствіи гордые Римляне не могли снести мысли, что существованіе отечества было куплено у дикаго врага. По сей причинѣ ихъ историки разсказываютъ, что когда золото было принесено, Бреннъ сталъ перевѣшивать его на невѣрныхъ вѣсахъ. Римляне жаловались на это, но предводитель Галловъ, бросивъ свой мечъ на чашку вѣсовъ, грозно воскликнулъ: горе побѣжденнымъ! Въ это мгновеніе, внезапно явился Камиллъ съ войскомъ. Онъ бросился къ вѣсамъ съ обнаженнымъ мечемъ, и сказалъ: «Прочь золото! Римлянинъ выкупаетъ свое отечество желѣзомъ!» Галлы ссылались на законный договоръ съ осажденными, но Камиллъ возразилъ, что безъ диктатора, ни какой договоръ не имѣетъ силы. Произошло сраженіе, въ которомъ Галлы были разбиты. Другое сраженіе принудило ихъ удалиться, и Камиллъ торжественно въѣхалъ въ опустѣлый и разрушенный городъ, при величайшемъ восторгѣ народа, который называлъ его отцемъ отечества и вторымъ Ромуломъ. Если все это прибавленіе о побѣдахъ надъ Галлами есть басня, то къ ней должно

причислить и избраніе отсутствующаго Камилла въ диктаторы.

По удаленіи Галловъ, Римъ имѣлъ видъ опустѣлаго пожарища: почти всѣ жилища были разрушены, большая часть гражданъ погибла. Въ сей великой нуждѣ, и при общемъ ослабленіи, народъ не хотѣлъ затруднять себя возведеніемъ новыхъ зданій, и прежнее желаніе, переселиться въ Веіи, возникло съ новою силою, поддерживаемое самими трибунами. Камиллъ воспротивился желанію народа, и умолялъ его не оставлять священныхъ храмовъ и жертвенниковъ. Онъ напомнилъ о счастливомъ положеніи Рима, построеннаго на прекрасныхъ холмахъ, при рѣкѣ, способствующей привозу, довольно далеко внутри страны, чтобъ быть обезпеченнымъ отъ морскихъ разбойниковъ, и посреди всей Италіи, какъ бы назначеннаго для властвованія надъ нею. Народъ согласился на сіи мудрыя представленія. Раздавшееся притомъ восклицаніе было принято за гласъ боговъ, и утвердило Римлянъ въ принятомъ рѣшеніи. Сіе произошло слѣдующимъ образомъ. Сенатъ еще разсуждалъ объ этомъ важномъ дѣлѣ; внезапно показался на Форумѣ отрядъ воиновъ, и начальникъ ихъ воскликнулъ: «Стой! останемся здѣсь.» Сенаторы приняли сіи слова за велѣніе боговъ, и народъ, уважая ихъ толкованіе, приступилъ къ возобновленію сгорѣвшаго города. Новые домы были скудны, какъ можно себѣ вообразить, при недостаткѣ, господствовавшемъ послѣ пожара и разрушенія. Городъ былъ построенъ такъ неправильно, что даже во времена величайшаго его блеска, не было возможности исправить сей недостатокъ, и расширить узкія улицы.

16. Пріобрѣтеніе плебеями права на высшія государственныя должности.

(389 — 342 до Р. Х., 365 — 412 отъ основ. Рима).

Возстановленіе города еще не было кончено, когда возстали Вольски и другіе сосѣдніе народы, чтобы воспользоваться ослабленіемъ Рима, но Камиллъ, избранный въ третій разъ диктаторомъ, побѣдилъ ихъ, и уничтожилъ всѣ замыслы непріятеля.

И внутри государства не было мира. Бѣдствія того времени, необходимость возстановлять разрушенные домы въ одно время и въ городахъ и въ селеніяхъ, покупать рабочій скотъ, утварь, сѣмена для посѣва, были причиною, что весьма многіе простые граждане впали въ долги, и подверглись притѣсненію безжалостныхъ богатыхъ патриціевъ. М. Манлій, спаситель Капитолія, негодуя на высшее сословіе за то, что оно осыпало всѣми почестями Камилла, и не изъявило ему благодарности, не оказало ни какого отличія, котораго онъ имѣлъ право надѣяться за свой подвигъ, принялъ сторону народа. Жалобы и дѣйствительное бѣдствіе неимущихъ жителей побудили его къ поступкамъ, которые навлекли на него упрекъ, будто бы его состраданіе не было чистое и проистекало отъ честолюбивыхъ замысловъ. Однажды, встрѣтивъ на Форумѣ одного изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, извѣстнаго многими отличными подвигами, котораго ростовщикъ велъ, окованнаго, въ тюрьму, онъ заплатилъ за него долги, и спасенный провозгласилъ, предъ цѣлымъ народомъ, громкую похвалу своему избавителю. Съ этого дня народъ полюбилъ Манлія, который пріобрѣталъ все болѣе и болѣе правъ на его благодарность. Онъ продалъ свое лучшее помѣстье, чтобы вырученными за то деньгами выкупить гражданъ, томившихся въ тюрьмѣ за долги. Его домъ былъ сборищемъ плебеевъ; посреди ихъ онъ самъ обвинялъ патриціевъ, какъ виновниковъ всеобщаго бѣдствія, и расточителей казенныхъ денегъ. Это было причиною, что диктаторъ А. Корнелій Коссъ, возвратясь изъ похода противъ Вольсковъ, повелѣлъ заключить его въ темницу. Но когда народъ собрался предъ тюрьмою и угрожалъ мятежемъ, устрашенные патриціи освободили его. До сихъ поръ поступки Манлія казались двусмысленными, однако же онъ былъ только гражданиномъ честолюбивымъ, а не преступнымъ *). Теперь же, раздражае-

*) Нибуръ, ч. II, с. 325, перваго изданія. Во второмъ изданіи, с. 684 и проч., онъ принимаетъ, что Манлій былъ оправданъ центуріями, но осужденъ куріями. О смерти его существовалъ совершенно другой разсказъ: будто бы онъ, явно возставъ съ своими приверженцами, держался въ Капитоліи, и погибъ отъ измѣны.

мый и преслѣдуемый врагами, которые желали его гибели, онъ рѣшился достигнуть верховной власти. Но тогда народные трибуны соединились съ сенатомъ. Манлій былъ судимъ народомъ, приговоренъ къ смерти, и сброшенъ съ Тарпейской Скалы Капитолія, съ того самаго мѣста, на которомъ онъ спасъ отечество отъ врага, уже почти восшедшаго на вершину горы (383).

Послѣ несчастной казни Манлія, высокомѣріе патриціевъ и бѣдствіе народа увеличивались болѣе и болѣе: каждый день должники были отдаваемы въ рабы заимодавцамъ, и отводимы въ домашнія тюрьмы. Народъ изнывалъ въ нуждѣ, когда, въ 376 году, трибуны Л. Секстій и К. Лициній Столонъ сдѣлали нѣсколько предложеній, въ которыя включили вполнѣ все то, чего прежніе трибуны требовали безуспѣшно. Важность предложенныхъ ими законовъ и благоразуміе, съ какимъ они достигли ихъ утвержденія, спасли Римъ отъ гибели и открыли ему путь къ неожиданному могуществу. Не смотря на то, исторія ничего не говоритъ о личныхъ качествахъ сихъ великихъ мужей. Душею сего предпріятія должно почитать Лициніа, ибо законы называются по его имени.

Первое предложеніе Лициніа заключало въ себѣ справедливыя постановленія о государственныхъ земляхъ. Никто не долженъ былъ имѣть болѣе пятисотъ югеровъ *); владѣтели земель подчинялись платѣ десятины, для того, чтобъ можно было уменьшить налоги; обладаніе землями дозволено было и плебеямъ, а лишнія земли предполагалось раздавать между бѣдными гражданами. Чтобы дать

*) Югеръ (jugerum), поземельная мѣра Римлянъ, имѣла 240 футовъ длины и 120 ширины, и составляла четвертую часть десятины, такъ что 500 югеровъ равны 125 десятинамъ. Но если взять въ разсмотрѣніе, что 500 югеровъ служили только мѣрою для обладанія казенными землями, а не для другаго имущества, которому не было положено предѣловъ; что сіе количество земли состояло все изъ луговъ и пашень, такъ какъ стада паслись на общемъ выгонѣ, и наконецъ благословенное изобиліе юга, то можно убѣдиться, что симъ закономъ ни сколько не хотѣли уничтожить богатство и большія хозяйственныя заведенія.

возможность гражданамъ, впавшимъ въ долги, заплатить ихъ, и не сажать ихъ въ оковы и въ тюрьмы, постановлялось, вторымъ закономъ, вычесть изъ капитала долговъ сумму уже заплаченныхъ процентовъ, а остальную часть капитала разложить на три года. Третьимъ закономъ уничтожались военные трибуны; вмѣсто ихъ вновь учреждались консулы, и одинъ изъ нихъ избирался постоянно изъ плебеевъ. Если бъ не было консула изъ плебеевъ, патриціи безпрерывно покушались бы препятствовать исполненію признанныхъ постановленій.

Лициній, издавая свои законы, не хотѣлъ вводить новаго правленія, или уничтожать сословія патриціевъ; онъ желалъ только, чтобы оба сословія имѣли равныя права, раздѣляли между собою верховную власть, и вмѣстѣ управляли государствомъ. Этотъ вопросъ долженъ былъ теперь рѣшиться окончательно, и патриціи употребили всѣ свои силы, чтобы предложенные двумя трибунами законы были отринуты. Сенатъ привлекъ на свою сторону восьмерыхъ остальныхъ трибуновъ, и они согласились препятствовать представленію законовъ народнымъ собраніямъ. Лициній и Секстій, съ своей стороны, не прибѣгали ни къ какому преступному средству, а держались тѣхъ, которыя имъ давались законами: они воспрепятствовали выбору консульскихъ трибуновъ, и въ продолженіе пятилѣтней распри государство оставалось безъ курульскихъ сановниковъ *). Однако же, не будучи ослѣплены страстью, и не желая споспѣшествовать дѣлу своего сословія во вредъ цѣлому государству, они прекращали свое сопротивленіе, когда угрожалъ внѣшній непріятель, и позволяли избирать консульскихъ трибуновъ. Сами же они были ежегодно утверждаемы въ своемъ званіи, и товарищи ихъ были назначаемы почти всѣ изъ приверженцевъ законовъ Лицинія, между тѣмъ какъ число и рѣшимость ихъ противниковъ безпрерывно уменьшались. Когда трибы должны были подать голосъ о законахъ,

*) Имѣвшіе право возсѣдать на креслахъ изъ слоновой кости (sella curulis). Въ числѣ ихъ были: диктаторъ, консулы, цензоры, а также преторы и курульскіе эдилы, которыхъ званія были установлены вскорѣ засимъ.

сенатъ, желая воспрепятствовать этому, поручилъ званіе диктатора Камиллу, но онъ долженъ былъ отказаться отъ своей должности, не исполнивъ воли патриціевъ. Столь же безполезнымъ было назначеніе втораго диктатора. Трибы приняли предложенія, и наконецъ, когда вторичное диктаторство Камилла осталось тщетнымъ, сенатъ также согласился на новые законы. Но когда Л. Секстій былъ избранъ въ консулы, патриціи отказались утвердить его въ семъ званіи. Народъ уже взялся за оружіе, и конечно, дошло бы до междоусобія, если бы восьмидесятилѣтній Камиллъ, утомленный пагубными распрями, не убѣдилъ въ необходимости согласія. Такимъ образомъ, одинъ изъ двухъ мужественныхъ защитниковъ народныхъ правъ, Л. Секстій, сдѣлался, въ 366 году, первымъ плебейскимъ консуломъ. Римляне воздвигли храмъ Согласію, который былъ освященъ Камилломъ. Сей почтенный мужъ скончался, въ слѣдующемъ году, отъ чумы.

Патриціи, увидѣвъ, что имъ нельзя удержать за собою исключительнаго консульства, рѣшились лишить это званіе одного преимущества, для смягченія своей потери. Съ званіемъ консула была дотолѣ соединена судебная власть: они отдѣлили ее и возложили на особаго, избраннаго изъ среды ихъ чиновника, котораго назвали преторомъ. Также назначены были, изъ патриціевъ, два новые эдила, которые пользовались почестями высшихъ сановниковъ, и потому назывались эдилами курульскими. Но уже въ слѣдующемъ году плебеи также получили право на избраніе въ эдилы.

Между тѣмъ патриціи не могли скоро забыть, что ихъ принудили подѣлиться консульскою властью. Когда, въ 356 году, плебей К. Марцій Рутилъ достигъ званія диктатора, и послѣ славнаго похода получилъ, противъ ихъ воли, тріумфъ, они до того усилили свои козни, что въ слѣдующемъ году оба консула были опять избраны изъ патриціевъ. Тотъ же самый Рутилъ былъ, въ 351, цензоромъ, но вообще законы Лициніи были нарушаемы до 342, съ котораго времени ихъ строго соблюдали. Тогда дозволено было даже избирать обоихъ консуловъ изъ плебеевъ. Кажется, что сія новая побѣда плебеевъ была одержана не безъ сильнаго

движенія, и вѣроятно связано съ нею возстаніе войска, происшедшее въ этомъ же году.

17. Первая Самнитская Война. Покореніе Латиновъ.

(343 — 338 до Р. Х., 411 — 416 отъ основ. Рима).

Законодательство Лицинія положило основаніе достохвальному равновѣсію въ римскомъ правленіи, и ниспровергло преграду, которую встрѣчало, до сихъ поръ, развитіе народной силы въ преимуществахъ одного сословія. Отнынѣ республика возстала и противъ внѣшнихъ враговъ, съ такою силою, что постоянно была побѣдительницею, и вскорѣ могла начать борьбу за владычество надъ Италіею.

Самниты, народъ преимущественно воинственный и храбрый, были тогда въ полнотѣ своихъ силъ, и несравненно превосходили Римъ, съ соединеннымъ съ нимъ Лаціумомъ, своею многочисленностью и пространствомъ владѣній. Въ это время они усиливались завоеваніями и напали на Сидициновъ, которые просили помощи у Капуи. Капуа былъ богатый и большой городъ, а страна его, Кампанія, одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ и роскошнѣйшихъ въ мірѣ. Но именно потому Кампанцы и были развращены. Они славились своею необычайною роскошью, расточительностью и безнравственностью. Въ семъ бѣдствіи Кампанцы обратились къ Риму (343), прося защиты отъ побѣдоносныхъ Самнитянъ. Римъ выслалъ два войска. Одно изъ нихъ, предводимое первымъ полководцемъ своего времени, консуломъ М. Валеріемъ Корвомъ, встрѣтилось съ Самнитянами у горы Гавра, и тамъ произошло рѣшительное сраженіе. Долго колебалась битва: Самнитяне не уступали Римлянамъ ни въ храбрости, ни въ вооруженіи. Наконецъ стойкость Римлянъ восторжествовала: непріятель бѣжалъ. Римляне признались, что никогда еще не сражались съ такимъ упорнымъ врагомъ. Когда Самнитянъ спросили, почему они бѣжали, они отвѣчали: потому что глаза Римлянъ сверкали, а въ лицахъ ихъ видно было сумасшествіе и бѣшенство. Другой консулъ, А. Корнелій Коссъ, былъ вовлеченъ въ опасное положеніе, но наконецъ также одержалъ побѣду,

и оба консула достигли тріумфовъ, какихъ Римляне никогда еще не видали.

Однако же консулы вскорѣ заключили миръ (341), потому что латинскіе города, которые тогда находились въ союзѣ съ Римлянами и помогали имъ въ войнѣ, начали обнаруживать непріязненныя намѣренія. Они хотѣли избавиться отъ стѣснительнаго отношенія къ Риму, и принять участіе въ правленіи. Не прибѣгая еще къ оружію, города предложили сдѣлку. Они желали составить совершенно одну націю съ Римлянами, съ тѣмъ, чтобы половина сената и одинъ консулъ были избираемы изъ ихъ гражданъ. Такое требованіе было обидно для гордости Римлянъ; оно рѣшительно было отринуто, и обѣ стороны взялись за оружіе (340).

Латины, съ которыми Кампанцы дѣйствовали заодно, стояли еще въ Кампаніи. Консулы Т. Манлій Торкватъ и П. Децій Мусъ, предупреждая непріятеля, выступили въ Кампанію. Ужасное возстаніе римскихъ легіоновъ въ Кампаніи, происшедшее за два года предъ тѣмъ, побудило полководцевъ соблюдать осторожность и строжайшую воинскую подчиненность. Сіи важныя причины заставили ихъ издать законъ, чтобы никто не дерзалъ, подъ опасеніемъ смертной казни, вступать въ дѣло съ непріятелемъ внѣ общаго строя и безъ согласія консуловъ. Консулъ Т. Манлій, извѣстный благороднымъ подвигомъ дѣтской любви, совершеннымъ имъ въ юности *), и низложеніемъ на поединкѣ одного пеполинскаго Галла, чѣмъ началась его воинская слава, имѣлъ въ станѣ сына, который былъ посланъ, съ нѣсколькими

*) Отецъ его, Л. Манлій Имперіосъ, былъ ненавидимъ за упрямство и своеволіе, и поступалъ очень жестоко съ собственнымъ сыномъ. Когда, однажды, кончился срокъ его диктаторства, народный трибунъ, М. Помпоній, призвалъ его къ суду. Сынъ, услышавъ объ этомъ, тотчасъ пошелъ къ трибуну, который охотно его принялъ, предполагая, что онъ нерасположенъ къ отцу, и надѣясь получить новое обвиненіе. Но юноша, оставшись одинъ съ обвинителемъ, приставилъ къ груди его кинжалъ, и угрожалъ умертвить его на мѣстѣ, если онъ немедленно не поклянется взять назадъ жалобу противъ его отца. Испуганный трибунъ согласился, и дѣло тѣмъ кончилось.

всадниками, для наблюденія за движеніями непріятеля. При семъ случаѣ, онъ наткнулся на предводителя тускульской конницы, и этотъ вызвалъ его на поединокъ. Юный Манлій не воспротивился влеченію чести, сразилъ врага, и съ оружіемъ его радостно возвратился къ отцу. Но Т. Манлій считалъ и блистательную побѣду, одержанную вопреки законамъ, заслуживающею наказанія, и не хотѣлъ простить, какъ отецъ, въ томъ, что было сдѣлано противъ повелѣній консула. Онъ приказалъ обезглавить побѣдоноснаго юношу, который обѣщалъ прославить свой родъ, и не возставалъ противъ отечества и добродѣтели, какъ сыновья Брута. Древній міръ уважалъ превыше всего законы и ненарушимость ихъ исполненія; онъ не зналъ милосердія, которое, преобладая надъ закономъ, можетъ одно примирить борьбу обязанности и чувствованій природы. Но строгость Манлія была ужасна даже для римскихъ сердецъ: во всю жизнь консула, юноши бѣгали отъ него, и осыпали его проклятіями.

У подошвы Везувія вспыхнула жестокая битва. Латины сражались мужественно и упорно, и смяли одно римское крыло, предводимое консуломъ Деціемъ. Такъ какъ, по тогдашнему времени, въ этомъ видѣли гнѣвъ туземныхъ боговъ, Децій, по древнему обычаю, обрекъ себя на жертву раздраженнаго неба, для спасенія войска, и ринулся, съ обыкновенными при такомъ случаѣ обрядами, въ непріятельскій строй *). Сей грозный подвигъ возбудилъ новую силу въ римскомъ войскѣ, и оно наконецъ восторжествовало надъ храбрыми Латинами. Однако же, только во второмъ сраженіи, при Минтурнахъ, удалось ему совершенно побѣдить упорное ихъ сопротивленіе.

Въ 338 году Лаціумъ былъ совершенно завоеванъ, однако же съ Латинами не обращались какъ съ порабощенными. Римляне, слѣдуя своекорыстному и благоразумному правилу, старались только, чтобы соединенные съ ними ла-

*) Подобнымъ же подвигомъ прославился римскій всадникъ Курцій (362). Однажды, отъ землетрясенія, произошла большая разсѣлина на площади. Авгуры говорили, что Римляне должны бросить въ отверзтіе свое драгоцѣннѣйшее имущество, и Курцій ринулся въ бездну съ своимъ конемъ.

тинскіе города не могли имъ впредь сдѣлаться опасными. Съ сею цѣлію, они воспретили имъ народныя собранія, ограничили право законныхъ браковъ и обладанія землями, предоставивъ оныя только гражданамъ каждаго отдѣльнаго города: сіи учрежденія уничтожили все общее между сими городами, и сдѣлали ихъ чуждыми другъ другу.

За годъ до покоренія Латиновъ, плебей К. Публилій Филонъ, успѣлъ вынудить три закона, которыми довершились важныя измѣненія въ правленіи, начавшіяся установленіемъ плебейскихъ консуловъ (339). Первымъ изъ сихъ законовъ, куріи обязывались давать свое согласіе на рѣшенія центурій, отчего собранія курій превратились въ одну только форму; вторымъ, рѣшенія плебеевъ (plebiscit) объявлены были обязательными для всего народа *); третьимъ постановлялось, чтобы впредь одинъ изъ двухъ censоровъ былъ непремѣнно плебей. Въ 337 году первымъ censоромъ изъ плебеевъ былъ Публилій Преторъ. Римъ, не задерживаемый болѣе ни какими внутренними раздорами, подвигался впередъ на пути величія, и все болѣе и болѣе расширялъ свои дѣйствія и владычество.

18. Дальнѣйшія войны съ Самнитянами и другими народами Италіи.

(326 — 290 до Р. Х., 428 — 464 отъ основ. Рима).

Самнитяне окончили первую войну съ Римлянами, ни сколько не потерявъ своей силы, и болѣе всѣхъ другихъ народовъ могли препятствовать расширенію ихъ владычества. Они очень хорошо знали и чувствовали это, и потому миръ не могъ быть продолжителенъ.

Слѣдуя благоразумно избранной системѣ укрѣпленія своихъ завоеваній, Римляне продолжали основывать колоніи. Они перевели поселенцевъ въ Калосъ, городъ Авзоновъ, въ Анксуръ и въ Фрегеллы (328). Занятіе Фрегеллъ было очевиднымъ нарушеніемъ правъ Самнитянъ, которые,

*) Это или простое подтвержденіе закона Валерія (см. выше стр. 333), или, какъ полагаетъ Нибуръ (т. III, с. 170), центуріи уничтожили теперь, въ законодательствѣ, veto курій.

не задолго предъ тѣмъ, отняли сей городъ у Вольсковъ, и разорили его. Оно было также явнымъ приготовленіемъ къ войнѣ, потому что это мѣсто, находясь въ выгодномъ положеніи на Лирисѣ, представляло важный пунктъ для нападенія на нихъ. Самнитяне требовали, чтобы Римляне оставили сію колонію, а послѣдніе жаловались на то, что Самнитяне подавали помощь неаполитанскимъ *) Грекамъ, съ которыми Римляне находились въ спорѣ. Отъ этого произошла война (326). Римляне были неправы, но и Самнитяне, вѣроятно, поступили бы точно такъ же, если бы имъ представился случай воспользоваться какою либо выгодою предъ Римомъ.

Римское войско, подошедшее къ Неаполю, было впущено въ городъ партіею, которой война наскучила. Противъ Самнитянъ выступилъ строгій **) и храбрый диктаторъ Л. Папирій Курсоръ. Получивъ званіе диктатора, онъ долженъ былъ оставить войско и отправиться въ Римъ. Во время своего отсутствія, онъ запретилъ начальнику всадниковъ ***), К. Фабію Максиму Рулліану, вступать въ сраженіе съ непріятелемъ. Но послѣдній не исполнилъ повелѣнія, и одержалъ блистательную побѣду. Диктаторъ хотѣлъ его казнить за неповиновеніе, и только просьбы народа спасли его. Папирій также одержалъ верхъ надъ Самнитянами, которые тщетно просили мира: властолюбивый Римъ хотѣлъ вступить въ переговоры только съ тѣмъ условіемъ, чтобы враги его признали себя побѣжденными, но они на то не соглашались. Во второмъ походѣ, послѣ новыхъ потерь, Самнитяне готовы были принять тяжкія условія, но какъ

*) Тогда существовали два города, Палеополь (Старый Городъ) и Неаполь (Новый Городъ), которые въ послѣдствіи слились и приняли послѣднее названіе.

**) Когда всадники жаловались ему однажды, на трудность своихъ занятій и просили смягчить строгость службы, онъ отвѣчалъ: «Позволяю вамъ, всякій разъ, что вы слѣзаете съ лошадей, не взваливать ихъ себѣ на плеча.»

***) Начальникъ всадниковъ (magister equitum) былъ помощникомъ диктатора, избирался имъ самимъ и находился совершенно подъ его начальствомъ.

Римляне требовали совершенной покорности, они рѣшились употребить всѣ усилія для сопротивленія.

Они избрали въ полководцы одного отличнаго воина, Понція, сына Геренніи, глубокомысленнаго мужа, получившаго образованіе въ Греціи (321). Первыя дѣйствія его имѣли необыкновенный успѣхъ. Понцію удалось увѣрить обоихъ римскихъ консуловъ, что главныя силы Самнитянъ, стоявшія дѣйствительно при Кавдіи, осаждаютъ Луперію. Онъ зналъ, что Римляне не отдадутъ непріятелю города, изъ котораго могутъ господствовать надъ большою Апульскою Равниною, и угрожать Самнитянамъ съ тыла. Консулы, желая какъ можно скорѣе подойти къ сему городу, избрали кратчайшій путь, чрезъ Кавдинское Ущеліе, въ которомъ Самнитяне ихъ подстерегали. Едва вступивъ въ тѣснину, увидѣли они себя окруженными со всѣхъ сторонъ. Они пытались пробиться, но претерпѣли пораженіе *).

По разсказамъ римскихъ историковъ, Самнитяне не зная, что дѣлать съ окруженнымъ ими непріятелемъ, спросили о томъ Геренніи. Онъ посовѣтовалъ или умертвить всѣхъ, или отпустить на волю, чтобы, въ первомъ случаѣ, Римъ упалъ духомъ отъ великой потери, а во второмъ примирился, въ слѣдствіе кротости Самнитянъ. Но Понцій или не надѣялся на такія послѣдствія, или уже сначала принялъ рѣшеніе, безъ дальнѣйшихъ разсужденій: онъ предложилъ окруженному войску условія, которыя должны были кончить войну. Римляне обязывались оставить самнитскія владѣнія, и всѣ колоніи, тамъ основанныя. Всѣ всадники, числомъ шестьсотъ, были удержаны въ залогъ, а прочее войско отпущено, съ унизительнымъ условіемъ проползти подъ ярмомъ.

Великодушіе Понція получило дурную награду. Римляне рѣшили не подвергаться невыгодамъ мира, заключеннаго при сихъ обстоятельствахъ. Воспользовавшись толко-

*) Хотя Ливій говоритъ противное, но Нибуръ, ч. III, с. 246 и проч. основываясь на разныхъ мѣстахъ другихъ древнихъ писателей, доказываетъ, что Римляне дѣйствительно претерпѣли пораженіе.

ваніемъ феціяловъ, сенатъ и народъ объявили договоръ ничтожнымъ и необязательнымъ, такъ какъ при заключеніи его не были соблюдены надлежащіе обряды. Они полагали, что не нарушаютъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ, предоставивъ Самнитянамъ наказать, по ихъ желанію, консуловъ и другихъ гражданъ, заключившихъ договоръ. Консулъ Ст. Посэумій немедленно вызвался самъ подвергнуться наказанію. Но Самнитяне не приняли выдаваемыхъ лицъ: они не хотѣли наказаніемъ ихъ признать невиннымъ весь Римскій Народъ. Однако же, въ продолженіе войны, счастіе было не на правой сторонѣ: консулы, избранные на слѣдующій годъ, вскорѣ возстановили прежнюю славу римскаго оружія. Между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ вторгнулся въ Самніумъ, другой, Папирій Курсоръ, вступилъ въ Апулію, въ которой Самнитяне опять овладѣли Луперіею, разбилъ ихъ войско, и занялъ городъ. Неудача, претерпѣнная Римлянами, была вполнѣ заглажена: Самнитяне не только должны были, въ возмездіе, пройти подъ ярмомъ, но и завоеваніемъ Луперіи были освобождены римскіе заложники, содержавшіеся тамъ въ плѣну. Однако же Римляне, слѣдуя правиламъ умѣренности, или утомившись войною, заключили перемиріе, въ которомъ, разумѣется, почти всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ. Во время сего двухлѣтняго перемирія подчинилась имъ почти вся Апулія. Но по возобновленіи войны, въ 316 году, Римляне претерпѣли пораженіе *) при Лавтулахъ; послѣдствіемъ его было отпаденіе многихъ покорившихся городовъ. Однако же, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Римляне поправили свои дѣла. Силы Самнитянъ истощались болѣе и болѣе.

Страхъ, распространенный сими новыми успѣхами Римлянъ, заставилъ Этрусковъ опасаться за собственную независимость. По взятіи Рима Галлами, вѣроятно, постоянно притѣсняемые симъ народомъ, они всегда жили въ мирѣ съ Римлянами, но теперь вздумали воспрепятствовать ихъ быстрымъ побѣдамъ. Они начали войну (311) нападеніемъ

*) Invenio apud quosdam, adversum eam pugnam Romanis fuisse, Ливій IX, 23. См. Нибура, ч. III, с. 264 и слѣд.

на Сутрій, но приблизившееся туда римское войско вскорѣ прогнало ихъ за Циминійскій Хребетъ. Сіи грозныя горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, казались препятствіемъ, котораго Римляне, вспомнивъ Кавдинскія Тѣснины, не посмѣютъ перешагнуть. Но консулъ Фабій Максимъ Рулліанъ, съ которымъ мы уже познакомились выше, въ званіи начальника всадниковъ Папирія Курсора, не устрашился трудностью предпріятія. Оно удалось. Фабій провелъ войско чрезъ горы (310), и одержалъ надъ изумленными Этрусками побѣду, послѣ которой три главные города, Кортона, Перузія и Арретій, просили мира. Съ ними заключенъ былъ миръ на тридцать лѣтъ. Сей подвигъ имѣлъ еще то важное послѣдствіе, что воспрепятствовалъ Самнитянамъ соединиться съ Этрусками. Воспользовавшись раздѣленіемъ силъ Рима, они уже одержали верхъ надъ консуломъ К. Марціемъ Рутиломъ, въ сраженіи, въ которомъ консулъ былъ самъ раненъ. По этому случаю хотѣли избрать диктатора. Сенатъ обратилъ свои взоры на Папирія Курсора, и просилъ консула Фабія, забывъ старую ненависть, почтить выборомъ самаго способнаго полководца. Фабій былъ достоинъ такого довѣрія, и назначилъ Папирія диктаторомъ, не смотря на то, что ему было трудно преодолѣть собственныя свои чувствованія. Вскорѣ послѣ того, онъ самъ снова разбилъ Этрусковъ, которые сражались съ отчаянною храбростью, при Вадимонскомъ Озерѣ, и такъ рѣшительно, что ихъ могущество при семъ случаѣ были сокрушено навсегда. Не менѣе рѣшительна была побѣда диктатора надъ Самнитянами, при Лонгулахъ. Такимъ образомъ, Римъ былъ спасенъ отъ угрожавшей ему гибели. Но война тѣмъ не кончилась; напротивъ того, если Римъ побѣждалъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ являлись новые враги. Умбры и Марсы приняли участіе въ войнѣ противъ города, угрожавшаго всеобщимъ порабощеніемъ. Между тѣмъ, какъ Римляне сражались на самой оконечности Италіи, съ Салентинами, которые, соединясь съ Самнитянами, напали на Апулійцевъ, они вели войну и близъ самаго своего города, съ Гернйками.

Ожесточеніе и ненависть Самнитянъ къ Риму возрастали

по мѣрѣ ослабленія ихъ силъ, и Римляне мстили имъ за то безпрерывнымъ опустошеніемъ ихъ земель. Сія война продолжалась уже двадцать два года; наконецъ Самнитяне согласились на миръ (304), которымъ признали первенство Рима *). Власть ихъ была ограничена собственными ихъ владѣніями, и они принуждены были отказаться отъ союза съ Марсами, Пелигнами, Марруцинами и Френтанами. Сіи народы были приняты въ оборонительный союзъ съ Римомъ, и республика могла располагать ихъ силами. Эквы также получили правo гражданства, а Герники были уравнены въ правахъ съ Латинами. Самнитяне заключили миръ, только для того, чтобы подкрѣпить свои совершенно истощенныя силы, и рѣшились возобновить борьбу за свою независимость въ послѣдствіи.

Самнитяне, снова собравшись съ силами, напали на Лукановъ. Римляне потребовали, чтобы они очистили завоеванныя мѣста. Самнитяне объявили, что не исполнятъ требованія. Такъ возгорѣлась третья война съ ними (298), между тѣмъ какъ Римляне еще боролись съ Этрусками. Римляне опять опустошили и разорили несчастный Самніумъ, но Самнитяне не были тѣмъ удержаны отъ исполненія великаго предположенія, которое они составили уже въ прошедшую войну. Они вознамѣрились послать войско въ Этрурію, и переносить, въ своихъ владѣніяхъ, всѣ возможныя бѣдствія, между тѣмъ какъ война рѣшится тамъ чрезвычайнымъ сосредоточеніемъ силъ. Почти вся Этрурія подняла оружіе; къ ней присоединились сосѣдніе умбрскіе народы, и галльское вспомогательное войско явилось на службу за деньги. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этихъ вооруженіяхъ, получено было въ Римѣ другое, еще болѣе тревожное, что самнитское войско вторглось въ Кампанію. Сенатъ видѣлъ, что если теперь, какъ въ прошедшую войну, отпадутъ подданные, прійдется защищать самый Римъ. Онъ повелѣлъ укрѣпить городъ, и усилилъ обыкновенный наборъ свободныхъ, воиновъ, способныхъ носить оружіе, вольноотпущенными и отслужившими срокъ. Часть сихъ заботъ была устранена из-

*) Нибуръ, ч. III, с. 304, согласно съ Діонисіемъ.

вѣстіемъ, что консулъ Волумній разбилъ Самнитянъ при рѣкѣ Вультурнѣ, и выгналъ ихъ изъ Кампаніи. Но оставалось еще восторжествовать надъ величайшею опасностью, сосредоточеніемъ значительныхъ непріятельскихъ силъ въ Этруріи.

Отъ выбора консула на слѣдующій годъ (295) зависѣла участь Рима, а позднѣйшія поколѣнія могутъ сказать, и цѣлаго міра. Фабій Максимъ былъ избранъ единодушно; всѣ признавали въ немъ искуснѣйшаго полководца; по его желанію, былъ назначенъ въ товарищи ему П. Децій Мусъ. Такимъ образомъ, первый сдѣлался консуломъ, въ пятый разъ, а послѣдній въ четвертый. Вооруженія Рима превосходили всѣ прежнія; конница особенно была значительно усилена противъ обыкновеннаго числа. Войско, вторгнувшееся въ Этрурію, и опустошившее сію страну, успѣло отвлечь Этрусковъ и Умбровъ отъ прочихъ союзниковъ, такъ что въ главномъ сраженіи при Сентинѣ, въ Умбріи (295), консулы имѣли предъ собою только Галловъ и Самнитянъ. Уже римское войско уступало буйной храбрости непріятелей, когда геройство Деція Муса, такъ сказать, принудило счастіе перейти на сторону Рима. Онъ рѣшился, подобно своему отцу (стр. 348), принести себя въ жертву для спасенія отечества. Онъ обрекъ себя богамъ ада, и дѣйствительно, исполнивъ обыкновенный обрядъ сего обрѣченія, внесъ въ ряды непріятеля гнѣвъ подземныхъ боговъ, распространяя предъ собою страхъ и смятеніе, смерть и раны. Фабій, воспользовавшись симъ геройскимъ подвигомъ, воспламенившимъ войско, довершилъ пораженіе. Воины, слѣдовавшіе за тріумфальною колесницею послѣдняго, прославляли, въ своихъ безыскуственныхъ пѣсняхъ, завидную смерть Деція наравнѣ съ побѣдою Фабія.

Однако же сія побѣда только спасла Римъ отъ близкой погибели, а не восторжествовала надъ упорствомъ непріятеля и стремленіемъ его къ независимости. Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, ибо, говоритъ Ливій, Самнитяне, не смотря на противность счастія, не утомлялись въ защитѣ своей свободы, и скорѣе хотѣли быть побѣжденными, нежели оставить побѣду неиспытанною. Впрочемъ, защита ихъ не всегда была сопряжена съ неудачами. И Ливій,

слѣдуя ложнымъ и разукрашеннымъ лѣтописямъ, признаются, что Римляне претерпѣли нѣсколько значительныхъ пораженій. Такъ, консулъ К. Фабій Максимъ Гургъ, сынъ Рулліана, былъ разбитъ К. Понціемъ (292). Сенатъ уже хотѣлъ приговорить разбитаго полководца къ позорному наказанію, но сѣдой отецъ его, обратившись съ просьбами къ народу, устранилъ сіе рѣшеніе, и получилъ дозволеніе сопровождать своего сына въ поле. Произошло вторичное сраженіе, въ которомъ побѣда также начала склоняться на сторону Самнитянъ, а консулъ уже былъ окруженъ, когда престарѣлый Фабій выручилъ его съ запаснымъ отрядомъ, и далъ новый оборотъ битвѣ. Пораженіе Самнитянъ было рѣшительное; ихъ великій полководецъ Понцій былъ взятъ въ плѣнъ. Но Римляне запятнали свою побѣду казнью мужа, который нѣкогда даровалъ жизнь и свободу ихъ войску, окруженному въ Кавдинскихъ Тѣснинахъ *).

Чрезъ два года послѣ сихъ событій (290), Самнитяне были принуждены вторично заключить миръ, котораго условія неизвѣстны, по недостатку свѣдѣній о томъ времени **), но силы ихъ были до того истощены, что въ послѣдствіи они уже не могли являться въ главѣ союза противъ Рима. Разсмотрѣвъ всю сію тридцатисемилѣтнюю войну, и принявъ въ уваженіе неутомимую храбрость Самнитянъ, можемъ убѣдиться, что Римляне восторжествовали наконецъ въ слѣдствіе превосходства ихъ правленія и всѣхъ политическихъ учрежденій, а также въ слѣдствіе благоразумныхъ и обдуманныхъ мѣръ, принятыхъ ими.

Послѣ сего мира были побѣждены и Сабиняне, а Этруски тщетно искали помощи Галловъ. За одно пораженіе, претерпѣнное Римлянами, они мстили Галламъ несравненно тягчайшими, такъ что съ 282 года, Галлы сохраняли миръ

*) «Гоненіе Аннибала унизительно, смерть Персея отвратительна, гибель Югурты ужасна, но величайшее пятно въ римскихъ лѣтописяхъ есть казнь К. Понція, который, въ продолженіе двадцати семи лѣтъ, исполнялъ съ кротостью и умѣренностью обязанность, возложенную на него судьбою.» Нибуръ, ч. III, с. 253.

**) Десятая книга Ливія кончается 461 годомъ отъ основанія Рима; одиннадцатая и двѣнадцатая потеряны.

съ Римлянами въ продолженіе сорока пяти лѣтъ. Войны съ Галлами, говоритъ, Полибій *), до того закалили Римлянъ, что они явились на борьбу съ Пирромъ совершенными атлетами. Миръ съ Этрусками былъ заключенъ только тогда, когда сей Царь уже стоялъ въ Италіи. Кажется, они получили весьма выгодныя условія **).

Во время Второй Самнитской Войны, жестокое обращеніе одного ростовщика съ молодымъ человѣкомъ, заключеннымъ за долги отца, подало поводъ къ изданію закона (Петеліева), которымъ было улучшено положеніе заключенныхъ за долги, а заимодавцамъ дано полное право на имущество должника. Однако же заключеніе за долги не было совершенно уничтожено; оно продолжалось во все время республики и даже при императорахъ.

Особенное движеніе, дотолѣ невиданное въ Римѣ, было возбуждено Аппіемъ Клавдіемъ Цекомъ, который, во время своего цензорства (312), хотѣлъ принять въ сенатъ сыновей вольноотпущенныхъ. Когда сенаторы тому воспротивились, онъ приступилъ къ предпріятію, которое могло имѣть несравненно важнѣйшія послѣдствія. Онъ записалъ въ трибы всѣхъ низшихъ гражданъ, лавочниковъ, ремесленниковъ и писцовъ, которые дотолѣ были исключены изъ плебейскаго сословія. Для поступленія въ сіе сословіе, надлежало обладать землею, или по крайней мѣрѣ заниматься землепашествомъ. Отъ этого произошелъ раздоръ между высшими гражданами и площадною партіею (forensis factio). Сей поступокъ Аппія можетъ быть объясненъ только предположеніемъ, что онъ, въ духѣ патриціевъ, ненавидѣлъ высшихъ плебеевъ, и уравнивая съ ними чернь, хотѣлъ свергнуть ихъ съ той степени, на которую они были возвышены законами Лицинія ***). Площадная партія успѣла доставить

*) II, 20.

**) Нибуръ, ч. III, с. 504.

***) «Олигархія имѣетъ отвращеніе къ независимому благородству, которое чувствуетъ себя ничѣмъ не ниже ея: она находитъ въ черни, въ которой, можетъ быть, покровительствуетъ отдѣльнымъ лицамъ безъ всякихъ видовъ, союзниковъ противъ сословія, ей ненавистнаго.» Нибуръ, ч. III, с. 354.

Кн. Флавію, внуку одного вольноотпущеннаго, званіе курульскаго эдила. Большая часть патриціевъ сняли съ себя золотыя кольца, а всадники сложили съ коней серебряныя украшенія, какъ при всеобщей печали.

К. Фабій, уже извѣстный намъ, первый полководецъ своего времени, избавилъ государство отъ опасности, которою ему угрожало чрезмѣрное вліяніе простаго народа. Будучи, нѣсколько лѣтъ послѣ сихъ событій, ценсоромъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Деціемъ, онъ ограничилъ низшихъ гражданъ и вольноотпущенныхъ четырьмя городскими трибами. Соотечественники наградили его прозваніемъ Великаго (Maximus), котораго, какъ пишетъ Ливій, не могли ему доставить всѣ его побѣды. Такъ какъ безпокойная чернь могла съ сихъ поръ, подавать голоса только въ четырехъ трибахъ, то вліяніе ея на собранія трибъ было весьма незначительное. Оно могло быть важнѣе въ центуріяхъ, но весьма вѣроятно, что въ шестомъ вѣкѣ отъ основанія Рима, ценсъ пересталъ быть основою центуріяльнаго раздѣленія, и центуріи сдѣлались частями трибъ, такъ что каждый гражданинъ имѣлъ въ центуріяхъ такое же вліяніе, какъ и въ трибахъ.

Впрочемъ Аппій Клавдій прославилъ свое ценсорство построеніемъ дороги въ Капую, названной, по его имени, Аппіевою, и сооруженіемъ водопровода.

Въ 300 году, патриціи лишились послѣдняго преимущества, которое они еще сохраняли, исключительнаго обладанія званіемъ жрецовъ, по предложенію народныхъ трибуновъ Квинта и Кнея Огульнія. Аппій Клавдій подалъ голосъ противъ предложенія. П. Децій, который въ послѣдствіи принесъ себя въ жертву при Сентинѣ, стоялъ за права своего сословія. «Консулъ П. Децій, сказалъ онъ, напоминая о своемъ отцѣ, предсталъ тогда предъ безсмертными богами столь же непорочнымъ, какъ явился бы предъ ними его товарищъ, Т. Манлій, если бъ онъ обрекъ себя на смерть.» Рѣшеніемъ народа, число высшихъ жрецовъ и авгуровъ было увеличено плебеями.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Третьей Самнитской Войны, снова возникъ въ Римѣ сильный разрывъ между сосло-

віями, который подалъ поводъ къ продолжительнымъ спорамъ, и даже сдѣлался причиною отшествія народа, въ послѣдній разъ, на Яникулъ. Разрывъ произошелъ опять въ слѣдствіе притѣсненій за долги, ибо долговременныя войны повлекли за собою обѣднѣніе. Подробности сего событія намъ почти вовсе неизвѣстны. Трибуны сдѣлали предложеніе къ примиренію, на которое богачи не хотѣли согласиться, но въ послѣдствіи они принуждены были утвердить, въ пользу удалившагося народа, еще большія уступки *). Диктаторъ К. Гортенсій успѣлъ примирить сословія. Его именемъ называется изданный при семъ случаѣ (286) законъ, которымъ законодательная власть совершенно отдана въ руки народа **).

19. Война съ Тарентомъ и Пирромъ. Покореніе Италіи.

(282 — 265 до Р. Х., 472 — 489 отъ основ. Рима.)

Въ сіе время, прежній блескъ греческихъ городовъ Нижней Италіи померкъ значительно. Въ продолженіе войнъ съ туземными италійскими народами и Сиракузскимъ Діонисіемъ Старшимъ, они или совершенно были разорены и запустѣли, или лишились, вмѣстѣ съ своимъ благосостояніемъ, большей части народонаселенія. Городъ Ѳуріи, тѣснимый Луканами, просилъ помощи Римлянъ, которые исполнили его желаніе. Этимъ очень были недовольны Тарентинцы, значительнѣйшій народъ изъ италійскихъ Грековъ: они страшились Римлянъ несравненно болѣе нежели Лукановъ. По сей причинѣ Тарентинцы старались составить союзъ противъ Рима. Галлы и Этруски еще не покидали оружія, и теперь неутомимые Самнитяне возстали, въ четвертый разъ, противъ своихъ старыхъ соперниковъ, ны-

*) Нибуръ въ Рейнскомъ Филологическомъ Музеумѣ, т. II, с. 588 и проч., въ которомъ онъ разбираетъ и объясняетъ новооткрытую статью Діона Кассія.

**) Здѣсь сказано, въ третій разъ, что рѣшенія плебеевъ обязательны для всего народа (см. стр. 349). Нибуръ полагаетъ, что закономъ Гортенсія было также уничтожено veto сената, при рѣшеніяхъ народа.

нѣшнихъ повелителей. Городъ Ѳуріи осаждали, вмѣстѣ съ Луканами, Бруттіи, народъ, составившійся, за нѣсколько поколѣній предъ симъ, изъ сбѣжавшихся шаекъ наемниковъ и возмутившихся рабовъ: такъ дики были еще тѣ времена. Римское войско разбило ихъ, освободило Туріи отъ осады, и оставило въ семъ городѣ гарнизонъ. Поводомъ къ войнѣ съ самимъ Тарентомъ было слѣдующее.

Десять римскихъ судовъ явились на водахъ Тарента, и готовились произвести тамъ высадку. Тарентинцы торжествовали шумныя и невоздержныя празднества Діонисія, когда увидѣли сей флотъ. Филохаритъ, имѣвшій тамъ большое вліяніе, напомнилъ своимъ соотечественникамъ о старинномъ договорѣ, по которому римскому флоту воспрещалось плавать далѣе Лацинійскаго Мыса. Этого было достаточно, чтобы возбудить къ насилію народъ, раздраженный противъ Рима, и разгоряченный виномъ. Онъ немедленно напалъ на Римлянъ: четыре судна были потоплены, одно захвачено; плѣнные умерщвлены или проданы въ неволю. Начавъ войну, Тарентинцы хотѣли пріобрѣсти нѣкоторыя выгоды, и послали войско противъ Турійцевъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они первые призвали варваровъ, и тѣмъ подали поводъ къ нарушенію договора. Городъ принужденъ былъ сдаться. Римскій гарнизонъ былъ отпущенъ, и всѣ граждане, подозрѣваемые въ привязанности къ ненавистнымъ сосѣдямъ, изгнаны (282).

Римляне, извѣстясь объ этомъ событіи, отправили посольство въ Тарентъ, и требовали справедливаго удовлетворенія: въ это время, они очень охотно устранили бы войну. Но когда главный посолъ, Постумій, сталъ говорить предъ народомъ, слушатели какъ дѣти насмѣхались надъ нимъ всякій разъ, когда онъ употреблялъ выраженія, несвойственныя утонченному языку греческому. Его не только осмѣяли публично, но одинъ пьяный шутъ дошелъ въ своемъ безстыдствѣ до того, что позорно загрязнилъ тогу Римлянина. Необузданная чернь веселилась и хохотала. «Смѣйтесь, воскликнулъ обиженный Римлянинъ, пока можете; вамъ придется долго плакать: это платье будетъ омыто ручьями вашей крови.» Послы, не дождавшись от-

вѣта, оставили Тарентъ. Вскорѣ послѣ того, консулъ Эмилій, стоявшій съ войскомъ въ Самніумѣ, получилъ изъ Рима повелѣніе еще разъ потребовать удовлетворенія, и въ случаѣ отказа, начать военныя дѣйствія.

Тарентинцы рѣшились на бой. Привыкши, съ давняго времени, вести войну помощью наемниковъ и чужестранныхъ полководцевъ, они обратились теперь къ Царю Эпирскому Пирру, извѣстному намъ изъ Македонской Исторіи. Прося его помощи, они представляли ему, сколь легко будетъ вести войну, при рѣшительномъ содѣйствіи Самнитянъ, Лукановъ, Мессапіевъ, и при нерасположеніи къ Риму большей части другихъ италійскихъ народовъ. Пирръ былъ великій полководецъ и государь благородный, великодушный. Но въ это время, когда перемѣнчивое счастіе обратилось противъ Римлянъ, подстрекаемый безпокойною страстью къ дѣятельности, которая столь же скоро возникала въ немъ, какъ и исчезала, онъ обѣщалъ подать помощь Тарентинцамъ, надѣясь получить въ награду власть надъ Италіею и Сициліею, и немедленно послалъ впередъ своего друга Кинея, извѣстнаго своимъ блистательнымъ краснорѣчіемъ, и три тысячи Эпиротовъ. Римляне, стоявшіе уже близъ Тарента, отступили.

Вскорѣ явился самъ Пирръ, съ многочисленнымъ флотомъ. Онъ посадилъ на суда двадцать тысячъ пѣхоты, двѣ тысячи пятьсотъ легковооруженныхъ, три тысячи всадниковъ и двадцать слоновъ *), еще никогда не виданныхъ въ Италіи, но на пути часть этого войска сдѣлалась жертвою бури. Прибывъ (281) въ роскошный и изнѣженный Тарентъ, онъ тотчасъ придалъ сему городу воинственный видъ, для него дотолѣ чуждый и даже ненавистный. приказалъ закрыть гимназіи и мѣста увеселеній, сталъ производить наборы съ дѣятельностью и безъ снисхожденія, и обучать новобранцевъ. Тарентинцы подчинялись симъ мѣрамъ, но не скрывали своего негодованія. Многіе оставили городъ, называя какъ пишетъ Плутархъ, рабствомъ это прерваніе ихъ веселой жизни. Пирръ, желая воспрепятство-

*) Въ Италіи долго называли слоновъ луканскими быками.

вать отпаденію, поставилъ у воротъ своихъ воиновъ, и задержалъ важнѣйшія лица.

Между тѣмъ приблизился новый римскій консулъ П. Валерій Левинъ. Пирръ не тотчасъ выступилъ къ нему навстрѣчу, потому что союзники его еще не собрались. Напротивъ того, онъ предложилъ примирить Римъ съ италійскими Греками, и вызвался быть посредникомъ въ ихъ взаимныхъ требованіяхъ. Но когда Римляне отвергли сіе предложеніе, Царь, готовый къ бою, расположился между Пандосіею и Гераклеею (280).

Сей первый знатокъ военнаго дѣла своего времени, увидѣвъ съ холма расположеніе римскаго войска, сказалъ, что распоряженія варваровъ (такъ Греки называли Римлянъ) ни сколько не кажутся ему варварскими. Когда же Римляне перешли чрезъ рѣку Сирисъ и принудили его къ бою, онъ еще болѣе дивился духу, оживлявшему ихъ благоустроенное войско. Нападеніе было возобновляемо семь разъ, и только непривычное для Римлянъ употребленіе въ бою слоновъ, которые перепугали лошадей и привели въ разстройство римскихъ воиновъ, было причиною торжества Пирра. Тѣла, обращенныя головою къ непріятелю, свидѣтельствовали о храбрости, съ какою Римляне сражались. «Съ такими воинами, воскликнулъ Пирръ, я завоевалъ бы весь міръ, и онъ принадлежалъ бы Римлянамъ, если бъ я былъ ихъ полководцемъ.» Онъ самъ подвергалъ свою жизнь величайшей опасности; лучшіе предводители и воины его легли на полѣ битвы. Но побѣда соединила вокругъ него войска италійскихъ народовъ, а подданные Рима отпадали. Пирръ намѣревался воспользоваться сими выгодами: онъ не любилъ медленныхъ войнъ, и хотѣлъ достигнуть скораго и блистательнаго мира. Съ этою цѣлію онъ послалъ въ Римъ Кинея.

Посолъ Эпирскаго Царя предложилъ условія, начертанныя побѣдителемъ. Римъ долженъ былъ признать независимость всѣхъ греко-италійскихъ городовъ, и возвратить всѣ земли, отнятыя у Самнитянъ, Лукановъ, Бруттіевъ и Апуліянъ. Сколь это ни было тяжко, однако же обстоятельства принудили Римлянъ обратить вниманіе на пред-

ложенія. Не смотря на увлекательное краснорѣчіе Кинея въ сенатѣ, время проходило въ безпрерывныхъ совѣщаніяхъ, а рѣшенія принято не было. Тогда Аппій Клавдій, теперь уже слѣпой старецъ, давно не участвовавшій въ совѣщаніяхъ, приказалъ понести себя въ собраніе, чтобы устранить заключеніе позорнаго мира. «До сихъ поръ, воскликнулъ онъ, я сожалѣлъ о потерѣ зрѣнія; но теперь желалъ бы еще быть глухимъ, чтобы не слышать недостойныхъ совѣтовъ, внушаемыхъ вамъ малодушіемъ. Какъ гордо звучали ваши рѣчи, когда вы увѣряли, что отняли бы у Александра Македонскаго славу непобѣдимости, если бы онъ пришелъ въ Италію. Теперь же трепещете предъ толпою Молоссовъ, которыхъ Македоняне всегда побѣждали, предъ искателемъ счастія, который всю свою жизнь мечталъ о благосклонности одного изъ оруженосцевъ этого Александра!» Въ такомъ духѣ продолжалъ онъ свою рѣчь, и немедленно принято было единогласное рѣшеніе отпустить посла съ отвѣтомъ, что мирные переговоры могутъ быть начаты не прежде, какъ по удаленіи Пирра изъ Италіи. Киней, по возвращеніи своемъ, не могъ довольно сильно изобразить впечатлѣніе, произведенное въ немъ симъ случаемъ. Сенатъ, по его словамъ, показался ему собраніемъ царей, и онъ опасался, чтобы Пирру не пришлось сражаться съ стоглавою гидрою. Эпирскій Царь дошелъ до Пренесты, и подвинулъ свои передовые посты на тридцать верстъ отъ Рима, надѣясь привлечь на свою сторону Этрусковъ, но Римляне только что заключили миръ съ симъ народомъ. Пирръ не рѣшился напасть на городъ, и даже не утвердился въ занятыхъ имъ земляхъ, но отступилъ къ Таренту. Римскій сенатъ, желая наказать легіоны, разбитые на рѣкѣ Сирисѣ, за ихъ бѣгство, расположилъ ихъ на зиму въ снѣгу, посреди горъ, подъ шалашами изъ звѣриныхъ шкуръ.

Вскорѣ послѣ того Римляне отправили къ Пирру, для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, посольство, при которомъ находился К. Фабрицій Луцинъ, бывшій консуломъ въ 282 году. Уже прежде, Киней изобразилъ его Царю, какъ мужа, который, при величайшей бѣдности, пользуется

всеобщимъ уваженіемъ въ Римѣ за свою честность и храбрость. Пирръ обошелся съ нимъ дружелюбно, и просилъ его принять богатый подарокъ, не для того, чтобы пріобрѣсти презрѣнную уступчивость со стороны посла, но только въ знакъ высокаго уваженія къ нему и гостепріимства. Фабрицій не принялъ подарка. На другой день Пирръ хотѣлъ испытать прославленное присутствіе духа Римлянина. Онъ приказалъ поставить скрытно, позади завѣсы, величайшаго своего слона, животное, которому подобнаго Фабрицій еще никогда не видалъ. По окончаніи переговоровъ, онъ подалъ знакъ, завѣса упала, и слонъ поднялъ, съ ужаснымъ ревомъ, свой хоботъ надъ головою посла. Пирръ внимательно наблюдалъ за выраженіемъ лица Фабриція, но онъ хладнокровно обратился къ Царю, и сказалъ: «Сколь мало деньги твои прельстили меня вчера, столь же мало устрашаетъ теперь твой слонъ.» Пирръ пытался еще нѣсколько разъ уговорить великаго мужа остаться у него, въ качествѣ друга и перваго полководца, но ничто не могло поколебать Римлянина. Царь не принялъ предложенія о размѣнѣ плѣнныхъ, но желая доказать Фабрицію свое уваженіе къ нему, позволилъ римскимъ плѣннымъ пойти въ Римъ на предстоявшее большое празднество сатурналій, и повеселившись съ своими соотечественниками, возвратиться въ его лагерь. Они отправились, и пришли назадъ къ назначенному сроку: сенатъ грозилъ даже смертною казнію тому, кто останется.

Походъ слѣдующаго года (279) начался тѣмъ, что Пирръ вступилъ въ Апулію, и занялся осадою укрѣпленныхъ городовъ. Наконецъ онъ встрѣтился, при Аскулумѣ, съ римскими консулами, П. Сульпиціемъ и П. Деціемъ Мусомъ, сыномъ того, который пожертвовалъ собою въ сраженіи при Сентинѣ. Извѣстія о послѣдствіяхъ этого сраженія разнорѣчивы. Вѣроятно Римляне были опять разбиты, но они отступили въ свой укрѣпленный станъ, на который Пирръ, слишкомъ ослабленный, не могъ произвести нападенія. Консулъ Децій былъ убитъ, а Пирръ раненъ. Лучшія эпирскія войска остались на полѣ битвы, и когда одинъ изъ приближенныхъ Царя поздравилъ его съ побѣдою, онъ воз-

разилъ: «Еще одна такая побѣда, и я погибъ!» По крайней мѣрѣ, эта побѣда не имѣла ни какихъ послѣдствій, ибо Царь снова отступилъ въ Тарентъ.

Когда, въ слѣдующемъ году (278), К. Фабрицій повелъ, въ званіи консула, съ товарищемъ своимъ, войско противъ Пирра, онъ получилъ письмо отъ вѣроломнаго врача царскаго, съ предложеніемъ отравить Пирра, за приличную награду. Консулы немедленно отправили письмо къ Пирру, и онъ воскликнулъ въ изумленіи: «Скорѣе можно солнце совратить съ пути его теченія, нежели Фабриція съ пути добродѣтели.» Онъ наказалъ врача сообразно съ его виною *), и въ благодарность Римлянамъ возвратилъ имъ всѣхъ плѣнныхъ, безъ выкупа. Въ то же время онъ повелѣлъ Кинею снова предложить миръ, но получилъ прежній отвѣтъ, что нельзя думать о переговорахъ, пока онъ не оставитъ Италіи. За присланныхъ плѣнныхъ, ему возвратили столько же плѣнныхъ Самнитянъ и Тарентинцевъ.

Сіе упорство Римлянъ привело Пирра въ немалое затрудненіе: ему недоставало силы и воли продолжать столь тяжкую войну, и казалось постыднымъ возвратиться въ Эпиръ, не окончивъ предпріятія. Въ это время получилъ онъ очень кстати приглашеніе сицилійскихъ Грековъ, сильно притѣсняемыхъ Карѳагенянами и туземными тиранами, прійти къ нимъ на помощь. Онъ могъ прервать, съ честью, войну съ Римомъ, и надѣялся увеличить свою власть завоеваніемъ богатаго острова. Онъ немедленно сѣлъ на суда, оставивъ гарнизоны въ Тарентѣ и прочихъ городахъ. Но чрезъ нѣсколько времени поссорился онъ съ Греками, и поступалъ съ тѣми, которые возбуждали его подозрѣніе, такъ жестоко и самовластно, что наконецъ всѣ отъ него отпали. Это привело его въ такое опасное положеніе, что

*) Древніе разсказываютъ это происшествіе весьма различно. См. Нибура, ч. III, с. 595, который полагаетъ, что обѣ стороны распустили этотъ слухъ только для того, чтобъ имѣть приличный предлогъ къ возобновленію переговоровъ. Дѣйствительно, формальное перемиріе, кажется, было заключено прежде, чѣмъ Пирръ отправился въ Сицилію.

онъ съ радостью исполнилъ просьбы Тарентинцевъ и Самнитянъ, приглашавшихъ его снова прибыть въ Италію (276).

Дѣйствительно, присутствіе его было крайне необходимо. Римляне, воспользовавшись его удаленіемъ, восторжествовали надъ Самнитянами, Луканами, Бруттіями и Тарентинцами. Пирръ прибылъ въ Тарентъ. Усиливъ свое войско Тарентинцами и Самнитянами, онъ выступилъ противъ консула Манія Курія Дентата, стоявшаго при Беневентѣ, противъ Самнитянъ, надѣясь напасть на него въ расплохъ, прежде нежели другой консулъ успѣетъ прибыть изъ Луканіи (275). Но, не смотря на внезапное нападеніе, Пирръ претерпѣлъ, въ этотъ разъ, рѣшительное пораженіе. Войска его уже были не прежнія; греческіе бродяги и варвары не могли замѣнить эпирскихъ ветерановъ, погибшихъ въ сраженіяхъ. Римляне нашли средство противъ слоновъ. Они ихъ пугали и бѣсили, бросая въ нихъ зажигательныя стрѣлы, обернутыя паклею, вымазанною дегтемъ, и снабженныя зубристыми остроконечіями. Слоны въ испугѣ обращались назадъ, противъ собственнаго своего войска, и приводили его въ безпорядокъ. Въ тріумфѣ Курія, въ Римѣ, шли четыре слона. Пирръ прибылъ въ Тарентъ съ нѣсколькими всадниками. Собравъ тамъ остатки своего войска, онъ отплылъ изъ Италіи, и возвратился въ Эпиръ. Три года продолжалась еще война съ его италійскими союзниками, Луканами, Бруттіями и Самнитянами; наконецъ они покорились (272) и присягнули въ вѣрности Римскому Народу. Тарентъ искалъ еще защиты у Карѳагенянъ, которые хотя опять владѣли Сициліею, но съ сихъ поръ сами должны были страшиться Римлянъ. Прежнія дружественныя отношенія Рима съ Тарентомъ были нарушены появленіемъ римскаго флота предъ симъ городомъ: теперь, морскія силы Римлянъ опять явились предъ Тарентомъ. Гарнизонъ, оставленный Пирромъ, сдалъ Римлянамъ крѣпость, а за нею покорился и городъ. Тарентъ лишился своихъ стѣнъ и судовъ, и часть художественныхъ его сокровищъ украсила тріумфъ консула.

Въ началѣ войны, одинъ римскій легіонъ, состоявшій изъ Кампанійцевъ, былъ посланъ въ Регіумъ, для защиты

тамошнихъ жителей, но, слѣдуя примѣру греческихъ наемниковъ въ Мессанѣ, и вспомоществуемый ими, онъ овладѣлъ городомъ, а жителей его ограбилъ, разогналъ или умертвилъ. Теперь онъ былъ покоренъ Римлянами: воины, избѣжавшіе смерти во время приступа, были по справедливости казнены. Городъ былъ принятъ въ союзъ съ Римомъ. Вскорѣ послѣ того были покорены Саллентины и Мессапіи, такъ что власть Рима распространилась до обѣихъ южныхъ оконечностей Италіи (266). Удаленіе Пирра обратило также большое вниманіе чужихъ странъ на столь сильный и воинственный народъ. Египетскій Царь Птоломей Филадельфъ отправилъ въ Римъ пословъ, поздравлялъ Римлянъ съ ихъ побѣдами, и предлагалъ имъ вступить съ нимъ въ союзъ. Римляне приняли предложеніе, и отправили къ Царю четырехъ пословъ, съ благодареніемъ. Послы были приняты въ Александріи съ великими почестями и богато одарены.

Римляне обращались не одинаково со всѣми италійскими народами, побѣжденными теперь совершенно, послѣ столь долгаго сопротивленія. Нѣкоторые города (municipia) получили римское гражданское право, иные съ голосомъ въ Римѣ, другіе, и притомъ большая часть, безъ этого преимущества. Въ ближайшихъ, особенныхъ отношеніяхъ съ Римлянами находились Латины. Большая часть италійскихъ народовъ, побѣжденныхъ силою оружія, назывались союзниками: они сохраняли свои собственныя учрежденія, но обязывались только поставлять войска, вооружать ихъ и содержать. Наконецъ были народы, которые, въ наказаніе за отпаденіе, подверглись совершенному подданству (dediti), не пользовались ни какими общественными преимуществами, и управлялись начальствами, посылаемыми изъ Рима. Уже нѣсколько разъ было упоминаемо, что для удержанія въ зависимости всѣхъ сихъ народовъ и городовъ, были основаны, по всей Италіи, многія римскія колоніи. Къ важнѣйшимъ мѣстамъ были проведены искусственныя дороги, по которымъ войско могло двигаться съ большою скоростью. Въ числѣ ихъ находилась уже упомянутая Аппіева Дорога, которую въ послѣдствіи продолжили до Брундузія. На пространствѣ отъ Рима до Капуи, она была вся устлана твер-

дыми четыреугольными камнями. Прочность ея доказывается тѣмъ, что значительные ея участки сохранились до нашихъ временъ.

Въ это же время, послѣ всѣхъ описанныхъ нами волненій, утвердились внутреннія отношенія государства. Броженіе умовъ было развлекаемо безпрерывными внѣшними войнами; частыя отправленія поселенцевъ препятствовали наполненію столицы нищими; строгое соблюденіе законовъ и чрезвычайная тогда еще сила религіи были крѣпкими узами, обезпечивавшими цѣлость цвѣтущаго государства. Политическія учрежденія достигли теперь развитія, которому Грекъ Полибій дивился, спустя одно столѣтіе. Римляне, говоритъ онъ, пользовались всѣми тремя родами правленія. Разсматривая въ отдѣльности власть консуловъ, можемъ принять ихъ правленіе за монархическое; принимая въ уваженіе власть сената, за аристократическое, а власть народа за демократическое. Но какъ каждая власть можетъ сопротивляться другой и подкрѣплять ее, вредить ей и быть полезною, то всѣ онѣ принуждены ко взаимнымъ уступкамъ, и правленіе дѣлается оттого единогласнымъ.

Въ первыя времена республики, Римляне жили въ большой простотѣ, не зная ни богатствъ, ни утонченнаго образованія Грековъ, и проистекающихъ отъ того потребностей. Ихъ умѣренность въ пищѣ была такъ велика, что вмѣсто хлѣба обыкновенно употребляли они мучной кисель. Но уже въ пятомъ столѣтіи отъ основанія города, Римляне стали измѣняться. Возникли значительныя зданія, показались картины; золотые и серебряные сосуды, посвященные храмамъ, свидѣтельствовали о возрастающемъ богатствѣ государства. Въ то время, когда окончено было покореніе Италіи, чеканили въ Римѣ первую серебряную монету. Въ это прекраснѣйшее время Рима существовали еще истинныя доблести и довольство малымъ: величіе государства не было пріобрѣтено цѣною чистоты нравовъ. Это доказываетъ намъ примѣръ Фабриція, который, будучи цензоромъ, изгналъ изъ сената бывшаго консула Корнелія Руфина, за то, что онъ имѣлъ въ своемъ домѣ десять фунтовъ серебряной посуды. Когда побѣдитель Пирра, Маній Ку-

рій Дентатъ, былъ въ первый разъ консуломъ, Самнитяне прислали къ нему пословъ, для мирныхъ переговоровъ. Послы застали его, сидящаго на деревянной скамьѣ, предъ очагомъ; онъ варилъ себѣ кушанье изъ рѣпы. Онъ не принялъ ихъ подарковъ, и сказалъ, улыбаясь: «Я лучше хочу властвовать надъ богатыми, нежели самъ быть богатымъ.» Таковы еще были тогда правила великихъ мужей Рима. Но, съ другой стороны, должно конечно замѣтить, что подобныя черты нравовъ, поражающія своею необыкновенностью, сохраняются въ памяти людей именно только тогда, когда составляютъ противоположность съ исчезающею добродѣтелью.

20. Первая Пуническая Война *).

(264 — 241 до Р. Х., 490 — 513 отъ основ. Рима.)

Когда вся средняя и южная Италія была покорена, Римляне обратили свои взоры на Сицилію, отъ которой ихъ отдѣлялъ нынѣ только узкій проливъ. Вмѣшательство въ дѣла этого острова привело ихъ во враждебное столкновеніе съ Карѳагенянами, которое вскорѣ превратилось въ войну за владычество надъ западною частью міра. Всѣ прежнія дѣянія Римлянъ должно разсматривать только какъ предварительныя упражненія къ сей чрезвычайной борьбѣ. Эта война принадлежитъ къ самымъ привлекательнымъ и грознымъ во Всемірной Исторіи, какъ по великости употребленныхъ силъ, такъ и по значительности паденія побѣжденныхъ и огромности послѣдствій для побѣдителей.

Большое различіе обоихъ государствъ имѣло величайшее вліяніе на способъ веденія и послѣдствія сихъ войнъ. Карѳагенъ былъ государство торговое, и потому обладалъ большою морскою силою и значительнымъ денежнымъ богатствомъ; но въ слѣдствіе этого самаго, онъ пренебрегалъ своею сухопутною силою. За исключеніемъ малаго числа знатныхъ молодыхъ Карѳагенянъ, которые составляли небольшой конный отрядъ, сухопутное войско состояло

*) Пёніями или Пуніями назывались Карѳагеняне по причинѣ своего происхожденія отъ Финикіянъ.

преимущественно изъ наемныхъ полчищъ, поставляемыхъ, за деньги, Африкою, Лигуріею, Галліею и другими странами. Предводительствовали ими, однако же, карѳагенскіе полководцы. Но именно этотъ составъ сухопутнаго войска озабочивалъ всегда Карѳагенянъ на счетъ злоупотребленія власти, которую они ввѣряли своимъ полководцамъ. По сей причинѣ находились при военачальникахъ уполномоченные сената, и они обязаны были отдавать строгій отчетъ совѣту ста мужей. Несчастное окончаніе ихъ предпріятій часто наказывалось, какъ бы злоумышленіе, съ величайшею строгостью, даже съ жестокостью. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи Карѳагеняне наиболѣе отстали отъ Римлянъ, которые именно тогда, окончивъ войны съ Самнитянами, Галлами и Пирромъ, вышли изъ этой школы искусными опытными воинами.

Въ Сициліи, какъ мы уже упоминали, скоплялись воспламеняемыя вещества этого ужаснаго пожара. Сей островъ, бывшій уже долго позорищемъ сильныхъ политическихъ броженій, сдѣлался, вскорѣ послѣ смерти Тимолеона, который не могъ передать ему своего духа, попрежнему, жертвою непрерывныхъ безпокойствъ. Въ то время, какъ на Востокѣ возгорѣлась сильная борьба за наслѣдіе Александра, Агаѳоклъ, сынъ горшечника, пріобрѣлъ, благоразуміемъ и храбростью, верховную власть въ Сиракузахъ (317). Утвердившись тамъ кровопролитіемъ, онъ подчинилъ себѣ и большую часть остальныхъ городовъ острова. Испуганные сими успѣхами, Карѳагеняне послали войско въ Сицилію, и осадили Агаѳокла въ Сиракузахъ. Но Агаѳоклъ рѣшился на отважное предпріятіе — перенести войну въ Африку. Онъ избѣжалъ карѳагенскаго флота, вышелъ съ войскомъ на африканскій берегъ *), и побѣдоносно подвигался впередъ.

*) Діодоръ (XX, 8) разсказываетъ, что прекрасная страна, роскошное плодородіе почвы, совершенство произведеній природы и избытокъ, какимъ наслаждались жители Африки, изумили Сицилійцевъ. Такъ какъ плодородная Сицилія, изъ которой они вышли, была въ древности также въ цвѣтущемъ положеніи, что доказывается множествомъ населенныхъ въ ней городовъ, то можно себѣ вообразить, какою страною была, въ то время, сѣверная Африка.

Его завоеванія, вѣроятно, могли бы имѣть существенныя послѣдствія, если бъ новыя безпокойства не отозвали его въ Сицилію. Миръ, заключенный имъ послѣ того съ Карѳагенянами, возвратилъ послѣднимъ ихъ прежнія владѣнія въ Сициліи; прочія земли остались за Агаѳокломъ. Двадцать восемь лѣтъ властвовалъ онъ силою, хитростью и жестокостью. Наконецъ былъ онъ отравленъ однимъ изъ своихъ любимцевъ, и еще живой повлеченъ на костеръ (289). Немедленно возобновилось прежнее замѣшательство: владѣльцы городовъ, хищники власти сражались между собою; кампанскіе наемные воины Агаѳокла, называемые Мамертинами, овладѣли Мессаною, и оттуда производили грабежи. Карѳагеняне старались воспользоваться сими смутами. Мы уже упоминали, что въ это время былъ призванъ въ Сицилію Пирръ, зять Агаѳокла. Принужденный оставить сей островъ, онъ воскликнулъ: «Какое прекрасное поле битвы предоставляемъ мы здѣсь Римлянамъ и Карѳагенянамъ!»

Событія вскорѣ доказали, сколь вѣрно онъ предвидѣлъ будущее. Іеронъ, изъ рода Гелонова, чрезвычайно уважаемаго въ Сиракузахъ, сдѣлавшись, по удаленіи Пирра, полководцемъ, а потомъ, заслуживъ всеобщую любовь, Царемъ Сиракузскимъ, разбилъ наголову Мамертиновъ, и отнялъ бы у нихъ Мессану, если бъ Карѳагеняне не подали имъ помощи, и сами не утвердились въ этомъ городѣ. Но въ то же время, другая часть Мамертиновъ бѣжала къ Римлянамъ.

Римляне были сначала въ нерѣшимости: они стыдились явиться защитниками шайки мятежниковъ; еще недавно предали они казни собственныхъ своихъ гражданъ, провинившихся въ подобномъ преступленіи въ Регіумѣ. Но боязнь, возбуждаемая увеличивающимся могуществомъ Карѳагенянъ, которые, занятіемъ Мессаны, пріобрѣли бы полную власть въ Сициліи, и открыли бы себѣ путь въ Италію, одержала верхъ надъ стыдомъ. Консулу Аппію Клавдію Кавдексу (брату Цека) было поручено оказать помощь Мамертинамъ (264). Не обращая вниманія на карѳагенскій флотъ, подстерегавшій Римлянъ, они переправились въ Мессану, которая была сдана имъ Мамертинами. Карѳагенскій полководецъ

Аннонъ дозволилъ выманить себя изъ цитадели. Карѳагеняне приговорили его къ поносной смертной казни, и соединились съ Іерономъ. Оба войска осадили Мессану, но вскорѣ были разбиты и обращены въ бѣгство римскимъ консуломъ, который самъ явился предъ стѣнами Сиракузъ. Консулы, избранные на слѣдующій годъ, продолжали войну съ такимъ счастіемъ, что шестьдесятъ семь сицилійскихъ городовъ сдались имъ, и Іеронъ былъ принужденъ просить мира. Союзъ съ Сиракузами былъ очень пріятенъ Римлянамъ, потому что обезпечивалъ продовольствіе ихъ войска, однако же они предложили Царю довольно тяжкія условія. Онъ долженъ былъ отказаться отъ большей части потерянныхъ имъ городовъ, платить Римлянамъ дань, и обѣщать имъ вспомоществованіе. Карѳагеняне остались одни на поприщѣ войны, и чрезвычайно увеличили свое сухопутное войско, чтобы ни сколько не уступать непріятелю, съ которымъ въ первый разъ мѣрялись силами. Агригентъ сдѣлался средоточіемъ ихъ военныхъ движеній.

Римляне немедленно напали на сей городъ. Хотя онъ упорно сопротивлялся въ продолженіе семи мѣсяцевъ, и карѳагенское войско, съ своей стороны, обложило осаждающихъ, однако былъ наконецъ завоеванъ и преданъ всѣмъ ужасамъ грабежа. Двадцать пять тысячъ жителей его были проданы въ неволю (262). Теперь Римляне вознамѣрились овладѣть цѣлымъ островомъ. Но для этого имъ надлежало пуститься въ море, ибо Карѳагеняне, помощью своихъ флотовъ, уже опять брали приморскіе города Сициліи, и угрожали берегамъ Италіи. Чѣмъ долѣе Карѳагеняне властвовали на этой стихіи и пользовались всѣми выгодами, доставляемыми продолжительнымъ упражненіемъ на морѣ, тѣмъ болѣе казалась смѣлою и почти неудобоисполнимою рѣшимость Рима, привыкшаго лишь къ сухопутнымъ войнамъ, оспорить это владычество.

Однако же Римляне не остановились предъ затрудненіями, и рѣшились построить флотъ. Одно пятивесельное карѳагенское судно, захваченное при переправѣ въ Мессану, послужило имъ образцемъ. Между тѣмъ, какъ строились корабли, экипажи обучались, на сухомъ пути, однообраз-

ному дѣйствію веслами. Уже въ 260 году новый флотъ явился въ морѣ. Семнадцать судовъ одного изъ консуловъ, Корнелія Сципіона Азины, были окружены и захвачены Карѳагенянами, но товарищъ его, К. Дуилій, загладилъ сію потерю. Онъ приспособилъ къ своимъ кораблямъ мосты, посредствомъ которыхъ тяжелые римскіе корабли сцѣплялись съ легкими карѳагенскими судами. Воины римскіе всходили по нимъ въ непріятельскіе корабли. Выгоды этого изобрѣтенія, превращавшаго морской бой въ сухопутное сраженіе, и изумлявшаго своею новизною, вскорѣ подтвердились опытомъ. Дуилій разбилъ при Милахъ карѳагенскій флотъ, состоявшій изо ста тридцати судовъ, и первый удостоился морскаго тріумфа. Въ честь его былъ воздвигнутъ столпъ *), украшенный носами взятыхъ имъ кораблей. Другое отличіе, оказанное ему, и изумительное, при тогдашней простотѣ нравовъ, состояло въ дозволеніи быть сопровождаемымъ, всякій разъ, что онъ возвращался домой, человѣкомъ, несшимъ свѣточъ, и музыкантомъ, игравшимъ на флейтѣ. По словамъ одного римскаго писателя, это отличіе было какъ бы ежедневнымъ тріумфомъ. Послѣдствія сей морской побѣды простирались до Сардиніи и Корсики: римскій флотъ счастливо сражался на тамошнихъ водахъ. Въ Сициліи также были завоеваны нѣсколько городовъ.

Успѣхъ смѣлой попытки образовать морскую силу, побудилъ Римлянъ немедленно составить другой планъ, не менѣе дерзновенный. Они рѣшились, по примѣру Агаѳокла, напасть на Карѳагенянъ въ самой Африкѣ. М. Атилій Регулъ проложилъ путь къ тому славною морскою побѣдою при Экномѣ (256). Триста тридцать римскихъ кораблей сражались противъ трехъ сотъ пятидесяти непріятельскихъ. Карѳагеняне потеряли сто четырнадцать судовъ, частію разрушенныхъ, частію захваченныхъ Римлянами. Обѣ стороны лишились, въ этомъ сраженіи, около тридцати тысячъ человѣкъ. Карѳагеняне уже не поставляли Регулу

*) Нижняя часть этого столпа (columna rostrata), съ надписью на тогдашнемъ латинскомъ языкѣ, была найдена въ 1565, и теперь еще, показывается въ Римѣ.

ни какихъ препятствій, но собственные его воины, устрашенные однимъ именемъ Африки, начинали роптать. Рѣшительный консулъ полагалъ, что боязнь вѣрнѣе всего изгоняется боязнію: онъ угрожалъ казнить непослушныхъ, и вскорѣ возстановилъ совершенное повиновеніе. Регулъ вышелъ на берегъ при Гермейскомъ Мысѣ, завоевалъ Клупею, и безпрепятственно разорялъ эту богатую и прилежно воздѣланную страну. Когда, въ началѣ слѣдующаго года (255), карѳагенскіе полководцы вывели противъ него войско, онъ разбилъ ихъ наголову, пользуясь тѣмъ, что непріятель неискусно выбралъ поле сраженія, на которомъ нельзя было употребить слоновъ и конницы.

Регулъ, не хотѣвшій предоставить своему преемнику въ званіи консула, окончаніе войны, уже сдѣлавшейся столь легкою, предложилъ Карѳагенянамъ заключить миръ. Но уступка Сициліи и Сардиніи, безвозмездная выдача всѣхъ римскихъ плѣнныхъ, уплата военныхъ издержекъ и обязательство доставлять въ помощь Римлянамъ, во всякое время, пятьдесятъ триремъ, и безъ согласія ихъ не начинать войны и не заключать мира, были условія столь тяжкія, что карѳагенскій сенатъ твердо рѣшился лучше перенести крайнія бѣдствія. Дѣйствительно, опасность была велика. Римскій консулъ готовился осадить столицу, наполненную бѣжавшими изъ опустошенныхъ или угрожаемыхъ странъ, и потому неминуемо подвергавшуюся страшному голоду. Въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ явился Карѳагенянамъ неожиданный спаситель. Спартанецъ Ксантиппъ, прибывшій въ Карѳагенъ съ греческими наемными войсками, воспитанный въ нравахъ своей родины, и хорошо знакомый съ войною, ясно доказалъ Карѳагенянамъ, что при великихъ военныхъ средствахъ, какими они обладаютъ, пораженіе ихъ должно приписать только неискусству полководцевъ, и обѣщалъ побѣду, если послѣдуютъ его совѣтамъ. Его выслушали и предоставили ему предводительство надъ войскомъ. Когда же онъ построилъ воиновъ по греческому способу и привелъ ихъ въ движеніе, довѣріе возросло до изступленія. Съ войскомъ, такимъ образомъ воодушевленнымъ, благоразумный греческій полководецъ могъ совершить многое.

Такъ какъ, въ то же время, онъ умѣлъ особенно хорошо употреблять слоновъ, то Римляне понесли рѣшительное пораженіе, и самъ побѣдоносный Регулъ былъ взятъ въ плѣнъ; не многіе спаслись въ Клупею. Римъ, желая освободить послѣдній городъ отъ осады Карѳагенянъ, отправилъ флотъ въ триста пятьдесятъ кораблей, но, казалось, сама природа благопріятствовала Карѳагенянамъ. Хотя римскій флотъ счастливо разбилъ карѳагенскія суда, и принялъ на себя воиновъ изъ Клупеи, однако же, на обратномъ пути, былъ застигнутъ, при Камаринѣ, сильною бурею, и почти весь истребленъ. Виною тому были, отчасти предводительствовавшіе консулы, которые, въ римской гордости своей, какъ пишетъ Полибій, думали превозмочь самыя силы природы, и не внимали предостереженіямъ кормчаго. Между тѣмъ, Карѳагеняне наказали африканскіе народы, отпадшіе отъ нихъ при вторженіи Римлянъ, и надѣялись легко побѣдить Римлянъ, ослабленныхъ такими двумя потерями, даже безъ Ксантиппа, который оставилъ Африку, чтобы избѣжать зависти. Они употребляли всѣ старанія, чтобы увеличить свои силы на морѣ и на сухомъ пути.

Однако же Римляне не унывали. Изъ дубовыхъ лѣсовъ Италіи быстро возникъ новый флотъ, которымъ они завоевали Панормъ, въ Сициліи, и производили опустошительныя высадки на берегахъ Африки, именно въ Сиртахъ. Но вторичная буря, разсѣявшая флотъ, когда онъ возвращался изъ Африки въ Италію, побудила сенатъ не возстановлять прежняго числа судовъ, а ограничить его шестидесятью, для защиты Италіи. Сухопутная война въ Сициліи была также ведена съ нерѣшительностью, потому что, послѣ пораженія Регула въ Африкѣ, Римляне чрезвычайно страшились слоновъ; наконецъ проконсулъ Л. Цецилій Метеллъ разбилъ наголову карѳагенскаго предводителя Аздрубала, близъ Панорма (250), причемъ отняты были сто четыре этихъ ужасныхъ животныхъ; они украшали тріумфъ въ Римѣ, къ великой радости народа. Карѳагенскій полководецъ былъ приговоренъ къ смерти.

Въ это время Карѳагеняне послали въ Римъ Регула, для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, взявъ съ него

клятву, что въ случаѣ неуспѣха, онъ возвратится въ плѣнъ. Регулъ не только не старался исполнить порученіе Карѳагенянъ, но, напротивъ того, совѣтовалъ не принимать этой мѣры, полезной лишь для враговъ. Когда мнѣніе его было принято сенатомъ, онъ возвратился въ плѣнъ, въ которомъ долженъ былъ ожидать самаго жестокаго съ нимъ обращенія. Многіе древніе писатели дѣйствительно говорятъ, что въ Карѳагенѣ его истерзали до смерти въ изысканныхъ мученіяхъ, но новѣйшіе почитаютъ это, съ большою вѣроятностью, за римскую выдумку, имѣвшую цѣлію усилить ненависть къ Карѳагену.

При дальнѣйшемъ продолженіи войны, Римляне старались отнять у Карѳагенянъ два важнѣйшіе пункта въ Сициліи, Лилибей и Дрепанъ, но не имѣли успѣха. П. Клавдій Пульхеръ, бывшій консуломъ въ 249, претерпѣлъ пораженіе *), въ которомъ лишился флота, построеннаго послѣ побѣды при Панормѣ. Буря разрушила другой флотъ его товарища, Л. Юнія Пулла. Силы Римлянъ были до того истощены, что они отказались вторично возстановить флотъ, и принуждены были опять ограничиться сухопутною войною, которой позорищемъ осталась Сицилія. Здѣсь сражались, въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ величайшимъ упорствомъ. Амилкаръ Барка, карѳагенскій полководецъ необыкновеннаго ума и дарованій, явился въ 247 году, страшнымъ противникомъ Рима. Онъ овладѣлъ горою **), при Панормѣ, держался тамъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, посреди Римлянъ, и предпринималъ оттуда безпрерывныя нападенія на ихъ владѣнія, какъ моремъ, такъ и сухимъ

*) Сіе пораженіе почитали Римляне наказаніемъ боговъ, ибо, когда священныя птицы, съ которыми совѣтовались, не хотѣли клевать, Клавдій приказалъ бросить ихъ въ море, и сказалъ съ насмѣшкою: не хотятъ ѣсть, такъ пусть же пьютъ. Сенатъ приказалъ ему сложить съ себя званіе, и назначить диктатора. Для осмѣянія республики, онъ избралъ одного изъ своихъ кліентовъ, сына вольноотпущеннаго. За эту дерзость онъ былъ приговоренъ къ денежной пенѣ.

**) Крутою известковою скалою, нынѣшнимъ Монте Пеллегрино, извѣстнымъ по своему монастырю въ имя Святой Розаліи.

путемъ. Оставивъ сіе мѣсто, добровольно или по принужденію, онъ обнаружилъ неменьшія дарованія полководца въ столь же упорномъ бою при горѣ Эриксѣ. Овладѣвъ городомъ того же имени, лежавшимъ на скатѣ горы, онъ держался между Римлянами, которые занимали ея вершину и подошву.

Но эта борьба не могла окончить войны, и Римляне рѣшились въ третій разъ испытать счастія на морѣ. Казна не имѣла способовъ на издержки новаго вооруженія. Для уплаты государственныхъ долговъ, она уже была принуждена прибѣгнуть къ выпуску серебряной монеты низшей доброты. Однако же усердіе и воодушевленіе гражданъ помогли бѣдѣ. Многія отдѣльныя лица соединялись, и на собственный счетъ снаряжали пятивесельныя суда, въ полной надеждѣ на счастливое для ихъ отечества окончаніе войны. Только въ такомъ случаѣ они могли возвратить свои издержки.

Такимъ образомъ, вскорѣ вышли въ море двѣсти судовъ. Карѳагеняне, полагавшіе, что обладаніе моремъ обезпечено, не ожидали появленія сего флота. Консулъ Л. Луктацій Катулъ, воспользовавшись этимъ, немедленно занялъ нѣсколько удобныхъ пунктовъ, близъ Дрепана и Лилибея (242). Поспѣшно явился карѳагенскій флотъ, подъ начальствомъ Аннона, нагруженный запасами, оружіемъ и экипажемъ, собраннымъ, безъ выбора, въ короткое время. Все это онъ долженъ былъ высадить въ Эриксѣ, и принять на суда Амилкара съ его опытными воинами, чтобы, подъ предводительствомъ сего героя, вступить въ бой съ Римлянами. Но Луктацій, замѣтивъ намѣреніе враговъ, рѣшился, не смотря на неблагопріятный вѣтеръ, лучше немедленно сразиться съ тяжелонагруженными карѳагенскими судами, нежели потомъ съ облегченными и съ Амилкаромъ. Онъ напалъ на нихъ при Эгатскихъ Островахъ, и совершенный успѣхъ увѣнчалъ благоразумный планъ. Сею морскою побѣдою окончилась война. Карѳагенское Правительство уполномочило Амилкара вести переговоры по его усмотрѣнію. Силы Карѳагенянъ, вѣроятно, были до крайности истощены, и нельзя было надѣяться на счастливый обо-

ротъ дѣлъ, когда сей храбрый и благородный полководецъ рѣшился на договоръ, который доставлялъ Римлянамъ величайшія выгоды. Карѳагеняне должны были очистить Сицилію, заплатить, въ двадцать лѣтъ, двѣ тысячи двѣсти талантовъ, и отпустить всѣхъ римскихъ плѣнниковъ, безъ выкупа. Въ Римѣ, предъ утвержденіемъ мира, были прибавлены къ контрибуціи еще тысяча талантовъ, и сверхъ того постановлено условіемъ очищеніе многихъ малыхъ острововъ около Сициліи. Карѳагенское Правительство должно было согласиться и на это.

Сицилія была первою римскою провинціею: названіе это съ сихъ поръ давали всѣмъ завоеваннымъ странамъ. Провинціи почитались полнымъ достояніемъ Римскаго Народа, и обязывались повиноваться ежегодно отправляемымъ туда преторамъ и проконсуламъ *), которые управляли ими и собирали подати. Ихъ участь была тягостнѣе участи италійскихъ народовъ. Однако же, въ отношеніи къ Сициліи, какъ первой странѣ, показавшей Римлянамъ, по выраженію Цицерона, сколь сладостно властвовать надъ чужеземными народами, и потому что большая часть ея сдалась добровольно, поступали съ бо́льшею кротостью, нежели съ провинціями, завоеванными въ послѣдствіи. Тогда еще существовали тамъ нѣкоторыя владѣнія, не присоединенныя къ провинціи, именно малое Сиракузское Царство Іерона, въ которомъ сей Царь властвовалъ благоразумно и кротко, хотя оно уже лишилось дѣйствительной своей независимости.

*) Сначала былъ въ Римѣ только одинъ преторъ. Во время Первой Пунической Войны начали избирать двухъ, а вмѣстѣ съ завоеваніями увеличилось и число преторовъ. Двое оставались въ Римѣ и наблюдали тамъ, согласно съ истиннымъ своимъ назначеніемъ, за судопроизводствомъ; другіе были посылаемы начальствовать въ провинціяхъ. Въ послѣдствіи, провинціи были раздѣлены на консульскія и преторскія. Первыми управлялъ проконсулъ, послѣдними пропреторъ. Обыкновенно, консулы и преторы получали, по окончаніи срока ихъ службы, намѣстничество на одинъ годъ. Сколь управленіе ихъ ни было кратковременнымъ, но его почитали средствомъ къ чрезвычайному обогащенію.

21. Дальнѣйшія пріобрѣтенія.

(238 — 219 до Р. Х., 516 — 535 отъ основ. Рима.)

Уничиженіе Карѳагена стоило чрезвычайныхъ усилій и жертвъ. Семьсотъ военныхъ судовъ были потеряны; нація лишилась значительной части своихъ истинныхъ, старыхъ гражданъ, и не смотря на безпрестанное увеличеніе поземельныхъ налоговъ, принуждены были выбивать деньги низшей доброты. Но за то блистательный успѣхъ возвысилъ самолюбіе и гордость Римлянъ: въ каждомъ изъ нихъ возникло твердое убѣжденіе, что римской власти ничто противостоять не можетъ и не должно. Въ то же время, страсть къ пріобрѣтенію земель, становившаяся ненасытнѣе съ каждымъ новымъ завоеваніемъ, [illegible] и болѣе голосъ чести, и побуждала государство къ поступкамъ, которыхъ Римляне стыдились бы еще за полстолѣтія предъ тѣмъ.

Такое расположеніе умовъ вскорѣ обнаружилось въ поступкахъ съ Карѳагеномъ, по заключеніи мира. Истощенные продолжительною войною, Карѳагеняне не были въ состояніи заплатить жалованье наемнымъ войскамъ; воины немедленно взялись за оружіе, и возбуждали къ отпаденію народы сѣверной Африки, подчиненные государству. Сіи народы охотно ихъ послушались. Карѳагенянамъ грозила опасность со всѣхъ сторонъ, и столица ихъ уже подверглась осадѣ. Къ довершенію опаснаго положенія, возникъ между вельможею Аннономъ и лучшимъ ихъ полководцемъ, Амилкаромъ Баркою, раздоръ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи весьма пагубнымъ для государства. Въ этотъ разъ удалось примирить враговъ, и война, продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ (240 — 237) съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и свирѣпствомъ, была счастливо окончена, благодаря великимъ воинскимъ дарованіямъ Амилкара.

Во время сего всеобщаго возстанія возмутились и карѳагенскіе наемники въ Сардиніи. Когда Карѳагеняне вооружались, чтобы снова покорить сей островъ, Римляне объявили имъ войну, доказывая, что эти вооруженія предпринимаются собственно противъ нихъ. Такой поступокъ

жестоко раздражилъ Карѳагенянъ, и вновь возбудилъ ихъ ненависть къ Риму, однако же они были тогда такъ слабы, что не могли помышлять о войнѣ, и желая сохранить миръ, принуждены были уступить Сардинію, и заплатить еще тысячу двѣсти талантовъ. Римляне присвоили себѣ и Корсику. Но и этимъ они не удовольствовались. На обоихъ сихъ островахъ вспыхнули возмущенія. Они приписали ихъ кознямъ Карѳагенянъ, и снова рѣшились объявить войну. Опять явились послы съ просьбами въ римскомъ сенатѣ; но всѣ представленія были напрасны. Наконецъ, одинъ изъ пословъ, въ величайшемъ негодованіи, сказалъ: «Римляне! если вы непремѣнно хотите нарушить миръ, за который мы вамъ столь дорого заплатили, отдайте намъ полученную вами плату, возвратите Сицилію и Сардинію. Случается ли между частными лицами, чтобы человѣкъ, которому не нравится заключенный имъ торгъ, удерживалъ товаръ и не возвращалъ полученныхъ за него денегъ?» На этотъ разъ, пристыженный сенатъ отказался отъ своего намѣренія.

Вскорѣ послѣ того, самому Риму стала угрожать страшная буря съ сѣвера. Послѣ сорокопятилѣтняго спокойствія, Галлы Верхней Италіи, уже въ 238, снова подняли оружіе противъ Рима. Но эта война была прекращена раздоромъ, возникшимъ между непріятелями. Спустя нѣсколько лѣтъ (232), трибунъ К. Фламиній предложилъ раздѣлить между римскими поселенцами земли, отнятыя прежде, въ Пиценумѣ, у галльскаго племени Сеноновъ. Не смотря на сильное сопротивленіе сената, который даже угрожалъ набрать войско для своей защиты, законъ былъ принятъ *). Галлы увидѣли въ этомъ намѣреніе Римлянъ совершенно истребить ихъ. Оба сильнѣйшія ихъ племени, Инсубры и Боіи, не только сами взялись за оружіе, но и помощью денегъ, пригласили на войну своихъ воинственныхъ одноплеменниковъ, Гезатовъ, жившихъ по ту сторону Альповъ (226).

*) При семъ жестокомъ спорѣ, дерзость бѣднѣйшихъ гражданъ вѣроятно была возбуждена въ сильной степени, ибо Полибій (II, 21) считаетъ предложеніе Фламинія одною изъ главнѣйшихъ причинъ дальнѣйшаго развращенія народныхъ нравовъ.

Чрезвычайныя вооруженія, предпринятыя Римлянами (Полибій опредѣляетъ, при семъ случаѣ, силы Рима и союзниковъ, то есть покоренныхъ италійскихъ народовъ, въ 770,000 человѣкъ), показываютъ ихъ боязнь и опасенія. Дѣйствительно, война была тяжкая и чрезвычайно кровопролитная. Римляне, разбитые сначала непріятелемъ, вторгнувшимся въ Этрурію, одержали наконецъ верхъ, сколько собственною силою, столько же и въ слѣдствіе совершенно безсмысленныхъ поступковъ ихъ враговъ. Наконецъ консулы, Кн. Корнелій Сципіонъ и М. Клавдій Марцеллъ, перешли чрезъ По (222). Послѣдній собственною рукою убилъ Царя Гезатовъ, Виридомара. Галлы бѣжали, и Римляне заняли столицу Инсубровъ, Медіоланъ (Миланъ). Покоренныя земли, тогда еще не присоединившіяся къ Италіи, были обращены въ провинцію, которая получила названіе Галліи Предъ-альпійской (Gallia Cisalpina) или тогоносной (togata). Для сохраненія въ нихъ спокойствія, были основаны тамъ двѣ колоніи, Кремона и Плаценція.

Передъ этою большою галльскою войною, произошла еще другая, съ Иллирійцами. Сей народъ обиталъ вдоль берега, противолежащаго Верхней Италіи, до Эпира, и сильнѣйшія его племена были южныя, преимущественно называемыя симъ именемъ. Многочисленными своими легкими судами Иллирійцы тревожили греческіе берега, и морскими разбоями нарушали безопасность Адріатическаго Моря. Это было причиною ихъ нынѣшняго враждебнаго столкновенія съ Римлянами. Послы римскіе, явившіеся къ Иллирійской Царицѣ Тевтѣ съ жалобами, не получили удовлетворенія, и одинъ изъ нихъ былъ даже умерщвленъ, на обратномъ пути, по повелѣнію Царицы (230). Для отмщенія за сію обиду, Римляне выслали войско и флотъ. Ихъ успѣхъ былъ облегченъ добровольнымъ переходомъ нѣкоторыхъ племенъ, и въ особенности измѣною Димитрія Фаросскаго, бывшаго иллирійскимъ намѣстникомъ въ Корцирѣ. Онъ отдалъ островъ Римлянамъ, и подкрѣплялъ ихъ въ прочихъ предпріятіяхъ. Стѣсненная Царица принуждена была купить миръ уплатою ежегодной дани, уступкою большей части Иллиріи, и обѣщаніемъ, никогда не ходить, съ

вооруженными судами, далѣе Лисса (228). Покоренныя владѣнія частію были объявлены свободными (въ особенности острова, но съ условіемъ, чтобы римскіе гарнизоны занимали главнѣйшія мѣста), частію подчинены Димитрію Фаросскому. Но когда, вскорѣ послѣ того, Димитрій перешелъ предѣлы, положенные Римомъ его честолюбію, ему объявлена была война (219). Онъ не устоялъ противъ силы римскаго оружія, и бѣжалъ въ Македонію, гдѣ пріобрѣлъ важное, по своимъ послѣдствіямъ, вліяніе при дворѣ.

Римляне воспользовались симъ случаемъ, чтобъ завести сношенія съ главными греческими государствами, и отправили къ нимъ посольства, съ извѣщеніемъ о своихъ успѣхахъ противъ Иллирійцевъ. Греки, много терпѣвшіе отъ сихъ морскихъ разбойниковъ, осыпали пословъ почестями. Коринѳяне рѣшили допускать Римлянъ, на будущее время, къ Истмійскимъ Играмъ; Аѳиняне даровали имъ право гражданства, и позволили посвящать ихъ въ Элевсинскія Таинства.

Въ то время началась война между Спартою и Ахейскимъ Союзомъ, окончившаяся сраженіемъ при Селлазіи (см. стр. 280). Спустя годъ послѣ того (221) скончался Антигонъ Досонъ, и племянникъ его, Филиппъ II, вступилъ на македонскій престолъ. Грабительскіе и опустошительные походы Этолійцевъ возжгли, около того же времени, новую войну въ Греціи, называемую союзническою, потому что Мессенія, Акарнанія, Эпиръ, Македонія и Ахейскій Союзъ вмѣстѣ возстали противъ Этоліи. Въ продолженіе этой войны, Филиппъ одержалъ большіе успѣхи противъ Этолійцевъ. Онъ былъ убѣжденъ, что совершенно покорить Грецію, ибо Аратъ, по слабости своихъ воинскихъ дарованій, не могъ ни оспорить у него первенства, какъ союзникъ, ни быть опаснымъ для него противникомъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Греціи, когда слухи о великихъ побѣдахъ и завоеваніяхъ Карѳагенянъ, возобновившихъ войну съ Римомъ въ Италіи, проникли въ Македонію. Димитрій Фаросскій обрадовался несчастію Римлянъ, своихъ враговъ и преслѣдователей, и желая возставить противъ нихъ новаго непріятеля, совѣтовалъ

Филиппу даровать миръ Греціи, которая теперь не могла свергнуть его владычества, и обратить свои силы противъ Иллиріи, откуда ему легко будетъ, пользуясь ослабленіемъ Рима, предпринять походъ въ Италію, и тѣмъ сдѣлать важный шагъ къ завоеванію свѣта. Честолюбивый Филиппъ легко увлекся такими представленіями. Ахейцы и Этолійцы также желали мира, но еще болѣе утвердились въ своихъ мысляхъ увѣщаніями Агелая Навпактскаго, въ общемъ собраніи воюющихъ. Сей государственный мужъ представилъ Грекамъ и Царю, сколь необходимо согласіе въ то время, когда два такія государства, каковы Римъ и Карѳагенъ, ведутъ между собою тяжкую войну. Которое бы изъ нихъ ни восторжествовало, оно не будетъ довольствоваться Сициліею и Италіею. Филиппъ, говорилъ онъ, долженъ сдѣлаться хранителемъ и защитникомъ Греціи, соединенной въ одно цѣлое взаимнымъ согласіемъ, и спасти ея свободу въ произвольномъ распоряженіи войною и миромъ, устраненіемъ отъ Греціи сей грозной бури съ запада.

Такимъ образомъ заключенъ былъ миръ, въ слѣдствіе рѣшительнаго вліянія событій Запада на македонскую государственную систему.

22. Причины Второй Пунической Войны.

Несчастное окончаніе первой войны съ Римомъ лишило Карѳагенянъ значительныхъ владѣній и средствъ, а возстаніе наемниковъ довело ихъ истощеніе до крайности. Между тѣмъ, при увеличивающихся властолюбіи, жадности и притязаніяхъ Римлянъ, возобновленіе войны казалось неизбѣжнымъ. Гдѣ найти способы къ сильному сопротивленію, если государство не будетъ помышлять о новыхъ вспомогательныхъ средствахъ? Государственная мудрость, ненависть къ Риму и собственное честолюбіе возбудили сіи мысли въ Амилкарѣ Баркѣ, и обратили его взоры на Испанію, которая могла вознаградить съ избыткомъ потерю Сициліи и Сардиніи. Богатство сей страны благородными и полезными металлами, уже въ прежнія времена привлекало въ нее Финикіянъ, для выгодной торговли. Испанскіе рудники были еще столь мало истощены, что войска Амилкара

изумленіемъ увидѣли серебряныя ясли и посуду въ общемъ употребленіи у Турдетановъ, одного народа на южномъ берегу. Карѳагеняне, слѣдуя примѣру Финикіянъ, своихъ родоначальниковъ, уже давно, основали въ Испаніи поселенія, и извлекали изъ нихъ несмѣтныя выгоды. Но Амилкаръ хотѣлъ совершенно покорить сію страну, чтобы пріобрѣсти въ ней средства къ войнѣ съ Римомъ, которою сей опасный и ненавистный соперникъ Карѳагена былъ бы оттѣсненъ въ свои прежніе предѣлы, и возстановлено первенство его отечества, а съ нимъ, можетъ быть, и его собственное. Разсказываютъ, что когда девятилѣтній его сынъ, Аннибалъ, ласкаясь къ отцу, просилъ взять его съ собою въ походъ, Амилкаръ подвелъ его къ жертвеннику, и принялъ отъ него торжественную клятву, быть вѣчнымъ врагомъ Римлянъ.

Въ то время жители Испаніи состояли, за исключеніемъ поселившихся въ ней Финикіянъ, Карѳагенянъ и Грековъ, частію изъ народовъ иберійскаго поколѣнія, частію изъ кельтскихъ племенъ, которыхъ древніе называли здѣсь Кельтиками, частію же изъ смѣси обоихъ народовъ, Кельтиберовъ. Послѣдніе обитали въ срединѣ страны, но кажется, что кромѣ собственныхъ Кельтиберовъ, въ другихъ частяхъ полуострова также жили Кельты и Иберы, перемѣшанные между собою, и что совершенно чистыхъ Иберовъ должно искать только близъ Пиренеи, до Средиземнаго Моря *). Кельты, распространенные по всей срединѣ Испаніи и по большей части западнаго берега, были могущественнѣйшимъ и самымъ воинственнымъ народомъ полуострова. Иберы вообще были миролюбивѣе и спокойнѣе **), но однажды раздраженные, они такъ же упорно и терпѣливо защищали независимость своего отечества, и презирали смерть. Война съ такими народами была очень затруднительна. Покореніе ихъ казалось бы невозможнымъ, если бъ они обладали первою и необходимою потребностью, для

*) В. фонъ Гумбольдтъ: Разсмотрѣніе изслѣдованій о первобытныхъ жителяхъ Испаніи, стр. 139.

**) Тамъ же, стр. 149.

сопротивленія могущественному завоевателю, согласіемъ въ дѣйствіяхъ. Умный Амилкаръ искусно воспользовался симъ раздробленіемъ силъ, и основалъ на немъ хорошо обдуманный планъ. Послѣ девятилѣтней войны (237 — 228), онъ уже сдѣлалъ значительные успѣхи въ покореніи южныхъ и западныхъ береговъ Испаніи. Амилкаръ палъ на войнѣ. Его зять и преемникъ въ управленіи испанскими дѣлами, Аздрубалъ, продолжалъ начатое. Онъ покорилъ еще многія племена, и построилъ городъ Новый Карѳагенъ (Картахену), при богатомъ серебряномъ рудникѣ, разработывавшемся, по его повелѣнію, съ неутомимою дѣятельностью.

Великія денежныя средства и способы къ набору воинственныхъ полчищъ, пріобрѣтенные Карѳагенянами въ Испаніи, возбудили опасенія Римлянъ. Но занятые тогда галльскими войнами, они должны были довольствоваться тѣмъ, что заставили Карѳагенянъ подписать договоръ, которымъ они обязывались не переходить за Иберъ (Эбро), и признавать эту рѣку своею крайнею сѣверною границею въ Испаніи.

Въ осьмой годъ своего начальствованія въ Испаніи, Аздрубалъ былъ умерщвленъ однимъ Галломъ (221). Въ главнокомандующіе былъ избранъ войскомъ зять его, Аннибалъ. Помня клятву, данную въ дѣтствѣ, и наслѣдовавъ чувствованія своего отца, Аннибалъ занимался только одною мыслію, исполнить намѣренія Амилкара. Война, которую онъ хотѣлъ начать противъ Рима, возбуждаемая мстительностью и вполнѣ оправдываемая политикою, должна была поколебать власть сего опаснаго соперника, въ самомъ ея основаніи. Для этого надлежало перенести ее въ собственныя владѣнія Римлянъ. Природа даровала Аннибалу качества, необходимыя для исполненія сей необыкновенной мысли. Войско боготворило его; все проявляло въ немъ врожденную способность къ властвованію. Нужно ли было броситься въ опасность, онъ весь былъ отвагою, но посреди опасности присутствіе духа никогда его не оставляло. Ни какія усилія не могли утомить его тѣла или ослабить его умственныхъ способностей. Перенося, съ одинаковою лег-

костью и холодъ и жаръ, равнодушный къ жизненнымъ наслажденіямъ, не связанный опредѣленнымъ временемъ сна и бдѣнія, онъ раздѣлялъ всѣ труды своихъ воиновъ. Часто спалъ онъ посреди стражей, въ военномъ одѣяніи, на голой землѣ; въ одеждѣ его не было ни какого отличія; только оружіе и кони обличали полководца. Онъ былъ первымъ въ бою, и послѣдній оставлялъ поле сраженія. Это изображеніе одного изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ заимствовано не изъ карѳагенскихъ историковъ: такъ описываетъ Аннибала Римлянинъ Ливій. Но если онъ прибавляетъ къ тому, что столь блистательныя качества были запятнаны жестокостью и вѣроломствомъ, упреки эти не оправдываются исторіею. Ими обременяли народнаго врага, ненавидимаго до неистовства, ослѣпленіе или клевета Римлянъ. Конечно, строгіе судьи упрекнутъ Аннибала въ честолюбіи и мстительности, но смотря съ исторической точки зрѣнія, не можемъ обвинить мужа, совершившаго великіе и достохвальные подвиги, въ исполненіи того, что составляло условіе всего его существованія. И въ мирное время Аннибалъ обнаруживалъ блистательныя дарованія: онъ былъ отличный государственный человѣкъ, и, кажется, образованіемъ превосходилъ своихъ соотечественниковъ. Посреди заботъ и опасностей походовъ въ Италіи, онъ усердно занимался Греческою Литературою.

Сагунтъ, богатый торговый городъ на испанскомъ берегу, колонія греческаго острова Закинѳа (Занта), находился въ чертѣ владѣній, уступленныхъ Карѳагенянамъ въ Испаніи, однако же, будучи естественнымъ противникомъ великаго и могущественнаго торговаго государства, опаснаго по своей близости, присоединился къ Риму, который потребовалъ отъ Карѳагена уваженія неприкосновенности и независимости союзнаго съ нимъ города. По сей причинѣ, когда приготовленія Аннибала были окончены, и планы его созрѣли, онъ осадилъ Сагунтъ. Римляне отправили пословъ, чтобы удержать Аннибала отъ этого предпріятія, но онъ вовсе не допустилъ ихъ къ себѣ. Тогда послы обратились въ Карѳагенъ, съ жалобами на смѣлаго полководца, но не могли получить удовлетворенія. Между тѣмъ Аннибалъ

овладѣлъ Сагунтомъ (219). Римляне снарядили два войска, и, по обычаю, консулы бросили жребій, кому которымъ предводительствовать: П. Корнелій Сципіонъ долженъ былъ вести одно изъ нихъ въ Испанію; Тиберій Семпроній, съ другимъ, переправиться въ Сицилію, а оттуда, при случаѣ, въ Африку. Въ Предъ-Альпійской Галліи стоялъ, сверхъ того, преторъ Манлій, съ двумя римскими легіонами и одиннадцатью тысячами человѣкъ союзнаго войска *).

Послѣ сихъ приготовленій, были еще разъ отправлены послы въ Карѳагенъ, болѣе для соблюденія обычая, нежели въ надеждѣ на дѣйствительное сохраненіе мира. Когда, въ засѣданіи карѳагенскаго сената, дѣло сіе было подробно изслѣдовано, одинъ изъ пословъ, К. Фабій, сложивъ край своей тоги въ видѣ мѣшка, гордо сказалъ: «Держу предъ вами войну и миръ, избирайте!» — «Дай, что хочешь,» отвѣчали Карѳагеняне. — «Такъ будетъ война!» сказалъ Фабій, и переговоры прекратились.

23. Переходъ Аннибала чрезъ Альпы, и первыя его побѣды.

(218 — 217 до Р. Х., 536 — 537 отъ основ. Рима).

Смѣлый Аннибалъ вознамѣрился, изъ Испаніи вторгнуться въ Италію, перейдя чрезъ Галлію и непроходимыя, по тогдашнему мнѣнію, Альпы. Сперва онъ принялъ мѣры для защищенія Африки и Испаніи отъ нападеній Римлянъ. Съ этою цѣлію онъ перевелъ испанскія войска въ Африку, а африканскія призвалъ въ Испанію. Начальство надъ войсками и флотомъ въ Испаніи поручилъ онъ своему брату, Аздрубалу.

Лѣтомъ, 218 года, Аннибалъ выступилъ изъ Новаго Карѳагена, перешелъ чрезъ Иберъ, покорилъ большую часть

*) Легіонъ, въ которомъ находились тогда отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и нѣсколько сотъ всадниковъ, состоялъ только изъ римскихъ гражданъ. Къ каждому легіону были присоединяемы, по крайней мѣрѣ, столько же союзниковъ (т. е. изъ италійскихъ народовъ), что должно всегда подразумѣвать, даже когда о союзникахъ вовсе не упоминается.

народовъ, жившихъ между этою рѣкою и Пиренеями, оставилъ Аннона, съ отрядомъ, для удержанія этого важнаго пункта, и поспѣшилъ чрезъ Пиренеи, съ пятидесятью тысячами пѣхоты, девятью тысячами всадниковъ и тридцатью семью слонами. Открывъ себѣ проходъ среди племенъ южной Галліи, отчасти подкупомъ, отчасти силою оружія, онъ переправился чрезъ Роданъ (нынѣшнюю Рону), и подступилъ къ Альпамъ. Надлежало имѣть духъ Аннибала, чтобы не устрашиться многочисленныхъ препятствій, которыя ему здѣсь предстояли. Вообразите себѣ африканское войско, привыкшее къ палящему зною, цѣпь слоновъ, обыкновенно употребляемыхъ только на равнинахъ, не говоря уже о тысячахъ лошадей и вьючныхъ животныхъ, которыхъ надлежало вести скалистыми обрывами, покрытыми снѣгомъ и льдомъ; вообразите себѣ неозначенныя на картахъ дороги, безъ малѣйшаго слѣду для удобства путешественниковъ; горы, заселенныя толпами варваровъ, которые, пользуясь своимъ превосходствомъ въ знаніи мѣстности и неприступныхъ засадъ, не переставали сражаться; наконецъ, время года (это было въ ноябрѣ), въ которое, даже при несравненно благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, это предпріятіе было бы очень опаснымъ. Девять дней поднималось мужественное войско, и наконецъ достигло вершины горнаго хребта *). Здѣсь, на снѣжныхъ поляхъ, полководецъ далъ двухдневный отдыхъ своимъ блѣднымъ, истощеннымъ отъ голода и почти оцѣпенѣлымъ воинамъ. Онъ утѣшалъ ихъ, указывая на злачныя равнины пріятной Италіи, виднѣвшіяся вдали. При спускѣ съ горъ, не нужно было сражаться съ непріятелемъ; за то умножились трудности пути, и преодолѣть ихъ можно было только величайшими усиліями. На крутыхъ и узкихъ тропинкахъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ, люди и животныя скользили безпрестанно; многіе падали и находили смерть въ пропастяхъ; другіе увязали въ рыхломъ снѣгу, и не

*) Мѣсто, въ которомъ Аннибалъ перешелъ чрезъ Альпы, подлежитъ сомнѣнію. Весьма вѣроятно, что это былъ Малый Санктъ-Бернаръ.

могли изъ него выбраться. Въ одномъ мѣстѣ дорога совершенно обвалилась, и нужно было употребить невыразимыя усилія, чтобы проложить новую. Наконецъ, послѣ пятнадцати дней, употребленныхъ на переходъ чрезъ Альпы, и пятимѣсячнаго похода изъ Новаго Карѳагена, достигли долинъ нынѣшняго Піемонта. При осмотрѣ войска, Аннибалъ нашелъ, что изъ пятидесяти девяти тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ выступилъ, осталось только двадцать шесть тысячъ: до такой степени уменьшилось войско, въ слѣдствіе сраженій, голода, стужи и трудностей пути.

Въ то самое время, когда консулъ П. Корнелій Сципіонъ, отправившійся въ Испанію, прибылъ съ флотомъ въ Массилію, Аннибалъ явился на Ронѣ. Убѣдившись здѣсь въ намѣреніи Карѳагенянъ, Сципіонъ ограничился отправленіемъ въ Испанію своего брата, Кн. Сципіона, съ частью войска, а самъ, съ другою, меньшею частью, поспѣшилъ возвратиться въ Италію, чтобы отрѣзать Аннибала, соединившись съ римскими войсками, стоявшими на рѣкѣ По. Оба войска сошлись на рѣкѣ Тицинѣ. Аннибалъ, вполнѣ чувствовавшій, сколь важенъ успѣхъ перваго сраженія, ободрилъ своихъ воиновъ пылкою рѣчью, и одержалъ побѣду, преимущественно превосходствомъ своей нумидійской конницы. Консулъ Сципіонъ былъ тяжело раненъ, и спасся отъ плѣна, только помощью своего шестнадцатилѣтняго сына, будущаго великаго побѣдителя Аннибалова. Галлы, бывшіе въ римскомъ войскѣ, перешли, тотчасъ послѣ сраженія, къ Аннибалу, и Боіи съ нимъ соединились. Это было одною изъ причинъ, заставившихъ Сципіона отступить за Требію, гдѣ, притомъ, въ гористой мѣстности, карѳагенская конница была менѣе опасна.

Между тѣмъ, консулъ Семпроній Лонгъ былъ поспѣшно отозванъ съ Сицилійскихъ Водъ, на которыхъ, въ то время, онъ занялъ Мальту. Онъ прибылъ въ Верхнюю Италію, и присоединился съ своимъ войскомъ къ Сципіону. Послѣдній, еще страдавшій отъ полученныхъ имъ ранъ, полагалъ, что должно какъ можно долѣе избѣгать сраженія, чтобы легіоны имѣли время обучиться, и Галлы успѣли охладѣть къ войску Аннибала. Но Семпроній, желавшій воспользо-

ваться болѣзнью товарища, для собственной славы, настаивалъ, чтобы дано было сраженіе. Это было также пламеннѣйшимъ желаніемъ Аннибала. Неосторожный консулъ былъ заманенъ непріятелемъ, перешелъ чрезъ Требію, и претерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Первымъ слѣдствіемъ этого сраженія было то, что Галлы Верхней Италіи совершенно перешли на сторону Аннибала.

При такомъ несчастномъ началѣ войны въ Италіи, не могли служить большимъ утѣшеніемъ извѣстія, что Кн. Сципіонъ вышелъ на берегъ въ Испаніи, и счастливо держался противъ Аннона, между Эбромъ и Пиренеями. Римляне ожидали съ боязнію возобновленія войны, весною 217 года. Съ наблюденіемъ священныхъ обрядовъ, они молили боговъ о ниспосланіи помощи консуламъ Кн. Сервилію Гемину и К. Фламинію, которые охраняли оба дефилея, ведущіе изъ сѣверной въ Среднюю Италію.

Консулъ Фламиній, бывъ еще трибуномъ, жестоко враждовалъ съ сенатомъ, въ слѣдствіе своихъ требованій (стр. 380). Потомъ, избранный въ первый разъ въ консулы, онъ навлекъ на себя еще большую ненависть патриціевъ. Въ нынѣшній разъ, опасаясь быть задержаннымъ въ городѣ своими противниками, онъ совершилъ обычныя торжества при вступленіи въ званіе консула, не въ Римѣ, а въ лагерѣ при Ариминіи; сенатъ хотѣлъ принудить его возвратиться, но безуспѣшно. Такія отношенія между республикою и консуломъ должны были имѣть вліяніе на его образъ дѣйствія, и облегчать намѣренія Аннибала. Съ началомъ весны, карѳагенскій полководецъ двинулся въ Этрурію, и совершилъ чрезвычайно трудный переходъ по обширнымъ болотамъ, продолжавшійся четыре дня и три ночи. Большая часть вьючныхъ животныхъ завязли и погибли. Многіе Галлы также не вынесли лишеній, и самъ Аннибалъ потерялъ глазъ, отъ воспаленія, причиненнаго болотными испареніями. Фламиній, стоявшій въ лагерѣ при Арреціи, изумился, увидѣвъ, что Аннибалъ приближается этимъ путемъ. Карѳагенскій полководецъ прошелъ мимо его, и опустошалъ страну, не безъ цѣли, но съ намѣреніемъ хорошо расчитаннымъ: онъ предвидѣлъ,

что консулъ послѣдуетъ за нимъ, не дождавшись прибытія своего товарища, и не обманулся. Природная пылкость и нетерпѣніе, какъ полагаетъ Ливій, заставили Фламинія выступить изъ лагеря, а можетъ быть, онъ не хотѣлъ подать своимъ противникамъ въ Римѣ повода, унижать его достоинство. Аннибалъ готовилъ новую хитрость. Онъ заманилъ консула въ долину, окруженную горами, при Тразименскомъ Озерѣ, и поставилъ въ ней засаду, пользуясь туманомъ, и теперь еще въ той странѣ весьма обыкновеннымъ. Консулъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, нигдѣ не видѣлъ спасенія, и избѣгъ плѣна, съ пятнадцатью тысячами Римлянъ, только смертью: они всѣ пали, храбро сражаясь. Плѣнники изъ италійскихъ народовъ были освобождены Аннибаломъ, чтобы лишить Римлянъ ихъ расположенія, и привлечь ихъ къ себѣ. Такія пораженія уменьшали боязнь, возбуждаемую Римомъ въ сихъ народахъ. Другой консулъ, получивъ извѣстіе, что Карѳагеняне вторглись въ Этрурію, отправилъ нѣсколько отрядовъ на помощь къ Фламинію, но Аннибалъ напалъ на нихъ внезапно, и также разбилъ ихъ.

24. Кв. Фабій Максимъ.

Крайняя опасность требовала, болѣе чѣмъ когда либо, единства и твердости въ мѣрахъ, и потому въ Римѣ было рѣшено назначить диктатора. Выборъ палъ на Кв. Фабія Максима, которому поручено было привести городъ въ оборонительное состояніе, чтобы, въ случаѣ потери Италіи, можно было сражаться за Римъ, въ виду боговъ покровителей. Однако же Римъ избѣгъ нападенія. Аннибалъ не безъ основанія полагалъ, что осада города теперь не будетъ имѣть успѣха, и перешелъ чрезъ Апеннины, къ берегамъ Адріатическаго Моря. Здѣсь, на богатыхъ поляхъ пиценскихъ, онъ подкрѣпилъ отдыхомъ своихъ воиновъ и лошадей, и послалъ, моремъ, въ Карѳагенъ извѣстіе о счастливыхъ своихъ дѣйствіяхъ. Потомъ двинулся онъ далѣе, въ Апулію. За нимъ послѣдовалъ римскій диктаторъ, но чувствуя, сколь велика лежащая на немъ отвѣтственность, онъ столь же тщательно избѣгалъ сраженія, какъ Аннибалъ старался завязать бой. Онъ довольствовался тѣмъ, что ни-

гдѣ не выпускалъ непріятеля изъ виду, и всегда располагалъ свое войско въ неприступныхъ горахъ. Такія дѣйствія, повидимому, малодушныя, были столь же непріятны для его собственныхъ воиновъ, какъ и для Аннибала. Онъ долженъ былъ выносить насмѣшки Римлянъ, которые говорили, что вѣроятно, онъ потому водитъ ихъ въ облакахъ, что отчаивается провести ихъ безопасно по землѣ. Однако же, ни насмѣшки друзей, ни военныя хитрости непріятеля, не приводили диктатора въ заблужденіе. Аннибалъ двинулся, чрезъ Самніумъ, въ Кампанію, Фабій также. Аннибалъ хотѣлъ возвратиться въ Самніумъ; неотвязный преслѣдователь не оставлялъ его, и думалъ возбранить ему обратный путь занятіемъ одного дефилея *). Но Аннибалъ открылъ себѣ дорогу хитростью. Ночью приказалъ онъ нагнать на римскіе передовые посты нѣсколько сотъ быковъ, къ рогамъ которыхъ были привязаны горящіе пучки хворосту. Римляне, въ первомъ испугѣ, полагали, что на нихъ наступаетъ непріятельское войско съ головнями въ рукахъ; имъ всюду чудилось пламя, и они не знали, въ которую сторону обратиться для своей защиты. Посреди всеобщаго замѣшательства, Аннибалъ прошелъ тѣснину.

Между тѣмъ, противники Фабія въ Римѣ жаловались все громче и громче. При этомъ способѣ веденія войны, Аннибалъ завоевалъ многіе города, и безпрепятственно проходилъ отъ одного моря къ другому, покоряя, одинъ за другимъ, италійскіе народы. Скорѣе, говорили порицатели дѣйствій диктатора, римскія владѣнія будутъ совершенно опустошены, нежели Фабій достигнетъ своей цѣли, и принудитъ непріятеля къ отступленію, по недостатку во всемъ необходимомъ. Въ то время, какъ неудовольствіе Римлянъ увеличивалось, Минуцій, начальникъ конницы диктатора, воспользовавшись отсутствіемъ Фабія, и вопреки его точному повелѣнію, вступилъ, при Геруніи, въ сраженіе съ Аннибаломъ, и одержалъ небольшую поверхность. По предложенію одного трибуна, народъ далъ Минуцію, который въ особенности сильно охуждалъ Фабія, равную съ нимъ власть

*) См. Маннерта Географію Грековъ и Римлянъ. IX, 1, с. 764.

въ главномъ начальствѣ. Едва Минуцій получилъ предводительство надъ половиною войска, и освободился отъ стѣснительной подчиненности, онъ напалъ на Карѳагенянъ, въ засаду, поставленную Аннибаломъ. Уже многіе Римляне были изрублены, когда Фабій подоспѣлъ на помощь, и заставилъ Аннибала отступить. «Наконецъ, сказалъ диктаторъ, облако, висѣвшее надъ горами, разразилось грозою.» Пристыженный Минуцій, увидѣвъ, сколь велико благоразуміе Фабія, поставилъ почетные знаки своего достоинства предъ палаткою диктатора, называлъ его отцемъ и спасителемъ, и скромно поступилъ опять подъ его главное начальство. Вскорѣ послѣ того кончился срокъ диктаторства Фабія, который, по своему способу веденія войны, былъ названъ Медлителемъ (cunctator).

25. Битва при Каннахъ.

(216 до Р. Х.; 538 отъ основ. Рима.)

Изъ двухъ консуловъ 216 года, одинъ, К. Теренцій Варронъ, возведенный въ сіе званіе любовью народа, былъ смѣлъ и быстръ въ своихъ поступкахъ; другой, Павелъ Л. Эмилій, уважаемый какъ побѣдитель Иллирійцевъ, остороженъ и расположенъ къ образу дѣйствій Фабія. Несогласіе, происходившее отъ этого различія характеровъ, было столько же пагубно для Римлянъ, сколько опрометчивость Варрона, и превосходство, которое они пріобрѣли на сей разъ большими вооруженіями, сдѣлалось безполезнымъ.

Консулы встрѣтили непріятеля при Каннахъ, въ Апуліи. Эмилій, увидѣвъ, что Карѳагеняне расположились на обширной равнинѣ, на которой они могли воспользоваться превосходствомъ своей конницы, не хотѣлъ вступать въ сраженіе, но Варронъ не согласился на это мудрое разсужденіе. Въ то время существовалъ обычай, что оба консула, находясь при войскѣ, чередовались начальствомъ поденно. Въ день предводительства Варрона произошла знаменитая битва при Каннахъ, въ которой Аннибалъ нанесъ Римлянамъ ужаснѣйшее пораженіе, какое они когда либо претерпѣли. Консулъ Эмилій, съ многими прежними консулами и знатнѣйшими государственными мужами, двадцать одинъ

военный трибунъ, восемьдесятъ сенаторовъ, столько патриціевъ, что Аннибалъ, по преданію, послалъ въ Карѳагенъ цѣлыя груды перстней (отличительныхъ знаковъ достоинства патриціевъ), и пятьдесятъ тысячъ римскихъ воиновъ легли на полѣ сраженія. Варронъ спасся, только съ семидесятью всадниками, въ Венузію, въ которой собрались еще четыре тысячи человѣкъ, единственные остатки осьмидесятитысячнаго войска. Это пораженіе, говоритъ Ливій, должно быть сравнено съ величайшими пораженіями всѣхъ народовъ, и отличается только тѣмъ, что Римляне перенесли его съ бо́льшею твердостью духа.

При отчаяніи всего города, сенатъ не терялъ своего хладнокровія. Первою его заботою было смягчить мнимый гнѣвъ боговъ. Фабій Пикторъ былъ посланъ въ Дельфы, и этотъ необыкновенный случай заставилъ принести необыкновенную человѣческую жертву. Приступлено было къ новымъ наборамъ, и не смотря на то, что недостатокъ въ людяхъ принуждалъ вооружить даже рабовъ, которымъ въ награду была обѣщана свобода, сенатъ не хотѣлъ однако же дозволить предложеннаго Аннибаломъ выкупа плѣнныхъ, хотя бы ихъ родные принимали плату на себя. Когда консулъ возвратился въ Римъ, сенатъ вышелъ къ нему навстрѣчу, и благодарилъ его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи республики.

Сія геройская твердость и единогласіе спасли государство, которое дѣйствительно было на краю совершенной гибели. Большая часть союзниковъ, Апулійцы, Самниты, Бруттіи, Луканы и почти всѣ италійскіе Греки, перешли на сторону Карѳагенянъ. Богатая столица Кампаніи, важная Капуа, желая свергнуть римское иго, также предалась Аннибалу, и надѣялась сдѣлаться, подъ защитою Карѳагенянъ, главою всей Италіи. Города, хотѣвшіе оставаться вѣрными Риму, какъ, напримѣръ, Казилинъ и Петилія, принуждены были, послѣ упорнаго сопротивленія, подчиниться власти Карѳагена. Въ то же время, одинъ карѳагенскій флотъ опустошалъ владѣнія Царя Іерона, а другой стоялъ у Эгатскихъ Острововъ, выжидая случая напасть на Лилибей. Сардинія была также возбуждаема къ

возстанію. Къ довершенію бѣдствія, римское войско, съ предводителемъ своимъ, Постуміемъ Албиномъ, избраннымъ въ консулы на слѣдующій годъ, было истреблено Галлами въ Верхней Италіи, и Филиппъ Македонскій готовился заключить союзъ съ Аннибаломъ.

Въ это мгновеніе губительной войны, Римъ стоялъ на низшей степени бѣдствій, а Карѳагенъ достигъ верховнаго предѣла счастія. Послѣдующія событія не соотвѣтствовали ожиданіямъ, возбужденнымъ столь великими побѣдами, и даже приняли подъ конецъ совершенно иной оборотъ. Многіе обвиняли Аннибала въ томъ, что онъ умѣлъ побѣждать, но не умѣлъ пользоваться побѣдою, и полагали, что ему слѣдовало овладѣть Римомъ въ минуту перваго страха, возбужденнаго въ сей столицѣ. Но полководецъ, болѣе дальновидный нежели его хулители, безъ сомнѣнія считалъ это предпріятіе слишкомъ смѣлымъ, и видѣлъ, что успѣхъ его еще не обезпеченъ побѣдами въ открытомъ полѣ. Также приписываютъ слишкомъ большое вліяніе пребыванію карѳагенскаго войска, въ теченіе зимы, въ Капуѣ: въ тамошнихъ развратныхъ забавахъ и наслажденіяхъ, какъ увѣряютъ, воины сдѣлались женоподобными и неспособными къ трудамъ воинскимъ. Прекращеніе блистательныхъ успѣховъ Аннибала достаточно объясняется тѣмъ, что хотя въ этой исполинской войнѣ онъ былъ первымъ полководцемъ, но предводительствовалъ войскомъ, составленнымъ изъ смѣшенія разнообразныхъ племенъ, противъ такого народа, каковы Римляне. Пагубныя военныя учрежденія Карѳагена также чрезвычайно затрудняли пополненіе его войскъ даже способными наемниками.

26. Война до сраженія при Сенѣ.

(215 — 207 до Р. Х., 539 — 547 отъ основ. Рима).

Первыя побѣдныя торжества были возобновлены М. Клавдіемъ Марцелломъ, котораго Римляне справедливо назвали своимъ мечемъ, а Фабія Максима щитомъ. Два раза защитилъ онъ городъ Нолу отъ Аннибала, счастливыми сраженіями (216, 215). О первомъ изъ нихъ пишетъ Ливій, что

въ то время Римлянамъ было труднѣе не быть побѣжденными, нежели въ послѣдствіи побѣждать. Между тѣмъ, покушеніе Карѳагенянъ противъ Сардиніи также не имѣло успѣха: преторъ Манлій разбилъ ихъ, и даже взялъ въ плѣнъ предводителей. Еще рѣшительнѣе для судьбы Рима была война въ Испаніи, въ которой начальствовали оба Сципіона. Они принудили Аздрубала оставить, или, по крайней мѣрѣ, отложить свое намѣреніе проникнуть изъ Испаніи въ Италію, слѣдуя путемъ Аннибала чрезъ Альпы, и привести, на помощь брату, новое войско. Аздрубалъ долженъ былъ теперь не только опасаться за Испанію, но даже за Африку, въ которой Сципіоны уже завязали переговоры. Они вступили въ связи съ Нумидійскимъ Царемъ Сифаксомъ, и помогали ему составить пѣхоту по римскому образцу. Карѳагенъ, не имѣя средствъ воспрепятствовать этому, довольствовался тѣмъ, что возбуждалъ противъ Сифакса другаго Нумидійскаго Царя, Масиниссу.

Не такъ счастливъ былъ для Римлянъ 214 годъ, въ которомъ были консулами Фабій Максимъ (въ четвертый разъ) и М. Марцеллъ. Старый другъ Римлянъ, Сиракузскій Царь Іеронъ, умеръ, и при дворѣ его пятнадцатилѣтняго внука и наслѣдника, Іеронима, карѳагенская партія взяла такой перевѣсъ, что Сиракузы оставили Римъ, и заключили союзъ съ враждебною ему республикою. Юный Царь былъ вскорѣ умерщвленъ, но это только способствовало выгодамъ Карѳагенянъ. Эпицидъ и Иппократъ, которые, посреди всеобщаго замѣшательства, захватили верховную власть, были рѣшительными приверженцами Аннибала, и начали войну съ большою дѣятельностью.

Новый врагъ привелъ Римлянъ въ немалое затрудненіе. Казна уже была до того истощена, что потребности войска въ Испаніи были удовлетворяемы добровольными ссудами главныхъ откупщиковъ, а экипажъ новаго флота былъ содержимъ богатыми гражданами. Любовь и довѣріе къ отечеству дѣлали сіи жертвы легкими. Многіе не брали жалованья, и называли тѣхъ, которые не слѣдовали ихъ примѣру, жалкими наемниками. Владѣльцы рабовъ, предоставленныхъ въ распоряженіе государства, отказались получать

за нихъ плату, а вдовьи и сиротскія деньги были ввѣрены отечеству, какъ вѣрнѣйшему должнику, въ состоятельности котораго не сомнѣвались *).

Консулъ Марцеллъ, съ надеждою на успѣхъ, поспѣшилъ въ Сицилію, куда Карѳагеняне отправляли, съ такимъ же рвеніемъ, флоты и войска. Казалось, вся война сосредоточится на этомъ островѣ. Аннибалъ не предпринималъ въ томъ году ничего рѣшительнаго. Напротивъ того, рабы, набранные вскорѣ послѣ сраженія при Каннахъ, и предводимые прошлогоднимъ консуломъ, Семпроніемъ Гракхомъ, разбили Аннона при Беневентѣ, и храбростью своею доставили Римлянамъ побѣду, а себѣ свободу. Фабій Максимъ снова покорилъ Казилинъ. Только въ 212 году, Аннибалъ овладѣлъ Тарентомъ, частію отъ измѣны, частію отъ небрежности римскаго полководца Ливія. Послѣдній заперся въ цитадели, которой Карѳагеняне не могли взять. Доколѣ Брундузій находился въ рукахъ Римлянъ, обладаніе Тарентомъ было вдвое важнѣе для Аннибала, въ особенности потому что изъ этой гавани онъ могъ имѣть легкое сообщеніе съ Филиппомъ Македонскимъ.

Доселѣ, однако же, сей Царь не совершилъ еще ничего значительнаго. Всѣ его попытки, утвердиться въ Иллиріи, были тщетны. Онъ овладѣлъ городомъ Орикомъ, но когда подступилъ къ Аполлоніи, римскій преторъ Валерій Левинъ подоспѣлъ съ флотомъ, и до того изумилъ Филиппа своимъ внезапнымъ появленіемъ, что Царь принужденъ былъ сжечь свои корабли, и отступить въ Македонію сухимъ путемъ (214). Вскорѣ послѣ того, Римляне заключили союзы съ Этолійцами, Элійцами, Лакедемонянами, Царемъ Атталомъ Пергамскимъ, также съ иллирійскими и ѳракійскими владѣтелями, которые всѣ ненавидѣли и страшились Филиппа. Эти непріятели обратили на себя все вниманіе Македонскаго Царя. Онъ уже не могъ помышлять

*) Впрочемъ такой общій духъ не могъ отвратить низкихъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ. Это доказываютъ слѣдствія, произведенныя надъ казенными откупщиками и поставщиками, которые вымывали кораблекрушенія, и увѣряли, что непріятель захватилъ ихъ суда, чтобы принудить казну вторично заплатить имъ за грузъ.

о войнѣ съ Римлянами, и долженъ былъ ограничиваться отраженіемъ нападеній на собственную свою страну.

Между тѣмъ, и въ другихъ мѣстахъ Римляне упорствомъ склоняли счастіе на свою сторону. Однимъ изъ важнѣйшихъ успѣшныхъ событій были осада и взятіе Сиракузъ консуломъ Марцелломъ. Въ этомъ городѣ жилъ тогда великій математикъ Архимедъ, котораго обширныя и глубокія знанія лучше всего явствуютъ изъ словъ, сказанныхъ имъ: «Дайте мнѣ способъ стать внѣ земли, и я сдвину ее съ мѣста.» Сей геніяльный мужъ оборонялъ городъ, со стороны моря и сухаго пути, самыми остроумными и сложными механическими изобрѣтеніями. Тѣла, бросаемыя имъ, наносили вредъ римскимъ кораблямъ, осаднымъ машинамъ и войскамъ. Онъ поднималъ, помощью машинъ, римскія суда на воздухъ, и потомъ низвергалъ въ море. Всѣ усилія Римлянъ противъ такой обороны оставались тщетными. Чрезъ восемь мѣсяцевъ, Марцеллъ былъ принужденъ снять осаду, и довольствоваться обложеніемъ города. Въ это время онъ употребилъ свои главныя силы для воспрепятствованія Карѳагенянамъ распространяться въ другихъ мѣстахъ острова. Только въ третьемъ году облежанія Сиракузъ (212), Марцеллъ, воспользовавшись бывшимъ въ городѣ празднествомъ, предпринялъ внезапное ночное нападеніе, и овладѣлъ частью города, Эпиполами. Не смотря на близость карѳагенскаго флота, онъ утвердился здѣсь, и покорилъ прочія части города, огражденныя особыми стѣнами. Сиракузы были преданы на разграбленіе, и съ тѣхъ поръ угасъ ихъ древній блескъ. Марцеллъ, обозрѣвая съ высоты сей прекраснѣйшій въ то время городъ *), проливалъ слезы, частію радуясь успѣху труднаго предпріятія, частію скорбя о паденіи знаменитаго города. Однако же онъ самъ лишилъ его изящнѣйшихъ украшеній, отправивъ въ Римъ великолѣпные памятники искусствъ. Онъ хотѣлъ, говоритъ одинъ историкъ, показать Грекамъ, что умѣетъ цѣнить ихъ искусства. Въ послѣдствіи, когда Римляне покоряли многіе греческіе города, этотъ невелико-

*) Urbem, omnium ferme illa tempestate pulcherrimam. Liv.

душный поступокъ нашелъ подражателей во всѣхъ побѣдоносныхъ полководцахъ, и Римъ до того наполнился превосходнѣйшими художественными произведеніями, что казался родиною искусствъ, чѣмъ онъ однако же никогда не бывалъ. При разграбленіи Сиракузъ, погибъ славный Архимедъ, къ крайней горести Марцелла, который желалъ спасти сего великаго мужа. По преданію, одинъ римскій воинъ, искавшій добычи, вбѣжалъ въ комнату Архимеда, и умертвилъ его. Математикъ чертилъ, въ это время, фигуры на пескѣ, покрывавшемъ полъ, и послѣдними его словами были: «Не тронь моихъ круговъ.»

Преторъ Валерій Левинъ, прославившійся въ войнѣ съ Филиппомъ Македонскимъ, былъ преемникомъ Марцелла въ Сициліи. Онъ напалъ на Агригентъ, единственный городъ, въ которомъ еще находился карѳагенскій гарнизонъ, и овладѣлъ имъ (210). Вся Сицилія подпала власти Римлянъ. Между тѣмъ, какъ они торжествовали здѣсь и въ Македоніи, въ Италіи военное счастіе колебалось. Семпроній Гракхъ попалъ въ засаду, и Римляне были разбиты Аннибаломъ въ двухъ сраженіяхъ, въ которыхъ, по собственному показанію, лишились двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ (212). Но консулы этого года, Кв. Фульвій Флаккъ и Аппій Клавдій Пульхеръ, нанесли пораженіе Аннону, и осадивъ Капуу, показали, что дѣла Рима и здѣсь подвигаются впередъ.

Только въ Испаніи Римляне, казалось, совершенно изнемогали. Въ послѣдніе два года Карѳагеняне очень усилились въ этой странѣ, и далеко оттѣснили Римлянъ. Въ 212 году Сципіоны рѣшились опять дѣйствовать наступательно, а такъ какъ на полуостровѣ находились два отдѣльныя карѳагенскія войска, они также раздѣлились. Послѣдствія были пагубны для Римлянъ. Въ самомъ началѣ П. Сципіонъ претерпѣлъ пораженіе, и самъ лишился жизни. Кн Сципіонъ, уже прежде покинутый всѣми Кельтиберами, составлявшими большую часть его войска, не имѣлъ теперь ни какой возможности сопротивляться соединеннымъ силамъ обоихъ карѳагенскихъ войскъ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти брата, онъ претерпѣлъ ту же участь.

Малое число бѣжавшихъ съ трудомъ спаслись за Эбро, и присоединились къ тамошнимъ римскимъ гарнизонамъ. Но когда Карѳагеняне подступили, чтобы истребить сіи послѣдніе остатки войска Сципіоновъ, одинъ римскій патрицій, Л. Марцій, явилъ, среди всеобщаго отчаянія, неустрашимость, достойную великаго полководца. Онъ собралъ всѣ уцѣлѣвшія войска, возбудилъ въ нихъ бодрость, и счастливо отразилъ Карѳагенянъ. Такимъ образомъ, онъ удержалъ за Римлянами точку опоры въ Испаніи *), весьма имъ важную, какъ для того, чтобы снова приступить къ завоеванію сей страны, такъ и для постановленія препятствій Аздрубалу, который намѣревался провести вспомогательное войско въ Италію. Пока Аздрубалъ не исполнитъ этого, Аннибалъ былъ принужденъ употреблять всѣ свои усилія, чтобы только удерживаться въ Италіи, и не давать перевѣса Римлянамъ. Въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Аннибалъ достигъ этого, но теперь ему недоставало средствъ, чтобы дѣйствовать наступательно и предпринять что либо рѣшительное.

Между тѣмъ, Римляне продолжали осаду Капуи (211). Фульвій и Клавдій все еще начальствовали осаднымъ войскомъ, не смотря на то, что истекъ годовой срокъ ихъ консульства. Городъ претерпѣвалъ все большую нужду, и Аннибалъ пытался его освободить. Но онъ тщетно старался выманить или выгнать Аппія изъ укрѣпленій. Между тѣмъ, недостатокъ корма для лошадей не позволялъ ему долго оставаться въ опустошенной странѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ карѳагенскій полководецъ рѣшился внезапно двинуться на Римъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе освободить Капуу: онъ полагалъ, что осадное войско будетъ непремѣнно отозвано для защиты столицы. Появленіе его дѣйствительно

*) При этомъ случаѣ, римскій сенатъ явилъ замѣчательное уваженіе къ достоинству законовъ, нарушенныхъ властью воиновъ. Марцій, донося о сихъ событіяхъ, называлъ себя пропреторомъ, званіе, данное ему войскомъ. Сенатъ лишилъ его этого титула, ибо предводители должны быть избираемы не воинами, а народомъ. Времена имперіи представляютъ разительную противоположность этой строгости.

возбудило общій страхъ въ народѣ, но сенатъ, проникнувшій его намѣреніе, не отзывалъ войска изъ подъ Капуи. Къ счастью, консулы составили два новые легіона, такъ что въ воинахъ не было недостатка, и можно было обойтись безъ осаднаго войска. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, Аннибалъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, долженъ былъ воротиться, разоривъ и опустошивъ окрестныя земли. Капуа покорилась Римлянамъ. Они наказали ее за отпаденіе, съ чрезвычайною строгостью: Фульвій Флаккъ казнилъ большую часть сенаторовъ и другихъ знатныхъ людей, противъ воли римскаго сената, котораго письменное повелѣніе о помилованіи онъ распечаталъ уже послѣ суда. Изъ прочихъ гражданъ многіе были проданы въ рабство. Самый городъ, который, по свидѣтельству древнихъ писателей, равнялся обширностью Риму и Карѳагену, не былъ разоренъ, потому что правительство хотѣло сохранить домы для помѣщенія воздѣлывателей богатыхъ капуанскихъ полей, забранныхъ въ казну. Но городъ уже не составлялъ болѣе самостоятельной общины: съ сихъ поръ, начальство надъ нимъ было поручаемо префекту, посылаемому изъ Рима. Надѣялись, что страхъ, возбужденный симъ наказаніемъ, заставитъ покориться всѣхъ отложившихся отъ Рима. Карѳагеняне, не имѣвшіе возможности спасти Капуу, лишились довѣрія въ Италіи.

Еще рѣшительнѣйшій перевѣсъ пріобрѣли Римляне въ Испаніи. Карѳагенскіе полководцы воспользовались своими важными побѣдами въ сей странѣ, чтобы снова смирить отпавшіе испанскіе народы. Но въ послѣдствіи возникли между ими раздоры; они разсѣяли свои силы по всей странѣ, безъ цѣли, безъ общаго плана, поступали съ тамошними владѣльцами жестоко и самопроизвольно, и пренебрегли изгнаніемъ изъ полуострова, или истребленіемъ остатковъ римскаго войска. Римляне вздумали воспользоваться сими обстоятельствами, чтобы снова восторжествовать въ Испаніи, въ которой, казалось, должна была рѣшиться участь всей войны. Но выборъ полководца, способнаго для исполненія сего плана, былъ чрезвычайно затруд-

нителенъ, и сенатъ положилъ предоставить его народу. Полагали, что тотъ, кто чувствуетъ себя въ силахъ исполнить сіе трудное порученіе, явится самъ, но это ожиданіе оказалось напраснымъ. Граждане печально смотрѣли другъ на друга, и уже начинали громко роптать на отчаянное положеніе республики: никто изъ извѣстныхъ мужей въ государствѣ не дерзалъ принять главнаго начальства въ Испаніи. Тогда внезапно явился двадцатичетырехлѣтній П. Корнелій Сципіонъ, сынъ П. Сципіона, убитаго въ Испаніи, и объявилъ, что принимаетъ на себя сіе трудное дѣло. Онъ немедленно былъ избранъ всѣми центуріями. Хотя, послѣ зрѣлаго обсужденія, его молодость и дурное предзнаменованіе, что поприщемъ его дѣяній будетъ страна, которая скрываетъ въ себѣ прахъ его отца и дяди, возбуждали нѣкоторую нерѣшительность, но умная рѣчь Сципіона снова исполнила всѣхъ слушателей мужествомъ и надеждою, которыя одушевляли его самого. Къ тому же, въ народѣ ходило объ немъ преданіе, какъ объ Александрѣ, что онъ происходитъ отъ боговъ, и бываетъ съ ними въ особенныхъ сношеніяхъ. Къ этому преданію подало поводъ его обыкновеніе посѣщать, каждый день, Капитолинскій Храмъ, и часто оставаться тамъ въ уединеніи. Сципіонъ не опровергалъ этого мнѣнія. Онъ считалъ благодѣтельнымъ и полезнымъ увѣренность народа, будто бы боги удостоиваютъ его особеннаго покровительства, и выдавалъ свои повелѣнія или совѣты за внушенія свыше.

Прибывъ въ Испанію, съ подкрѣпленіемъ въ одиннадцать тысячъ человѣкъ, онъ началъ дѣйствовать такъ рѣшительно, что возбудилъ въ своихъ подчиненныхъ довѣренность, которая вскорѣ превратилась въ энтузіасмъ. Весною слѣдующаго года (210), онъ перешелъ чрезъ Иберъ, и немедленно одержалъ важный успѣхъ. Внезапнымъ нападеніемъ онъ отнялъ у непріятеля Новый Карѳагенъ, средоточіе его владычества въ Испаніи, въ которомъ хранились карѳагенское оружіе, военная казна и аманаты изъ всей Испаніи. Богатая добыча доставила ему удобное средство къ продолженію войны. Онъ отпустилъ заложниковъ, и свойственными ему умѣренностью и кротостью, въ особен-

ности великодушнымъ обращеніемъ съ плѣнными женщинами, привлекъ къ себѣ сердца испанскихъ народовъ, такъ что двое могущественнѣйшихъ туземныхъ царей перешли на сторону Римлянъ.

Въ Нижней Италіи, Марцеллъ и Фабій Максимъ также одержали значительный успѣхъ надъ Аннибаломъ. Въ 209, упорство перваго изъ нихъ, послѣ проиграннаго сраженія, доставило ему, на третій день, побѣду при Канузіи, и побудило Аннибала воскликнуть: «Вотъ непріятель, котораго не успокоиваютъ ни счастіе, ни несчастіе! Побѣдитель, онъ сильно преслѣдуетъ побѣжденныхъ; пораженный, онъ возобновляетъ бой съ побѣдителемъ.» Аннибалъ былъ принужденъ отступить въ земли Бруттіевъ, и Фабій Максимъ, избранный въ этомъ году въ пятый разъ въ консулы, могъ спокойно осадить Тарентъ. Римляне еще держались въ цитадели. Они подкупили въ городѣ нѣсколькихъ измѣнниковъ, и консулъ овладѣлъ имъ безъ труда. При этомъ случаѣ Тарентъ, подобно Сиракузамъ, лишился остатковъ своего древняго богатства. Добыча Рима простиралась до трехъ тысячъ талантовъ. Ливій разсказываетъ, что Фабій, на вопросъ, какъ поступить съ статуями, отвѣчалъ какъ древній Римлянинъ: «Оставьте Тарентинцамъ ихъ разгнѣванныхъ боговъ.»

Слѣдующій годъ (208) ознаменованъ былъ кончиною славнаго М. Марцелла, который тогда, на шестидесятомъ году отъ рожденія, былъ въ пятый разъ консуломъ. Онъ соединился съ своимъ товарищемъ, Т. Квинкціемъ Криспиномъ, между Банціею и Венузіею, чтобы вступить въ новое сраженіе съ Аннибаломъ. Оба предводителя выѣхали для обозрѣнія мѣстности и непріятельскаго расположенія; вдругъ напали на нихъ нумидійскіе всадники, бывшіе въ засадѣ. Криспинъ былъ смертельно раненъ, а Марцеллъ заплатилъ жизнію за неосторожность и смѣлость, съ какими подвергался опасности. Аннибалъ смотрѣлъ долго и съ горестью на трупъ, который, по его приказанію, былъ погребенъ со всѣми приличными почестями.

Потеря Марцелла была тѣмъ чувствительнѣе, что въ слѣдующемъ году Аздрубалъ наконецъ явился въ Испаніи,

не смотря на то, что послѣ покоренія Новаго Карѳагена, Сципіонъ, которому сенатъ ввѣрилъ главное начальство въ Испаніи на неопредѣленное время, продолжалъ дѣйствовать съ прежнимъ счастіемъ. Подкрѣпленный тамошними владѣльцами, Сципіонъ разбилъ Аздрубала при Бекулѣ. Эта побѣда до того усилила любовь къ нему испанскихъ народовъ, что они предложили ему званіе царя, но Сципіонъ отказался отъ этой чести, какъ римскій гражданинъ.

Кажется, сія привязанность туземцевъ къ Римлянамъ была одною изъ причинъ, заставившихъ Аздрубала оставить сію страну съ своими испанскими войсками, и привести въ исполненіе свой давнишній планъ, перейти въ Италію и соединиться съ братомъ *). Аздрубалъ обнаружилъ, при этомъ случаѣ, всѣ свои воинскія дарованія: не смотря на претерпѣнное имъ пораженіе, которое заставило его отступить далеко внутрь страны, онъ снова собралъ свои силы, обманулъ Сципіона, вѣроятно занятаго двумя другими карѳагенскими полководцами, и перешелъ чрезъ Пиренеи. Онъ прошелъ чрезъ Галлію и по Альпамъ скорѣе и съ меньшимъ трудомъ, нежели его братъ, вступилъ въ Верхнюю Италію, и угрожалъ Риму новою, страшною опасностью. Между тѣмъ, италійскіе народы, остававшіеся вѣрными Риму, доведенные до крайности продолжительною и опустошительною войною, отказывались отъ дальнѣйшаго въ ней участія. Двѣнадцать римскихъ колоній не хотѣли болѣе поставлять людей и платить необходимыя деньги. Надлежало ожидать еще большихъ движеній, если Аздрубалъ снова возбудитъ неудовольствіе покоренныхъ, въ особенности Этрусковъ и Умбровъ.

---

*) Конечно, можно спросить, почему онъ не исполнилъ этого прежде, когда обстоятельства были несравненно благопріятнѣе. У. Бекеръ, въ своихъ матеріялахъ къ Исторіи Второй Пунической Войны, отвергаетъ мысль, будто бы Аздрубалъ давно составилъ сей планъ, и вообще доказываетъ, что карѳагенское правительство никогда не имѣло такого намѣренія. По его мнѣнію, правительство желало только удержать за собою Испанію, и оба брата, Аннибалъ и Аздрубалъ, предпринимали вторженія въ Италію противъ воли Карѳагена.

Но и отъ этого бѣдствія Римъ былъ спасенъ своимъ счастіемъ и своевременною смѣлостью консула К. Клавдія Нерона. Между тѣмъ, какъ товарищъ его, М. Ливій Салинаторъ, долженъ былъ отражать Аздрубала изъ Умбріи, Неронъ наблюдалъ за Аннибаломъ между Грументомъ и Венузіею. Оба консула старались воспрепятствовать соединенію карѳагенскихъ полководцевъ, которое, какъ узнали изъ перехваченныхъ писемъ Аздрубала, должно было произойти въ Умбріи. Неронъ принялъ смѣлое и неожиданное намѣреніе соединить оба римскія войска, и этими силами истребить Аздрубала. Быстро и скрытно выступилъ онъ, съ отборною частію своего войска, изъ Апуліи, оставивъ одного легата *), съ остальными войсками, противъ Аннибала, который, въ это рѣшительное мгновеніе, былъ дѣйствительно обманутъ. На телѣгахъ и вьючныхъ животныхъ Неронъ прибылъ, чрезъ шесть дней, въ лагерь Ливія, при Сенѣ, усиливъ на пути свое войско охотниками. Аздрубалъ замѣтилъ намѣреніе Римлянъ, и хотѣлъ перейти за Метавръ. Но консулы поспѣшно послѣдовали за нимъ, и принудили его къ сраженію. Аздрубалъ не посрамилъ славы своего отца и брата. Но Неронъ рѣшилъ сраженіе, ударивъ въ Карѳагенянъ съ тылу. Аздрубалъ, увидѣвъ, что войско его совершенно разбито, бросился въ средину непріятелей, и нашелъ смерть сражаясь.

Когда извѣстіе объ этой великой побѣдѣ достигло Рима, трепетавшаго въ ожиданіи, ему сначала вовсе не хотѣли вѣрить, пока не было получено подтвердительнаго посланія побѣдоносныхъ полководцевъ: оно возбудило неограниченный восторгъ. Казалось, пишетъ Полибій, будто самого Аннибала изгнали изъ Италіи. Такъ какъ сраженіе происходило въ провинціи Ливія, консулъ былъ удостоенъ тріумфа, и вступилъ въ столицу на торжественной колесницѣ, сопровождаемый своимъ войскомъ. Неронъ же ѣхалъ верхомъ, безъ войска. Однако же взоры всѣхъ были устремлены на Нерона: его смѣлому предпріятію, искусно исполнен-

*) Такъ назывались помощники намѣстниковъ въ провинціяхъ и главныхъ полководцевъ на войнѣ.

ному, должно приписать весь успѣхъ: онъ былъ истиннымъ героемъ того торжественнаго дня. Вскорѣ послѣ сраженія, онъ возвратился къ войску, наблюдавшему за Аннибаломъ. Онъ приказалъ бросить голову Аздрубала предъ непріятельскими передовыми постами, и послалъ къ Аннибалу двухъ плѣнныхъ Африканцевъ. Карѳагенскій полководецъ, объятый глубочайшею печалью, воскликнулъ: «Вижу гибель Карѳагена!» и снова удалился въ землю Бруттіевъ, на самую оконечность Италіи.

27. П. Корнелій Сципіонъ Африканскій.

Если первые годы войны представляютъ намъ Карѳагенъ въ полномъ блескѣ торжества и счастія, а послѣдующіе равновѣсіе между воюющими государствами, то со времени гибели Аздрубала начинается третій періодъ войны, въ которомъ Римъ пожинаетъ плоды своего упорства, и одерживаетъ надъ врагомъ рѣшительнѣйшую побѣду, благодаря преимущественно уму и подвигамъ Сципіона.

Успѣхъ цѣлой войны зависѣлъ въ особенности отъ борьбы на Пиренейскомъ Полуостровѣ. Здѣсь, послѣ событій, уже разсказанныхъ нами, Римляне оттѣснили другаго Аздрубала, сына Гисгонова, до Гадеса. Но такъ какъ, по словамъ Ливія, Испанія, по свойству своей мѣстности и нравамъ жителей, болѣе чѣмъ всякая другая страна способна къ безпрестанному возобновленію войны, то Аздрубалъ и другой братъ Аннибала, Магонъ, вскорѣ опять собрали новое многочисленное войско, несравненно превосходившее числомъ силы Сципіона. Не смотря на то, римскій полководецъ напалъ на враговъ близъ Бетиса (Гвадалкибира), и мудрыми своими распоряженіями одержалъ полную побѣду. Карѳагенское войско, отъ котораго всѣ испанскіе союзники немедленно отдѣлились, было почти совершенно истреблено при отступленіи, и оба предводителя его съ трудомъ спаслись въ Гадесъ (206).

Отсюда Аздрубалъ поспѣшилъ въ Африку, къ Царю Сифаксу, (который тогда былъ въ мирѣ съ Карѳагеномъ),

и встрѣтился у него съ Сципіономъ, также прибывшимъ туда, не смотря на опасность такого предпріятія, съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и Аздрубалъ, чтобы привлечь Царя на свою сторону. Масинисса, о которомъ мы уже упоминали, сражался до сихъ поръ въ Испаніи, въ рядахъ Карѳагенянъ, но, послѣ сраженія при Бетисѣ, также вступилъ въ переговоры съ Римлянами. Отъ этого возникло, между Римомъ и Карѳагеномъ, состязательство въ искусствѣ вести переговоры, которыхъ успѣхъ обнаружился только въ послѣдствіи. Сципіонъ счастливо возвратился въ Испанію, и приступилъ къ покоренію городовъ, которые сопротивлялись Римлянамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по привязанности своей къ Карѳагену и ненависти къ Риму, не могли ожидать снисхожденія; они были покорены послѣ самаго упорнаго сопротивленія. Жители Астапы прибѣгли къ отчаянному средству, чтобы предупредить врага въ разореніи города и въ умерщвленіи его обитателей. Они сложили всѣ свои драгоцѣнности на огромный костеръ, посреди города, помѣстили на немъ своихъ женъ и дѣтей, и приставили къ нему стражей, которымъ приказали, въ то самое мгновеніе, когда оборона города сдѣлается безполезною, истребить все, надъ чѣмъ непріятель могъ бы обнаружить свою ярость. Потомъ мужи вышли навстрѣчу Римлянамъ, и пали, сражаясь и отмстивъ за себя, а внутри города женщины и дѣти погибли отъ меча своихъ; наконецъ, всѣ оставшіеся бросились въ пылающее пламя. Въ разные періоды своей исторіи, Испанія представляла особенно замѣчательные и блистательные примѣры безпредѣльнаго мужества въ оборонѣ городовъ, и геройскаго самопожертвованія въ непосредственномъ бою за родныя пепелища.

Въ одномъ Гадесѣ еще держался Магонъ, полагая надежду на нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства. Въ римскомъ лагерѣ, въ то время, какъ Марцій начальствовалъ за болѣзнію Сципіона, отдававшаго ему первенство предъ другими предводителями, вспыхнуло возмущеніе между воинами. Въ то же время, испанскіе владѣтели, Индибилъ и Мандоній, начали новую войну. Они оставили было Карѳагенянъ и перешли къ Римлянамъ, но теперь, обманутые въ своихъ часто-

любивыхъ надеждахъ, видя, что независимость ихъ народа если еще не совершенно исчезла, то по крайней мѣрѣ подверглась значительной опасности, они снова приняли сторону Карѳагенянъ. Однако же Сципіонъ воспрепятствовалъ распространенію сихъ бѣдствій, и Магонъ наконецъ оставилъ Гадесъ, по повелѣнію карѳагенскаго сената. Ему предписано было отплыть въ Верхнюю Италію, вооружить, помощью значительныхъ суммъ, Лигуровъ и Галловъ, и еще разъ напасть на Римлянъ съ сѣвера. Онъ удалился изъ Испаніи, и зимовалъ на Балеарскихъ Островахъ. Сципіонъ также оставилъ сію страну, хотя совершенно очищенную Карѳагенянами, но еще принадлежавшею туземнымъ народамъ, и возвратился въ Римъ. Онъ привезъ съ собою большую сумму денегъ монетою и четырнадцать тысячъ фунтовъ серебряныхъ слитковъ. Нельзя полагать, чтобы онъ покинулъ свою провинцію безъ повелѣнія изъ Рима, и потому вѣроятно, что онъ былъ отозванъ, по настоянію своихъ многочисленныхъ противниковъ и завистниковъ въ сенатѣ. Но народъ, страстно его любившій, въ несмѣтномъ числѣ толпился въ избирательныхъ комиціяхъ, чтобы назначить его консуломъ на слѣдующій годъ (205).

Сципіонъ помышлялъ о новомъ великомъ предпріятіи. Онъ хотѣлъ окончить войну такъ же смѣло, какъ Аннибалъ ее началъ, именно вторженіемъ въ самую Африку. Составивъ сей планъ еще въ Испаніи, онъ уже завязалъ сношенія съ Нумидійскими Царями Сифаксомъ и Масиниссою. Товарищъ его, Лициній Крассъ Дивесъ, былъ въ то время первосвященникомъ (pontifex maximus), и можетъ быть, по этому самому былъ избранъ въ консулы, ибо въ семъ званіи онъ не могъ оставлять Италіи. Ему поручено было вести войну противъ Аннибала, въ Нижней Италіи, а Сципіону отдана въ вѣдомство Сицилія, и дозволено переправиться съ острова въ Африку, если онъ почтетъ это полезнымъ для республики (205). Сіе дозволеніе было получено не безъ сильнаго сопротивленія. Фабій Максимъ, частію изъ осторожности, частію изъ зависти и нерасположенія къ Сципіону, старался всячески опровергнуть его, и большая часть сената раздѣляла его мнѣніе. Изъ тѣхъ же

презрѣнныхъ видовъ, находившихъ благовидный предлогъ въ истощеніи государства, Сципіону отказали въ легіонахъ, корабляхъ и военныхъ потребностяхъ, необходимыхъ для совершенія его великаго предпріятія. Но при этомъ случаѣ Сципіонъ показалъ, какими способами обладаетъ великій и въ то же время кроткій духъ, для властвованія надъ умами людей. Онъ обратился къ италійскимъ союзникамъ, и они поспѣшили снабдить его всѣми потребностями. Этрурскіе города пожертвовали избытками своей, страны желѣзомъ, лѣсомъ, холстомъ и оружіемъ, для снаряженія флота; воинственные Умбры, Сабиняне, Марсы, Пелигны поставили многочисленныя дружины охотниковъ: Сципіонъ не получалъ и не просилъ позволенія на дѣйствительный наборъ. И все это производилось съ такою быстротою, что въ сорокъ пять дней были вновь построены и снаряжены тридцать судовъ. Сципіонъ переправился въ Сицилію, между тѣмъ какъ Магонъ, отплывъ съ Балеарскихъ Острововъ, на тридцати военныхъ судахъ, съ двѣнадцатью тысячами пѣхоты и двумя тысячами конницы, явился предъ Генуею, и немедленно овладѣлъ симъ городомъ. Лигуры и Галлы приходили къ нему со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ, какъ оба государства приводили въ движеніе свои силы для наступательныхъ дѣйствій, Аннибалъ стоялъ твердо и спокойно въ землѣ Бруттіевъ. Не смотря на стѣсненное свое положеніе, онъ былъ страшенъ, и Римляне не дерзали нападать на него, когда онъ оставался спокойнымъ. По сей причинѣ, какъ годъ паденія Аздрубала, такъ и слѣдующій, прошли здѣсь въ бездѣйствіи. Къ тому же, въ послѣднее время, болѣзнь, равно опасная для Римлянъ и для Карѳагенянъ, препятствовала веденію войны. Римляне только покорили вновь Луканію.

Война въ Греціи также почти вовсе не обращала на себя вниманія Римлянъ, и Этолійцы, стѣсненные Царемъ Македонскимъ, заключили миръ какъ съ нимъ, такъ и съ его союзниками, Ахейцами, Віотійцами, Акарнанянами, Эпиротами и съ Виѳинскимъ Царемъ Прузіемъ. Къ этому миру приступили и Римляне, съ своими союзниками, Ца-

рями Плевратомъ Иллирійскимъ и Атталомъ Пергамскимъ, Аѳинянами, Лакедемонянами и проч. Они удовольствовались нѣсколькими владѣніями на иллирійскомъ берегу, и предоставили Грецію Филиппу, обративъ все свое вниманіе на войну съ Карѳагеномъ.

Сципіонъ занимался, въ продолженіе всего года, въ Сициліи, вооруженіями и приготовленіями, и отложилъ нападеніе на Африку до слѣдующаго лѣта (204). Главное начальство его было продолжено, но казалось, что теперь все предпріятіе его будетъ разрушено вліяніемъ боязливыхъ и недовольныхъ. Они воспользовались насильственными поступками его легата, Племинія, при взятіи въ истекшемъ году Локръ, и подали жалобы на самого Сципіона, присоединивъ къ нимъ личные противъ него упреки. Онъ ходитъ, говорили, по гимназіямъ въ греческой одеждѣ, и занимается книгами и греческими упражненіями. Все его войско, столь же лѣнивое и изнѣженное, какъ и онъ самъ, наслаждается удовольствіями Сиракузъ, а Карѳагенъ и Аннибалъ совершенно забыты. Два народные трибуна, съ однимъ преторомъ и десятью легатами, были посланы въ Сицилію, чтобы изслѣдовать сіи обвиненія на мѣстѣ, и въ случаѣ ихъ справедливости, отрѣшить Сципіона, и привезти его въ Римъ. Но Сципіонъ оказался совершенно невиновнымъ, не только въ поступкахъ Племинія, но и въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ упрекамъ. Онъ представилъ посланнымъ войско и флотъ, которые производили предъ ними искусныя движенія, показалъ имъ всѣ запасы оружія, хлѣба и другихъ потребностей, собранные имъ между тѣмъ, и привелъ трибуновъ въ изумленіе. Сіи обвиненія должно приписать сопротивленію старинныхъ римскихъ идей греческимъ нововведеніямъ, которыя, около сего времени, начали замѣтно распространяться. Сципіонъ являлъ въ себѣ превосходнѣйшее соединеніе духа римскаго съ греческимъ, въ такой соразмѣрности, какой Римъ никогда не долженъ былъ нарушать. Фабій Максимъ былъ, въ этомъ отношеніи, также его противникомъ, какъ и врагомъ Марцелла.

Теперь Сципіонъ приступилъ къ дѣлу. Онъ посадилъ войско на суда въ Лилибейской Гавани, и, послѣ двухднев-

наго плаванія, вышелъ на берегъ близъ Утики. Въ то время Карѳагеняне привлекли совершенно на свою сторону Сифакса, отдавъ за него въ замужство прекрасную Софонисбу, дочь Аздрубала Гискона. Но этимъ они возбудили сильный гнѣвъ въ Масиниссѣ, которому Софонисба уже прежде была обѣщана. Онъ тайно велъ переговоры съ Римлянами, и когда они вышли на берегъ, присоединился къ Сципіону. Значительный отрядъ карѳагенской конницы былъ истребленъ Римлянами и Нумидійцами Масиниссы. Сципіонъ распространялся все болѣе въ этой странѣ, и осадилъ Утику. Однако же сей городъ не сдавался, и такъ какъ Сифаксъ привелъ къ Карѳагенянамъ значительное подкрѣпленіе, то Сципіонъ принужденъ былъ отступить къ морю, и зимовать на одномъ мысу, на которомъ обложилъ его непріятель. Чтобы отрѣзать Римлянамъ сообщеніе моремъ, Карѳагеняне снаряжали новый флотъ.

Такимъ образомъ, дѣла, казалось, опять запутывались, и успѣхъ становился вторично весьма сомнительнымъ. Но Сципіонъ пристыдилъ боязнь Римлянъ, и разрушилъ надежды Карѳагенянъ великимъ подвигомъ. Полибій называетъ этотъ поступокъ отличнѣйшимъ и самымъ смѣлымъ дѣяніемъ сего героя. Во всю зиму происходили частые переговоры между Сципіономъ и Сифаксомъ, но въ то время, когда послѣдній желалъ быть посредникомъ въ заключеніи мира, первый устремился совершенно къ другой цѣли. Извѣстясь, что войска Аздрубала и Сифакса, въ числѣ ста тысячъ человѣкъ, стоятъ въ двухъ отдѣльныхъ лагеряхъ, въ шалашахъ, построенныхъ изъ дерева и тростника, Сципіонъ рѣшился произвести ночное нападеніе, зажечь сіи станы, и по возможности воспользоваться неизбѣжнымъ при томъ замѣшательствомъ. Римскіе военачальники, переодѣвшись въ платье рабовъ, сопровождали переговорщиковъ о мирѣ, и заранѣе осмотрѣли все въ подробности. Предпріятіе удалось совершенно, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Въ полночь Римляне зажгли непріятельскій станъ. Пламя уже далеко распространилось, когда Африканцы, испуганные посреди сна, и не подозрѣвая непріятеля, вскочили полунагіе и безоружные, и въ величайшемъ безпорядкѣ искали

средствъ къ потушенію пожара. Внезапно увидѣли они себя посреди наступающихъ Римлянъ. Тысячи нашли страдальческую смерть, въ огнѣ, тысячи пали отъ меча. Сифаксъ и Аздрубалъ спаслись съ нѣсколькими всадниками (203).

Сіе неожиданное бѣдствіе привело карѳагенскій сенатъ въ ужасъ и неудомѣніе: казалось, оставалось только призвать Аннибала изъ Италіи, или просить у Римлянъ мира. Но Сифаксъ, побуждаемый просьбами Софонисбы къ новымъ усиліямъ, опять ободрилъ Карѳагенянъ. Они еще болѣе были обнадежены прибытіемъ десяти тысячъ воинственныхъ Кельтиберовъ, которые оставили свое отечество, чтобы, сражаясь за Карѳагенянъ, насытить свою страсть къ добычѣ и удовлетворить ненависти къ Риму. Тогда Карѳагеняне дерзнули опять явиться противъ Римлянъ въ открытомъ полѣ, но опять были разбиты, не смотря на мужество Кельтиберовъ, которые сражались, не имѣя ни какой надежды на пощаду со стороны Римлянъ. Сія побѣда была для Римлянъ тѣмъ рѣшительнѣе что Сифаксъ, преслѣдуемый Масиниссою и легатомъ Сципіона, Леліемъ, былъ захваченъ въ плѣнъ, и большая часть городовъ внутри Африки, утомленныхъ разорительною и тяжкою войною, добровольно отворили ворота Римлянамъ. Между тѣмъ, Карѳагеняне предприняли нападеніе на римскій флотъ, стоявшій при Утикѣ, но оно не имѣло успѣха, въ слѣдствіе хорошихъ распоряженій Сципіона. Послѣ такихъ неоднократныхъ неудачъ, Аннибалъ и Магонъ были призваны изъ-за границы въ Африку, для защиты родныхъ пепелищъ. Карѳагеняне пытались также завязать мирные переговоры съ Сципіономъ и съ Римомъ, но только для того, чтобы выиграть время до прибытія Аннибала. Еще прежде, Лелій возвратился въ Римъ, съ Сифаксомъ и другими знатными нумидійскими плѣнными; явились также послы Масиниссы, и требовали утвержденія царскаго достоинства, возложеннаго Сципіономъ на ихъ властителя. Радость и восторгъ, возбужденные въ Римѣ всѣми сими событіями, не имѣли предѣловъ. Преторъ немедленно повелѣлъ отворить всѣ храмы, чтобы каждый могъ удовлетворить своему желанію принесеніемъ благода-

ренія богамъ. Посламъ Масиниссы сенатъ отвѣчалъ, что онъ утверждаетъ все, сдѣланное въ пользу Царя Сципіономъ. Какъ послы, такъ и Масинисса, получили подарки. Но уполномоченные Карѳагенянъ должны были возвратиться, не только не заключивъ мира, но и едва удостоившись отвѣта.

Магонъ встрѣтилъ римское войско въ землѣ Инсубровъ, и былъ разбитъ, послѣ храбрѣйшаго сопротивленія. Тяжело раненый, онъ былъ принесенъ къ морскому берегу. Здѣсь получилъ онъ повелѣніе изъ Карѳагена, и посадилъ свое войско на суда, но умеръ отъ раны, еще на сардинскихъ водахъ. Аннибалъ, съ того времени, какъ мы въ послѣдній разъ о немъ говорили, показалъ въ несчастіи еще болѣе величія, нежели въ счастіи. Имѣя подъ своимъ начальствомъ войско, составленное изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, которое сражалось только для пріобрѣтенія добычи и изъ жалованья, онъ держался однако же, до сихъ поръ, противъ Римлянъ, стѣсненный на бруттійской оконечности Италіи, и въ станѣ его не было никогда ни малѣйшаго возмущенія. П. Семпроній Тудитанъ, бывшій консуломъ въ 204 году, заключившій предъ тѣмъ миръ съ Филиппомъ, и отличившійся въ сраженіи при Каннахъ, въ званіи трибуна, былъ даже разбитъ Аннибаломъ, и могъ поправить дѣла только при помощи свѣжихъ войскъ. Въ слѣдующемъ (203) году, Аннибалъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Африку.

Почти изнемогая отъ самыхъ горестныхъ чувствованій, герой былъ принужденъ покинуть Италію, въ которой держался шестнадцать лѣтъ, и притомъ въ самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Онъ возвращался не побѣдителемъ Римлянъ, но отозванный стѣсненнымъ отечествомъ, котораго онъ былъ послѣднимъ утѣшеніемъ, послѣднею надеждою. Но Римъ также не могъ еще предаваться полной радости: онъ припоминалъ слова, скончавшагося около того же времени, Фабія Максима, что Аннибалъ сдѣлается дѣйствительно страшнымъ врагомъ только въ собственной своей странѣ, и предавался сомнѣнію, не увѣренный, чтобы Сципіонъ могъ счастливо продолжать войну, столь опасную въ

его положеніи, съ Аннибаломъ и его войскомъ, обагренными кровью многихъ римскихъ консуловъ. Римъ и Карѳагенъ ожидали, съ одинаковою заботливостью, окончанія войны въ Африкѣ. Аннибалъ, послѣ кратковременной переправы, возвратился въ отечество, и вышелъ на берегъ въ Лептисѣ.

Замѣчателенъ, при семъ случаѣ, поступокъ римскаго сената съ однимъ консуломъ, вышедшимъ за предѣлы ввѣренной ему власти. Кн. Сервилію Цепіону, бывшему въ семъ году консуломъ, было поручено войско въ землѣ Бруттіевъ. Вообразивъ себѣ, что Аннибалъ бѣжалъ въ Африку отъ страха, внушеннаго ему Римлянами, консулъ хотѣлъ довершить свою мнимую побѣду, преслѣдуя бѣгущаго по морю. Но симъ предпріятіемъ онъ вошелъ въ округъ, предоставленный Сципіону. Это обстоятельство подало поводъ къ назначенію диктатора, который своею высшею властью повелѣлъ ему возвратиться. Консулы слѣдующаго года (202) старались также получить начальство въ Африкѣ, видя съ завистью и съ негодованіемъ, что самое лестное порученіе находится въ рукахъ другаго, который предводительствуетъ войскомъ вопреки обычаю. Сенатъ былъ принужденъ послать въ Африку консула Тиб. Клавдія Нерона, и предоставить ему равную власть съ Сципіономъ. Но бури носили Нерона по морю, и годъ его консульства прошелъ, прежде нежели онъ достигъ Африки.

28. Битва при Замѣ. Конецъ войны.

(202 — 201 до Р. Х., 552 — 553 отъ основ. Рима.)

Аннибалъ двинулся изъ Лептиса, чрезъ Адруметъ, къ Замѣ, и здѣсь, въ пяти дняхъ пути отъ Карѳагена, встрѣтился съ римскимъ войскомъ. Римскіе передовые посты захватили трехъ его лазутчиковъ, и привели къ Сципіону. Сей полководецъ приказалъ провести ихъ по своему стану, и показавъ имъ все, отослалъ къ Аннибалу. Они разсказали, что именно въ тотъ день Масинисса присоединился къ Римлянамъ, съ десятью тысячами человѣкъ. Но еще болѣе того обезпокоивало Аннибала равнодушіе непріятельскаго предводителя. И такъ онъ вознамѣрился испытать, нельзя ли будетъ избѣжать сраженія, и заключить миръ

при личномъ свиданіи. Сципіонъ принялъ его предложеніе. Аннибалъ изъявилъ желаніе, чтобы Римъ не распространялъ своей власти внѣ Италіи, а Карѳагенъ внѣ Ливіи, то есть за предѣлы, указанные обоимъ государствамъ судьбою. Онъ напомнилъ Сципіону о перемѣнчивости счастія, столь очевидномъ на немъ самомъ, побѣдителѣ при Каннахъ, и обѣщалъ, именемъ Карѳагена, отказаться отъ Испаніи и всѣхъ острововъ, лежащихъ между Африкою и Италіею, но Сципіонъ требовалъ безусловнаго смиренія, и это свиданіе не имѣло ни какихъ послѣдствій. Съ глубокою печалью возвратился Аннибалъ къ войскамъ, и потребовалъ отъ нихъ всѣхъ усилій, упомянувъ о судьбѣ, какая ожидаетъ ихъ женъ и дѣтей, если они уступятъ врагу. Сципіонъ также представилъ своимъ воинамъ важность настоящаго мгновенія. Произошла рѣшительная, важная послѣдствіями битва при Замѣ (202). Аннибалъ претерпѣлъ совершенное пораженіе, и только съ малою частью своего войска спасся въ Адрумегъ. Однако же Полибій даетъ ему лестное свидѣтельство, что въ этотъ бѣдственный день онъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ одержать побѣду. Должно полагать, что причинами его пораженія были малочисленность и худшее образованіе карѳагенскаго войска въ сравненіи съ римскимъ; онъ тщетно старался замѣнить сіи недостатки слонами.

Аннибалъ, снова узрѣвъ на сорокъ шестомъ году отъ роду свое отечество, которое оставилъ девятилѣтнимъ отрокомъ, убѣждалъ своихъ согражданъ принять миръ, безъ котораго нѣтъ уже спасенія. Послы были немедленно отправлены къ Сципіону, который предложилъ имъ слѣдующія мирныя условія: Карѳагеняне должны впредь ограничиваться одною Африкою; выдать всѣ свои военные корабли, за исключеніемъ десяти триремъ, а также своихъ слоновъ; не начинать войны безъ согласія Рима; возвратить Масиниссѣ всѣ его владѣнія; выплатить Риму, въ пятьдесятъ лѣтъ, десять тысячъ талантовъ за военныя издержки (ежегодно по двѣ тысячи талантовъ), и выдать всѣхъ римскихъ переметчиковъ и плѣнныхъ. — Этотъ миръ не только обезпечивалъ за Римлянами господство на морѣ, налагалъ на Карѳагенянъ дѣйствительную дань, и совершенно разрушалъ ихъ владычество,

но, въ то же время, долженъ былъ впредь препятствовать новому развитію этого владычества, и всю безопасность Карѳагена приводилъ въ зависимость отъ Рима. Сколь ни тяжки были сіи условія, Аннибалъ былъ твердо убѣжденъ, что отъ принятія ихъ зависитъ дальнѣйшее существованіе государства, и когда Гисконъ, въ народномъ собраніи, сталъ говорить противъ мира, онъ столкнулъ его съ ораторскаго мѣста собственною своею рукою. Римскіе и карѳагенскіе послы поспѣшили, съ сими условіями, въ Римъ, чтобы представить ихъ на утвержденіе народа и сената. Все предложенное Сципіономъ было принято, и когда консулъ Кн. Корнелій Лентулъ, только что вступившій въ сіе званіе (201), потребовалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, чтобы Африка была предоставлена его вѣдомству, все народное собраніе объявило единогласно, что Сципіонъ долженъ заключить миръ, и привести обратно побѣдоносное войско.

По возвращеніи пословъ, немедленно приступили къ исполненію мирныхъ условій, выдачею флота, римскихъ переметчиковъ и плѣнныхъ. Военные корабли *) были сожжены въ открытомъ морѣ, въ виду несчастныхъ Карѳагенянъ. Предъ собраннымъ въ строю войскомъ, Сципіонъ подарилъ Масиниссѣ, въ добавокъ къ его царству, владѣнія, отнятыя Римлянами у Сифакса. Это должно было послужить разительнымъ примѣромъ, сколь великодушно Римляне умѣютъ награждать своихъ друзей. Потомъ побѣдитель возвратился, съ своимъ войскомъ, въ Италію. На всемъ пути, до самаго Рима, народъ толпами выходилъ навстрѣчу герою, и онъ вступилъ въ столицу въ блистательнѣйшемъ тріумфѣ, украшенный славою побѣдителя самаго гордаго и опаснаго соперника своего отечества. Онъ обогатилъ казну 123,000 фунтами серебра. Воины его были награждены значительными суммами изъ добычи и землями. Но въ назначеніи награды полководцу, благодарность народа равнялась опас-

*) Ливій пишетъ, что, *по словамъ нѣкоторыхъ*, были сожжены пятьсотъ кораблей, и этимъ выраженіемъ заставляетъ сомнѣваться, чтобы Карѳагенъ обладалъ еще тогда столь великою морскою силою.

ности, отъ которой онъ спасъ государство. Статуи его были воздвигнуты на форумѣ, въ собраніи курій и внутри храма Юпитера Капитолинскаго; память его побѣды увѣковѣчена даннымъ ему прозваніемъ Африканскаго, первымъ, которое получилъ Римлянинъ отъ позорища своихъ побѣдъ. Этого мало: народъ какъ бы дарилъ ему спасенную имъ республику, желая назначить его пожизненнымъ консуломъ и постояннымъ диктаторомъ. Но изъ всего этого, скромный Сципіонъ принялъ только почетное прозваніе. Доколѣ существовали такіе мужи и такія правила, благоденствіе возрастающей республики не было подвержено опасности. Но когда, спустя столѣтіе, полководцы стали силою требовать того, чего имъ не предлагали, предъ нею раскрылась бездна честолюбія, въ которой она должна была неминуемо погибнуть. Въ это время, могущественнѣйшая соперница лежала у ногъ Рима, но Италія была также чрезвычайно опустошена, и лишилась своего прежняго блеска. Она уже никогда не достигала того благосостоянія и не имѣла столь значительнаго народонаселенія, какъ предъ войною съ Аннибаломъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Тетрадь ученика IV
класса № 1

